

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА :
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 12 2017 (декабрь)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

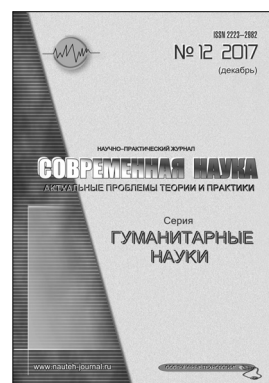
Редакционный совет

- В.Л. Степанов – д.и.н., профессор, Институт экономики РАН
 Ю.Б. Миндлин – к.э.н., доцент, МГАВМиБ им. К.И. Скрябина
 П.В. Акульшин – д.и.н., проф., РГУ им. С.А. Есенина
 Э.Н. Алиева – д.филол.н., доцент, независимый эксперт
 А.Ю. Ватлин – д.и.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 Г.И. Воронина – д.п.н., проф., Гуманитарно–социальный институт
 Е.Е. Вяземский – д.п.н., проф., МПГУ
 Н.А. Герасименко – д.филол.н., проф., МГОУ
 Е.Б. Евладова – д.п.н., г.н.с., ИИДСВ РАО
 А.Э. Котов – д.и.н., доцент, С–Петербургский ГУ
 С.К. Лебедев – д.и.н., С–Петербургский институт истории РАН
 П.В. Лизунов – д.и.н., проф., Сев. (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова
 А.П. Миньяр–Белоручева – д. филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 М.В. Михайлова – д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 Я.М. Нейматов – д.п.н., проф., Президент фонда развития инновационных технологий РФ
 Н.О. Осипова – д. филол.н., проф., Московский гум. университет
 В.В. Петрусинский – д.п.н., проф., РАНХ и ГС при Президенте РФ
 Т.А. Печенёва – д.п.н., Белорусский ГУ
 Н.Л. Пушкарева – д.и.н., проф., Институт этнологии и антропологии РАН
 А.Н. Рыжов – д.п.н., проф., МПГУ
 А.И. Савостьянов – д.п.н., проф., МПГУ
 А.С. Сенявский – д.и.н., г.н.с., Институт российской истории РАН, рук. Центра "Россия, СССР в истории XX века"
 М.Ю. Сидорова – д.филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 А.М. Сморгчов – д.и.н., проф., РГГУ
 О.Ю. Стрелова – д.п.н., проф., Хабаровский краевой институт развития образования
 В.И. Тюпа – д. филол.н., проф., Институт филол. и истории РГГУ
 Н.М. Щедрина – д. филол.н., проф., МГОУ
 С.Н. Ханбалаева – д. филол.н., преподаватель, МГИМО МИД РФ
 Н.В. Юдина – д. филол.н., проф., ректор Владимирского филиала Финансового университета при Правительстве РФ

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
 109443, Москва, Волгоградский пр–т, 116–1–10
 Тел/ факс: 8(495) 755–1913
 e–mail: redaktor@nauteh.ru
 http: // www.nauteh–journal.ru
 http: // www.vipstd.ru

Scientific and practical journal

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
 Свидетельство о регистрации
 ПИ № ФС 77–44913 от 04.05.2011 г.

Журнал издается с 2011 года

Редакция:

Главный редактор

В.Л. Степанов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

VIP Studio ИНФО (www.vipstd.ru)

Подписной индекс издания
 в каталоге агентства «Пресса России» – 80015

В течение года можно произвести
 подписку на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей

несут полную ответственность за точность
 приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
 «Современная наука: актуальные проблемы
 теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ–ПРИНТ»

тел./ факс: (495) 973–8296

Подписано в печать 22.12.2017 г.

Формат 84x108 1/16

Печать цифровая

Заказ № 0000

Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

ИСТОРИЯ

- Е.А. Александров** – Смысл и ценности аграрной России: исторический аспект
E. Aleksandrov – The meaning and value of agrarian Russia: the historical aspect 5
- Н.И. Горская, А.К. Лаптев** – Начало Первой мировой войны в Смоленской губернии: смоленский губернатор Д.Д. Кобеко
N. Gorskaya, A. Laptev – The beginning of the First World War in Smolensk province: Smolensk Governor D.D. Kobeko 9
- Р.М. Зябиров** – Некоторые особенности просвещения инородческого населения Казанской губернии во второй половине XIX в.
R. Zyabirov – Some peculiarities of education of the inorodic population of Kazan government in the second half of the XIX century 14
- А.М. Исмаилов, А.М. Кураев, А.В. Стешин, А.С. Кондуров** – Историография русскоязычного книгоиздания в Республике Узбекистан (к постановке проблемы)
A. Ismailov, A. Kuraev, A. Steshin, A. Kondurov – Historiography of Russian adequate books in the Republic of Uzbekistan (to the statement of the problem) 17
- О.А. Кошкина** – Экономика Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)
O. Koshkina – The Economy of the Mari ASSR during the Great Patriotic War (1941–1945) 20
- Е.Н. Крякин** – Национальная политика Российской Империи в западных регионах и программы национальных политических партий в кон. XIX – перв. четв. XX вв.
E. Kryakin – National policy of Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries and programmes of national-political parties 23
- И.А. Паврова** – Спецпереселенцы, как источник детской беспризорности в 30–е годы XX века (На примере Урала)
I. Pavrova – The settlers, as a source of child neglect in the 30–ies of the XX century (On example of the Urals) 27
- Д.И. Люкшин, М.А. Галеева** – Формат идентичности в конфликтных коммуникациях начала XX века в Казанской губернии
D. Luykshin, M. Galeeva – The format of identity in conflict communications at the beginning of the XX century in the Kazan gubernia 31
- А.В. Македонский** – Деятельность культурно-просветительных учреждений РККА во время военных конфликтов на Дальнем Востоке (1938–1939 гг.)
A. Makedonsky – Activities of cultural and educational institutions of the Red Army during the military conflicts in the Far East (1938–1939) 36
- А.Х. Мухаметдинова** – Историко-географическая характеристика Бугульминского уезда в XVIII–XIX вв.
A. Mukhametdinova – Historical and geographical characteristics of the Bugulma district in the XVIII–XIX centuries 40
- А.Х. Мухаметдинова, С.В. Недобежкин** – Бугульминский край в XVII–XVIII вв.: предпосылки освоения земель и особенности становления уезда
A. Mukhametdinova, S. Nedobezhkin – Bugulma region in the XVII–XVIII centuries: the preconditions for the development of the territory and the peculiarities of formation of the county 44

- К.О. Мухлаев** – Проблемы становления правых партий России в начале XX в.
K. Muchlaev – The problems of the formation of right-wing parties of Russia in the early 20th century 48
- Г.Г. Нагиев** – Города Азербайджана и их укрепления во второй половине VIII – X вв.
G. Nagiyev – Cities of Azerbaijan and their fortification in the second half VIII – X centuries 52
- Д.А. Николаев, И.А. Хвостова** – Инспекторский смотр обмундирования и снаряжения нижегородского ополчения в ноябре 1812 г.
D. Nikolaev, I. Khvostova – Inspector's examination of uniforms & equipment of the Nizhny Novgorod militia in November 1812 . 58
- В.Н. Рогатин, Р.А. Набиев** – Мормоны-миссионеры за рубежом: правила поведения в религиозных предписаниях
V. Rogatin, R. Nabiev – Mormon missionaries being abroad. Rules of behavior are in religious orders (instructions) 62
- О.С. Стефаненко** – История становления высших педагогических учреждений на Дальнем Востоке России
O. Stefanenko – History of development of higher pedagogical institutions in the Russian Far East 66
- В.Г. Суворов** – Каноны Халкидонского Собора как обоснование прав Константинопольского Престола на диаспору в русской православной традиции 20 – нач. 21 в.
V. Suvorov – The canons of the Council of Chalcedon as a justification of the rights of the Constantinople See to the Diaspora in the Russian Orthodox tradition 20 – early 21 century 69
- Д.И. Тушканов** – Отражение процессов сферы образования саратовской губернии в местной периодической печати в начале XX века
D. Tushkanov – The reflection of the processes of education of the saratov province in the local periodical press in the early twentieth century 75
- А.В. Филиппова** – Строительство и ремонт военных кораблей хабаровским судостроительным и механическим заводом имени С.М. Кирова (1940–1945)
A. Filippova – Construction and repair of warships Khabarovsk shipbuilding and mechanical plant named after S.M. Kirov (1940–1945) 79
- В.В. Филиппова** – Эвены Березовки в условиях наводнений: из опыта седентеризации
V. Filippova – The evens of Berезovka village in terms of floods: the experience of moving to settled way of life 84
- Хуан Тинтин** – Преподавание русского языка в ВУЗах Северо-Востока Китая в 70–80–е годы XX века: опыт и проблемы
Huang Tinting – Teaching Russian language in the universities of the northeast of china in the 70–80th of the XX century: experience and problems 89
- Д.Г. Янченко, Г.М. Слободзян** – Колонизация русского Дальнего Востока в правительственной политике в 1909–1911 гг.
D. Yanchenko, G. Slobodzyan – Colonization of the Russian Far East in the government policy in 1909–1911 93

ПЕДАГОГИКА

А.С. Анчук – Обучение основам безопасности жизнедеятельности учащихся начальных и средних классов образовательных учреждений Китайской Народной Республики
A. Anchukov – Training in basics of life safety of pupils of initial and middle school of educational institutions People's Republic of China107

С.В. Анчук, Ван Е – Художественное образование в эпоху мультимедийных технологий
S. Anchukov, Wang Ye – Art education during the era of multimedia technologies115

Ю.З. Богданова – Аудиовизуальные технологии в процессе обучения иностранным языкам
Yu. Bogdanova – Audiovisual technology in the process of teaching foreign languages120

Н.В. Егорова – Использование компенсаторных механизмов коррекции речи в работе с детьми с тяжёлыми речевыми нарушениями
N. Yegorova – Use of compensatory mechanisms of speech correction for child training in case of severe speech disorder 123

О.А. Еськина – Закономерности и принципы совершенствования военно-профессиональной подготовки курсантов военных технических ВУЗов на основе формирования межкультурной коммуникативной компетенции
O. Ekskina – Principles and principles of improving military-professional training of military technical university cursors on the basis of formation of intercultural communicative competence127

А.М. Ионова – Формирование компетенции гражданственности на ранних этапах обучения иностранному языку для специальных целей
A. Ionova – The forming of competencies of citizenship in the early stages of learning a foreign language for special purposes ...130

И.А. Левицкая – Моделирование профессионально-личностной позиции будущего специалиста в условиях формирования системы профессиональных стандартов
I. Levitskaya – Modeling of the professional-personal position of the future specialist in the conditions of forming the system of professional standards134

В.В. Лунев, Т.А. Лунева, И.В. Дрыгина, Н.С. Ливак – Постиндустриальное образование: нелинейность и самоорганизация
V. Lunev, T. Luneva, I. Drygina, N. Livak – Post-industrial education: nonlinearity and self-organization139

О.О. Омаров, Н.А. Омарова, Е.В. Иванова – Разработка стратегических направлений развития ит-службы в высших учебных заведениях
O. Omarov, N. Omarova, E. Ivanova – The creation of strategic directions of development of it services in higher education ...143

О.М. Потапова, Т.А. Баева, К.И. Кубачева – Технология отбора текстового материала при обучении профессионально-ориентированному английскому языку в медицинском ВУЗ-е
O. Potapova, T. Baeva, K. Kubacheva – Selection of educational texts for teaching ESP in medical university148

Р.А. Прокопенко – Проблемы формирования управленческой компетентности курсантов в военной образовательной организации (анализ и интерпретация результатов анкеты "Роль управленческой компетентности в личностно-профессиональном развитии курсанта")
R. Prokopenko – Problems of forming the administrative competence of the courses in the military school (analysis and interpretation of the results of the questionnaire "The role of administrative competence in the personal and professional development of the cadet")152

Р.А. Прокопенко – Проблемы формирования управленческой компетентности курсантов в военной образовательной организации (анализ и интерпретация результатов анкеты "Роль управленческой компетентности в личностно-профессиональном развитии курсанта")
R. Prokopenko – Problems of forming the administrative competence of the courses in the military school (analysis and interpretation of the results of the questionnaire "The role of administrative competence in the personal and professional development of the cadet")152

А.А. Романчук, А.Н. Ростовцев, Т.В. Мышкекоп – Метапредметная компетентность как индикатор творческих способностей ученика
A. Romanchuk, A. Rostovtsev, T. Myshekop – Interdisciplinary competence as an indicator of creative abilities159

А.А. Романчук, А.Н. Ростовцев, Т.В. Мышкекоп – Метапредметная компетентность как индикатор творческих способностей ученика
A. Romanchuk, A. Rostovtsev, T. Myshekop – Interdisciplinary competence as an indicator of creative abilities159

С.И. Стащенко – Подходы к конструированию компетентностно-ориентированных заданий, диагностирующих личностные результаты образования
S. Stashenko – Approaches to the construction competency-oriented tasks for diagnosis of personal results of education .163

С.И. Стащенко – Подходы к конструированию компетентностно-ориентированных заданий, диагностирующих личностные результаты образования
S. Stashenko – Approaches to the construction competency-oriented tasks for diagnosis of personal results of education .163

А.В. Торшина – Генетический подход к изучению клубной деятельности подростков в истории педагогики
A. Torshina – The genetic approach to the study the clubs activities of the adolescents in the history of pedagogy167

Хуан Дунцин – Аудирование на начальном этапе подготовки китайских русскоговорящих специалистов
Huang Dongjing – Listening comprehension at the initial stage of training Chinese Russian speaking specialists173

Ю.С. Шепелева, Д.В. Рахинский, А.И. Бакшеев, М.П. Яценко – Перспективы развития системы образования в Российской Федерации
Yu. Shepeleva, D. Rakhinskiy, A. Baksheev, M. Yatsenko – The prospects of development of an education system in Russian Federration178

Е.В. Шилина – Использование средств и методов художественной гимнастики на уроках физической культуры в младшем школьном возрасте
E. Shilina – The use of means and methods of artistic gymnastics in physical education lessons in the junior school age185

О.В. Шиманский, Е.Ю. Колганова, И.И. Журина, Т.В. Голушко, Е.М. Андропова, И.В. Кутын – Создание конкурентоспособного туристского продукта спортивно-оздоровительной направленности для студентов имеющих отклонения в состоянии здоровья в рамках импортозамещения
O. Shimansky, E. Kolganova, I. Zhurina, T. Golushko, E. Andropova, I. Kutyn – Creation of the competitive tourist product of sports orientation for the students having deviations in the state of health within import substitution188

С.М. Шмуклер – Проблемы формирования профессиональной компетентности педагога-музыканта
S. Shmukler – Problems of formation of professional competence of the teacher-musician193

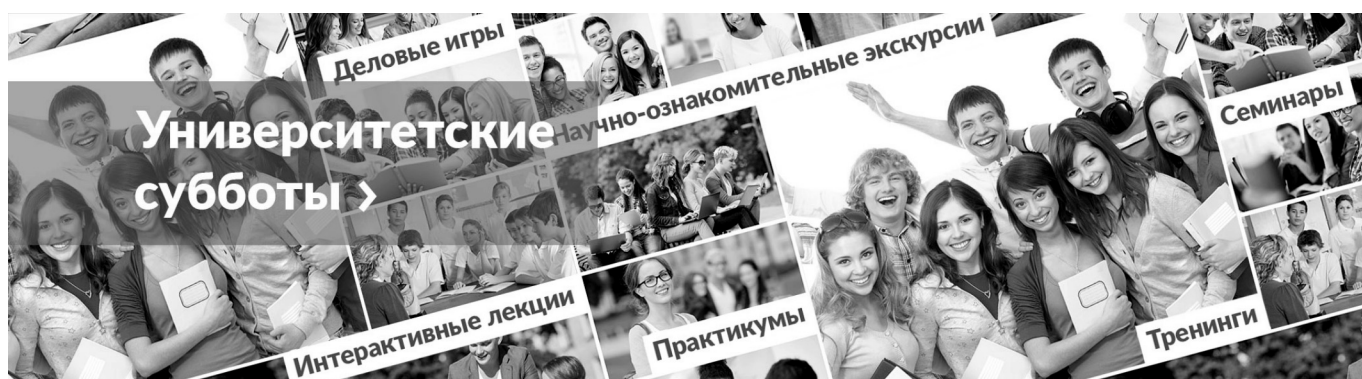
ФИЛОЛОГИЯ

Д.В. Арустамян – Речевой этикет
D. Arustamyan – Speech etiquette197

А. Багиров – Московский азербайджанский тюрколог Акбер Бабаев – исследователь турецкой литературы
A. Bagirov – Muscovite Azerbaijanian turkologist Akber Babayev – researcher of Turkish literature201

Ван Дань – Бизнес-презентация как жанр делового общения
Wang Dan – Business presentation as a genre of business communication204

М.А. Воронкина – Антропологическое измерение жертвенного ритуала в дискурсе человека мифопоэтической эпохи
M. Voronkina – Anthropological dimension of sacrificial ritual in discourse of man of mythopoetic epoch208

Е.В. Гилева – К вопросу о жанровом архетипе В.С. Высоцкого
E. Gileva – The issue of genre and the archetype
 of V. S. Vysotsky211

Ю.А. Гурьянова-Гречко – Заимствования в современной русской лексической синонимике: прилагательное толерантный (на материале словарей русского языка)
Yu. Guryanova-Grechko – Loans in modern Russian lexical synonymy: an adjective tolerant (on material of dictionaries of Russian)216

С.В. Десятская – Понятийная связь категории интенсивности с категориями эмоциональности и экспрессивности
S. Desyatskaya – The conceptual connection of the category of intensification with the categories of emotiveness and impressiveness220

А.А. Зайцева – Особенности адаптации художественного английского текста
A. Zaitseva – Key principles of English fiction texts' adaptation223

А.С. Киндеркнехт – Проблемные аспекты деятельности переводчика в уголовном процессе: взгляд лингвиста
A. Kinderknekht – Problematic aspects of the translator's activity in criminal process: the consideration of a linguist228

И.М. Митриев – Вербальная репрезентация концепта улыбка в русской и калмыцкой лингвокультурах
I. Mitriev – Verbal representation of the concept of the smile in Russian and peaceful cultures234

И.В. Палашевская, М.С. Зубкова – Аксиогенность дискурса социальной рекламы (на материале англоязычных рекламных плакатов)
I. Palashevskaya, M. Zubkova – Axiogeneity of public interest advertising discourse (on the material of social issue ad posters, produced in English)239

В.Г. Семенова – Художественные особенности очерка Афанасия Уваровского "Воспоминания"
V. Semenova – Artistic features of an essay "Memoirs" by Afanasy Uvarovsky243

Е.Ю. Сидорова – Парадигма личных форм глагола в русской разговорной речи
E. Sidorova – The paradigm of the personal forms of the verb in Russian colloquial speech247

У Мэн – Концептуальный анализ лексемы "хлеб" в языковой картине русского народа (на материале толковых словарей)
Wu Meng – Conceptual analysis of the lexeme "bread" in the language picture of the Russians (on the material of explanatory dictionaries)252

И.А. Федорова – Названия станций метро в ономастическом пространстве города
I. Fedorova – Names of subway stations in the onomastic space of city258

С.А. Чеканова – Роль стереотипов в межкультурном общении
S. Chekanova – The role of stereotypes in cross-cultural communication263

Чжэн Цяньминь, В.М. Шаклеин – Об использовании русских глагольных форм в интерязыке китайских учащихся
Zheng Qianmin, V. Shaklein – About the use of Russian verbal forms in Chinese learners' interlanguage266

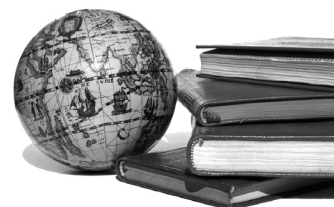
З.Н. Чукуева – Художественно-образительные особенности хроникальной отечественной и северокавказской литературы нового времени
Z. Chukueva – Artistic and pictorial features of the chronicle of modern Russian and North Caucasian literature271

Ян Лиюнь – Экспликация в художественном переводе
Yang Liyun – Explication in literary translation275

ИНФОРМАЦИЯ

Наши Авторы / Our Authors281

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале284

№ 12 2017 (декабрь)

CONTENTS

СМЫСЛ И ЦЕННОСТИ АГРАРНОЙ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

THE MEANING AND VALUE OF AGRARIAN RUSSIA: THE HISTORICAL ASPECT

E. Aleksandrov

Annotation

The article presents a historical study, whose purpose – to reveal the main problems in the functioning of the peasant communities in the Russian Empire. The article reflects the debatable issue in the scientific community about the benefits or harm of serfdom. It reflects the position of scholars such as S. M. Solovev, V. O. Klyuchevsky, N. A. Berdyaev, P. I. Smirnov, A. N. Polyakov, Karl Marx. Special attention is drawn to the problems of implementation of the peasant reform. Using statistics, highlighting the plight of the peasantry and the problems associated with the release of this situation.

Keywords: peasant community, serfdom, peasant reform, revolution of 1905–1907 years, revolution of 1917.

Александров Евгений Александрович
Аспирант, Российский
государственный социальный
университет, г. Москва

Аннотация

Статья представляет собой историческое исследование, цель которого – раскрыть основные проблемы функционирования крестьянской общины в Российской империи. В статье отражена дискуссионность в научном сообществе вопроса о пользе или вреде крепостного права. Отражены позиции таких ученых, как С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Н. А. Бердяев, П. И. Смирнов, А. Н. Поляков, К. Маркс. Отдельное внимание обращается на проблемы реализации крестьянской реформы. Используя статистические данные, подчеркивается тяжелое положение крестьянства и проблемы, связанные с выходом из сложившегося положения.

Ключевые слова:

Крестьянская община, крепостное право, крестьянская реформа, революция 1905–1907 гг., революция 1917 г.

Традиционный взгляд на исторический процесс строится на представлении о линейном характере научного прогресса. Линейные представления о прошлом в ряде случаев упрощают ход развития России. Сужается спектр возможных состояний и путей развития системы, недооценивается роль маргиналий. Упускаются из виду тенденции регресса, вырождения составляющих частей, а также возвраты к старому, к забытым и полузабытым традициям.

Роль научных дискуссий и многовариантность научных оценок исторического прошлого России хорошо просматривается при обсуждении такой устоявшейся проблемы, как крепостное право и русская сельская община.

Россия, как социальная система, представляла собой парадоксальное явление. С одной стороны, Россия начала борьбу с Золотой ордой в конце XIV в. и к концу XVIII в. превратилась в одну из сильнейших стран Европы. С другой стороны, экономическая динамика государства определялась достаточно упрощенным укладом трудовой и социальной жизни крестьян. Особенности российского общества заключались в неких компенсационных механизмах, заложенных в социальную и политическую структуру, позволявших России в конкретных природно-географических условиях двигаться по пути прогресса, пусть и сравнительно медленно.

Изучение прошлого, когда выделяется главное на длинном и сложном пути развития и отмечается многое из второстепенного, по-новому ставит вопрос о давно, казалось бы, решенных проблемах. Такой по-новому звучащей проблемой является крепостное право и его роль в истории России.

Общепринятым мнением являлась оценка крепостного права как безусловного зла, анахронизма, как явления, препятствовавшего нормальному развитию страны. Основоположником данной концепции стал С. М. Соловьев, полагавший, что закрепощение крестьян явилось результатом борьбы за рабочие руки "между помещиками и вотчинниками" [1].

В конце XIX в. в науке главенствовала теория В. О. Ключевского. Ее суть заключалась в установлении крепостного состояния как прикрепления к личности помещика, тем самым центр тяжести переносился на экономические отношения крестьянина и помещика. Большая территория России, тяжелые природно-климатические условия являлись усложняющими обстоятельствами решения российских проблем. В. О. Ключевский писал о буржуазных реформах второй половины XIX в. следующее: "любясь, как реформа преображала русскую старину, не доглядели, как русская старина преображала реформу" [2, с. 35].

В нестандартных условиях России важнейшим вопросом является адаптация выбранной модели для преобразования страны, чтобы сохранить ее эффективность для российской действительности. В дальнейшем данная концепция широко использовалась советской исторической наукой. Со временем внимание ученых стало сосредотачиваться на тех моментах, без учета которых невозможно оценить сам этот институт: по какой причине он возник, в чем причина такого долгого существования, почему отдельные его пережитки не исчезли вплоть до наших дней?

Интересна точка зрения ряда отечественных историков, доказывающих, что крепостное право являлось важнейшим элементом жизнестойкости в России в течение веков. Ключевым событием в научной жизни страны явилось издание научных работ Л. В. Милова и П. С. Смирнова, в которых впервые собран и изучен огромный материал об изучении влияния общины на жизнь русского крестьянина в течение веков.

Особенностью российского цивилизационного образа жизни являлось одновременное сосуществование сословно-служебного стержня государственной системы с встроеной в него крестьянской общины. Существовавшая на протяжении столетий как "огромное мужицкое царство", крестьянская община складывалась на базе общинного землепользования, имела свои фундаментальные ценности, которые не отпускают из своего влияния и современную Россию [3].

Согласно П. И. Смирнову, фактически история русского крестьянства на протяжении веков связана с развитием общины на Руси. Древнерусская ветвь, средневековая волость существовали на основе принципа самоуправления. Община избирала старост, сотских, пятидесятских, десятских, которые были призваны руководить общественной жизнью, следить за состоянием общественных угодий. Община-волость была непосредственно связана с государственными институтами власти. В XVI в. крестьянская община, подчиняясь воле своих помещиков-владельцев, постепенно теряла свои хозяйственные и управленческие функции. После реформ 1860-х гг. правительство признало общины субъектами действовавшего права, предотвратив развитие частной крестьянской земельной собственности. Община устанавливала все более полный контроль над конкретными направлениями крестьянской жизни [4, с. 156]. В этой связи показательно донесение в июне 1869 г. в III отделение помощника начальника воронежского губернского жандармского управления по Острогожскому уезду: "крестьяне стали прибегать к помощи различных адвокатов и предлагать им от имени целых обществ огромные вознаграждения, доходящие иногда до 20 тыс. руб. серебром" [5].

Термин "крепощение" обозначал в России явление более широкое, чем взаимоотношения по линии "помещик – крестьянин". В ходе реформ Петра I крепостными стало все слои населения России: от дворянства до крестьян. Исключение составили лишь император и патриарх. Крепостное право действовало на трех уровнях: частное крепостничество, государственное крепостное право и общинный уровень крепостнических отношений. Община имела над личностью крестьянина и посадского человека XVIII – начала XX вв. даже большую власть, чем государство и помещики.

Крепостное право явилось проявлением авторитарной парадигмы, авторитарного менталитета, авторитарного сознания. Отмена крепостного права проходила в несколько этапов: сначала было отменено частновладельческое право, потом государственное и, в конечном итоге, общинное. Освобождение человека от крепостного права представляло собой процесс длительный и сложный.

Формирование российского социума происходило в условиях, когда основой экономических связей внутри социума были условия владения землей. Как писал А. Н. Поляков, "отношения между землевладельцами зависели от того, кому принадлежало верховное право на землю" [6, с. 185]. В XVIII – начале XX вв. почти все крестьянство Европейской России проживало в составе социальной организации, которая называлась крестьянами "миром", образованными людьми – "общиной", "сельской общиной", администрацией – "поземельной общиной". С 1860 г. социальная организация крестьянства стала называться "сельским обществом". В отношении общины невозможны были незаконные действия: нельзя было обманывать людей, с которыми человек проживал. Крестьянин не мог покинуть общину, не мог заниматься отходничеством, любыми промыслами без одобрения общины, так как был связан с ней круговой порукой. В рамках общины существовал принудительный севооборот и общинные формы собственности. Достаточно велики были административные права общины и общинного схода, решения которого были обязательными для крестьянина.

Развитие крепостничества в России происходило в условиях крупного землевладения, сильной социальной поляризации, кастовости, принявшей форму сословности, высокой концентрации богатства. В 1857 г. 22,5% дворян, имевших 100 и более душ, владели 80,5% всех крепостных [7, с. 45].

Низкая стоимость труда делала невыгодным применение сельскохозяйственной техники. Дворяне часто не использовали молотилки, поскольку крепостным женщинам было бы тогда нечего делать. Наиболее остро

данная проблема проявилась после отмена крепостного права. Так, 5 июня 1861 г. жандармский офицер писал в III отделение из Курской губернии, что господские запашки "без помощи вольнонаемного труда убраны быть не могут", прежде всего, из-за преобладающего между крестьянами "нерасположения к прежним владельцам" [8].

Со второй половины XVIII в. постепенно отменялись препятствия экономической деятельности крестьян, в том числе и крепостных. В XIX в. они получили право торговать, заводить фабрики. Некоторые в обход закона покупали землю. Крупные капиталисты из крестьян получали купеческие права 1-ой или 2-ой гильдии. Именно крестьяне-обручники стали основателями национальной текстильной промышленности.

В середине XIX в. в России крепостными, то есть принадлежавшими помещикам, была половина крестьянства, или треть всего населения (32,4% в 1858 г.). Другая часть крестьян – государственные, тоже была несвободной, подчиненной чиновникам. В целом зависимое крестьянство составляло в 1857 г. свыше 80% населения страны. Важно отметить, что накануне крестьянской реформы крепостное помещичье хозяйство было заметно расстроено в связи с массовыми залогами крестьян и поместий в кредитные учреждения. Так, в 1796 г. было заложено 600 тыс. ревизских душ, в 1833 г. – 4,5 млн душ, затем, наряду с крепостными крестьянами, стали закладываться и сами имения [9]. В 1859 г. в залоге насчитывалось 44 тыс. дворянских имений и более 7 млн ревизских душ [9]. Долг за эти заложенные имения превышал 450 млн руб. Таким образом, из-за непоплатенных долгов в руках государства было сосредоточено две трети помещичьих имений и крепостных крестьян, что, по сути, формировало экономическую основу проведения реформ, направленных на отмену крепостного права [10].

Длительное сохранение крестьянского права привело к расколу российского общества на два разных мира с разными ценностями и представлениями о жизни – крестьянский, мужицкий, и остальной, что неизбежно вело к социальному конфликту.

Крепостное право сдерживало индустриализацию России, которая была не в состоянии соперничать с западными державами, что было отражено в Крымской войне 1853–1856 гг. Однако с отменой крепостничества принудительный труд не исчез, так как в России остался мощный государственный аппарат, появились новые формы принудительного труда. Российские крестьяне перешли от помещиков под власть государства, которому они сначала платили за землю, а в советский период превратились в работников колхозов и совхозов.

Крепостное право наложило печать на историю России XX в. Оно консервировало традиционализм крестьянства, лишая его права на частную собственность, не позволяя сформироваться гражданскому сознанию. Именно крестьяне, в первую очередь, бывшие крепостные, стали социальной базой Октябрьской революции 1917 г. Их наказания вошли в Декрет о земле. Советская власть почти на столетие сохранила традиционализм в России, культивируя коллективистские отношения и ценности.

После ожесточенных споров перед реформой 1861 г., посвященной судьбе сельской общины, она была сохранена: община осталась социальной организацией крестьянства. Появление и многовековое существование на Руси сельской общины не было случайным явлением. Если бы она не удовлетворяла интересам населения, не соответствовала его ментальности, она бы не имела такого продолжительного существования.

Во второй половине XIX в. усилилась распорядительная роль общины в управлении землей. Она сдерживала имущественное расслоение крестьянства: частые уравнительные переделы земли мешали ведению предпринимательского хозяйства. Увеличилась поляризация между традиционным сельским хозяйством и передовой промышленностью крупных городов. Позже лидеры Совета съездов представителей промышленности и торговли отмечали, что "в XX столетие Россия входит с непомерно возросшей обрабатывающей промышленностью, с крайне отсталым земледелием и с умерщвленной самодеятельностью широких народных масс" [11].

После революции 1905–1907 гг. правительство перешло от политики поддержки крестьянской общины и сдерживания имущественной дифференциации к политике разрушения общины и установления частной крестьянской собственности. Однако низкие темпы столыпинской реформы свидетельствовали об устойчивости общины. Даже к 1915 г. Общину покинуло только 2,5 млн домохозяев, то есть четверть всех общинных хозяйств. Если на Украине из общины вышло до 50% общинников, то в губерниях Черноземного центра – 27% дворов, в Нечерноземье – 14% [12]. Даже после Февральской революции крестьяне не были готовы отказаться от общины.

Современная научная точка зрения выделяет следующие причины устойчивости общины. Крестьянин в некоторой степени был социально защищен общиной. Добровольно отказаться от этой защиты обычному человеку было крайне трудно, даже если отказ от нее, в итоге, открывал для человека более широкие перспективы. В рамках сельской общины было признано определенное равенство ее членов.

Община объединяла людей, выросших вместе и объединенных совместной работой, могла прийти на помощь в трудные минуты жизни.

Жизнь в общине строилась на принципах совместного, коллективного труда, быта и отдыха.

Потребовалось длительное и мощное воздействие таких факторов, как рыночная среда вне общины, последовательная государственная политика, комплекс других факторов, чтобы подорвать, а затем и свести к уничтожению многие черты характера, ставшие национальными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев, С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. V. т. 9–10. История России с древнейших времен. – М.: Мысль, 1990. 718 с.
2. Ключевский, В.О. Памяти С. М. Соловьева. Соч., т. 8. Спб., 1884. 330 с.
3. Бердяев, Н.А. Духовные основы русской революции. – Париж: YMCA-Press, 1909. 250 с.
4. Смирнов, П.И. Слово о России. Беседы о российской цивилизации. – Спб.: Химиздат, 2004. 324 с.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. 1 эксп. 1869 г. Д. 5. Ч. 41. Л. 10.
6. Поляков, А.Н. История цивилизации в Древней Руси – Оренбург.: ООО ИПК "Университет", 2012. 544 с.
7. Троицкий, А.Г. Крепостное население в России по 10-й народной переписи. – Спб., 1861. 93 с.
8. ГАРФ. Ф. 109. 4 эксп. 1861 г. Д. 212. Л. 28.
9. ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 295. Л. 13.
10. ГАРФ. Ф. 1180. Оп. 15. Д. 132. Л. 24–27, 30–31, 32–34.
11. Российский государственный исторический архив. Ф. 32. Оп. 1. Д. 146. Л. 2.
12. Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1915 г. Спб., 1915. 146 с.

© Е.А. Александров, (evgenii.aleksand@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

НАЧАЛО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ: СМОЛЕНСКИЙ ГУБЕРНАТОР Д.Д. КОБЕКО

THE BEGINNING OF THE FIRST WORLD WAR IN SMOLENSK PROVINCE: SMOLENSK GOVERNOR D.D. KOBOKO

*N. Gorskaya
A. Laptsev*

Annotation

This article examines the activities of the Smolensk Governor D.D. Kobeko and his office at the beginning of the First World War, when the administrative authorities in the Smolensk Province were given new tasks dictated by the realities of wartime. The main attention is paid to the mobilization activities in the territory of the Smolensk province, the quartering and supply of troops, the organization of hospitals and infirmaries, the reception of wounded and sick soldiers and officers, the expulsion of foreign nationals, as well as the work to maintain public tranquility and combat the revolutionary and anti-war movement. The main attention of researchers is given to the role of the governor and his managerial decisions during wartime. Analysis of the activities of the Smolensk governor and his office allowed the authors to determine the specifics of administrative work in the front-line province, shifting the attention of the authorities from civil to military tasks. New problems and problems in the conditions of wartime are considered, as well as the methods used in the work that are necessary to solve the problems that have arisen.

Keywords: First World War; Smolensk Province; Governor; police; martial law; mobilization; expulsion of foreign nationals; supply of the army; 1914–1915

*Горская Наталья Ивановна
Д.и.н., профессор,
Смоленский государственный
университет
Лаптев Антон Константинович
Аспирант,
Смоленский государственный
университет*

Аннотация

В данной статье рассматривается деятельность Смоленского губернатора Д.Д. Кобеко и его канцелярии в начале Первой мировой войны, когда на административные власти в Смоленской губернии легли новые задачи, диктуемые реалиями военного времени. Главное внимание уделено вопросам мобилизационной деятельности на территории Смоленской губернии, расквартированию и снабжению войск, организации больниц и лазаретов, приему раненых и больных солдат и офицеров, высылке иностранных подданных, а также работе по поддержанию общественного спокойствия и борьбе с революционным и антивоенным движением. Главное внимание исследователей уделено роли губернатора и его управленческим решениям в период военного времени. Анализ деятельности смоленского губернатора и его канцелярии позволил авторам определить специфику управленческой работы на территории прифронтовой губернии, смещение внимания властей с гражданских на военные задачи. Рассматриваются новые задачи и проблемы в условиях военного времени, а также используемые в работе методы, необходимые для решения возникших задач.

Ключевые слова:

Первая мировая война; Смоленская губерния; губернатор; полиция; военное положение; мобилизация; высылка иностранных подданных; снабжение армии; 1914–1915.

В начале XX века полномочия и функции губернаторов существенно расширились в сторону усиления репрессивных мер и возможностей по наведению порядка и стабильности на территории подведомственных им губерний. Особое значение репрессивные функции губернатора получили в период революции 1905–1907 гг. и сразу после нее. В начале Первой мировой войны главными обязанностями губернаторов, в том числе и в Смоленской губернии, стало обеспечение нужд армии и фронта, проведение мобилизационных мероприятий. Вместе с тем географическое положение Смоленской губернии, ее центральное расположение на западном направлении, предопределило прифронтовой характер губернии. Поэтому с началом войны на территории губернии получили распространение два чрезвычайных

правовых режима: режим "чрезвычайной охраны", действовавший в девяти восточных уездах и режим "военного положения", введенный в трех западных уездах (Смоленском, Краснинском и Поречском) [11, Л.3; 19, С. 364].

Согласно этим положениям, произошло расширение административных и карательных полномочий губернаторов, и одновременно расширились их обязанности. Помимо мероприятий по мобилизации и снабжению армии, смоленский губернатор занимался германскими и австро-венгерскими подданными, жившими в пределах Смоленской губернии, беженцами, лазаретами, военнопленными и т.п. Все, что прямо или косвенно касалось войны, находилось в ведении губернатора. Губернатор,

оставаясь главой местной административной власти, как и в мирное время, отвечал за общее состояние дел в губернии: за снабжение населения продуктами, за состояние экономики, за борьбу с эпидемиями, за "тишину и порядок" и т.п.

Смоленская губерния на момент начала военных действий находилась под управлением губернатора Дмитрия Дмитриевича Кобеко. Родившийся в 1867 году, потомственный дворянин, Д.Д. Кобеко воспитывался в Александровском лицее. После окончания данного учебного заведения, он поступил на службу в Министерство внутренних дел. Находясь в подчинении губернатора Лифляндской губернии М.А. Зиновьева, Д.Д. Кобеко начинал свою службу в качестве помощника делопроизводителя. Продвигаясь по служебной лестнице, Кобеко вскоре был назначен чиновником особых поручений по крестьянским делам. В 1896 г. Он получил чин надворного советника и перешел на службу в хозяйственный департамент МВД. Следующим серьезным продвижением Д.Д. Кобеко по служебной лестнице являлось его назначение в управление по делам о воинской повинности министерства внутренних дел. В 1903 году он получил назначение в качестве чиновника особых поручений при министре внутренних дел [19, С. 362].

Дальнейшая работа в министерстве внутренних дел для Д.Д. Кобеко продолжилась в г. Казани, куда в 1905 г. он был назначен на должность вице-губернатора [21, Л. 3]. Находясь на этой должности, Д.Д. Кобеко чуть не стал жертвой террористической деятельности со стороны социалистов-революционеров. В 1907 г. Д.Д. Кобеко был назначен на должность губернатора Тульской губернии, а в 1909 г. ему был присвоен чин действительного статского советника. 31 декабря 1912 г. Д.Д. Кобеко был назначен на должность смоленского губернатора. Его первыми шагами на новой должности было принятие ряда мер по сохранению общественного порядка и спокойствия [5, Л.5]. Одним из значительных событий предвоенного времени для Смоленска являлось открытие 10 сентября 1913 г. памятника героям Отечественной войны 1812 г., на котором присутствовал император Николай II [18].

В первые дни войны одной из главных задач стали мобилизационные мероприятия, проводимые на территории губернии. Еще в 1910 г. в Смоленской губернии имелись серьезные проблемы с осуществлением плана по мобилизационным мероприятиям. Так, 12 июня 1910 г. управление МВД по делам о воинской повинности сообщало в канцелярию смоленского губернатора о возникновении трудностей в обустройстве и оборудовании сборных пунктов в уездах и городах Смоленской губернии. Причинами называлось отсутствие достаточных денежных средств, сложность организационных работ, недостаточность времени, отведенного для мобилизации

нижних чинов, отсутствие необходимых для оборудования сборных пунктов предметов (котлы, кухонная посуда, столовая мебель и пр.), а также завышенные, преувеличенные и, нередко, невыполнимые требования со стороны уездных воинских начальников [14, Л.7].

При проведении мобилизационных мероприятий губернатор Кобеко проявил себя с лучшей стороны, отдавая необходимые распоряжения и держа под контролем все мобилизационные мероприятия. При этом следует учитывать и факт начавшейся войны, которую население восприняло как освободительную и поддерживало мобилизацию. Жители губернии переживали настроение патриотического воодушевления, сопряженные с нарастающей тревогой.

30 июля 1914 г. в Смоленской губернии началась мобилизация нижних чинов запаса на действительную службу [22, С.1]. Губернатор дал соответствующие указания исправникам и другим "чинам", отвечающим за мобилизацию. Уже вечером 30 июля к Д.Д. Кобеко стали поступать донесения об успешных мобилизационных мероприятиях в уездах и всеобщем патриотическом подъеме у населения. Так, гжатский исправник Неклюдов докладывал смоленскому губернатору, что по инициативе городского управления Гжатска перед зданием городской управы были собраны офицеры воинских частей, расквартированных в городе: командир 13-го мортирного артиллерийского дивизиона, командиры батарей, все офицеры дивизиона, офицеры частей войск местного гарнизона. "При громадном стечении народа" и с "несмолкаемыми ура" был отслужен молебен по случаю выступления войск из Гжатска вследствие мобилизации [3, Л.56].

30 июля в соответствии с планом – "своевременно и без всяких недоразумений" – прошли мобилизационные мероприятия в Смоленском уезде. Смоленский уездный предводитель дворянства спешил доложить Д.Д. Кобеко об успешном выполнении поручения по мобилизации запасных чинов первоочередного призыва (проходивших службу в 1913, 1912 и 1911 гг.) и о поставках в войска лошадей и повозок с упряжью [2, Л.4]. В донесении смоленскому губернатору предводитель смоленского уездного дворянства отмечал особые заслуги в проведении мобилизационных мероприятий уездного исправника И.А. Подлущкого. Предводитель дворянства указывал на его "существенную роль" и "личное участие" в проводимых мероприятиях и просил Д.Д. Кобеко представить Подлущкого к награде за его труды вне очереди [2, Л.5].

Эффективность в организации мобилизационных мероприятий на территории Смоленской губернии подтверждают и сведения Смоленского губернского по воинской повинности присутствия. Так, за период с начала

военных действий, на территории Смоленской губернии было мобилизовано 74905 человек в число запасных батальонов и ратников ополчения [6, Л.418]. За данный период было мобилизовано в уездах, входящих в Петроградский военный округ: в Бельском уезде – 13106 чел., в Духовщинском – 8439 чел., Дорогобужском – 6958 чел., Сычевском – 5962 чел. В уездах, входящих в Московский военный округ: Вяземском – 1108 чел., Гжатском – 4354 чел., Ельнинском – 6078 чел., Рославльском – 9652 чел., Юхновском – 3052 чел. В уездах, входящих в Минский военный округ: Краснинском – 3810 чел., Смоленском – 6062 чел., Поречском – 6324 чел [6, Л. 419–421].

Успехи в мобилизации, прошедшей в Смоленской губернии, были отмечены и руководством страны. Так, 27 сентября 1914 г. министр внутренних дел Н.А. Маклаков в телеграмме на имя Д.Д. Кобеко указывал, что государь император "соизволил предоставить мне право в видах достойного поощрения высокополезной для государственной обороны, деятельности <...> внести ходатайства о награждении лиц, действительно оказавших заслуги делу блистательного в сем году выполнения мобилизации". В связи с этим Маклаков запрашивал у Кобеко перечень лиц, "оказавших действительно выдающиеся заслуги в мобилизации" для представления последних к государственным наградам [7, Л.12].

Известно, что губернатор Кобеко представил к государственной награде орденом Святого Станислава III степени начальника смоленского сыскного отделения С.Г. Моисеева. Губернатор писал в Министерство внутренних дел, что Моисеев проявил "особую энергию и распорядительность" в процессе мобилизации в 1914 г. Им была организована работа по пресечению скупки и спекуляций с военным имуществом, что позволило конфисковать у скупщиков воинское обмундирование и снаряжение на сумму свыше 15 000 рублей. Скупщики были привлечены к ответственности и понесли наказание по суду, а военное имущество было конфисковано и передано в действующую армию [8, Л.4.]. Этот факт вместе с тем говорит о том что, несмотря на военное время и патриотические настроения, находились люди, готовые "погреть руки" на войне.

После проведения мобилизации в армию на очередь встала задача оповещения населения о ходе военных действий на фронте. Эта работа была чрезвычайно важна для прифронтовой Смоленской губернии, через которую с самого начала войны двигались войсковые части, эшелоны с ранеными и беженцы. С середины августа 1914 г. на территории ряда уездов по личному согласию Д.Д. Кобеко начали издаваться военные бюллетени. Они издавались частными лицами путем перепечатки сообщений из центральной прессы. Так, 10 августа 1914 г. в канцелярию смоленского губернатора поступило про-

шение от мещанина Ивана Егоровича Бирюкова, который просил разрешения на издание ежедневного военного бюллетеня "Последние телеграммы с театра войны" [1, Л.25].

Одной из важнейших задач в военное время являлось снабжение действующей армии всем необходимым. Смоленская губерния, которая находилась в непосредственной близости от фронта, выступала в данном вопросе как передовой пункт снабжения войск. Организация этого процесса требовала особого внимания со стороны Д.Д. Кобеко, на которого были возложены обязанности по организации и контролю снабжения действующих войск. Начиная с начала августа 1914 г. Д.Д. Кобеко занимался организацией снабжения действующей армии теплой одеждой, а также обмундированием и снаряжением. Одним из первых распоряжений губернатора была реквизиция байковых одеял и "вольной одежды, составляющей обиход простонародья" у торговцев [19, С. 365]. Вместе с этим на территории Смоленской губернии разместились многочисленные мастерские, ориентированные на шитье сапог для армии, контролируемые лично губернатором. Уже с осени 1914 г. на данных предприятиях ежемесячно производилось более 11 тысяч пар обуви [19, С.366]. Помимо этого, остро стоял вопрос расквартирования и снабжения воинских частей на территории Смоленской губернии. К сентябрю 1914 г. только в Смоленске было размещено около 28 тысяч военных [16, Л.35, 119].

Неотъемлемыми спутниками начавшейся войны стала подозрительность и шпиономания, охватившая многих жителей губернии. В Смоленской губернии, как и на территории всех западных губерний, уже с первых дней войны начались мероприятия по высылке германских и австрийских подданных. Данное решение диктовалось страхом перед тем, что указанные лица могли тайно работать на противника и заниматься шпионской деятельностью на территории России. Реализация этих мероприятий на территории Смоленской губернии была возложена на губернатора Д.Д. Кобеко. Основанием для конкретных действий со стороны смоленского губернатора стало распоряжение министра внутренних дел о высылке германских и австрийских подданных от 8 августа 1914 года. В телеграмме смоленскому губернатору министр внутренних дел указывал, что все германские и австро-венгерские подданные, числящиеся на действительной военной службе, считались военнопленными и подлежали немедленному аресту. Помимо этого в разряд военнопленных попадали запасные чины, которые должны были быть высланы в Вятскую, Вологодскую и Оренбургскую губернии [12, Л. 1]. Вместе с этим и "любые иностранные подданные", которые были арестованы по подозрению в шпионаже, хотя и без веских доказательств, также подвергались высылке. Другие категории германских и австрийских подданных, которые находи-

лись на территории и были "вне всякого подозрения", попадали под усиленный контроль со стороны полиции и жандармерии [12, Л.2].

Это распоряжение было немедленно принято к исполнению. Так, 12 августа 1914 г. дорогобужский уездный исправник в секретной телеграмме смоленскому губернатору докладывал об аресте и высылке австрийских поданных Франца Карлова и Антона Каллаха, а также германского подданного Франца Романов Грюнвальда. Вышеуказанные лица были переданы уездному воинскому начальнику для отправления в Петербургскую крепость [9, Л.15]. Тем не менее, власти опасались, что австрийские и германские подданные, даже проявлявшие лояльность к России, могут сыграть роль "пятой колонны". В августе 1914 года последовало срочное распоряжение главного начальника Минского военного округа. В нем говорилось, что все австрийские и германские подданные на территории Смоленской губернии, которые внушали подозрение, должны были быть арестованы и "высланы за Волгу"; а лица, которые по возрасту попадали в категорию военнообязанных (мужское население в возрасте от 18 до 45 лет), приравнивались к военнопленным.

Исполнение данного распоряжения Д.Д. Кобеко возложил на полицию и Смоленское губернское жандармское управление [12, Л.21]. В соответствии с распоряжением министра внутренних дел, высылка военнопленных и приравненных к ним лиц с территории Смоленской губернии, осуществлялась через Москву по Александровской железной дороге. Она осуществлялась по строгим правилам военного времени, но с соблюдением санитарных норм – в "свободных составах, приспособленных вагонов" [12, Л.22].

Одной из важнейших задач для Д.Д. Кобеко являлась организация госпиталей и лазаретов на территории губернии. Близость к фронту требовала размещения большого количества лечебных учреждений для раненых нижних чинов, массово отправляемых на излечение в тыл. Уже 19 августа 1914 г. в канцелярию Смоленского губернатора поступило срочное донесение о том, что из Полоцка в Смоленск эвакуируются более шестисот раненых и больных. Начальник гарнизона г. Полоцка просил Д.Д. Кобеко срочно подготовить помещения для прибывающих солдат [10, Л.3].

Проблема с размещением раненых чувствовалась на всем западном направлении. Так, уже 4 сентября 1914 г. Главноуполномоченный "Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам" князь Г.Е. Львов указывал, что "западные губернии и Москва переполнены ранеными, готовы принять раненых не только в госпиталях, но также и в частных квартирах; обратитесь к населению с воззванием приготовить при-

нять легкораненых по домам" [13, Л.80]. В связи с этим Д.Д. Кобеко распорядился привлекать в качестве мест для размещения больниц учебные заведения. Так, 28 сентября 1914 г. в здании Смоленского реального училища был организован лазарет для раненых и больных нижних чинов, прибывающих с фронта [10, Л.16]. С этого времени на территории губернии стали открываться лазареты не только Всероссийского земского союза, но и других общественных и правительственных организаций, число которых к 1 ноября 1916 г. достигло 64 единиц [20, С.19].

Организация лазаретов и госпиталей была в центре внимания губернатора Д.Д. Кобеко. По этому вопросу он вел постоянную переписку с устроителями лечебных заведений и лично "инспектировал" лазареты, расположенные в губернском городе. Мероприятия по организации лечебных заведений позволили к октябрю 1914 г. разместить всех прибывших в Смоленскую губернию раненых и больных. При этом в госпиталях и лазаретах Смоленской губернии оставалось свободными 41 офицерское место и 286 мест для размещения нижних чинов, о чем Д.Д. Кобеко докладывал в Петроград Верховному начальнику санитарной и эвакуационной части. Но количество лиц, "находившихся на излечении", постоянно росло. Если на 10 октября 1914 года в Смоленске количество больных составляло 596 человек, то к 25 октября – 1320 человек; к 3 декабря – 1936 человек [4, Л.15]. Все это требовало постоянного внимания администрации к военным лазаретам и госпиталям.

Важную роль в процессе организации лечебных заведений сыграли и жители губернии, которые массово обращались в земские управы с предложениями о размещении раненых и больных в принадлежащих им помещениях. Д.Д. Кобеко поддержал предложение князя Львова об обращении к населению от имени ВЗС и Смоленского губернатора с просьбой о принятии на излечение легкораненых солдат и офицеров. Уже к середине сентября к смоленскому губернатору стали поступать предложения о передачи различных строений и помещений под санитарные нужды. Так, смоленский управляющий акцизными сборами губернии В. Озимов обратился к губернатору с предложением устройства больниц и лазаретов в восьми смоленских казенных винных складах [10, Л.9].

Вместе с этим и простые жители предлагали комнаты и подсобные помещения для размещения лазаретов. Так, жители станции Дорогобуж организовали 12 кроватей в помещении Дорогобужской сельской пожарной дружины [15, Л.15]. В имении Фомино Смоленского уезда под лазарет был отдан зимний дом с полным попечением над больными и ранеными [15, Л.1]. В имении Рожаново Смоленского уезда Л. Вонлярлярская организовала лазарет на восемь человек [15, Л.27].

Важнейшей задачей в условиях военного времени была задача сохранения правопорядка, недопущения антивоенной и антиправительственной пропаганды. Начиная с сентября 1914 г. штаб Минского военного округа был обеспокоен активизацией революционных элементов в поездах и эшелонах с войсками, проходящими через Смоленскую губернию. Так 11 сентября 1914 г. начальник штаба Минского военного округа сообщал начальнику гарнизона Смоленска, а также жандармскому управлению губернии о многочисленных фактах пропаганды со стороны пацифистических обществ и революционных организаций за счет метода рассылки корреспонденции, а именно газет и журналов среди эшелонов войск и раненых, проходящих через губернию [17, Л.37].

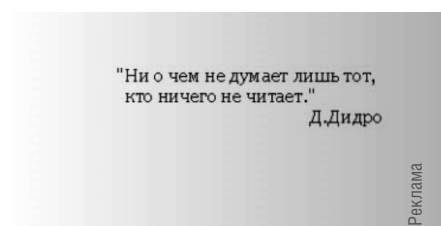
Д.Д. Кобеко покинул свой пост 24 октября 1914 г. по состоянию здоровья. Он скончался спустя всего три недели после своей отставки 14 ноября 1914 г. [19, С.365].

Таким образом, анализ некоторых сторон деятельности смоленского губернатора Д.Д. Кобеко в 1914 г. показывает, что в начале войны смоленская губернская администрация успешно решала задачи военного времени. В своей деятельности она опиралась на правительственные и общественные организации, а также на патриотические настроения населения, принимавшего участие в правительственных мероприятиях гуманитарного характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 133.
2. ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 148.
3. ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 152.
4. ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 405.
5. ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 41.
6. ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 117.
7. ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 148.
8. ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 62.
9. ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 703.
10. ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 719.
11. ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 413.
12. ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 481.
13. ГАСО. Ф. 2. Оп. 101. Д. 689.
14. ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 453.
15. ГАСО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 7.
16. ГАСО. Ф. 65. Оп. 5. Д. 1559.
17. ГАСО. Ф.1. Оп. 8. Д. 740.
18. Кононов В.А. К 90-летию открытия "Памятника с орлами" // Смоленская газета № 37. 2003. 18 сентября.
19. Кононов В.А. Смоленские губернаторы, 1711–1917. Смоленск, 2004.
20. Обзор деятельности по оказанию помощи больным и раненым воинам по Смоленской губернии. Выпуск 1. Смоленск, 1915.
21. РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 330.
22. Смоленский вестник. № 156. 1914. 30 июля.

© Н.И. Горская, А.К. Лаптев, (gorskaya-n@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОСВЕЩЕНИЯ ИНОРОДЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

SOME PECULIARITIES OF EDUCATION OF THE INORODIC POPULATION OF KAZAN GOVERNMENT IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

R. Zyabirov

Annotation

The author of the article analyzes the problems connected with the issues of education of the foreign population of the Kazan province in the middle of the 19th century, which began to occupy a special place in Russian national policy. Since 1850, the Russian government has begun to pursue an active policy to tighten supervision over the activities of Muslim educational institutions. Transformations in the system of public education of the 1860s. left an indelible mark not only on the Russian school, but also on the Muslim mektebas and madrassas of the Kazan region.

Keywords: education, education, supervision, public education system.

Зябиров Радик Мустафович

Ст. преподаватель,

Российский исламский институт,

г.Казань

Аннотация

В статье анализируются проблемы, связанные с вопросами образования инородческого населения Казанской губернии в середине XIX в., которые стали занимать особое место в российской национальной политике. С 1850 г. российское правительство начало проводить активную политику по усилению надзора за деятельностью мусульманскими учебными заведениями. Преобразования в системе народного просвещения 1860–х гг. оставили благоприятный прогрессивный отпечаток не только на русской школе, но и на мусульманских мектебах и медресе Казанского края.

Ключевые слова:

Образование, просвещение, надзор, система народного просвещения.

В направлении расширения влияния государства в области образования неправославного населения Казанская губерния к середине XIX в. занимала лидирующие позиции в рамках реализации имперской национально-просветительской политике. С 1850 г. российское правительство начало проводить активную политику надзора за деятельностью мусульманскими учебными заведениями. Преобразования в системе народного просвещения 1860–х гг. оставили неизгладимый отпечаток не только на русской школе, но и на мусульманских мектебах и медресе Казанского края.

К тому же в годы так называемых "либеральных буржуазных реформ" в связи с развитием джадидистских начал в мусульманских мектебах царское правительство еще больше оптимизировало работу своих административно-контрольных структур и предоставило им дополнительные функции по отношению татарских школ. Так, на основании решения Министерства Народного Просвещения Российской империи от 26 марта 1870 г. инспекторам народных учебных заведений губерний было велено тщательно контролировать мусульманские учебные заведения. 25 июля 1892 г. другим циркуляром этого же министерства были подтверждены ранее опубли-

кованные правила о надзоре за деятельностью мусульманских мектебах.

Деятельность мусульманского духовенства, которое руководило работой мусульманских школ, также отличалась рядом особенностей. Татарские религиозные деятели, несмотря на сложные материальные условия, полное отсутствие финансирования со стороны государства, предпринимали огромные усилия, чтобы сохранить высокий процент охвата мусульманского населения сетью медресе и мектебов, пытались оптимизировать их структуру, обеспечить эти школы необходимыми педагогическими кадрами и учебно-методической литературы. Передовые джадидские методы обучения наряду с другими общеобразовательными предметами и иностранными языками, ставили упор на преподавание русского языка, русской истории и культуры в татарских школах.

По инициативе Н.И. Ильминского в Казани, Симферополе, Ташкенте и во многих местах преимущественно мусульманского населения были открыты учительские школы, в которых подготавливались учителя для работы в русско-инородческих миссионерских школах. [1. С.97–98]. Главной целью этих нововведений была под-

готовка кадров, способных "служить хорошими проводниками новых понятий и полезных реформ". [2. С.376]. Подобным путем Н.И. Ильминский свою новую систему, в определенном смысле слова, противопоставил мусульманскому джадидскому реформаторству. Он, встревоженный возникновением джадидского течения в мусульманском мире, в письме к обер-прокурору К.П. Победоносцеву подмечал, что "в Крыму появилось небольшое облако, которое в будущем может стать громом и молнией".

Царское правительство, вынуждаемое ходом экономического развития и растущего общественно-национального движения, стало предпринимать меры по образованию нерусских народов.

Одной из форм решения просветительского вопроса со стороны самодержавия было систематизировать положение национальных школ инородческого населения, в особенности татарского, и создать образовательную альтернативу в виде русско-инородческих школ. На основании правил Министерства Народного Просвещения от 1870 г. в местах преобладания нерусского населения началась планомерная работа по открытию этих школ.

С целью материального стимулирования преподавателей русского языка царским правительством для них были выделены определенные материальные средства. Так, выпускникам этих школ, работающим в русско-инородческих учебных заведениях, специальным решением царского правительства предусматривалась выплата жалованья в размере 30–60 рублей в год. [3. С.135–141]. Власти материально поощряли не только те мусульманские школы, где вводилось преподавание русского языка, но и открытие русских классов в медресе и мектебы, преподавателям русского языка в них устанавливалась также и государственная пенсия. [4. С.230].

Однако попытки повсеместного открытия русско-инородческих школ не нашло широкой поддержки среди татарского населения. Так, в результате обследований инспекторами мусульманских мектебов Казанских губерний выяснилось, что лишь в немногих татарских религиозных школах проводилось предметное обучение русскому чтению и письму, в большинстве из них обучение велось исключительно на татарском языке. Это говорило о том, что новшества, исходящие от Министерства Народного просвещения, прививалось с большим трудом. Все факты свидетельствовали о том, что это начинание не увенчалось особым успехом.

Так, по нашим подсчетам, почти в 90 % медресе и мектебах так и не удалось ввести преподавание русского языка, поскольку это новшество встретило ожесто-

ченно сопротивление не только со стороны мулл-учителей, но и со стороны рядовых членов мусульманских общин.

Первые русско-татарские школы, созданные в 1880–е – 1890–е гг. находились в очень сложных условиях. Это объяснялось всецело той незначительной финансовой поддержкой со стороны государственных властей, которую выделяли правительственные ведомства и земства. Первые русско-татарские школы, располагались, как правило, в "дымных" помещениях, и не обеспечивались материально-техническими средствами. Неоднократно были случаи, когда под давлением мусульманского духовенства местное население требовало закрытия эти учебных заведений[5]. Денег на их финансирование школ практически не выделялось, а местное население на свои средства содержать их отказывалось, и отдавать своих детей отказывалось.

К тому же массовые выступления татар-мусульман в 1878–1879 гг. в Казанской губернии, руководимые мусульманским духовенством, затормозили процесс открытия школ Министерства Народного Просвещения. Во многих случаях местные власти из-за боязни массовых выступлений татарского населения временно прекращали всякие попытки создать на местах русско-татарские школы. Практически первая часть начатого в начале 1870–х гг. эксперимента по организации русско-татарских учебных заведений завершилась неудачей. В мусульманских начальных школах опыт преподавания русского языка, несмотря на отдельные положительные примеры, в целом не прижился. Мусульманское духовенство все сделало для того, чтобы воспрепятствовать этому. Тем не менее, были исключения из правил. В Буйинском уезде усилиями протоиерея А.И. Баратынского преподавание русского языка в некоторых медресе, несмотря на сильное сопротивление мусульманского духовенства и татарского населения, смогли сохранить[6. С. 339–369.].

Однако, несмотря на определенные подвижки в мировоззренческих позициях мусульманского духовенства и руководителей крупных татарских общин относительно национальной системы образования, в татарском обществе по-прежнему наблюдались сильные стремления всячески изолировать татарский социум от русской культуры.

Передовые представители татарской интеллигенции, прекрасно понимающие современные им реалии, активно выступали за внедрение в систему татарского народного просвещения, наряду с общеобразовательными светскими предметами восточного типа, европейских научных дисциплин, в том числе преподавание русской истории, культуры и языка.

Таким образом, вышеизложенные материалы и аналитические обобщения позволяют сделать ряд обобщающих выводов. Во 2-й половине XIX в. Произошли некоторые положительные сдвиги в области народного просвещения и религиозно-нравственного воспитания инородческого населения Казанской губернии. Эти пе-

ремены наибольшее отражение нашло в деятельности мусульманской конфессиональной школы.

Основоположники джадидистского метода стали активно внедрять в татарскую школу все лучшие достижения передовой восточной и европейской.

ЛИТЕРАТУРА

1. Урсынович С. Религия туземных народностей. – М., 1930.
2. Русский вестник. – 1860. – Т. 27.
3. Ильминский Н. Об образовании инородцев посредством книг, переведенных на их родные языки // Православный собеседник. – 1863. – Кн. 10.
4. Анастасиев. Народная школа...
5. НА РТ, ф. 92, оп.1, д.3193, л.5–6.
6. Ильминский Н.К истории инородческих переводов // Православный собеседник. – 1884. – Кн. 1.

© Р.М. Зябиров, (radick.z@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ИСТОРИОГРАФИЯ РУССКОЯЗЫЧНОГО КНИГОИЗДАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН (к постановке проблемы)

HISTORIOGRAPHY OF RUSSIAN ADEQUATE BOOKS IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN (to the statement of the problem)

*A. Ismailov
A. Kuraev
A. Steshin
A. Kondurov*

Annotation

The relevance of this problem is connected with the study of the role of the book in the development of national cultures of the eastern and central regions of Eurasia, the identification of the potential of book culture as an element of the unified information and cultural space that is being formed in the CIS.

The article is devoted to the problems of historical and book character, connected with the development of book publishing in the Union republics before the collapse of the USSR. Based on the study of the past, it is necessary to comprehend the processes taking place at the present time.

Keywords: book publishing, historiography, CIS, book culture Uzbekistan, information and cultural space.

Исмаилов Агамехти Мамед оглы

К.и.н., профессор, Новосибирский военный институт им. ген. армии И.К. Яковлева

Курсав Александр Михайлович

*К.и.н., ст. преподаватель,
Новосибирское высшее военное командное училище, г. Новосибирск*

Шешин Антон Владимирович

*Соискатель, ГПНТБ СО РАН,
ст. преподаватель, Новосибирское высшее военное командное училище*

Кондуров Александр Сергеевич

Преподаватель, Новосибирское высшее военное командное училище

Аннотация

Актуальность данной проблемы связана с изучением роли книги в развитии национальных культур восточных и центральных регионов Евразии, выявления потенциала книжной культуры как элемента формируемого в СНГ единого информационного и культурного пространства.

Статья посвящена проблемам историко-книжного характера, связанным с развитием книгоиздания в союзных республиках до развала СССР. На основе изучения прошлого предстоит осмыслить процессы, происходящие в настоящее время.

Ключевые слова:

Книгоиздание, историография, СНГ, книжная культура Узбекистан, информационное и культурное пространство.

В XXI в. расширяется диапазон и углубление научной обстоятельности исследований историко-книжного характера. Одним из данных исследований является книгоиздание в бывших союзных республиках, в том числе Республике Узбекистан. Актуальность данной проблемы связана с изучением роли книги в развитии национальных культур восточных и центральных регионов Евразии, выявления потенциала книжной культуры как элемента формируемого в СНГ единого информационного и культурного пространства.

Анализируя литературу, в которой в той или иной степени исследуются вопросы истории книгоиздания в Узбекистане, следует отметить, что данный феномен не выступал как отдельный объект для специального исследования.

В 1930-х годах создается нормативная база для развития книгоиздания, которая в свою очередь стала

основой историографии проблемы.

Документы, принятые правительством страны в 1930 – первой половине 1950-х гг. в области книгоиздания, свидетельствовали о том, что с каждым годом деятельность издательств все больше зависела от партийных органов. Поэтому на страницах периодических изданий появляются публикации М. А. Городницкого, передовицы в газетах [1], регламентирующие степень их взаимоотношений. Важное место в статьях, особенно послевоенного времени, отводилось вопросам управления местными издательствами. Среди них публикации К. Боголюбова и Н. Родионова, М. Рязина и Н. Родионова [2], передовицы в газетах [3].

В зависимости от политической обстановки уточнялись задачи, стоящие перед издательствами. В годы Великой Отечественной войны вышло большое количество публикаций, определяющих цели книгоиздания с учетом

военного времени [4]. Основным направлениям работы издательства в послевоенный период посвящены статьи В. Воронцова, передовицы в газетах и журналах [5].

Определенный вклад в разработку проблем книгоиздания внесли ученые республики. Историографию книжного дела Узбекистана существенно обогатили работы М. Г. Епифанова и Ю. Ю. Юсупова "Краткий очерк об основных путях развития книгоиздательского дела", и З. И. Есенбаева "Здравствуй, товарищ книга" и "Книгоиздательское дело в Советском Узбекистане". Работы содержат ценный фактический материал, основные исторические сведения, а также характеристику состояния книжного дела, деятельности ведущих издательств, полиграфии Узбекистана [6].

Вызывает определённый интерес диссертация Ф. Н. Рожинской "Из истории развития книгоиздательского дела в Узбекистане (1918–1937 гг.)" [7], в которой раскрывается деятельность ряда издательских учреждений Ташкента, освещаются вопросы организации и роста книгоиздательского дела, подготовки издательских работников и полиграфистов, укрепление материально-технической базы полиграфии и издательств. Анализируется тематика общественно-политической, учебной, художественной, сельскохозяйственной и медицинской литературы.

Среди работ книговедческого характера можно отметить публикации, посвященные выпуску отдельных типов литературы. Особенности научно-популярной книги раскрывает Е. Лихтенштейн [8], проблемы детской литературы – заметка в журнале "Детская литература" [9], способы оформления – А. Девисhev, М. Бабенчиков, Ю. Золотницкий и Н. Коган [10].

Большое количество публикаций, в частности Б. М. Кагарлицкого, и заметок были посвящены проблеме полиграфического оформления книг. Особый интерес представляют статьи И. А. Медовщикова, А. Колосова, И. Е. Тыслера, Р. Ф. Тумановского [11] о внедрении в работу типографий передовых технологий.

Указанный период характеризуется отсутствием значительных работ, освещающих деятельность книжных издательств Узбекистана.

Юбилейные статьи Н. М. Сикорского подводят итоги развития отрасли за определенный период и намечают перспективы ее развития [12].

В 1960–х – 1980–х гг. была проведена работа по комплексному изучению истории книгоиздания, изданы обобщающие труды, в частности Н. Г. Мальхина, Е. И. Кацпржак, Т. Е. Давыдовой, И. Е. Баренбаума [13]. Однако в них дается характеристика основных направлений книгоиздания центральных регионов, анализируется деятельность издательств союзных республик.

Параллельно с этим в работах Н. Г. Мальхина, А. Г. Каримуллина разрабатываются теоретические проблемы национальной книги [14]. Особый интерес представляет обзор Е. А. Динерштейна [15], охватывающий лите-

ратуру, выпущенную в 1967–1972 гг.

В этот же период проводятся исследования, связанные с изучением истории книгоиздания СССР разных периодов. Большой интерес представляют статьи Г. Д. Комкова [16], в которых автор проследил характер изменений в издательском деле и полиграфической промышленности, вызванных потребностями военного времени, проанализировал основные направления деятельности центральных издательств. История книгоиздания в послевоенный период рассмотрена в статье И. Е. Баренбаума [17].

При этом за пределами внимания ученых остались проблемы издания литературы в Узбекистане.

К 1980–м гг. было накоплено достаточное количество публикаций по истории книгоиздания Узбекистана советского времени, поэтому возникла необходимость в их систематизации для выявления степени разработанности и определения перспективных направлений дальнейших изысканий. Данное обстоятельство актуализирует тему исследования.

В начале 1990–х гг. наблюдается тенденция к сокращению количества публикаций по истории книги советского периода.

Это можно объяснить тем, что книгоиздание Узбекистана, как и России, переживало кризис, поэтому большинство работ было связано с разработкой программ его дальнейшего развития [18].

Однако годы перестройки предоставили ученым возможность обратить внимание на изучение ранее закрытых тем, имеющих непосредственное отношение к изучению книжной культуры страны, в частности выявляющих степень влияния органов цензуры на ее развитие.

С 1991 г. в научных журналах появляются статьи, посвященные анализу деятельности органов цензуры в определенные периоды. Широкий круг вопросов по истории Главлита 1929–1953 гг. рассмотрел А. В. Блюм [19].

Деятельность органов цензуры по контролю за литературой в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы рассмотрена Г. В. Костырченко [20]. Во вступительной статье Т. М. Горяевой к подборке документов за 1960–е гг. рассматриваются методы, с помощью которых Главлиту удалось поднять в 1950–е гг. свой упавший авторитет [21].

Несколько публикаций, в частности А. В. Блюма [22], посвящено процессу разрушения Главлита в конце 1980–х – начале 1990–х гг. Кроме того, в 1995 году был опубликован очерк истории его формирования и развития в 1917–1990–е гг. Т. М. Горяевой [23].

Из проведенного анализа литературы видно, что книжная культура Узбекистана исследована недостаточно и требует обобщенного анализа и оценки с позиций современности. Исключение составляет диссертация Д. К. Юсупалиевой [24].

Историографический анализ свидетельствует о сла-

бой изученности в научной литературе истории русскоязычного книгоиздания в Узбекистане и необходимости

ликвидации "белых пятен" в книговедении для формирования всемирной истории книги.

ЛИТЕРАТУРА

1. Городницкий М.А. За большевистскую партийность в работе издательств //Проп. и агитация. – 1948. – № 16. – С. 31–37; За большевистскую партийность и высокую идейность в работе издательств //Культура и жизнь. – 1948. – 21 мая; Упорядочить работу книжных издательств // Правда. – 1953. – 28 июня.
2. Боголюбов К.М. За дальнейший подъем работы издательств //Книга: Иссл. и материалы. Сб. 10. – М., 1965. – С. 5–18; Сомов В. С. Вопросы книгоиздательского дела в свете решений XXII съезда КПСС //Книга: Иссл. и материалы. Сб. 7. – М., 1962. – С. 7–28.
3. Насущные задачи местных издательств // Правда. – 1951. – 21 окт.; Партийное руководство местными издательствами // Правда. – 1953. – 29 авг.
4. Боевые задачи издательств // Литер, газета. – 1941. – 1 окт. – С. 1; Книги – фронту //Литература и искусство. – 1942. – 14 марта. – С. 1; Какая книга нужна детям //Учительская газета. –1943. – 17 февр.– С. 4.
5. Воронцов В. Назревшие задачи книжных издательств //Коммунист. – 1953. – №13. – С. 78–93; Насущные задачи книжных издательств //Правда. – 1953. – 22 марта; Улучшить работу центральных и местных издательств //Культура и жизнь. – 1947. – 20 авг.
6. Араkelов С. Р. Книжная культура Узбекистана как актуальное научн. исследование: историографический аспект //Молодой ученый – 2016. – № 29. – С. 625.
7. Рожинская Ф.Н. К истории издания общественно – политической литературы в Узбекистане (1918–1937гг.) // Из истории книгоиздательского и библиотечного дела в Узбекистане. – Ташкент. – 1966.
8. Лихтенштейн Е. О научно-популярной литературе //Техн. книга. – 1939. – № 2–3. – С. 129–132; Лихтенштейн Е. Сжато, содержательно, увлекательно //Наука и жизнь. –1939. – № 2. – С. 60–61.
9. Детская книга в областных издательствах //Дет. лит. – 1940. – № 4. – С. 88.
10. Бабенчиков М. Рисунок пером в детской книге // Дет. лит. – 1940. – № 10. – С. 33–37; Девишев А. Иллюстрация советской детской книги // Искусство. – 1939. – № 1. – С. 129–146; Золотницкий Ю., Коган Е. Полиграфия и художники // Дет. лит. – 1941. – №1. – С. 20–23.
11. Кагарлицкий Б. М. За отличное качество полиграфической продукции //Полигр. пр-во. – 1939. 19–24; Полиграфист. К высокой культуре книжного оформления //Большевистская печать. – 1939. – № 4. – С. 26–27; Колосов А. Перспективы использования буквопечатных машин //Полигр. пр-во. – 1949. – № 8. – С. 3–25; Тумановский Р. Ф. Как внедрить безграничный метод //Полигр. пр-во. – 1952. – №4. – С. 5–7; Тыслер И. Е. О скоростных способах выпуска книг и журналов //Полигр. пр-во. – 1949. – №8. – С. 4–5.
12. Сикорский Н. М. Книга в социалистическом обществе. (Важнейшие тенденции развития книгоиздательского дела в СССР) //Книга: Иссл. и материалы. Сб. 17. – М., 1968. – С. 20–34; Сикорский Н.М. 60 лет советской книге //Книга: Иссл. и материалы. Сб. 35. – М., 1977. – С. 7–40.
13. Малыгин Н.Г. Очерки по истории книгоиздательского дела в СССР. – М., 1965. – 448 с.; Баренбаум И. Е., Давыдова Т. Е. История книги. – М., 1971; Кацпржак Е. И. История книги. – М., 1964. – 422 с.; Баренбаум И. Е. История книги. – М.: Книга, 1984. – 245 с.
14. Каримулин А. Г. О книге и национальной книге //Вопросы татарского языка и литературы. – 1969. – Кн.4. – С. 103–110; Малыгин Н.Г. Национальная книга в СССР //В мире книг. – 1977. – №10. – С. 18–19.
15. Динерштейн Е. А. Развитие издательского дела в союзных и автономных республиках: Обзор л-ры. – М., 1973. – 62 с.
16. Комков Г. Д. Книга в годы войны //Книга: Иссл. и материалы. Сб. 15. – М., 1967. – С. 105–117; Комков Г. Д. Советское книгоиздательство в годы войны //Книга: Иссл. и материалы. Сб. 8. – М., 1963. – С. 66.
17. Баренбаум И.Е. Основные тенденции развития книжного дела СССР в послевоенный период //Книга: Иссл. и материалы. Сб.35.–М., 1977.–С. 199–221.
18. Селиверстова Н. А. Книжное дело в Узбекистане: состояние и тенденции. Книга. Исследования и материалы. Сборник 71. – М. "Терра-Terra". 1991. 220, [4] с., с илл. в тексте; Майсурадзэ Ю. Ф. Государство и издательства // Кн. дело. – 1993. – № 2. – С.2–4; О кризисе научного книгоиздания // Кн. обозрение. – 1993. – №2. – С.3; Худовердян В. Ц., Хамракулова Х. Д. Есть ли будущее у национального книгоиздания //Кн. дело. – 1994. – №5. – С. 16–20.
19. Блюм А. В. Советская цензура в эпоху тотального террора 1929–1953. – СПб.: Академ. проект, 2000. –С.37.
20. Костырченко Г. В. Советская цензура в 1941–1952 гг. // Вопр. истории. – 1996. – №11–12. –С. 87–94.
21. Главлит и литература в период массово-политического брожения в Советском Союзе / Вступ. заметка и публ. Т.М. Горяевой // Вопр. лит. – 1998. – №5. – С. 294.
22. Блюм А. В. Закат Главлита. Как разрушалась система цензуры: Документальная хроника. 1985–1991 //Книга: Иссл. и материалы. Сб. 71. –М., 1995.–С. 168–188;
23. Горяева Т. М. Советская политическая цензура. (История, деятельность, структура) //Исключить всякие упоминания. Очерки истории советской цензуры. – Минск: "Старый Свет-Принт", М.: "Время и место", 1995.–С. 16–61.
24. Юсупалиева Д. К. История книгоиздательского дела в Узбекистане: 1972–2011 годы / Автореф. канд. дисс. – Ташкент, 2012.

ЭКОНОМИКА МАРИЙСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 гг.)

THE ECONOMY OF THE MARI ASSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945)

O. Koshkina

Annotation

The article deals with the development of the main branches of the economy of the Mari ASSR – industry and agriculture during the Great Patriotic War. On the example of the republic, the processes of restructuring the economy of the rear region to ensure the country's defense are being investigated. The author comes to the conclusion that there is a huge distortion in economic development – a "leap" in industry and a crisis in agriculture.

Keywords: Great Patriotic War, Mari ASSR, industry, defense complex, agriculture, crisis.

Кошкина Ольга Анатольевна

К.и.н., Марийский

*научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории
им. В.М. Васильева*

Аннотация

В статье рассматривается развитие основных отраслей экономики Марийской АССР – промышленности и сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны. На примере республики исследуются процессы перестройки экономики тылового региона на обеспечение обороны страны. Автор приходит к выводу об огромном перекосе в экономическом развитии – "скачок" в промышленности и кризис в сельском хозяйстве.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, Марийская АССР, промышленность, оборонный комплекс, сельское хозяйство, кризис.

Советский тыл стал экономическим фактором Победы СССР в Великой Отечественной войне. Промышленность и сельское хозяйство – это основные составляющие экономики, от функционирования которых зависела вся структура военного хозяйства, а, следовательно, и обеспечение обороны страны.

Огромный вклад в достижение победы СССР над фашистской Германией внесли тыловые регионы страны – республики, области, края. В годы Великой Отечественной войны одним из таких регионов стала Марийская АССР.

В предвоенный период в Марийской АССР была заложена промышленная основа, которая сыграла важнейшую роль в становлении и развитии местной оборонной промышленности. В первой половине 1941 г. в Марийской АССР насчитывалось 95 предприятий фабрично-заводской промышленности. Основными отраслями промышленности Марийской АССР являлись лесная, деревообрабатывающая, стекольная, пищевая.

Война стала серьезным испытанием для экономического развития республики. Традиционные отрасли промышленности Марийской АССР ввиду нехватки квалифицированной рабочей силы, отсутствия топлива, сырья, материалов, электроэнергии вынуждены были замедлить темпы роста.

Произошла переориентация промышленности с традиционных отраслей на оборонные. Во второй половине 1941 – первой половине 1942 гг. на территорию Марийской АССР прибыло оборудование 27 промышленных предприятий из Москвы, Одессы, Киева, Ленинграда, Ржева и т.д. Помимо этого, в республику было перебазировано и размещено по предприятиям более 1000 единиц оборудования.

Наиболее крупными оборонными предприятиями, размещенными на территории республики, стали заводы № 185 (завод им. XIII лет Октября из Киева), № 297 (оптико-механический завод, созданный на основе московского и ленинградского оптических заводов) и № 298 (Московский прожекторный завод). Они составили основу оборонной промышленности республики. В конце 1941 – первой половине 1942 гг. эвакуированные предприятия были пущены в эксплуатацию. Эта отрасль стала ведущей в республике, на ее долю в 1945 г. падало 63% всего объема продукции.

В годы войны на выпуск продукции оборонного значения перешли и местные заводы, пополненные эвакуированным оборудованием – Марбумкомбинат, Судостроительно-судоремонтный завод им. С.Н. Бутякова, Красногорский лесозавод, Волжский древкомбинат.

В Марийской АССР выпускались оптические прибо-

ры для танков, авиации и артиллерии, авиабомбы, 45-миллиметровые осколочные снаряды, агрегаты питания для установки СОН, высоковольтные подвижные станции, приклады для винтовок, аптекарская посуда для госпиталей, бутылки для горючей смеси. Судостроительно-судоремонтный завод им. С.Н. Бутякова наряду с ремонтом судов выпускал азросани. Марбумкомбинат освоил производство 14 разновидностей технической бумаги, 5 из которых не вырабатывались ранее в СССР. В целом, в Марийской АССР вновь были простроены и введены в действие 48 крупных промышленных предприятий [3].

Главным достижением в период войны стало развитие тяжелой промышленности в республике. Металлообработка, машиностроение и приборостроение стали ведущими отраслями.

Накануне Великой Отечественной войны около 87% населения Марийской республики проживали в сельской местности. Это определяло место и значение в экономике сельского хозяйства [4].

Война стала причиной серьезного кризиса в сельском хозяйстве. В первые месяцы войны осуществлялась перестройка сельскохозяйственного производства в соответствии с нуждами фронта и военной экономики, были мобилизованы все материальные и трудовые ресурсы деревни. Для компенсации потерь обширных земельных угодий на западе страны в тыловых районах были расширены посевные площади, прежде всего под зерновые культуры и картофель. Основным вопросом перестройки сельского хозяйства стало максимальное вовлечение в производство всех слоев сельского населения для восполнения кадров, ушедших на фронт и в промышленность. Трудовой повинностью было охвачено все взрослое население. Мобилизация трудовых ресурсов осуществлялась как путем вовлечения в сельскохозяйственное производство населения, проживающего на территории колхозов, в том числе эвакуированных, женщин, подростков, лиц старших возрастов, так и временного использования на сельскохозяйственных работах труда городских жителей – рабочих, служащих, учащихся. Значительный объем работ выполнялся сельской молодежью, учащимися школ. В колхозах значительно возросла доля женщин. Уровень механизации сельскохозяйственных работ резко снизился. Полевые работы стали производиться на основе использования живой тягловой силы, в том числе и коров, ручного труда. При росте напряженности труда общая его производительность уменьшилась. Урожайность и другие качественные показатели сельскохозяйственного производства резко снизились. Это объяснялось ослаблением технической оснащенности, почти полным прекращением производства минеральных удобрений, удлинением сроков полевых работ.

Все усилия колхозов были направлены на своевременное выполнение обязательств по хлебозаготовкам и другим сельскохозяйственным планам. И если в первый период войны стабильность еще поддерживалась за счет предыдущих лет развития, то, начиная с 1943 г., кризис вошел в полную силу.

Вследствие неблагоприятных условий зимы в колхозах основных сельскохозяйственных районов республики из 95000 га общей площади посева озимых под урожай 1943 г. полностью погибло 56000 га. Таким образом, валовой сбор зерна озимых культур в республике не обеспечил потребность в семенах для осеннего сева. В сложившейся ситуации местные органы власти – Совнарком республики и обком ВКП(б) – были вынуждены обратиться к руководству страны. Однако полученный отрицательный ответ лишь подтверждает усиление командно-административного подхода в военное время к сельскому хозяйству и колхозам в целом, а также направленность политики, в первую очередь, на армию и промышленность. Очень сильно война отразилась на животноводстве республики и, в первую очередь, коневодстве, так как большая часть лошадей была передана в РККА. поголовье общественного скота в колхозах республики достигло своего максимального развития к 1 января 1943 г., а за последующие два года резко сократилось.

В 1941 г. республика приняла на "передержку" скот, эвакуированный из Смоленской области. Согласно плану количество лошадей, поступающих из прифронтовой полосы на длительную передержку в колхозы Марийской АССР, составляло 8000 голов, в том числе из Смоленской области – 4000, из Калининской области – 4000, крупного рогатого скота – 35000 голов, в том числе соответственно – 20000 и 15000, овец – 38000 голов, в том числе соответственно – 23000 и 15000 [1, с. 1–4]. Однако реально в республике было размещено 200 лошадей, 3800 голов крупного рогатого скота, 2500 овец и коз [2, с. 89], так как только треть имеющегося скота была поднята для эвакуации, при этом часть его была сдана в пути следования госзаготовителям и Красной Армии, часть пала, а часть была перехвачена немцами [2, с. 87]. В 1943 г. началось возвращение скота освобожденным районам. Колхозы пытались компенсировать затраты путем закупки скота у населения.

К концу 1944 – началу 1945 гг. колхозы Марийской АССР находились в состоянии глубокого перманентного кризиса. По развитию животноводства Марийская республика заняла одно из последних мест среди республик и областей центральной полосы, и была отмечена, как одна из худших на совещании по животноводству, которое проходило в начале февраля 1945 г. в г. Москве.

Только в 1945 г. колхозы Марийской АССР начали

получать некоторую помощь. Увеличились производство запчастей и поставки горючего. Учитывая ослабление колхозов, была снижена плановая посевная площадь, намечился некоторый прирост трудоспособного населения. Но в то же время острее стал ощущаться недостаток тягловой силы, с 1943 г. не выполнялся государственный план хлебозаготовок. Из-за недостатка кормов произошло резкое сокращение поголовья скота.

За годы войны посевные площади по сравнению с довоенным временем уменьшились, урожайность резко упала. Из-за недостатка рабочих рук сократились посевные площади трудоемких технических культур и картофеля. Война потребовала подчинения всего народного хозяйства страны нуждам фронта.

В годы войны особую роль сыграла моральная мотивация труда. Патриотизм в сочетании с трудовым героизмом и энтузиазмом рабочих и крестьян Марийской АССР в период Великой Отечественной войны, как и по

всей стране, в условиях нехватки материально-технических ресурсов, производительных сил, стал основой волевого производства, способствовал выполнению государственных заданий и планов.

Экономика Марийской АССР в военные годы стала составной частью оборонного комплекса страны. Промышленность и сельское хозяйство этого времени явились примером высокой мобилизации и концентрации ресурсов для обеспечения фронта и достижения Победы.

В то же время на примере Марийской АССР заметен огромный перекокс в экономическом развитии – "скачок" в промышленности и кризис в сельском хозяйстве. Вновь построенные и эвакуированные предприятия существенно увеличили промышленно-производственный потенциал республики. После войны в республике окончательно сформировался военно-промышленный комплекс. А восстановление сельского хозяйства затянулось на многие годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Республики Марий Эл, ф. Р-644, оп. 1, д. 670.
2. Государственный архив Российской Федерации, ф. Р-9504, оп. 1, д. 38.
3. Васенин Д.В. Промышленность и рабочие Марийской АССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Йошкар-Ола: ПГТУ, 2014. 202 с.
4. Васильева С.И. Изменения численности и состава колхозного крестьянства Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Сельское хозяйство Марийской АССР в 1940–1960 годах. Йошкар-Ола, 1981. С. 3–24.
5. Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки. 1941–1945 гг. Кн. 1. М.: Наука, 1995. 544 с.
6. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 2. М.: Воениздат, 1961. 682 с.
7. История Второй Мировой войны. 1939–1945. Т. 4–5. М.: Воениздат, 1975.
8. История советского крестьянства. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. М.: Наука, 1987. 448 с.
9. Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов. Йошкар-Ола: Комитет Республики Марий Эл по делам архивов, Государственный архив Республики Марий Эл, 2005. 496 с.
10. Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 2. М.: Мысль, 1974. 530 с.

© О.А. Кошкина, (koshkina_81@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЗАПАДНЫХ РЕГИОНАХ И ПРОГРАММЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В КОН. XIX - ПЕРВ. ЧЕТВ. XX ВВ.

NATIONAL POLICY OF RUSSIAN EMPIRE IN THE LATE 19th - EARLY 20th CENTURIES AND PROGRAMMES OF NATIONAL-POLITICAL PARTIES

E. Kryakin

Annotation

The article says about Russian Empire's national policy in the western regions of the country and programmes of Russian main national-political parties in the late 19th – early 20th centuries. The main objective of state policy at that time was unification of all regions of the country. This policy was careful and balanced, it didn't lead to national separatism and was supported by the most national parties.

Keywords: russification, national policy, RSDLP (The Russian Social-Democratic Labour Party), Ukrainian Socialist Revolutionary Party, Bund Party, Congress Poland.

Крякин Евгений Николаевич

*Ассистент, Московский
государственный технический
университет им. Н.Э. Баумана*

Аннотация

В статье рассматривается национальная политика Российской империи в западных регионах страны и программы основных национальных политических партий России в кон. XIX – первой четверти XX вв. Государственная власть в этот период осуществляла меры, направленные на языковую и административную унификацию национальных регионов. Тем не менее, эта политика была аккуратной и взвешенной, в основном, она не приводила к национальному сепаратизму, программы большинства национальных партий в России не содержали призывов к созданию независимых государств.

Ключевые слова:

Русификация, национальная политика, РСДРП, Украинская партия социалистов революционеров, Бунд, Царство Польское.

Современная Российская Федерация является многонациональным государством со сложным территориально-административным устройством, поэтому совершенствование механизмов взаимодействия наций и народов страны всегда было и будет актуальной задачей. Однако эти вопросы характерны не только для нашего государства.

Межнациональные проблемы и противоречия – одна из наиболее сложных проблем современного мира. Этнические и национальные движения за независимость, суверенитет и самоопределение задают тон политической жизни стран Европы и Америки. Актуальность данной теме придают и национальные проблемы бывших советских республик. Новая законодательная база в сфере образования в странах Восточной Европы не всегда учитывает интересы малых национальных групп. Отсутствие баланса между государственным языком и национальными языками в школах может привести к обострению этнических противоречий в регионе. В этой связи полезно обратиться к опыту Российской империи: языковая и административная государственная политика учитывала особенность регионов, что зачастую позволяло избегать роста этносепаратизма.

В центре внимания статьи – языковая и администра-

тивная политика Российской империи в национальных регионах в кон. XIX – перв. четв. XX в. Цель статьи – рассмотреть влияние национальной политики в западных регионах страны на программы национальных партий, возникших в данном регионе.

Современная историография дает различные оценки государственной национальной политике в данный период. В научной литературе сложились две основные тенденции: часть исследователей выделяет негативные факторы в отношении центра к окраинам [14, 23].

По мнению других исследователей в России в начале XX в. сложилось полиэтничное пространство, не ущемляющее права малых народов. Исследователь О. Л. Самарокова отметила, что "не стремясь к ликвидации этнического разнообразия своих граждан, российские правители развивали концепцию "надэтничности", т.е. "согражданства" [22]. В работе А.С. Кислякова показано, что большая часть политических партий, возникших в рассматриваемый период, выступала не за отделение и выход из России и создание национальных государств, а максимум за получение автономии в составе России [11].

Меньше внимания уделено факторам, повлиявшим на национальную политику в регионах, и разнообразию ме-

тодов этой политики, а также связи деятельности национальных политических партий и национальной политики государственной власти. К тому же современные политические процессы актуализируют данную проблему.

Исследователь Э. Таден отметил, что национальная политика в России не была однородной и осуществлялась в три основных этапа: русификация национальных элит в XVIII в.; территориально-административная русификация во втор. пол. XVIII в.; и культурная русификация в XIX – нач. XX вв. [6].

В XVI – XIX вв. Россия формировалась как полиэтническая страна. Присоединение новых территорий, заселенных различными народами, было не только следствием опасностей, исходивших от соседних регионов и необходимостью эту опасность ликвидировать (присоединение Казанского и Астраханского ханства), но и результатом международных отношений (присоединение Финляндии, освоение Средней Азии в XIX в.) [13]. К середине XIX в. Россия была скорее "равноправным союзом разных народностей" [20, С. 9]. Термин "инородцы" не подразумевал негативной коннотации, так определялись "русские подданные не славянского племени" [25, С. 227]. Отто Бисмарк в XIX в. отметил: "Русские привлекают к себе народы, которые они включают в свою империю, знакомятся с их жизнью..." [3, С. 182].

Во второй половине XIX в. руководство Российской империи вынуждено было искать новые методы взаимодействия с национальными окраинами. Особенно сложными были западные регионы, ситуацию в которых обострило польское восстание 1863 г.

В самой Польше активные меры по включению региона в единое политическое и языковое пространство были приняты начиная с 1864 г. Они заключались в ограничении влияния местных элит, в частности дворянства, введении запрета на использование польского языка в школах и во время церковных служб, ограничении доступа поляков-католиков в местное самоуправление и государственные органы, переводе судебного и административного делопроизводства на русский язык [21]. В условиях волнений 1863 г. это были, скорее вынужденные меры.

В 1893 г. в Царстве Польском возникла Польская социалистическая партия. За основу ее деятельности была взята программа, утверждённая съездом польских социалистов в Париже от 23.11.1892 г. Главной задачей провозглашалась борьба за национальное независимое государство [26]. Это отражало желание польского общества, утратившего независимое государство после 1772 г., русификация только усилила эти ожидания.

Руководство Российской империи понимало необходимость ответа на подобные требования. В начале XX в. из-за обострения противоречий между Россией и странами Тройственного союза русским руководством были сделаны шаги к польской автономии. 1 августа 1914 г. было опубликовано воззвание Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, текст ко-

торого обещал полякам большие привилегии в случае успешного исхода войны: "Полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ея... пусть сотрутся границы, разрезавшие на части Польский народ. До воссоединится он под скипетром Русского Царя. Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, языке, самоуправлении" [4, С. 19]. Сложно сказать, были бы даны эти привилегии в случае удачного для России завершения военных действий. Окончательно Польша получила независимость из рук Временного правительства.

Таким образом, национальная политика в Польше, в целом, была направлена на снижение потенциала внутреннего сепаратизма, но она сильно менялась в зависимости от внешних условий.

В Прибалтике в 1870–е гг. ответом на вызов январского восстания в Польше стала административная политика, направленная на усиление литовского национализма внутри Царства Польского [23].

В прибалтийских землях во главу угла была поставлена борьба с польским культурным доминированием. Руководство страны учитывало сложную специфику региона. Во избежание роста негативного отношения к центру здесь не предпринимались попытки внедрения русского языка и православия. Центральная власть ограничилась попытками создания новых административных единиц – национальных Латвийской и Эстонской губерний. Помимо этого, планировалось отделить от Царства Польского Сувалкскую (Августовскую) губернию, подчинить ее Виленскому губернатору. Это было оправдано как статистически (52,7% населения губернии были литовцы, 21,6% поляки, 16% евреи, 5% немцы и 4,2% русские), так и политически [21]. Важно было продемонстрировать невозможность целостности Польши и, как следствие, невозможность отделения региона от России. Также на территории предполагалось создание Белорусского учебного округа [21]. В некоторой степени, литовский национализм в регионе был выгоден властям, так как имел антипольскую направленность. Проекты не были доведены до своего логического завершения, этому помешала война 1914 г. и последовавшая революция.

В 1896 г. возникла Литовская социал-демократическая партия (Lietuvos socialdemokrati partija, LSDP). Ее инициаторами выступили польские социалисты А. Домашевич и А. Моравский, члены Польской социалистической партии (Polska Partia Socjalistyczna). Задачей максимум, согласно программе утверждённой на 1 съезде партии, было заявлено создание независимого Литовского государства [8]. Вскоре основные лидеры были арестованы, внутри партии произошёл раскол. Следует предположить, что заявленные цели больше интересовали польских социалистов, нежели этнических литовцев, которые получали административные привилегии от царской власти.

Еще одним административным проектом, благодаря которому предполагалось ослабить польский сепара-

тизм, было выделение из Царства Польского Холмской губернии. Холмщина представляла собой исторический район, расположенный в бассейне реки Западный Буг. В регионе большое влияние имела польская культура и католическое униатское духовенство. Изначально упор был сделан на увеличение доли православных в регионе. Начиная с 1875 г., началось давление на католических священников, их численность была заметно уменьшена [7]. Однако после указа императора Николая II "Об укреплении начал веротерпимости" большая часть населения вновь вернулась в католичество. Тогда основной упор был сделан на административные меры. В 1912 г. был утвержден проект создания Холмской губернии [7]. Реализация проекта была прервана войной 1914 г. В данном регионе сепаратистских течений не возникло.

В исследуемый период Малороссия представляла особый интерес для польской элиты. Как отметил А. Миллер: "польские политики, по преимуществу из среды эмиграции после восстания 1830 – 1831 гг., прежде самих украинцев сформулировали различные версии украинской идентичности" [15].

Украинский сепаратизм был действенным рычагом влияния на имперскую власть "в борьбе за освобождение от власти российской империи и ее развал" [24, С. 223]. Национальная политика центра в этом регионе ставила задачу снижения польского влияния. Для этого были приняты меры по унификации региона, включения его населения в русское языковое, культурное и религиозное пространство, в том числе через запрет малоросского наречия [2]. Больших успехов царской власти добиться не удалось.

А. Миллер выделил главную причину неудачи национальной политики в регионе: не вся территория проживания украинского этноса находилась в составе Российской империи [15]. Кроме этого русское население не было проводником русской культуры, так как зачастую не имело контактов с местными. Не была проведена политика интеграции в имперское политическое пространство местных элит. Этому мешало "недоверие центра к украинской элите... украинцы зачастую рассматривались в тесной связи с поляками, с которыми после восстания 1863 г. ассоциировался образ предателей" [10, С. 44]. Регион в целом сохранил самобытные черты и предпосылки к сепаратизму.

11 февраля 1900 г. возникла Революционная Украинская партия, требовавшая государственной автономии для Украины. Политической платформой партии стала работа Н.И. Михновского "Самостийная Украина", которая содержала обоснование необходимости украинского национального государства [16]. Далее эти положения развивали Украинская социал-демократическая рабочая партия, Украинская демократическо-радикальная партия, однако, ближе к 1917 г. требования отделения были снижены до автономии внутри России [19].

В ряде регионов национальная политика не приводила к появлению требований за отделение. В 1850–х гг. у

западных границ России начался процесс консолидации румынского государства. Возникла угроза включения в его орбиту всех румыноязычных территорий. Это вынудило русское правительство начать усиленное внедрение русского языка и православной церкви в регионе [5].

Исследователь XIX в. П.Н. Батюшков заметил: "Если мы хотим, чтобы русское население (население, имевшее восточнославянское происхождение, перешедшее на румынский язык относительно недавно) не орумынивалось более в этом крае, чтобы Бессарабия действительно была, а не считалась только русскою губернию, не делалась еще более предметом румынских вождений и даже агитаций и была органически слита с остальной Россией, – для этого необходимо, путем школы, ознакомить молдаванских крестьян с церковно-славянским языком и сделать их хотя бы наполовину русскими по языку" [1, С. 126].

К концу XIX в. значительная часть местных протоиереев была заменена русскими, уменьшилось книгопечатание на румынском языке, увеличилось число русских школ. Тем не менее, русификация церкви в этом регионе не была всеобъемлющей: церковная служба велась на молдавском языке, в том числе и в Кишиневе. Такое положение было вызвано медлительностью обучения священников русскому языку. Протестов в данном регионе не было [5].

Несмотря на указанные выше примеры сепаратизма, в целом, в обществе национальная политика находила поддержку. Власть в этом вопросе поддерживала дворянская организация "Русское собрание", заявившая в 1906 г., что "чуждое стеснению местной жизни управление окраинами должно ставить на первое место общегосударственные интересы" [19]. Этой позиции придерживались и другие партии.

Важно, что за сохранение политического единства выступали и национальные партии, даже в условиях 1917 г. За автономию, но против отделения выступала "Украинская партия социалистов революционеров". Согласно пункту 3 программы, наилучшим способом улаживания национальных отношений руководством партии признавалась национально-персональная (экстерриториальная) автономия [18, С. 18]. За сохранение целостности государства выступала и еврейская партия Бунд, в программе которой содержалось следующее: "Россия должна остаться единой и нераздельной... Мы требуем для каждой национальности права на свободное развитие для культурных особенностей, персональной национально-культурной автономии" [17]. За федерацию выступали Тюркская партия федералистов, Азербайджанская партия "Мусават", [9] и "Белорусская социалистическая Громада" [12].

Таким образом видно, что несмотря на сложность национального вопроса в Российской империи, руководство страны находило пути сглаживания противоречий. Национальная политика не была однозначной и могла видоизменяться в зависимости от политической необхо-

димости. В отношении национальных окраин принимались различные меры: от только административных мер до решений в отношении языка и религии. В ряде случаев власть прибегала к поддержке роста националистических настроений одного народа с целью борьбы с влиянием другого. При этом, анализ политических программ национальных партий показывает, что Российская империя даже на пороге своей гибели не содержала большого ресурса для этносепаратистских движений, большая часть националистических политических партий выступала за федеративное будущее страны, против унитарно-

го, и государственная власть выступала с заявлениями, дававшими надежду на такой исход. Национальный фактор не был решающим в распаде империи.

Исключением была партия большевиков, предложившая тезис "право наций на самоопределение". Однако и они после захвата власти, столкнувшись с проблемой государственного строительства на практике, перешли от этой идеи "самоопределения" к концепции союзного государства в 1922 г., а затем и к концепции "дружбы народов СССР", которая предполагала наднациональную гражданскую идентичность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батюшков П.Н. Бессарабия: Историческое описание. С.–Пб., 1892. 348 с.
2. Вернадский Г. Считаю себя украинцем и русским одновременно // *Ab Imperio*. 2006. №4. С. 347–369.
3. Виноградов В.Н. Русские и Россия глазами немцев. XIX век: от начала века до создания империи (1800 – 1871 гг.) // *Вопросы истории*. 1994. № 1. С. 180–186
4. Воззвание Главнокомандующего от 1/14.08.1914 г. // Год войны. С 19–го июля 1914 г. по 19–е июля 1915 г.: Высочайшие манифесты. Воззвания Верховного Главнокомандующего. Донесения: от Штаба Верховного Главнокомандующего, от Штаба Главнокомандующего Кавказской армией, от Морского Штаба. М., 1915. С. 19–20.
5. Гром О.А. Румынско–украинско–молдавские территориальные споры в исторической перспективе // *Свободная мысль*. 2016. №6. С. 45–50.
6. Thaden. E. C. Russification in the Baltic Provinces and Finland: 1855–1914. NJ, 1981. 222 с.
7. Залевский К. Литовская социал–демократическая партия // *Общественное движение в России в начале XX в.* СПб., 1914. Т. 3. Кн. 5. 130 с.
8. Игнатовец Л.М. Русификация системы образования в Витебской и Могилевской губерниях (1830 – 1850 гг.) // *Вестник Могилёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта*. 2012. № 1. С. 21– 27.
9. Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Баку, 1990. 212 с.
10. Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи. // *Россия–Украина: история взаимоотношений*. М., 1997. С. 44–55.
11. Кисляков А.С. Национальный вопрос в деятельности национальных политических партий и организаций Российской империи (80–е гг. XIX – февраль 1917 г.). Автореферат. кан. ист. наук. М., 2011. 21 с.
12. Коршук У. К.Беларуская сацыялістычная грамада і праблемы нацыянальнай дзяржаўнасці Беларусі // *Працы гістарычнага факультэта: навук. зб.* Мн., 2006. С. 35–38.
13. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007. 344 с.
14. Минеева Е.К. Наркомнац РСФСР: цели, задачи, структура // *Вестник Чувашского университета*. 2006. № 7. С. 23–33
15. Миллер А. Россия и русификация Украины в XIX веке // *Изборник*. [Электронный ресурс]. URL: <http://litopys.org.ua/vzaimo/vz12.htm> (дата обращения: 22.11.2017).
16. Міхновський М. Самостійна Україна. К., 2002. 80 с.
17. Нам И. В. Национальная программа Бунда: Коррективы 1917 года // *Вестник Томского государственного университета*. Томск, 2003. № 276. С. 83–89.
18. Политические партии России: история и современность. М., 2000. 230 с.
19. Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданейшего доклада графа Витте. М., 2001. 233 с.
20. Российская империя XVIII – нач. XX вв.: формирование полиэтничного пространства: учебное пособие МГТУ им. Н.Э. Баумана. М., 2014. 123 с.
21. Сталюнас Д. Территориализация этничности в Российской империи (на примере Августовской/Сувальской губернии) // *Социальные и гуманитарные науки*. 2011. № 3. С. 145–166.
22. Сумарокова О. Л. Языковая политика Российской империи и "русификации": к вопросу о методологии исследования // *Современные тенденции развития науки и технологии*. Белгород, № 2–4. 2016. С. 122–128.
23. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013. 649 с.
24. Шиллер–Валицкая И. Мифы и стереотипы: несколько замечаний об истории образования в царстве польском в XIX в. // *Вопросы образования*. 2014. № 3. С. 223–243.
25. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. С.–Пб., 1894 Т. XIII 431 с.
26. Władysław Rusiński. Dzieje Kalisza: praca zbiorowa. Wydawn., 1977. 374 с.

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ, КАК ИСТОЧНИК ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТИ В 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА (На примере Урала)

Лаврова Ирина Анатольевна
К.и.н., ФГБВОУ ВО
Академия гражданской защиты
МЧС России, г. Химки

THE SETTLERS, AS A SOURCE
OF CHILD NEGLECT IN THE 30-IES
OF THE XX century
(On example of the Urals)

I. Lavrova

Annotation

The article based on the sources identified one of the political reasons for the growth of homeless and neglected children. Reviewed measures undertaken by local and Federal authorities to eliminate this social scourge. On the basis of the sources analyzed the General condition of orphanages and children's municipalities, their provision with food and industrial goods. The article presents previously unpublished sources.

Keywords: Homelessness, Hunger, The children's home, Offense, Special settlers, Ural, Children.

Аннотация

В статье на основании источников выявлена одна из политических причин роста беспризорных и безнадзорных детей на примере Урала. Рассмотрены меры которые предпринимали местные и федеральные органы власти для ликвидации этого социального бедствия. Так же на основании источников проанализировано общее состояние детских домов и детских коммун, их обеспеченность продуктами питания и промышленными товарами. В статье приведен ряд ранее неопубликованных источников.

Ключевые слова:

Беспризорность, Голод, Детский дом, Правонарушения, Спецпереселенцы, Урал, Дети.

Существенно изменявшиеся социально-экономические условия всего общества породили непривычные населению негативные последствия. Исторические документы фиксируют ускоряющиеся с 1930 г. темпы роста беспризорности. Активное хозяйственное освоение Урала вызвало огромный приток населения, одни приехали по своей воле, другие были переведены насильственно. Занимая выгодное положение, Урал становился "срединносоюзной индустриальной оборонной базой" страны. Урал стал и одним из основных регионов размещения раскулаченных, спецпереселенцев, которые заполняли недостающие рабочие места на строительстве промышленных гигантов и на лесозаготовках. В докладе о медико-санитарном обслуживании спецпереселенцев в Уральской области от 1 ноября 1931 г. говорилось о наличии 573,3 тыс. человек. По сведениям историка Г.Я. Маламуда, количество спецпереселенцев на территории Урала составило в 1932 г. – 490 тыс. человек, в 1933 г. – 384,4 тыс., в 1934 г. – 375 тыс.. В 1938 г. на территории Пермской, Свердловской и Челябинской областей численность спецпереселенцев составила 229 тыс. человек, в 1939 г. – 230,6 тыс., в 1940 г. – 237,3 тыс.[7.С.97]

Спецпереселенцы стали одним из основных источников рабочей силы для проведения индустриализации

Урала. В кратчайшие сроки в регионе было построено более 400 промышленных предприятий. Основным местом применения труда спецпереселенцев традиционно были лесозаготовки. По сведениям ОГПУ на 7 января 1931 г. "на лесозаготовках было занято 81% спецпереселенцев". Низкое качество жизни, тяжелейшие условия труда приводили к высокой смертности спецпереселенцев. Своих детей сосланные родители часто оставляли в городах, на железнодорожных вокзалах. Огромное количество детей скапливалось на улицах. Они вынуждены были просить подаяние, чтобы не умереть от голода. В 1932 – 1934 гг. на Урале фиксируется "рецидив детской беспризорности".

Достаточно отметить, что на территории Свердловской области (в административных границах 1934 г.) число детских домов только за 1932 – 1933 годы увеличилось с 116 до 150 (рост на 29,3%), а количество детей в них выросло с 13,2 тыс. до 24,6 тыс. (рост на 86,7%). То есть за два года произошло резкое увеличение количества детских домов для беспризорных детей.[7.С.99]

Основным источником пополнения беспризорников были дети раскулаченных, спецпереселенцев. Уралоблисполком в своем постановлении 1933 г. констатиро-

вал "наличие огромного роста детской беспризорности среди спецпереселенцев (989 человек в 1931 г., 8 тыс. человек в 1932 г.), и вследствие этого – резкое увеличение контингентов по детским домам и организация новых детских домов в менее приспособленных и совершенно необорудованных помещениях". 116 детских учреждений для беспризорных детей по Уральской области не могли разместить всех собранных с улиц. Было ясно, что необходимы меры неотложной помощи по спасению детей.

В докладной записке Ураломо за 1932 г. сообщалось, что для размещения огромной массы беспризорных детей спецконтингента необходима организация новых детских домов. К 1933 г. на Урале было создано более 20 специальных детских домов во всех районах "кулацкой ссылки". Эти учреждения поначалу находились на содержании хозяйственных организаций: Лесное управление Востокстали (7 детдомов – в Морозкове, Надеждинске, Первоуральске, Чусовом, Златоусте, Миньере), Востокруда (три – Туринск, Каменск, Кушва), Уралзолото (два – Нижнетуруинск, Ивдель), Кизеловский и Копейский тресты (по одному), Уралзападлес (три – Вишера, Чердынь, Кудымкар), Тагилстрой, Рыбтрест и Обьлестрест, Комбумстрой (по одному); всего 25 детских домов на 7220 детей. В 1932 г. в детских домах, находившихся в ведении Ураломо, были размещены 2 тыс. детей спецпереселенцев. В 1933 г. Управление Востоклеса открыло еще несколько детских домов на 1300 мест.

Таким образом, к концу 1933 г. в Уральской области находилось более 10,2 тыс. беспризорных детей спецпереселенцев. В эту цифру не вошли не охваченные социальной помощью дети, то есть уличные беспризорные.[3]

К концу 1934 г. на территории вновь образованной Свердловской области насчитывалось 15,8 тыс. детей спецпереселенцев. Из них охвачены детскими домами были лишь 9 тыс. человек. Колоссальный рост беспризорников произошел не только из-за наплыва спецпереселенцев, но и был связан с рядом других факторов.

В докладной записке РКИ сообщалось, что "детская уличная беспризорность растет за счет детей-спецпереселенцев, детей, брошенных родителями и родственниками, переезжавшими из района в район в связи с паспортизацией, проходящей в промышленных городах Урала, а также беспризорниками, приехавшими на Урал из других областей и республик Союза".[8.С.22]

Вместе с ростом детских домов и приемников происходила организация питательных пунктов для беспризорных. На содержание вновь принятых детей детским домам были отпущены дополнительные ассигнования, однако они, как отмечается в источнике, они не покрывали затраты на содержание всех детей.

С наплывом детей в детских учреждениях ощущался катастрофический недостаток белья, одежды, обуви, постельных принадлежностей. Из докладной записки Уральской областной контрольной комиссии о состоянии детских домов от 20 сентября 1932 г.

Бюро обкома ВКП(б)

"Борьба с детской беспризорностью на Урале проводится на основе единого плана областных организаций Ураломо, ОблДТК, комсомола и пионеров. За 1932 год в детдома принимались дети-сироты и дети спецпереселенцев. Всего за этот период принято в детдома области около 4000 чел., из них более 50% дети спецпереселенцев.

Всего по области в настоящее время имеется 116 детучреждений с количеством детей 13175 чел.[4].

Для улучшения качества работы и правильного коммунистического воспитания детей проводилась большая работа по слиянию детдомов со школами, в результате чего ряд детдомов, например, в Ирбите, Кургане, Березовском, Перми и Истоке добились органической увязки всей учебно-воспитательной работы со школой.

В детдомах, слитых со школами, 100% охват всеобщим, улучшилась посещаемость, изживается второгодничество, повысился процент охвата пионерорганизацией, улучшилось в школе отношение к детям воспитанникам детдомов – стирается грань между детьми детдомов и населения.

Наряду с этим общее состояние детских домов в области в настоящее время очень плохое (Верхотурье, Долматово, Колчедан, Туринск и др.). Причины: совершенно недостаточное руководство детдомами со стороны органов народного образования – ввиду недооценки его значения; некачественный состав педагогического персонала в детучреждениях за последние годы снизился, из 600 чел. воспитателей по области с низшим образованием насчитывается до 50%, например, в Долматовском детдоме на 17 работающих – 14 чел. с низшим образованием, в Колчеданской коммуне из 10-ти – 7 чел. и т.д., систематической переподготовки этих кадров не проводится, большая текучесть среди работников (в ряде мест райорганизации отзывают лучших и перебрасывают их в школы или на хозяйственно-советскую работу, а в большинстве работники уходят сами, т.к. материально-бытовые условия их хуже, чем у работников школ); детучреждения плохо снабжаются продуктами питания и промышленными товарами. Из утвержденных Наркомснабом норм: муки 7 кг, крупы 1,8 кг, мяса 1,89 кг, рыбы 2,7 кг, масла животного 0,3 кг, сахара 1,5 кг, сала 0,3 кг детдома на местах получают 50–60%.

ПРИМЕР: Детдому на квартал:

	Полагается	Получено
Мука	3792	3000
Сахар	547 кг	434 кг
Крупа	675 кг	302 кг
Мясо	810 кг	183 кг
Рыба	810 кг	184 кг
Масло	90 кг	17 кг

Детдома в течение полугода не получили ни одного метра промышленных товаров. С переходом снабжения детдомов в систему Уралторга положение еще больше ухудшилось, например, Верхотурское заготовлено муку Пионергородку не отдал, а направил ее в Кушву, мотивируя, что городок снабжается через Кушвинский Уралторг. Дети остались без хлеба. Можно привести еще ряд случаев преступного отношения к снабжению детей.

Обеспеченность детдомов постельными принадлежностями на 40%, обувью на 50%, фонды в централизованном порядке все сняты.

Нового строительства детских домов не ведется и имеющиеся здания не ремонтируются, т.к. в течение ряда лет бюджетами РИКов и горсоветов ремонт не предусматривается, из-за чего жилая площадь детдомов сокращается и не обеспечивает нормальной жизни детей (Верхотурье, Колчедан, Долматово, Реж и др.).

По местному бюджету 1932 г. на содержание детдомов отпущено 3107400 рублей, на питание ребенка 120 руб., обмундирование 35 руб. в год.

Увеличен бюджет в текущем году на 1-го ребенка на 20 руб. в месяц, а стоимость продуктов увеличилась на 30% по сравнению с прошлым годом.

Выполнение бюджета идет чрезвычайно слабо.

ПРИМЕР: Сысертскому детдому на год:

	Утверждено	Получено III
Питание	3792	3000
Обмундирование	547 кг	434 кг

В этом детдоме имелся случай, когда была крупа 50 кг, которую не на что было выкупить.

Хозяйства при детдомах местными организациями зачастую разрушаются, что еще более ухудшает материальную базу домов. Так, у Верхотурского пионергородка в 450 человек, в истекшем 1931 г. по решению президиума

РИКа отобрано все хозяйство, которым пользовался городок с 1924 года (122 га леса, 33 га сенокоса, 37 га пашни, 18 га учебный участок, 40 парников, 41 голова скота и т.д.). Взамен отобранного хозяйства РИК ничего не дает, кроме 30–35 л кислого молока от сельскохозяйственного комбината.

Вследствие недополучения полной нормы питания и разрушения подсобного хозяйства в этом городке развиваются эпидемические заболевания, например, из обследованных 319 чел. детей в июле месяце оказалось здоровых только 3 чел., 114 с полным истощением и острые малокровные.[9.С.45]

Из-за недостаточного питания, скверных бытовых условий и неудовлетворительной работы дети Верхотурского пионергородка, Колчеданской коммуны, Долматовского и Туринского и др. детдомов разлагаются – воровство стало обычным явлением в этих детдомах.

Плохое состояние детских домов сигнализирует об ослабленном внимании к воспитанию детей в детдомах со стороны районных, партийных и комсомольских организаций. Требуется коренной перелом в деле улучшения состояния детских домов на Урале.

Просьба поставить этот вопрос на бюро или секретариате Обкома ВКП(б). Решение президиума ОблКК и коллегии ОблРКИ по этому вопросу прилагается." О резком росте беспризорных и безнадзорных детей, говорится и в докладной записке о состоянии работы по детской беспризорности в городе Кизеле от 17 октября 1932 г. Надо отметить, что бурный рост населения города Кизел, происходит именно в начале 30-х годов, и был связан, как и с увеличением добычи угля, так и с тем, что около Кизела и в самом городе, были расположены ряд учреждений системы ГУЛАГ.

"Настоящим Кизеловское горно ставит в известность о состоянии работы по детской беспризорности. Кизеловское горно и Деткомиссия для полной ликвидации беспризорности в 1931 г. открыли детский интернат на 50 чел. и приемник на 15 чел., которые полностью обеспечили помещениями, одеждой и обувью.

Но предусмотренное пришлось расходовать не на 50 чел., т.к. детей ежедневно прибывало десятками ввиду того, что в районе оказывались дети-сироты специальных переселенцев. Поэтому заготовленное для интерната ранее оказалось недостаточно для полного удовлетворения нужд интерната.

В настоящее время имеем в интернате детей 120 чел., 25 чел. кадровые дети, а остальные спецпереселенцы. В интернат зачастую привозят детей зараженных цингой, туберкулезом и др. болезнями.

В последний месяц вместе с детьми с лесосплава завезли в интернат тиф, поэтому 25% детей переболели тифом, но благодаря усиленной работе медицинского персонала заболевания быстро ликвидировали.

В настоящее время интернат перевели в большое хоршее помещение. Улучшили снабжение продуктами питания, но одежды теплой – пальто имеют дети на 60%, платье и белье имеется по 2 смены, валянной обувью дети обеспечены на 50%, одеялами обеспечены на 60%, подушками на 70%.

В интернате имеется 5 детей, которых необходимо изолировать, т.к. они разлагающе действуют на остальных, занимаются хулиганством, воровством и прочее.

Вообще в районе таких правонарушителей имеется 11 чел. Проводилось над ними заседание Комонеса, которое нашло лучшим послать их в колонию несовершеннолетних преступников.

Возили детей в Свердловск, но добиться мест в колонии не могли. Поэтому этих детей мы вынуждены опять поместить в интернат. Просьба к ОблДТК помочь нам в отправке этих детей в колонию.

Содержание интерната и прочих расходов производится в большем случае за счет Детской комиссии.

Кроме того ДК оказывает беднейшим детям помощь на дому ежемесячно в сумме 600 руб. Горно средств из местного бюджета не имеет.

1. На содержание интерната и детприемника ежемесячно расходуется ДТК 3000 руб.

2. По смете предусмотренной ДК средства перерасходованы.

3. Остальные расходы производятся из средств горно.

4. С настоящего времени содержание интерната должно быть целиком за счет горно, поэтому просим дополнительно отпустить 10 тыс. руб. на питание, оборудование мастерских, полное обеспечение детей обувью и одеждой." Инспектор СОЦВОСА – Ждахина. Отв. секретарь РайДТК – Смирнова.[1]

Из источников можно сделать вывод, что основные силы государства были направлены на борьбу с последствиями беспризорности, а не с причинами. Проблема беспризорности не решались, а загонялась вглубь. Государство не желало признавать, что новым мощным источником беспризорности были внутренняя социальная политика.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 603. Л. 39, 39
2. ГАСО. Ф. р-245. Оп. 2. Д. 171. Л. 104.
3. ГАСО. Ф. р-245. Оп. 2. Д. 171. Л. 105.
4. ГАСО. Ф. р-245. Оп. 2. Д. 171. Л. 107.
5. ГАСО. Ф. р-245. Оп. 1. Д. 2106. Л. 7.
6. ГАСО. Ф. р-245. Оп. 1. Д. 2106. Л. 6, 6
7. Лаврова И.А. Борьба с детской беспризорностью на Урале 1929–1941г. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук//Институт истории и археологии уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург, 2009
8. Лаврова И.А. Голод и беспризорность как чрезвычайная ситуация социального характера.// Инновационное развитие.2017.№ 9(14) С.22–24
9. Лаврова И.А. Детская беспризорность на Урале в первой половине 1930–х годов// Уральский исторический вестник.2008.№ 1(18) С.44–49

© И.А. Лаврова, (iralavrova@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ФОРМАТ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНФЛИКТНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ НАЧАЛА XX ВЕКА В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

THE FORMAT OF IDENTITY IN CONFLICT COMMUNICATIONS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY IN THE KAZAN GUBERNIA

*D. Luykshin
M. Galeeva*

Annotation

The Imperial rhetoric of the turn of XIX – XX centuries, in the discourse which the Russian princes acted as the jealous Champions of Orthodoxy, is not perfectly correlated with the state of Affairs within the Empire, where so-called "foreigners" accounted for more than half of the population, and the canonical doctrines of Orthodoxy were not more than a third of residents. In this situation, a relatively low conflict potential of interethnic and inter-religious dialogue between representatives of different cultures and worldviews within a single Imperial community *zaslujivaet* attention. However, the integrated model is hardly relevant, not to mention the fact that it is impossible, – therefore of the greatest interest to understand the nature of interethnic interaction and – consequently – the place of Russia in the number of legislators geopolitical fashion, represent the regional historical case studies.

Keywords: Islam, identity, Russia, Kazan province, communication, Orthodoxy.

Люкшин Дмитрий Иванович

К.и.н., доцент,

Казанский (Приволжский)

Федеральный университет

Галеева Мариям Арслановна

К.и.н., доцент,

Казанский (Приволжский)

Федеральный университет

Аннотация

Имперская риторика рубежа XIX – XX веков, в дискурсе которой российский государи выступали в качестве ревнивых поборников православия, не вполне соотносилась с положением дел внутри самой империи, где т.н. "инородцы" составляли более половины населения, а канонических догматов православия придерживалось не более трети жителей. В этой ситуации относительно невысокий конфликтогенный потенциал межэтнического и межконфессионального взаимодействия представителей разных культур и мировоззрений в рамках единой имперской общности заслуживает внимания. Однако создание интегральной модели едва ли уместно, – не говоря уже о том, что невозможно, – поэтому наибольший интерес для уяснения характера межэтнического взаимодействия, а, – следовательно – места России в ряду законодателей геополитической моды, представляют региональные исторические кейсы.

Ключевые слова:

Ислам, идентичность, Россия, Казанская губерния, коммуникация, православие.

Современная российская историография, – образцом которой вполне можно считать Жака Элиаса Франсуа Мари Паганеля, – пребывает ныне в состоянии некоторой онтологической неопределённости, что немного странно, после 25 лет рыночных реформ... но, – в целом, – объяснимо: положим, на генерацию первой научно-исторической теории тоже понадобилось четверть века, но в веке восемнадцатом, по крайней мере, не приходилось расчищать площадку от методологического мусора, оставшегося со времён крушения марксизма. Формирование на исходе XX века нового формата отечественной социальной структуры естественным образом отразилось и на содержании исследовательской традиции, где обнаружилась устойчивая тенденция до-полнения этацентристского повествования, составлявшего дискурсивную формацию русской истории, сюжетами истории социальной, реализуемыми на материале

региональных кейсов. Но этот естественный и, безусловно, необходимый процесс происходит совсем не быстро, поэтому ряд актуальных сюжетов объективно не попадает в поле зрения исторического сообщества и, соответственно, не может быть раскрыт средствами исторического познания. Проблема, однако, заключается в том, что элиты, да и социум в целом, избалованные марксистскими повадками советского обществоведения, тщатся обрести сегодняшние смыслы, в коллизиях минувшего. Одним из результатов этой методы оказывается экстраполяция элементов социального дискурса эпохи модерна на поле истории старого порядка. Ретроспективному удлинению этнической истории принадлежит в этих интеллектуальных практиках роль едва ли не эталона. Слов нет, именно в хронологических рамках новой и новейшей истории научным сообществом были осознаны и освоены интенции и формы собственной деятельности. Однако

претендуя на сохранение статуса социального института новейшего времени, истории, вероятно, имеет смысл более или менее внятно представлять основания собственного дискурса. Появление понятия этнического связано с историческими сценариями эпохи европейской модернизации, когда традиционная социальная архитектура уступала давлению новых форм. Идентичность (и прежде всего – самоидентичность) относится к практикам пост-традиционализма, в которых ни население, ни даже бюрократия континентальных империй в начале прошлого века не испытывали особой потребности.

Незыблемость деспотической власти российских государей на протяжении долгого времени свидетельствует о том, что созданная ей управленческая система, какой бы несовершенной она ни казалась со стороны, не вступала в противоречие с интересами большинства российского населения. Однако, это вовсе не означает положительного ответа на вопрос о доверии населения к власти и о степени его идентификации с вотчинным государством. Скорее можно констатировать высокую степень автономии большинства населения России от политической воли столичного центра. Естественно, что чем дальше был расположен регион от подножия трона, тем выше была степень самостоятельности жителей. Поэтому разумно предположить, что социальный мир, – который так высоко ставят отечественные патриоты, – в империи достигался не вследствие общественного консенсуса, а по причине отсутствия коммуникационной площадки и системы индикаторов, позволявших эффективно отслеживать эманации социального тела.

В этом смысле на ассимиляцию Поволжья в структуре российского государства влияли две противоположные тенденции: вотчинно-крестьянская экспансия и развитие коммуникаций "приближали" его к центру империи, а внешнеполитическая активность, вектор которой был ориентирован на Запад, то на Юг – "отдаляла". Пожалуй, впервые серьёзную заявку на приволжские ресурсы правительство сделало во времена Петра I, а окончание административной ассимиляции Поволжья связано с губернской реформой Екатерины II, учредившей духовное управление мусульман и разделившей нижнее и среднее течение Волги на губернии. После этих мероприятий правительство сочло быт населения вполне устроенным и фактически предоставило событиям идти своим чередом. Таким образом, с точки зрения рационально-фискальной государственной организации поволжские обыватели оказались полностью имплантированы в тело имперской метрополии. Конфессиональные различия *de facto* признавались, однако, никаких практических выводов из их наличия не делалось.

Волга сохраняла значение внутренней торговой артерии, соединивший хлебные прикаспийские и средне-волжские губернии с северными районами, постоянно

испытывавшими дефицит продовольствия. Этот хозяйственный механизм стимулирует, с одной стороны, совершенствование аграрных технологий в южных приволжских землях, а, с другой, – развитие ремесла в губерниях нечернозёмного центра и русского Севера. Крупнейшими речными портами становятся Нижний Новгород и Астрахань. Казань, в которой сосредоточены аппараты военного, учебного и судебного округов, доминирует в качестве административного центра всего региона. Сложившийся в бассейне Волги хозяйственный симбиоз стимулировал развитие внутреннего российского рынка, доставляя хлеботорговцам стабильную прибыль, употребляемую, как правило, для внедрения глубокой переработки сельскохозяйственной продукции непосредственно в экономиях. Однако же, доставляемых самодеятельным способом доходов было явно недостаточно для развития социальной инфраструктуры, поэтому инвестиционные характеристики Волжско-Уральского региона оставались невысокими.

Объединение разрозненных производителей в рамках единого природно-хозяйственного комплекса посредством рыночного механизма, архитектура которого была логично обусловлена особенностями внешней среды, открывало возможность для генерации поволжской социальной общности, но замкнутый характер поволжского рынка ограничивал возможности самоидентификации. Неактуальность аналитических процедур для большинства населения Поволжья, наряду с отсутствием носителей социального вызова, идентифицируемых как "чужаки" даже в умпостроениях бриколёров (термин К. Леви-Стросса*), которыми, несомненно, являлись крестьяне-общинники, фактически исключала возможность самоидентификации поволжского населения, во всяком случае, до начала XX в. Бриколаж как модус интеллектуального дискурса не предполагает негативную идентификацию, а, следовательно, и самоидентификацию, внутри автономной социальной общности, одним из типов которой и является деревенский мир. Обозревая вселенную бриколёр замечает лишь детали будущих конструкций, которые могут быть использованы с пользой для обустройства традиционного быта.

* Известный антрополог писал: "В наши дни бриколёр - это тот, кто творит сам, самостоятельно, используя подручные средства в отличие от средств, используемых специалистом" (Леви-Стросс К. Первобытное мышление. - М.: Республика, 1999, С.126).

Феномены не сулящие верной выгоды попросту игнорируются, в то время как полезные предметы инкорпорируются в гармоничную систему его жизненного мира. В "Неприрученной мысли" К. Леви-Стросс убедительно доказал, что данный тип мышления не может служить основанием для сегрегации сообществ или индивидов. Более того, сообщества, эксплуатирующие мифологическую картину мироустройства, отличаются завидной стабильностью и огромным запасом прочности, поскольку не-

формализованная традиция не позволяет знанию омертветь. Но вне зависимости от того признаем ли мы самоидентификацию недоступной или неактуальной для аграрных сообществ поволжского региона, приходится констатировать её неполноту.

В такой ситуации модернизаторские потуги представителей правящей элиты выглядели насилием над традиционными хозяйственным и социальным укладами (совокупность которых, применительно к деревенским общинам в дискурсе крестьяноведения обозначается термином "моральная экономика"), и в этом качестве воспринимались основной массой аграрных производителей без всякого энтузиазма. Массу проблем создавали столетним модернизаторам мультиэтничные и поликонфессиональные губернии Поволжья, что породило большевистский миф о специфическом революционаризме неправославного населения, изнывавшего под игом русского царизма и тиранией ортодоксальной церкви; а уже в постсоветский период – легенду о счастливом возрождении уммы с новой политической идентичностью и осознанием своей политической субъектности*.

* Гайнутдин Р. Призывы муфтия Гайнутдина на Международном форуме в Лондоне [Электронный ресурс]: преодоление косности, недоверия к разуму и герметичности уммы // Мусульмане России. Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации /Р. Гайнутдин. - Режим доступа: <http://dumrf.ru/upravlenie/speeches/10116>, свободный. Вероятно, после выступления муфтия Гайнутдина на Международном форуме в Лондоне в декабре 2015 г. сомнений в легендарном характере этого меседжа оставаться уже не должно.

Но ведь, для того чтобы как-то определить своё отношение к власти надо знать о её существовании, иметь некоторое представление о её идеально-типических характеристиках, что немислимо для бриколёра, не оперирующего рационально-логическими абстракциями. Между тем в начале прошлого века решить для крестьян вопрос идентичности было некому. Попытки задним числом возложить реализацию этой функции на интеллигенцию можно уже считать неудавшимися. Появление во второй половине XIX века профессиональной интеллигенции, – специфической социальной группы менее всего вписывающейся в сословную структуру русского населения, – не оказало существенного влияния на идентификацию и самоидентификацию поволжского населения. Начатые русскими а в особенности – татарскими интеллигентами поиски национальной самобытности были обусловлены стремлением рационалистически локализовать собственную социальную нишу. Поэтому интеллигентные искания были непонятны для крестьян-общинников, обретавшихся в традиционалистской ауре. К тому же численность пролетариев интеллекта оставалась, в сравнении с численностью крестьян, невысокой, что препятствовало попыткам организовать массовую, систематическую пропаганду. Образно говоря, Русь оставалась глуха к призывам братья за топор. Поэтому загадка Семнадцатого года манила исследователей, многие из которых положили свои карьеры, а не-

которые – судьбы*, лишь бы прочесть сокровенное предание на скрижалях истории.

* Речь, в частности, идёт об известном казанском историке Агдасе Хусаиновиче Бурганове.

Дискуссия о революции классов или революции масс* настолько захватила широкие слои мыслящей публики, что вывод о её схоластическом характере был проигнорирован сообществом, всё ещё продолжающим предъявлять аргументы третьей свежести.

* Эта оппозиция, как основной вопрос философии имеет несколько форматов, например: о пролетарском или общенародном характере Октября; о союзе пролетариата с крестьянством или только с беднейшим крестьянством, или о количестве беднейших крестьян в российской деревне.

С другой стороны, то обстоятельство, что "снятие" вопроса о характере Октября произошло на поле гносеологии, дезавуировавшей псевдонаучные построения марксизма, не просто оставило историков и интересующую публику без темы для коммуникации, но и – объективно – выставило вопрос о новой онтологии Октября. Предложенный В.П. Булдаковым образ "красной смуты"* не смотря на решительное увеличение объёма и второе издание** всё ещё не наполнен содержанием, поскольку исследованием природы насилия исчерпать тему смуты невозможно, даже если добавить к общей сумме конфликтной коммуникации межэтнические столкновения (хотя, как правило, речь идёт о конфликтах с интернациональным составом участников, то есть таких, где предмет спора не затрагивал этнические характеристики участников)***.

* Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. - 367 с.

** Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия Изд. 2-е, доп. - М.: РОССПЭН, Фонд "Президентский центр Б.Н. Ельцина", 2010. - 967 с

*** Булдаков В.П. Хаос и этнос: Этнические конфликты в России, 1917 - 1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М.: Новый хронограф, 2011. - 1096 с.

Поэтому историческое сообщество постепенно приходит к выводу о необходимости "внимательнее приглядеться к менее громким откликам на наступление модерна в России"*.

* Бруиш К. Крестьянская идеология для крестьянской России: аграризм в России начала XX века // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Учёные записки. 2012. Вып. 7. - М: Издательский дом "Дело" РАНХиГС, 2012. С. 158.

Собственно поэтому возникла и потребность вернуться к анализу межэтнической коммуникации в среде мелких аграрных производителей. В этой сфере существуют две легенды и одно заблуждение, суть которого сводится к тому, что Российская империя была русским государством для русских. Это представляется неверным, просто потому, что Российская империя никогда не позиционировала себя в качестве этнократии, сохраняя

приверженность конфессиональной идентичности, приобретённой ещё в эпоху Владимира Святого. Но и православной империей Россия тоже не могла быть, хотя бы потому, что в начале XX века более половины подданных русского царя не были не только русскими, но и православными. Порядка 60 % населения империи составляли, так называемые, инородцы. Большая их часть была мусульманами, что, однако, не мешало им активно сотрудничать с государством, считавшим своей миссией распространение православной веры и декларировавшим защиту её приверженцев во всём мире. Вживание в тело империи далось отечественным последователям Мухаммеда не без сложностей, но в начале XX века мусульманские анклав в сердце Российской империи воспринимались как нечто само собой разумеющееся. Во всяком случае, в Казанской губернии исламский уклад и образ жизни были широко распространены в локальных сельских обществах.

Что касается легенд, то они носят, – скажем так, – историографический характер: в рамках одой из них было принято интерпретировать любой конфликт с интернациональным составом участников, как проявление революционности, борьбы "за право наций на самоопределение". Другая – гласит, что дело не в революционаризме, а – в угнетении, которое испытывал на себе татарский народ, лишённый возможности молиться и читать на родном языке, хотя яналиф был введён только в 1928, а до этого тюркские народы России обходились арабской графикой, и всё это время, – лет эдак пятьсот, – не воспринимали в арабской вязи ущемления своих гражданских чувств...

Социальная архитектура мусульманской деревни в центральной России начала XX века и по сей день не вполне восстановлена, – изучение механизмов крестьянского сопротивления вообще затруднительно – прежде всего из-за скудости источников*, – но сохранившиеся документы того времени свидетельствуют, что эффективность аграрного производства в крестьянских хозяйствах поволжских татар была несколько выше, чем у русских.

* Посадский А.В. Руднянское восстание 1918 года // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Учёные записки. 2012. Вып. 7. – М: Издательский дом "Дело" РАНХиГС, 2012. С. 159.

Строго говоря, много работать мусульманам приходилось не столько из-за чрезмерно развитой нравственности, сколько по причине обнаружившегося в конце XIX века малоземелья. Демографический взрыв второй половины позапрошлого века привёл к сокращению душевых земельных наделов по всей России, однако, бывшие крепостные арендовали помещичьи поля. Мусульмане же, большинство которых числилось государственными крестьянами, были лишены такой возможности из-за отсутствия "своих" землевладельцев.

Попытки арендовать пашню и угодья у обитателей "дворянских гнёзд" встречали ожесточённое сопротивление местных крестьян. Большинство, так называемых межнациональных конфликтов, рубежа XIX–XX века при ближайшем рассмотрении оказываются именно конфликтами из-за права арендовать помещичьи угодья.

Отчаявшиеся инородцы предлагали более высокую арендную плату, православные апеллировали к традициям и Богу. Землевладельцы колебались между прибылями и привычкой и тогда свои крестьяне приводили последний довод: погромы в экономиях и драки с конкурентами. Правда, и друг друга православные лупили с не меньшим рвением, а всё из-за земли или лужков.

За века совместного проживания народы Поволжья и Приуралья не слишком хорошо узнали друг друга. Крестьянский мир заканчивался где-то за околицей, а там где нет контактов, не может быть и конфликтов. Столкнувшись с мусульманским аграрным вызовом, православные оказались всерьёз озадачены приисканием ярлыка для новоявленных конкурентов. Попытки же задним числом "пришить" к бытовому стычкам национальную или религиозную подкладку выглядят не слишком убедительно. Однако в годы Великой войны эта стереотипная идентичность подверглась серьёзной трансформации, свидетельством чего стали привлечённые внимание губернских жандармов пьянки в татарских деревнях во время Сабантуй 1916 года. Массовое сознание тех, кто пил на Сабантуе, должно было претерпеть существенную трансформацию, по отношению к традиционной татарской морали. Можно сказать, что пьяных татар следовало опасаться гораздо больше, нежели трезвых, поскольку этот вид подданных был неизвестен. Они не вписывались ни в одну из ниш имперской социальной структуры, да и в традиционной общественной организации места для них тоже не находилось. Однако, эти новые мусульмане уже пришли и жили среди обычных людей. Они начали генерировать инновационную культурную ауру, характеристики которой, впрочем, так и остались загадкой: в советское время маргинализация, принявшая характер государственной стратегии, растворила анклав пьющих татар в массе отчаянно запойного населения.

Однако, в годы гражданской войны поволжские крестьяне, – вне зависимости от конфессиональных параметров, – вновь продемонстрировали приверженность общинным формам хозяйствования, которые большевикам удалось подорвать, лишь организовав голодомор в 1921 году. Следовательно, говорить о внутренней мутации общины не приходится, потому как социальная модернизация и конфессиональная идентичность не являются, – как оказалось, – конкурирующими социальными статусами.

С другой стороны, – правомерно поставить вопрос о недостаточности конфессиональной идентификации личности для характеристики её потенциала в условиях модернизирующегося социума. И в этом смысле можно говорить как о недостатке инструментов идентификации

в арсенале профессиональных историков, так и о незавершенности процесса национальной самоидентификации, перехваченного большевиками. Впрочем, их эксперименты с навязанным самоопределением тоже триумфом не увенчались.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бруиш К. Крестьянская идеология для крестьянской России [Текст]: аграризм в России начала XX века // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Учёные записки. 2012. Вып. 7. / К. Бруиш. – М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС, 2012. С. 158.
2. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия [Текст] / В.П. Булдаков. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 367 с.
3. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия Изд. 2-е, доп. [Текст] / В.П. Булдаков. – М.: РОССПЭН, Фонд "Президентский центр Б.Н. Ельцина", 2010. – 967 с
4. Булдаков В.П. Хаос и этнос [Текст]: Этнические конфликты в России, 1917 – 1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. / В.П. Булдаков. – М.: Новый хронограф, 2011. – 1096 с.
5. Гайнутдин Р. Призывы муфтия Гайнутдина на Международном форуме в Лондоне [Электронный ресурс]: преодоление косности, недоверия к разуму и герметичности уммы // Мусульмане России. Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации /Р. Гайнутдин. – Режим доступа: <http://dumrf.ru/upravlenie/speeches/10116>, свободный.
6. Леви-Стросс К. Первобытное мышление [Текст] / К. Леви-Стросс. – М.: Республика, 1999. – 392 с.
7. Посадский А.В. Руднянское восстание 1918 года [Текст] // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Учёные записки. 2012. Вып. 7. / А.В. Посадский. – М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС, 2012. С. 159.

© Д.И. Люкшин, М.А. Галеева, (Dmitryi.Lukshin@kpfu.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Казанский (Приволжский) Федеральный университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РККА ВО ВРЕМЯ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1938-1939 гг.)

Македонский Андрей Викторович
К.и.н., доцент,
Государственный университет
по землеустройству

ACTIVITIES OF CULTURAL AND EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE RED ARMY DURING THE MILITARY CONFLICTS IN THE FAR EAST (1938-1939)

A. Makedonsky

Annotation

The article is devoted to the analysis of the activities of cultural and educational institutions of the Workers' and Peasants' Red Army during the military conflicts in the Far East in 1938–1939. Based on unpublished archival sources, cultural and educational work is shown in units and divisions during their stay in the Far East. The means, forms and methods of spiritual impact on servicemen, revealed achievements and shortcomings are considered. The main directions of work of cultural and educational institutions are singled out: provision of combat training, strengthening of military discipline, political education of personnel. It is emphasized that artists contributed significantly to the creation of a patriotic upsurge in the troops. It is noted that as a result of ongoing work to ensure combat training and strengthen military discipline with real achievements, there were significant shortcomings that can not evaluate its results as positive. At the same time, the time when you do this, when you gain momentum, when you gain momentum, and also the desire to get to the front. The conclusion says that the cultural and educational work in the Red Army during the fighting at Lake Khasan and on the Khalkhin–Gold River, with common in content and in form, had its own specifics. In connection with this, political agencies, when carrying out this work with personnel, placed the appropriate accents.

Keywords: Workers' and Peasants' Red Army, cultural and educational institutions, cultural and educational work, combat training, military discipline, political education, soldiers and commanders, servicemen, political agencies, political workers.

Аннотация

Статья посвящена анализу деятельности культурно–просветительных учреждений Рабоче–Крестьянской Красной Армии во время военных конфликтов на Дальнем Востоке в 1938–1939 гг. На основе неопубликованных архивных источников показаны особенности культурно–просветительной работы в частях и подразделениях в период их пребывания на Дальнем Востоке. Рассмотрены средства, формы и методы духовного воздействия на военнослужащих, выявлены достижения и недостатки. Выделены главные направления работы культурно–просветительных учреждений: обеспечение боевой подготовки, укрепление воинской дисциплины, политическое воспитание личного состава. Подчёркнуто, что существенный вклад в создание патриотического подъёма в войсках внесли деятели искусства. Отмечено, что в результате проводимой работы по обеспечению боевой подготовки и укреплению воинской дисциплины наряду с реальными достижениями имелись существенные недостатки, что не позволяет оценивать её результаты как позитивные. В то же время упомянуто, что итоги работы по политическому воспитанию бойцов и командиров РККА во время военных конфликтов на Дальнем Востоке можно охарактеризовать как довольно высокие, о чем свидетельствует рост их политической сознательности, тяга в партию и комсомол, а также стремление поехать на фронт. В выводе сказано, что культурно–просветительная работа в Красной Армии во время боёв у озера Хасан и на реке Халхин–Гол наряду с общими по содержанию и по форме чертами имела свою специфику. В связи с этим политорганами при проведении данной работы с личным составом расставлялись соответствующие акценты.

Ключевые слова:

Рабоче–Крестьянская Красная Армия, культурно–просветительные учреждения, культурно–просветительная работа, боевая подготовка, воинская дисциплина, политическое воспитание, бойцы и командиры, военнослужащие, политорганы, политработники.

Накануне Великой Отечественной войны Советский Союз принимал участие в нескольких военных конфликтах и войне. За это время был приобретён весьма ценный опыт проведения идеологической и, в частности, культурно–просветительной работы в войсках. Значительный интерес представляет деятельность армейских учреждений культуры во время боёв в районе озера Хасан (июль–август 1938 г.) и реки Халхин–Гол (июль–сентябрь 1939 г.), где части Рабоче–Кре-

стьянской Красной Армии (РККА) отражали агрессию милитаристской Японии.

Надо отметить, что в настоящее время проблема проведения культурной деятельности в Вооружённых Силах Российской Федерации остаётся крайне актуальной. Локальные очаги напряжённости на границах с Россией, военные конфликты, высокий уровень террористической опасности в международном масштабе определяют необходимость укрепления боевого потенциала частей и

подразделений, повышения бдительности и боевой готовности войск, совершенствования обучения и воспитания военнослужащих в новых условиях. В решении боевых задач, порой неожиданно возникающих перед войсками, существенная роль принадлежит воспитательной работе, важной составной частью которой является культурно-досуговая работа (современное название культурно-просветительной работы – прим. А.М.). Во время военных конфликтов на Дальнем Востоке, в частности, был приобретён значительный опыт проведения культурно-просветительной работы в боевых условиях.

Культпросветработа в частях и подразделениях РККА в ходе боевых действий была направлена на то, чтобы максимально способствовать обеспечению боевой готовности военнослужащих. В этом заключалось её основное содержание. Культурно-просветительные учреждения (клубы, ленинские комнаты, Дома Красной Армии (ДКА), библиотеки и т.д.) проводили разнообразную работу с личным составом вокруг вопросов боевой подготовки. Так, в период боёв у Халхин-Гола в одной из докладных записок говорилось: "Для популяризации лучших идей части организовать фотографирование с помещением последних в газете части, оборудовать доску отличников, а также практиковать фото-выпуск из боевой жизни части"[5, л. 168].

Заметное место в работе культпросветучреждений занимало такое направление, как укрепление воинской дисциплины. В вышеупомянутой докладной записке читаем: "ДКА всей своей деятельностью...способствует укреплению воинской дисциплины..."[5, л. 168].

Значительное внимание в работе армейских учреждений культуры во время военных конфликтов на Дальнем Востоке уделялось политическому воспитанию личного состава. Например, в период боёв у озера Хасан в частях 39-го стрелкового корпуса работники политотдела, возглавляемого полковым комиссаром М.С. Никишевым, на привалах выступали с беседами о международном положении, об агрессии японских милитаристов и т.д.[4, с. 155].

В то же время применительно к каждому из данных военных конфликтов можно выделить свои особенности в работе культпросветучреждений.

Содержание культурно-просветительной работы во время боёв в районе озера Хасан соответствовало их характеру – напряжённых, ожесточённых, в большинстве случаев скоротечных. Сложность и изменчивость обстановки потребовали от политорганов и политработников гибкости и оперативности.

Одной из центральных задач культпросветработы было воспитание у военнослужащих ненависти к захватчикам, стремления разгромить их, изгнать с советской территории. С этой целью разоблачались захватнические планы японской армии, агрессивная политика японского государства на Востоке. Для воспитания у бойцов и командиров ненависти к врагу и разъяснения им задач советских войск использовались все средства и формы культпросветработы. Командиры и политработники ста-

рались непосредственно влиять на каждого военнослужащего путём индивидуальных и групповых бесед, чтения лекций и т.д.

В культурно-просветительной работе во время боёв у озера Хасан полнее, чем в боевых действиях на Китайско-Восточной железной дороге, использовались возможности многочисленного низового идеологического актива. В каждом взводе самоотверженно работали книгоноши, затайники красноармейской художественной самодеятельности и др. Большинство подразделений выпускали боевые листки, помещавшиеся в походных ленинских комнатах и получившие распространение именно во время боевых действий у озера Хасан. Активисты, прежде всего коммунисты, во многом обеспечивали непрерывность и конкретность идейного воздействия на бойцов и командиров.

Существенный вклад в создание небывалого патристического подъёма в войсках вносили деятели искусства. Так, большую помощь в обслуживании личного состава частей РККА оказал Краснознамённый ансамбль песни и пляски Советской Армии под руководством А.В. Александрова, который дал более 100 концертов, где присутствовали десятки тысяч людей[1, с. 250].

Недостатком в культпросветработе во время военного конфликта в районе озера Хасан было отсутствие библиотек, которыми могли бы пользоваться книгоноши во время перерывов между боями.

Опыт культурно-просветительной работы во время боёв в районе озера Хасан имел большую практическую ценность. Он изучался всеми политорганами, партийными и комсомольскими организациями, командирами и политработниками РККА. Политическое управление Красной Армии обобщило его и опубликовало в сборнике "Бои у Хасана", который сыграл важную роль в подготовке политработников, партийного и комсомольского актива.

Главная особенность политико-воспитательной работы во время боёв на реке Халхин-Гол состояла в том, что Красная Армия выполняла поставленные задачи, свой интернациональный долг за пределами Родины, помогая дружественной Советскому Союзу Монголии отразить агрессию Японии. Но в то же время РККА защищала интересы своего государства, обеспечивала его безопасность. Поэтому важнейшей задачей культпросветработы было разъяснение советским военнослужащим интернациональных обязанностей, важность разгрома японских милитаристов для обеспечения безопасности дальневосточных рубежей СССР.

В начале наступления и в ходе его командеры и политработники, партийные и комсомольские организации доводили до каждого военнослужащего боевые задачи, выявляли и популяризировали отличившихся, вникали в настроение бойцов и командиров, информировали личный состав об успехах частей и подразделений. В войсках читались лекции об агрессии Японии, выпускались листовки, со сцены читались стихи-памфлеты, армейские художники, полковые мастера демонстрировали свои рисунки-карикатуры.

Особенности политико-воспитательной работы определялись и тем, что части и соединения РККА впервые сражались в боевом содружестве с армией братской Монгольской Народной Республики. С учётом этого одной из главных задач культпросветработы было воспитание советских воинов в духе интернационализма, боевого содружества с монгольскими воинами. В частях и подразделениях читались лекции, проводились беседы о принципах пролетарского интернационализма, о боевом содружестве с воинами монгольской армии. Подчёркивалась традиционная дружба советского и монгольского народов и их армий. С глубоким интересом бойцы и командиры слушали рассказы о совместной борьбе советских и монгольских воинов с войсками Р.Ф. Унгерна и другими белогвардейцами в 1921 году, о встречах В.И. Ленина и Сухэ-Батора, о роли Советской страны в становлении и развитии Монгольской Народной Республики.

Большое влияние на советских воинов оказывали выступления перед ними премьер-министра МНР, маршала Х. Чойбалсана и других руководителей Монгольской Народной Республики. Широко практиковались также встречи и вечера дружбы монгольских и советских воинов. Командиры и политработники Забайкальского военного округа вели большую разъяснительную работу в частях и подразделениях Монгольской Народно-Революционной Армии по вопросам слаженности и взаимодействия, взаимной поддержки в бою.

Во время военного конфликта с Японией на реке Халхин-Гол политорганы и партполитаппарат Красной Армии приобрели значительный опыт организации культурно-просветительной работы при проведении крупной армейской операции с применением разнообразных средств вооружённой борьбы. Впервые в большом масштабе проводилась культпросветработа в боевой обстановке в бронетанковых и авиационных частях. Полученный опыт организации политико-воспитательной работы в оборонительных и наступательных боях, в сложных природных условиях имел весьма важное значение. Он послужил исходным материалом для дальнейшего совершенствования политического и воинского воспитания личного состава Советских Вооружённых Сил в соответствии с требованиями современной войны.

Если говорить об итогах деятельности армейских культпросветучреждений по обеспечению боевой подготовки войск, то надо отметить, что в боях у озера Хасан военнослужащие Красной Армии показали высокое боевое мастерство, самоотверженность. Это признавали даже японцы. Так, майор Хирабари жаловался, что огонь советских танков был ужасен и очень меток, а поручик Кофуэндо отмечал, что красные хорошо используют винтовки, ружья и станковые пулемёты [3, с. 214]. Храбрость и мужество проявили части Красной Армии во время боёв на реке Халхин-Гол. Целый ряд проникнутых боевым духом заявлений и конкретных поступков, говорящих о высоком боевом мастерстве, подтверждают это. Приведём несколько примеров из итоговой сводки "О политико-моральном состоянии частей 1-й армейской

группы на 14 августа 1939 года". Так, командир отделения 3-го батальона 5-го мотострелкового полка К.Ф. Давыдов, член ВЛКСМ, заявил, что он со своим отделением всегда готов вступить в бой и наголову разбить японцев. Красноармеец 6-й батареи 185-го полка А.Е. Щеглов высказался в ещё более жёсткой форме, сказав, что он и его товарищи так покажут японцам, что у них полопаются глаза. Что касается проявлений воинского мастерства, то, к примеру, младший лейтенант 3-го стрелкового полка 82-й стрелковой дивизии М.И. Сушенцев, кандидат в члены ВКП(б), организовал разгром проникшей в расположение подразделения японской разведки в количестве 8 человек. При этом он лично из нагана в упор убил офицера противника. А красноармеец-связист той же 82-й стрелковой дивизии В.Г. Орлов, беспартийный, подвергся нападению со стороны японца в ночное время и был ранен им в руку. Тем не менее, он уничтожил врага гранатой и продолжал выполнять боевую задачу, отказавшись покинуть часть [6, л. 36, 37].

В то же время наряду с достижениями в боевой подготовке войск имелись существенные недостатки. Известны следующие факты: события у озера Хасан вскрыли серьёзные недоработки в мобилизационной готовности войск 1-й Дальневосточной (Приморской) армии, в работе штабов, частей и соединений и др. [2, с. 236]. Во время боёв на реке Халхин-Гол было засвидетельствовано немало случаев, связанных с низкой профессиональной подготовкой военнослужащих: неумение грамотно обращаться с оружием, плохое владение техникой и т.д.

Нам представляется, что результаты культмассовой работы по обеспечению боевой подготовки советских войск во время военных конфликтов на Дальнем Востоке можно охарактеризовать только как удовлетворительные. Несмотря на некоторые очевидные успехи, РККА показала невысокий уровень боевого мастерства во время этих событий.

Что касается итогов работы армейских учреждений культуры по укреплению воинской дисциплины, то, с одной стороны, ими был внесён весомый вклад в этом направлении. Систематическая деятельность по разъяснению существа и значения воинской дисциплины, пропаганда требований уставов и присяги, лучших образцов дисциплинированности давали положительные результаты.

Однако это не означало, что проблема укрепления дисциплины в Красной Армии во время описываемых событий была решена. В частях и подразделениях имелись аморальные явления и чрезвычайные происшествия. Так, красноармеец 8-й роты 3-го стрелкового полка Ф.М. Посшин произвёл из винтовки самострел в руку. А красноармеец 7-й роты того же полка П.Г. Титов самовольно зарядил гранату, а потом начал вытаскивать капсулю при помощи стекла. В результате произошёл взрыв, и Титов был ранен в руку [6, л. 37]. К сожалению, подобные случаи наблюдались нередко.

Анализируя столь противоречивую информацию,

представляется, что итоги политпросветработы по укреплению воинской дисциплины во время вооружённых столкновений между частями Красной Армии и японской Квантунской армии можно считать скорее удовлетворительными. Приходится констатировать, что вопреки активной, целенаправленной работе по пропаганде требований воинской дисциплины число нарушений оставалось высоким.

Причинами имевшихся недостатков в результатах работы культпросветучреждений по обеспечению боевой подготовки и укреплению воинской дисциплины, помимо их собственных недоработок, являлись развёртывание массового террора в РККА, нехватка квалифицированных культпросветработников в силу резкого увеличения численности Вооружённых Сил в конце 1930-х годов, а также усиление позиций в армейском руководстве людей, недооценивавших значение технических родов войск.

Необходимо подчеркнуть, что культурно-просветительная работа, как и идеологическая работа в целом, являлась, на наш взгляд, одной из ключевых причин, влиявших на состояние воинской дисциплины и уровень боевой готовности в РККА. Поэтому, несмотря на то, что культпросветработа была лишь одним из факторов обеспечения данных компонентов (среди прочих назовём изучение воинских уставов, боевую выучку и т.д.), не стоит принижать её значение.

В то же время в результате работы, проводимой культурно-просветительными учреждениями РККА в области политического воспитания, у военнослужащих, прежде всего, заметно выростала политическая сознательность. В вышеупомянутой итоговой политсводке за 14 августа 1939 года говорилось: "Политико-моральное состояние частей здоровое. Красноармейцы и командно-начальствующий состав имеют горячее желание быстрее уничтожить японских самураев, нарушивших границу МНР, и этим самым честно выполнить свой долг перед страной социализма и великим Сталиным"[6, л. 36].

Об общем политическом росте военнослужащих свидетельствовала их тяга в партию и комсомол. Так, во время событий на Халхин-Голе в одной из частей 1-й армейской группы было подано только за один день заявлений в ВКП(б) – 3, в ВЛКСМ – 13[6, л. 37].

Наконец, ещё одним показателем политического роста военнослужащих РККА в ходе боевых действий явля-

лось их стремление попасть на фронт. Во время сражений на реке Халхин-Гол бойцы отдельной маскировочной роты красноармейцы Титов, Лунёв и другие обратились к командованию с просьбой отправить их на фронт[6, л. 37].

На наш взгляд, итоги работы по политическому воспитанию личного состава Красной Армии во время военных конфликтов на Дальнем Востоке можно в целом охарактеризовать как довольно высокие. Об этом свидетельствует, прежде всего, рост их политической сознательности. Подавляющая часть личного состава безоговорочно поддерживала партийно-государственное руководство в отношении участия в том или ином конфликте. Также наблюдались значительное увеличение партийной и комсомольской прослойки, а также стремление бойцов и командиров РККА направить их в район боевых действий.

Таким образом, культурно-просветительная работа в Красной Армии во время боёв у озера Хасан и на реке Халхин-Гол наряду с содержанием и по форме чертами имела свою специфику. И в первом, и во втором случае армейские культпросветучреждения проводили активную работу по обеспечению боевой готовности войск, укреплению воинской дисциплины, политическому воспитанию личного состава. Кроме того, в боях у озера Хасан акцент делался на разоблачении захватнических планов японской армии, агрессивной политики Японии на Дальнем Востоке, а в сражениях на реке Халхин-Гол – на разъяснении интернациональных обязанностей, важности разгрома японских милитаристов для обеспечения безопасности дальневосточных рубежей, а также воспитании в духе интернационализма и боевого содружества с Монгольской Народно-Революционной Армией.

При проведении боевых действий в наше время культурно-досуговую работу в Российских Вооружённых Силах необходимо планировать с учётом исторического опыта культпросветработы в армии, сложившейся военно-политической ситуации и концентрироваться вокруг решения вопросов разъяснения военнослужащим причин военного противостояния и участия в нём России, геополитических интересов участников конфликта, необходимости защиты интересов страны, верности боевым традициям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипин Л.Н. Деятельность государственных органов и общественных организаций по воспитанию личного состава Красной Армии в межвоенный период (1921–июнь 1941 гг.): опыт, тенденции, уроки. Дис. ... докт. ист. наук. – М., 2001. – 382с.
2. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т.1. – М.: Воениздат, 1963. – 570с.
3. История второй мировой войны 1939–1945. Т.2. – М.: Воениздат, 1974. – 480с.
4. Политорганы Советских Вооружённых Сил: Историко-теоретический очерк. / Под ред. Г.В. Средина. – М.: Воениздат, 1984. – 400с.
5. Российский государственный военный архив (РГВА), ф.9, оп.29, д. 426.
6. РГВА, ф.9, оп.29, д.427.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БУГУЛЬМИНСКОГО УЕЗДА В XVIII-XIX вв.

Опубликована при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта №17-11-16018 «История Бугульминского уезда в XVIII – нач. XX вв.»

HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL CHARACTERISTICS OF THE BUGULMA DISTRICT IN THE XVIII-XIX CENTURIES

A. Mukhametdinova

Annotation

The article presents the historical and geographical characteristics of the Bugulma district in the 18th–19th centuries. The role and significance of such natural factors as river, soil, forest, steppe in the history of the region were studied. The interrelation of nature and features of the historical development of the region is considered. On the Bugulma earth, the forest can be traced to the steppe. The harsh climate contributed to the formation of features of the lifestyle of the local population. The rivers influenced the division of folk labor according to natural conditions and the geographical distribution of the population. The historical boundaries of the Bugulma Uyezd in the structure of the Ufa province, Orenburg and Samara provinces are determined.

Keywords: Historical and geographical characteristics, Bugulma district, rural municipality, administrative–territorial administration, post road, camp, Ufa province, Orenburg province, Samara province.

Мухаметдинова Алсу Ханнановна

*К.и.н., Казанский национальный
исследовательский технологический
университет, г. Бугульма*

Аннотация

В статье представлена историко–географическая характеристика Бугульминского уезда в XVIII–XIX вв. Изучены роль и значение таких природных факторов как река, почва, лес, степь в истории региона. Рассмотрены взаимосвязь природы и исторических условий развития края. На Бугульминской земле прослеживается переход леса к степи. Суровый климат способствовал формированию особенностей жизненного уклада местного населения. Реки оказывали влияние на разделение народного труда по естественным условиям и на географическое размещение населения. Определены исторические границы Бугульминского уезда в составе Уфимского наместничества, Оренбургской и Самарской губерний.

Ключевые слова:

Историко–географическая характеристика, Бугульминский уезд, волость, административно–территориальное управление, почтовая дорога, стан, Уфимское наместничество, Оренбургская губерния, Самарская губерния.

Выдающийся русский историк В.О. Ключевский подчеркивал, что "начиная изучение истории какого-либо народа, встречаем силу, которая держит в своих руках колыбель каждого народа, – природу его страны. ... необходимо отметить те физические условия, которые оказали наиболее сильное действие на ход её исторической жизни". [1, с. 44]

Ландшафт Бугульминского уезда изначально был многообразен: большие разветвленные реки, леса, горы и степи. Крупные реки Бугульминского уезда протекали с севера на запад. В южной части уезда находится водораздел системы Волги и Камы. Этот водораздел имеет для орографии и гидрографии всего уезда огромное значение, так как он делит середину уезда на две части. В восточной части реки системы Ика: Крым–сарай, Дымка, оба Кандыза с притоками текут на восток. В западной части – верховья Шешмы и Черемшана – на запад. Все высоты, превышающие 330 м, находятся или на этой линии,

или вблизи южной границы уезда между северным и южным Кандызами. [2, с. 7]

Так как Бугульминский уезд был обширно заполнен реками, создавались хорошие плодородные условия для заселения первых поселенцев. Рыбный промысел уезда был одним из самых значительных. В реках водились лосось и лохи, но особый интерес представляет форель, называвшаяся "пеструшкой". П.И. Рычков о ней писал следующие строки "называются по тамошнему пеструшки, отъ имеющихся красных пятен". [3, с. 309] В 1782 г. Екатерина II утвердила доклад Сената №15.427 "О гербах городам Уфимского наместничества", в котором говорилось: "Поименному Вашего Императорского Величества Высочайшему Указу учреждено Уфимское наместничество и ко оному приписаны города; но как из них некоторые по новому их учреждению гербов не имели: то в следствие сего по приказанию Сената правящим должность геральдмейстера Действительным Статским Советником

Волковым городам сие наместничество составляющим гербы, кои уже прежде были, те собраны, а учрежденным ныне городам сочинены вновь", прилагалось "Описание гербов городов Уфимского наместничества". В нем утвердился герб Бугульминского уезда: "В голубом поле серебряная рыба с голубыми пятнами, называемая пеструшка, которыми сей страны, воды весьма изобилуют". [4, с. 579]

До XIX века в Бугульминском уезде числилось 15 озер: Тумутук, Соскуль, Моховое, Кривое, Долгое, Сюндюково и другие. [5] Территория Бугульминского уезда была орошена во всех направлениях на протяжении всего периода, нежели другие уезды Уфимской, Оренбургской и Самарской губерний. Отсюда естественно вытекает и равномерность распределения влажности, поддерживаемой обилием леса, затем и однообразием почвы.

В почвенном отношении территория Бугульминского уезда относится к области северной границы чернозема, который В.В. Докучаевым назван предстепием. [6, с. 241] На землях Бугульминского уезда четко прослеживался переход от леса к степи. Климат – суровый, в январе и феврале всегда сильные бураны, поэтому на зиму обкладывали избу навозом до самой крыши. Лето же для хозяйственных культур было коротким.

Слабая заселенность территории связана с тем, что здесь проживали кочевые племена, которые летом перемещались со стойбища на стойбище. [7] Географические особенности уезда учитывались царским правительством, ссылавшим неблагонадежных людей в данный регион.

Бугульминская слобода формировалась на протяжении 1736 – 1750 гг. П.И. Рычков указывал: "Да Бугульминская земская контора съ подчиненными къ ней слободами и жителями на большой Московской дороге, у которой подъ ведомством состоят другие слободы, а именно: Письмянская, Кувацкая, Богоросланская, Кандыжская и еще разные по той большой дороге и въ сторонах отъ неѣ находящиеся российские и иноверческие жительства". [3, с. 46–47] Бугульминская слобода со временем становится центром управления остальными слободами, а в последующем – уездом с волостями. Это объясняется: во-первых, географическим расположением: через неё проходила Большая Московская дорога, по которой осуществлялась почтовая гоньба; во-вторых, в Бугульминской и соседних слободах проживало большое количество бунтовщиков-иноверцев, за которыми был необходим постоянный контроль; в-третьих, по особливому указу Сената в Бугульминскую слободу высылали ссыльных, которые не могли работать и иметь пропитание.

Согласно реформе административно-территориального устройства страны, Бугульма в 1781 г. получает статус уездного города. В 1788 году было составлено то-

пографическое описание Уфимского наместничества, где отмечалось: "Самой же губернский город Уфа наперед сего был городом провинциальным Оренбургской губернии, так, как и Челябинск. Город Бирск, Мензелинск и Сергиевск прежде всего были приписные пригородки; Верхноуральск, Бузулук и Троицк переименованы городами из прежних пограничных крепостей; Оренбург наперед сего был город губернской, а Бугульма – ко оному приписанной". [8]

Постоянно предпринимались попытки сделать Оренбург губернским центром, но каждый раз он становился центром на непродолжительный период. Территория Оренбургской губернии постоянно расширялась, и сам Оренбург оказывался на окраине своей губернии. Таким образом постоянно возникала необходимость возврата губернских правительственных учреждений в Уфу. Перенос характеризовался тем, что многие донесения очень долго доставлялись. Об этом в своем донесении отмечал Н.Н. Бахметов: "ибо Оренбург будучи отдален от всех уездов и на самом почти конце губернии, первым крайне медленно доставляет потребные из уездов сведения или требования, и так что иногда одно нужное обстоятельство ожидается более шести недель".

Согласно российскому атласу, составленному в 1792 году, мы можем достаточно четко определить границы Бугульминского уезда Уфимского наместничества: на востоке граничил с Белебеевским уездом, на юге – с Бугурусланским и Сергиевским уездами, на западе – с Казанским наместничеством, на севере – с Мензелинским уездом. Координаты Бугульминского уезда: широта 54°31'7"/, долгота 52°51'2"/.

На "Генеральной карте части России, разделенная на губернии и уезды", составленной в 1799 году, мы можем увидеть почтовую дорогу, по которой совершали свое путешествие И.И. Лепехин и П.С. Паллас. Маршрут проходил через Бугульминский уезд.

Из Бугульмы выходило 4 почтовых дороги: первая шла через Ямашбаш, Алькеева и уходила в Мензелинск, вторая – через деревни Каракашлы, Албаева, уходила в Бирск, третья – в деревни Квашева, Ярыково, Аднагулово и уходила в Уфу, четвертая дорога через слободу Малобугульминская, деревни Верхнодымская, Бабчермиш, оттуда в Сергиевск Богурусланского уезда. После она расходилась на Волжск и Уральск. Таким образом, Бугульминский уезд был важным связующим центром, через который передавалась почтовая гоньба. Уезд был напрямую связан со всеми уездными городами, в том числе с городом Уральском, который находился на границе русского государства со степью Киргиз-кайсаков. Для Бугульмы не имело особого значения, куда переводился губернский центр – в Уфу или в Оренбург. С обоими центрами у Бугульмы были хорошие почтовые дороги.

Для определения географических границ Бугульминского уезда в составе Оренбургской губернии нами была рассмотрена карта Оренбургской губернии 1802 года. Необходимо отметить, что границы уезда практически не менялись с переходом от Уфимского наместничества в Оренбургскую губернию. Уезд сохранил свою территорию.

Всего на территории Бугульминского уезда в период с 1796 года по 1802 год с вновь образованными селениями находилось 176 населенных пунктов.

На этом постоянные переводы уезда из губернии в губернию не ограничились. Новые причины его перехода возникли в 1851 году. Указом № 24708 Николай I "О образовании на левом берегу Волги новой Самарской губернии", в котором указывалось: "Для облегчения местного управления губерниями: Оренбургской Саратовской, и Симбирской Повелеваем: Губернию сию составить из трех уездов Оренбургской губернии: Бугульминского, Бугурусланского и Бузулукского...". [9, с. 279]

Чтобы определить внутренний состав уезда и его границы в составе Самарской губернии, необходимо рассмотреть статистические данные. В скобках мы расположили названия, которые встречались в рассматриваемый нами период. Территория Бугульминского уезда была разделена на станы и выглядела следующим образом:

1-й стан на казанском почтовом тракте из Бугульмы в город Чистое поле: Старый Карабаш, Абдрахманово, Нижняя Мактама, Тихая Ерыклы (Тихоновка), Альметьево, Бигашева, Кульшарипово. По правую сторону: Дуровка, Дмитриевка, Новая Дмитриевка, Федоровка, Никольское (Микулино), Александровка, Подгорная (Владимировка), Бирючевка, Нолинский завод, Новый Кашир, Новая Надыровка, Камысмаилово, Бишмунча, Урсалыбашь, Сульева, Тайсуганово, Шарлама, Ямашь, Урсала, Новый Карабаш (Кудашево); По левую сторону тракта: Солдатско-Письмянская (Панская), Рождественское (Марьиново), Горки, Верхняя Мактама (Мухтамабаш), Зай-Каратай, Маметева, Чупаево, Менлибаева, Васильевка (Абрамовка), Кичучатово.

По проселочному тракту из Бугульмы в Симбирск. Верхняя Леци, Пантелеевский, Куакбашь, Нижняя Чершилли, Кузьминовка. По правую сторону тракта: Татарский, Сходиева (Чертанла), Новое Суркино (Бусеряк), Старое Суркино (Батрак), Ивановка, Верхние Чершилли. По проселочному тракту из Бугульмы в Мензелинск: Какрыилга, Кашимова, Масыгутова, Минлигулова, Чубарь-Абдулова. По левую сторону тракта: Павловка, Алькеева, Верхнее Яньево (Мальбагуць), Нижнее Яньево. По границе Мензелинского уезда Оренбургской губернии: Мензиленбашь (Бикбулатово), Ильбякова, Буралы. По границе 4 стана уезда: Старая Сумаруково, Старая Зверьевка,

Новая Зверьевка, Анновка (Чемодуровка), Ключевка, Николаевское, Семеновка (Аполинарровка), Ивановское, Николаевское, Андреевское (Алферовка), Подлесная Хаймовка, Александровка (Моревка), Большой Сухоящ, Урсаева, Чалны. При границе 2 стана уезда: Федотовка (Аналык), Сарабикулово, Мукшень-Каратай. По границе 3 стана уезда: Ромашкно (Тимяшева), Кузайкино (Шегушла), Северовка (Кислинка), Чути.

2-й стан на казанском почтовом тракте из Бугульмы в город Чистое поле: Кичуй (Кичуйская крепость), Анковская (Оначка), Богословский завод. По правую сторону: Нагорная, Баграшевская полянка, Нижняя Кармалка, Верхняя Кармалка, Варваринка, Урмышлы, Сеитова (Кирлигачь), Софиевка, Андреевка (Глазова, Кирлигачь), Воздвиженка (Хутор), Шешминск (Крепость Шешминская).

На Симбирском проселочном тракте: Старый Кувак, Старая Утямышева, Старая Афонькина, Тимяшева (Щербень), Новая Уометева (Устюмкина), Девлизеркина. По правую сторону тракта: Мордовская Кармалка (Сарабикулова), Подлесная Утямышева, Лагерка, Мордовская Лонкина, Ишла, Чегадайка (Нижний ключ, Мансурово), Малая Чегадайка, Черемшан (Черемшанская крепость), Лашманка (Сюльча), Амирова, Сапейкина, Подлесная Андреевка, Емелькина (Малая Танба), Малая Девлизеркина (Лашманка). По левую сторону тракта: Алтунина, Новый Кувак (Хутор), Семенова (Шарла), Четырла, Новая Сережкина, Старая Сережкина, Нижняя Туарма, Туарма (Смолькино), Баландаева, Денискина, Каменка, Карабикулова. Близ границ Бугурусланского уезда: Сенькина (Суркина), Вязовка, Старая уркина, Васильевка (Осиповка), Новая Суркина (Ивановка), Липовка (Новая Шентала), Подлесная Шентала (Богоявленское), Багана. Близ границ истопольского уезда Казанской губернии: Артюшкина, Костюшкина (Васькина), Петровское, Поляна (Полянский редут), Умовский, Отрадовский, Никольское (Ермолаевка).

3-й стан на почтовом тракте Бугульмы в Бугуруслан: Верхнедымская, Старая Домосейкино (Домосерка). По правую сторону тракта: Базаровка, Васильевское, Борисоглебское (Борискино), Наумовка (Злыдаровка). По левую сторону тракта: Забугоровка, Андреевка, Гуляева (Мариенберг), Масловка, Медведка, Сула (Верхосулье), Петровка, Старая Чирикова, Новая Чирикова, Федоровка, Плотникова, Петровское, Павловка, Подколошное (Горки), Николаевское, Надежкина, Никольское, Николаевская, Михайловская (Новая Мертовщина), Михайловское, Димитровское (Жмакии), Егоровка, Екатериновское, Борисоглебская (Старая мертовщина), Грековка, Александровка, Черновка, Васильевка, Суходол, Фомищевка, Новая Домосейкино, Новая Борискина, Кандызла (Добрая Ерыкла), Ибраева, Аксеновка, Алексеевка, Андреевка, Черный ключ, Секретарка, Маторина.

На большой дороге из Бугульмы на Сергиевск: Новая Бугульма, Михайловка, Доброино, Маклаушь, Старый Казбулат, Клявлинка. По правую сторону дороги: Старописьмянская (Ясашная Письмянка), Малаховка, Малый Дын-гизь, Чувашская Ивановка, Александрова (Дурасова), Новописьмянская, Балахоновка, Боровка (Мордвинцево), Надырово (Шегушла), Юлтемирова, Сухоречка, Сходнева (Урдалка), Шешминка, Каркаля, Назаровка, Новый Казбулат, Реприновка, Спиридоновка, Новая Урдала (Старая Поляевка), Токтарова, Урдала (Новая Щербинина), Шугурова, Александрова (Маслова), Бакирова, Елизаветинское, Зеленый ключ, Старое Иштярякова, Новодубенское, Новый Иштяряк, Старая Резяпкина, Усакла, Черный ключ, Ойкина (Новозяпкина), Абдикеева. По левую сторону дороги: Николаевна, Ивановка, Ивановка (Подбельского), Шаталовка, Елизаветинское, Новый Маклаушь, Петровка.

4-й стан на почтовом тракте из Бугульмы в Уфу: Акбашева, Абсалямова, Муртазина, Ташлы, Дымтамакова, Кротовка (Александровка), Алабакуль, Екатериновка, Старые Чути, Казылярова. По левую сторону тракта: Аыселок-на-Заю, Соколка, Ключи, Ефановка (Хуторское), Акшуват, Чирково, Урусу. По Оренбургскому почтовому тракту: слобода Малобугульминская, Спасское (Рычково), Знаменка (Батурино), Дымская, Лукино, Татарский Кандыз, Сулейманово, Кряжлы, Малая Ефановка. По левую сторону тракта: Новоспасское, Яковлево, Лукинка, Фомнновка, Ивановка (Пунина), Хансвиркино, Ноновка, Алексеевка, Салихова, Измайлово, Новые Чути. По тракту из Бугульмы в Белебей: Семенова (Наратла), Потапова Тумбарла, Татарская Тумбарла, Реньевка (Танызь), Васильевка (Урус-Тамак), Мордовская Дмитриевка, Старое Исаково (Лисьи Горы), Новое Исаково, Байряшь, Ивановка (Лекаревка), Огородникова, Семькина, Рыкова (Петропавловское), Ташла (Зайтова Узла), Васильевка (Федоровка), Покровка (Урустамак), Новые Шалты, Сергушкина. По левую сторону тракта: Аполи-

наревка (Ивановка), Васькина (Туйрала), Миная Дубовка, Бавлы, Исергапова, Сипайловский. Между границей Белебеевского и Мензелинского уездов: Никольское, Новое Сумаруково, Бурнашевка, Ростовка (Колчевка), Димитровка (Соловьязь), Болтачева, Агирзи, Тойкина (Аблаева), Азнакаева, Уразаева (Медведева), Асьева, Сапьева, Новая Митряева, Урманаева, Тумутук, Коптяки, Еланкулева, Сасыкулева, Сарла, Суюндикова, Стерлитамак (Усманова), Учали, Агирова, Нижний Сухояшь, Банки Сухояшь, Радужный приют, Каразериково, Воскресенское, Акты- карань, Аитова, Борисовка, Байряки, Каракашлы.

Статистические сведения дают нам перечень поселений Бугульминского уезда во второй половине XIX века, на период которого насчитывалось 320 населённых пунктов и 15 мелких селений. [10, с. 181]

Из выше приведенного мы можем сделать вывод о том, что почтовые дороги, которые использовались в 1796 году, продолжали эксплуатироваться в XIX в. в полном объеме. За 55 лет в составе Оренбургской губернии количество вновь образованных деревень и сел в уезде составило 144. Это объясняется, во-первых, хорошей развязкой почтовых трактов, соединяющихся с уездами и городами, далеко выходящими за границы уезда и с усилением значения Большой Московской дороги и ее изрядным заселением. Во-вторых, оказало влияние переселенческое движение: татарские и башкирские селения остались прежними, но увеличилось количество мордовских и чувашских селений.

В Бугульминском уезде в составе Самарской губернии было образовано 4 стана и 38 волостей. Уезд оставался в Самарской губернии до 1920 года, после которого был упразднен и образован Бугульминский кантон в составе Татарской АССР, а с 1930 года был образован Бугульминский район Татарской АССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. – М.: Олма-Пресс образование, 2005. – С. 44
2. Безсонов А.И. Краткий физико-географический и почвенный очерк Бугульминского уезда. – Самара: Земская тип., 1904. – С. 7
3. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Оренбург, 1887. – С. 309
4. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 21. – 1830. – С. 579
5. ГАОО Ф. 6. Д. 12152. Л. 1
6. Докучаев В.В. Русский чернозем: Отчет Императорскому вольному экономическому обществу. – СПб., 1883. – С. 241
7. ГАОО Ф. 6. Оп. 2. Д. 883. Л. 2
8. НИО ОР РГБ Ф. 178. Д. 8818. Л. 5
9. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 25. – 1830. – С. 279
10. Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 5: Бугульминский уезд. – Самара : Земская тип., 1887. – С. 181

БУГУЛЬМИНСКИЙ КРАЙ В XVII - XVIII вв.: ПРЕДПОСЫЛКИ ОСВОЕНИЯ ЗЕМЕЛЬ И ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ УЕЗДА*

* Опубликовано при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта №17-11-16018 "История Бугульминского уезда в XVIII - нач. XX вв."

BUGULMA REGION IN THE XVII-XVIII CENTURIES: THE PRECONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT OF THE TERRITORY AND THE PECULIARITIES OF FORMATION OF THE COUNTY

*A. Mukhametdinova
S. Nedobezhkin*

Annotation

The article considers the main prerequisites for the development of the Bugulma region by the Russian state in the 17th–18th centuries. Archival sources, characterizing the peculiarities of the Bugulma Uyezd formation, have been identified and analyzed. For the first time a source is introduced into scientific circulation, according to which it became known about the existence of Bugulma from the 16th century. Attention is paid to the ethno-social aspects of the settlement of the Bugulma region.

Keywords: Bugulma settlement, county town, Zakamsky zasechnaya line, Zakam fortresses, service people, arable soldiers, retired non-commissioned officers, Nogai Horde.

*Мухаметдинова Алсу Ханнановна
К.и.н., Казанский
национальный исследовательский
технологический университет,
г. Бугульма*

*Недобежкин Станислав Владимирович
Ст. преподаватель, Казанский
национальный исследовательский
технологический университет,
г. Бугульма*

Аннотация

В статье рассмотрены основные предпосылки освоения Бугульминского края русским государством в XVII–XVIII вв. Выявлены и проанализированы архивные источники, характеризующие особенности становления Бугульминского уезда. Впервые вводится в научный оборот источник, согласно которому стало известно о существовании Бугульмы с XVI в. Уделено внимание этносоциальным аспектам заселения Бугульминского края.

Ключевые слова:

Бугульминская слобода, уездный город, Закамская засечная черта, закамские крепости, служилые люди, пахотные солдаты, отставные унтер-офицеры, Ногайская Орда.

В современном российском обществе значительно вырос интерес к краеведению. Этот интерес обусловлен переосмыслением своей истории и возрождением регионального самосознания. На фоне этих изменений проявляется внутренняя потребность самой исторической науки в определении роли народов и регионов в формировании историко-культурного пространства России. В связи с этим существенный интерес представляет изучение истории заселения Бугульминского края.

Возникновение города Бугульмы и Бугульминского уезда является составной частью исторических процессов, ставших следствием геополитики Московского государства в освоении новых земель в восточном направлении. Самое раннее упоминание о Бугульме, указанное Л.Ф. Змеевым относится к 1736 г. "Указ Сената о заселении отставных унтер-офицеров и рядовых чинов в кре-

постях и поселениях Закамской черты". [1, с. 23] Наиболее раннее архивное упоминание о Бугульме относится к переписи населения II ревизии в Уфимской провинции в 1747 году: "В деревне Бугульме ясашные татары – Максим Тохтамышев 50 лет, у него сын Аклир 16 лет; Якшимбет Ишитов 45 лет, у него дети – Мавлет 16 лет, Егафер 4 года, у него ж Якшимбета братья родные – Акмет 42 года, Сапер 38 лет; у Акмета сын Аклир 4 года; Али Асанов 53 года, у него дети Сеит 12 лет, Асан 6 лет; Бикмет Наурузов 45 лет. Итого в деревне Бугульме мужского пола – 12 душ". [2] При просмотре документов XVII века "Писцовая книга" [3] и начала XVIII "Ландратские книги и ревизские сказки" [4] сведений о Бугульме не обнаружено. По "Ведомостям о наличии крепостей, подведомственных Оренбургской комиссии" от 1739–1744 г.г. установлено, что на протяжении 30-х годов, вплоть до 1745 г., Бугульма в числе крепостей Закамской линии не числилась. [5] Согласно сведениям, взятым из "Списков

населённых мест Российской империи" [6, с. 23], Бугульминская слобода в 1745–1750 годах возникла в результате "переселения сюда пахотных солдат, особенно отставных во избежание нищенства и бродяжничества" из пригородов "Старошешминска, Новошешминска, Тиинска, Заинска, отчасти с Яика". [7]

Надыровская волость положила начало возникновению татарских поселений в Бугульминском крае. Земельное владение служилого татарина Надыра Уразметова находилось между уездами Казанским и Уфимским, по рекам Заю, Шешме и Черемшану. [8, с. 5]

После падения Казанского ханства Российскому государству необходимо было укрепить свои рубежи от кочевых племен, а также продолжить постепенную колонизацию территории Ногайской орды и киргизских степей. В 1651 году по поручению правительства на Закамской стороне проводились работы Степаном Змеевым и Григорием Львовым. Ими была оставлена "роспись и чертеж Закамской засечной земли". [9] В грамоте, отправленной из Москвы боярину Н.И. Одоевскому, было указано: "устроить города и жилые и стоялые остроги, и всякие засечные, и земляные, и деревянные крепости от Волги реки и до Ику реки, и вниз, и до Камы против росписи, и чертежу по рассмотрению, в которых местах городам, и острогам, и засечным крепостям быть пристойно". [10, 18, об. 19] В 1652 году Н.И. Одоевский приступил к выполнению приказа. Для построения Закамской черты привлекалось в основном нерусское население, в том числе переселялись казаки и конные стрельцы.

Возведение Закамской черты с 1652 по 1656 г.г. было вызвано несколькими необходимостями. Во-первых, для защиты присоединенных территорий от набегов кочевых племён, в основном ногайцев. Во-вторых, это были опорные крепости для продолжения колонизации и завоевания Закамских государств. В-третьих, построение таких черт по всей границе государства давала возможность вести дипломатические отношения на более выгодных условиях.

Первым исследователем, кто осветил строительство Закамской черты, являлся Г.И. Перетяткович, который рассматривал её возведение только со стороны интересов "правительства молодого царя о новых переселенцах в Закамские страны". [10, с. 139 – 166] Исследователь Р.Г. Буканова указывает четкие границы старой Закамской черты: "Старая Закамская черта начиналась у крепости Белый Яр, шла на северо-восток по правому берегу р. Черемшан на Ерыклинский острог, Тиинский острог, отсюда через обширный лесной массив шириной 140 км достигала Шешминского острога на реке Шешме (ныне с. Шешминское), затем достигала Кечуевского острога – ныне с. Кечуй, от него шла к г. Заинску и, наконец, заканчивалась в г. Мензелинске на левом берегу Камы. По-

следний был самым мощным в системе обороны черты". [11, с. 20]

Заселение Старой Закамской черты происходило путем переселения дворцовых крестьян из деревни Чалны. Значительная часть которых будет в дальнейшем населять Бугульминский уезд. От князя Н.И. Одоевского и князя Б.И. Троекурова требовалось "послать казанца дворянина, да съезжие полаты подьячего добрых, кому мочло было верить". [12]

Н.И. Одоевский поручил это распоряжение Михаилу Змееву и подьячему Ивану Арапову: "крестьян и бобылей и стрельцов и их детей... переписать до одного человека, а переписав велено Пх отвезть на Закамскую черту в новые города и остроги и устроить их в тех новых городах и острогах на вечное житье в службы по государеву указу". [13] В грамоте даны указания по поводу имущества крестьян: "а которой у них хлеб стоячей и молочной и дворы останутца в селе Чалнах и в деревнях, и в починках и тот хлеб и дворы после их велено приказать оберечь тутошним окольным людям...". [14] Разрешалось также свое дворовое строение "перевести на Закамскую черту потому ж повольно и на Закамской черте в указных местах велено им дворы свои строить...". [14] Ожидая недовольство и возможное сопротивление крестьян, документ предписывал: "А будет, которые служилые люди стрельцы и крестьяне и бобыли на Закамскую черту из села Чалнов из деревень и с починков ехати не похотят и тех велено выслать в неволю, а за послушание велено им делать наказание – бить батоги и сажать в тюрьму...". [15] Многие крестьяне были недовольны невольным переселением и лишением своего имущества, однако были вынуждены семьями переселяться за Закамскую черту в Ногайские степи и заселять Бугульминский слободу. Другая часть переселенцев, отслужив положенный срок, вернулись к земледельческим занятиям в качестве крестьян однодворцев и стали заселять село Соколка Бугульминской слободы. [16]

После постройки Новой Закамской линии началась широкая колонизация края. П.И. Рычков описывает это событие следующим образом: "Из пригородов Закамской линии, а именно из Старошешминска, Новошешминска, Заинска, Тинска, Ерыклинска; ибо детьми их полки комплектуются, а престарелые и служить не могущие по отставке их обыкновенно въ той слободе на житье отпускаются". [17, с. 6] Башкиры в течение пяти лет 1735–1740 гг. продолжали "выжигать и разорять многия яшашная, мордовския, черемисския и других народов села и деревни и многих людей бить и в полон брать", скрываясь от преследования русских войск в горах Бугульминского уезда. В 1740 году русским войскам удалось нанести башкирам поражение. [18, с. 6] Для заселения новых земель были изданы указы "снять запрещение покупать у башкирцев земли и угодыя (которыми

кочевники мало дорожат), чтобы мешались с посторонними". [19, с. 15]

В именном указе Анны Иоанновны № 7136 "О поселении отставных от службы унтер-офицеров и рядовых не имеющих своих деревень и пропитания, близ границ на пустынных землях; о присвоении им права владеть данною им землей вечно, не отчуждая в посторонние руки; об установлении порядка наследия между сими поселенцами; о построении церквей и об учреждении школ в их селениях" [20, с. 1013] говорилось следующее: "селить близ границ на пустынных землях, а именно в Казанской губернии пригороде старом Шешминске, новом Шешминске, Заинске, Тинске, Ерыклинске, Билярске из которых служилые люди определены в Ландмилицию, и переводятся на закамскую линию. В той же губернии по реке Кондурчъ отъ закамской линии до города Красного Яра и другие там около Башкирцевъ местях". [20, с. 1013]

Вторая волна заселения края началась в 1744 г. при Елизавете Петровне сенатским указом № 8892 "О поселении по Закамской линии въ крепостях отставных унтер-офицеров и рядовых не имеющих пропитания". В данном документе говорится следующее: "чтоб оно тут не пропало. Того ради упомянутую Закамскую линию поручить в ведомство ... для поселения отставных унтер-офицеров и рядовых драгун и солдат селить вместо Казанской губернии, в пригородках Старошешминска, Заискутинска, Ерыклинска и Билярска, въ построенных по Закамской линии крепостях". [21, с. 39]

Таким образом, в Бугульму были переведены пахотные солдаты из крепостей Старо-Шешминска, Ново-Шешминска, Заинска, Тиинска. Для престарелых и неспособных к работе солдат тогда же была устроена здесь богадельня. Бугульминская слобода сделалась центром управления всех других слобод: Письмянской, Кувацкой и Бугурусланской и в ней была учреждена земская контора. В 1735–1770 г.г. было основано до 25 селений, которые большею частью были расположены по обе стороны линии закамских крепостей. Все они заселены были служилыми людьми (татарами, башкирами и тептерями, следовательно, имели пожалованные земли) или "вольными и беглыми крестьянами, пришедшими сюда из губерний Курской, Рязанской, Пензенской, Симбирской, Казанской и Мензелинского и Белебеевского уездов Уфимской губ". [22, с. 16]

Самые первые упоминания о Бугульме нужно искать в летописях других народов. Таковым является летопись села Старое Ермаково. [23] В ней говорится "в 1521–1535 годах при ханах Сафа-Гирее и Мухаммед-Амине из племени Туйхужа его сын Асыл-хужа – Хусаин получил ярлык на право владения землей близ Бугульмы... по р. Сок". [24, с. 55]

Есть еще один источник, который косвенно указывает о существовании Бугульмы в XVII веке. В царской грамоте Байлярской волости д. Бавлы, полученной 23 февраля 1658 года, [25] отмечается: "вотчина де у них старинная дедов и отцов их в Уфимском уезде по реке Ик, а вверх по той Ику реке нижний рубеж выше Дымского устья, а верхний рубеж по Ику Кандыкское устье по обе стороны Ику и степной стороне по Бугульминской дороге, а по другой сторону и лесу". [26]

В 1719 г. земли Бугульминского края освоил Надыр Уразметов. Именно здесь появилась Надыровская волость: "от Надыра Уразметова, который, отыскав еще до 1719 г. пустопорожнюю землю между уездами Казанским и Уфимским, по рекам Заю, Шешме и Черемшану". [27] Рассматриваемая территория была изначально закреплена за предками Надыра Уразметова, впоследствии, он в 1729 г. подал прошения на владение вотчинной землей. В 1735 г. Казанская губернская канцелярия установила, что данная земля действительно свободна от собственности, но жалованных грамот Надыру Уразметову не выдала. [28] В 1734 г. статский советник И. Кириллов и А. Тевкелев издадут указ, после которого территория становится Надыровской волостью. [29]

С построением Оренбурга по этой территории была проложена Ново-Московская дорога. На новых землях "отведено... значительное пространство под поселение 14 деревень". [30] Это стало новым этапом заселения Бугульминского края, но уже с преобладанием русского населения. Согласно сведениям архивной оренбургской комиссии, географическое положение дорог было следующим: ногайская дорога простиралась к югу и юго-востоку от г. Уфы, в нее входили Стерлитамакский уезд, юго-восточная часть Белебеевской земли Уфимской губернии, Орский и западная часть Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии. Казанской дорогой считалась местность к западу и северо-западу от г. Уфы, в нее входили: восточная половина Мензелинского уезда, западная часть Бирского уезда, Белебеевского уезда и западная часть Уфимского уезда Уфимской губернии. Сибирская дорога шла к востоку и северо-востоку от г. Уфы, в нее входила: восточная часть Уфимского уезда, Златоустовский и восточная половина Бирского уезда Уфимской губернии. Осинская дорога была к северу от г. Уфы, в нее входили: западная половина Осинского уезда и Пермской губернии. Из этого можно сделать вывод о том, что через Бугульминский уезд проходила часть ногайской дороги, а в западной части – казанская дорога. [31]

Ямские татары, поселившиеся в 14 селениях, оказались на территории Надыровской волости. Остальные, будучи на землях иных административных делений, в 1757 г. находились "под ведомством бывшей Бугульминской земской конторы в Надыровской волости" [32] или же "Новомосковской дороги Надыровской волости". [33]

История Бугульмы как уездного города берет свое начало с 23 декабря 1781 г. В указе Екатерины II говорится: Всемилостивейшее повелеваем Нашему Генерал-Поручику, правящему должность Генерала-Губернатора Уфимского и Симбирского Якоби, в апреле наступающего 1782 года исполнить по учреждениям Нашим, от 7 ноября 1775 г. в наместничестве Уфимском, составя оное из двух областей, Уфимской и Оренбургской, из коих в первой принадлежать будут восемь уездов, а именно:

Уфимский, Бирский, Мензелинский, Бугульминский, Бугурусланский, Белебеевский, Стерлитамакский да Челябинский... Въ следствие чего пригороды и селения по коим названы уезды, переименовать уездными городами". [34, с.365]

Таким образом, для Бугульминского края был характерен свой исторический путь становления в XVII – XVIII в.в., который положил начало бурному развитию в последующих столетиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Змеев Л.Ф. Медикотопографическое и статистический очерк народонаселения Бугульминского уезда. – М., 1883. – С. 23
2. РГАДА Ф. 350. Оп. 2. Д. 3793. Л. 245а
3. РГАДА Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6468. Л. 126
4. РГАДА Ф. 350. Оп. 2 ч. 1–2, кн. 178, кн. 1133, кн. 3788, кн. 3790
5. РГАДА Ф. 248. Оп. 3. Д. 134. Л.Л. 1210, 1233
6. Списки населенных мест Российской империи. – СПб., – 1877. – Т. 45. – С. 23
7. РГАДА Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1874. Л.Л. 56, 57
8. Амирханов Р.Х. // Проблемы изучения истории заселения и образования населенных пунктов Альметьевского региона: сб. ст. – Казань, 2000. – С. 5
9. РГАДА Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. Л.Л. 116, 120
10. Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII в. (Очерки истории колонизации края). – Одесса, 1882. – С. 139 – 166
11. Буканова Р.Г. Закамская черта XVII в. / Р.Г. Буканова; М-во образования Рос. Федерации. Башк. гос. ун-т. 1999. – С. 20
12. РГАДА Ф. 1209. Оп. 1. Д. 156. Л. 240
13. РГАДА Ф. 1209. Оп. 1. Д. 156. Л. об. 240
14. РГАДА Ф. 1209. Оп. 1. Д. 156. Л. 241
15. РГАДА Ф. 1209. Оп. 1. Д. 156. Л.Л. 241, об. 241
16. ГАОО Ф. 6. Оп. 11. Д. 342. Л. 15
17. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. – Оренбург, 1887. – С. 6.
18. Сборник статистических сведений по Самарской губернии Т. 5: Бугульминский уезд / Самар. губерн. земство, Отд. хоз. статистики. – Самара: Земская тип., 1887. – С. 6
19. Самарские епархиальные ведомости // Очерк чувашской народности св. Архангельского. – 1886. – № 14. – С. 15
20. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 9. – 1830. – С. 1013
21. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 9. – 1830. – С. 39
22. Сборник статистических сведений по Самарской губернии Т. 5: Бугульминский уезд / Самар. губерн. земство, Отд. хоз. статистики. – Самара: Земская тип., 1887. – С. 47
23. РГАДА Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1874. Л. 1876
24. Ахметзянов М. Татарские шеджере (Исследование татарских шеджере в источниковедческом и лингвистическом аспектах по спискам XIX – XX вв.) – Казань, 1991. – С. 55
25. ЦИА РБ Ф. 172. Оп. 1. Д. 141. Л. 26
26. ЦИА РБ Ф. И–2. Оп. 1. Д. 4871. Л. 201
27. ЦГАСО Ф. 1. Оп. 3. Д. 364. Л. 3 об
28. ЦГАСО Ф. 6. Оп. 11. Д. 342. Л. 27
29. ЦГАСО Ф. 248. Оп. 67. Д.467. Л. 467 об.
30. ЦГАСО Ф. 1. Оп. 3. Д. 364. Л.Л. 4, 4 об.
31. Добросмылов. А.И. Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 г.г. / Архивная Учебная Комиссия (Оренбургская). – Оренбург: Типо-литография Ф.Б. Сачкова. – Т. 8. – 1900. – С. 9
32. ГАОО Ф. 6. Оп. 3. Д. 3074. Л. 415
33. РГАДА Ф. 1334. Оп. 1. Д. 26. Л.Л. 79, 112
34. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 21. – 1830. – С. 365

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВЫХ ПАРТИЙ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX в.

THE PROBLEMS OF THE FORMATION OF RIGHT-WING PARTIES OF RUSSIA IN THE EARLY 20th CENTURY

K. Muchlaev

Annotation

The article is devoted to the problems faced by the right-wing movement at the stage of its formation as a political force and is based on a wide range of sources, containing historiographic assessments. It uses the estimates of scientists, and archival materials. Rights conditionally can be divided into three areas, established the beginning of XX century: patriotic-cultural ("Russian assembly"), neo-slavophile ("Circle of Moscow nobility") and the conservative-protective ("Moscow News"). These groups were in solidarity with the need for some reforms, in particular, for the legislative council of the Duma. Exactly the desire to make the political system adequate not only to increase the consciousness of the population, but to the traditional values of Russia, which enabled these groups to find support not only in power but also in society.

Keywords: right-wing, State Duma, tsarist autocracy, revolution of 1905–1907 years, anti-revolutionary forces.

Мухлаев Кирилл Олегович

Аспирант,

*Российский государственный
социальный университет, г. Москва*

Аннотация

Статья посвящена проблемам, с которыми столкнулось правое движение на стадии своего формирования как политической силы, и опирается на широкий круг источников, содержит историографические оценки. В ней использованы как оценки ученых, так и архивные материалы. Условно правое течение можно подразделить на три направления, сложившиеся к началу XX в.: патриотическо-культурническое ("Русское собрание"), неославянофильское ("Кружок московских дворян") и консервативно-охранительное ("Московские ведомости"). Данные группы были солидарны в необходимости некоторых реформ, в частности, законосовещательной Думы. Именно стремление сделать политическую систему адекватной не только росту сознательности населения, но и традиционным ценностям России, позволило этим группам найти поддержку не только во власти, но и в обществе.

Ключевые слова:

Правое движение, Государственная дума, самодержавие, революция 1905–1907 гг., антиреволюционные силы.

В начале XX в. в Россию, долгое время остававшуюся оплотом европейского легитимизма и примером политической и социальной стабильности, пришла революция. У активных участников революционной драмы постепенно складывались три главных сценария, три модели преобразований, которые должны были произойти в России в результате революционных потрясений: либеральная, социалистическая и консервативная, трансформацию которой мы попытаемся осветить.

В советское время изучение причин, хода и результатов Первой российской революции было одним из приоритетных направлений отечественной историографии, однако ее развитие было ограничено ленинской концепцией революции. Отойдя от стереотипов советской историографии, современная историческая наука пока не пришла к целостному переосмыслению истории Первой российской революции как крупномасштабного системного кризиса в рамках процесса модернизации страны.

После начала революционных выступлений 1905 г., еще до первых шагов правительства на пути установле-

ния парламентаризма в стране, начался процесс консолидации и организованного оформления правых групп консервативно-охранительного течения, цель которых было объединить все силы, противостоящие революционно настроенным группам. Правые располагали относительной свободой и поддержкой власти. Выступая за незыблемость Основных законов империи, за неограниченное самодержавие и сословный строй, правые искали пути приспособления к новым условиям и приходили в связи с этим в известное противоречие с обуржуазившейся частью дворянства и с верхушкой бюрократии, вынужденной регулировать развитие капитализма "сверху", в том числе и путем реформ, которые далеко не всегда устраивали консервативную часть дворянства.

Вместе с тем "охранители" признавали в том или ином виде необходимость перемен, но претендовали на то, чтобы держать процесс реформирования под своим контролем. Условно правое течение можно подразделить на три направления, сложившиеся к началу XX в.: патриотическо-культурническое ("Русское собрание"), неославянофильское ("Кружок московских дворян") и

консервативно-охранительное ("Московские ведомости"). Все три центра правых действовали обособленно и не торопились с объединением вплоть до осени 1905 г., хотя разговоры на данную тему и велись в печати.

"Русское собрание", в состав которого входили представители древних дворянских родов князя П. Д. Голицын, М. Л. Шаховский, М. Н. Волконский, графы П. Н. Апраксин, Н. Ф. Гейден, вело просветительскую работу в казенно-патриотическом духе среди молодежи, средних городских слоев, крестьянства. "Собрание" было мало-численной организацией и насчитывало около 120 человек. Идеологами "Кружка московских дворян" были Д. Н. Шипов, Д. А. Хомяков, Ф. Д. Самарин, С. Ф. Шарапов, кн. А. Г. Щербатов. Шарапов издавал газету "Русское дело". "Кружок" придерживался умеренно-консервативной позиции, выступал за постепенное проведение государственных преобразований, "не нарушавших основ исторических устоев российской государственности". "Московские ведомости", ставшие еще при М. Н. Каткове политической трибуной русских консерваторов, оказывали серьезное влияние на правительственную политику. С приходом В. А. Грингмута газета приобрела крайне консервативную направленность. Так, А. А. Нарышкин заявлял: "Путь конституционного собрания чреват губительными последствиями... Нельзя преступить закон эволюции. Иначе будет хуже, в жизни народной надо идти очень осторожно" [1].

В январских событиях 1905 г. правые усмотрели начало революции, для пресечения которой, по их мнению, следовало использовать как карательные, так и политические средства. Поэтому требования "искоренения крамолы", "подавления зла" сочетались у них с рекомендациями правительству "возобновить затормозившееся решение рабочего вопроса" и ускорить "создание рабочей организации для определения нужд рабочих и правильного взаимоотношения с работодателями". "Повсюду, где созданы такие организации, – говорилось в "Московских ведомостях", – рабочий класс борется за истинные свои интересы и уже не может быть вовлечен в бунты" [2, с. 2]. Виновниками "смуты" правые публицисты объявили интеллигенцию, либералов и бюрократию.

Обращаясь к выступлениям либералов, в них настойчиво проводилась мысль о необходимости воздействия на народ [3]. В. Е. Якушкин заявлял: "можем ли мы ограничиваться по-прежнему какими-либо постановлениями, высказывающими только наш взгляд на тот или другой вопрос? Не обяваны ли мы перейти от слов к делу?" [3]. Будущий лидер кадетов Милюков призывал "к боевому соглашению с революционерами", а Родичев – к борьбе с "режимом произвола и тирании" [4]. А. А. Манулов предлагал осуществить на деле народнический по-

зунг "Земля и воля", эсеры – члены начинающего складываться ВКС докладывали о готовности ряда районов страны к борьбе против существующего строя [4].

Представители крайнего крыла консерваторов призывали всех "верных царю людей" сплотиться для "противодействия чуждым нашему отечественному укладу течениям". При этом отвергалась всякая мысль о значительном изменении устоев власти и требовались гарантии "в том, что наш государственный строй будет огражден от посягательств, могущих сказаться не только в прямом повреждении основ, но и в поползновении лиц, возмнивших себя призванными переустроить наш государственный строй" [5, с. 3].

Весной 1905 г. была сделана попытка сблизить правые течения и кружки и создать из них массовую антиреволюционную организацию. Инициатором здесь выступил член Государственного совета Б. В. Штюрмер. Штюрмера поддержали в его начинаниях А. С. Стишинский, А. Д. Зиновьев, А. А. Бобринский, А. А. Ширинский-Шихматов и другие. Число сторонников росло. Позднее к группе, получившей название "Отечественный союз", подключались другие известные земцы правого толка. Но вербовка в "Союз" шла медленно, а о связях с общественностью вообще разговора не было. Своей целью участники "Союза" считали усиление влияния на власть. В связи с этим правление "Союза" пыталось составить собственный проект создания в России законосовещательного учреждения.

В апреле партийным строительством занялись члены "Кружка московских дворян", отколовшиеся от самаринской группы, примкнувшей к "Русскому собранию". Они создали самостоятельный "Кружок С. П. Шереметьева". Им принадлежало авторство "Воззвания к москвичам и провинциалам Московской губернии", ставшего программой "Союза русских людей" (СРЛ).

В программе СРЛ отразились взгляды той части общества, для которой был неприемлем перенос западных моделей государственного и общественного устройства в Россию. Они не отрицали необходимости определенной модернизации государственного управления и самоуправления, но, по их мнению, она должна была проводиться в полном соответствии "с завещанными нам историей началами". К ним относились "нераздельность самодержавия с благом России", "исконно-национальное учреждение – Земский собор", "правильно организованное самоуправление", подразумевавшее вовлечение крестьян в земскую деятельность [6, с. 3]. Социально-экономические вопросы в программе фактически отсутствовали. Тем не менее СРЛ проводил активную работу среди рабочих, крестьян, молодежи. Собрания СРЛ посещали рабочие Москвы, Петербурга и других

промышленных центров. Местные отделы распространяли прокламации и агитационную литературу. Большую аудиторию в 100–300 человек собирали клубы–чайные, превратившиеся в центр агитации правых организаций. Но численность СРЛ не росла, и претендовать на роль партии он не мог. По данным Департамента полиции, в рядах СРЛ значилось к осени 1905 г. всего около 300 членов [7].

В период подъема революции не оказала сколько–нибудь значительного влияния на массы и Русская монархическая партия, формально возникшая сразу после опубликования актов 18 февраля, но фактически организовавшаяся лишь в период отступления революции. Центральное бюро РМП находилось при редакции "Московских ведомостей". В него вошли крайне правые: В. А. Грингмут, И. И. Восторгов, кн. Д. М. Долгоруков и другие. Они выступали за сохранение полноты самодержавия, за законосовещательную, по воле царя созываемую Думу, в защиту сословного строя и дворянских привилегий. "Главная опора самодержавия в дворянстве, – писал Грингмут, – а потому все удары, наносимые дворянству, имеют конечной своей целью разрушение всего государственного строя России" [8, с. 10]. Вплоть до октября 1905 г. РМП не имела устава и программы и насчитывала всего около 100 членов [9, с. 73].

Летом 1905 г. начали воплощаться в жизнь планы отпора революции "снизу". Ядром антиреволюционных "народных" сил стали небольшие кружки, боевые отряды, группы. Современники указывали на их связь с полицией и местными властями. "Вместо общественных организаций, – писал А. С. Изгоев, – выступали какие–то странненькие, наполовину подпольные и погромные, наполовину охранно–полицейские союзы... получавшие из казенных источников не только деньги, но и руководящие указания" [10, с. 4]. "Кружки" выпускали агитационную литературу, доказывали, что самодержавная форма правления единственно возможная и приемлемая для России. В основе пропаганды лежало противопоставление интересов "мужика–собственника, сидящего на земле", а значит близкого к помещику, и "босяка–пролетария"; интеллигенции и народа; "истинного, родового, вотчинного" и "владимирского" дворянства, "ставшего таковым благодаря "Табели о рангах" и владимирскому престу" [11, с. 3].

Провоцируя столкновения разных групп населения, правые пытались поднять массы на сопротивление революции "снизу" и требовали одновременно установления диктатуры "сверху". "Пробудимся мы хоть теперь, – взывала правая публицистика в связи с летними событиями в Иваново–Вознесенске и на флоте, – к сознанию необходимости серьезной, благоразумной и твердой энергии в беспощадном и благонамеренном подавлении

революционной гидры... Спасти Россию могут лишь временные, экстренные меры – диктаторская власть, с объявлением всех крупных центров России на военном режиме" [12, с. 2].

В весенне–летний период начала формироваться в самостоятельную силу дворянская правая. В конце весны состоялось два совещания (22–х и 26–ти) представителей дворянства. Они высказались за укрепление самодержавия "Земским собором", назвав его народным представительством, тесно связанным с отечественным государственным укладом. Консервативно–охранительная пресса обвинила предводителей в том, что они "сошли с почвы рескрипта 18 февраля и незаметно для самих себя уклоняются в сторону конституционной партии". "Без устранения недоразумений относительно понимания принципов рескрипта 18 февраля, – писал один из критиков предводителей, – всякие попытки людей порядка и законности сплотиться под одним знаменем заранее осуждены на неудачу" [13, с. 8].

Вся без исключения правая пресса и известные правые деятели увязли в дискуссиях о роли, функциях, способе формирования и о самом понятии "Земский собор". Точку в бесплодном споре поставила Всероссийская политическая стачка, но столкновение мнений продолжалось еще долго. "Дворянство и даже высшая бюрократия, – пишет современный историк, – не были едины в вопросе о способах борьбы с революцией и будущего государственного устройства страны" [14, с. 363].

Консервативное дворянство в лице предводителей, принявших на совещании адрес–петицию царю, как и либералы, сомневались в способности правительства справиться с революцией. Они высказывали недовольство бюрократией, а точнее правительством, которое "нравственно рухнуло", испытывали страх перед "грядущими потрясениями". Но в отличие от либералов консерваторы предлагали ограничиться законосовещательным учреждением, не ущемляющим принципы самодержавия. Не нашел поддержки у своих единомышленников Ф. Д. Самарин, заявивший о постепенности реформ. "Гг. Самарины, не впадайте в грубую политическую ошибку, – писал редактор газеты Русский труд, – не укрепляйте тех именно ваших противников, против которых вы боретесь... Смута, смею вас уверить, не уляжется до тех пор, пока не будет ясной и твердой уверенностью, что дальше нынешний порядок продолжаться не будет, что будут даны... необходимые преобразования существующего порядка" [15, с. 5].

Таким образом, можно отметить, что процесс становления правых партий был достаточно сложным, даже несмотря на поддержку действующей власти. Консерватизм правых групп затруднял оформление политической

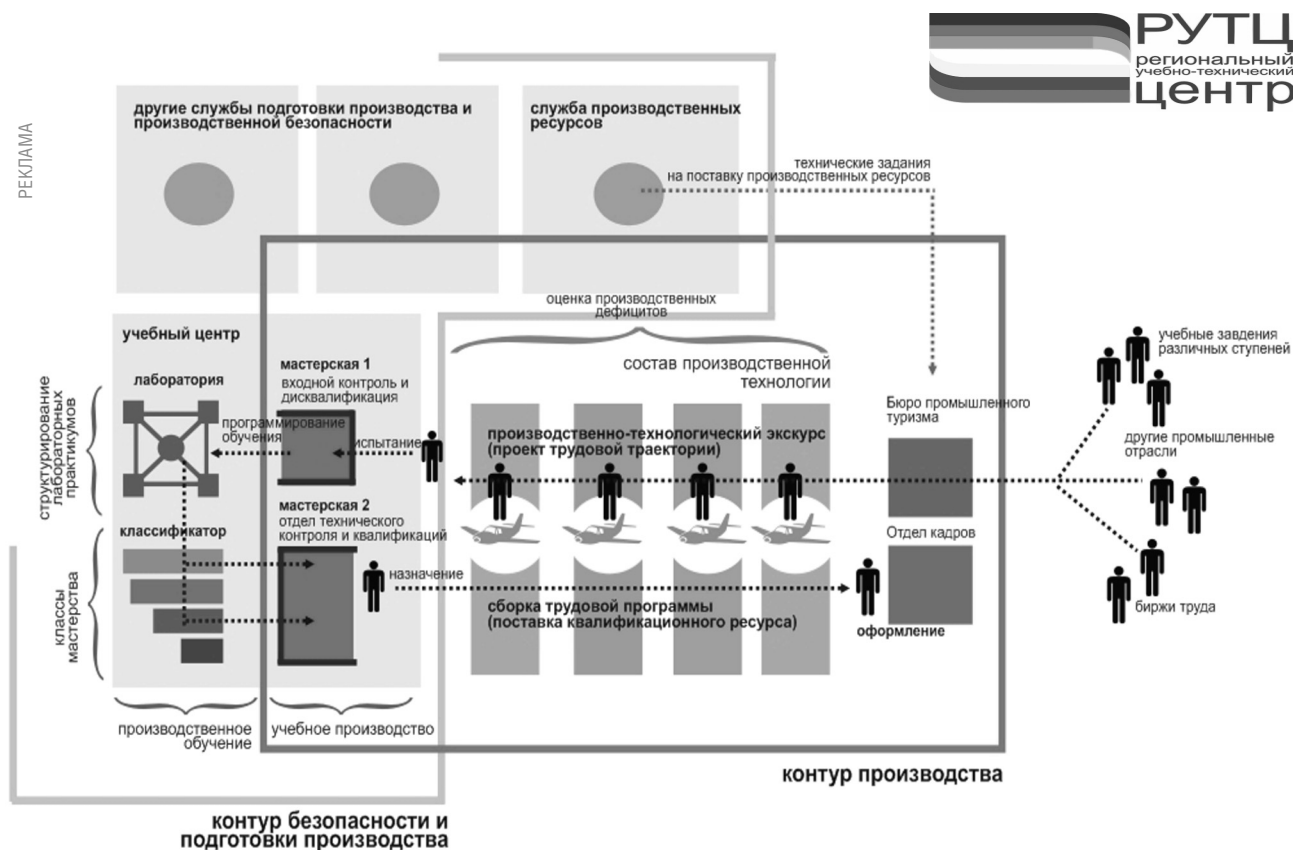
силы, способной противопоставить себя революционным движениям. В конечном итоге, голос тех, кто пытался выступить против учреждения даже законосовещательного органа, находил понимание Двора и части выс-

шей бюрократии, но солидаризироваться полностью с дворянско-консервативными пожеланиями власть уже не могла, опасаясь противопоставить себя абсолютному большинству общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 28. Л. 1.
2. Московские ведомости. – 1905. – 29 января. – С. 2.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102, 00 (II отд.). 1905. Д. 1000. Л. 122.
4. ГАРФ. Ф. 102, 00 (II отд.). 1905 (А). Вещественные доказательства. Л. 140.
5. Известия Русского собрания. – 1905. – № 3. – С. 3.
6. Русское дело. – 1905. – 18 июня. – С. 3.
7. ГАРФ. Ф. 102. Д. 828. Ч. 1. Л. 5.
8. Собрание статей Грингмута. – М., 1910. – Вып. 3. – С. 10.
9. Дневник Л. А. Тихомирова // Красный архив. Т. 40. – М., 1930. – С. 73.
10. Изгоев, А. С. Из истории падения самодержавия. – М., 1919. – С. 4.
11. Свет. – 1905. – 12 июня. – С. 3.
12. Правда России. – 1905. – № 169. – С. 2.
13. Русское дело. – 1905. – № 18. – С. 8.
14. Корелин, А. П. К стабильности через реформы // Россия в начале XX века: народ, власть, общество: монография. – М.: Директ-Медиа, 2014. – С. 363.
15. Русский труд. – 1905. – № 5. – С. 3.

© К.О. Мухлаев, (brabus_mb1@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ГОРОДА АЗЕРБАЙДЖАНА И ИХ УКРЕПЛЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VIII-X вв.

CITIES OF AZERBAIJAN AND THEIR FORTIFICATION IN THE SECOND HALF VIII-X CENTURIES

G. Nagiyev

Annotation

The subject of the article are the medieval cities of Azerbaijan, the state of their fortifications in the second half of the VIII century. The issue of the social character and strategic significance of defensive elements of cities and fortresses is considered. Written sources and the results of archaeological research confirm that, at the time of the Arab conquest (mid-seventh century), there were large cities in Azerbaijan – centers for the concentration of economic, political, spiritual, cultural and scientific-intellectual values – the sources and engines of their development. The methods of source study, concrete historical and comparative-historical research were used in the work. The applied historical-genetic method revealed causal relationships and patterns of urban development at this historical stage. The author, for the first time summarizing the available archaeological and written materials, analyzes the process of changing medieval cities within the period under study. The article concludes that, despite the temporary decline after the Arab conquest, the cities are being restored, crafts and trade are developing in them. However, there are no significant changes in the external appearance and in the city defense system.

Keywords: The cities of Azerbaijan, the Middle Ages, archeology, the Arab conquest, Ganja, Tabriz, Gabala, Barda, urban culture, fortification.

Интересные сведения об азербайджанских городах рассматриваемого периода и об их фортификационных сооружениях сохранились в трудах арабских, персидских, византийских, грузинских, армянских и местных авторов. К сожалению, в этих сообщениях нет более подробного описания оборонительных систем и элементов укрепления городов. Авторы довольствовались лишь упоминанием о крепостных сооружениях городов с целью показать их "величественными", славными" и т.д.

Кроме того, необходимо учитывать, что в основном эти источники носят тенденциозный и противоречивый характер, не лишены субъективности в интерпретации событий. Поэтому только критический анализ и сопоставление

Нагиев Гаджирагим Гаджикерим оглы
К.и.н., доцент,
Московская государственная академия
ветеринарной медицины и биотехнологии
им. К. И. Скрябина

Аннотация

Предметом статьи являются средневековые города Азербайджана, состояние их фортификационных сооружений во второй половине VIII в. Рассмотрен вопрос о социальном характере и стратегическом значении оборонительных элементов городов и крепостей. Письменные источники и результаты археологических исследований подтверждают, что к моменту арабского завоевания (середина VII в.) в Азербайджане существовали крупные города – центры сосредоточения экономических, политических, духовно-культурных и научно-интеллектуальных ценностей – источников и двигателей их развития. В работе использованы методы источниковедческого, конкретно-исторического и сравнительно-исторического исследования. Применяемый историко-генетический метод выявил причинно-следственные связи и закономерности развития городов на данном историческом этапе. Автор, впервые обобщая имеющиеся археологические и письменные материалы, анализирует процесс изменения средневековых городов в рамках исследуемого периода. В статье делается вывод о том, что, несмотря на временный упадок после арабского завоевания, города восстанавливаются, в них развивается ремесла и торговля. Однако во внешнем облике и в системе обороны городов существенных изменений не наблюдается.

Ключевые слова:

Города Азербайджана, средневековье, археология, арабское завоевание, Гянджа, Тебриз, Габала, Барда, городская культура, фортификация.

этих источников с другими материалам позволяют установить позиции их авторов, извлечь ценных сведений по исследуемой теме.

Средневековым городам Азербайджана посвящены многочисленные монографии и статьи, в которых изучены в основном их политическая и экономическая история, динамика развития, историческая топография, пути и этапы формирования структуры.

Большой интерес представляют археологические исследования история города. Систематическое археологическое изучение некоторых городов начато недавно, что не позволяет получить полного представления об их конфигурации, обычно обусловленной линиями крепост-

ных стен, судить об их фортификационных системах.

Экономическое истощение, обострение внутренних социально-политических противоречий, страшная эпидемия, разруха, изнурительная война с соседней Византией сделали империю Сасанидов слабой перед арабами. В середине VII века (после второго поражения в битве при Нахванде в 642 г.) некогда мощная империя была уничтожена и поглощена только что зародившегося Арабским халифатом.

Завоевав (По сообщению Белазури Азербайджан был завоеван арабами в 18 г.х. (639 г.). Другие источники (ал-Йакуби, ал-Факих) датируют эти события 22 г.х. (642 г.). Последняя дата поддерживается исследователями) города Нахчыван, Тебриз, Ардабиль, арабы заключили договор с жителями, обложив их податями джизья и харадж [11, с. 107]. Часть захватнических войск под командованием Салбана ибн Рабиа двинулась в сторону Шеки, Геруса и пришли к Бейлагану. Отсюда завоеватели дошли до города Барды, которой взяли после длительной осады. Подчинив себе "древний город Шамкир" – отряд Салмана "отправился к месту слияния Аракса и Куры за Бердиджем, занял Габалу" [6, с. 14; 18, с. 6]. Арабский Халифат захватил Ширванское, Шекинское княжества и город Дербент, который стал пограничным пунктом арабских владений на севере Кавказа.

Эти события не могли не сказаться на состоянии городов Азербайджана. Как явствует из сообщений источников, арабы, подойдя к городу, предлагали заключить "мирный договор". Если город отказывался от этого, арабы штурмом брали его, грабили, назначали для населения высокую дань. Арабские авторы – Белазури и Ибн ал-Асир пишут, что Салман занял Бейлаган мирным путем и обязывал не трогать крепости и стен города [6, с. 13; 22, с. 22]. Однако, несмотря на некоторые "мирные договоры", Азербайджан и его города были завоеваны в основном силой ("анватан") [13, с. 46]. Город как опорный пункт, как сосредоточение власти больше привлекал внимание завоевателей, захват его означал, захват всей округи, где расположен был город. Арабы, подчинив себе города, превратили их в административные центры Халифата, в места размещения арабских гарнизонов.

VII–VIII вв. характеризуются не прекращавшимися арабо-хазарскими войнами. Города, селения были уничтожены, опустошены то арабами, то хазарами. Все это влияло на экономическую, политическую, культурную жизнь Азербайджана – задерживало процесс феодализации страны, изменяло трассы некоторых торговых путей. В результате бывшее торговое значение некоторых городов, оказавшихся вне торговых магистралей (Габала, Шеки, Амарас, Нахчыван, Шамкир и др.) пришло в упадок [11, с. 187].

Со второй половины VIII в. начинается подъем экономической жизни. Азербайджана, что сопровождается развитием городов. Объединение большой территории Переднего и Среднего Востока в рамках Арабского Халифата способствовало развитию торговли. Перемещение международного торгового пути с юга на север – в бассейн реки Куры, в связи с прекращением торгового господства Византии в мировой торговле позволила азербайджанским городам играть большую роль в международной торговой жизни. Среди таких городов были Гянджа, Шамкир, Барда, Ардабиль, Дербент, Шабран и др. [11, с. 187; 26, с. 133, 136].

Период арабского владычества не связан с возникновением в Азербайджане новых городов, которые играли бы в этот период значительную роль в развитии и культуре страны. Арабы в основном укрепляли или восстанавливали только те города и крепости, которые имели для них стратегическое значение [13, с. 51]. Арабский автор ал-Куфи сообщает, что Маслама решил разрушить стены Дербента. Но один из его сподвижников советовал не разрушать город, так как он мог быть необходим, и его разрушение вело бы только к тому, что потом пришлось бы истратить много средств на его восстановление. Однако Маслама все-таки разрушит часть стен города [1, с. 15].

Не подчинившиеся, долго сопротивлявшиеся города разрушались, сравнивались с землей (походы Марвана в 791 г.) [1, с. 15; 13, с. 51]. Арабский полководец ал-Афшин, восстановивший и укрепивший ряд стратегически важных для арабских войск в войне с Бабеком городов (Барзанд и др.) [1, с. 71, 6, с. 27; 21, с. 107] в то же время сравнял город-крепость Бабека ал Базз (Город-крепость Базз – резиденция Бабека, который 20 лет стоял против многочисленных арабских войск. Развалины расположены в Южном Азербайджане на северо-западе Ардабиля [12, с. 7–22] с мощными оборонительными сооружениями) с землей после его захвата [1, с. 73–74; 13, с. 51]. Из сообщений и источников видно, что город Барда, его оборонительные стены восстанавливались арабами несколько раз. Во время Ирано-Византийских войн в 628 г. город Барда был разрушен хазарами – союзниками Византии. В правлении халифа Муавия (661–680 гг.) правитель Аррана ибн Гатем отстранил город Барда, обустроил и обнес его хорошим рвом..., а также возобновил постройку Бейлагана "ибо эти города были (до него) совершенно разрушены и в упадке" [6, с. 15]. Многие источники сообщают об основании города Барды в период правления арабов. Однако в данном случае без сомнения речь идет о восстановлении его крепостных стен, а не об основании города. Известно, что Барда была "великим" городом, столицей Аррана (Албании) еще при Сасанидах [29, кн.2, гл.7]. В арабский период она стала резиденцией наместников

Халифата. Точно установить дату восстановления и укрепления Барды арабами из-за скудных письменных источников и отсутствия археологических данных невозможно. Несмотря на это, с уверенностью можно сказать, что в первой половине V в. город Барда являлся большой крепостью – городом и одной из крупных военно-политических баз Халифата.

Арабы сразу после захвата Азербайджана начали восстанавливать или заново строить специальные пограничные линии, воздвигать крепости. Они заселили северные проходы переселенцами из разных местностей Аравии, создали военно-политические центры, форпосты в Азербайджане против Византийской империи. Одним из вновь созданных городов по сообщению Белазури являлся город Кисал (у ал-Куфи – Касах) в двадцати фарсах от Тбилиси, в сорока – от Барды. В.Ф. Минорский Касал отождествлял с нынешним городом Газах, расположенном на берегу реки Акстафы. Он считал, что арабы, построив укрепление Касала, хотели, имея прямую связь с Двином и Нахчываном, контролировать путь из Барды в Тбилиси [36, с. 73,90]. Он служил арабским военным лагерем, для борьбы с хазарами и местным населением.

Материальная культура в слоях VI–VII вв., выявленная археологическим исследованием во многих городах Азербайджана (Габала, Шамахи и др.) свидетельствует о замирании жизни в этих городах, подобно городам Кавказа, Средней Азии, Причерноморья этой поры (Изучение городов Средней Азии свидетельствует о том, что раннесредневековые города в V – начала VIII в. в экономическом и культурном отношении достигли высокой ступени развития [8, с. 109, 131, 249]. Такой уровень развития прослеживается и в городе Дербенте. Эти факты заставляют критически относиться к давно существующему мнению об упадке городской жизни в раннем средневековье. В условиях, не прекращавшихся сасанидо-римских войн, когда первую очередь пострадали ремесленное производство, торговые пути, торговля (в основном внешняя), ослабление городской жизни естественно. Но было ли это упадком города вообще? Для всех ли городов был характерен этот процесс? Какого характера был он постоянный или временный в период раннего средневековья? Эти вопросы до сих пор остаются открытыми), что было связано с общественно-политическими событиями данного периода [17, с. 113; 33, с. 21, 27, 32; 32, с. 249]. Это время является своего рода переходным периодом от раннесредневекового города к средневековому феодальному городу.

В результате арабского завоевания в Азербайджане некоторые города "либо хирели, либо жизнь в них совсем замирала; после долгого перерыва, они возникали на новом месте", как это было с городами Средней Азии по

наблюдению О. Г. Большакова [9, с. 97]. Таким был, например город Шамахи, который в VII–VIII вв. переместился на территорию, занимаемую им сегодня [17, с. 32].

Замечание О. Г. Большакова о том, что "через VIII в. проходит граница, разделяющая два, больших периода истории Средней Азии" [8, с. 13], в значительной мере можно отнести и к истории Азербайджана и его городов.

Начиная со второй половины VIII в. ускоряется процесс феодализации, благодаря расположению на стыке важнейших экономических и стратегических путей растёт обмен и торговля между странами Халифата, народами северо-Восточной Европы, Азии и Африки способствовавшему значительному подъёму экономики Азербайджана и росту его городов [10, с. 80; 11, с. 191–192].

К наиболее значительным и укрепленным городам этого периода относятся Барда, Дербент, Марага, Ардебиль, Нахчыван, Шабран, Бейлаган, Габала, которые часто упоминаются в письменных источниках. Сохранившиеся краткие описания некоторых городов наводят на мысль, что они пережили общий процесс формирования и развития феодального преазиатского города [11, с. 81]. В основном эти города формировались вследствие роста городов-крепостей и укрепленных пограничных пунктов.

Не достаточность археологических и письменных данных не позволяет получить полное представление о фортификации городов исследуемого периода.

Арабы, как уже отмечалось выше, вели лишь восстановительные, реставрационные работы в городах, разрушенных в основном в ходе арабо-хазарских военных столкновений. Письменные источники сообщают о разрушении крепостных стен Бейлагана при подавлении восстания хараджитов в 790 г. арабским полководцем Яхья ал-Хараша, который "вступив в город даровал его жителям аман (прощение) и разрушил его укрепленный замок" [18, с. 10–11]. Это была первоначальная крепостная стена города, восстановленная в начале IX в. [27, с. 173; 34, с. 51–147]. В результате неоднократных штурмов Дербента в ходе этих войн, цитадель города разрушалась воюющими сторонами. По сведению Гевонда (Левонда) арабы дали сражение войскам гуннов, которые были в городе Дербенте, разбили их, прогнали и разрушали стены и башни крепости (цитадели) [24, гл.7].

Однако город в этот период остается неприступным. Эта подтверждается тем, что арабы в начале VIII в., не сумев взять штурмом цитадели, чтобы изгнать из неё хазар, вынуждены были отравить воду [6, с. 17]. Разрушения затронули лишь часть стены, которая была восста-

новлена в 725/26гг. Исследование фортификации Дербента показало, что в этот период были построены лишь отдельные участки южной стены города между воротами Баят гапы и Орта гапы и между воротами Гала гапы и Баят гапы, верхняя часть западной и северо-восточной части стен цитадели. У северной стены перестройка коснулась, видимо, небольшого участка у ворот Джарчы гапы. Все это подтверждается более строгими геометрическими формами плит, четкой горизонтальностью рядов в постановленных стенах города в отличие от сасанидских оборонительных сооружений [25, с. 41]. Однако коренных изменений в фортификации Дербента в этот период не отмечается [25, с. 41].

Наряду с Бардой и Тифлисом Дербент в источниках упоминается в этот период, как крупный город, которому уступает по величине города Бейлаган, Варсан, Барзанд, Шеки, Гянджа (Джанза), Шамкир, Хунан [20, с. 37–54; 23, с. 266].

Фортификация города и Горная стена (Даг Бары) поддерживались в образцовом порядке на всем протяжении VIII–IX вв. и арабские халифы не жалели денег для их перестройки и ремонта. Огромные доходы с нефтяных и соляных промыслов Баку шли на содержание защитников Дербента [5, с. 51; 31, с. 86–87], например из-за отсутствия достаточных средств для поддержания фортификации города, Халиф Мансур, по сообщению Йакуби, "...наученный горьким опытом борьбы с кочевниками" ... собирая по тюрьмам тысячи пленных и послал их укреплять Баб-ал ав-Баб" [18, с. 9].

С первой четверти IX в. начинается период пробуждения местных народов, названный В. Ф. Минорским "антрактом между арабским владычеством и тюркским завоеванием" [28, с. 41]. Этот период характеризуется антихалифатскими восстаниями, из которых самым мощным и опасным для Халифата было восстание Хуррамитов во главе с Бабеком (617–837гг.). Жестоко подавив восстание, арабы разрушали стены городов Ардабиля, Мараги, Маранда и других, причем для устрашения населения они заставляли самих жителей "в праздничном одеянии" ломать стены [13, с. 51–52].

В результате бурного развития городской жизни, начиная с IX–X вв., города Азербайджана превратились в крупные центры ремесла и торговли. Этот период является знаменательным в развитии города в истории многих стран и известен в специальной литературе под названием "эпоха новгородов" [14, с. 168]. Не случайно, что письменные источники относят к этому периоду возникновение города Гянджа, построение стен Шамахи.

В середине IX в. освободительная борьба против гнета арабов достигает наивысшего развития. Халифат Аб-

басидов, объединявший огромные территории, начинает терять свое государственно-политическое единство. В некогда подвластных халифам областях Азербайджана возникают автономные мусульманские династии, княжества – феодальные государства. Так, на юге страны правили Саджиды и Раввадиды, в области Нахчыван – Абу-Дулафы, в Арране – Шаддадиды, в Ширване – Йазидиды, в Дербенте – Хашамиды [28, с. 41], утратившие самостоятельность во второй половине XI в., и вошедшие в состав Ширвана.

Образование этих феодальных государств на территории Азербайджана было подчинено общим закономерностям феодального общества. Эти государства развивались в условиях междоусобных войн. Многие города превратились в столицы феодальных государств, в которых находилась резиденция феодала – государя (Ардабиль, Марага, Тебриз, Гянджа, Дербент, Шамахи и др.). В этих условиях укрепление городов было обязательным. В письменных источниках в этот период упоминается много городов с мощными укреплениями. По "Худуд ал-'алем"у Тебриз – благоустроенный, маленький город [35, с. 142]. Вокруг него стена, построенная Ала'бин Ахмедом. В середине IX в. Тебриз становится столицей феодального государства Раввадидов, тогда же город был сильно укреплен. В. В. Бартольд считает, что Тебриз был укреплен только в правлении Халифа Мутаваккила (847–861 гг.) [7, с. 205]. Но Белазури и Йакут Хамави указывают, что Раввадиды только восстановили Тебриз [6, с. 28; 19, с. 65].

Ардабиль был значительным городом, вокруг него была замечательная стена [20, с. 5–21], при нем недоступная крепость [30, с. 12].

Барда "умму-ар-Ран – мать Арана", большой город [21, с. 87], при нём было громадное укрепление [30, с. 7], Урмия, Марага, Наварин укреплены цитаделью, Саламас имеет укрепление из земли (глины) и камня [30, с. 9–10], Габала укрепленный город, река находится вне крепостных стен [30, с. 9–10]. Дербент у всех авторов этого периода описывается как неприступная крепость с грандиозными стенами.

К сожалению, имеющиеся письменные и археологические материалы, пока не позволяют с полнотой дать описание фортификаций городов того периода.

В 60–е годы в раскопках Бейлагана обнаружена оборонительная стена, основания которой служила самая ранняя, так называемая, "сасанидская" (раннесредневековая) стена. Характер кладок стен и стратиграфический анализ дают основание считать, что обнаруженная стена построена в два периода. Стена первого периода состоит из двух параллельно идущих подпорных глино-

битных стен (шириной 95 см каждая) с земляным заполнением внутри (пространство между этими стенами – 1,75 м), толщиной 4 м. В глинобите, как и в земляном заполнении, обнаружены фрагменты глазурованной керамики [3, с. 43; 4, с. 26], что свидетельствуют о постройке этой стены в IX в.

Здесь выявлены остатки проема ворот совпадающего с проемом ворот ранней стены, и незначительная часть одной из воротных башен. В облицовке описываемой стены использованы и обожженные кирпичи. Ширина городских ворот составляла не более 2,8–3 м, так как хорошо прослеженная в северо-восточной кладке ниша для одной из створок ворот была шириной 1,4 м [3, с. 43].

В результате археологических изучений выяснено, что выше описываемая стена IX в. частично находится под жилыми сооружениями, большой керамической печью того же периода, отходы и зола от которой частично перекрыли описываемую стену. Археологи пришли к выводу, что между разрушением и восстановлением этой стены прошло небольшое время. Это доказывается отсутствием культурного слоя между стенами первого и второго периода и развалинами жилых домов, построенных на стене первого периода.

Таким образом, в течение небольшого промежутка времени (IX–нач. X вв.) город Бейлаган лишился своей обороноспособности. Причины этого Г. М. Ахмедов видел в социально-политических событиях этого времени [3, с. 43]. Судя по находкам обломков керамики в кладке глинобита и в яме, врезанной в кладку древнейшей сырцово-глинобитной стены, А. Якобсон предполагал, что обнаруженная двухкратная переделка стен должна быть отнесена ко времени после хуррамитского восстания (837 г.), но связать их с конкретными событиями считал невозможным [34, с. 48].

Стены Бейлагана в IX в. утрачивают свое былое значение и видимо, поэтому авторы X в. считали Бейлаган "незначительным городом" [30, с. 7; 21, с. 17–19]. Но это продолжалось не долго. Во второй половине IX в., или в самом начале X в. городская стена Бейлагана была отремонтирована и доведена до ширины 6 м [3, с. 43; 16, с. 126; 27, с. 149].

Сырцово-глинобитная стена перекрывала большую квадратную обжигательную печь, перекрывшую в свою очередь стену первого периода (раннесредневекового). Выровняв разрушенную стену первого периода, построили две параллельно подпорных стен, с расстоянием между ними 2,5 м. После слоя глинобита высотой 1 м – следует 7 рядов сырцового кирпича (32 x 32 x 7 см), за-

тем снова слой глинобита в 1 м, выше которого проложены 4 ряда сырцовых кирпичей [27, с. 149].

Мощность и высокая обороноспособность сырцово-глинобитной стены города ярко проявились в том, что именно она сохранилась вплоть до последних лет жизни города [3, с. 43].

В результате археологических исследований выяснено, что до конца X в. город Габала состоял из Сельбира и Галы. Обе территории были окружены прочными крепостными стенами. Археологические и письменные данные подтверждают, что оборонительные стены Габалы, в особенности Галы неоднократно восстанавливались. Поэтому сейчас без основательных археологических работ трудно судить о характере фортификации города в разные эпохи его существования.

Большой интерес представляют данные, полученные при обследовании южных оборонительных стен города и воротных башен там, где они сохранились лучше. В некоторых местах высота башен достигает 11 м. Особенно внушительный вид имеют башни ворот [2, с. 31]. Исследователями были высказаны различные мнения о времени сооружения этой стены и башни. Одни считают, что они построены в V–VI вв., другие – в VIII–IX вв. В каждом случае отсутствуют веские аргументы и конкретные материалы.

В 1968 г. при детальном исследовании осмотре упомянутых стен и башен в различных местах в растворе кладок обнаружены фрагменты ранней глазурованной керамики, не ранее конца VIII или начала IX в. [2, с. 31]. Заслуживает внимания и мнение Ф. Гадирова, что эти стены и башни построены на основе более древних античных (около рубежа нашей эры) стен и башен [15, с. 106–107].

На сегодняшний день любое высказывание – о сложной системе фортификации города Баку и Сабаила является предположением, ибо еще требуется тщательное, всестороннее археологическое изучение.

Опираясь на вышеизложенные факты и материалы по фортификации городов средневекового Азербайджана, можно сделать следующие выводы:

В результате захвата арабами азербайджанских городов многие из них потеряли былое величие. Однако это продолжалось не долго, с развитием ремесла и торговли возрождаются города становились крупными административными и экономическими центрами.

В VIII–X вв. во внешнем облике городов, в их фортификации существенных изменений не происходит.

Начиная с XI развитие городов Азербайджана приобретает особый характер: расширяется их территория, увеличивается численность населения, иногда новозаселенная территория обносится новыми линиями крепостных стен.

Происходят значительные изменения в характере оборонительных элементов города. В системе обороны используются также искусственные валы, холмы и небольшие крепости недалеко от города – полевые сооружения фортификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмад ибн асам ал Куфи. Книга завоеваний (Пер. З.М.Буниятова). Баку.– 1981.– 84 с.
2. Ахмедов Г.М. Археологические раскопки на территории Калы городище Кабала.//АЗИА (1978 г.). Баку.– Элм.– 1982.–с. 29–31.
3. Ахмедов Г.М. Средневековый город Байлакан (Историко–археологическое исследование). Автореферат дисс. д.и.н. Баку.– 1972.–154 с.
4. Ахмедов Г.М. Средневековый город Байлакан. Баку.– Элм.– 1979.– 200 с. (на азерб.яз.).
5. Ашурбейли С. Б. Очерк истории средневекового города Баку. Баку.–АН Аз.ССР.–1964.–336с.
6. Баладзори. Книга завоевания стран//Материалы по истории Азербайджана. Вып. III. Баку.–1981.–Изд. ООИА,1927.–70с.
7. Бартольд В.В. Историко–географический обзор Ирана// Соч., Т.VII, М.:– Наука.– 1971.– с. 33–225.
8. Беленицкий А.М., Бентович И.М., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л.– Наука.– 1973.– 390 с.
9. Большаков О.Г. Некоторые вопросы изучения среднеазиатского города VIII–XII вв. в свете общей проблематики истории городов Востока. // КСИА, вып.122,1970.– с. 96–100.
10. Бретаницкий Л.С. К изучению градостроительной культуры средневекового Азербайджана (XII–XV)//ИА. Т.VII. Баку.– 1959.– с. 61–159.
11. Буниятов З.М. Азербайджан в VII–IX вв. (на азерб.яз.).–Баку.–1989.–336 с.
12. Буниятов З.М. О локализации города крепости БА33//Известия АН Азерб.ССР. Серия общ.наук.– 1959.– № 5.–с. 17–22.
13. Велиханова Н.М. Изменение исторической географии Азербайджана, в результате арабского завоевания.//Историческая география Азербайджана. Баку.–Элм.–1987.–с. 46–87.
14. Габашвили М.В. Города Грузии XI–XII вв. (на груз.яз.).–Тбилиси.–1981.–168с.
15. Гадиров Ф.В. Еще раз о датировке оборонительных стен Калы Кабалы//XI пятилетка и развитие советской археологии. Баку.–1985.–с. 106–107.
16. Джафарзаде И.М. Археологические раскопки городища Оренкала в 1951 г. // Труды ИИФ АН Аз.ССР.– 1954.– IV.– с. 126.
17. Джидди Г.А. Средневековый город Шемаха IX XШ вв. Баку.–Элм.–1981.–176 с.
18. Йакуби. История (пер. П.К. Жузе)//Материалы по истории Азербайджана. вып. IV.– Баку.–1927.–36 с.
19. Йакут ал–Хамави. Муджам ал–булдан: Сведения об Азербайджане. Баку.–Элм.–1983.–65с.
20. Ибн Руста Китаб ал А'ла ан–нафса (Книга драгоценных камней (Пер. Патканова)//СМОМПК. вып.32. Тифлис.–1903.–с. 5–21.
21. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. (Пер. комм, указ, и карты Н. Валихановой). Баку.– Элм.–1986.– 428 с.
22. Ибн–ал–Асир. Материалы по истории Азербайджана из "Тарих–ал–камилъ" (Полного свода истории).–Баку: Изд–во АЗФАН.–1940.–184 с.
23. Истахри. Китаб масалик ал–мамалик. В кн. Источники по истории Азербайджана (на азерб. языке).– Баку.– 1989.– 324с.
24. История халифов Вардапета Гевонда, писателя VIII века (Пер. К.Патканова). СПб.– 1862.– Гл.7.
25. Кудрявцев А.А. Великий город на Каспии, Махачкала: Дагестанское книжное издательство.–1982.–179 с.
26. Месхиа Ш.А. Из истории грузинского феодального города IX–XIIIвв. // Труды Инс–та истории АН Груз.ССР. Т.2.– Тбилиси.– 1956.
27. Минкевич–Мустафаева Г.М. Раскопки на городской стене Оренкалы в 1963–1954 гг. //МИА СССР.– № 67.– М.–Л.– 1959.– с. 148–173.
28. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. М.:– Изд.вост.лит.– 1963.–266 с.
29. Моисей Каганкатваци. История Агван (Пер. К.Патканяна). СПб.–1861. кн. 1, гл.V.
30. Мукаддаси. Ахсан ат–такасим фи марифат аль–акалим. (Лучшее из делений познания климатов). (пер. Н.А. Караулова// СМОМПК. вып.38.– Тифлис.– 1908.
31. Тарихи Дербенд–наме: тарихи/ ред. и предисл. Максуда Алиханова–Аварского; вступ. ст. и коммент. А. Р. Шихсаидова.–Махачкала: Эпоха.– 2007.–191 с.
32. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.:– изд–во вост.лит.– 1948.– 324 с.
33. Чилашвили Л.А. Города феодальной Грузии. Автореф. д.и.н. Тбилиси.– 1967.–40 с.
34. Якобсон Н.А. Раскопки на городище Оренкала в 1953–1955 гг.//МИА СССР.–№67.–М.–Л.–1959.– с. 51–147.
35. Hudud al–Alam. The regions of the world a Persian geography, 372 A.H.–982 A.D. (пер. В.Ф. Минорского). –М.:–1982.–с. 142.
36. Minorsky V. Transcaucasia//Journal Asiatgua., Juli, 1930, v.217.– №1.– стр. 73,90.

ИНСПЕКТОРСКИЙ СМОТР ОБМУНДИРОВАНИЯ И СНАРЯЖЕНИЯ НИЖЕГОРОДСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ В НОЯБРЕ 1812 г.

INSPECTOR'S EXAMINATION OF UNIFORMS AND EQUIPMENT OF THE NIZHNY NOVGOROD MILITIA IN NOVEMBER 1812

*D. Nikolaev
I. Khvostova*

Annotation

In this article, the process and results of the inspection of the Nizhny Novgorod militia in 1812 are considered. Particular attention is paid to how the warriors were to be equipped according to the adopted standards and how they were actually equipped. The results of the inspection review are submitted to several units of the militia, on the basis of which it can be concluded that the Nizhny Novgorod militia was not properly prepared for the military campaign.

Keywords: Patriotic War of 1812, Nizhny Novgorod militia in 1812, equipment, ammunition.

Николаев Дмитрий Андреевич

К.и.н., доцент,

*Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

Хвостова Ирина Алексеевна

К.и.н., доцент,

*Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

Аннотация

В данной статье рассматриваются процесс и итоги проведения инспекторского смотра нижегородского ополчения 1812 г. Обращается особое внимание на то, как именно должны были быть снаряжены ратники по принятым нормативам и как они были снаряжены в действительности. Итоги инспекторского смотра представляются по нескольким подразделениям ополчения, на основе которых можно сделать выводы о том, что нижегородское ополчение не было должным образом подготовлено к предстоящему походу.

Ключевые слова:

Отечественная война 1812 г., нижегородское ополчение 1812 г., снаряжение, амуниция.

1 сентября 1812 г., в связи с известными событиями Отечественной войны, начался сбор нижегородского ополчения [1, с.35]. По утвержденной разрядке, всего в Нижегородской губернии надлежало собрать 12928 "ратников" (12275 пеших и 653 конных) для 5-ти пехотных и 1-го конного полков. Среди полномочных структур, созданных специально для этой цели, особо выделялись, по своему значению и функциям, комитеты пожертвований и вооружения [2, с.97]. Обмундирование, снаряжение и даже вооружение ополчений той поры осуществлялось за счет "отдатчиков ратников", т.е. помещиков, либо мещанских сообществ. Нижегородское ополчение входило в состав так называемого III ополченного округа (вместе с ополчениями казанским, вятским, симбирским, пензенским и костромским) под предводительством генерал-лейтенанта П.А.Толстого; начальником нижегородского ополчения являлся князь Г.А. Грозинский.

Правила обеспечения ратников продовольствием и одеждой были утверждены еще ранее: 25 июля 1812 года. До выступления в поход ополченцы должны были содержаться за счет собственных хозяев, с момента же вы-

ступления они переходили на государственную систему обеспечения.

Заботы по "расчислению" и сбору ратников, их обмундированию, снабжению лошадьми, фуражом и довольствием возлагались на уездные дворянские собрания. Ежемесячное содержание одного ратника (до выступления в поход, когда полагалось уже казенное обеспечение), начиная с 1 октября 1812 года, определялось в 1 пуд 35 фунтов муки 1,5 гарнца круп, 2 фунта соли и рубль жалования [3, л.1].

Обмундирование ратников было самое простое и практичное.

Пешие ополченцы имели следующее обмундирование и снаряжение: армяк серого сукна, или чепан; брюки, или шаровары "серого сукна на ошнуре так, чтоб в ненастную погоду надевать под сапоги"; шейный платок; кожаный ремень с пряжкой; "кожаный патронташ на 20 патронов, надевающийся на ременной кушак"; полушубок ("так, чтоб закрывал желудок"), сапоги кожаные "тупоносые широкие длиною по колено, так, чтобы могли в ненастную

погоду надеваться на брюки"; кожаный ранец с двумя ремнями, в котором должно содержаться следующее: 1 рубаха (запасная, другая на войне), 2 порток, суконные онучи, "наушники", рукавицы "с теплыми варегами", холстинные портянки, суконная шапка с латунным крестом, "а внизу вензель Государя Императора" [4, л. 19].

Ополченцы конного полка ("казаки") должны были иметь: армяк серого сукна или чепан, брюки или шаровары "серого сукна на ошнуре", шейный платок, "ремень с пряжкой вместо кушака", кожаный патронташ на 10 патронов, кожаные сапоги, полушубок, "как и у пехотного", седло "с путлицами, подперсьем, подлогоньем, чемоданными ремнями у задней луки, двумя у передней луки для полушубка и железными стременами", уздечку "с налобником, подборником и чумбуром", суконный чемодан (с тем же набором вещей), шапка суконная, "как у пехотного", "саквы и торбы холстинные, привязываемые у задней луки" [5, л.2]. "Сверх сего как в пеших, так и в конных иметь водоносные фляжки на ремнях. Для пеших и конных не воспрещается иметь суконные казацкие куртки с рукавами, закрывающие грудь воина. Да при каждом конном две пары подков"[4, л.20]. Обмундирование урядника практически ничем не отличалось от рядового ратника как фасоном и покроем, так и общей стоимостью (62 руб. 52 коп.) [6, лл.67–68].

Командный состав ополчения, носил, первоначально, либо прежнюю форму своего рода войск (если ранее служили в армии), либо мундиры нового образца с киверами и эполетами. Финляндский студент Э.Г.Эрстрем, будучи в то время в Нижнем Новгороде и ставший свидетелем сбора местного ополчения в своих памятных записках отметил, что "обмундирование ополченцев простое, но приятное глазу. Оно состоит из темно-серого кафтана с поясом того же цвета и четырехугольного головного убора..."[7, сс.132–133].

В сентябре 1812 г., когда только начинался набор ополчения, Толстой обратил внимание Грузинского на тот факт, что "в некоторых губерниях воины во внутреннее ополчение поступающие, причисляются с амунициею, не сообразно с Высочайше утвержденной для Московской военной силы докладом и образцами...почему предлагаю Вашему Сиятельству, объявив всем полковым начальникам...чтобы они, если таковая одежда в полках их находится, немедленно оную переменяли..."[8, л.2].

В ноябре 1812 г., когда уже был произведен основной набор в ополчение, по приказанию Грузинского во всех полках нижегородского ополчения был проведен "инспекторский смотр" обмундирования и снаряжения ратников, который проводили лично командиры полков (Ровинский, Каратаев, Шебуев, Стрелков, Козлов и Ралль). Реальность "действительного" смотра была несколько иной, нежели "позитивно-эмоциональные" впечатления

Э.Г. Эрстрема. По итогам смотра полковник Ровинский составил рапорт Грузинскому, в котором указал, что он обнаружил "...весьма большое количество вещей негодных и непрочных, а некоторые даже вовсе от отдатчиков недоставленные...Что же касается...несходствия с образцами (нужного обмундирования и снаряжения-авт.), как таковых (образцов-авт.) в полке не было, то и сличить не с чем...могу заключить, что в обмундировании воинов сходствия с образцами быть не может, ибо, кроме непрочности вещей, весьма многие не только не одинакового цвета и покроя, но даже безобразны. Все сие заставило меня поспешить с сим донесением, дабы выиграть время к побуждению отдатчиков, особенно тех, от которых вещи формально еще не приняты, но они, или оставя каковые на воинах и не получа квитанции, или вовсе не которых вещей не доставя, до сих пор о выполнении своих обязанностей не заботятся..."[6, л. 1].

В ходе смотра по каждому батальону и сотне были составлены ведомости, которые включали в себя следующие сведения: ФИО ратника, "Звание вещам и почему неспособны, "каким вотчинником приняты", "какого уезда поселение". Потом, "для полноты картины", еще добавили графу: "Каким военным чиновником приняты". Так, согласно "Выписке из ведомости 2-го батальона о воинах Горбатовской и Нижегородской округи, на коих состоят несправные вещи" всего ратников данной категории значит 26 человек. "Неисправности" в одежде были найдены следующие: "чепан, шапка, коровьи брюки кожею необшиты", "чепан из разного сукна", "брюки кожею не обшиты", "полушубок короток", "полушубок мерлушечьих овчин", "чепан старого сукна", "рубашки, платки и сапоги не получены", "чепан и шапка безобразны", "наушники не получены" [6, л.2]. Дальнейшая проверка полка только усугубила неприглядную картину действительного качества обмундирования и снаряжения ратников.

Согласно "Ведомости непрочным вещам, найденным господином командиром Ровинским при инспекторском смотре 3-го батальона" в 1-й сотне батальона "неисправны" были 14 человек, у которых наличествовали: "чепан худо валенного сукна", "чепан из коровьего сукна и самой худой доброты", "чепан из разного сукна", "шапка негодного сукна и самого безобразного покроя", "чепан серого, а шапка черного сукна и безобразного покроя", "сапог, платков, рубашек, порток, онуч, портянок, ранца от отдатчика вовсе не доставлено", "брюки кожей не обшиты". Аналогичная картина наблюдалась и в других сотнях батальона:

2 сотня (64 чел.): "полушубок мерлушечий, шапка безобразна", "полушубок непрочный из дурных овчин", "шапка сукна непрочного", "рукавицы малы", "рубашек и портов не получено по сей поры", "шапка узка и безобразна", "шапка серая и безобразная", "чепан самого ред-

кого сукна", "шапка негодного сукна", "брюки голубого сукна", "шапка из лоскутьев", "ранцы и подсумки без холстины", "сапоги так были худы, что скоро изнасились", "кафтан из разного сукна", "под кафтаном подкладки совсем нет", "сапоги худые приняты" [6, л.4].

3-я сотня (64 чел.): "брюки старые и из лоскутов сшитые", "брюки из старого и выношенного сукна", "брюки из старого и разваливающегося сукна и не обшиты кожей" (этот недостаток в обмундировании наличествовал у 27 чел.(!)), "армяк из рваного сукна", "чепан из коровье-го сукна, а брюки-разного", "худые сапоги", "армяк, брюки и шапка из негодного сукна", "шапка безобразная", "армяк старый", "брюки белые, шапка серая"; "брюки белого сукна и шапка безобразная"; "брюки из ветхого сукна"; "шапка худого покрою"; "пик нету"; "шапка с наставкой"; "ранца, патронташа, сапогов, онуч, портянок, платков, рубашек не дано" [6, л.4].

4 сотня (117 чел.): "Брюки белые" (у очень многих); "полушубок весь рваной"; "полушубок короткий"; "армяк старого сукна"; "шапка разного сукна"; "армяк разноцветного сукна"; "шапка безобразная"; "брюки старые"; "шапки от отдатчика не выдано" [6, л.4].

Согласно "Ведомости по 4-му батальону (также 2-го полка-авт.) ... не способных, непрочного шитья и безобразных" [6, л.18]:

1 сотня (8 чел.): "Кафтаны, брюки и шапка синего цвета (у многих)"; "рубаш, платков, онуч, портов от отдатчика не поступило"; "шейного платка и онуч от отдатчика не поступило"; "кафтаны, брюки и шапка коровьей шерсти" [6, л.18].

2 сотня (77 чел.): "брюки не обшиты кожей (у многих)"; "брюки худо валеного сукна"; "сапоги совсем новые не годятся (много)"; "брюки белые"; "полушубок к носке неспособный" [6, л.19].

3 сотня (34 чел.): "не получил полушубка"; "имеет непрочный кафтан"; "не получил рубаш, портов, портянок и галстука"; "не получил креста на шапку"; "брюки коротки и узки"; "непрочной кафтан"; "кроме полушубка, армяка и шапки ничего не имеет"; "кафтан непрочен и развален"; "полушубок негоден, кафтан старый"; "не имеет портянок"; "не имеет онуч"; "кафтан и брюки гнилого сукна"; "кафтан, шапка и полушубок к носке не пригодны" [6, л.21].

4 сотня (46 чел.): "нет двух рубаш, онуч, портянок, сапогов, одного платка (у многих)"; "чепана не получено от отдатчика (у многих)"; "чепан старого сукна"; "пики нет"; "шапка худая по краю"; "сапог не получено"; "брюки белые (у многих)"; "шапка без креста"; "брюки зеленые не под цвет" [6, л.29].

В "Ведомости 2-го батальона (также 2-го полка-авт.) воинам, на коих состоят неспособные вещи" всего значилось 112 человек с такими же недостатками в обмундировании: "брюки кожей не обшиты (у многих); "разное и худое валеное сукно"; "полушубок мерлушечьих овчин"; "полушубок короткий"; "кафтан худого сукна"; "чепан худого сукна (у многих)" [6, лл.32-36].

В рапорте командира конного полка Козлова о составленном списке "неспособных" вещей основной акцент был сделан не на упоминании воинских подразделений, где находились ратники в неисправной амуниции, а на конкретизации уездов, из которых они поступили на службу:

Балахнинский уезд (47 чел.): "у кафтана в рукавах подкладки нет"; "брюки без подкладки"; "сукно самое худшее"; "крест, вензеля и корона (на шапке-авт.) тонки и непрочны"; "сапоги горелой кожи"; "онуч нет"; "шапка на мочалах"; "шапка на бересте (!) весьма плоха"; "полушубок прелых овчин"; "шапка из коровьей шерсти"; "кафтан без подкладки"; "портупейной ремень негоден" [6, л.38].

Семеновский уезд (27 чел.): "у кафтана в рукавах подкладки нет (у всех 27 чел.)"; "брюки из коровьей шерсти"; "полушубок из мерлушечьих овчин"; "перчатки (т.е. рукавицы-авт.) узки"; "ремень и перчатки не годны" [6, л.40].

Ардатовский уезд (87 чел.): "у кафтана в рукавах подкладки нет (14 чел.-авт.)"; "шапка не годится, а прочей амуниции нет никакой(!) (2 чел.-авт.)"; "шапка из коровьей шерсти, брюки кожей не обшиты (64 чел.-авт.)" [6, лл.38-61].

Нижегородский уезд (38 чел.): "у кафтана в рукавах подкладки нет (14 чел.-авт.)"; "кафтан и брюки без подкладки (24 чел.-авт.)" [6, лл.38-61].

Лукояновский уезд (16 чел.): "у кафтана в рукавах подкладки нет"; "портянок нет"; "полушубок короткий"; "сапоги и ремень не годны" [6, лл.38-61].

Горбатовский уезд (55 чел.): "кафтан и шаровары без подкладки (у многих)"; "ремня и патронташа нет"; "кафтан старый"; "полушубок короткий"; "брюки тоже без подкладки (у многих)" [6, лл.38-61].

Арзамасский уезд (41 чел.): "брюки кожей не обшиты" [6, лл.38-61].

Сергачский уезд (38 чел.): 9 чел. - "вообще ничего не имеют (!)", "кафтан и брюки без подкладок"; "из старого сукна" [6, лл.38-61].

Княгининский уезд (43 чел.): "брюки без подкладки", "сапоги не годятся"; "сума и ремень не годятся"; "кафта-

на и рубах нет"; "сумы нет"; у 1 чел. – "нет ничего" [6, лл.38–61].

Макарьевский уезд (19 чел.): "полушубок лезет"; "ремень не годится"; "полушубок короток" (у многих) [6, лл.38–61].

Васильский уезд (25 чел.): "Брюки коротки" (у многих); "полушубок лезет" [6, лл.38–61].

Согласно рапорта командира 5-го полка Шебуева "о проведении смотра и учета негодных вещей", были найдены "недостаточными" 14 ратников из Сергачской округи (на 10 из которых вообще не имелось "должной амуниции", а только, надо понимать, крестьянская одежда), 115 человек из Арзамасского уезда, поступивших без топоров, также без топоров поступили 95 воинов из Лукояновского и 8 – из Васильского уездов [6, лл.62–65].

По рапорту полковника Каратаева, в 1-м батальоне (1-го полка) людей "с неспособными в амуниции вещах"

всего насчитывалось 397 чел. [6, лл.70–80]; во 2-м батальоне – 117 чел. [6, лл.81–90]; в 3-м – 69 чел. [6, лл.90–92]; в 4-м – 56 чел. [6, лл.94–96].

По итогам "инспекторского смотра", когда выяснилось, что значительная часть ратников не была должным образом экипирована к походу, были сделаны должные выводы, касающиеся срочной замены некачественного снаряжения и обмундирования "со стороны отдатчиков", но неизвестно, в каком количестве, кому и когда необходимые замены были произведены, (что довольно странно, учитывая довольно подробные справочно-статистические сведения по формированию нижегородского ополчения). Есть весомые основания предполагать, что многие воины ополчения выступили в поход так и не снаряженные, как следует, что повлекло за собой как дополнительные расходы комитета пожертвований (вместо "владельческих" расходов) на должное обмундирование, так и, в конечном итоге, повальные болезни и высокую смертность ратников ополчения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кауркин Р.В., Дроздов Ф.Б., Николаев Д.А. Отечественная война 1812 г. Нижегородское ополчение и его участие в заграничных походах 1813–1814 гг. Н.Новгород: НО ИРИ, 2012. 158 с.
2. Николаев Д.А., Дроздов Ф.Б. Народное ополчение 1812 г. и общественный договор//Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. 2012. №6 (3). С.95–99
3. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО), Ф.1822, Оп.1. Д.1
4. ЦАНО, Ф.143, Оп.93–а, Д.4
5. ЦАНО, Ф.1822, Оп.1, Д.9
6. ЦАНО, Ф.1822, Оп.1, Д.49
7. Эрстрем Э.Г. 1812 год. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород/Сост. Г.М.Коваленко и А.А.Кузнецов. Пер. А.М.Галиновой/Под ред. С.М.Искюля и Г.М.Коваленко. Вступ. ст. Г.М.Коваленко и А.А.Кузнецова, комм. С.Н.Искюля, Г.М.Коваленко, А.А.Кузнецова и А.В.Морохина. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И.Лобачевского, 2013. 293 с.
8. ЦАНО, Ф.1822, Оп.1, Д.74

© Д.А. Николаев, И.А. Хвостова, (dmnikolaeff@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

МОРМОНЫ-МИССИОНЕРЫ ЗА РУБЕЖОМ: ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ В РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДПИСАНИЯХ

MORMON MISSIONARIES BEING ABROAD. RULES OF BEHAVIOR ARE IN RELIGIOUS ORDERS (INSTRUCTIONS)

V. Rogatin
R. Nabiev

Annotation

Regulation of behavior which are ordered to Mormon missionaries during being in missionary activity abroad is considered in the article. Forms (types) of priesthood which exist in the sect "The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints" are presented. The prohibitions which are to provide Mormons' security while they conduct mission abroad are enumerated. Also the author describes prohibitions, that promote the Mormons to be involved in a mission and make it more effective. Possible punishments for Mormons who violate the rules of the "Missionary Handbook" is described. The article reveals the contradictions arising during the activity of the sect "The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints" in society and state-confessional relations.

Keywords: Mormons, religious group, sect, proselytism, The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints, taboo.

Рогатин Владимир Николаевич

*Ассистент, Казанский (Приволжский)
федеральный университет, г. Казань,
Российская Федерация*

Набиев Ринат Ахматгалиевич

*Д.и.н., профессор,
Казанский (Приволжский)
федеральный университет, г. Казань,
Российская Федерация*

Аннотация

В статье рассмотрен регламент поведения, который предписан мормонам-миссионерам во время нахождения в миссионерской деятельности за рубежом. Представлены виды священства, которые бытуют в секте "Церковь Иисуса Христа Святых последних дней". Перечислены запреты, направленные на обеспечение безопасности мормонов в странах, где осуществляется миссионерство и запреты, способствующие увеличению вовлеченности мормонов в миссию и увеличению продуктивности совершаемой мормоном миссии. Описаны возможные наказания мормонов за нарушения положений, которые предписаны в "Миссионерском справочнике". Показывается противоречия, возникающие в ходе деятельности "Церковь Иисуса Христа Святых последних дней" в обществе и государственно-конфессиональных отношениях.

Ключевые слова:

Мормоны, религиозная группа, секта, прозелитизм, Церковь Иисуса Христа Святых последних дней, табу.

Деятельности секты "Церковь Иисуса Христа Святых последних дней" было посвящено ряд работ в российской историографии, однако тема правил и запретов для мормонов-миссионеров остается рассмотренной не до конца. Данная сфера исследования важна для понимания мотивации и действий мормонов-миссионеров на территории России. Последний конфликт, связанный с деятельностью мормонов-миссионеров произошёл в августе 2016 г. и связан с нарушением правил миграционного учета в г. Самара, который сопровождался выдворением шести мормонов из России [1].

Кроме того, в качестве примера можно привести процесс прохождения государственной регистрации общины мормонов в Республике Татарстан, когда более десяти лет до 2009 г. сложились противоречивые отношения мормонов с традиционными конфессиями и государственными органами. В тот период, как сообщалось в печати, "мормоны в Татарстане, как и во всей России, заня-

ты скупкой архивных данных всех умерших с целью по- смертного крещения", что оскорбляло и возмущало прежде всего мусульман, а также затрудняло оформление их официального статуса в рамках законодательства [2, с.134].

Необходимо отметить, что мормоны-миссионеры в рамках своей практической деятельности делятся на три типа:

1. молодые парни в возрасте до 25 лет (основной тип миссионеров);
2. молодые девушки в возрасте до 21 года;
3. возрастные семейные пары [3].

Остановимся на первом преобладающем типе мормонов-миссионеров – это молодые парни в возрасте до 25 лет. Согласно обычаям мормонов, молодым людям предоставляется выбор (мужчинам в 19 лет, девушкам в 20) – делать карьеру и продолжать учиться или ехать в

качестве миссионера в какую-либо точку мира. Миссионеры этой секты должны два года (девушки – полтора года) проработать за рубежом [4]. Мормонов-миссионеров можно определить по внешнему виду – белая рубашка с галстуком и бейджик на груди, на котором указано "Старейшина (имя)" (в последнее время мормоны могут не одевать бейджики). Необходимо отметить, что в миссионерскую поездку отправляются мормоны в чине старейшины – это первый чин в Мелхисидековом священстве, который существует в секте "Церковь Иисуса Христа Святых последних дней".

Всего у мормонов существует два типа священства Аароново (меньшее священство, дает право совершать обряды) и Мелхисидеково (высшее священство, дает право возглавлять организацию). Чин священства в секте носят исключительно мужчины, начиная с двенадцати лет, священство "даруется" всем мужчинам. Для каждого возраста есть свои роли и обязанности в секте. В возрасте двенадцати лет мальчик может получить Аароново священство и через несколько лет может получить Мелхисидеково священство [5].

Аароново священство преимущественно связано с обслуживающими функциями внутри культового сооружения. Так дьяконы – разносят причастие в храме, учителя – готовят причастный хлеб и воду перед богослужением, а также служат как домашние учителя, зачастую в паре с взрослым мужчиной, священники – читают молитву, благословляют причастие. Мелхисидеково священство необходимо для большинства руководящих должностей в секте. Мелхисидеково священство делится на следующие чины: старейшины, первосвященники, патриархи, члены кворума семидесяти и апостолы. Многие руководящие должности в секте, не требующие священства, предназначены исключительно для женщин [6].

Помимо всех известных запретов, которые существуют у мормонов, связанных с вероучением, такие как запрет на напитки содержащие кофеин (включая кофе и чай), на алкоголь, табак, марихуану и сильнодействующие медицинские препараты, существует и ряд других запретов связанных с пребыванием мормонов-миссионеров за рубежом [7]. Все эти запреты собраны и систематизированы в книге "Миссионерский справочник", которая является практическим руководством для мормонов-миссионеров за рубежом.

Представленные запреты и рекомендации можно разделить на два вида, первый вид запретов связан с безопасностью нахождения мормонов за рубежом, второй вид запретов направлен на вовлеченность мормона в прозелитизм (в справочнике употребляется именно термин прозелитизм) и миссию.

Запреты, связанные с безопасностью.

Мормонам-миссионерам предписывается избегать детей, и ни в коем случае не оставаться наедине с детьми, щекотать детей, менять им подгузники, держать детей или усаживать их на колени. Мормон обязан избегать любых действий в отношении детей, которые могут быть превратно истолкованы и привести к судебным разбирательствам [8, с.35].

Для обеспечения безопасности миссионеров им запрещается плавать или принимать участие в водных видах спорта. Они обязаны избегать любых действий, которые могут привести к травмам и нанести физические повреждения. В связи с чем, кроме плавания миссионерам запрещается заниматься контактными видами спорта, зимними видами спорта, мотоспортом, верховой ездой, скалолазанием и альпинизмом. Также миссионерам запрещается катание на частных лодках или самолетах, обращение с огнестрельным оружием, фейерверком и взрывчатыми веществами любого вида [8, с.21–22].

Мормонам рекомендуется не делать негативных или оскорбительных комментариев о политических или культурных обстоятельствах в странах пребывания, даже в письмах или в электронной переписке с родителями. Также запрещается участвовать в политической и коммерческой деятельности или участвовать в обсуждении политических и экономических вопросов [8, с.51].

Миссионерам запрещено снимать гражданские беспорядки или демонстрации, фотографировать священные предметы или статуи. Также справочник настоятельно рекомендует исключить любые шутки связанные с терроризмом.

Во время прозелитизма мормонам запрещено использовать видеокамеры и фотоаппараты, поскольку миссионеры в таком случае могут выглядеть как туристы. [8, с.26]

В целях безопасности миссионерам после наступления темноты рекомендуются путешествия только по освещенным участкам. Миссионеры должны постоянно менять маршруты своих прогулок. В случае ограбления мормон должен не сопротивляться и отдать все свои сбережения грабителю. Из-за возможности ограбления мормон должен всегда при себе иметь небольшое количество денег. Миссионерам запрещается одалживать или занимать деньги. Дополнительные средства можно попросить только у президента миссии. Мормонам рекомендуется иметь резервный фонд с достаточным количеством наличных денег, которые они могли бы использовать для поездки в штаб-квартиру миссии, если они не смогут получить деньги обычным путем [8, с.51–52].

Запреты, направленные на вовлеченность в миссию.

Мормонам миссионерам во время миссии не разрешается иметь персональный компьютер. Мало того компьютер можно использовать только для связи с семьей один раз в неделю (в т.н. "день подготовки" – понедельник) или для связи с президентом миссии. Соответственно мормонам-миссионерам запрещается играть в компьютерные игры, поскольку это отвлекает от миссии. В отдельных случаях президент миссии может разрешить компьютер для целей прозелитизма [8, с.26]. При использовании компьютера мормоном-миссионером рядом с ним должен находиться его компаньон (мормон миссионер), который обязан следить, чтобы работа в компьютере была связана исключительно с отправкой писем родителям или с прозелитизмом (если получено соответствующее разрешение от президента миссии). Для связи с родителями мормон должен использовать исключительно почтовый сервер MyLDSmail.net, который создан сектой для этих нужд. Злоупотребление компьютером и электронной почтой может привести к тому, что миссионер может утратить вовсе эту привилегию [8, с.20].

Миссионер обязан всегда находиться вместе со своим компаньоном миссионером. Данное предписание мормонам предполагает нахождение в поле зрения у друг друга, даже спать мормоны обязаны в одной комнате. Единственное исключение, которое допускается в справочнике, это когда миссионер беседует с президентом миссии или находится в ванной комнате [8, с.29–33].

В справочнике особо подчеркивается, что миссионерам запрещается просмотр порнографии в любой форме, поэтому миссионеры должны особо следить и защищать единоверцев от этого пагубного действия [8, с.27].

Согласно справочнику при игре в разрешенные игры волейбол и баскетбол, миссионеры должны играть в пол силы, поскольку полноценная игра может привести к травмам и усталости, что в свою очередь помешает миссионерству [8, с.21].

Мормонам во время миссионерской поездки разрешается читать только те книги, журналы и другие материалы, которые разрешены сектой. Также им запрещается спонсировать или принимать участие в деятельности музыкальных групп, спортивных команд, клубов и других аналогичных групп [8, с.27].

Мормоны ограничены в общении с родителями и родственниками во время миссии. Им разрешается связываться по телефону с родственниками несколько раз в год – на Рождество и один раз на выбор (как правило –

это День матери). По времени звонки регламентированы, они не должны превышать 30–40 минут. Звонки не членам семьи и друзьям допускаются только с разрешения президента миссии [8, с.37].

Во время миссии мормонам запрещается оставаться наедине, флиртовать, или вести себя неподобающим образом с противоположным полом. "Миссионерский справочник" рекомендует не звонить, не переписываться по электронной почте и не принимать вызовы или письма от лиц противоположного пола, которые живут в пределах или вблизи границ миссии. Исключение составляют только те лица, которые с миссионером имеют родственные связи [8, с.33–34].

Из приведенного материала мы видим, что второй вид запретов направлен на полную вовлеченность миссионера в прозелитическую деятельность. В связи с чем, компьютеры, смартфоны и Интернет представляют угрозу для миссионера, поскольку время отведенное на прозелитизм, он может употребить не по назначению. Повседневный график миссионера, выстроен таким образом, что мормон должен каждый день с 10:00 утра и до 21:00 вечера заниматься исключительно прозелитизмом (из этого времени дается по часу на обед и ужин). В целом день мормона-миссионера начинается с 6 часов утра и заканчивается в 11–12 часов ночи, после индивидуальных бесед с членами Церкви. В "Миссионерском справочнике" детально прописан, какой должен быть внешний вид старейшины, начиная от обуви и заканчивая формой стрижки (даже прилагаются виды миссионерской стрижки) [8, с.14–15].

Указанные инструкции охватывают не только личную безопасность миссионера, но и его частную сферу. Мормон не имеет права оставаться один, ограничен в общении с родителями и родственниками, ограничен в доступе к информации, поскольку компьютер можно использовать исключительно для отправки электронной почты, на чтение любой не мормонской литературы наложено ограничение. Даже спортивные игры, такие как волейбол и баскетбол должны проходить без увлечения, поскольку это все может отвлечь от главной цели – прозелитизма. Практика совместного миссионерства и взаимоконтроля друг за другом отчасти напоминает деятельность запрещенной в России секты "Свидетели Иеговы", "пионеры" (миссионеры) которой также тратят много времени на прозелитизм. Единственным отрезком времени, когда миссионер остается один – это во время ваннных процедур.

Отдельного внимания заслуживает финансовая зависимость миссионеров от миссии, поскольку она ежемесячно им выделяет денежные средства. И в случае неповиновения или нарушения инструкций миссия при-

меняет разного рода санкции, в том числе и запрет на электронную переписку с родителями. Также, на мормонов налагаются ограничения в сексуальных отношениях, поскольку присутствует запрет на личностное общение с противоположным полом и отсутствует время для межличностных отношений из-за строгого регламентированного графика и постоянного присутствия второго миссионера.

Несмотря на определенную попытку социализации секты, внутри нее продолжает присутствовать контроль

над своими последователями. Мормон-миссионер находясь в миссии за рубежом, оказывается в крайне стеснительном и бесправном положении.

Контроль над соблюдением установленных мормонам запретов возложен на президента миссии, который может на свое усмотрение корректировать регламент приехавших миссионеров. Так, дополнительный запрет в России наложен на рыбу и грибы из-за опасности, что мормоны иностранцы могут отравиться этими продуктами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шестерых мормонов из США выдворили за пределы РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://temidnya.ru/blog/43461120422/SHesteryih-mormonov-iz-SSHA-vyidvorili-za-predelyi-RF?page=5>, свободный.
2. Набиев Р.А. Власть и религиозное возрождение. Серия "Культура, религия и общество", вып. 24. – Казань: Казан. ун-т, 2014. – С. 303.
3. Встретиться с миссионерами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mormon.org/rus/%D0%BC%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D1%80%D1%8B>, свободный.
4. Татьяна Чемикосова. Мормоны в России: реальное и виртуальное существование // Вестник Евразии. 30.05.2015. URL: <http://eavest.ru/biblioteka/stati-i-knigi/zhivoj-golos/34-tatyana-chemikosova-mormony-v-rossii-realnoe-i-virtualnoe-sushchestvovanie>, свободный.
5. Священство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мормон.рф/mormon-beliefs/apostasy-and-restoration/priesthood/>, свободный.
6. Священство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мормон.рф/mormon-beliefs/apostasy-and-restoration/priesthood/>, свободный.
7. Руководство к Священным Писаниям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lds.org/scriptures/gs/melchizedek-priesthood-lang=rus>, свободный.
8. Missionary Handbook [Электронный ресурс]. ? Режим доступа: <https://www.lds.org/bc/content/ldsorg/topics/missionary/MissionaryHandbook2006Navigate.pdf>, свободный.

© В.Н. Рогатин, Р.А. Набиев, (Vlaide@rambler.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Образовательный центр
"Языки и культуры
мира"

Открыт набор на
языковые курсы
www.wlc.vspu.ru

РЕКЛАМА

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ВЫСШИХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

HISTORY OF DEVELOPMENT OF HIGHER PEDAGOGICAL INSTITUTIONS IN THE RUSSIAN FAR EAST

O. Stefanenko

Annotation

Currently, teacher education in Russia is undergoing a series of reforms that lead to re-evaluation of spiritual, moral, social and traditional values of Russian culture and society. Searching for approaches to structuring the teaching activities of educational organizations. Considering the issues of establishing a new system of teacher education, cannot rely on experience that has been accumulated in the entire history of public education in Russia. Higher education has gained a wide experience in training. This article is devoted to the history of the oldest higher educational institutions of the Russian Far East. Traces the development of higher pedagogical education in the Far East of Russia and its role in modern conditions.

Keywords: Far East, historical and pedagogical experience of the higher pedagogical institutions, training of teachers, generalists.

Стефаненко Ольга Сергеевна

Аспирант, ФГБОУ ВО

*"Северо-Восточный государственный
университет", г. Магадан*

Аннотация

В настоящее время педагогическое образование в России переживает ряд реформ, которые приводят к переоценке духовно-нравственных, социальных и традиционных ценностей Российской культуры и общества. Идет поиск подходов к структурированию педагогической деятельности учебных организаций. Рассматривая вопросы формирования новой системы педагогического образования, нельзя не опираться на опыт, который был накоплен за всю историю народного образования в России. Высшее образование наработало большой опыт в подготовке специалистов. Данная статья посвящена истории становления старейших высших педагогических учреждений Дальнего Востока России. Прослеживается развитие высшего педагогического образования на Дальнем Востоке России и его роль в современных условиях.

Ключевые слова:

Дальний Восток, историко-педагогический опыт, высшие педагогические учреждения, подготовка педагогических кадров, специалисты широкого профиля.

Дальний Восток России – это край многонациональной культуры с широкой сетью учебных заведений.

Сегодня педагогическое образование переживает те же проблемы, что и вся историческая наука в целом. Необходимость поиска новых подходов к структурированию педагогической деятельности учебных учреждений стало настоятельным требованием современного мира.

Все мы чувствуем переломность переживаемого нами исторического момента, поэтому с интересом обращаемся к прошлому, надеясь найти там положительный опыт созидания нового, в том числе и в области народного образования.

Изучение историко-педагогического опыта высшего педагогического образования Дальнего Востока России в наше время приобретает особое значение, так как, накопленный потенциал педагогических учебных заведений и опыт педагогов прошлого, позволяют объективно осмыслить и заимствовать наиболее значимое для дальнейшего развития и совершенствования системы образования.

Трудности становления народного образования на Дальнем Востоке России были связаны с нехваткой не только школ, но и учителей. Потребность в учителях была огромная.

Недостаток учителей во всех типах учебных заведений состоял в том, что на Дальнем Востоке не было ни одного специального учебного заведения где готовили педагогов. Только в начале XX в. на Дальнем Востоке России стали создаваться высшие педагогические учебные заведения.

Одно из первых высших образовательных учреждений, направленных на подготовку будущих воспитателей и учителей школ Дальнего Востока России, является Хабаровский государственный педагогический институт, который был построен согласно Постановлению СНК СССР № 14 от 17 июля 1934 г. и президиума Далькрайисполкома № 1312 от 19 октября 1934 г.

Пока строился Хабаровский государственный педагогический институт, при нем в 1936 г. открылся вечерний Учительский институт. В Учительском институте на факультетах языка и литературы и физико-математиче-

ском училось 148 чел. Одновременно были открыты 10-месячные курсы по подготовке учителей 5–7-х классов неполной средней и средней школы по истории, русскому языку и литературе, физике и математике. Курсами руководил преподаватель Швецова Н. Н. [7, с. 23].

Первый набор студентов в Хабаровский государственный педагогический институт прошел с 25 июля по 01 августа 1938 г. В первый год в институте обучалось всего 289 чел.

В 1940–1941 учебном году в институте насчитывалось 582 студента из них: педагогический институт – 342 чел.; учительский – 240 чел.

Значительным событием для института явилось открытие 01 февраля 1943 г. Северного отделения, основная цель которого состояла в подготовке будущих учителей русского языка и литературы для чукотских, корякских, эвенских и нанайских школ края.

На 1942–1943 учебный год контингент приема на Северное отделение был определен в 35 чел. из них: чукотско-корякская группа – 15 чел. и тунгусо-нанайская – 20 чел.

К 1950-му г. институт выпустил более тысячи специалистов, в том числе: педагогический институт – 666 чел.; учительский институт – 368 чел. В 1946 г. состоялся первый выпуск учителей отделения народов Севера [1, с. 169].

На начало 1988 г. в Хабаровском государственном педагогическом институте функционировал факультет повышения квалификации руководителей народного образования Дальнего Востока и Якутской АССР. В университете проводили прием и подготовку специалистов 8 факультетов: русского языка и литературы; физико-математический; физической культуры; биолого-химический; исторический; художественно-графический; романо-германских языков и восточных языков; отделение народов Крайнего Севера [2, с. 170].

Институт развивался, совершенствовалась структура подготовки учительских кадров, и в 1994 г. решением Министерства образования Российской Федерации пединститут был преобразован в педагогический университет. В 2005 г. на основании приказа Федерального агентства по образованию Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Хабаровский государственный педагогический университет" был переименован в Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Дальневосточный государственный гуманитарный университет" [3].

В настоящее время Дальневосточный государственный гуманитарный университет – является одним из крупнейших гуманитарных вузов России, осуществляющих подготовку педагогических кадров для Хабаровского края и Дальневосточного региона. В университете обучается более 7000 студентов, из них 3,5 тыс. чел. – на дневной форме обучения. Подготовку специалистов ве-

дут 524 преподавателя, преобладающее число из них – доктора и кандидаты наук.

Камчатский регион также нуждался в педагогических кадрах. Постановлением Совета Министров РСФСР в 1958 г. № 897 на базе педагогического училища был организован Камчатский государственный педагогический институт.

Институт состоял из трех факультетов: историко-филологического, физико-математического и факультета начальных классов.

К первым занятиям в институте студенты приступили 17 октября 1958 г. В первом потоке было более 100 первокурсников. Преподавательский коллектив был представлен 14 преподавателями, среди которых имели степень "доцент" 3 преподавателя.

В 1963 г. закрыли факультет начальных классов и историческое отделение, так как на тот момент была полная обеспеченность школ Камчатской области учителями. Вместо этого был увеличен прием абитуриентов на факультеты русского языка и литературы, который открылся в 1959 г. и физико-математический [2, с. 173].

К 1976 г. план приема абитуриентов в институт составил 285 чел. (185 – очное, 100 – заочное отделение).

Впервые в 90-е годы в институт осуществился набор студентов на договорную основу: на первый курс в 1991 г. было принято 9 договорников. Уже в 1994 г. в институте на договорной основе обучалось 116 студентов.

Общая численность обучающихся в институте на очной и заочной отделениях в 1994 г. составляла 1844 чел.

В начале XXI века происходит одно из самых значимых в истории института событий. В соответствии с приказом Министерства образования РФ № 3149 от 31.10.2000 г. институт был переименован в Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Камчатский государственный педагогический университет". Изменение статуса повлекло за собой возникновение в университете новых отделов, лабораторий, кафедр, открытию новых специальностей, созданию научно-технического совета университета и совета научных руководителей аспирантов.

В 2006 г. педагогический университет переименован в ГОУ ВПО "Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга", а в 2011 г. принял организационно-правовую форму Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга".

С каждым годом в университете увеличивается контингент студентов и количество преподавателей, защитивших кандидатские и докторские диссертации. И по сей день университет готовит специалистов широкого профиля для Дальневосточного региона.

Магаданская область также нуждалась в высококвалифицированных педагогических кадрах. Одно из первых

высших учебных заведений Магаданской области является Магаданский государственный педагогический институт (МГПИ). Институт был организован по постановлению Совета Министров РСФСР 1960 г. на базе существовавшего с 1955 г. педагогического училища г. Магадана.

3 октября 1961 г. состоялись первые учебные занятия в педагогическом институте. Коллектив преподавателей института на тот момент состоял из 17 человек. На дневном и заочном отделениях обучалось 275 человек.

В институте на тот период было 4 факультета: физико-математический, русского языка и литературы, исторический, педагогики и методики начального образования.

В 80-х годах общее количество студентов в институте превышало 2 тысячи человек, половина из которых обучалась на дневной форме обучения. На факультетах педагогики и методики начального обучения и русского языка и литературы было предусмотрено обучение студентов также на заочной форме обучения. Самым большим по численности студентов являлся факультет педагогики и методики начального обучения [6, с. 94].

Постановлением Правительства России от 5 апреля 1993 года МГПИ был преобразован в Международный педагогический университет (МПУ). 18 декабря 1997 года вышло постановление Правительства Российской

Федерации о создании Северного международного университета на базе МПУ и Магаданского филиала Хабаровского государственного технического университета (МфХГТУ).

Сегодня учебное заведение именуется так: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Северо-Восточный государственный университет". Как и в то время, учебный процесс в университете обеспечивается коллективом опытных и высококвалифицированных специалистов, которые помимо основной своей деятельности ведут научно-исследовательскую работу, принимают активное участие в исследовании проблем истории и развития Магаданской области, в общественно-политической жизни города и области.

Следует подчеркнуть, что педагогические учреждения Дальнего Востока России решают вопросы кадрового голода в школах региона. Благодаря педагогическим институтам создались благоприятные условия для создания крупнейших университетов Дальнего Востока России, деятельность которых направлена на достижение образовательных, научных, социальных, культурных и управленческих целей, в целях удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан в образовании, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоглазова С. Б. Становление образования на Дальнем Востоке и в Русской Америке (XVIII в. – 60-е гг. XIX в.) // Россия и АТР. – 2006. – № 4. – С. 169–184.
2. Беляев В. И., Савченко Т. А. История социальной педагогики: учеб. пособие для студ. вузов соц. профиля. – Магадан: СВГУ, 2014. – Ч. 1. – 254 с.
3. Дальневосточный государственный гуманитарный университета [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.khspsu.ru/articles.php?article_id=147. – 09.10.2016 г.
4. История образования и педагогической мысли: великие педагоги, значительные события, факты на оси времени : учебное пособие / В. И. Лещинский, Л. В. Мозгарев, С. В. Неделина и др. – Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 2004. – 188 с. 18
5. Лынша О. Б. От учительской семинарии до института. К истории Школы педагогики ДВФУ (1909–1954 гг.). – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2015 г. – 284 с.
6. Райзман Д. И. Хроника: важнейшие события истории народного образования в Магаданской области. – Магадан: Охотник, 2013. – 153 с.
7. Романов В. В. Кузница педагогических кадров. Хабаровскому государственному педагогическому университету 70 лет. Материала юбилейного сборника. – Хабаровск: Хабаровский государственный педагогический университета, 2004. – 352 с.
8. Салимуллина Е.В., Надыршина Л.Ф. Университетское образование в России: история вопроса // Проблемы и перспективы развития образования: материалы V междунар. науч. конф. (г. Пермь, март 2014 г.). – 2014. – С. 26–28.
9. Севильгаев Г.Ф. Народное образование на Дальнем Востоке России X в. – 30-е годы XX в. Монография. – Барнаул: ОАО "Алтайский полиграфический комбинат", – 2001 г. – 516 с.
10. Шевчик Т. А. Из истории народного образования в Хабаровском крае. Путеводитель по выставке архивных документов. – Хабаровск: Частная коллекция, 2010. – 16 с.

КАНОНЫ ХАЛКИДОНСКОГО СОБОРА КАК ОБОСНОВАНИЕ ПРАВ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПРЕСТОЛА НА ДИАСПОРУ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ 20 - нач. 21 в.

THE CANONS OF THE COUNCIL
OF CHALCEDON AS A JUSTIFICATION
OF THE RIGHTS OF THE CONSTANTINOPLE
SEE TO THE DIASPORA IN THE RUSSIAN
ORTHODOX TRADITION
20 - early 21 century

V. Suvorov

Annotation

Of particular relevance to the Orthodox Church in the 20th century was the problem of the canonical organization of the diaspora, which is still acute. The Patriarchate of Constantinople put forward a theory on the exclusive right of the Constantinople See to jurisdiction over the entire Orthodox diaspora and new missionary territories. The Greek theologians saw the canonical substantiation of this theory in the rules of the Council of Chalcedon, among which the most important was the rule 28. The application of this theory in practice repeatedly caused conflicts in the Orthodox world, primarily between the Moscow Patriarchate and the Patriarchate of Constantinople. The article contains a study in the historical context and comparative analysis of positions on this issue expressed in official documents of the Moscow Patriarchate and the works of Russian Orthodox theologians of different jurisdictional orientations – the Moscow Patriarchate, the Russian Church Abroad and the jurisdiction of Metropolitan Eulogius. The main factors that conditioned the conversion of Russian Orthodox theologians to this topic and influenced their positions were revealed.

Keywords: History of the Orthodox Church, canon law, Chalcedon Council, Orthodox Diaspora, Russian Orthodoxy, inter-Orthodox relations.

Суворов Вадим Геннадьевич

*Протоиерей, к.богословия,
соискатель степени доктора богословия,
общецерковная докторантура им. святых
равноапостольных Кирилла и Мефодия,
преподаватель, Коломенская духовная
семинария*

Аннотация

Особую актуальность для Православной Церкви в 20 столетии приобрела проблема канонического устройства диаспоры, которая остро стоит до сих пор. Константинопольским Патриархатом была выдвинута теория об исключительном праве Константинопольского Престола на юрисдикцию над всей православной диаспорой и новыми миссионерскими территориями. Каноническое обоснование данной теории греческие богословы видели в правилах Халкидонского Собора, среди которых наибольшее значение приобрело правило 28. Применение этой теории на практике неоднократно вызывало конфликты в православном мире, прежде всего – между Московским и Константинопольским Патриархатами. В статье проведено исследование в историческом контексте и сравнительный анализ позиций по данному вопросу, выраженных в официальных документах Московского Патриархата и трудах русских православных богословов разных юрисдикционных направлений – "московского", "карловацкого" и "евлогианского". Выявлены основные факторы, обусловившие обращение русских православных богословов к данной теме и повлиявшие на их позиции.

Ключевые слова:

История Православной Церкви, каноническое право, Халкидонский Собор, православная диаспора, русское православие, межправославные отношения.

Каноническое устройство православной диаспоры сегодня является одной из острых и пока не решенных проблем, включенных в перечень тем гонящегося уже почти на протяжении столетия Всеправославного Собора.

С 20-х годов 20 столетия Константинопольский Патриархат стал развивать теорию о якобы принадлежащем ему исключительном праве на юрисдикцию над всей православной диаспорой и новыми миссионерскими территориями. В качестве канонического обоснования данной теории греческие богословы приводили ссылки на 9, 17 и 28-е правила Халкидонского Собора, в кото-

рых закреплялись особые канонические полномочия за Константинопольским архиепископом.

В качестве главного аргумента выдвигалось 28-е правило Халкидонского Собора, утверждавшее право Константинопольского Престола поставлять митрополитов Понтийского, Асийского и Фракийского диоцезов, а также рукополагать епископов у иноплеменников перенесенных областей

(*εν τοις βαρβαρικοις Επισκοποις των
προετημενων διοκησεων*) [10, с. 244].

Выражение «*εν τοις βαρβαρικοις*» (буквально: "у варваров") сторонники данной теории стали толковать расширительно – в том смысле, что Константинопольскому патриарху должны быть подчинены все епископы новых миссионерских территорий и стран, не имеющих своей Поместной Православной Церкви, – там, где православные христиане находятся в окружении преобладающего нехристианского или неправославного населения.

Такое понимание 28-го халкидонского канона и обусловленные им претензии на диаспору на протяжении прошедшего столетия вызвали многочисленные конфликты в православном мире, прежде всего – между Москвой и Константинополем. Московский Патриархат неоднократно в своих официальных документах выступал с критикой данного толкования халкидонских канонов. "Эти притязания никогда не признавались Русской Церковью, как исторически и канонически несостоятельные" [2, с. 67–68].

В 1931 г. в связи с ситуацией, сложившейся вокруг митрополита Евлогия (Георгиевского), перешедшего в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, митрополит Сергей (Страгородский) обратился с посланием к Константинопольскому Патриарху, где оспорил ссылки на 28-й Халкидонский канон и утверждения о том, что территория Западной Европы, где возникло "дело митрополита Евлогия", подчинена юрисдикции Константинопольского Патриарха: "28-е правило IV Вселенского Собора совершенно точно определяет границы Константинопольского Патриархата: Фракия, Понт и проконсульская Азия и епархии "у иноплемеников вышереченных областей, то есть по Вальсамону, Аланов и Россов, потому что аланы принадлежат к Понтийскому округу, а россы к фракийскому", – другими словами, к тем округам около Черного моря, которые подчинены Константинополю. Варварские страны Западной Европы: Германия, Британия и другие – всегда принадлежали патриарху Римскому, хотя некоторые из них получили христианство непосредственно от Востока, минуя Рим. Так было до самого отпадения Римского Патриарха. После же его отпадения не было никакого общецерковного и для всех обязательного акта, которым территория Римского Патриархата присоединялась бы к Константинопольскому. Вот почему и Русская, и Элладская, и всякая другая автокефальная Церковь могла свободно учреждать в Западной Европе свои приходы и управлять ими. Никому и в голову не приходило, например, на освящение там храма испрашивать благословение Константинопольского Патриарха, как это обязательно делалось, например, в Палестине относительно Патриарха Иерусалимского или Александрийского в Египте" [12, с. 86].

Идентичная позиция была выражена многими годами позже – в начале 2000-х годов – Московским Патриархом Алексием II (Ридигером) в переписке с Константинопольским Патриархом по вопросу об окормлении православной диаспоры [7].

В апреле 2002 г. Константинопольский Патриарх Варфоломей направил Патриарху Алексию письмо, посвященное положению Архиепископии русских православных приходов в Западной Европе. В письме, в частности, утверждалось, что Константинопольская Церковь на основании 28-го правила Халкидонского Собора имеет исключительное право на окормление диаспоры, и все православные общины, образующиеся за пределами своих материнских Церквей, должны подчиняться Константинопольскому Патриархату. В письме говорилось, что на основании 28-го Халкидонского правила в область ответственности Вселенского Патриархата якобы вошла Западная Европа "и, по сути, все новооткрываемые земли Америки и Австралии" [7].

В ответном письме Патриарх Алексий выразил категорическое несогласие с подобной трактовкой проблемы диаспоры и изложил взгляд Московского Патриархата на смысл 28-го халкидонского правила.

Согласно изложенному в письме подходу, 28-й халкидонский канон действительно определяет область ответственности Патриаршего Престола Константинопольской Церкви, ограничивая ее древними Асийским, Фракийским и Понтийским диоцезами, то есть областями, ныне принадлежащими Турции, Болгарии и Греции. Однако из этого вовсе не следует, что Константинопольскому Патриархату должна быть подчинена каждая область, не относящаяся к какому-либо другому Патриаршему Престолу. Халкидонское правило подчиняет Константинопольскому Престолу епископов у варваров только "вышереченных областей", то есть живших в диоцезах Понтийском, Асийском и Фракийском. Кроме того, в каноне речь идет не о диаспоре, но об автохтонных "варварских" народах, живших не в рассеянии, но на своих землях. Следовательно, каждая Автокефальная Церковь имеет те же права миссии за пределами своей канонической территории, что и другие.

17 ноября 2003 года Константинопольский Патриарх Варфоломей направил на имя Патриарха Московского Алексия новое письмо, где вновь сослался на 28-е правило Халкидонского Собора в качестве обоснования притязаний на диаспору.

В ответном послании Патриарх Алексий подтвердил выраженную ранее позицию и дополнительно указал, что 28-е правило не только не прибавило новых полномочий Константинопольскому патриарху, но напротив, носило ограничительный характер. К середине 5-го века Константинопольская Церковь принимала участие в решении различных проблем не только в епархиях Фракии и Малой Азии, которые вошли в ее юрисдикцию согласно 28-му правилу, но также Армении, Антиохии, Иллирика. Однако Халкидонский Собор не подтвердил прав Константинополя на эти земли.

В целом письма Патриарха Алексия повторяли историко-каноническую аргументацию, ранее изложенную в трудах проф. С.В. Троицкого – русского канониста дореволюционной школы, эмигранта, перешедшего в 1945 г.

в Белграде в юрисдикцию Московского Патриархата.

Троицкий стал одним из первых православных канонистов, кто серьезно и обстоятельно начал критиковать константинопольскую теорию о диаспоре почти с самого начала ее появления. На разработанную им аргументацию впоследствии опирались как богословы Московского Патриархата (см., например: [13]), так и Русской Зарубежной Церкви. Архиепископ Петр (Л'Юилье) в своем исследовании 1980-х гг., посвященном правилам первых четырех Вселенских Соборов, признавал, что и в конце столетия аргументы Троицкого относительно халкидонских канонов "вполне сохраняют силу" [8, с. 467].

Выступив в начале 20-х гг. против претензий Константинополя, Троицкий стремился защитить права эмигрировавших за границу русских епископов, оказавшихся в условиях рассеяния. Будучи в должности канонического эксперта Сербской Церкви, Троицкий также принимал участие в защите Сербской Церкви от попыток Константинополя подчинить себе ее епархии и приходы за пределами Югославии. Позднее, перейдя в юрисдикцию Московского Патриархата, Троицкий использовал те же аргументы для защиты позиций Москвы в ее спорах о первенстве с Константинопольским Престолом.

В 1922 г. по инициативе Патриарха Мелетия IV (Метаксакиса) Священный Синод Константинопольской Церкви принял решение об обязательном и исключительном подчинении Константинопольской Церкви всей православной диаспоры [1, с. 31]. А уже в 1923 г. вышли в свет сразу две статьи Троицкого, посвященные вопросу юрисдикции Константинопольского патриарха вне границ Автокефальных Церквей [17; 16].

В этих работах Троицкий доказывает, что 28-е халкидонское правило не предоставляло Константинопольскому Престолу права посылать всех епископов у "иноплеменников", но "только вышереченных областей", т.е. Понтийского, Асийского и Фракийского диоцезов. Исключительная привилегия Константинополя была бы невозможна и по существу, ибо она лишила бы права миссии все остальные автокефальные Церкви, не исключая Римской, которая в том же правиле была поставлена выше Константинопольской.

Халкидонский Собор впервые формально подчинил Константинополю три диоцезальные митрополии, которые до этого долгое время пользовались церковной автокефалией. Это подчинение выразилось, во-первых, в том, что митрополиты названных диоцезов стали поставляться не собственными Соборами, а Константинопольским патриархом. Во-вторых, потеряв права автокефалии, эти диоцезы потеряли и связанное с автокефалией право самостоятельно устраивать миссию в варварских странах, управлять в случае малочисленности местных епископов этими странами и посылать туда епископов-миссионеров. По убеждению Троицкого, 28-е правило вовсе не давало Константинополю исключительного права посылать епископов *in partes infidelium* (лат.: "в чужие края") и не лишало все остальные автокефальные Церк-

ви исконно присущего им и подтвержденного 2-м правилом II Вселенского Собора права делать то же. Халкидонский канон даже частично не ограничил это право у какой-либо автокефальной Церкви в пользу Константинополя, а лишь отнял это право у трех Церквей, переставших быть автокефальными, и передал его Константинополю, которому подчинились эти Церкви. И передал в том именно объеме, в котором эти три Церкви – Понтийская, Асийская и Фракийская – имели его [16, с. 359].

Троицкий делает вывод: "Все автокефальные церкви имеют право беспрепятственно ставить епископов вне границ остальных православных церквей, поскольку этим не нарушаются права, приобретенные давностью в данной области другою церковью, и поскольку известная, находящаяся вне этих границ, церковь не созрела для самоуправления" [16, с. 362]. Это положение, по мнению Троицкого, есть положение не только церковного, но и Божественного права, поскольку оно вытекает из заповеди Спасителя "Идите и научите все народы" (Мф. 18, 19).

В статье "Размежевание или раскол?" (1932) Троицкий отмечает, что "несправедливые притязания Константинополя находят для себя поддержку среди других греческих церквей, например, Александрийской и Элладской, руководящихся более мотивами национальной солидарности, чем требованиями правды Христовой и каноническим нормами" [22, с. 130].

В статье "Папистические стремления у греков" (1936) Троицкий разбирает публикацию "Что делается в Карловцах", вышедшую в официальном органе Элладской Церкви "Екклесиа" (1935, № 51–52). Греческий автор данной публикации настаивал на неканоничности Карловацкого Синода и заявлял о праве Вселенского патриарха на юрисдикцию над всей православной диаспорой.

Троицкий утверждает, что данный план подчинения всей православной диаспоры Константинопольскому Престолу "находится в явном противоречии с канонами Православной Церкви и, по своей сущности, есть настоящий восточный папизм" [20, с. 34]. Это означает, что остальные Церкви "будут лишь островами в безграничном море греческой юрисдикции"; Константинопольской Церкви будут принадлежать все миссионерские земли, где до сих пор трудились другие Церкви, и ни одна Православная Церковь, кроме Константинопольской, не будет иметь обязанности и самой возможности внешней миссии, вопреки заповеди Спасителя. Все епархии Православных Церквей, которые находятся вне государств, где находятся центры данных Церквей, должны будут перейти в юрисдикцию Константинопольской Церкви. "Разве эти чудовищные константинопольские претензии, о которых Православная Церковь не имела понятия в течение девятнадцати веков и которые сейчас элладские церкви, пользуясь тяжелым положением Русской Церкви, смело выдают за каноническое учение, не есть ли неприкрытый папизм?" [20, с. 34] – с возмущением вопрошает Троицкий. Он обвиняет "греческих папистов" в греческой цер-

ковной мегаломании, "которая хочет, во что бы то ни стало, использовать исключительно тяжелое положение Русской Церкви и навязать свою гегемонию в православном мире" [20, с. 29].

В 1947 г. в Журнале Московской Патриархии выходит статья Троицкого "О границах распространения права власти Константинопольской патриархии на "диаспору"". В ней Троицкий обращается к толкованию термина и « *εν τοις βαρβαρικοις* » утверждает, что для обозначения варварских государств, находящихся, вне Римской империи употреблялся термин

« *το βαρβαρικον* » (т.е. *μερος* - варварский мир,

в противоположность миру греческому - « *το ελληνικον* ») или "barbaricum". В таком смысле употребляется этот термин в 63-м (52-м) правиле Карфагенского Собора, где говорится, что в Мавритании Соборов не было потому, что эта страна "лежит на краю Африки и сопредельна варварской земле" (« *τω βαρβαρικω ηαρακοιται* ») [19, с. 38–39]. Если бы 28-е правило IV Вселенского Собора имело в виду эти земли, в нем было бы сказано:

« *εν τω βαρβαρικω* », однако в правиле стоит

« *εν τοις βαρβαρικοις* », и значит, говорится не о варварских государствах, а о варварах, о варварских народах, живущих хотя бы и в границах Империи.

Троицкий вновь указывает на то, что Халкидонское правило говорит не о варварских народах вообще, а лишь о народах определенных – "вышереченных областей", т.е. только о варварах, живущих в Понтийском, Асийском и Фракийском диоцезах. Так как с подчинением этих трех диоцезов Константинопольскому епископу власть этого епископа сделалась для них центральной властью, к нему перешло и заведывание миссией среди диаспоры этих и только этих трех диоцезов. За Константинопольским епископом закреплялось право посылать епископов для живущих в этих диоцезах иноплеменников. Троицкий приводит мнения авторитетных канонических толкователей – Аристина, Зонары, Вальсамона и составителя алфавитной синтагмы Матфея Властаря, – которые под словом « *βαρβαρικοις* » понимают именно варварские народы, и при том только те, которые подчинены юрисдикции этих трех диоцезов, подчеркивая при этом, что варварские народы других соседних диоцезов не были подчинены этим правилом юрисдикции Константинополя, а по-прежнему остались под юрисдикцией других Православных Церквей.

Троицкий делает вывод: "Правила Вселенских Соборов (II, 2; III, 8; IV, 28 и 17) на которые ссылаются защитники новоизмышленной теории об юрисдикции Константинопольской Церкви над всей православной диаспорой, на самом деле не дают для нее никакой опоры" [19, с. 45].

В том же году в ЖМП выходит статья Троицкого "Где и в чем главная опасность?" [18], которая явилась ответом на статью "Две главные опасности", опубликованную в греческом журнале "Екклесиа" (№ 29–30 от 1 августа 1947 г.) Троицкий дает перевод с греческого языка тол-

кования "Пидалиона" на 28-е правило IV Вселенского Собора и комментариев к 9-му и 28-му правилам IV Вселенского Собора и на их основании вновь приходит к выводу, что административная юрисдикция Константинопольского Патриарха никогда не простиралась на всю православную диаспору, а лишь на диаспору немногих, соседних с подчиненными ему диоцезами варварских областей.

В 1948 г. в органе Константинопольской Патриархии "Ortodoksia" (№ 7–8–9.) вышла статья греческого профессора Эммануила Фотиадиса, которая явилась откликом на публикацию Троицкого [19]. Троицкий выступил с ответной статьей "По поводу неудачной защиты ложной теории", в которой подверг критике основные положения статьи греческого профессора. Троицкий привел свидетельства, дающие основание полагать, что 28-е правило Халкидонского Собора не расширило, а наоборот, сузило права Константинопольского епископа, рукополагавшего уже в течение 60–70 лет не только митрополитов, но и епископов в трех диоцезах, тогда как Собор дозволил ему рукополагать только митрополитов в этих диоцезах, за- претив рукополагать епископов [21, с. 30].

Аналогичную позицию выражал главный идеолог РПЦЗ прот. М. Польский. Опровергая претензии Константинопольской Патриархии на юрисдикцию над всей православной диаспорой, Польский фактически повторил аргументацию статей Троицкого по данному вопросу, на что сам Троицкий обращает внимание в своей работе [14, с. 104].

Польский считает необходимым различать каноническую территорию автокефальной Церкви от ее миссионерских территорий вне ее границ. Долг и право осуществлять миссионерскую деятельность принадлежит всем Церквам, а не одной Константинопольской. Ссылки на 28-е Халкидонское правило Польский считает безосновательными.

Согласно 28-му Халкидонскому канону, Константинопольскому Престолу повинуются "сущие в варварских землях епископы", то есть устроители новых церквей вне Византийской империи, но подчиненных уже этому Патриархату областей Понта, Азии и Фракии. Все автокефальные Церкви обладают правом иметь вне своих границ миссии, которые им подчинены. Но каноны запрещают епископу простирать свою власть на иную епархию, которая "прежде и сначала не была под рукою его или его предшественников" (III Вселенский Собор, правило 8). Польский, как и Троицкий, видит в действиях Константинополя проявление греческого папизма и империализма: "Когда же Финляндия, Польша, Эстония, Латвия или приходы Западной Европы были под властью Константинопольского патриархата? И кода в этих "варварских землях" епископы его юрисдикции устраивали новые церкви? Не захватывает ли Патриархат чужое достояние, которое ему никогда не принадлежало? Такой греческий папизм и Константинопольский империализм нарушает самую сердцевину и радость истинного устройства Все-

ленской Церкви, как братского, апостольского союза равных и свободно самоуправляющихся Поместных церквей" [9, с. 130], – пишет Польский.

Наиболее "проконстантинопольскую" позицию в данном вопросе по понятным причинам занимали русские богословы "евлогийской" ориентации. Однако, поддерживая идею преимущественной ответственности первенствующего Константинопольского Престола за диаспору, они так же не считали обоснованными ссылки на 28-й халкидонский канон для обоснования этих преимуществ.

"Нам представляется вполне соответствующим всему духу православного канонического Предания, чтобы в местах православного рассеяния, где не существует местной Православной Церкви, необходимое поместное единство было осуществлено через юрисдикцию Вселенского Патриарха как первого по чести епископа в Православной Церкви, – писал прот. А. Шмеман. – Для доказательства правильности и "православности" этой мысли не требуется ни особой канонической экзегезы, ни исторической казуистики. Даже если бы не было 28-го правила Халкидонского собора (и действительно этот канон можно толковать по-разному, и в данном случае его можно вообще не употреблять) и других прецедентов, просто тот факт, что Вселенский Патриарх есть первый епископ, дает все основания, чтобы именно он, а не кто иной, имел попечение о новых церковных образованиях, не достигших еще возраста "автокефалии" [23, с. 351].

"Вселенский Патриарх не может утвердить свое первенство попытками уверить современные православные Церкви в том, что указанные в 28-м правиле Халкидонского собора "варварские страны", в которые он должен был назначать епископов во времена Византии, – это современные западная Европа, Америка или Япония" [5, с. 181–182], – писал другой видный "евлогийанин" прот. И. Мейендорф. Отец Иоанн отмечал, что падение Византийской империи в позднем Средневековье привело на Востоке к возникновению "феномена первенства", подобно римско-католическому. Однако данное первенство не получило никакого экклезиологического обоснования или канонического оформления. Канонические определения прав Константинополя (в том числе Халкидонского Собора) имели явно ограниченную сферу применения и, безусловно, не могли служить оправданием подобного взгляда на всеобщий авторитет. Попытка восточного "папизма" провалилась, и на Востоке в конце концов возобладал институциональный регионализм [4, с. 297–299].

Мейендорф полагал, что в современных условиях, когда Византии больше нет, не только бессмысленно, но и вредно продолжать попытки определять права Вселенского патриарха в византийских терминах: "Нет ничего более пагубного для авторитета патриархата, чем постоянно ссылаться на 28-е правило Халкидонского Собора как на формулировку этих прав. Даже поверхностного чтения этого правила достаточно, чтобы заметить, что

первенство, данное "Новому Риму", поскольку он есть "град царя и синклита", утратило смысл в нашей ситуации и что не существует больше "варварских земель" в том значении, в котором употреблялось это словосочетание в V веке. Но действительно существует необходимость в православном первом епископе, который действовал бы так же, как епископ Рима в древности и как фактически действовал сам Константинополь в рамках ныне погибшей Византийской империи" [4, с. 341].

Похожих взглядов придерживался проф. А.В. Карташев, которого Троицкий считал "идеологом парижского раскола" [15, с. 58]. Карташев недвусмысленно отрицал монополию Константинопольской Церкви на миссионерские территории, как и попытки Константинополя обосновать эту монополию буквой халкидонских правил: "Абсурдно думать о какой-то географической монополии Римской и Греческой церкви. Старая греко-римская "икумена" скончалась. Мир законно, если угодно, канонически принадлежит всем миссионерствующим христианам" [3, с. 293–294]. Вместе с тем, позиция Карташева не всегда отличалась четкостью: в той же своей работе он признает, что вопрос о 28-м правиле Халкидонского Собора остается "живым и жгучим" внутри Восточной Церкви и до наших дней: "У нас беспрепятственно господствует национальный сепаратизм Церквей и даже при случае прямая борьба с духом и буквой 28-го правила. Острым примером борьбы с ним является полемика на страницах "Журнала Московской Патриархии" ныне ставшего советским канонистом С.В. Троицкого" [3, с. 294].

Тяжелое положение Русской Церкви в советский период, массовая русская эмиграция, сопровождавшаяся возникновением нескольких русских православных юрисдикций, распад СССР, обострение в 20 в. церковно-политического противостояния Константинополя и Москвы стали теми основными факторами, которые обусловили обращение русских православных богословов к теме диаспоры и 28-го халкидонского канона и повлияли на формирование их позиций.

Несмотря на церковные и политические разногласия между русскими богословами разных юрисдикций, в целом они оказались едиными в трактовке 28-го халкидонского канона как не являющегося основанием исключительных прав Константинопольского первоиерарха на диаспору. Позицию, выраженную в официальных документах Московского Патриархата рассмотренного периода, можно считать соответствующей русской православной богословской традиции в целом, не зависимо от фактора юрисдикционной принадлежности.

Наиболее близкими оказались позиции богословов Московского Патриархата и РПЦЗ. "Евлогийане" в целом выступали за более широкое понимание вселенских функций Константинопольского первоиерарха, в том числе в вопросе канонического устройства диаспоры, однако и они были против привлечения халкидонских канонов в качестве обоснования исключительных прав

Константинопольского Престола на диаспору. Прерогативу Константинополя в этом вопросе "евлогиане" понимали скорее как преимущественную ответственность, проистекающую из первенства, а не как исключительное право, основанное на букве халкидонских канонов и исключающее возможность других автокефальных Церквей распространять свою юрисдикцию на диаспору и новые миссионерские территории.

Нужно отметить, что толкование 28-го халкидонского канона, впервые предложенное в 20-е годы Патриархом Мелетием, встречало возражения и в греческом церковном мире [24, с. 175–176; 8, с. 466]. Однако в целом "греческие" Церкви сегодня следуют в этом вопросе позиции Константинополя. В определении "О единстве Церкви" Архиерейского Собора 2008 г. Московский Патриархат вновь выразил озабоченность по поводу концепции первенства, проявляющейся в высказываниях и дей-

ствиях некоторых представителей Константинопольской Церкви: "Отталкиваясь от не разделяемого всей полнотой Православной Церкви понимания 28 правила IV Вселенского Собора, эти иерархи и богословы развивают новую эклезиологическую концепцию, которая становится вызовом для общеправославного единства" [6]. Недавний Собор на Крите, в котором Русская и несколько других Поместных Православных Церквей отказались принять участие, назвал существующий юрисдикционный плюрализм в православной диаспоре не соответствующим "строгому каноническому порядку Церкви" [11], тем самым имплицитно приняв точку зрения Константинополя. Каноническое устройство православной диаспоры, как и различие в подходах к решению этого вопроса в греческой и русской православных традициях, продолжает оставаться актуальной проблемой не только во взаимоотношениях между Московским и Константинопольским Патриархатами, но и для Православной Церкви в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бувевский А. Патриарх Мелетий IV и Русская Православная Церковь // Журнал Московской Патриархии. 1953. №3. С. 28–35.
2. Василий (Кривошеин), архиеп. Книги о Русской Церкви // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. 1970. № 69. С. 64–69.
3. Карташев А.В. Вселенские Соборы. СПб.: Библиополис, 2002.
4. Мейендорф И., прот. Византийское наследие в Православной Церкви. К.: Центр православной книги, 2007.
5. Мейендорф И., прот. Современные проблемы православного канонического права // Живое предание. М.: Паломник, 2004. С. 158–204.
6. Определение освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви (Москва, 24–29 июня 2008 года) "О единстве Церкви". URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428916.html> (дата обращения: 30.06.2008).
7. Переписка между Константинопольским и Московским Патриархатами по вопросу об окормлении православной диаспоры. URL: <https://mospat.ru/archive/page/official-correspondence/253.html> (дата обращения: 29.05.2015).
8. Петр (Л?Юилье), архиеп. Правила первых четырех Вселенских Соборов. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2005.
9. Польский М., прот. Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей. Типография преп. Иова Почаевского в Св.–Троицком монастыре, 1948.
10. Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. М.: Паломник, 2000.
11. Православная диаспора. URL: https://www.orthodoxcouncil.org/web/holy-and-great-council/-/diaspора?_101_INSTANCE_VAOWE2pZ4Y0I_languageld=ru_RU (дата обращения: 03.10.2017).
12. Сергей (Страгородский), патриарх. Послание Заместителя Константинопольскому Патриарху (от 15 октября 1931 года за № 7623) Святейшему Фотию II Архиепископу Константинополя – Нового Рима и Вселенскому Патриарху // Журнал Московской Патриархии в 1931–1935 годы. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2001. С. 85–88.
13. Скурат К., проф. Константинопольский Патриархат и проблема диаспоры // Журнал Московской Патриархии. 1989. № 9. С. 60–63; № 10. С. 45–49.
14. Троицкий С. О неправде карловацкого раскола. Париж. 1960.
15. Троицкий С. О смысле 9-го и 17-го канонов Халкидонского Собора // Журнал Московской Патриархии. 1961. № 2. С. 57–65.
16. Троицкий С. О юрисдикции Вселенского Патриарха вне границ автокефальных церквей. Прага–Берлин: Русская мысль, 1923. Книга VI–VIII (июнь–август). С. 354–362.
17. Троицкий С. Юрисдикция Цареградского патриарха в области диаспоры // Церковные ведомости. 1923. № 11–12. С. 7; № 17–18. С. 8–12.
18. Троицкий С., проф. Где и в чем главная опасность? // Журнал Московской Патриархии. 1947. № 12. С. 31–42.
19. Троицкий С., проф. О границах распространения права власти Константинопольской патриархии на "Диаспору" // Журнал Московской Патриархии. 1947. № 11. С. 34–45.
20. Троицкий С., проф. Папистические стремления у греков // На страже Православия. Париж, 1936. № 2 (май). С. 29–35.
21. Троицкий С., проф. По поводу неудачной защиты ложной теории // Журнал Московской Патриархии. 1949. № 12. С. 29–54.
22. Троицкий С., проф. Размежевание или раскол? YMCA PRESS. Париж, 1932.
23. Шлеман А., прот. О "неопапизме" // Собрание статей. 1947–1983. М.: Русский путь, 2009. С. 346–353.
24. Γεννάδιος, μητρ. της Νέας Πολέως καί της Φιρής. Ιστορία του Οικουμενικού Πατριάρχαιου. Αθήνα, 1953.

ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В МЕСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Тушканов Дмитрий Игоревич

Аспирант,

Волгоградский государственный
социально-педагогический
университет

THE REFLECTION OF THE PROCESSES
OF EDUCATION OF THE SARATOV
PROVINCE IN THE LOCAL PERIODICAL
PRESS IN THE EARLY TWENTIETH
CENTURY

D. Tushkanov

Annotation

The article discusses the development of education in the Saratov province in the early XX century on the materials of local periodicals, primarily of Newspapers. In detail having studied the materials of the pre-revolutionary Newspapers of various cities of the Saratov province, the author identifies the main processes in education, which is reflected in the pages of publications. While periodicals are shown as an element of socio-cultural space, as a factor of its formation and development. The results of the study the author gives an idea about the basic processes in education that were raised in the pages of periodicals and to a greater extent worried about the public that will ultimately allow us to represent the socio-cultural image of the cities of Saratov province on the materials of local periodicals.

Keywords: Newspapers, pre-revolutionary printing, periodical printing, Saratov province, socio-cultural space, education.

Аннотация

В статье рассматривается развитие сферы образования в Саратовской губернии в начале XX в. по материалам местной периодической печати, в первую очередь, газет. Подробно изучив материалы дореволюционных газет различных городов Саратовской губернии, автор выделяет основные процессы в сфере образования, которые нашли свое отражение на страницах изданий. При этом периодическая печать показана как элемент социокультурного пространства, и как фактор его формирования и развития. Результаты исследования автора позволяют составить представление об основных процессах в сфере образования, которые поднимались на страницах периодики и в большей степени волновали общественность, что в конечном итоге позволит представить социокультурный облик городов Саратовской губернии по материалам местной периодической печати.

Ключевые слова:

Газеты, дореволюционная печать, периодическая печать, Саратовская губерния, социокультурное пространство, сфера образования.

В начале XX века огромную роль в жизни общества играла периодическая печать, в которой отражались все политические и социокультурные процессы общественной жизни. Однако, на сегодняшний день провинциальная периодическая печать в современной исторической науке практически не рассмотрена. В то время как она является очень ценным историческим источником, позволяющим рассмотреть развитие экономической, социальной и культурной жизни малых городов. Так, например, в изучении общественной жизни Саратовской губернии местная пресса является наиважнейшим источником, позволяющим составить социокультурный облик города Саратовской губернии начала XX века. Следует отметить, что местная дореволюционная периодическая печать частично уже была рассмотрена в работах Г.М. Головкина [11], А.В. Луночкина [16], однако далеко не в полной мере, и в основном ее изучение ограничивалось публикацией небольших статей, посвященных той или иной газете Саратовской губернии. При этом в работах не уделялось внимание от-

ражению в периодической печати различных социокультурных процессов, в том числе и вопросов развития образования Саратовской губернии [26, с. 79].

Что касается изучения сферы образования Саратовской губернии, то здесь в первую очередь следует выделить работы В.С. Колесниченко [14], Н.А. Арчебасовой [1], В.В. Мельниковой [18] и О.В. Гусевой [13], которые уделяли внимание в основном развитию начального образования в Саратовской губернии указанного периода. Также особое внимание вопросу становления и развития духовных и светских учебных заведений Саратовской губернии в своей работе уделила А.С. Майорова [17]. Однако, периодическая печать в данных исследованиях практически не использовалась, в то время как большинство указанных авторами процессов образования находили в печати свое отражение [26, с. 78]. При этом периодическая печать позволяет, с одной стороны, дополнить новыми данными вопрос развития образования, а с другой стороны, выявить те процессы образова-

ния, которые в большей степени интересовали современников, вызывая живой интерес со стороны сотрудников газет и отклик со стороны местных жителей.

К началу XX века во многих городах Саратовской губернии сложилась развитая система образования. Это объяснялось тем, что на рубеже XIX–XX вв. возросла потребность в грамотных и образованных людях, которые теперь были востребованы не только в столицах и губернских городах, но и в уездных. Именно поэтому в провинции в этот период стало создаваться множество народных школ, отраслевых средних и высших учебных заведений, а также частных учреждений. В начале XX века расходы на образование в провинциальных городах резко увеличилась, поскольку возникла острая необходимость в профессиональных кадрах. При этом частым явлением было, что земские и городские власти объединяли свои усилия по содержанию учебных заведений и их обеспечению. Власти также стремились сделать начальное образование всеобщим и бесплатным, особенно это проявилось в Саратове, Вольске, Балашове и Царицыне. Местная периодическая печать всегда активно приветствовала открытие того или иного учебного заведения, особенно это видно по материалам газет уездных городов, где открытие любой школы вызывало отклик периодического издания. Вопросы образования, в первую очередь статистические данные по отчетам учебных заведений, количеству учащихся, а также соблюдению санитарных норм в училищах, часто поднимались в местной газете "Балашовская газета". Если в городе Балашов планировалась постройка школы, то это сразу же освещалось в местной периодике. Так, например, в 1907 г. в №3 "Балашовской газеты" была помещена статья "О постройке школы", в которой отмечалось, что "за последние два года замечается громадный наплыв учащихся в народную школу – там где было по 120 учащихся в школе, там в нынешнем году по 180 и даже по 200 человек... Для всего уезда учеников в народных школах возросло за два года с 11 тысяч до 17–ти" [2, с. 3–4]. В этой заметке отмечалось, что ввиду подобной ситуации в уезде, Земское Собрание постановило искать места для строительства школ и было принято решение об открытии школ в наемных помещениях [2, с. 5]. При этом отмечалось, что если бы не неурожайный год и не слишком позднее ознакомление населения с постановлением Земского Собрания, то построено училищ могло быть гораздо больше [2, с. 5].

Следует отметить, что в газетах Саратовской губернии было не только описательные заметки, но часто встречались большие аналитические статьи о развитии образования в том или ином городе Саратовской губернии. В основном они выходили под такими названиями, как "Школьное дело", "О развитии образования" и публиковались обычно в крупных газетах региона "Саратов-

ский дневник", "Саратовские губернские ведомости", "Царицынский вестник" и т.д. В одном из номеров вольской газеты "Листочки" была помещена большая статья под названием "Школьные вопросы", в которой сотрудники газеты отмечали, что "о плохой постановке у нас школьного дела едва ли нужно распространяться ..., мы предлагаем свой вариант и считаем, что существующие во всей Руси всякого наименования начальные, низшие и средние школы необходимо перевести в полное ведение городских Управ" [15, с. 3]. Из текста заметки видно, что в обществе давно назрел вопрос реформирования школьного дела, поскольку его развитие в городе Вольске не вызывало оптимизма и либерально настроенная газета "Листочки" предлагает вариант, при котором все низшие и средние учебные заведения переходили под управление Городских Управ. Другая вольская газета "Поволжье" в своих заметках поддерживала "Листочки" и тоже предлагала свой план развития школьного дела в Вольске, при котором также все низшие и средние учебные заведения переходили бы под ведомство Городских Управ [20, с. 2].

Интересная статья была помещена в 31 номере газеты "Родная страна", которая называлась "В храмах науки". В этой статье подробно было рассмотрено школьное дело в Царицыне, в частности вопрос о реформировании школы, также поднимался вопрос об открытии реального училища, о чем несколько раз просила одна из самых известных деятелей школьного дела А. Стеценко [22, с. 2]. Отмечалось также, что "Царицын по преимуществу город коммерческий и поэтому контингент учащихся в большинстве случаев состоит из торгового мещанства и купечества, т.е. как раз из той среды, которая помимо интереса к сушеной вобле, едва ли что может привить – и всё больше и больше поверхностным становится школьное образование в Царицыне" [22, с. 2].

И, словно бы в ответ на эту заметку о необходимости создать реальное училище, в Царицыне в 1908 г. на средства города было открыто Царицынское реальное училище, которое впоследствии находилось в ведении попечителя Казанского учебного округа [6, с. 75]. Реальные училища являлись средними учебными заведениями, дававшими большой объем знаний по математике, физике, химии, биологии, черчению. Полный курс обучения составлял 7 лет. В училище обучались дети всех сословий без различия звания и вероисповедания, они носили установленную одежду – форму [9, д. 1, л. 2]. В различных царицынских газетах часто публиковались отчеты о деятельности данного училища.

В целом на содержание школ городские власти тратили 217144 рублей в год [8, д. 1, л. 39], что составляло примерно четверть всех доходов города, но этого было недостаточно. В газетах часто поднимался вопрос о том,

что платное образование лишает возможности получать его всем нуждающимся, а основной причиной отчисления из школ была бедность и неспособность продолжать оплачивать обучение. Часто на страницах местных газет можно было встретить объявления о сборе пожертвований в пользу тех или иных нуждающихся учеников.

В саратовских газетах обычно помещались отчеты о деятельности различных учебных учреждений, при этом упор обычно делался на рассмотрении различных событий жизни Саратовского университета. Практически в каждой газете города Саратова публиковались заметки и объявления об открытых лекциях в университете, о предстоящих защитах диссертациях, об открытии различных курсов и по иным явлениям и событиям, касающимся жизни университета. В №20 газеты "Саратовская жизнь" отмечалось создание санитарных курсов при университете для оказания помощи при холерных и чумных заболеваниях [23]. Практически любое событие, которое происходило в университете, становилось поводом для написания заметки в местной печати, общество интересовало университетские новости. Можно отметить, что в 30 номере газеты "Голос Саратова" за 1913 г. подряд идут сразу две новости в рубрике "В университете" [12, с. 2–3].

По материалам периодической печати Саратовской губернии начала XX века можно проследить такой процесс в сфере образования как развитие частных учебных заведений. К 1912 в губернии их было 24, среди которых 9 было мужских и женских гимназий, 9 реальных и профессиональных училищ и 6 начальных училищ. Поскольку это были частные учебные заведения, на страницах местной периодики встречается множество реклам-объявлений о наборах в частные школы. Так, например, во многих царицынских газетах можно встретить рекламу 4-ех классного частного учебного заведения А.М. Стеценко.

В первом же номере царицынской газеты "Родная страна" за 1907 г. было подано такое объявление: "4-ех классное учебное заведение по программе реального училища А.М. Стеценко принимает учеников в подготовительный класс (младшее отделение – 8–10 лет и старшее отделение – 9–11 лет), в 1 класс от 10–13, во 2 – от 11–14, в 3 – от 12 до 15 лет. Плата за обучение в подготовительном классе – 50 рублей за учебный год, в 1, 2, 3 – 60 рублей" [21, с. 2]. Как видно из этого объявления плата за обучение действительно была высокой, поэтому учиться в них могли лишь дети состоятельных родителей. В других уездных города плата за обучение в частных училищ была примерно такой же, немного выше она была в Саратове. Необходимо указать, что к 1915 г. большая часть частных образовательных учреждений была переведена под контроль учебного округа и в Са-

ратовской губернии их осталось лишь 7 [19, с. 304]. В целом к 1 января 1917 г. в губернии обучалось около 150 тысяч учащихся, при этом 83% в начальных учебных заведения [10, д. 2954, л. 139].

Во многих других уездных газетах также публиковали отчеты о вступительных экзаменах в то или иное частное учебное заведение, иногда встречаются и отчеты о результатах переводных экзаменах. Так, например, в № 721 газеты "Волжанин" на первой же странице начальница гимназии А. Власенко дала объявление, в котором говорилось, что начинаются приемные испытания в Вольской женской Мариинской гимназии, назначенные на 17 и 18 мая с 9 часов утра [7, с. 2]. Также в объявлении отмечалось, что необходимо заранее подать прошения с надлежащими документами в канцелярию гимназии.

Помимо такого процесса как становление и развитие частного сектора в образовании Саратовской губернии, можно выделить повсеместную практику репетиторства – практически в каждом номере местных газет встречаются объявления репетиторов-гимназистов, готовых помочь с обучением на дому. Так, например, в газете "Балашовский голос" на первой же странице было помещено сразу два объявления "Готовлю и репетирую для поступления в среднее учебное заведение" и "Готовлю к январским экзаменам на звание техника путей сообщения, а также даю должные указания по подготовке" [5].

Следует отметить, что места для объявлений, где они были напечатаны, а также шрифты строк были одни из самых дорогих для публикации объявления и составляла 10 копеек за строку малым шрифтом. Таким образом, можно сделать вывод, что учителя подрабатывающие репетиторством имели с этого немалый доход. Однако, в газетах деятельность репетиторов часто вызывала порицание, особенно если репетиторством занимался учитель того или иного учебного заведения, особенно если занятия проводил со своими учениками. В один из номеров "Царицынского вестника" был помещен фельетон "Педагоги", в котором автор (псевдоним – "Приаз.Кр.") описывает молодого педагога, которому поначалу все было рады, а в дальнейшем оказывается, что хорошие оценки он ставит только тем ученикам, чьи родители наняли его на репетиторство с их чадом, при этом ни за что не поставит хорошую оценку тем ученикам, кто с ним отдельно за большую плату не занимался [27, с. 2]. Следует отметить, что и на сегодняшний день, хоть и прошло более ста лет, данная ситуация актуальна и имеет место быть в школах современных городов.

Таким образом, можно сделать вывод, что в дореволюционной периодической печати Саратовской губернии большое внимание уделялось сфере развития обра-

зования, как со стороны редакции и сотрудников газеты, так и исходя из запросов и рекламных сообщений со стороны местных жителей. В большей степени вопросы образования поднимались в таких газетах, как "Балашовская газета", "Саратовская жизнь", "Царицынский вестник" и "Родная страна". Исходя из частоты публикаций тематических статей и анализа материалов указанных периодических изданий можно выделить следующие процессы образования, которые в большей степени нашли свое отражения в местной периодической печати. Во-первых, это демократизация образования в городах Саратовской губернии, которая выразилась в увеличении народных школ, построенных в том числе и на собранные жителями средства, а также во всеобщем составе школ в уездах губернии. Во-вторых, наблюдалось активное строительство и открытие новых учебных

заведений, которое периодическая печать всегда радостно приветствовало на своих страницах. В-третьих, развитие меценатства и благотворительной деятельности в сфере образования, которые выражались различными способами от покупки школьной формы и еды ученикам из беднейших семей до выдачи средств на постройку и открытие новых учебных заведений. В-четвертых, следует отметить, что по газетным рекламным объявлениям можно сделать вывод о становлении и развитии частного сектора в образовательной деятельности, в том числе и репетиторских услуг. В итоге, можно отметить, что многие процессы начавшиеся и проходившие в образовательной сфере Саратовской губернии начала XX века в определенной степени характерна и для сегодняшней ситуации в провинциальных городах России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арчебасова Н.А. Начальное народное образование в Царицынском уезде Саратовской губернии в 1861–1914 гг.: дис. ... к.и.н. Волгоград, 2000.
2. Балашовская газета. 1907 г. №3 от 21 января.
3. Балашовская газета. 1907 г. №8 от 25 февраля.
4. Балашовская газета. 1911 г. №23 от 17 апреля.
5. Балашовский голос. 1913 г. №14
6. Весь Царицын. 1911. Справ. календарь. Царицын, 1911. С. 75.
7. Волжанин. 1906 г. №721 от 26 апреля.
8. ГАВО (Государственный архив Волгоградской области). Ф. 2. Оп. 1.
9. ГАВО. Ф. 183. Оп. 1.
10. ГАСО (Государственный архив Саратовской области). Ф. 13. Оп. 1.
11. Головкин Г.М. Дореволюционная печать Царицына // Историко-краеведческие записки. Вып. 2. Волгоград, 1974. С. 63–77.
12. Голос Саратова. 1913 г. №30 от 27 марта.
13. Гусева О.В. Становление системы народного образования в Саратовской губернии во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004.
14. Колесниченко В.С. Царицынские школы. История и опыт 1773–1917. Волгоград, 1989.
15. Листочки. 1906 г. №2 от 19 ноября.
16. Луночкин А.В. Начало периодической печати в Царицыне // История России: на перекрестке мнений, г. Волгоград, 1997. С. 121–125.
17. Майорова А.С. История культуры Саратовского края: Культура Саратовского края до начала XX века. Ч.1. Саратов, 2013. 236 с.
18. Мельникова В.В. Народное образование края в XIX ? начале XX вв. Волгоград, 2001.
19. Очерки истории Саратовского Поволжья / под ред. И.В. Пороха Т. 1. Саратов, 1992. 348 с.
20. Поволжье. 1907 г. №2 от 3 ноября.
21. Родная страна. 1907 г. №1 от 15 июля.
22. Родная страна. 1907 г. №31 от 22 августа.
23. Саратовская жизнь. 1911 г. №20.
24. Саратовская жизнь. 1911 г. №27.
25. Саратовская жизнь. 1911 г. №223.
26. Тушканов Д.И. Изучение периодической печати Царицына: историографический обзор // Актуальные проблемы историко-краеведческих исследований: сб. науч. тр. – Краснослободск, 2015. С. 78?84.
27. Царицынский вестник. 1902 г. №1280.

СТРОИТЕЛЬСТВО И РЕМОНТ ВОЕННЫХ КОРАБЛЕЙ ХАБАРОВСКИМ СУДОСТРОИТЕЛЬНЫМ И МЕХАНИЧЕСКИМ ЗАВОДОМ ИМЕНИ С.М. КИРОВА (1940-1945)

CONSTRUCTION AND REPAIR OF WARSHIPS KHABAROVSK SHIPBUILDING AND MECHANICAL PLANT NAMED AFTER S.M. KIROV (1940-1945)

A. Filippova

Annotation

The article discusses the creation of the military-industrial complex in the far East of the USSR, which allowed us to form strategic reserves of material values of the state and mobilization reserves to prepare the state authorities, local self-government and the population in administrative-territorial borders to work in wartime.

Keywords: far East, five-year plan, relocation, human resources, USSR, Shipyard, city of Komsomolsk-on-Amur, Pacific Fleet, shipbuilding.

*Филиппова Алина Валерьевна
ФГКВБОУ ВО "ТОВВМУ
им. С.О. Макарова",
г. Владивосток*

Аннотация

В работе рассматривается создание военно-промышленного комплекса на Дальнем Востоке СССР, который позволил сформировать стратегические запасы материальных ценностей государственного и мобилизационного резервов, подготовить органы государственной власти, местного самоуправления и населения в административно-территориальных границах к работе в условиях военного времени.

Ключевые слова:

Дальний Восток, пятилетка, переселение, трудовые ресурсы, СССР, судостроительный завод, г. Комсомольск-на-Амуре, Тихоокеанский флот, судостроение.

К 22 июня 1941 г. на Хабаровском судостроительном и механическом заводе им. Кирова в постройке находились два тяжелых монитора проекта 1190 (зав. № 234 и 235), заложенные в 1940 г. два корпуса сетевых заградителей (№ 105 и 106), заложенных в 1941 г., плавучий док грузоподъемностью 2100 т, предназначенный для обслуживания строящихся мониторов, три баржи водоизмещением 500 т, три буксира (400 л.с.) и понтоны (80 и 200 т). Кроме того, в капитальном ремонте находились мониторы "Красный Восток" и "Активный". В 1940 г. в план завода было включено изготовление мин для подводных лодок типа "Ленинец" (ПЛТ), мин образца 1908 г. и др. [2–8].

Мониторы строились с помощью Горьковского судостроительного завода № 112, и первоначальными планами их сдача Амурской Краснознаменной флотилии намечалась уже в 1942 г., однако уже к началу 1941 г. стало ясно, что завод в установленные сроки корабли построить не сможет. Проектом реконструкции завода, разработанным еще в 1937 г., стапельная площадка и спусковые устройства рассчитывались на постройку буксирных парходов мощностью 400 л.с. с минимальным спусковым весом в 350–400 т, в то время как облегченный спусковой вес монитора был равен 800–900 т. Для обеспечения спуска на воду головного монитора № 324 завод был вынужден всю рабочую силу отдела капитального

строительства, а в дальнейшем и подрядчиков, направить на работу по устройству спусковых дорожек, форсированию дноуглубительных работ, что не позволило подготовить стапельную площадку для закладки следующего монитора к намеченному плану сроку. В результате этого закладка монитора № 235 была задержана более чем на три месяца, а дефицит квалифицированных рабочих корпусных специальностей еще больше повлиял на степень готовности корпусов мониторов. До начала войны оба тяжелых монитора были спущены на воду и на них начался монтаж оборудования, поступившего от завода № 112. Однако некомплектная поставка судовых дизелей, крепежа и другого оборудования стала причиной отставания от графика работ. Более того, из-за отсутствия в заводе котлована для зимнего отстоя кораблей возникла необходимость на период ледостава их перевода на акваторию Хабаровского военного порта, где в силу различных причин строительные работы не проводились. Отсутствие у завода плавучего крана сделало невозможным погрузку и монтаж оборудования на корабли в августе–сентябре 1941 г. И, наконец, сосредоточив все внимание и квалифицированных рабочих на сдаче АКВФ капитально отремонтированного монитора "Красный Октябрь", руководство завода оставило без продвижения техническую готовность мониторов, которая на 1 января 1942 г. составила 36 % для заказа № 234 и 30,3 % – для № 235.

Наиболее сложная обстановка складывалась с поставками оружия кораблей: артиллерийских установок главного калибра Б-28 от завода № 232, артустановок 41-К (завод № 8), спаренных пулеметов ДШК-М, приборов управления стрельбой и центральной наводки, электронavigационных приборов, вооружения связи и т.д.

Готовность плавучего дока для тяжелых мониторов определялась сроками сдачи самих кораблей и планировалась в 1941 г., но недостаток производственных площадей, необходимого оборудования и слабого электросилового хозяйства завода также не позволили выйти на плановые показатели. В первой половине 1941 г. необходимое оборудование для обработки металла и материалы для строительства плавдока не поступили, что стало причиной срыва его закладки [8].

При строительстве сетевых заградителей завод впервые начал осваивать комбинированную схему изготовления корпусов (клепанно-сварную), при которой требовалось выдерживать строгую последовательность проведения работ. Несмотря на трудности освоения этого процесса, к концу 1941 г. корпуса были изготовлены и испытаны на водонепроницаемость. Общая техническая готовность сетевых заградителей на 1 января 1942 г. составила около 12 % вследствие того, что никакого оборудования от завода № 112 не поступило.

Как и все дальневосточные заводы, Хабсудмех в 1941 г. выполнял заказы для фронта, изготавливая авиационные бомбы ЗАБ-50ТГ (3000 шт.), детали минометов для Хабаровского завода им. Молотова, автоцистерны (200 шт.), разборные полевые печи и проч. Проблема изготовления заказов для фронта заключалась в том, что заготовки для авиабомб (литье, поковки и т.п.) завод № 368 получал по межзаводской кооперации от Дальзавода и Амурского судостроительного завода и план выполнения целиком зависел от своевременности их получения. Технологический процесс производства авиабомб, полученный от Челябинского завода, был переработан из-за разницы в составе оборудования заводов. Во избежание задержек в выпуске бомб, завод в течение октября и ноября, до окончательной разработки технологии, приспособлений для сборки и другого специального инструмента, был вынужден очень широко применять ручной труд, в силу чего себестоимость первых 3500 шт. бомб в январе 1942 г. составила за штуку 528 руб. 84 коп. при сметной стоимости 512 руб. 61 коп.

В соответствии с плановым заданием Наркомсудпрома на 1942 г. на заводе продолжалось строительство тяжелых мониторов, для которых была получена часть оборудования от заводов № 112 и 234. На мониторе № 234 были произведены монтаж, регулировка и испытание механизмов и систем, монтаж зенитной артиллерии и вооружения связи, испытание электрооборудования. Часть недостающих механизмов была изготовлена собственными силами, но отсутствие поставок масляных насосов, воздушных баллонов, систем подачи артиллерийского боезапаса, приборов управления стрельбой, навигацион-

ного оборудования, оборудования слабого тока и т.д., стали причиной невыполнения годового плана.

Еще сложнее складывалась обстановка со строительством второго монитора, на котором кроме уже указанного оборудования не доставало четырех дизель-генераторов, электровентиляторов, материалов для бронирования корпуса и надстроек, артиллерийского вооружения, башенного оборудования, приборов управления стрельбой главного калибра и зенитной артиллерии. В октябре 1942 г. монитор № 234 "Перекоп" в готовности 77,3 % был переведен на достройку в Комсомольск-на-Амуре. Готовность монитора № 235, получившего название "Сиваш", на 1 января 1943 г. составила немногим более 30 %. На нем в течение 1942 г. продолжались работы по достройке надстроек, монтажу систем, трубопроводов, установке оборудования и изоляции внутренней поверхности корпуса.

В 1942 г. продолжалась постройка сетевых заградителей № 105 и 106, сроки сдачи которых правительственным заданием были определены в 1943 и 1942 гг. соответственно. К закладке планировались два новых заградителя (№ 107 и 108), два десантных судна проекта 141, плавдок, но учитывая слабые мощности завода и то, что продвижение строительства двух первых заградителей проходило с большим трудом, закладка новых судов в течение года из программы завода была исключена. Наряду с новым судостроением и заказами для фронта в октябре 1942 г. в капитальный ремонт были поставлены подводные лодки типа "М" VI серии ("М-23" и "М-24"), а в ноябре в текущий ремонт завод принял две канонерские лодки АКВФ.

За 1942 г. готовность сетевых заградителей № 105 и 106 продвинулась на 27,5 и 34,7 %, соответственно, и составила 30,27 и 44,68 %. На них продолжались стальные работы по обустройству внутренних помещений, установке фундаментов под машины и механизмы, но отсутствие главных и вспомогательных механизмов, валопроводов, сетевых агрегатов, электрооборудования, средств связи и значительного количества арматуры не давало возможности подготовить корабли к установленному сроку. Подводные лодки типа "М" пришли в завод своим ходом в конце сентября и были поставлены в плавдок АКВФ, где на них были демонтированы механизмы и оборудование, подлежащие ремонту. На 1 января 1943 г. общий объем выполненных работ составил немногим более 16 %, включая подкрепление прочного корпуса, смену листов обшивки носовой части легкого корпуса, ремонт валопроводов и арматуры.

Сложность ремонта подводных лодок была обусловлена отсутствием квалифицированных рабочих, недостатком станочного оборудования и усугублялась тем, что по своим производственным возможностям завод был вынужден пользоваться обширной межзаводской кооперацией при ремонте механизмов, изготовлении готовых изделий и литье. Участники кооперации – заводы № 202 и 199, обремененные собственными заказами, не всегда

укладывались в сроки, определенные НКПС, при ремонте дизелей, помп и готовых изделий.

Ремонт канонерских лодок АКВФ, 80 % которого составляли работы механического цеха, также задерживался из-за загруженности цеха заказами для сетевых заградителей и подводных лодок.

К выполнению заказов для нужд фронта привлекались женщины и молодежь, окончившие школы ФЗО или ремесленные училища. В кооперации с заводом № 202, изготовлявшим штампованные головки авиабомб ЗАБ-50 ТГ, завод в 1942 г. изготовил 22904 авиабомбы при плане 16500 шт. Единственной претензией к Дальзаводу по межзаводской кооперации в этом производстве было то, что заготовки поступали в Хабаровск только во второй половине месяца. Это создавало перегруженность механического и сборочного цехов в этот период. Применение простейших технологий и специального инструмента позволило в течение года снизить себестоимость изделия с 500 до 200 руб.

В связи с причинами различного характера из программы завода в 1942 г. были исключены работы по строительству сетевого заградителя № 108, корпус которого не поступил с завода № 264, плавучего дока для тяжелых мониторов, десантных судов проекта 141 и бензоцистерн. На 1943 г. перешли работы по строительству мониторов "Перекоп" и "Сиваш", капитальному ремонту подводных лодок типа "М".

С большими сложностями, потребовавшими отвлечения значительного количества рабочей силы, в декабре 1943 г. был сдан только монитор. Сетевые заградители, строительство корпусов которых было начато по проекту 1, достраивались уже по проекту 149, что потребовало частичной переделки уже выполненных работ. Более того, в конце 1942 г. завод даже не имел полного комплекта рабочих чертежей по этому проекту, несмотря на то что строительство сетевого заградителя должно было завершиться в 1942 г.

Постановлением ГКО СССР в 1943 г. [5, 6] завод, помимо продолжения строительства и ремонта кораблей, перешедших с 1942 г., должен был заложить два новых тралящика проекта 263 и капитально отремонтировать две под водные лодки типа "М" ("М-21" и "М-22") и монитор АКВФ "Киров". Как и в предыдущие годы не были обеспечены оборудованием сетевые заградители и монитор "Сиваш", а на планировавшиеся к закладке тралящички не было не только материалов, но и документации. Именно поэтому завод сосредоточил всю рабочую силу на объектах, наиболее полно обеспеченных материалами и оборудованием, – мониторе "Перекоп" и подводных лодках "М-23" и "М-24".

С учетом необходимости сдачи кораблей завод должен был сформировать три сдаточные команды, сняв рабочих с других объектов. Расчеты показали, что для успешного выполнения задач 1943 г. необходимо дополнительно 82 квалифицированных рабочих 5–7-го разряда, знакомых с устройством подводных лодок и имеющих

опыт сдаточных работ, и усиление состава ИТР в цехах, планово-производственном отделе, отделе главного технолога и ОТК на 40–45 человек. Общая потребность в производственных рабочих в 1943 г. составила 720 человек, при фактическом наличии 438 человек.

Отсутствие на заводе достаточного количества квалифицированных слесарей-монтажников и трубопроводчиков сказалось особенно сильно, в результате чего ряд ответственных работ выполнялся слесарями 3–4-го разряда в возрасте 15–16 лет, впервые знакомившимися не только с подводными лодками, но и вообще с кораблями.

Результатами производственной деятельности завода № 368 в 1943 г. стали сдача одного тяжелого монитора "Перекоп". В октябре 1943 г. с большими недоделками были отправлены к месту базирования в Советскую Гавань ПЛ "М-23" и "М-24". Строительство монитора "Сиваш" было выполнено лишь на 52,8 %. В течение года на нем были уложены валопроводы, смонтирован дизель-генератор, вспомогательные механизмы и системы, изоляция внутренних помещений. В цехах завода изготавливалось и собиралось недостающее оборудование, однако часть вооружения и оборудования, определявшего боевую готовность корабля, от поставщиков получена не была: башенные артиллерийские установки Б2-ЛМТ, приборы управления стрельбой артиллерии главного калибра и зенитной артиллерии, часть электрооборудования, топливные насосы, детали рулевых машин, оптические приборы и т.п. Помимо отсутствия внешних поставок вооружения и оборудования, причины отставания от графика строительства монитора руководство завода видело в низкой квалификации слесарей-монтажников, задержке в выполнении работ по межзаводской кооперации заводами № 199 и 202. Эти же причины стали основными в задержке строительства сетевых заградителей, готовность которых на 1 января 1944 г. составила 79 % для № 106 "Молога" и 52,3 % для № 105 "Сухона". Так, для заградителя № 105 отсутствовали средний дизель, все палубные механизмы и отопительный котел, электрооборудование, вооружение связи, артиллерийское вооружение, для № 106 – шпиль, брашпиль, краны, электролебедки, электрооборудование этих механизмов, якорные цепи, запасные гребные винты и проч.

Работы по капитальному ремонту монитора "Киров", который прибыл на завод в октябре 1943 г., включали замену листов наружной обшивки, продольного и поперечного набора и двойного дна. Ремонт механизмов и арматуры из-за недостатка квалифицированных специалистов производился силами личного состава корабля.

По программе 1944 г. завод должен был сдать тяжелый монитор проекта 1190 "Сиваш", сетевые заградители проекта 149 "Молога" и "Сухона", капитально отремонтировать мониторы "Киров" и "Дзержинский", закончить ремонт подводных лодок "М-21" и "М-22". Фактически по состоянию на 1 января 1945 г. готовность мо-

нитора "Сиваш" составила 52,8 %, при этом на нем практически не было ни одного полностью смонтированного механизма. Главные двигатели были загружены, но не смонтированы по причине незавершенности монтажа линий валов и трубопроводов. Часть механизмов была размещена в отсеках корабля, но не собрана, и находилась в неудовлетворительном состоянии из-за значительных перерывов в работах, связанных с отвлечением рабочих на другие объекты. Недоставало большого количества механизмов, арматуры, вооружения, оборудования верхней палубы, дверей, крышек люков и горловин и т.п. Отсутствовал средний дизель, рулевая машина, значительное количество электрооборудования. Для изготовления оборудования своими силами недоставало материалов и квалифицированных рабочих. Подкрепления палубы под установки главного калибра передельвались трижды: сначала под установки Б-28, затем Б-13 и, наконец, под Б2-ЛМТ. Положение усугубляло то, что за четыре года строительства корабля на нем неоднократно менялось руководство.

Вследствие отсутствия внешних поставок вооружения и механизмов, постановлением ГКО СССР № 6389сс от 15 августа 1944 г. сдача монитора "Сиваш" была перенесена на 1945 г.

Прекращение сдаточных работ на мониторе из-за отсутствия в первую очередь артиллерии главного калибра позволило заводу перевести часть рабочей силы на строительство сетевых заградителей и продолжить изготовление в цехах оборудования, которое завод мог освоить самостоятельно. На сетевом заградителе "Молога" (№ 106) были в основном смонтированы и опробованы на швартовных испытаниях главный и вспомогательные двигатели, большая часть механизмов, систем и трубопроводов. Общая готовность корабля составила 79,2 % при отсутствии палубных механизмов, якорных цепей, запасных гребных винтов. Не был закончен монтаж аппаратуры связи и вооружения. После получения с заводоизготовителей недостающего оборудования и устранения

дефектов и недоделок на сетевом заградителе "Сухона" были проведены швартовные испытания, а в период с 1 по 10 сентября на р. Амур завершились заводские и государственные испытания. 27 сентября корабль был сдан заказчику. Завершение строительства заградителя "Молога" позволило сосредоточить максимальное количество рабочих на заградителе "Сухона". В августе 1944 г. заводу удалось спустить его на воду и перевести для сдачи во Владивосток, где в декабре 1944 г. он был сдан приемной комиссии.

Сконцентрировав усилия и рабочую силу на сдаче сетевых заградителей, завод не смог выполнить программу капитального ремонта кораблей ТОФ и АКВФ. Так, ремонт монитора "Киров" был выполнен на 56 %, монитора "Дзержинский" – лишь на 16 %, а капитальный ремонт подводных лодок "М-21" и "М-22" – на 55,6 %.

В 1944 г. в производственный план завода им. С.М. Кирова была включена закладка четырех тральных барж, однако фонды на металл были получены только в конце третьего квартала. Одну баржу завод заложил из своих запасов металла, а три остальные – только в четвертом квартале после получения материалов. Естественно, завершить строительство в третьем квартале, как было предусмотрено планом, было не реально. К концу года работы на тралбаржах были приостановлены из-за невозможности проведения испытаний на плавучесть в зимнее время.

На последний военный год сдаточная программа, установленная заводу им. С.М. Кирова Наркомсудпромом, предусматривала завершение строительства тяжелого монитора проекта 1190 "Сиваш", капитального ремонта монитора "Киров", подводных лодок "М-21" и "М-22", сдачу шести тральных барж (см. табл.1).

По плану нового судостроения в 1945 г. были заложены сетевые заградители № 107 и 108, которые в связи с поздним поступлением металла заложили уже

Таблица 1.

Сдаточная программа завода № 368 им. С.М. Кирова на 1945 г.

№ п/п	Наименование объектов	Сроки выполнения	
		По плану	Фактически
1	Тяжелый монитор пр. 1190	11.1945 г.	-
2	Тралбаржи 6 ед.	1-е полугодие	1-е полугодие
3	Капитальный ремонт монитора "Киров"	11.1945 г	10.1945 г.
4	Капитальный ремонт ПЛ "М-21"	10.1945 г.	11.1945 г
5	Капитальный ремонт ПЛ "М-22"	11.1945 г	11.1945 г

Источник: Составлена по данным ГА ХК. Ф.Р-1737. Оп. 1. Д. 61. Л. 7.

после войны с Японией. В сентябре 1945 г. в капитальный ремонт был поставлен монитор "Свердлов" АКВФ. При сохранении всех проблем, имевших место в годы войны, завод завершил капитальный ремонт монитора "Киров" только в октябре 1945 г., а капитальный ремонт монитора "Дзержинский" на декабрь 1945 г. был выполнен на 48,9 %.

Анализ деятельности завода № 368 им. С.М. Кирова в Хабаровске в годы Великой Отечественной войны свидетельствует о том, что предприятие было не в состоянии выполнять программу нового судостроения и судоремонта кораблей Тихоокеанского флота и Амурской Краснознаменной военной флотилии по причинам, общим для всех дальневосточных предприятий Наркомсудпрома и характерным только для данного предприятия: несвоевременная поставка материалов, оборудования, вооружения и комплектующих изделий от заводов-поставщиков судостроительных предприятий западной части страны; некомплектная поставка проектно-сметной документации от проектных организаций и невозможность использования уже имеемых технологий вследствие различия в станочном парке Хабсудмеха и других предприятий; необходимость широко использовать межзаводскую кооперацию для решения производственных задач из-за отсутствия специфических видов судоремонта (ремонт дизелей, электрооборудования, литья и поковок черных и цветных металлов и т.п.); низкая квалификация специалистов основных рабочих профессий: сварщиков, судокорпусников, слесарей, токарей и др., которые справлялись с несложными работами по фронтальным заказам, но не могли выполнять квалифицированную работу по ре-

монту кораблей; неудовлетворительное обеспечение завода станками и другим оборудованием для судоремонта и строительства новых кораблей, что делало производство полукустарным; значительный отрыв с началом войны рабочей силы основных цехов (корпусного, кузнечно-го, механического и деревообделочного) на производство авиабомб, бензоцистерн, других изделий; отсутствие опыта в производстве отдельных видов работ, который приобретался в процессе производства; значительное количество ручного труда, обусловленное загруженностью станочного парка, что удорожало ремонт и строительство кораблей.

Наиболее полно состояние завода отражает характеристика, данная предприятию специалистами Государственного проектного института № 2 в 1943 г.: "...полукустарное предприятие, здания не приспособлены для размещения цехов и хозяйств, испытывает острую необходимость в электроэнергии, сжатом воздухе и жилом фонде". В годы Великой Отечественной войны предприятиями судостроительной промышленности Дальнего Востока был выполнен беспрецедентный по своим масштабам объем работ по строительству новых кораблей и поддержанию в боевой готовности кораблей ТОФ и АКВФ [1–3, 8, 9].

Недостаток материальных и людских ресурсов во время войны компенсировался интенсификацией их использования. Напряженный режим труда, вторичная переработка сырья, восстановление отработанных деталей и механизмов, применение альтернативных материалов помогали экономить средства и время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пятакович В.А., Хотинский О.В. Национальные интересы России в Мировом океане: монография – Владивосток: Морской гос. ун-т им. Г. И. Невельского, 2009. – 234 с. ISBN 978-5-8343-0523-1.
2. Филиппова А.В., Хотинский О.В. Судостроительный комплекс Дальнего Востока СССР накануне и в период Великой Отечественной войны: монография – Владивосток: Морской гос. ун-т им. Г. И. Невельского, 2017. 195 с. ISBN 978-5-8343-1041-9.
3. Филиппова А.В. Модернизация Дальнего Востока СССР накануне Великой Отечественной войны (1938–1941) // Вестник Брянского государственного университета. – Брянск, 2016. № 4(30). С. 105–108.
4. Филиппова А.В. Подготовка инженеров-кораблестроителей на Дальнем Востоке СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Екатеринбургского института. М. : 2017. №2 (38). С. 67–70.
5. Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи: сб. науч. статей. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. – 334 с.
6. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1967. М., 1968 Т. 1 С. 168–169
7. Глущенко И.И. Рабочий класс советского Дальнего Востока в переходный к социализму период (1922–1937) гг. Владивосток, 1986. С.86; Смирнова М.В. Источники пополнения трудовых ресурсов на Дальнем Востоке в предвоенные годы // Исторический опыт освоения восточных районов России. Владивосток, 1993. Кн. 2. С. 101.
8. Пятакович В.А. Подводное кораблестроение в СССР (1926–1945): монография – Владивосток: ВУНЦ ВМФ "ВМА" (филиал, г. Владивосток), 2012. – 300 с.
9. Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г. // Новая и новейшая история. Москва. 1993. №3. С.30.

ЭВЕНЫ БЕРЕЗОВКИ В УСЛОВИЯХ НАВОДНЕНИЙ: ИЗ ОПЫТА СЕДЕНТЕРИЗАЦИИ

THE EVENS OF BEREZOVKA VILLAGE IN TERMS OF FLOODS: THE EXPERIENCE OF MOVING TO SETTLED WAY OF LIFE

V. Filippova

Annotation

In this paper a moving to settled way of life of the local group of the Evens is considered on an example of Berezovka village of Yakutia. It is established that location of the village was an unfortunate choice and it has often flooded. On the basis of archival documents has revealed that the frequent flooding of the village are contributed in the 1980s the discussion on the different levels of government the issue of the relocation of the population to the new location. However, in view of the fact that in the period of 1960–1980 were invested large funds for nomadic population moving to settled way of life, the issue of the full transfer of the village of Berezovka were rejected by Government of Yakutia. The article is used the preliminary results of the project RFH №17–11–14003.

Keywords: Yakutia, Berezovska local group of the Evens, natural disaster, flood, social impact.

Филиппова Виктория Викторовна

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения РАН, Якутск*

Аннотация

В данной работе рассматривается перевод березовской группы эвенов на оседлый образ жизни. Установлено, что одним из факторов, замедлявших процесс завершения перевода на оседлость данной локальной группы являлся неудачный выбор места для поселка, который часто затопливался. На основе архивных документов выявлено, что постоянное затопление села поспособствовало в 1980–е гг. обсуждению на разных уровнях власти вопроса о переводе населения с. Березовка на новое местожительство. Однако, в виду того, что в 1960–1980–е гг. были вложены большие государственные средства для перевода кочевого населения на оседлый образ жизни, данный вопрос о полном переносе села Березовка был отклонен вышестоящими органами власти Якутской АССР. В статье использованы предварительные результаты проекта РФНФ №17–11–14003.

Ключевые слова:

Якутия, березовская группа эвенов, стихийные бедствия, наводнения, социальные последствия.

Село Березовка является местом компактного проживания березовской группы эвенов. Данная группа эвенов представляла собой одно территориальное объединение, живя смежно, в одних условиях с рассохинской группой эвенов Магаданской области, граничащей со Среднеколымским районом Якутии, в изоляции вплоть до середины 1950–х гг. [5, с. 12]. После нескольких попыток приобщения эвенов к оседлой жизни, 9 марта 1954 г. был организован Берёзовский кочевой Совет, где удалось собрать часть семей эвенов, кочевавших в местности "Сивер" и "Нубаликич" [2, л. 9]. Таким образом, только в середине 1950–х гг. началось вовлечение березовских эвенов с численностью 194 чел. обо-его пола в социалистическое общественное производство и их перевод на оседлый образ жизни [1, л. 29].

Село Березовка расположено на берегу одноименной реки, правого притока р. Колыма на территории Среднеколымского района Республики Саха (Якутия). Длина реки Берёзовка – 517 км, площадь бассейна – 24 800 км². Берёт начало и протекает в пределах Юкагирского плоскогорья. В бассейне р. Берёзовки около 2000 озёр. Основными притоками являются р. Летняя, р. Бытыгынджа (Орто–Чисханнах), р. Сивер, р. Лисья и р. Супри. Именно на

берегу данной реки в 1901 г. был найден практически целый, хорошо сохранившийся мамонт, которого в настоящее время можно увидеть в Зоологическом музее Санкт–Петербурга.

Несмотря на ряд принятых мер, и научных рекомендаций на разных уровнях республиканских директивных и плановых органов, процесс перевода данной кочевой группы на оседлость, начавшийся в середине 1950–х гг. затянулся до конца 1980–х гг. Одним из факторов, сдерживавших перевод кочевого населения на оседлый образ жизни, стало местоположение села, регулярно затопляемое во время весеннего наводнения.

В Инструкциях по проведению поселкования был ряд требований к выбору центра оседания кочевников. Так, при выборе места поселка необходимо было избегать затопляемость и смываемость рекой или ручьями. Поселок, как хозяйственный центр, должен был быть расположен в удобном месте с точки зрения подъездных путей сообщения с наследными и районными центрами. Роль транспортных путей отводилась рекам, трактовым дорогам и т.д. Обязательным условием при выборе центра надела было обеспечение наличием водных ресурсов для водо-

пия и питья в количественном и качественном отношении. Также основным требованием выступало расположение поселка поближе от основных маршрутов скотоводов, оленеводов, рыболовов и охотников [3, л.75].

С этой точки зрения, в конце 1950-х гг. месторасположение села Березовка было заложено на базе бывшей фактории и красного чума в районе г. Турах–Тас. Выбор данной местности для поселкования был обусловлен необходимостью максимального приближения к маршрутам кочевий эвенских родов и был оправдан лишь для начального этапа советизации и организации общественного производства. Поселок строился без какого-либо плана, площадка выбиралась без проведения проектно-изыскательских работ. Впоследствии перенос строительства села на 2 км выше по р. Березовка на не затопливаемый участок, также не оправдал ожиданий, т.к. была обнаружена мощная линза вечной мерзлоты, не позволяющая возводить капитальные сооружения. Других участков, пригодных для строительства поселка, поблизости не имелось. [2, л. 11].

Первые сведения о самой реке Березовка были составлены горным инженером К.Я. Пятовским в 1929 г. во время геологических исследований в районе нижнего течения р. Колымы и по ее притоку – р.Березовке по поручению Якутской горно-технической конторы. Исследования района р.Березовка было вызвано сведениями о наличии в её бассейне и по р.Колыма различных полезных ископаемых – алюминиевой руды (криолит), рудного золота и других не менее ценных металлов. Во время экспедиции на основании произведенной маршрутной съемки и опросных данных была установлена общая протяженность р. Березовка – примерно 600 км. Далее приводится описание реки, составленная К.Я. Пятовским: "В верховьях р. Березовка протекает по широкой долине; в направлении с юго-востока на северо-запад русло приобретает чрезвычайно сложную извилистость с многочисленными притоками. Горы, окаймляющие долину реки, отстоят в её узких местах на расстоянии 2–3 км, отступая в более широких, особенно при впадении притоков, на 5 и даже 10 км друг от друга. Берега реки – низменны и болотисты, с многочисленными узкими и длинными дугообразно-изогнутыми озерами и осушенными старицами. В местах крупных излучин реки, подходящих бортам долины, береговые обрывы достигают порою значительной высоты (10–20 м). Будучи сложены четвертичными отложениями, они обычно характеризуются наличием почвенного или ископаемого льда, залежи которого нам неоднократно приходилось констатировать как в глубине отложений, так и непосредственно под моховым покровом" [4, л. 3]. Во время экспедиции К.Я. Пятовским на основе сведений, полученных от ламутов (эвенгов), проживавших в бассейне р. Березовка, также была составлена характеристика режима реки, в котором указывалось, что крайние наблюдаемые сроки первой подвижки льда на р.Березовка наблюдаются 19 мая и 1 июня. Продолжи-

тельность весеннего подъема воды до самого высокого уровня зависело от состояния погоды; обычно подъем совершался быстро – в течении одних суток, а при теплой погоде в течении 12 часов; ниже р. Летней этому еще способствовал подпор воды со стороны р.Колыма, в результате которого в устьевых протоках, а иногда устанавливался обратное течение. Наибольший подъем уровня воды на р.Березовка наблюдался в августе месяце. Осеннему подъему воды обычно предшествовал самый низкий уровень воды в июле месяце [4, л. 4].

Сравнение дат максимальных и минимальных уровней воды р.Березовка 1929 г. с нижеследующими в табл. 1 годами показывает, что сроки вскрытия реки не изменились и остались в пределах 20 мая – 1 июня. По данным гидрометеорологической станции "Среднеколымск" за двадцать дней наблюдений (1966–1985 гг.) уровень паводковой воды возле с. Березовка достигал критического уровня 11 раз (950 см до 1985 г.), и за 2002–2017 гг. – 5 раз (1000 см с 1990-х гг.). Самый максимальный уровень паводковой воды был отмечен 04.06.1999 г. и составил 1150 см. Самый минимальный уровень воды был зафиксирован в ноябре 1963 г., когда р. Березовка промерзла до дна (табл. 1).

В результате наводнений постоянно затопливается село и смывается берег, на котором стоит село. В таких сложных гидрогеологических условиях, при нерегулярно действующем автозимнике с широким использованием местного лесоматериала, село Березовка с начала образования кочевого совета строилось почти четверть века, что способствовало в 1981 г. выходу специального постановления Совета Министров Якутской АССР от 12 ноября 1981 г. №473 "О неудовлетворительном ходе перевода на оседлость кочевых семей Березовского отделения совхоза им. 50-летия СССР" [2, л. 19].

По этапам застройки село Березовка разделено на три части – береговая и основная части старого поселка и новый поселок. Основным типом жилья основного и нового поселков являются четырехквартирные дома. Береговая часть села наиболее подвержена наводнению, в результате разрушения берега существует реальная угроза потери и части жилых домов. Так называемый "новый" поселок строился в 1968–1976 гг., позже был приостановлен из-за неудачного подбора площадки. Строительство проводилось в основной части старого поселка, также затопливаемого весенним паводком. А существовавшие в 1970–1980-е гг. темпы жилищного строительства в селе далеко не соответствовали темпам роста населения [2, л. 13].

Выражая мнение трудящихся с.Березовка Среднеколымский РК КПСС и райисполком в ноябре 1985 г. обратились с письмом в Якутский Обком КПСС "О переводе населения с.Березовка на новое местожительство". Для кардинального решения проблемы СМ ЯАССР поручи-

Таблица 1.

Многолетние уровни воды р.Березовка возле водомерного поста Березовка.

(составлено по: 1966-1985 гг. - НА РС(Я). Ф. 52. Оп. 45. Д. 137. Л.55-56; 1999 г., 2007-2014 гг. - данные Якутского УГМС)

Завис	Н макс (м ³ /с)	Дата	Н мин (м ³ /с)	Дата
1966 г.	990	27/05	-	-
1967 г.	1056	17/05	-	-
1968 г.	1069	22/05	476	14/05
1969 г.	1006	28/05	464	28/10
1970 г.	887	29/05	504	5/10
1972 г.	957	21/05	465	1-7/11
1973 г.	921	24/05	451	26-28/12
1974 г.	999	29/05	458	17/05
1975 г.	884	26/05	447	10-11/11
1976 г.	908	9/06	446	11/11
1977 г.	905	28/06	462	31/01
1978 г.	977	27-28/05	470	22/01
1979 г.	920	25/05	449	5-9/11
1980 г.	1013	29/05	455	28-31/12
1981 г.	968	20/05	456	1-3/11
1982 г.	1008	26/05	438	12/05
1983 г.	850	23/05	443	20/01
1984 г.	892	07/07	-	-
1985 г.	1109	1/06	-	-
1999 г.	1150	04/06	-	-
2002 г.	1116	28/05	412	19/04
2003 г.	833	23/05	465	27/04
2004 г.	946	28/05	456	24/04
2005 г.	803	22/05	476	26/04
2006 г.	1001	29/05	459	16/05
2007 г.	1040	21/05	479	01/08
2008 г.	989	29/05	470	05/05
2009 г.	953	23/05	472	11/05
2010 г.	905	21/09	456	29/07
2011 г.	1022	01/06	482	29/04
2012 г.	984	23/05	487	06/05
2013 г.	954	10/05	475	28/02
2014 г.	990	28/05	444	24/04
2015 г.	997	03/06	440	23/12
2017 г.	1117	23/05	-	-

чил Якутскому филиалу СО АН СССР провести детальное исследование современного состояния и перспектив социально-экономического развития Березовского отделения совхоза имени "50-летия СССР" с выездом на место и привлечением соответствующих специалистов. В июне-июле 1986 г. в Среднеколымском районе работала комплексная исследовательская группа научных

сотрудников Института экономики КОПРС и Института якутской литературы и истории СО АН СССР, Якутского филиала "Дальгипрозема". Группа специалистов, выехавшая на место и изучившее существо и проблематику данного вопроса о переносе села на новое место, подтвердила необходимость переноса села на новое место. В качестве аргумента участники группы указывали

на следующие факторы: по самым грубым расчетам ежегодная стоимость всех видов обслуживания населения с. Березовка обходилось государству с учетом стоимости ликвидации последствий весенних паводков не менее 1,5 млн. руб., тогда как стоимость всей сельскохозяйственной продукции, продукции подсобных отраслей и пушнины составляет 330 тыс. руб. Для восстановления последствий наводнения ежегодно тратилось 509,27 тыс. руб. [2, л. 10].

На общем собрании жителей поселка, состоявшемся 24 июня 1986 г. было высказано два наиболее подходящих варианта переноса центра отделения совхоза: местность Рыжово–Уродан в 120 км от г. Среднеколымск выше по р. Колыма на ее правом берегу и местность Мысовая в 100 км от г. Среднеколымска ниже по р. Колыма, также на ее правом берегу. Абсолютное большинство присутствовавших на собрании, а также днем позже ответивших на вопросы анкеты по данному вопросу твердо высказались в пользу первого варианта – местности Рыжово–Уродан [2, л. 19].

На приоритетность первого варианта также указывали натурные и аэровизуальные обследования группы исследователей, а также материалы экспедиций Якутского филиала института "Дальгипрозем". В пользу второго варианта – местности Мысовая, приводились такие доводы как: близость от села Березовка (60 км); возможность использования автотрассой [2, л. 20].

Выбор первого варианта был обусловлен следующими факторами:

- ◆ местность Рыжово–Уродан расположена на берегу судоходной р. Колыма. По расчетам специалистов, при данном варианте даже на объем перевозок 1986 г. общая сумма снижения транспортных расходов в расчете на год составит 1750 тыс. руб. Следовательно, транспортная схема во всех отношениях была бы удобной, выгодной и постоянной;

- ◆ местность богата многими природными ресурсами, которые могли позволить организовать целый комплекс новых не только агропромышленных отраслей, но и строительных, транспортных производств, лесодровозаготовок и т.д.;

- ◆ в 1984 г. в результате землеустроительных, геоботанических и зоотехнических обследований оленьих пастбищ силами Северной экспедиции Якутского филиала института "Дальгипрозем" было установлено, что Березовское отделение располагает значительными резервами оленьих пастбищ на стыке границ Среднеколымского и Верхнеколымского районов именно вблизи местности Уродан, где имелась возможность содержать дополнительно до 2-х стад оленей;

- ◆ с переводом села в данную местность может быть установлена наземная связь с оленеводческими бригадами, кочующими на юге от села, где было сосредоточено свыше половины поголовья оленей.

Параллельно с вопросом о полном переносе села Березовка, рассматривались вопросы и о его защите от наводнений. Так, отделом гидрологии института "Якутгипрорудхоза" были изучены картографические материалы и гидрологические данные водомерного поста на р. Березовка – с. Березовка, на основе которых было выдано заключение о том, что понижение максимального уровня реки Березовка в районе села путем спрямления русла предоставляется сомнительным. Во-первых, проектное русло расположено на затапливаемой пойме реки, а это означало, что увеличение уклона при максимальных уровнях не произойдет, соответственно, пропускная способность реки, практически не изменится. Во-вторых, при таких обстоятельствах создаются благоприятные условия для создания затопов льда на переломных участках русла. В качестве защиты села от наводнений "Якутгипрорудхоз" предложило дамбо-обвалование со средней высотой дамбы 1,0 м [1, л. 57]. Исполкомом Среднеколымского районного Совета народных депутатов ставился вопрос о составлении генерального плана застройки села Березовка, однако Госстрой Якутской АССР, ввиду затапливаемости участка, отказал.

Государственный Комитет ЯАССР по делам строительства (Госстрой ЯАССР) рассмотрев гидрологические материалы реки Березовка, технорабочий проект спрямления русла реки Березовка, разработанного Министерством мелиорации и водного хозяйства Якутской АССР также решили, что развитие поселка Березовка на существующем месте потребует больших затрат на инженерную подготовку территории в связи с постоянной его затапливаемостью. Учитывая, что в Среднеколымском районе имеются свои соображения по расположению поселка, связанных с транспортной схемой завоза материалов, обслуживанием оленьих стад, Госстрой ЯАССР в своем письме от 29.10.1985 г. просил Председателя Среднеколымского райисполкома "По разработке генерального плана с. Березовка" рассмотреть постановку вопроса в райисполкоме с последующим рассмотрением переноса поселка на Президиуме СМ ЯАССР [1, л. 20].

Однако, Госплан ЯАССР и отдел по народностям Севера СМ ЯАССР были не согласны с постановкой вопроса о полном переносе села Березовка на новое место. Свой отказ о полном переносе они мотивировали тем, что за 1960–1980-е гг. были вложены большие государственные средства, строились новые важные для функционирования села объекты. При таком положении с освоением выделяемых капиталовложений и маломощности единственной в районе подрядной организации постановка вопроса о переносе с Березовка на другое место считалось преждевременной. К рассмотрению поднятого Среднеколымским райкомом КПСС и райисполкомом вопроса отдел народностей Севера СМ ЯАССР посчитали целесообразным вернуться позднее, после того, как будут решены основные задачи по ускорению темпов капитального строительства в районе, которые были опреде-

лены постановлением Совета Министров ЯАССР от 11 января 1985 г. №13 "О состоянии и мерах по улучшению капитального строительства в Среднеколымском районе". Имея в виду, что перенос села будет проходить постепенно, в тесной увязке с производственной деятельностью совхоза, отделения и завершится не раньше пяти и более лет, отдел народностей Севера СМ ЯАССР вынес решение, что село Березовка должно продолжать нормально функционировать [1, л. 12].

Кроме того, сам факт оседания ранее кочевавшей народности в данном селе имело для нее историческое значение и было тесно связано с формированием у нее нового социалистического образа жизни. Руководящие органы также указывали на то, что часть населения села, имеющая свои родовые корни к этой территории, выступала против переноса села. Другим аргументом было указано, что перенос села на предлагаемое место не снимет проблемы его оторванности от основного производства – оленеводства [1, л. 17].

В 1987 г. Госплан и отдел народностей Севера СМ ЯАССР выступили за организацию нового производственного участка совхоза в местности Уродан. Было предложено средства, выделяемые отделению на новое строительство, направлять на создание участка Уродан и по мере ввода производственных объектов и жилья, часть населения (по желанию) и незанятого трудом, переселить постепенно на новое местожительство. В то же время в селе Березовка было предложено завершить и ввести в действие все начатые после постановления 1981 г. стройки и прекратить дальнейшее новое строительство, за исключением индивидуального жилья [1, л. 17].

В 1991 г. Уродан был включен в состав возрождаемых сёл в Перечне районов компактного проживания малочисленных народов Якутии. Село Уродан было создано в районе бывшего сельского поселения Чубукулах, исключенного из учётных данных административно-территориального деления Указом Президиума Верховного Совета Якутской АССР от 17 декабря 1986 года. Село с новым наименованием Уродан было включено в учётные данные административно-территориального деления Постановлением Палаты Республики Государственного

Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) от 24 декабря 1999 года №1 77–П и зарегистрировано в составе Березовского национального (кочевого) наслега (сельского округа) Среднеколымского улуса (района). По данным 2002 года, в с. Уродан проживало 25 чел., из них 18 мужчин и 7 женщин, а в 2010 году здесь было всего 7 эвенов. В основном они являются работниками одноименной кочевой родовой общины. Общая численность эвенов Березовского национального наслега (с. Березовка и с. Уродан) – 329 человек.

Вопрос переноса села Берёзовка вновь возник после катастрофических наводнений 1998 и 2001 гг. Так, в Постановлении от 15 января 2002 года № 22 с.Березовка дополнительно вошло в "Перечень наиболее пострадавших в результате наводнений 1998 и 2001 годов населенных пунктов Республики Саха (Якутия), рекомендуемых к переносу". На основе постановления Правительства Республики Саха (Якутия) от 17 марта 2006 г. п 77 "О мероприятиях по стабилизации социально-экономического положения сел Березовка и Уродан Среднеколымского улуса" был разработан план мероприятий по переносу с. Березовка из затопляемой зоны и завершению строительства первой очереди застройки села на новой площадке.

Подводя итог, можно сказать, что выполнение Перечня постановлений, принятых в разные годы по социально-экономическому развитию села Березовка выполнялись очень слабо и были predeterminedены его неблагоприятным транспортно-географическим положением. А частые наводнения, приводящие к затоплению части села Березовка, поспособствовали затянувшемуся процессу "завершения" перевода березовской группы эвенов на оседлость". Вопрос полного переноса села, обсуждаемый с 1980-х гг. не нашел поддержки в вышестоящих органах в виду дороговизны финансовых вложений со стороны государства. В настоящее время единственным выходом для жителей села является перенос села на незатопляемую территорию, о чем свидетельствует разработка комплексного плана переноса села Березовка, который был принят после наводнения 2017 г., когда в селе подтопленными оказались 37 домов, в которых проживает 283 чел., что составляет 87,9% от общей численности населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (далее НА РС(Я)). Фонд 52, опись 45, дело №137.
2. НА РС(Я). Фонд 52, опись 45, дело №139.
3. НА РС(Я). Фонд 68, опись 1, дело №3569.
4. НА РС(Я). Фонд 541, опись 1, дело №700.
5. Хаховская Л.Н. Коренные народы Магаданской области в XX – начале XXI. – Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2008.

ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В ВУЗАХ СЕВЕРО-ВОСТОКА КИТАЯ В 70-80-Е ГОДЫ XX ВЕКА: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ

TEACHING RUSSIAN LANGUAGE
IN THE UNIVERSITIES OF THE NORTHEAST
OF CHINA IN THE 70-80th OF THE XX
CENTURY: EXPERIENCE AND PROBLEMS

Huang Tinting

Annotation

This article analyzes the experience and problem of teaching Russian in higher education institutions of the Northeast of China in the 70–80s of the XX century. The content of the reforms, the measures of the Ministry of Higher Education of the People's Republic of China to streamline and guide the educational process in the universities of the UOC are considered.

Keywords: teaching of the Russian language, to the higher educational institutions of the UCWU, educational and methodical training of the Russian specialists in the higher educational institutions of the UCWU, the reform of the teaching of the Russian language in the universities of China.

Хуан Тинтин

*Аспирант, Дальневосточный
федеральный университет, преподаватель,
Хэйхэский университет КНР*

Аннотация

В данной статье анализируется опыт и проблема преподавания русского языка в вузах Северо-востока Китая в 70–80-е годы XX века. Рассмотрено содержание реформ, меры министерства высшего образования КНР по упорядочению и руководству учебным процессом в вузах СВК.

Ключевые слова:

Преподавание русского языка, в вузы СВК, учебно-методическая подготовка русистов в вузах СВК, Реформа преподавания русского языка в вузах Китая.

"Культурная революция" в КНР в 60–70-е годы XX века нанесла большой урон образовательной сфере Китая. Мощной критике и гонениям были подвержены преподаватели в китайских вузах иностранных языков. Квалифицированные учителя и преподаватели русского языка были вынуждены скрываться или переходить на другую работу. В истории обучения русскому языку наступил тяжелый период. Но в течение этих 10 лет многие специалисты русского языка не расстались со своим любимым делом. Упорство этих людей послужило залогом последующего быстрого восстановления и развития обучения русскому языку [3, с. 62]. И в сложных условиях преследование со стороны хунвэйбина. Они продолжали заниматься своей профессией, составляли учебные пособия, "Русско-китайские словари", и переводили русские романы.

В октябре 1976 года после окончания "Культурной революции" Китай вступил в новый период развития. Благодаря поддержке нового партийного и государственного руководства во главе с Дэн Сяопин обучение русскому языку вступило в новый период восстановления и развития. Особенно быстро восстановило преподавание русского языка на Северо-востоке Китая, который

более тесно начинает сотрудничество с СССР во всех сферах. Именно сюда в первую очередь из СССР возвращается русисты.

8 августа 1977 года на симпозиуме по науке и образованию, Дэн Сяопин выдвинул предложения по реформе высшего образования в КНР. Департаментом образования провинции Хэйлунцзян было издано "Распоряжение по упорядочению учебного процесса" [10, с. 13]. В нём отмечалось, что с 1977 года все вузы провинции Хэйлунцзян должны возобновить прием студентов, в том числе бакалавров на факультете русского языка Хэйлунцзянского университета была начата подготовка, в том числе бакалавров и магистров. Восстанавливалась подготовка русистов и в других вузах Северо-востока Китая.

Весной 1978 года в своём выступлении по вопросам образования Дэн Сяопин предложил, усилить подготовку китайских студентов на русском языке. Русский язык сказался Дэн Сяопин, должен занять достойное место в обучении, пропорционально присутствовать в системе преподавания иностранных языков. Он так же подчеркнул, необходимость усиления внимания к подготовке ру-

ководящих и инженерных кадров, владеющих русским языком. Стоит обратить внимание на качество, в их подготовке, заявил Дэн Сяопин. Согласно его указанию во многих вузах КНР в том числе на Северо-востоке Китая была открыта специальность "русский язык". Увеличился приём студентов на эту специальность [8, с. 4]. В начале 80-х годов в КНР уже более тысячи студентов, изучали русский язык. Однако руководство КНР в эти годы усиливает внимание и к обучению китайских студентов английскому языку. Это было связано с тем, что в 1972 году были нормализованы отношения между Китаем и США, и обучение английскому языку стало получать большое внимание.

В марте 1979 г. Министерство образования в КНР были изданы "Некоторые замечания по поводу улучшения обучения иностранных языков". В "Замечаниях" отмечалось, что планировка преподавания иностранных языков должна отражать стратегическое видение и иметь долгосрочное планирование. В главной задаче ставилось всемерное развитие обучения английскому языку, одновременно с чем необходимо уделять надлежащее внимание обучению другим распространённым языкам, таким как японский, французский, немецкий, русский и др. В замечаниях указывалось, что в вузах КНР ежегодный набор студентов, обучающихся по специальности "Русский язык" не должен выходить за планку от 200 до 300 человек [7, с. 6].

В качестве примера приводился Хэйлунцзянский университет: В 1980–1988 гг. количество студентов по специальности "русский язык" и "английский язык" Хэйлунцзянского университета [2].

Год \ Кол-во	Специальность "русский язык"	Специальность "английский язык"
1980	16	61
1983	55	80
1987	18	72
1988	42	56

Упор в подготовке русистов был сделан не на количество, а на качество. Этим целям были посвящены различные конференции и семинары, где обобщался передовой опыт подготовки русистов.

Кроме конференций по совершенствованию преподавания русского языка в КНР внимания министерства образования Китая было сосредоточено на выпуски журналов по методике преподавания русского языка. В 80-е годы XX века был наложен выпуск журналов по

русскому языку. В том числе были журналы "Русский язык в Китае", "Иностранный язык в Китае", "Теория и практика иностранных языков", "Исследование иностранных языков" и других. В них китайские русисты опубликовали десятки статей по реформе преподавания русского языка в вузах КНР. Выделены наиболее заметные публикации, получившие одобрения научной общественности: Чжао Сюнь "Как повышать уровень преподавания русского языка", Юй Шаои "Как проходить реформу преподавания русского языка в 1980-х годах", И Ган "Новая цель подготовки кадров, изучающих русский язык", Хань Фэн "Реформа русского языка в вузах" и так далее. Большинство авторов этих публикаций были единодушны в том, что вступая в 1980-е годы, обучение русскому языку в КНР столкнулось с некоторыми проблемами: во-первых, престарелый состав преподавателей и русистов, нехватка молодых педагогов.

Основная масса русистов была подготовлена ещё в 50-х годах [9, с. 5]. Во-вторых, отсутствие квалифицированных учебных пособий, материалов и справочников и словарей. В третьих, большинство вузов используют старые формы и методы преподавания. Необходимо разработать новые учебные методические пособия по преподаванию русского языка.

Первым вузам Северо-восточного Китая, начавшим обновлять учебно-методическую литературу по русскому языку, стал Хэйлунцзянский университет. Этот университет приобрёл в СССР большую порцию учебное пособие: "Русский язык для всех, приложения с грампластинками" автор профессор Л. Бабалова, это пособие было построено на новых принципах и достижениях теории и методики преподавания русского языка [1, с. 43].

В ноябре 1980 года в Пекине состоялась учредительная конференция Всекитайской комиссии по составлению и утверждению учебных пособий для языковых специальностей в вузах, на которой был обсуждён пятилетний план составления учебных пособий для специальности "Русский язык". На конференции было проанализировано состояние преподавания иностранных языков в том числе русского языка со дня образования КНР. Было обобщено опыт и уроки этого преподавания [4, с. 2].

В целях удовлетворения потребностей в кадрах русистов Всекитайская комиссия по русскому языку выдвинула пять направлений будущего развития специальности "русский язык": лингвистика, русская литература, страноведение Советского союза, научно-технический русский язык, педагогический русский язык. Ведущие факультеты русского языка в том числе на Северо-востоке в соответствии со своими возможностями и планами приступили к реформированию преподавания русского языка.

Выделил научной и научно-практической конференции по совершенствованию подготовки и обучения русского языка в вузах Северо-востока Китая 70-80-х годов XX века[6]:

Время	Место	Название	Участники	Содержание
04.1978	Хэйлунцзянский университет	Конференция по развитию русского языка в провинции Хэйлунцзян	Преподаватели из Хэйлунцзянского университета, Харбинского педагогического университета, Ляонинского университета	Реформа преподавания русского языка, учебных программ и пособий по русскому языку.
5-8 июня 1982 года	Город Чанчунь	3-я ежегодная конференция по изучению русского языка провинции Цзилинь	40 преподавателей из вузов провинции Цзилинь	Делать упор на развитие научно-технического русского языка и мультимедийной технологии преподавания русского языка
3-5 августа 1982 года	Город Далянь	1-я ежегодная конференция по изучению русского языка города Даляня	Более 400 преподавателей из вузов провинции Ляонин	Содействие развитию научного исследования по преподаванию русского языка
10-14 октября 1984 года	Цзилиньский университет	Конференция по опытам подготовки магистров, изучающих русский язык на Северо-востоке Китая	20 преподавателей из 7 вузов Северо-востока Китая и Ляонинского университета иностранных языков	Планировка подготовки магистров, изучающих современный русский язык. Обсуждение существующих проблем и выработка рекомендаций по их улучшению.
28 апреля-1 мая 1985 года	Город Далянь	конференция по изучению русского языка провинции Ляонин	43 преподавателей из 31 вузов в провинции Ляонин и члены из ассоциации русского языка города Далянь	Состояние и меры развития научного исследования по преподаванию русского языка
21-26 июля 1987 года	Северо-восточный педагогический университет	4-я всекитайская конференция по преподаванию русского языка в вузах	86 преподавателей из 69 вузов Китая	Реформа метода преподавания русского языка в вузах

На очередном ежегодном совещании, состоявшемся в 1981 году, был детально изучен ход выполнения этого плана, составлены и уточнены учебные программы, подготовлены учебные пособия, разработаны рекомендации по улучшению качества подготовки русистов.

В октябре 1981 года национальная редакционная группа по подготовке учебных пособий провела первое ежегодное совещание в Сямэньском университете, где обобщила передовой опыт в этом деле лучших вузов КНР.

Высокую оценку на этом совещании получили два пособия по русскому языку и учебные программы русского языка, составленные Пенкинским университетом иностранного языка и Хэйлунцзянским университетом. Совещание рекомендовано всем факультетам русского языка Китая, использовать эти пособия и учебные программы[5, с. 24]. Всего с 1980 по 1985 год вузами КНР было опубликовано 33 учебных пособий по русскому языку, в том числе 5 пособий, выпустили вузы Северо-востока Китая.

Отметим наиболее авторитетные учебные пособия по русскому языку, составленные вузами Северо-востока Китая в 80-годы:

Направление специальности	Название учебника	Издательство главный составитель	Количество экземпляров
	Русский язык	Хэйлунцзянский университет	4
Основа и теория русского языка	Чтение русского языка		2
	Современный русский язык		2
страноведение о Советском союзе	География Советского союза	Хэйлунцзянский университет	1
Педагогический русский язык	Методика русского языка	Северо-восточный педагогический университет	1

Таким образом, по мере проведения политики реформ и открытости с 1978 года в КНР намечилось быстрое восстановление в сфере обучения иностранным языкам, в том числе русского. Переживший кризис в годы "культурной революции" обучение русскому языку в Китае вступило в новый период развития. Во второй половине 70-х годов обучение иностранным языкам, в том числе русский язык был тесно связан с политикой открытости и

реформы в Китае. После китайской политики реформ и открытости, подготовка кадров, изучающих русский язык постепенно начала измениться к подготовке прикладных и синтетических кадров, и реформа учебной программы была реформирована.

Во второй половине 80-х гг. обучение русскому языку получило заметное продвижение по пути рационального развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. 黑龙江大学校史编委会. 黑龙江大学校史 (1941—2001) / 黑龙江人民出版社, 2001. 433 (История Хэйлунцзянского университета (1941—2001). – Харбин: Хэйлунцзянское народное издательство, – 2001. – 159 с.)
2. Информационная справка о приеме студентов // Архив Хэйлунцзянского университета. Харбин. 1983. Оп. 18. Д. 11. Л. 31. Статистические данные о приеме по специальности иностранных языков в 1987 г. // Архив Хэйлунцзянского университета. Харбин. 1987. Оп. 19. Д. 16. Л.75. Статистические данные о приеме по специальности иностранных языков в 1988 г. // Архив Хэйлунцзянского университета. Харбин. 1988. Оп. 19. Д. 2. Л.93.
3. 刘利民. 新中国俄教育年. 中国俄教学. 上海: 上海外语教育出版社, 2011.
Лю Лиминь. Русский язык в Китае: 1949–2009 / Лю Лиминь. – Шанхай: Изд-во "Шанхайское издательство иностранных языков", –2011. –106 с.
4. 黎克. 教材建果累累 // 中国俄教学. 1985年第3期. 1 - 4.
Ли Як. Успехи строительства учебных пособий // Русский язык в Китае. –1985. –№ 3. –С. 1–4.
5. 中国俄教学部. 俄教材写工作全面展 // 中国俄教学. 1982年第1期. 24.
Редакция Русского языка в Китае. Работа о составлении пособий по русскому языку. // Русский язык в Китае. –1982. –№ 1. –С. 24.
6. Таблица составлена автором по данным: Сообщение конференции // Архив Хэйлунцзянского университета. Харбин. 1980. Оп. 21. Д. 9. Л. 68. Реформа русского языка // Архив Цзилинского университета. Чанчунь. 1985. Оп. 30. Д. 2. Л. 31. Развитие научного исследования по русскому языку // Архив провинции Ляонин. Шэньян. 1988. Оп. 11. Д. 5. Л. 109.
7. 冀. 更重要的在于明确培目 // 中国俄教学. 1983年第1期. 6 - 7.
Цзи Ган. Уточнение цели подготовки кадров русского языка // Русский язык в Китае. – 1983. –№ 1. –С. 6–7.
8. 姜椿芳. 回与希望 // 中国俄教学. 1982年第1期. 4 - 5.
Цзян Чуньфан. Обзор и надежда развития русского языка // Русский язык в Китае. – 1982. –№ 1. –С. 4–5.
9. 赵. 把俄教学提高一 // 中国俄教学. 1982年第1期. 5 - 6.
Чжао Сюнь. Повышение преподавания русского языка // Русский язык в Китае. –1982. –№ 1. –С. 5–6.
10. 余甯. 俄教学改革想 // 中国俄教学. 1982年第1期. 10 - 14.
Юй Шаои. Взгляд на реформу русского языка // Русский язык в Китае. –1982. –№ 1. –С. 10–14.

КОЛОНИЗАЦИЯ РУССКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ В 1909-1911 гг.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента РФ для молодых кандидатов наук МК-630.2017.6 "Совет министров, Дума и политика в отношении окраин Российской империи в 1906-1917 гг.", руководитель Д.Г. Янченко.

COLONIZATION OF THE RUSSIAN FAR EAST IN THE GOVERNMENT POLICY IN 1909-1911

*D. Yanchenko
G. Slobodzyan*

Annotation

The article analyzes the documents of a special government body – the Committee for the Settlement of the Far East. In 1909–1911 it worked under the chairmanship of P.A. Stolypin. The decisions of this Committee became a guide to actions for the Amur expedition under the head of N.L. Gondatti and direct indication for the local administration in the implementation of resettlement policies in the region, economic development of the Far East. Particular attention is paid to the analytical materials on the Russian colonization of the region, collected by the Main Directorate for Land Management and Agriculture under the leadership of A.V. Krivoshein.

Keywords: The Committee on the Settlement of the Far East, P.A. Stolypin, A.V. Krivoshein, General Directorate of Land Management and Agriculture, Far East, Amur region, resettlement, colonization, Amur Expedition.

*Янченко Денис Геннадьевич
К.и.н., доцент, Санкт-Петербургский
государственный университет
Слободзян Григорий Михайлович
Санкт-Петербургский
государственный университет*

Аннотация

В статье проанализированы документы особого правительственного органа – Комитета по заселению Дальнего Востока. В 1909–1911 гг. он работал под председательством П.А. Столыпина. Решения этого Комитета стали руководством к действиям для Амурской экспедиции Н.Л. Гондatti и непосредственным указанием для местной администрации при осуществлении переселенческой политики в регионе, хозяйственном освоении Дальнего Востока. Особое внимание в статье уделено рассмотрению аналитических материалов о русской колонизации края, собранных Главным управлением землеустройства и земледелия под руководством А.В. Кривошеина.

Ключевые слова:

Комитет по заселению Дальнего Востока, П.А. Столыпин, А.В. Кривошеин, Главное управление землеустройства и земледелия, Дальний Восток, Приамурье, переселение, колонизация, Амурская экспедиция.

Огромный потенциал неосвоенных территорий важен для внешнего и внутреннего благополучия современной России. В наши дни проводится государственная политика, направленная на развитие региона, примером может служить создание отдельного Министерства РФ по развитию Дальнего Востока в 2012 г. со штаб-квартирой в Хабаровске, и так называемый "закон о дальневосточном гектаре" [48]. В начале XX в. правительство также уделяло особое внимание хозяйственной политике на Дальнем Востоке. Слабо защищенный регион попадал в сферу интересов соседних с Россией стран. Вопрос укрепления и обороны важной в стратегическом плане русской окраины актуализировался. Успех колонизации Дальнего Востока напрямую зависел от развития инфраструктуры, надежного закрепления населения. Еще до Русско-японской войны местные власти настаивали на скорейшем заселении края русскими людьми, заявляя, что это "теперь едва ли не самый важный вопрос не только в сфере ... интересов русского дела на Дальнем Востоке". Чиновники региона утвержда-

ли: "здесь есть все, что нужно для его дальнейшего развития, кроме населения" [38, с. 318].

Дореволюционными исследователями края были как путешественники и ученые: Г.Т. Муоров [25], А.А. Кауфман [13], В.К. Арсеньев [2], так и государственные деятели: Г.Е. Грум-Гржимайло [8], П.Ф. Унтербергер [45], [46]. Проблемы заселения и колонизации, сельского хозяйства, торговли и промышленности, анализ основных возможностей дальнейшего использования природных богатств – считались основными исследовательскими задачами. Экономическое развитие южной части Дальнего Востока, как до Русско-японской войны, так и в изучаемый период рассматривалось в работах А.В. Даттана [9], А.Н. Митинского [23], [24]. "Колонизация Приамурья – есть тот краеугольный камень, от которого должны идти все мероприятия по развитию края и использованию его природных богатств и с которым тесно связано спокойное обладание обширной окраиной", – писал в ноябре 1909 г. на имя А.В. Кривошеина член совета Главного

управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) В.П. Михайлов [35, л. 1].

В Российской империи территории за Уралом традиционно имели свою административную стратегию, которая во многом определялась местными условиями. "В 1892 г. в связи с кодификацией "Общего Учреждения Губернского" было оговорено, что управление Сибирью (и Дальним Востоком – авт.) должно осуществляться по особому учреждению" [12, с. 198]. В частности, в "Учреждении Сибирском" по Своду законов издания 1892 г. было закреплено существование двух генерал-губернаторств: Иркутского, включавшего Иркутскую и Енисейскую губернии, и Якутскую область, и Приамурского генерал-губернаторства состоявшего из Забайкальской, Приморской и Амурской областей, а также о. Сахалин. В 1909 г. из Приморской была выделена отдельная Камчатская область. По мнению А.В. Ремнева: "Повышенный интерес к Сибири и Дальнему Востоку на рубеже 19–20 вв. подогревался, прежде всего международными причинами, активностью внешней политики России на восточных и южных рубежах, усложнением экономических связей различных регионов страны" [38, с. 318]. Огромный потенциал региона в начале XX в. не ставился под сомнение: "Почва, климат и другие природные условия на Дальнем Востоке таковы, что край этот может сделаться одной из богатейших земледельческих колоний в мире. Но прежде чем будет открыт доступ к пользованию природными богатствами, потребуются чрезвычайные материальные жертвы со стороны государства" [35, л. 364]. Накануне Русско-японской войны многие бюрократы, знакомые с положением дел на окраинах, заявляли о важности перспективного планирования для колонизации Дальнего Востока. Например, военный министр А.Н. Куропаткин в 1900 г. писал: "необходимо помнить, что в 2000 году население России достигнет почти 400 миллионов. Надо уже теперь начать готовить свободные земли в Сибири, по крайней мере, для четвертой части этой цифры" [38, с. 320]. Экстенсивный характер крестьянского землевладения побуждал власть к расширению земельной площади, пригодной для ведения хозяйства.

Поражение в Русско-японской войне, утрата южной части Сахалина, потеря арендных прав на Ляодунский полуостров и Южно-Маньчжурскую железную дорогу, засыле на Дальнем Востоке китайских, японских и корейских рабочих, промышленников и рыболовов – это, и ряд других причин, заставили российские власти в 1906–1911 гг. пересмотреть окраинную политику. Укрепление восточных границ империи стало важной правительственной задачей. Деятельность особого межведомственного органа, созданного для разработки и решения миграционных и хозяйственных проблем края – Комитета по заселению Дальнего Востока (1909–1915 гг.) нуждается в аналитической оценке. При подготовке данной статьи использовались материалы Российского государ-

ственного исторического архива (РГИА). Изучены дела фонда 394, в частности: отчеты и письма иркутского, якутского и камчатского губернаторов на имя П.А. Столыпина, протоколы заседаний и журналы Комитета по заселению Дальнего Востока (КЗДВ), справки Переселенческого управления и отчеты ГУЗиЗ. Эти документы позволяют разносторонне охарактеризовать правительственную политику при П.А. Столыпине в отношении дальневосточной окраины.

В 1910 г., якутский губернатор И.И. Крафт писал П.А. Столыпину: "(Дальний восток и Сибирь – авт.) служат предметом особого внимания со стороны наших соседей – японцев и американцев – проявляющих большую энергию в смысле распространения своего пока экономического влияния на малонаселенные и беззащитные наши окраины. Предприимчивых иностранцев соблазняют огромные естественные богатства наших окраин; им, кроме того, нужны рынки для сбыта своих фабрикатов и свободные земли для заселения... Нельзя, мне кажется, упускать из виду, что, при отсутствии у нас сильного военного флота, все указанное побережье, в случае каких-либо осложнений на Дальнем Востоке, окажется совершенно беззащитным" [34, л. 128]. Существовала общая проблема, которая являлась серьезным препятствием для развития практически всех дальневосточных областей: "Отдаленность, точнее недоступность рынков, является главным препятствием для заселения многих мест в Сибири" [35, л. 364]. После издания главного законодательного акта аграрной реформы – указа 9 ноября 1906 г. "О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования" [31, с. 970–974] изменяется характер переселенческой политики, которая теперь развивалась в ключе столыпинских аграрных преобразований.

В бюрократических кругах на заселение Дальнего Востока стали смотреть иначе: "В долине Амура необходимы люди вроде американских фермеров на Дальнем Западе" [35, л. 364]. По-иному трактуются хозяйственные перспективы крестьянина-переселенца: "Введение частной земельной собственности, совершенное уничтожение общины было бы величайшим благом для спящего края, который, несмотря на свой суровый климат и неудачное географическое положение, открывает безграничное поле для приложения труда и капитала" [35, л. 367]. Согласно справке о положении переселенческого дела на Дальнем Востоке за 1906–1909 гг., составленной Переселенческим управлением (до 1 мая 1905 г. на правах департамента в составе МВД, затем передано учрежденному ГУЗиЗ [22, с. 582]) поступательно увеличивались размеры дорожного строительства, менялась инфраструктура края. В общей сложности с 1906 по 1909 гг. было построено: в Приморской, Амурской и Забайкальской области 2656 верст новых дорог (2833,42 км.

– авт.). Согласно отчетам, на постройку новых дорог было израсходовано 1747306 руб. 80 коп. [34, л. 53]. Проводились гидротехнические работы, заключавшиеся частью в постройке колодцев для нужд первых переселенческих участков, частью в производстве осушительных работ для улучшения усадебных площадей и для приведения в "культуроспособный вид" заболоченных пространств. В общей сложности на ведение переселенческого дела в трех областях Дальнего Востока за четыре года было израсходовано 12691112 руб. [34, л. 53].

По данным Объяснительной записки к проектам "Учреждения Министерства земледелия" и "Положения о местных его установлениях", представленным в Государственную думу в 1910 г.: "Опыт последних двух лет (1907 и 1908), когда переселение развилось у нас до небывалых ещё размеров, показал, что Переселенческое управление, при самой напряженной деятельности и при затрате значительных средств (11000000 руб.), было в состоянии заготовить в 1908 году немного более 350 душевых долей общей площадью в 6000000 дес. (6 млн. 555 тыс. га – авт.). И водворить 664777 душ обоего пола переселенцев. В прежние же годы площадь заготовок и количество переселенцев было значительно меньше. Если бы в будущем число ежегодно водворяемых переселенцев удалось довести даже до 1000000 душ обоего пола, то и тогда применение для своего труда в области сельского хозяйства нашло бы не более половины ежегодного естественного прироста населения, а следовательно, наличный избыток рабочих сил не только по-прежнему оставался бы неиспользованным, но даже увеличился бы за счет второй половины прироста" [22, с. 587].

Наблюдаемый в эти годы рост внутренней миграции заметно отразился на заселении дальневосточных областей империи. Для сравнения, в 1894–1903 гг. в Приамурский край переселялось в среднем по 7600 человек в год. В 1906 г. число переселенцев, прибывших на Дальний Восток, достигло почти 11 тыс. человек; в 1907 г. эта цифра возрастает до небывалых ранее размеров – 81 тыс. Затем, опустившись в 1908 г. до 30 тыс. человек, поднимается снова в 1909 г., когда по сведениям заведующих переселенческим делом, число переселенцев, переехавших за Байкал, достигло 40 тыс. человек. Таким образом, за четыре года, прошедших со времени окончания Русско-японской войны, на Дальний Восток направилось свыше 160 тыс. мигрантов. В советское время научное изучение этой тематики характерно для 1980-х годов. Публикуются работы, посвященные различным аспектам демографических процессов на Дальнем Востоке императорской России. В статье С.В. Пяткова рассматриваются бытовые вопросы переселенческой жизни в контексте крестьянской общины [33]. Сохраняют актуальность коллективный труд А.И. Алексеева и Б.Н. Морозова [1], и работа Л.Л. Рыбаковского [39].

Резкое падение числа переселенцев в 1908–1909 гг., по сравнению с цифрой 1907 г., объясняется тем, что в 1907 г. ГУЗиЗ разрешалось переселение семей на Дальний Восток без предварительного зачисления земельных душевых долей через ходяков. После этого "льготный порядок переселения не допускался, ибо ведомство опасалось чрезмерного наплыва в край переселенцев при имевшемся там сравнительно ограниченном запасе непосредственно пригодных для заселения свободных участков" [34, л. 52]. По сведениям переселенческого управления, желающих могло быть больше количества размежеванных участков. Всего, со времени учреждения в крае межевых партий (в Приамурье с 1888 г. межеванием занималось Строительное отделение в Управлении генерал-губернатора [3]) до 1909 г., было образовано 195294 переселенческих участка из расчета один участок на душу мужского пола [34, л. 53]. Обратное переселение с 1906 по 1909 гг. составило 14744 человека, то есть менее 10%. По предварительным расчетам Переселенческого управления, "в 1910 г. численность водворения на Дальнем Востоке окажется, по всей вероятности, значительно больше, нежели в оба предшествующих года" [34, л. 52].

В ходе столыпинских преобразований возникла необходимость объединить усилия различных ведомств в деле хозяйственного освоения дальневосточных окраин империи. Правительство планомерно анализирует и обобщает документы по этому вопросу [37]. В 1907 г. с началом строительства Амурской железной дороги Переселенческое управление ГУЗиЗ сосредотачивает свое внимание на регионе. Ведомство анализирует данные о колониальном потенциале территорий, прилегающих к будущей железнодорожной линии. В 1908 г. в Хабаровске заведующий Приморским переселенческим районом С.П. Шликевич объединил в своих руках управление крестьянской колонизацией на Дальнем Востоке. Самой серьезной проблемой в его работе становится извечная беда имперской бюрократии – отсутствие согласованности с правительством, с другими ведомствами. Министр финансов В.Н. Коковцов в письме к председателю Совета министров П.А. Столыпину 21 июня 1908 г. писал: "в настоящее время в наших владениях на Дальнем Востоке нет специального органа, на который можно было бы возложить наблюдение за реализацией комплексной программы, направленной на оживление края" [38, с. 475].

МВД предлагало свой проект организации особой экспедиции по изучению и благоустройству прилегающих к будущей Амурской железной дороге местностей. Руководство экспедицией должно было остаться за МВД при содействии уполномоченных от Министерства финансов, Министерства путей сообщения (МПС), Государственного контроля и ГУЗиЗ. По итогам деятельности экспедиции должны были отправляться ежемесячные отчеты предсе-

дателю Совета министров, а также в заинтересованные министерства и приамурскому генерал-губернатору. По плану на экспедицию возлагались обширные задачи: "1. Изучение местности, прилегающей к железнодорожной линии. 2. Устройство подъездных путей. 3. Организация почтового и телеграфного сообщений. 4. Выбор места для будущих поселений и городов вдоль строящейся дороги. 5. Организация на начальном этапе управления этими поселениями и городами. 6. Продажа и отвод приусадебных участков. 7. Выдача ссуд переселенцам" [38, с. 477].

Главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин, однако, выступил за предоставление ведущей роли в осваиваемом крае своему ведомству. Дело колонизации Дальнего Востока "есть одно из важнейших при современных политических условиях, и требует планомерного объединения всех прилегаемых к достижению сей цели государственных сил как там – на месте, так и здесь – в центре" [38, с. 477–478]. А.В. Кривошеин указал на ограниченность возможностей и полномочий экспедиции. Необходима "другая организация, которой во главе с особым уполномоченным будут подчинены все местные переселенческие учреждения, и которая не только будет вестись земледельческой колонизацией, но и осуществлять управление государственными имуществами, заботиться об эксплуатации естественных богатств края" [38, с. 477–478]. Проект МВД, якобы, не соответствовал необходимым требованиям. Степень доверия между Кривошеиным и Столыпиным была высока, и межведомственных трений не возникло. Как писал К.А. Кривошеин о своем отце, после назначения в 1908 г. на должность главноуправляющего: "он увлекся работой, смог показать всю меру своих способностей и со свойственной энергией стал преодолевать стоявшие на его пути препятствия, благодаря исключительно удачному подбору сотрудников и неизменной поддержке Столыпина и, нужно признать императора Николая II" [52, 1, 13].

В условиях Третьеиюньской монархии выработка единой политики правительства была важной не только для будущего имперской окраины, но и для демонстрации консолидированной позиции министров в Государственной думе. Появление межведомственного управленческого центра позволило найти удачный компромисс. 23 июня 1909 г. вопрос о создании Комитета по заселению Дальнего Востока (КЗДВ) обсуждался в Совете министров. А 27 октября 1909 г. решение о создании Комитета было утверждено Николаем II, в частности "для объединения и общего направления правительственных мер по колонизации Приамурского края" [34, л. 1], хотя сфера деятельности нового органа была в значительно шире. В состав КЗДВ входили председатель – один из членов Совета министров по назначению императора, представители Министерств императорского двора и уделов (МИДв), иностранных дел, военного, морского, МВД, юс-

тиции, финансов, торговли и промышленности, МПС, а также ГУЗиЗ и Государственного контроля, "в необходимых случаях – Синода и Министерства народного просвещения; на правах членов в заседаниях участвовали во время пребывания в Петербурге приамурский и иркутский генерал-губернаторы, военные губернаторы Амурской, Приморской и Забайкальской областей, а также иркутский, якутский и камчатский гражданские губернаторы" [5, с. 203].

Главой Комитета был назначен председатель Совета министров П.А. Столыпин, а его заместителем стал главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин. В состав Комитета вошли представители почти всех министерств. Кроме того, предусматривалось возможность участия в заседаниях приамурского и иркутского генерал-губернаторов. "Единогласные решения Комитета по Заселению Дальнего Востока, не требующие нового закона, напрямую направлялись в ведомства для исполнения, в случае же разногласия – переносились на рассмотрение Совета Министров" [38, с. 479–480]. 11 декабря 1909 г. П.А. Столыпин потребовал от камчатского губернатора статского советника В.В. Перфильева: "озаботиться незамедлительным доставлением в образованную при Комитете по заселению Дальнего Востока Канцелярию, заведованием коей возложено на Управляющего делами Комитета [Г. В. – авт.] Глинку, подробного перечня всех вопросов и дел, которые, в той или иной степени касаясь заселения вверенной Вам области или иных мер укрепления в ней русского дела, поступили на рассмотрение центральных правительственных учреждений и не получили еще окончательного разрешения" [34, л. 1]. Кроме непосредственной задачи Комитета – сбора необходимых сведений по управлению краем, отметим назначение Г.В. Глинки на пост Управляющего делами Комитета. Оно подчеркивало преимущественное значение в деле освоения Дальнего Востока ГУЗиЗ и в данном случае носило компромиссный характер. Г.В. Глинка являлся начальником Переселенческого управления ГУЗиЗ. Таким образом, если освоение Манчжурии оставалось преимущественно прерогативой министра финансов В.Н. Кокорцова [40, с. 207], то русское Приморье становилось "уделом" А.В. Кривошеина. С одной стороны, это несколько ослабляло влияние министра финансов на дальневосточные дела и усиливало позиции П.А. Столыпина в правительстве, но с другой, сам В.Н. Кокорцов был сторонником взвешенной, осторожной политики в регионе и, в целом, до 1911 г. мероприятия КЗДВ поддерживал.

Для первоочередного рассмотрения чиновниками предполагался следующий перечень наиболее важных вопросов:

1. Об увеличении площади колонизационного запаса земель Дальнего Востока и о скорейшем использовании для этой надобности расположенных вблизи ки-

тайской границы земель, временно отведенных бывшим Приамурским генерал-губернатором Духовским (С.М. Духовским – авт.) Амурскому и Уссурийскому войскам, и земельных излишков Забайкальского казачьего войска.

2. О мерах борьбы против наплыва в Приамурье рабочих желтой расы и о привлечении на постройки, производящиеся за счет и распоряжением казны, рабочих из европейской России.

3. Об ускорении постройки Амурской железной дороги.

4. О развитии на Дальнем Востоке дорожного строительства для нужд колонизации и об изыскании для сего средств, сверх отпущенных по переселенческой смете.

5. Об особых мерах поощрения переселения на Дальнем Востоке и льготах лицам, водворяющимся в Приамурском крае.

6. Об организации учрежденной для изучения района Амурской железной дороги экспедиции и о нужных на ее содержание ассигнованиях" [34, л. 2].

Эти предложения были выдвинуты практически сразу после начала деятельности Комитета. П.А. Столыпин, считал, что разработка программы деятельности Комитета "явится результатом последующей работы всех заинтересованных ведомств и учреждений" [34, л. 3]. Сведения о состоянии дел поступали в Совет министров от руководителей профильных ведомств, генерал-губернаторов и иных учреждений (например, Общества Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), Русско-Китайского (с 1910 г. Русско-Азиатского банка) и пр.). П.А. Столыпин особо отмечал важность всеподданнейших отчетов приамурского генерал-губернатора, сведений Министерства иностранных дел (МИД): донесений российских дипломатических и консульских представителей по предметам, касающимся русских интересов на Дальнем Востоке. Как председатель Комитета П.А. Столыпин запросил у ведомств перечень вопросов, которые необходимо было изучить и по которым требовалось принятие срочных решений. Два вопроса были указаны в ответном письме министра финансов В.Н. Коковцова. Первый – "об открытии в районе строящейся Амурской железной дороги казначейств в видах облегчения строительной администрации расчетов по поставкам и подрядам". Второй – "об открытии там же казенных винных лавок в целях борьбы с контрабандным водворением в наши пределы маньчжурского спирта, который находит широкое распространение среди населения Приамурского края" [34, л. 16–17].

Государственный контролер П.А. Харитонов отправил 4 вопроса для обсуждения: 1) об организации "опытных сельскохозяйственных станций и показательных хозяйств в заселяемых районах Дальнего Востока"; 2) об определении местностей "из коих, по преимуществу, должны направиться переселенцы на Дальний Восток, в

целях заселения последнего лицами, наиболее пригодными для оседлости в нем"; 3) выяснение вопроса "какие из земель Кабинета Его Величества в районе Амурской железной дороги могут быть обращены под заселение, и на каких условиях эти земли могут быть предоставлены переселенцам"; 4) "О мерах улучшения водных путей Приамурья в видах организации на них переселенческого движения и сообщения с населенными районами" [34, л. 16–17].

Вопрос, представленный в письме министра путей сообщения С.В. Рухлова, касался "местностей по линии Амурской железной дороги, где могут получить развитие наиболее крупные населенные пункты, чтобы заблаговременно, с надлежащей успешностью и минимальными расходами, произвести работы по составлению дополнительных топографических съемок для разработки общих планов поселков в связи с железнодорожными станциями" [34, л. 16–17]. Министр народного просвещения А.Н. Шварц предлагал обсудить вопросы об открытии "во вновь заселяемых районах сельских училищ и оказании правительством помощи в деле учреждения упомянутых училищ и постройки необходимых для сего зданий" [34, л. 16–17].

В итоге из предложений ведомств была сформирована программа первоочередных задач по колонизации Дальнего Востока, носившая, впрочем, предварительный характер. Очевидно, что планировалось внесение дополнительных вопросов как со стороны ведомств, так и со стороны администрации окраины. Этот документ упоминался А.В. Ремневым, однако комплексный анализ не проводился.

В целом, основные задачи правительства сводились к девяти пунктам:

1. Меры поощрения переселенческого движения на Дальневосточные окраины.

А. Вопрос о свободном хождении или свободном семейном переселении без предварительного хождения.

Б. Особые льготы при передвижении и устройстве на месте (увеличение ссуд, тариф, продовольствие в пути).

В. Особые мероприятия по приему переселенцев (усиление медицинской помощи, приискание заработков, заготовление продовольствия, рабочего скота, расчистка лесных площадей, заготовка останочных барачков на участках).

Г. Издание плаката о дальневосточном заселении, обращение к землеустроительным учреждениям и земствам.

Д. Привлечение особых категорий переселенцев: румынских старообрядцев (как наиболее подготовленных к условиям на Дальнем Востоке – авт.), Некрасовцев, рыболовов, прибалтийских латышей, поляков, австрийских подданных из Галиции.

2. Количественное и качественное улучшение предлагаемого к заселению земельного запаса, как необходимое условие возможности поощрения правительством дальневосточного переселения.

А. Образование переселенческих участков из излишков войскового запаса временного отвода Духовского в Амурской и Приморской областях (11,5 мил. дес.) (12563750 га – авт.), независимо от разрешения вопроса о преимуществах казачьей колонизации пред крестьянской.

Б. Землеустройство Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск и порядок использования под переселение земельных излишков в Забайкальской области.

В. Облегчение порядка причисления переселяющихся крестьян к станицам, получившим уже земельные наделы.

Г. Постановка осушительных работ в Приамурье.

3. Развитие местных сообщений.

А. Усиление дорожного строительства на Дальнем Востоке. Ассигнование на это дело в 1910 году особых средств сверх сметы Переселенческого управления, с привлечением к делу военных технических сил.

Б. Развитие пароходных береговых и речных сообщений как путем приобретения буксиров и барж, так и поощрения частной инициативы.

В. Оборудование почтовых и телеграфных сообщений, намеченных начальником края.

4. Борьба с наплывом желтых рабочих. (Напряженные дискуссии по "желтой проблеме" были довольно частым явлением в дореволюционной России начала XX в. [40, с. 208], Комитет по заселению Дальнего Востока также не обошел этот вопрос – авт.).

А. Исчисление потребной на месте рабочей силы. Образование рабочих партий в губерниях Европейской России, при участии местных учреждений и организация их перевозки в порядок передвижения воинских частей.

Б. Запрещение к сдаче казенных работ инородцам и участия в них желтых рабочих, кроме принявших русское подданство корейцев.

В. Организация на местах работ рабочих артелей, потребительных товариществ и товарных складов для продажи необходимых им продуктов.

5. Обеспечение развития частновладельческих хозяйств и промысловых предприятий.

А. Предоставление крестьянам и казакам отведенных им в дальневосточных областях земель в собственность, с правом распоряжения ими и отчуждения как общественных, так и выделенных из общественного владения участков, но с воспрещением покупки или аренды этих земель иностранцами или инородцами.

Б. Предоставление в собственность и аренду частных предпринимателей на особых льготных условиях участков казенных земель для устройства заводов, фаб-

рик и промышленных предприятий.

В. Пересмотр для дальневосточных областей правил образования и аренды оброчных статей и взимания промысловых сборов и акциза в целях особого покровительства развитию на местах сахароваренной промышленности и винокурения.

6. Выяснение возможности особыми тарифами охранить дальневосточные области от перевоза маньчжурских и японских хлебов, муки и леса, с целью обеспечить перевозку сюда хлеба и скота из Забайкалья, восточной Сибири и Алтая, и содействовать развитию в пределах края мукомольного производства и лесных разработок.

7. Меры к скорейшему обследованию дальневосточных областей путем изучения почв, климата и растительного покрова и широкой постановки топографических работ.

8. Образование при губернаторах дальневосточных областей постоянных совещаний местных людей, назначаемых или избираемых из числа русского населения для обсуждения вопросов скорейшей колонизации края.

9. Выяснение всех данных для разрешения коренного вопроса колонизации Дальнего Востока – о наилучшей военной его обороне.

А. Ускорение постройки Амурской железной дороги.

Б. Увеличение числа войск на местах.

В. Заготовка продовольственных запасов.

Г. Постройка казенных заводов для военных надобностей.

Д. Борьба военной силой против японского хищничества и шпионов" [34, л. 20–22].

Именно КЗДВ принял решение командировать для всестороннего исследования района Амурской железной дороги особую Экспедицию. Ей поручалось определение мест для "тех станций амурской железной дороги и тех пунктов вне оной, у которых в силу их естественного положения следует ожидать развития поселений городского типа, а равно разработку предшествующих в означенной местности путей сообщения" [34, л. 27]. Впрочем, результаты лишь в небольшой, хотя и весьма содержательной части [11], были связаны с изучением существовавших станций и поселков вдоль линии новой дороги. Отправка Экспедиции перекликалась с инициативой МВД, но устраняла ведомство от прямого кредитования переселенцев, как предлагалось ранее. Амурская экспедиция 1909–1912 гг., под руководством выдающегося администратора Н.Л. Гондатти, была последним крупным научным мероприятием по изучению региона в Российской империи. Более 28 томов "Трудов Амурской экспедиции" представляли собой полевые отчеты и монографии по естественнонаучному, историческому, административному и экономическому описаниям Дальнего Востока и Амурской области. Они издавались в ходе проводимых исследований, различными типографиями Санкт-Петербурга и Сибири в 1910–1913 гг. и были снабжены допол-

нительными материалами: картами, схемами, графиками, таблицами. В 1910 году был подготовлен "Общий отчет Амурской экспедиции" [6]. В 1911 г. шталмейстер Н.Л. Гондатти стал первым Приамурским генерал-губернатором из гражданских чиновников. Подробно ход работы над материалами был охарактеризован в недавней работе Н.А. Демьяненко и Л.А. Дятловой [10]. Вопрос о том, была ли Экспедиция инициирована Н.Л. Гондатти через МВД, оставим открытым.

Итоговой целью всех мероприятий являлось закрепление русского населения на Дальнем Востоке, обеспечение военной безопасности окраины. Правительство всерьез рассматривало внешнюю угрозу. Заместитель председателя КЗДВ А.В. Кривошеин писал министру иностранных дел А.П. Извольскому: "В видах наилучшей постановки деятельности Канцелярии Комитета по заселению Дальнего Востока представлялось бы весьма желательным, чтобы в состав ее входил бы в числе других чинов представитель ведомства Министерства иностранных дел, всесторонне осведомленного о положении на нашей Дальневосточной окраине" [34, л. 109]. По предложению П.А. Столыпина, был поднят вопрос об информировании русского правительства о значимых событиях экономического и политического характера в соседних с Приамурьем странах: Японии, Китае, Корее, Северо-Американских Соединенных Штатах (САСШ). Важным также являлось отражение в общественном мнении и печати этих стран всех дел, которые касались правительственной политики по заселению дальневосточных областей России. Комитет хотел поручить российским дипломатическим чиновникам и консульским служащим представлять отзывы и сообщения иностранной печати по соответствующим целям программы освоения Дальнего Востока. Со своей стороны Главное управление по делам печати МВД по указанию Столыпина проводило поиск интересующих КЗДВ сведений в русских и иностранных публикациях. Комитет настоятельно просил министров иностранных дел и финансов предоставить все материалы по вопросам, касающимся положения на имперской окраине [34, л. 86]. А.П. Извольский, формально не подчинявшийся П.А. Столыпину, возражал против прямой передачи дипломатических сведений в КЗДВ. Важность такой меры, он, разумеется, признавал, но решение о том, что именно присылать оставлял за собой. Напротив, В.Н. Коковцов заявил, что в Управлении Заамурского округа пограничной стражи организована специальная разведка для сбора сведений о наиболее важных политических и экономических событиях в пределах Манчжурии. "В виду особой ценности этих данных для предстоящих работ Комитета, Статс-секретарь В.Н. Коковцов выразил готовность сделать распоряжение о сообщении таковых Комитету по заселению Дальнего Востока" [34, л. 86].

Как же складывалась ситуация на местах? Интересное мнение об уровне подготовленности и настроениях

среди переселенцев мы находим в сохранившейся в материалах РГИА записке С.Е. Бельского о заселении Сибири и Дальнего Востока, отправленной на имя П.А. Столыпина 7 октября 1910 г. Настроения среди приезжих крестьян, характеризуются автором как упаднические. "Крайне неблагоприятным для русского дела на Дальнем Востоке является то обстоятельство, что на этой отдаленной окраине ... много малодушных людей, которые не верят в прочность нашего положения; в то, что России долго еще удастся удержать за собой Амурскую и Приморскую области. Ирония слабых, маловольных людей по отношению к собственному делу составляет основной психический тон работы... Строят Амурскую дорогу и говорят: Мы строим, а ездить будут японцы и китайцы... Заселяют побережье и уверены, что на участках окажутся желтолицые земледельцы. Чувствуют себя словно в гостях. Россия начинается за Байкалом от Иркутска. Впрочем, один генерал-губернатор рассказывал переселенческим чиновникам, что, пожалуй, нас и из Енисейской губернии погонят. Чиновники, переселенцы, инженеры, промышленники, купцы, охвачены этим гибельным недугом недоверия к силе устойчивости России на ее далекой окраине. Это недоверие находится, конечно, в тесной связи с результатами войны, но поддерживается также множеством современных явлений, обыденной жизнью русского Востока" [35, л. 360-361]. Следует отметить, что в исследованиях постсоветского периода уделено значительное внимание истории резидентско-иностранных работ на российском Дальнем Востоке. Выходили отдельные работы о японском (Б.С. Белоус [4]), китайском (Е.И. Нестерова [26], [27]) и корейском (А.И. Петров [29], [30], А.А. Торопов [44]) населении. Иностранцы составляли значительное количество жителей региона и принимали активное участие в его экономической жизни. Проблема "желтой угрозы" прослеживается во многих правительственных документах эпохи, тем более что корейцы и китайцы были приспособлены к ведению сельского хозяйства с учетом местных природных и климатических условий.

Губернатор Камчатской области В.В. Перфильев, занимавший должность с 1909 по 1912 гг. писал П.А. Столыпину: "Вопрос о земледелии на Камчатке – это еще вопрос будущего. Полагаю, что и теперь с уверенностью можно сказать, что в ближайшем будущем земледелие на Камчатке, ни в каком случае, не будет играть значительной роли и в лучшем случае явится лишь некоторым подспорьем для остальных отраслей хозяйства и притом далеко не во всех ее районах". Губернатор считал преждевременным принимать специальные меры для привлечения на Камчатку переселенцев. "Элемент положительный, трудоспособный найдет много лучшего для себя и вне Камчатки и сюда не пойдет. Разные же неудачники, лентяи, невзрастники и вообще люди, выбитые из колеи, которые нигде не могут пристроиться, идут сюда теперь в большом количестве, и, пока что, на первых порах прихо-

дится принимать меры, чтобы оградить Камчатку от наплыва подобного элемента, который делу колонизации ее принесет только вред, а не пользу" [34, л. 200]. Местным высокопоставленным чиновником поднимается вопрос о превалировании качественного состава переселенцев над количественным. Вопрос этот и раньше волновал Переселенческое управление, однако конкретных действий по нему не предпринималось.

На одном из докладов по внесенному МВД законопроекту об административном переустройстве Приморской области и острова Сахалин отмечалось, что "полевая культура никогда не получит на Камчатке первенствующего значения и не может служить исключительным источником существования населения" [35, л. 101]. На Камчатке предлагалось создать скотоводческую базу, которая бы позволила снабжать необходимыми продуктами весь регион: "развитие скотоводства на Камчатке дало бы возможность Южно-Уссурийскому и Амурскому краю получать мясо и прочие продукты животноводства не из Австралии, как теперь, а из Камчатки" [35, л. 101]. В.В. Перфильев, Комиссия по направлению законодательных предположений Третьей Государственной думы настаивали "на энергичных мерах привлечения сильных элементов переселенцев, как на Камчатке и Удском крае, так и на Сахалине, и в насаждении сельского хозяйства в тех его формах, которые будут соответствовать местным условиям" [35, л. 101]. Так складывалась ситуация не только на Камчатке. "Следует заметить, что все крестьянские селения, расположенные по реке Амуру вниз от г. Хабаровска на тысячу верст, совершенно не сеют хлеба; г. Николаевск тоже", – писал член совета ГУЗиЗ В.П. Михайлов [35, л. 4]. Материалы РГИА не сохранили примеров, в которых мнение камчатского губернатора (напомним, что Камчатка один из самых больших по площади регионов империи с 1856 по 1909 гг. не являлась самостоятельной административной единицей – авт.) сталкивалось с мнением начальника Амурской экспедиции Н.Л. Гондатти. Однако, развитие животноводства на южной части дальневосточной окраины [18] было более вероятно с точки зрения практической целесообразности, в силу развитой инфраструктуры, и заселенности этих территорий, а также в силу большей проработанности вопроса по итогам Амурской экспедиции.

Камчатская область, по сведениям ГУЗиЗ, имела 100–120 млн. десятин (от 109 млн. 250 тыс. до 131 млн. 100 тыс. га – авт.) земли и 7 тыс. жителей, преимущественно из числа коренных народностей. Добывающей промышленности область не имела. Из записки В.П. Михайлова: "Относительно Камчатки есть кое-какие отрывочные сведения, но в общем эта область совершенно еще не исследована и не известна... Камчатская область нуждается в систематическом исследовании... Говорить о колонизации этого края – еще рано... Заселение Камчатки возможно лишь при развитии там крупной добываю-

щей промышленности такой, которая могла бы иметь значение для мирового рынка, но такого развития не предвидится" [35, л. 25].

Несмотря на то, что "старожилое" население и переселенцы особо не занимались сельским хозяйством, они активно вели рыбный промысел, который к тому времени приобрел существенное значение на Дальнем Востоке. Предполагалось, что со временем "продукты лова пойдут по воде и железной дороге в Европейскую Россию". Часть продукции нашла бы покупателей в регионе, поскольку, "золотые прииски, привлекая массу рабочих, требуют большое количество хлебных и других грузов" [35, л. 5]. Следует отметить, что постоянного сообщения с приисками на тот момент установлено не было, отсутствовали телеграф, телефон, регулярная почта. В Приморской области на западе от Амура дела обстояли схожим образом, рыбный промысел стал вытеснять сельское хозяйство. "Крестьяне по Амуру занимались хлебопашеством еще не так давно и ловили рыбу кету в пределах своих потребностей. Но как только кета стала проникать на рынок и явилась предметом торговли – все Амурское население совершенно забросило сельское хозяйство и занялось исключительно ловлей и торговлей рыбой" [35, л. 11]. В низовьях Амура, по западному берегу Сахалина, с начала XX века было образовано до десяти переселенческих поселков. Жили здесь исключительно ловлей рыбы в целях её перепродажи, главным образом, японцам. Попыток наладить сельскохозяйственную деятельность не предпринималось. "Город Николаевск – центр Амурской рыбопромышленности, своих злаков не производит, хлебом питается из Благовещенска, а овощами – благодаря корейцам, великолепно возделывающим земли, признаваемые русским населением якобы непригодными для обработки" [35, л. 12]. В ведомстве понимали, что для колонизации свободных пространств, помимо пригодности земель для сельского хозяйства, необходима прочная экономическая база. Где-то нужно было размещать лишнюю рабочую силу, сбывать и приобретать продукты: "без такой базы наше крестьянство, вышедшее из условий чисто натурального хозяйства, существовать не может, а, следовательно, где ее нет – там и не может быть речи о колонизации. Поскольку эта экономическая база близка к населению и доступна, постольку свободнее совершается товарообмен и обращается личный труд, постольку успешнее идет дело колонизации" [35, л. 1].

Изучение правительственных мероприятий, направленных на развитие городов, не является задачей данной статьи. Сибирскими и дальневосточными учеными с начала 1990-х гг. этому направлению исторических исследований уделялось достаточное внимание, в XXI в. защищались кандидатские диссертации [15, 50, 17]. Города юга Дальнего Востока, с высоким для региона уровнем урбанизации, в рассматриваемый период развивались быстро, а КЗДВ и ГУЗиЗ уделяли внимание пустующим

территориям края, неосвоенным русскими переселенцами. Амурская область в отношении колонизации была малопривлекательна. Все ее сельское крестьянское население составляло 87 тыс. человек, с 1901 по 1909 гг. здесь было размещено всего 4 тыс. семей. Заселение шло вблизи Благовещенска, в низменности между реками Буреи и Зеей. Количество населения значительно уступало Приморской области. "Что такое из себя представляла Амурская область – никто в то время решительно не знал: мари, тундры, заболоченные лесные пространства, а местами непроходимые горы – вот общий абрис, приводивший всегда к выводу полной ее непригодности к колонизации" [35, л. 2]. Однако, по исследованиям, проведенным Переселенческим управлением, свободных земель, пригодных для русского переселенческого дела было много. Итоги этих изысканий, проведенных в 1909–1910 гг., стали достоянием гласности уже к 1913 г. и коснулись, прежде всего, флоры края [14], почвоведения [43], т.е. всего, что могло способствовать хозяйственной деятельности русских крестьян. В.П. Михайлов писал: "по своим личным впечатлениям... должен заключить, что колонизационная емкость Амурской области велика" [35, л. 2]. В Переселенческом управлении полагали, что колонизация края требует иного подхода, чем освоение и экономическое развитие других окраинах. "Нельзя забывать, что Амурская область – страна совершенно почти не заселенная, жизненного опыта имеет очень мало и по своим естественноисторическим условиям резко отличается не только от условий Европейской России, но и того материала, с которым оперировало до сих пор Переселенческое управление в Сибири" [35, л. 3].

Советский исследователь Л.Ф. Скляр писал: "История переселенческого движения в годы столыпинской аграрной реформы подводит итоги правительственных мероприятий по заселению окраин в предыдущие десятилетия" [41, с. 4]. Колонизации должен был предшествовать ряд серьезных подготовительных мер. Для заселения территорий нужно было их исследовать, выделить земли неудобные или ранее уже предоставленные в пользование местного инородческого и русского старожильческого населения, "нарезать" свободные участки. Производство межевых работ, перевозка и устройство переселенцев мероприятия дорогостоящие. Одной из самых сложных задач была подготовка участков: "Местному управлению надлежит предоставить особый технический состав (производителей работ и землемеров) для обследования и отграничения продаваемых участков; планы работ и сметы подлежат составлению и направлению в порядке, установленном в отношении переселенческого дела, и, наконец, руководство и заведывание продажей земель в центральном управлении должно быть объединено с переселенческим делом" [36, л. 8]. Вместе с подготовкой участков, планировалась постоянная организация топографической съемки, как писали чиновники "хотя бы в грубом масштабе" и изучение обла-

сти "во всех отношениях и, главным образом, агрономическом" [35, л. 3]. В ходе работы Амурской экспедиции (фактически по заказу правительства) это направление будет основательно исследовано, включая возможности мелиорации [42], правила ведения семенного хозяйства и перспективы выращивания злаковых культур [47]. "Не может возникнуть сомнений, что на какие бы прочные начала не было поставлено дело переселения на Дальний Восток сельских обывателей–землепашцев, вне широкого отвода казенных земель под культурные сельские хозяйства и различные промышленные предприятия, надлежащее экономическое развитие этой окраины, а следовательно, и прочное заселение ее, немислимо", – писал А.В. Кривошеин приамурскому генерал–губернатору П.Ф. Унтербергеру 17 февраля 1909 г. [36, л. 2].

В остальной части Приморской области, в междуречье Амура и Сунгари, отвод переселенческих участков проходил по долинам рек. По сведениям ГУЗиЗ земельный фонд здесь был почти исчерпан и колонизация этого края, с точки зрения сельскохозяйственной, становилась практически невозможной. КЗДВ рассматривал возможности предоставления земель в аренду и собственность. Это содействовало бы мобилизации земель, росту их ценности, изменению рынка труда. "Уплотнение населения весьма важно и в том отношении, что оно выделит из себя рабочую массу, необходимую для разного рода промышленных предприятий, развивающихся в крае" [35, л. 16]. Подробный анализ ситуации с частновладельческими землями был завершен к 1913 г. на основании материалов, собранных статистиком Амурской экспедиции А.А. Макаренко и ученым агрономом В.М. Василевским, а также сведений о частной земельной собственности в Амурской области, полученных их архива местного нотариата [49]. "Из мер содействия промышленному развитию Приамурья, особого внимания заслуживают предположения об облегчении условий долгосрочной аренды и продажи казенных земель" [36, л. 2]. В контексте мобилизации земельных ресурсов в отчете ГУЗиЗ отмечалось, что "все лучшие удобные земли занято с одной стороны казачье ведомство, а с другой – крестьяне в порядке прежних стадесятинных отводов" [35, л. 16–17]. При этом использование земель ведомство считало неэффективным: "В распоряжении Уссурийского казачьего войска находится сейчас обширная территория до 10 миллионов десятин (10 млн. 925 тыс. га – авт.), а увеличение казачьего населения идет очень медленно. Земля эксплуатируется личным трудом казаков слабо и сдается китайцам и корейцам в то время, когда предоставление казенных земель в аренду желтолицым воспрещено властью генерал–губернатора" [35, л. 17 об]. Отмечалось, что казачество при современном положении военного дела является анахронизм, а привилегии, которыми они пользуются, препятствуют заселению дальневосточной окраины. И все же упрекнуть правительство в волюнтаристском подходе к распределению земельного фонда

нельзя. В "Трудах Амурской экспедиции" ситуация с казачьими и крестьянскими землями региона рассматривалась на основании статистических материалов, собранных при проведении подворной переписи и составлении бюджетов казачьих и крестьянских хозяйств. Данные сводились в табличную форму [19], проводился комбинационный групповой и бюджетный подсчет результатов [20], полученные сведения анализировались и публиковались [21].

Наказной атаман Уссурийского казачьего войска Н.М. Чичагов в пику Переселенческому управлению, изымавшему казачьи земли, указывал на неудовлетворительный по своим качествам состав переселенцев. Для колонизации края "широкий наплыв в область малороссов менее желателен, а необходим прилив переселенцев великороссов из средних промышленных губерний Европейской России, как людей менее избалованных почвенными и климатическими условиями, чем малороссы, более энергичных и предприимчивых, поэтому имеющих возможность гораздо скорее, лучше и прочнее обосноваться в области, чем приходящие в край жители малороссийских губерний Европейской России" [37, л. 16].

Заселение побережья, по заключению ГУЗиЗ, являлось нежелательным, так как оно производило крайне невыгодное впечатление: бесплодные каменистые горы, покрытые слабой и мелкой лесной растительностью. Единственными удобными местами для поселений считались узкие речные долины, хотя отмечалось, что на многих прибрежных горах, расположенных ближе к Владивостоку, корейцы прекрасно выращивают огородные овощи и некоторые злаки. На этой территории колонизации мешала отчужденность населения от соседей и экономических центров: "отсутствие грунтовых дорог и слабое морское и речное сообщение препятствует водворению здесь русских крестьян" [35, л. 17–18]. В Объяснительной записке к проектам "Учреждения Министерства земледелия" и "Положения о местных его установлениях", представленным в Государственную думу в 1910 г. констатировалось: "одно лишь увеличение площади возделываемых земель не может само по себе привлечь к производительному труду не только излишка рабочих сил, но даже значительной части его. Как бы ни были расширены мелиоративные работы, до каких бы размеров ни возросло число устраиваемых на новых землях переселенцев, все же это принесло бы лишь временное улучшение" [22, с. 587]. ГУЗиЗ предлагало сосредоточиться на открытии показательных сельскохозяйственных станций и ферм: "в настоящее время имеется только одно опытное поле в Никольск-Уссурийске". Действительно впоследствии подобные станции будут открыты, однако существенной роли не сыграют. В документах КЗДВ подчеркивалось, что следует "обратить внимание на скотоводство" [35, л. 21].

Важной, но не первоочередной задачей являлась колонизация северной (русской) части Сахалина. В 1908 г. туда командировали исследовательскую экспедицию, а в 1909 г. партия топографов нарезала переселенческие участки. Все русское население было сосредоточено в 27 пунктах, из них только 13 имели вид крупных селений. На все 27 пунктов приходилось 710 домохозяев, а на 13 из них – 579. Численность населения русского Сахалина составляла 6 тыс. человек, из которых 2 тыс. – "инородцы" [35, л. 21 об]. "Все селения дают вид запустения, масса домов, заколоченных или брошенных на произвол судьбы; нигде не видно созидательной работы. По общему заявлению число старожилов уменьшается, а не увеличивается" [35, л. 22–23]. Несмотря на то, что переселенческую политику этого периода принято рассматривать в контексте аграрных преобразований в России, с точки зрения сельскохозяйственной колонизации Сахалин не рассматривался.

Из записки В.П. Михайлова: "Я совершенно уверенно могу сказать, что колонизация Сахалина хлеборобом при настоящих условиях – есть праздное дело. Совершенно иначе вопрос станет, если взглянуть на Сахалин с точки зрения разработки недр. Сахалин богат прекрасным каменным углем, присутствие нефти также не подлежит сомнению. Если горное дело пойдет, то колонизация будет обеспечена сама собою. Следовательно, все внимание правительства должно быть обращено на горное дело. Рыбное и лесное дело, по моему мнению, серьезного значения для Сахалина иметь не могут" [35, л. 24].

В.П. Михайлов подводил руководство Комитета (П.А. Столыпина) к мысли о том, что именно ГУЗиЗ должно возглавить колонизацию на Дальнем Востоке. Начать следовало с южной части окраины. "Так как на Главное управление землеустройства и земледелия возложена колонизация таких пространств, то вполне естественно, что это ведомство должно держать все нити управления и развития страны в своих руках, оно должно иметь авторитетный голос в разрешении всех вопросов, касающихся Приамурского края" [35, л. 59]. С изданием Основных законов 23 апреля 1906 г. взаимоотношения центральной власти и генерал-губернаторов, некогда полномочных решателей судеб вверенного им края, изменился. "Соответствующие решения царской администрации, даже в случае проведения их в чрезвычайно-указном порядке (ст. 87 Основных законов в редакции Свода законов), неизбежно подлежали утверждению законодательных палат" [12, с. 248]. Иными словами претворение в жизнь административных решений на окраинах требовало усиления правительственного влияния на местную власть. После 1906 г. по мнению авторитетного русского юриста Н.И. Лазаревского "непосредственное получение генерал-губернатором высочайших повелений от Государя, помимо министров, представляется юридически невозможным" [16, с. 208].

В.П. Михайлов доказывал П.А. Столыпину пагубность ситуации, когда управление в регионе подчинено генерал-губернаторам: "вся колонизационная политика Восточной окраины, крайне неопределенная и неустойчивая, постоянно колеблется и очень часто зависит от личного усмотрения того или другого лица, поставленного во главе управления краем". Центральное ведомство землеустройства и земледелия также стремилось "освободиться от управления окраиной и выполнения в ней серьезных задач государства" [35, л. 59 об.]. В итоге, вопросами колонизации ведал генерал-губернатор. От его решений зависело утверждение плана работ, изменение плана в течение года, надзор и общее руководство переселением. Осуществление этого надзора и распоряжения по колонизационным делам производились через Канцелярию генерал-губернатора. Несмотря на то, что в распоряжение "хозяина" края был откомандирован особый чиновник 5 класса при главноуправляющем землеустройством и земледелием – "колонизационным делом заведовал все-таки чиновник особых поручений генерал-губернатора, причем все доклады первого переделывались вторым" [35, л. 60].

Из представленных в КЗДВ материалов можно сделать вывод, что центральное управление, не отказываясь от руководящей роли, заведывание колонизацией и государственными имуществами было вынуждено передать высшей власти края. При П.А. Столыпине генерал-губернаторы потеряли "значительную долю своего статуса должностных лиц, непосредственно сносящихся с монархом, а в отношениях с министром внутренних дел приблизились к "простым" губернаторам" [12, с. 248]. Однако местные учреждения ГУЗиЗ не пользовались должным влиянием. Крестьянский поземельный банк, Главное управление по делам местного хозяйства, Межевое управление находились в подчинении других ведомств. В Объяснительной записке к проектам "Учреждения Министерства земледелия" и "Положения о местных его установлениях" 1910 г. отмечалось: "В исключительно неблагоприятные условия поставлены местные учреждения главного управления. В них замечается не только крайняя ограниченность по числу личного состава и недостаток специалистов и техников, но, в противоположность другим ведомствам, также отсутствие сколько-нибудьстройной и связанной организации на местах для осуществления лежащих на них обширных и крайне разнообразных задач" [22, с. 596]. Решения Комитета по заселению Дальнего Востока значили, конечно, больше, чем указания генерал-губернаторов, но фактически распорядительная власть осталась у опытных местных чиновников. С явным неудовольствием в отчете ГУЗиЗ делался вывод, что в связи с частой сменой генерал-губернаторов "политика, основанная на их личном усмотрении, подвергается резким колебаниям и не дает никакой прочности и устойчивости развитию промышленности в крае" [35, л. 60].

Ряд планируемых экономических мер, подразумевал введение особых протекционистских тарифов. Они должны были охранять дальневосточных области от поставок хлеба, муки и леса из Маньчжурии, с целью обеспечить перевозку продукции из Забайкалья, восточной Сибири и Алтая, содействовать развитию в пределах края мукомольного производства и лесных разработок. Рассматривалась возможность изменения для дальневосточных областей правил образования и аренды оброчных статей, взимания промысловых сборов и акциза. Третья Государственная дума по инициативе правительства фактически шла по пути усиления русского начала в дальневосточной торговле, отменялось порто-франко, но тарифы на ввоз техники и комплектующих сохранялись на низком уровне. Для решения вопросов и координации действий по скорейшей колонизации края на местах планировалось создание при губернаторах дальневосточных областей постоянных совещаний, назначаемых или избираемых из числа местного русского населения. Между тем в Третьей Думе отношение к перспективам введения органов самоуправления (как, например, земств в Сибири) на окраинах было отрицательным. Даже правительственные проекты, подробно обоснованные, в угоду националистам и прайвом, отправлялись на доработку, или оставались без движения [51, с. 201]. Реализация подобных начинаний становилась сферой ответственности властей на местах.

В условиях колонизации значение имеют не только экономическая поддержка или обеспечение новой техникой, но и культурно-просветительское развитие региона. В начале XX в., оно, впрочем, не вышло дальше предложений, которые вполне укладывались в русло государственной политики. Обер-прокурор Святейшего Синода С.М. Лукьянов представил проект возможной деятельности своего ведомства на колонизируемых территориях, особо отметил важность создания "на Дальнем Востоке того внутреннего уклада жизни, который действительно придает переселенцу облик русского человека" [34, л. 55]. С.М. Лукьянов ратовал за открытие церковно-приходских школ, увеличение окладов для привлечения "правоспособных" учителей. КЗДВ, вероятно, по инициативе министра народного просвещения признавал необходимым и открытие общеобразовательных учебных заведений, подготовку специалистов для школы. Статус окраины уравнивал Сибирь и Дальний Восток с национальными регионами империи. Так, обер-прокурор Синода запросил об отпуске из казны дополнительных 250 тыс. руб. на увеличение содержания учащимся и законоучителям церковно-приходских школ губерний и областей Сибири (вместе с Дальним Востоком), Средней Азии и Кавказа. Общая потребность по империи составляла, по мнению С.М. Лукьянова 774927 рублей [34, л. 61]. Расширялось влияние церкви, обер-прокурор предполагал открытие на Камчатке епархии [34, л. 64]. Необходимо пояснить, что формально Камчатская епархия существовала с 1840 г., однако в Петропавловске не было отдельной кафедры.

Самостоятельной епархия будет провозглашена 11 сентября 1922 г. Временным архиерейским Синодом Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ). Развитие православных приходов, по мнению С.М. Лукьянова, являлось неотложной задачей в колонизации дальневосточной окраины. Вместе со строительством храмов возникал вопрос о благоустройстве, хорошем богословском образовании и материальном обеспечении православного духовенства.

Правящие круги считали, что колонизация на востоке страны отличается от развития остальных областей России. Создание межведомственного Комитета по заселению Дальнего Востока служит примером особого подхода к делу развития региона. Вместе с тем, многие начинания 1909–1911 гг. можно характеризовать как следование сложившимся ещё в XIX в. традициям российской имперской политики. Схожие процессы наблюдались и в отношении других окраин страны, в частности, Кавказа [53]. Всеми ведомствами проводились активные действия к реализации намеченной КЗДВ программы. К сожалению, Комитет не успел просуществовать достаточное время. После смерти П.А. Столыпина, административные преобразования на Дальнем Востоке застопорились. Деятельность КЗДВ после 1911 г. была акцентирована на решения "желтого вопроса", важного, но не основного в развитии края. Это отчасти подтверждалось материалами, собранными по результатам работ Амурской экспедиции о местном японском, китайском [7] и корейском населении [28]. И все же, пока был жив Столыпин, а переселенческим вопросом занимался А.В. Кривошеин, КЗДВ вполне успешно вписывался в контекст реформ "сверху" в России начала XX в.

Особенностью русской колонизации на Дальнем Востоке была ставка на подготовленных, материально обеспеченных переселенцев. В правительственном проекте Правил "О переселении и землепользовании в Приморской области" отмечалось, что семьи переселенцев должны иметь "собственные средства на проезд и на домообзаводство (450 рублей на семью – авт.) при водворении в области" [37, л. 3]. При этом местные чиновники, и бюрократы ГУЗиЗ были единодушны во мнении, что качественный состав должен превалировать над количественным. Отсутствие конкуренции за землю со стороны коренного населения, масштабность переселения, способы организации, ранее не используемые в имперской практике, облегчали процесс русской колонизации. С разрешения МВД допускались к переселению семьи, не вполне отвечавшие условиям, с выдачей им денежных пособий. Хозяйство должно было вестись вне общины. Признавалось преимущество крестьянской, а не казачьей колонизации. Несмотря на то, что переселение осуществлялось в контексте аграрной реформы, Дальний Восток в перспективе рассматривался как ресурсная база страны. История русской колонизации Дальнего Востока на наш взгляд сегодня востребована государством и обществом. Завершить статью хотелось бы словами Президента России В.В. Путина: "Для России развитие Дальнего Востока является национальным приоритетом XXI века. Речь идёт о создании в регионе "территорий роста", масштабном освоении природных богатств и поддержке передовых высокотехнологических отраслей, об инвестициях в человеческий капитал, в образование и здравоохранение, в формирование конкурентных научно-исследовательских центров" [32].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А.И., Морозов Б.Н. Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в. – 1917 г.). М.: АН СССР, Институт истории СССР. 1989, 221, [3] с., [1] л. ил.
2. Арсеньев В.К. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901–1911 гг. Хабаровск: Типография штаба Приамурского военного округа, 1912. 324 с.
3. Базилевич М.Е. Строительное отделение и областная чертежная при Приморском генерал-губернаторстве (1884–1917 гг.) // Баландинские чтения. Новосибирск, 2014. С. 86–89.
4. Белоус Б.С. Хозяйственная деятельность японских иммигрантов на юге Дальнего Востока России и политика администрации Приамурского края: вторая половина XIX – начало XX вв.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.02 – Отечественная история. Иркутск, 2007. 247 с.
5. Высшие и центральные государственные учреждения России 1801–1917 гг. / Отв. сост. Д.И. Раскин. Т. 1: Высшие государственные учреждения. СПб.: Наука, 1998. 302 с.
6. Гондatti Н.Л., Романов В.Ф. Общий отчет Амурской экспедиции за 1910 год / Труды Командированной по Высочайшему повелению Амурской Экспедиции. Вып. 1. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1911. 288 с.: табл.
7. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье: отчет В.В. Граве (Уполномоченный Министерства иностранных дел) / Труды Командированной по Высочайшему повелению Амурской Экспедиции. Вып. 2. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1912. 489 с. [3] л.: табл., карт. Прил.: 1 л. карт. (сложенные в 9 л.).
8. Грум-Гржимайло Г.Е. Описание Амурской области / Под ред. П.П. Семенова. СПб.: Типолиитография С.Н. Николаева, 1894. 654 с.
9. Даттан А.В. Исторический очерк развития Приморской торговли. М.: Типография Т.И. Гаген, 1897. 192 с.
10. Демьяненко Н.А., Дятлова Л.А. Общий замысел Амурской экспедиции 1910 г. и краткий обзор её Трудов // Ойкумена. 2010. № 3. С. 7–28.

11. Железнодорожные посёлки Амурской области (от р. Зеи до Забайкалья) / Труды Командированной по Высочайшему повелению Амурской Экспедиции. Вып. 2. Т. VI. Хабаровск: Типография Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1912. 169 с.: табл.
12. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. В 2 т. Т. 1 / Под общей ред. В.В. Черкесова, науч. ред. тома Д.И. Луковская, Д.И. Раскин. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2001. 456 с.
13. Кауфман А.А. По новым местам (очерки и путевые заметки): 1901–1903. СПб.: Изд-во товарищества "Общественная польза", 1905. 353 с.
14. Короткий М.Ф. Очерк растительности Зейско-Бурейского района Амурской области: ботанические исследования 1910 года / Труды Командированной по Высочайшему повелению Амурской Экспедиции. Выпуск 16. Т. III. СПб.: Типография "Печатный Труд", 1912. 149 с.
15. Котляр Н.В. Российские общественные организации Дальнего Востока в конце XIX – начале XX вв.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.02 – Отечественная история. Владивосток, 2004. 283 с.
16. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. II: Административное право. Ч. 1: Органы управления. СПб.: Тип. АО "Слово", 1910. 276 с.
17. Ланкина Ю.С. Социокультурное развитие городов юга Приамурского генерал-губернаторства в 1884–1913 гг.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.02 – Отечественная история. Иркутск, 2016. 34 с.
18. Лемперт А.Я. Материалы по животноводству в Амурской области: отчёт зоотехнической партии экспедиции / Труды Командированной по Высочайшему повелению Амурской Экспедиции. Выпуск 7. Ч. 1. Тобольск: Типография Епархиального Братства, 1913. 155 с. [20] л. фотографии; таблицы.
19. Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области / Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской Экспедиции. Вып. 2. Т. I. Ч. 1. Поселенные таблицы. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912–1913. 1091 с.
20. Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области / Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской Экспедиции. Вып. 2. Т. I. Ч. 2. Комбинационные и групповые таблицы. Бюджеты. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912. 573 с. Приложения.
21. Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области / Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской Экспедиции. Вып. 2. Т. II. Ч. 2. Текстовая разработка. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1913. 616 с.
22. Министерская система в Российской империи: К 200-летию министерств в России / Отв. сост. Д.И. Раскин. М.: РОССПЭН, 2007. 920 с.
23. Митинский А.Н. Материалы по вопросу о снабжении Дальнего Востока сибирским хлебом и мясом: по данным обследования 1911 года / Труды Командированной по Высочайшему повелению Амурской Экспедиции. Приложение 1 к вып. 8. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912. 180 с.
24. Митинский А.Н. Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке / Труды Командированной по Высочайшему повелению Амурской Экспедиции. Вып. 8. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1911. 284 с.
25. Муров Г.Т. (Гантимуров Г.С.) По русскому Дальнему Востоку. Люди, их жизнь и нравы: [Дневник странника]. В 2-х томах. М.: Товарищество типографии А.Н. Мамонтова, Т. I. 1910. 485 с.; Т. II. 1911. 479 с.
26. Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2004. 372 с.
27. Нестерова Е.И. Китайцы в Приморье: некоторые аспекты социальной адаптации (конец XIX – начало XX вв.) // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток, 2000. С. 69–82.
28. Песоцкий В.Д. Корейский вопрос в Приамурье: отчёт поручика 1-го Сибирского стрелкового Его Величества полка В.Д. Песоцкого / Труды Командированной по Высочайшему повелению Амурской Экспедиции. Приложение к вып. 2. Хабаровск: Типография Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1913. 180 с.
29. Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60–90-е годы XIX века. Владивосток: ДВО РАН, 2000. 304 с.
30. Петров А.И. Корейская диаспора в России. 1897–1917 гг. Владивосток: ДВО РАН, 2001. 399 с.
31. Полное собрание законов Российской империи: Собрание III. Т. 26. Отд. I. С. 970–974.
URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (Дата обращения: 28.10.2017).
32. Путин В.В. XXV саммит АТЭС в Дананге: вместе к процветанию и гармоничному развитию // Официальный сайт Президента России, статья В.В. Путина от 08.11.2017.
URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56023> (Дата обращения 09.11.2017).
33. Пятков С.В. Место и значимость традиционного жилища переселенца в культурной среде крестьянской общины: (Приамурье, XIX – начала XX вв.) // Архитектура и градостроительство на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1985. С. 12–20.
34. РГИА. Ф. 394. Комитет по заселению Дальнего Востока. Оп. 1. Д. 3. Об очередных задачах деятельности Комитета и о доставлении последнему ведомствами сведений по вопросам законодательным, административным сметным, относящимся до заселения Дальнего Востока. 1909–1910 гг. 234 л.
35. РГИА. Ф. 394. Комитет по заселению Дальнего Востока. Оп. 1. Д. 11. Материалы по вопросам переселения и землеустройства на Дальнем Востоке. 1909–1914 гг. 426 л.
36. РГИА. Ф. 394. Комитет по заселению Дальнего Востока. Оп. 1. Д. 26. Об аренде и продаже казенных земель в Приамурском генерал-губернаторстве. 1910 г. 40 л.
37. РГИА. Ф. 394. Комитет по заселению Дальнего Востока. Оп. 1. Д. 66. Проект правил, справки, записки по вопросу переселенческого дела на Дальнем Востоке. 1906–1910 гг. 231 л.
38. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти 19 – начала 20 веков. Омск: Изд-во Омского государственного ун-та, 2004. 548 с.
39. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. / Отв. ред. И.В. Бестужев-Лада. М.: АН СССР, Институт социологии, 1990. 167 с.

40. Самойлов Н.А. Старовойтова Е.О., Ходяков М.В., Янченко Д.Г. Китайско–Восточная железная дорога – историческое наследие двух народов: перспективы изучения // Новейшая история России / Modern history of Russia. 2016. № 3 (17). С. 205–210.
41. Скляр Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1962. 588 с.
42. Стакле П.П. Задачи сельскохозяйственной гидротехники в Амурской области: [отчёт] начальника гидротехнической Партии Амурской Экспедиции инженер П. Стакле / Труды Командированной по Высочайшему повелению Амурской Экспедиции. Вып. 6. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1911. 48 с.
43. Томашевский И.И. Почвы юго–западной части Зейско–Буреинского Водораздела: отчёт И.И. Томашевского / Труды Командированной по Высочайшему повелению Амурской Экспедиции. Вып. 15. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912. 84 с.
44. Торопов А.А. К вопросу о миграции корейского населения на Дальнем Востоке России (1863–1916 гг.) // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ). Т. 1. 1996. С. 101–110.
45. Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1856–1898. СПб.: Всероссийское географическое общество, 1900. 324 с.
46. Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906–1910. СПб.: Всероссийское географическое общество, 1912. 428 с.
47. Углов В.А. О зерне пшеницы и ржи Уссурийского края и Амурской области в связи с химическим составом и анализом зерна вообще: [отчёт] врача из лаборатории Военно–Санитарного Учёного Комитета / Труды Командированной по Высочайшему повелению Амурской Экспедиции. Приложение к вып. 8. СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, 1913. 200 с.
48. Федеральный закон от 1 мая 2016 г. N119–ФЗ "Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации".
49. Частновладельческое хозяйство в Амурской области / Труды Командированной по Высочайшему повелению Амурской Экспедиции. Вып. 2. Т. III. СПб.: Типография редакции периодических изданий Министерства финансов, 1913. 306 с.
50. Щербина П.А. Условия жизни населения в городах Дальнего Востока России в конце XIX – начале XX вв.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.02 – Отечественная история. Владивосток, 2011. 173 с.
51. Янченко Д.Г. Бюджет и финансы в Государственной думе 1907–1912 гг.: от Балтики до Дальнего Востока. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 272 с.
52. Bakhmeteff Archive (BAR). General Ms Coll Kriger. Krivoshein: Correspondence Photocopies; Manuscripts. No list numbers.
53. Yanchenko D.G., Shorohov V.A. Caucasian Policy of the Imperial Branches of Power during the First Russian Revolution // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2017. Vol. 62. No. 4. P. 675–687.

© Д.Г. Янченко, Г.М. Слободзян, (d.yanchenko@spbu.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Санкт-Петербургский государственный университет

ОБУЧЕНИЕ ОСНОВАМ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНЫХ И СРЕДНИХ КЛАССОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

TRAINING IN BASICS OF LIFE SAFETY OF PUPILS OF INITIAL AND MIDDLE SCHOOL OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

A. Anchukov

Annotation

Article is devoted to studying of system of teaching the basics of life safety (BLS) at elementary and high schools of People's Republic of China. The analysis of legislative documents of the government of the People's Republic of China on improvement of teaching Fundamentals of Health and Safety in a historical retrospective is given, since 1996 when according to the decision of the government of the People's Republic of China "Day of safety" has been determined. For the analysis three administrative units of territorial division which are at the different levels of the qualifier of administrative zones depending on economic development have been chosen. Have been chosen Shenzhen the large coastal city with quickly developing economy entering the special economic zone, the city district Ordos (the city of "the third line") with the developing light industry and the county of Longhui with the low level of industrialization, the poor region of China. Authors have carried out the critical analysis of organizational and theoretico-methodical equipment of teaching Fundamentals of Health and Safety at elementary and high schools of the People's Republic of China. Not only achievements of the Chinese colleagues in the organization of safety of school students are noted, but also shortcomings are noted.

Keywords: basics of life safety, elementary school, high school of the first step, national economy, acts, methodical equipment, educational activity.

Анчуков Александр Сергеевич

Ст. преподаватель,

*Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная
академия им. А.Л. Штиглица*

Аннотация

Статья посвящена изучению системы преподавания основ безопасности жизнедеятельности (ОБЖ) в начальных и средних школах Китайской Народной Республики. Дается анализ законодательных документов правительства КНР по усовершенствованию преподавания ОБЖ в исторической ретроспективе, начиная с 1996 г., когда по решению правительства КНР был установлен "День безопасности". Для анализа были выбраны три административных единицы территориального деления, находящиеся на разных уровнях классификатора административных зон, в зависимости от экономического развития. Были выбраны г. Шеньчжень крупный прибрежный город с быстро развивающейся экономикой, входящий в особую экономическую зону, городской округ Ордос (город "третьей линии"), с развивающейся легкой промышленностью и уезд Лунхуй с низким уровнем индустриализации, бедный район Китая. Авторами осуществлен критический анализ организационного и теоретико-методического оснащения преподавания ОБЖ в начальных и средних школах КНР. Отмечены не только достижения китайских коллег в деле организации безопасности школьников, но отмечены и недостатки.

Ключевые слова:

Основы безопасности жизнедеятельности, начальная школа, средняя школа первой ступени, национальная экономика, законодательные акты, методическое оснащение, образовательная деятельность.

Система школьного образования в Китае делится на три ступени: начальная школа, средняя школа первой ступени (неполная средняя) и средняя школа второй ступени (полная средняя). Обучение в начальной и средней школе первой ступени входит в систему обязательного девятилетнего образования в Китае. Далее в тексте данный термин будет упоминаться как "китайская система начального и среднего школьного образования".

С девяностых годов XX столетия по мере развития китайской национальной экономической системы, характеризующейся положительной динамикой, правительство Китая стало внимательнее подходить к вопросам обуче-

ния основам безопасности жизнедеятельности (ОБЖ) учащихся начальной и средней школы страны. Начиная с 1996 года, согласно вынесенному правительством Китая решению, последний понедельник марта был установлен как "День безопасности" для учащихся начальных и средних классов. Целью правительства явилось повышение знаний относительно вопросов безопасности жизнедеятельности, практических умений и навыков безопасного поведения школьников в экстремальных ситуациях. В государственных документах КНР говорится о том, что в результате слаженной работы правительственных органов всех уровней, учреждений среднего образования, а также родителей по итогам проводимых на

протяжении многих лет мероприятий, посвященных "Дню безопасности", была достигнута положительная динамика, повысился уровень информированности учащихся и преподавателей начальной и средней школы в вопросах безопасного поведения. В то же время стала развиваться образовательная деятельность в сфере ОБЖ, повысился уровень безопасности на территориях учебных заведений.

Тем не менее в течение последних нескольких лет на территориях учебных заведений начального и среднего образования Китая были зафиксированы инциденты (имеются в виду случаи, связанные с вопросами обеспечения безопасности в образовательной сфере). Это породило ряд вопросов, касающихся положений в сфере преподавания ОБЖ учащимся начальных и средних классов. В настоящее время в стране проводится тщательная работа по изучению системы преподавания ОБЖ в начальной и средней школе, главным образом направленная на анализ психологического климата среди административных сотрудников учебного кампуса, детей подросткового возраста и их семей. Также исследуется немаловажная роль общества, образовательных учреждений и социального института семьи в области преподавания техники безопасности среди школьников начальных и средних классов. Наряду с этим реализуется изучение регламента, в соответствии с которым должна осуществляться образовательная деятельность по ОБЖ. Это связано с тем, что система преподавания основ безопасности учащимся школы устарела и перестала соответствовать требованиям современной образовательной системы.

Следует отметить, что в этой сфере наблюдается отнюдь не медленное развитие смежных областей науки, связанных с обучением основам безопасности, учащимся начальных и средних классов общеобразовательных учреждений Китая. В соответствии со статистическими данными, полученными в результате поиска по запросу "преподавание ОБЖ учащимся начальной и средней школы" на сайте "Национальной базы знаний Китая", выявлено, что в период с 1997 года по январь 2017 года количество научно-исследовательских работ студентов-магистрантов (в число которых входят только лучшие исследования) по вопросам преподавания ОБЖ учащимся начального и среднего школьного звена, а также докторских диссертаций не превышает 500 работ (в общей сложности 458 публикаций). Количество публикаций академической литературы (включая научные журналы, научные статьи и протоколы совещаний) с 2010 года находится в пределах 130–160 изданий в год, при этом количество статей в периоды до 2001 года и с 2001 по 2009 г города составляет менее десяти (Годовой статистический отчет).

Существует очевидная проблема несоответствия между системой преподавания ОБЖ для учащихся начальной и средней школы и уровнем развития национальной экономики отдельных районов Китая. В связи с этим в рамках исследований, касающихся вопросов обу-

чения технике безопасности в начальной и средней школах Китая, региональные различия социально-экономического развития представляют собой вопрос, требующий отдельного рассмотрения. Авторами настоящей статьи на основании показателей "классификации городов КНР" (в Китае, согласно уровню административного деления, социально-экономическим условиям и прочим факторам был составлен список из 400 городов по 10 комплексным коммерческим показателям. В основу анализа были взяты данные об уровне ВВП, средних доходах населения в расчете на одного человека; рассмотрено 211 учебных заведений высшего образования, 500 транснациональных корпораций, стратегические планы развития крупных компаний, изучены показатели пропускной способности аэропортов и количество международных авиасообщений) были выбраны город Шэньчжэнь (крупный прибрежный город "первой линии" с быстроразвивающейся экономикой, особая экономическая зона), городской округ Ордос (город "третьей линии" на территории Внутренней Монголии с превосходными инфраструктурными ресурсами, развивающейся легкой промышленностью) и уезд Лунхуй (расположен в западной части территории Китая, характеризуется низким уровнем индустриализации, бедный район Китая государственного значения).

"Уезд" является одной из территориально-административных единиц Китая, которая в иерархии располагается на ступень выше "города" и на одну ступень ниже "деревни". Административное образование Китая, где общая численность не занятого в сельском хозяйстве населения составляет менее 30% от общего числа жителей и не превышает 150 тысяч человек, не могут иметь статус города. Изучение вопроса, касающегося преподавания ОБЖ в начальной и средней школе, было проведено на основании данных, полученных в результате сравнительного анализа показателей трех представленных выше районов, обладающих характерными региональными различиями.

Система обучения основам техники безопасности в начальной и средней школе в городе Шэньчжэнь:

Нормативно-правовое регулирование и методика преподавания основ техники безопасности в начальной и средней школе города Шэньчжэнь. Город Шэньчжэнь обладает статусом особой экономической зоны, характеризуется бурным экономическим ростом, в связи с чем вопросам, касающимся образовательной деятельности учащихся начального и среднего школьного звена в области основ безопасности, стало довольно рано придаваться особое значение.

Помимо корректировки законодательства, а также законодательной политики провинции Гуандун по обучению основам техники безопасности учащихся начальной и средней школ (в соответствии с индивидуальной стратегией развития города Шэньчжэнь) городским правительством был разработан собственный курс развития, в соответствии с которым был принят и реализован ряд за-

конадательных актов. Нормативные акты в более строгом и детализированном порядке рассматривали положения, касающиеся вопросов преподавания ОБЖ в начальных и средних классах общеобразовательных учреждений.

Кроме того, Собранием народных представителей города Шэньчжэнь (городским муниципальным советом), правительством города Шэньчжэнь, Отделом народного образования, а также Управлением общественной безопасности был принят ряд нормативно-правовых актов в области политики обеспечения безопасности образовательных учреждений. В данных законодательных актах освещались и подвергались детальному рассмотрению положения, касающиеся обеспечения безопасности учебных кампусов и транспорта, противопожарной безопасности и многих других аспектов, предлагался комплекс мер для их реализации (Ч. Цзиньтин).

Основные положения нормативных документов и рабочих докладов, опубликованных Муниципальным правительством города Шэньчжэня и подведомственных ему органов:

1. Законодательные акты, регламентирующие образовательную деятельность по ОБЖ в начальной и средней школе.

30 декабря 2004 года Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей города Шэньчжэнь был принят закон о "Правилах обеспечения безопасности учебных заведений города Шэньчжэнь". В соответствии с 47 статьей законопроекта во вторую неделю каждого учебного семестра должен проводиться инструктаж учащихся по основам безопасного поведения. Учебное заведение должно проводить разнообразный комплекс мер, направленных на изучение школьниками основ техники безопасности. Все мероприятия необходимо осуществлять при поддержке соответствующих органов. Учебными заведениями как минимум один раз в семестр должны проводиться учебно-тренировочные занятия по отработке навыков при возникновении чрезвычайных ситуаций (Ч. Цзиньтин).

В 2006 году на заседании исполнительного комитета городского совета города Шэньчжэнь был принят к рассмотрению закон о "Временных мерах по обеспечению транспортной безопасности на школьных автобусах в городе Шэньчжэнь".

В 2008 году Городским отделом народного образования города Шэньчжэнь было издано уведомление, касающееся "специально разработанной для учебных заведений образовательной программы по основам пожарной безопасности", на основании которого в систему общего образования провинции были включены занятия по технике противопожарной безопасности. В положениях данного "уведомления" определялся порядок включения занятий по основам противопожарной безопасности в образовательную программу неполной средней и начальной школ. В учебный план в обязательном порядке входило не менее двух и не менее трех академических часов соответственно. Кроме того, были определены

обязательства по проведению учебно-тренировочных занятий по отработке навыков при возникновении чрезвычайных ситуаций не менее одного раза в семестр.

25 апреля 2012 года Надзорным органом по обеспечению противопожарной безопасности Муниципального управления общественной безопасности города Шэньчжэнь совместно с Городским отделом народного образования города Шэньчжэнь и другими многочисленными структурными единицами городского управления была выпущена серия учебных пособий по "Основам пожарной безопасности", которые стали своего рода экспериментальным учебно-методическим материалом для учащихся начальной и средней школы.

2. Педагогические основы методики и техническое оснащение, необходимые для реализации образовательной программы по ОБЖ.

В соответствии с "Планом обязательного девятилетнего образования в городе Шэньчжэнь" программа обучения ОБЖ и комплекс практических мероприятий были включены в образовательную систему и учебные планы школ. Городской отдел народного образования города Шэньчжэнь потребовал проведения "Дней безопасности", а также выделения недели, посвященной изучению основ безопасности. Все вышеперечисленные мероприятия должны проводиться в начале и конце каждого учебного семестра. Кроме того, в рамках изучения ОБЖ в начальных и средних классах общеобразовательных учреждений следует организовывать профилактические мероприятия в честь 12 Мая – дня, посвященного уменьшению опасности стихийных бедствий (учрежден в связи с землетрясением, произошедшим 12 мая 2008 года в провинции Сычуань, именуется как "Сычуаньское землетрясение"), а также Международного дня борьбы с наркотиками, отмечаемого 26 июня, ежегодного июньского "Месячника по охране труда и безопасности на производстве" и агитационно-пропагандистского месячника по "Обеспечению безопасности продовольственных товаров", проводимого во втором полугодии (Ч. Цзиньтин).

Что касается причастности различных административных структур к образовательной деятельности по основам техники безопасности, городской отдел народного образования города Шэньчжэнь совместно с подведомственными муниципальному правительству организациями проводит работу, направленную на развитие системы образования по ОБЖ. Примером тому является деятельность по изучению методов обеспечения безопасности в случаях возникновения опасных метеорологических явлений и процессов. Муниципальной метеорологической службой города Шэньчжэнь совместно с Управлением по чрезвычайным ситуациям и сейсмической безопасности проводятся учебно-тренировочные занятия по поведению в аварийных ситуациях, а также обучающие мероприятия по эвакуации из зон крупномасштабных землетрясений; совместно с Управлением по контролю и регулированию рыночной торговли реализуется обучение по технике безопасности в сфере продовольственных това-

ров; совместно с Муниципальной пожарной службой организуется преподавание основ противопожарной безопасности, а также комплекс мероприятий по предупреждению и тушению возгораний.

21 февраля 2012 года Муниципальное правительство города Шэньчжэнь инвестировало денежные средства в образовательную систему в рамках учебного курса по ОБЖ для учащихся начальных и средних классов общеобразовательных учреждений. Это действие совершено в целях расширения внешних связей, проведения различных мероприятий в рамках обучения основам безопасности, повышения уровня образования учащихся школ города Шэньчжэнь.

База образовательной программы по технике безопасности основана на принципах интерактивного взаимодействия человека с компьютером; моделирования условий возникновения опасных ситуаций, связанных с пожаром; разбора видеоматериалов, представляющих сценарии возникновения и развития чрезвычайных ситуаций; проведения эвакуационных учебно-тренировочных занятий и оттачивания навыков аварийного управления в случае возникновения чрезвычайных ситуаций. Учащиеся должны ознакомиться с методами предотвращения и тушения пожаров, правилами безопасного поведения в транспорте, нахождения в многоэтажных жилых и других типах высотных зданий, основами техники безопасности в случае возникновения сейсмических катастроф, метеорологических стихийных бедствий и других природных катаклизмов. Кроме того, в дополнение к основной учебной программе по ОБЖ учащиеся должны овладеть навыками оказания первой медицинской помощи при механических травмах в природных условиях, безопасной эвакуации с верхних уровней многоэтажных зданий; ознакомиться с методами безопасного поведения на воде и оказания необходимой медицинской помощи; получить информацию по безопасному использованию водных ресурсов; обучиться способам предотвращения чрезвычайных ситуаций в природных условиях.

Таким образом, на основании вышеизложенной информации можно заключить, что Шэньчжэнь, представляя собой город с быстрыми темпами развития национальной экономики, вместе с тем входит в регион, подверженный тайфунам и влиянию прочих стихийных бедствий.

Современное состояние и процесс реализации обучения технике безопасности в начальных и средних школах города Шэньчжэнь

1. Формы и способы реализации образовательной деятельности по основам безопасности в начальных и средних школах города Шэньчжэнь.

Формы преподавания ОБЖ в начальных и средних общеобразовательных школах города Шэньчжэнь включают формы специализированного, проникающего типа и т.д.

Под специализированной формой обучения технике безопасности в начальных и средних школах в основном

подразумевается специальный учебный курс, на котором осуществляется инструктаж по вопросам безопасности. При рассматриваемой форме образовательной деятельности во время аудиторных занятий проводится специальная теоретическая и практическая подготовка учеников начальных и средних классов, содержание учебного курса включает чтение лекций, отработку навыков по обеспечению безопасности и т.п. За счет специализированных методов обучения у учеников средней и начальной школы повышается осознание важности безопасности, а также совершенствуются способности к ее обеспечению. В настоящее время в 90% начальных и средних школ Шэньчжэня каждый семестр проводятся обязательный инструктаж на знание техники безопасности в общеобразовательном заведении и отработка соответствующих навыков. 73,53% школ регулярно приглашают работников транспортных, пожарных и других департаментов для наглядной демонстрации, инструктажа или проведения подготовки учеников по вопросам безопасности.

Под проникающей формой преподавания вопросов безопасности в основном подразумевается внедрение и вставка информации или сведений о технике безопасности в процессе обучения другим школьным предметам, призванная за счет взаимного влияния учебных курсов повысить у учеников начальных и средних классов осознание важности ОБЖ.

Как показывают исследования, методы проникающего обучения методам и способам обеспечения безопасности в начальных и средних школах Шэньчжэня в основном включают вставку сведений о технике безопасности во время уроков физкультуры и политики. Поскольку на уроках физкультуры довольно легко получить травму, в начальных и средних классах общеобразовательных учреждений Шэньчжэня обращают особое внимание на включение инструктажа по безопасности в этот учебный предмет, чтобы таким образом уменьшить вероятность возникновения несчастных случаев на уроке физкультуры.

Помимо двух вышеупомянутых форм образовательной деятельности в более 90% общеобразовательных школ Шэньчжэня расширение преподавания основ безопасности достигается за счет информации на досках объявлений и других способов распространения данных.

2. Распределение времени обучения ОБЖ в начальных и средних общеобразовательных школах города Шэньчжэнь

Согласно исследования, в начальных и средних школах Шэньчжэня распределение времени преподавания основ безопасности обычно производится на еженедельных собраниях класса. Например, инструктажи, занимающие не более 20 минут, составляют 46,41%, от 20 до 45 мин – 40,52%, более 45 мин – 13,07%, в результате продолжительность проведения 87% инструктажей по технике безопасности не дотягивает до стандартной продолжительности одного урока в Китае. Помимо этого, со-

держание инструктажей, проводимых на еженедельных собраниях, часто дублируется, такие методы и распределение времени делают обучение основам безопасности трудноосуществимым.

В процессе опроса на тему "в какое время проводить подготовку в сфере ОБЖ" 39,87% учеников ответили "после начала учебного года и перед каникулами", 27,78% учеников выбрали ответ "в период происшествия многочисленных несчастных случаев", остальные отметили вариант "на еженедельных собраниях". Из этого следует, что преподавание основ безопасности совершенно не имеет стандартизированной реализации.

3. Обстановка обучения основам безопасности в начальных и средних школах Шэньчжэня

Согласно исследованиям, 76,8% учеников заявили, что редко обращают внимание на информацию, касающуюся вопросов поддержания безопасности, которая представлена на досках объявлений в школах.

Что касается ситуации с практической отработкой техники безопасности в школьных заведениях, 58,17% учеников полагают, что она осуществляется вовсе не каждый семестр.

54,58% учеников считают обстановку образования в области безопасности "не интересной".

4. Педагоги, преподающие курс по технике безопасности в начальных и средних школах Шэньчжэня

С точки зрения административной системы в начальных и средних школах Шэньчжэня, главным лицом, отвечающим за преподавание предмета "ОБЖ", является директор учебного заведения. В некоторых школах установлена должность заместителя директора, который осуществляет общее руководство в этой сфере. В это же время реальным управлением занимается глава отдела политического воспитания, а классный руководитель (ответственное лицо, которое следит за каждым учеником класса в начальных и средних школах, направляет деятельность и мышление школьников, общается с их родителями, а также по совместительству преподает какой-либо предмет) и педагог курса реализуют обучение. Кроме того, начальные и средние школы Шэньчжэня также приглашают работников транспортных, пожарных и других департаментов для проведения инструктажей по технике безопасности. Однако в настоящее время в школах Шэньчжэня нет специального педагога, обучающего этому предмету.

Исследования показали, что в большинстве школ Шэньчжэня проведением уроков ОБЖ временно или по совместительству занимаются учителя других предметов. Так как данным предметом занимаются не профессиональные педагоги, знания и навыки учеников по обеспечению безопасности неполноценны, собственно образование не приводит к положительным результатам. К тому же Отдел народного образования города Шэньчжэня ежегодно проводит подготовку только тех учителей, которые отвечают за обучение технике безопасности в главных региональных школах и ведущих учебных заведениях

(китайские начальные и средние школы в соответствии с системой классификации по степени оснащенности учебными ресурсами, а также по показателям количества учащихся, перешедших в старшие классы, делятся на обычные и ведущие).

Большинство педагогов, отвечающих за педагогическую деятельность по вопросам безопасности, считают, что учебная нагрузка на преподавателя по его основному предмету довольно велика, а если проводить дополнительную подготовку педагога по ОБЖ, это может привести к определенным недовольствам и противоречивым чувствам, а также к невозможности достижения ожидаемых результатов.

Проблемы, возникающие при преподавании вопросов безопасности в начальных и средних школах Шэньчжэня

Все начальные и средние школы Шэньчжэня осознают важность и необходимость преподавания техники безопасности, разрабатывают и реализуют политику и мероприятия по данному вопросу. Данный предмет призван повысить у учеников осознание важности безопасности, а также расширить знания и навыки школьников по ее обеспечению. Однако поскольку система образования в сфере безопасности в современных начальных и средних школах Китая несовершенна, в школах города Шэньчжэнь в процессе реализации образовательной деятельности непременно возникают определенные трудности и проблемы, главные из которых выражаются в противоречиях между огромной ответственностью и ограниченными возможностями обучения школьников основам безопасности. Конкретно они проявляются в следующем:

◆ Чрезмерная формальность

Большинство мероприятий по технике безопасности проводятся в период наибольшей вероятности возникновения несчастных случаев, например, перед каникулами и после начала учебного года и организуются на классных собраниях, в школьных фотогазетах, а также с помощью других способов распространения информации. Исследования демонстрируют тот факт, что большинство учеников и преподавателей Шэньчжэня полагают, что преподавание основ безопасности лишено практической, конкретной информации. В условиях использования довольно небрежных педагогических методов трудно сказать, к каким результатам может привести подобная образовательная деятельность. К тому же довольно редко проводятся практические мероприятия, а даже если они и реализуются, то ограничиваются одной-двумя тренировками в день проведения инструктажа по методам обеспечения безопасности. Большое количество начальных и средних школ проводят мероприятия по основам безопасности, чтобы выдержать проверку вышестоящих административных органов, а если нет проверок, как правило, отсутствуют и подготовки. Такой способ обучения, направленный на прохождение проверок, не может привести к требуемому результату образовательной деятельности в области ОБЖ.

◆ Большое значение придается управлению вопросами безопасности, недооценивается подготовка в области техники как таковой; в то же время сохраняется пассивное отношение к проблемам обеспечения безопасности

Некоторые начальные и средние школы Шэньчжэня отнюдь не активно содействуют преподаванию основ безопасности, а, скорее, даже пассивно уклоняются от него. Чтобы предотвратить возникновение несчастных случаев, эти школы отменяют практические мероприятия, необходимые для школьников, но содержащие факторы риска, например, соревнования по стрельбе во время военной подготовки, весенние поездки за город, химические эксперименты и т.д. Это также является популярным способом решения проблем обеспечения безопасности в большинстве китайских начальных и средних школ.

◆ Нехватка преподавательских кадров при обучении технике безопасности

Расширение преподавательских кадров для проведения образовательной деятельности в сфере ОБЖ, при этом их несоответствие требованиям этой деятельности становится одним из ключевых факторов, сдерживающих развитие образования в области ОБЖ. В большинстве начальных и средних общеобразовательных школ Шэньчжэня работой по преподаванию основ безопасности по совместительству занимаются классный руководитель и преподаватель уроков политики. Этим педагогам не хватает специальных знаний в данной области, к тому же большая часть их времени и сил тратится на обучение школьников по основным предметам, а также на управление административными делами класса. В то же время учителя других дисциплин могут проводить консультации лишь по отдельным вопросам техники безопасности на своих уроках; транспортные и пожарные департаменты лишь раз в год отправляют сотрудников правоохранительных органов для проведения соответствующей подготовки.

Преподавание ОБЖ в городском округе Ордос

Ордос является классическим примером начавших развиваться в XXI веке средних и малых городов континентального Китая, которые появились вслед за экономическим развитием страны, сокращением сельского населения и основным процессом завершением урбанизации и индустриализации в начале XXI века.

Участие городского правительства Ордоса в обучении основам безопасности учащихся начальных и средних классов общеобразовательных учреждений

После Сычуаньского землетрясения 2008 года правительство Ордоса начало придавать большое значение безопасности начальных и средних общеобразовательных школ, а также работам по преподаванию методов обеспечения безопасности, к тому же оно утвердило "программу по технике безопасности школьных учреждений", основное содержание которой включает следующие пункты:

1. Начиная с 2009 года увеличить финансовые

вложения, сделать акцент на строительстве и реконструкции зданий учебных заведений и других инфраструктурных объектов.

2. Создать группу, занимающуюся вопросами безопасности школьных заведений, руководить которой будет Отдел народного образования, а директора всех начальных и средних школ станут ее членами; учредить механизм привлечения к ответственности за несчастные случаи в школьных учреждениях.

3. В сотрудничестве со службами безопасности усилить охранную деятельность окружающей школу территории.

4. Организовать курс преподавания основ безопасности. Отдел народного образования должен требовать от каждой школы обязательных еженедельных уроков по обучению технике безопасности. Организацией и реализацией педагогической деятельности занимается Отдел нравственного воспитания (в китайских начальных и средних школах отдел, отвечающий за нравственное воспитание учеников, а также контролирующий условия работы учителей на уроках). Отдел проводит регулярную подготовку классных руководителей по вопросам обеспечения безопасности, при этом нерегулярные инструктажи учителей и учеников. Каждый семестр вышеупомянутый Отдел организует тренировочные мероприятия, моделирующие действия школьников при крупном землетрясении или пожаре. Помимо этого, необходимо, чтобы Отделы нравственного воспитания каждой школы или руководители каждого класса на регулярной или нерегулярной основе проводили родительские собрания, также следует проводить инструктаж родителей по всем вопросам безопасности (Г. Цзюньжу).

В сравнении с деятельностью правительства города Шэньчжэнь, в Ордосе не проводятся работы на уровне законодательной политики, практическая деятельность представляет собой временные и нерегулярные "правительственные программы", в содержании этих программ также имеет место недостаточное понимание проблемы подготовки в сфере ОБЖ.

Современное состояние и проблемы обучения методам обеспечения безопасности в начальных и средних общеобразовательных школах Ордоса

1. *Формальные методы преподавания основ безопасности*

Как и в Шэньчжэне, в начальных и средних школах Ордоса инструктаж по технике безопасности обычно проводится 26 марта или в период около этой даты. Ежегодная близость инструктажа к указанному числу объясняется необходимостью подготовки к проверке Отдела безопасности Департамента народного образования и других различных органов. В расписании учебных занятий каждую неделю числятся уроки безопасности, однако в реальности во время классных собраний проводятся экзамены по другим предметам.

На классных собраниях, предназначенных для обуче-

ния ОБЖ, лишь иногда речь заходит об информации, касающейся техники безопасности.

В каждой школе существуют учебные материалы по данной теме, но большая их часть стоит нетронутыми на полках, позволяя учебному заведению пройти те или иные проверки.

В каждой школе должны проводиться мероприятия, обучающие поведению в экстренных ситуациях, однако большая их часть остается лишь на бумаге. Также проводятся тренировки по методам обеспечения безопасности, но по большей части для того, чтобы сделать несколько фотографий и вложить их в архивные документы, которые предоставляются Отделу народного образования во время ежегодных проверок (Г. Цзюньжу).

2. Ограниченное содержание дисциплин, связанных с вопросами ОБЖ

Не только в Ордосе, но и в большинстве китайских городов содержание обучения технике безопасности в начальных и средних школах затрагивает лишь вопросы транспортной и пожарной безопасности, а также гигиены питания.

Когда в начальных и средних школах Ордоса наступает ежегодный "День безопасности", содержание образовательной программы становится таким, какого требуют высшие руководящие органы. В случае если в некоторой школе, в определенном районе городского округа возникла потенциально опасная ситуация или произошел крупный несчастный случай, органы безопасности всех инстанций находятся в напряжении несколько дней. В такие периоды содержание курса по основам безопасности имеет целенаправленный характер и акцентируется на обстоятельствах возникновения экстренных ситуаций (Г. Цзюньжу).

3. Нехватка преподавателей для подготовки в области ОБЖ

В начальных и средних общеобразовательных школах Ордоса практически нет профессиональных педагогов по технике безопасности, школы лишь формально учреждают должность учителя по ОБЖ, но в реальности ее совмещают руководители других предметов. Такие номинальные педагоги по технике ОБЖ не только должны проходить проверки вышестоящего руководства в "День безопасности", но также становятся объектами исследований в случае возникновения несчастных случаев. К тому же изначально на учителях лежит довольно высокая нагрузка по основной должности, в итоге все указанные факторы приводят к невысокой активности и инициативности учителей по отношению к урокам безопасности.

Особенности преподавания вопросов безопасности в начальных и средних школах уезда Лунхуэй

В начальных и средних китайских школах обучение методам обеспечения безопасности в вопросах условий реализации, степени контроля и по уровню значимости имеет сильный "городской уклон". Что касается административных единиц низших уровней, таких, как уезды и деревни, здесь работы по подготовке в области безопас-

ности, как правило, вовсе игнорируются. Уезд Лунхуэй находится в одном из бедных районов Китая и имеет в своем владении множество бедных деревень. По сообщениям средств массовой информации, с 2012 по 2015 год в местных начальных и средних общеобразовательных школах произошло 6 несчастных случаев, повлекших смерть более одного человека; среди них больше половины инцидентов произошло в деревенских школах, подчиняющихся уездному управлению.

В отличие от города, в начальных и средних школах Лунхуэя обучение технике безопасности контролируется не уездным управлением, а самой школой.

Далее обрисовано состояние реализации преподавания основ безопасности в начальных и средних школах уезда Лунхуэй, полученное в результате анализа работы "Исследование образования в области ОБЖ в начальных и средних школах деревень уезда Лунхуэй", написанной студентом Юньнаньского университета Ло Фэньхуа.

В уезде Лунхуэй существует нехватка преподавательских кадров, в то же время вовсе отсутствуют профессиональные педагоги по основам безопасности. Кроме того, обычно один учитель вынужден вести несколько предметов, некоторые педагоги совмещают должность классного руководителя. Указанное исследование показало, что в уезде Лунхуэй учителя, совмещающие должность классного руководителя, составляют 67,3% от общего числа педагогов Л. Фэньхуа.

Согласно данным исследования, ученики, реальными опекунами которых являются родители, составляют лишь 17,8%; семьи большинства школьников работают в других регионах, при этом дети зачастую живут со старыми и больными родственниками. В результате этого ответственность за обучение школьников вопросам безопасности по большей части лежит на классных руководителях (Ш. Чжэнган).

Преподаватели в уезде Лунхуэй довольно молодые: учителя в возрасте от 20 до 30 лет составляют 46,4% от общего числа; преподаватели, возраст которых менее 35 лет, – 73,6%. Так можно сделать вывод, что большинство педагогов средних и начальных школ в деревнях – это молодые специалисты, недавно окончившие учебные заведения. Юные учителя вследствие относительно небольшого жизненного опыта не до конца осознают важность изучения вопросов безопасности; к тому же им не хватает знаний и навыков в области ОБЖ – все это вносит определенные проблемы в реализацию образовательной деятельности в этой сфере в начальных и средних деревенских школах.

Среди всех педагогов учителя, прошедшие подготовку по вопросам безопасного поведения, составляют лишь 7,3%. Практически все работники образования в уезде Лунхуэй являются направленными в деревню практикантами педагогических учебных заведений: после прохождения практики все молодые специалисты возвращаются преподавать в город, но не остаются в уезде (Л. Фэньхуа).

Согласно результатам опроса "Какой день в Китае является Днем безопасности", лишь 2,2% учеников и 12,7% преподавателей дали правильный ответ. Таким образом уже давно предусмотренная китайским правительством образовательная деятельность в сфере ОБЖ практически не реализуется в деревенских школах. Большинство учеников начальных и средних классов общеобразовательных учреждений не знают о существовании такой даты, как День безопасности. В то же время большое количество педагогов даже не слышали о ней. Это свидетельствует о том, что преподавание основ безопасности в деревенских школах не получает должного внимания.

Система преподавания ОБЖ в начальных и средних общеобразовательных школах уезда Лунхуэй в целом существует лишь формально: как правило, после крупного несчастного случая по школьному радиовещанию классных руководителей просят провести для школьников инструктаж по технике безопасности (при условии, что учителя знают, как его провести). В большинстве ситуаций педагоги лишь сообщают ученикам о запрете каких-либо действий, но не информируют о том, что нужно делать при столкновении с определенной ситуацией. Дождавшись, когда обсуждение подробностей несчастного случая затихнет в обществе, учебные заведения считают работы по образовательной деятельности в области ОБЖ выполненными (Л. Фэньхуа).

В целом, преподавание вопросов безопасности в начальных и средних общеобразовательных школах Китая постепенно получает внимание в некоторых экономически развитых регионах, а также последовательно распространяется на примыкающие к городам районы. Однако при осуществлении педагогической деятельности в сфере безопасности в начальных и средних школах по-прежнему сохраняется ряд проблем.

Что касается степени значимости, ОБЖ не является предметом, по которому в Китае сдаются экзамены, в то

же время современное китайское образование представляет собой систему, полностью ориентированную на сдачу экзаменов. Таким образом, по степени значимости преподавание основ техники безопасности неизбежно стоит ниже, чем обучение по основным экзаменационным предметам.

Говоря о преподавательских кадрах, можно заключить, что современные китайские школы способны лишь провести подготовку педагогов тех или иных предметов в области основ безопасности, однако не могут воспитать профессиональный учительский состав в этой сфере. Это связано с кадровой системой китайских школ: административный разряд учителей китайских государственных начальных и средних школ соответствует государственному служащему, к тому же, чтобы работать учителем, необходимо сдать экзамен для получения государственной преподавательской лицензии. Работники школы – это четко зафиксированная структура, при приеме на работу учителей необходимо подтверждение Отдела народного образования и утверждение местного бюджета, поэтому школы не обладают достаточной свободой в вопросах набора педагогов, в большей степени стремясь к набору учителей по экзаменационным предметам. Все эти факторы являются важными причинами, препятствующими приему профессиональных педагогов по технике безопасности в китайские начальные и средние школы. Также по этой причине при реализации данной образовательной деятельности школы должны объединяться с полицейскими, пожарными и другими специальными отделами, что в свою очередь приводит к повышенной стандартизации и ограниченности методов преподавания основ безопасности в начальных и средних школах Китая.

Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что проблема неравномерного регионального развития образовательной деятельности в сфере ОБЖ в китайских начальных и средних школах вызвана неравномерным экономическим развитием регионов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Годовой статистический справочник китайского образования. Издательство "Народное просвещение". Отдел по планированию развития Министерства образования КНР. – 2011. (中国教育统计年鉴 人民教育出版社 教育部发展规划司2011).
2. Гу Цзюньжу. Современная обстановка обучения технике безопасности в начальной и средней школе городского округа Ордос. Педагогический университет Внутренней Монголии. – 2013. (鄂尔多斯市中小学安全教育的现状 贾俊如内蒙古师范大学2013).
3. Ло Фэньхуа. Исследование образования в области ОБЖ в начальных и средних школах деревень уезда Лунхуэй. Юньнаньский университет. – 2016. (隆回县农村中小学安全教育现状调查 罗芬华云南大学 2016).
4. Чэн Цзиньтин. Исследование вопросов образования в области безопасности в начальных школах Шэнчжэня и методов их решения. Харбинский политехнический университет. – 2014. (深圳市中小学安全教育问题与对策研究 程锦廷哈尔滨工业大学 2014).
5. Ши Чжэнган. Безопасность и обучение детей, оставшихся без родительского надзора в деревне. Издательство Университета Ляньчжоу. – 2009. (农村留守儿童安全与教育史正刚兰州大学出版社 2009).

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЭПОХУ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

ART EDUCATION DURING THE ERA OF MULTIMEDIA TECHNOLOGIES

S. Anchukov
Wang Ye

Annotation

In article art creativity and development of art is considered in close interrelation with progress in area of information and communication technologies. Formation and promoting of new media have changed a way of life of people, having brought mankind into an unprecedented digital era. In this regard the existing forms and methods of art creativity have also undergone changes: borders of art and "not art" have gradually begun to be erased while works of art have received richer contents. After rapid development of digital art art education has faced unknown calls. Workers of art education have to introduce in pedagogical activity of feature of art of new media and also carry out curriculum development, apply innovative approaches and consolidate pedagogical collectives.

Keywords: new media, art education, methods of art creativity, basic changes.

Анчуков Сергей Васильевич

Д.п.н., профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

Ван Е

Аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

Аннотация

В статье художественное творчество и развитие искусства рассматривается в тесной взаимосвязи с прогрессом в области информационно-коммуникационных технологий. Становление и популяризация новых медиа изменили образ жизни людей, приведя человечество в беспрецедентную цифровую эпоху. В связи с этим существующие формы и методы художественного творчества также претерпели изменения: границы искусства и "неискусства" постепенно начали стираться, в то время как художественные произведения получили более богатое содержание. Вслед за бурным развитием цифрового искусства художественное образование столкнулось с небывальными вызовами. Работники художественного образования должны привносить в педагогическую деятельность особенности искусства новых медиа, а также проводить разработку учебных программ, применять инновационные подходы и консолидировать педагогические коллективы.

Ключевые слова:

Новые медиа, художественное образование, методы художественного творчества, коренные изменения.

Процесс развития распространения информации цивилизации – это история эволюции человеческого существования, научного прогресса и развития производства. В соответствии с историческим контекстом возникновения и развития информационно-коммуникационных технологий можно разделить деятельность человека по передаче информации на несколько этапов становления: эпоха устного изложения данных, эра письменной трансляции сведений, период печатной и впоследствии электронной передачи информации. Анализ данного процесса ярко демонстрирует инициативу и свободу человека в распространении данных, а также следование ходу научного и культурного прогресса. Сегодня же цивилизация вступает в новую эпоху передачи информации, т.е. эпоху цифровых технологий и мультимедийных средств коммуникации.

Новые медиа обладают яркими характеристиками, отличающими их от традиционных средств передачи ин-

формации. Во-первых, они основаны на цифровых технологиях, принеся формальные коренные перемены в сферу средств коммуникации. Американский информатик греческого происхождения Николас Негропonte (1943 г. рожд.) назвал эпоху их появления "эрой бита". Бит ""не имеет цвета, размера или веса, но способен распространяться со скоростью света". (N. Negroponte, 1995) Во-вторых, мультимедийные технологии развеяли границы традиционных средств передачи информации и коммуникации. Когда все информационные носители стали цифровыми, люди осознали, что "биты без малейших усилий смешиваются друг с другом, могут одновременно или по отдельности многократно использоваться". В то же время возможно "рождение новой формы бита – подобные единицы информации способны сообщать сведения о других битах". (N. Negroponte, 1995) Смешение битов и биты, несущие информацию о других единицах, привели к коренным изменениям мира медиа. Это произошло потому, что бит может реализовывать "сво-

бодный поток информации", в результате чего временные и пространственные границы распространения данных и коммуникации были ослаблены. В-третьих, новые медиа – это индивидуализированные средства передачи информации в истинном смысле слова. Американский журнал *Wired* ("Подключенный по Ethernet") дал следующее определение новым медиа: "Распространение информации всеми обо всех".

Широкое использование новых мультимедийных средств изменило образ жизни людей, сформировав новую культуру. Эта культура оказала глубокое влияние на сферу искусства и художественного образования.

1. *Коренные изменения, привнесенные новыми медиа в область искусства*

Новые медиа стерли пространственные и временные границы традиционных средств передачи информации, а также изменили формы существования искусства. Художественное познание, выражение и распространение испытали на себе влияние новых медиа. Художественное выражение получило большую активность, например, люди получили возможность проводить сращение, копирование и дублирование уже законченных произведений искусства, создавая новый художественный опыт. В то же время стала возможной публикация незавершенных работ в Интернете с дальнейшим их окончанием в сотрудничестве с другими пользователями. Искусство начало все больше походить на игру, каждый приобрел шанс проводить художественное творчество и распространение произведений, а также создавать собственное "[виртуальное] художественное пространство", позволяющее легко общаться с другими людьми.

1) Рождение нового медиа-искусства

Известный китайский ученый господин Ли Чжэндао (1926 г.р., лауреат Нобелевской премии по физике в 1957 г.), рассуждая о взаимоотношениях между наукой и искусством, отметил: "В действительности это напоминает две стороны монеты: наука и искусство рождены высшим уровнем человеческой деятельности, они добиваются глубинного, всеобъемлющего, вневременного характера и богатого содержания". (Ли Чжэндао, 2000) Люди используют научно-технические носители для выражения эмоций и чувств представителей каждой эпохи, кроме того, непрерывно продолжают открывать и создавать разнообразные материалы в качестве художественного носителя. Именно поэтому сложилось богатство цветов, мелодичные мотивы и многогранные формы. Искусство в постоянном стремлении к обогащению выражения материальных носителей создает жизнь и судьбу.

Сегодня художественное творчество и распространение искусства основывается на новых переменных, привнесенных новыми мультимедийными технологиями.

Идеальное сочетание новых медиа и искусства привело к тому, что художественное выражение получило возможность использования большего количества научных и технических средств, сфера искусства приобрела широкий контекст, в результате чего сложились новые художественные формы. В этом и заключается расцвет искусства новых медиа, которое вне зависимости от творческих методов или тематического выражения демонстрирует плюральный и популярный характер. В связи с тем, что его технологической базой выступают новые средства передачи информации и коммуникации, его характеристиками стали все черты, присущие биту: способность смешения, копирования и скоростной передачи. В то же время с развитием технологий большее число научно-технических средств принесло импульс развитию искусства, таким образом, возникло множество новых методов художественного выражения.

2) Коренные изменения в художественной эстетике

Глубинные изменения в художественной сфере проявляются не только на научно-техническом уровне, но в определенной степени подрывают традиционную эстетику. Немецкий философ, теоретик культуры Вальтер Беньямин (1892 – 1940) в сочинении "Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости" заключил, что копирование художественных работ подрывало блеск искусства, массовые дубликаты заменили уникальные шедевры (В. Беньямин, 2001). Художественная ценность произведений, их уникальный характер, которые прежде имели основное значение, были уничтожены, в результате чего изменились социальные функции искусства. База искусства от обряда и церемонии переместилась к политике.

Немецкий философ Теодор Адорно (1903 – 1969) в труде "Эстетическая теория" (Т. Адорно, 1998) коснулся вопроса иллюзорности, отметив, что иллюзия с точки зрения формы выражает ложность искусства. В результате утрата визуального основания, а также обработка множества визуальных изображений с помощью компьютерного программного обеспечения приводят к нереальным "призрачным образам" (Т. Адорно, 1998). Так происходит потеря контакта со временем и реальностью, традиционные визуальные образы посредством научно-технических методов становятся виртуальными, при этом сочетании науки, техники и искусства вызывает рождение новой эстетики. Произведение искусства является продуктом воображения творца, метафорический и символический характер художественных работ становится все более явным, при этом они в значительной степени отдаляются от объективного мира. Авторы оставляют зрителям широкое пространство "воссоздания", при этом судьба произведения определяется индивидуальным жизненным опытом ценителей искусства. "В процессе художественного творчества и рассмотрения работ реша-

ющее значение имеет стиль, все дальше отдаляющийся от объективного мира, демонстрирующий презрение и отвращение современной эстетики к вопросам объективных стандартов красоты" (Гао Сюаньян). Исчезновение границ искусства и "неискусства".

В начале XX века такие движения, как футуризм, дадаизм, сюрреализм и "крайне левый" авангард выдвинули отказ от воспроизводимости в искусстве, в результате чего в этой сфере произошли сильные потрясения. Сегодня в условиях широкого использования новых медиа люди с помощью щелчка мыши могут провести мгновенные операции копирования и распространения данных. Эти возможности вновь вызвали глубокие изменения в области искусства: художественное выражение стало более разнообразным, исчезли границы между искусством и "неискусством".

К примеру, постмодернистская теория подчеркивает, что "рубеж между искусством и повседневной жизнью стерся, четкие различия между высокой и массовой популярной культурой исчезли, общие стили и игровые коды смешались" (М. Фетерстон, 2000). Искусство больше не имеет вечной и благородной ценности, оно может появиться в любое время, в любом пространстве, в любом виде – равенство художественного выражения придает содержанию произведений неограниченное расширение. Благодаря сочетанию и наложению различных художественных символов, посредством разнообразных приемов оно появляется на различных носителях. После того, как традиционные границы искусства были нарушены, люди удивленно обнаружили, что оно способно соединяться с различными научными дисциплинами, в результате чего возможно появление бесчисленного множества художественных сфер. Таким образом, искусство широко распространилось во внешние области. Новые мультимедийные технологии подарили развитию искусства удивительные перемены, расширили творческие темы, изменили способы выражения, придав ему такие характеристики, как цифрация, информатизация и виртуализация. Этот поворот не только привел к распространению и расширению сферы искусства, но также принес значительные вызовы художественному образованию.

2. Вызовы в сфере художественного образования в эпоху новых медиа

1) Вызовы, которые приносят сфере художественного образования междисциплинарные и кросс-медиа характеристики искусства в условиях новых мультимедийных технологий.

Междисциплинарные и кросс-медиа характеристики искусства в условиях новых мультимедийных технологий расширяют содержание художественного образования. Прежде всего, расширяются творческие темы. Новые

медиа позволяют людям получить новый опыт общественной жизни, в дополнение к реальному миру виртуальная действительность также способна приобрести реальную художественную жизнь. В то же время посредством наложения и объединения различных художественных символов происходит образование новых произведений искусства. Кроме того, сотрудничество в междисциплинарных направлениях становится беспрецедентно обширным, при этом интеграция искусства и таких наук, как, например, математика, строительство машин и т.д. непрерывно увеличивает область художественного выражения. Далее, изменения в сфере творческих приемов, переход новых мультимедийных технологий от вспомогательных средств к основному методу художественного творчества, приводит к тому, что многие художники завершают свои произведения не на мольбертах в студии, но выполняют их с использованием различного программного обеспечения на компьютере или мобильном телефоне.

Творцы в условиях главенства новых мультимедийных технологий должны заново постигать мир, применять разнообразные средства коммуникации и распространения информации для проявления эмоций. Перемены в художественном выражении требуют от педагогов искусства размышлений над тем, как научить студентов использовать и объединять различные мультимедийные технологии, творчески выражать свои мысли и чувства. Таким образом, работники сферы художественного образования должны отвечать на вызов множественной структуры научного знания, выходящего за рамки той или иной академической отрасли, умело использовать программное и аппаратное обеспечение, а также разнообразные творческие инструменты.

2) Вызовы, которые способствуют переменам во взаимоотношениях педагога и студента в сфере образования в условиях новых мультимедийных технологий.

Новые медиа не только изменяют художественное творчество, но также вызывают перемены в концепциях художественного образования, ставя под удар прежние учебные модели. Во-первых, отношения между преподавателями и студентами претерпевают исторические преобразования. Преподаватели перестают быть единственным источником знаний для студентов, студенты посредством новых мультимедийных технологий могут найти необходимую им информацию. Так, авторитет педагога в области знаний ослабляется, в результате чего преподаватели из лидера класса превращаются в ведомого, а студенты из пассивного слушателя – в активного участника.

Во-вторых, изменяется взаимодействие между преподавателями и студентами. Традиционное обучение предполагает проведение курса лекций преподавателем

и линейное распространение информации среди студентов, слушающих курс. В новых условиях обмен и сотрудничество становятся ключевыми понятиями преподавания, обучение начинает строиться на всеохватывающем взаимодействии педагогов и студентов, а также на применении новых образовательных моделей. Различная структура знаний преподавателей и студентов позволяет на основании принципа сотрудничества реализовывать междисциплинарное художественное творчество. Педагогическая команда в процессе обмена и сотрудничества организует построение знания, на базе максимального взаимодействия реализует творческие решения, интерпретирует и передает чувства и художественные символы, при этом преподаватели и студенты растут вместе в условиях подобной интерактивности.

В то же время художественное творчество в условиях новых медиа больше не зависит от профессионального оборудования, а выставки работ не полагаются на профессиональные площадки. Тенденция популяризации искусства привела к быстрому увеличению числа художественных произведений, при этом границы элитарной и популярной, массовой культуры и контркультуры стали размытыми, художественный стиль утратил свою четкость, в результате чего сформировалась плюральная художественная обстановка. Прежние стандартизированные оценки явно перестали соответствовать плюральной художественной обстановке, поэтому критерии образования в сфере искусства также подверглись изменениям. Традиционные стандартизированные показатели стали индивидуализированными, а наиболее важными для осмысления факторами педагогической деятельности стали активность, креативность, дух сотрудничества, инициативность в творческом обмене и т.д. Художественное образование начало уделять больше внимания процессу, а не конечным результатам. Несомненно, каким образом строить систему художественных оценок, отвечающую новым условиям – это новый вопрос, требующий исследования со стороны деятелей образования.

3. Размышления о художественном образовании в эпоху мультимедийных технологий

Новые медиа принесли как вызовы, так и возможности в сфере художественного образования, поэтому преподаватели должны проводить изменения и обновления педагогических концепций.

1) Построение системы художественного образования, способствующей развитию талантов

Искусство и научно-технический прогресс тесно связаны между собой: они следуют развитию культуры и производственной деятельности человека, являются носителем неограниченного творческого потенциала, квинтэссенцией мудрости цивилизации. Наука сосредоточена

на исследовании внешнего мира, в то время как искусство сфокусировано на культивации внутреннего начала. Развитие искусства демонстрирует эволюцию науки и техники, которая в свою очередь содействует дальнейшему становлению искусства. "Прогресс в одной области определенно влияет на другую область. Чтобы понять художественные процессы следует обратиться к науке; чтобы предугадать развитие научно-технической мысли следует лишь взглянуть на искусство – и все станет понятно" (А.К. Сухотин, 1986). Происходит непрерывная интеграция науки и искусства, обмен последними результатами развития, при этом сфера науки и техники ничем не ограничена. В зависимости от характеристик художественной интерактивности в условиях развития новых медиа учебные курсы художественных вузов приобретают такие черты, как открытость, многоуровневость и динамичность, наилучшим образом удовлетворяя потребности личностного роста студентов и обеспечивая широкое пространство их развития. Художественные вузы должны стремиться к широкому сотрудничеству с научно-исследовательскими институтами и университетами, воспитанию комплексных талантов, имеющих высокий уровень художественной подготовки и научной грамотности.

2) Ключевое значение воспитания творческой инициативы в области искусства

Художественное творчество предполагает активность, в рамках которой происходит фокусирование языка в произведении искусства и в то же время получение языковой информации о его содержании. Независимо от того, насколько широка тема художественной работы или какие изменения происходят в сфере выразительных приемов – произведение искусства по-прежнему остается отражением собственно размышлений автора. Именно поэтому воспитание творческого начала стало важной задачей педагогов в художественной сфере. Во-первых, следует поощрять инновации. Новаторство подразумевает сюжеты и приемы, выходящие за рамки традиционной художественной выразительности. Во-вторых, необходимо получать художественное вдохновение из междисциплинарного обучения. Например, слияние искусства с другими дисциплинами может подарить новые аудиовизуальные эффекты. В-третьих, художественное творчество должно выявлять местные характерные элементы. Когда новые мультимедийные средства ликвидировали художественные направления, они обеспечили широкую платформу для искусства, наполненного местными региональными особенностями.

3) Акцент на развитии духа единства и сотрудничества

Искусство в условиях новых мультимедийных технологий стало проходить через несколько дисциплин, превратившись в инновационный продукт пересечения и ин-

теграции междисциплинарного знания, требуя от коллективов ума и мудрости. Именно поэтому художественное творчество в условиях новых средств распространения информации и коммуникации делает беспрецедентный акцент на сотрудничестве и обмене опытом. Открытость и интерактивность новых медиа обеспечивает широкую платформу для сотрудничества, новые формы организации коллектива позволяют большому количеству незнакомых друг с другом людей стремительно объединиться для выполнения той или иной значимой активности, продемонстрировав удивительные силы. "Неорганизованные сформированные силы" подарили новые возможности художественному образованию в эпоху мультимедийных технологий. Сотрудничество и обмен опытом в этой сфере в новую эпоху приобрело многоуровневый и интерактивный характер, который обеспечил не только взаимодействие между преподавателями и студентами, но также между специалистами различных областей. В то же время стало возможным сотрудничество в рамках масштабных пространств, наряду с этим стороны в процессе интерактивной коммуникации стали проводить консультации и диалог, выстраивать смыслы и определять положения, реализуя обмен, общение и новаторство.

Кроме того, направления развития искусства в условиях новых мультимедийных технологий постоянно меня-

ются, поэтому преподаватели и студенты должны сохранять привычку непрерывного обучения, а также в непрерывном процессе коммуникации повышать собственное понимание сферы искусства новых медиа, формируя самобытный уникальный художественный стиль.

Итак, новые мультимедийные технологии приносят художественному образованию вызовы, которые находят свое отражение в совершенстве произведений искусства. Вузы, развивая творческие способности студентов, должны посредством таких методов, как организация показательных художественных выставок и анализ художественных работ повышать видение и вкус студентов в области искусства.

Работникам образования следует создавать художественную атмосферу в процессе профессионального обучения студентов. В то же время искусство в условиях новых медиа из-за собственных стремительных перемен демонстрирует неопределенность, и в настоящее время неясно, жизнеспособны ли эти художественные произведения. Педагогам необходимо четко осознать и признать эту неопределенность искусства в условиях главенства мультимедийных технологий и внедрять эффективные методы обучения для содействия непрерывному развитию художественного образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Nicholas Negroponte. Being Digital. Alfred A. Knopf, Inc. 1995.
2. Вальтер Беньямин. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Пер. с нем. Ван Цайюн. Пекин: Издательство запретного города. – 2001. ((德国) 瓦尔特本雅明机械复制时代的艺术作品. 王才勇译北京中国城市出版社, 2001).
3. Ли Чжэндао. Наука и искусство. Шанхай: Научно-техническое издание Шанхая. – 2000. (李政道科学与艺术上海科学技术出版社, 2000).
4. Майк Фетерстон. Культура потребления и постмодернизм. Пер. с англ. Лю Цзинмин. Нанкин: Издательство "Илинь". – 2000. ((英国) 麦克·费瑟斯通 Mike Featherstone 消费文化与后现代主义 consumer culture and postmodernism 刘精明译南京译林出版社, 2000).
5. А.К. Сухотин. Ритмы и алгоритмы. Пер. с русск. Чжун Сюань, Хэ Чуньян. Пекин: Издательство "Саньянь". – 1986. (苏联, 苏霍金. 艺术与科学. 仲宣, 何纯良译北京三联书店, 1986).
6. Теодор Адорно. Эстетическая теория. Пер. с нем. Кэ Пин. Чэнду: Народное издательство провинции Сычуань. – 1998. ((德国) 西奥多阿多诺美学理论柯平译成都四川人民出版社1998).

© С.В. Анчуков, Ван Е, (Anchukov261@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ

негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования

Реклама

Традиции. Инновации. Успех!

И И МИБО

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Богданова Юлия Зуфаровна

К.филол.н., доцент,

ФГБОУ ВО ГАУ Северного Зауралья

AUDIOVISUAL TECHNOLOGY IN THE PROCESS OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES

Yu. Bogdanova

Annotation

This article analyzes the relevance of the use of audiovisual technologies in learning foreign languages, which, according to the author, lies in the fact that the use of audiovisual technologies at the present stage is necessary, due to the fact that in the universities the study of a foreign language are given a little time, a large part of the program, students are on their own; the definition of audiovisual technology and audio-visual media; advantages of using audiovisual technologies in learning foreign languages compared to using only text materials; analyzes the classification of audiovisual media; the originality of the use of audiovisual technology in the process of foreign language teaching; attention is paid to the factors of efficiency of use of audiovisual technology. Special attention is paid to the analysis of opinions of experts on this issue. The author came to the conclusion that the use of audiovisual technology in the process of foreign language teaching increases learning efficiency, facilitates the perception of the material and saves time assimilation of information, as is immersion in linguistic space.

Keywords: audiovisual materials; audiovisual AIDS; audiovisual materials; the process of learning a foreign language.

Аннотация

В данной статье проанализирована актуальность использования аудиовизуальных технологий в процессе обучения иностранным языкам, которая, по мнению автора, заключается в том, что использование аудиовизуальных технологий на современном этапе является необходимым, связано это с тем, что в вузах на изучение иностранного языка отводится довольно мало времени, большую часть программы студенты проходят самостоятельно; дано определение аудиовизуальных технологий и аудиовизуальных средств; выявлены преимущества использования аудиовизуальных технологий в процессе обучения иностранным языкам по сравнению с использованием лишь текстовых материалов; проанализирована классификация аудиовизуальных средств; проанализирована специфика использования аудиовизуальных технологий в процессе обучения иностранным языкам; уделено внимание факторам эффективности использования аудиовизуальных технологий. Особое внимание уделено анализу мнений специалистов по данному вопросу. Автор пришел к выводу, что использование аудиовизуальных технологий в процессе обучения иностранным языкам увеличивает эффективность обучения, облегчает восприятие материала и экономит время усвоения информации, поскольку происходит погружение в языковое пространство.

Ключевые слова:

Аудиовизуальные технологии; аудиовизуальные средства; аудиовизуальные материалы; процесс обучения иностранному языку.

Обучение иностранному языку на современном этапе входит в программу всех вузов. Обусловлено это тем, что в современном мире изучение иностранного языка является одним из наиважнейших элементов в деятельности современного человека. Помимо необходимости применения иностранного языка в профессиональной деятельности, есть и иные важные моменты необходимости его знания, так, владение хотя одним иностранным языком расширяет кругозор человека, учит мыслить логически, способствует развитию коммуникативных способностей, позволяет человеку узнать обычаи и культуру другого народа [Богданова, 2017, с. 6; с. 78].

Использование аудиовизуальных технологий в процессе обучения иностранным языкам на современном этапе является необходимым. Связано это с тем, что в вузах на изучение иностранного языка отводится до-

вольно мало времени, большую часть программы студенты проходят самостоятельно. Аудиовизуальные технологии обладают целым рядом преимуществ по сравнению с учебной программой, в которой используются лишь текстовые материалы. Так, по мнению Гордеевой Н.Г. и Зейнутдиновой Э.Ш., использование аудиовизуальных технологий обучения расширяет доступ к новым знаниям, формирует систему доступного образования, меняет представление о профессиональных качествах, которыми должен обладать учитель иностранных языков [Гордеева, Зейнутдинова, 2017, с. 106]. В свою очередь, Цыбенко Э.О. отмечает, что преимущество аудиовизуальных технологий состоит и в том, что дает студенту возможность дома, в комфортной для него обстановке и в удобном именно для него темпе, просматривать фильмы, слушать аудио- и видеозаписи, делая паузы в тех местах, где это необходимо. По мнению данного автора, например, просмотр кинофильма – очень важное сред-

ство обучения, поскольку студент при просмотре получает реальное представление о том, как изучаемый им иностранный язык используется в жизни [Цыбенко, 2014, с. 203].

Аудиовизуальная технология представляет собой применение трехмерной анимации, звука, видео, создание и последующее воспроизведение различных динамических изображений. Использование подобных технологий является основанным на подробно изученном и описанном множеством специалистов явлении, именуемом "слухо-зрительный синтез", и обладающим большим психолого-педагогическим эффектом [Писаренко, 2016, с. 173].

Основой реализации аудиовизуальных технологий является использование в процессе обучения различных информационно-коммуникационных технологий, которые предназначены для создания иноязычной среды и стимулирования речевой деятельности обучающихся, рассчитаны как на зрительное, так и на слуховое и зрительно-слуховое восприятие информации.

Разработаны различные классификации этих технологий. Так, например, Скудалова Ю. И. предлагает аудиовизуальные средства классифицировать следующим образом:

1. фонограммы: все виды фоно-упражнений, фоно-записи текстов, рассказов, фоно-тесты, аудио-лекции и аудио-уроки;

2. видеопродукции: видео-лекции, видеофрагменты, видеофильмы, видео-уроки, тематические слайды [Скудалова, 2013, с. 325].

Эффективно применяются в процессе обучения иностранному языку и интервью с разными людьми (лучше известными), различные рекламные ролики, фрагменты телепередач и новостей, мультфильмы. Какой-либо строгой классификации аудио- и видеоматериалов в научно-методической литературе не имеется [Ещанова, 2017, с. 3].

Аудиовизуальные материалы важны в процессе обучения иностранному языку, так как не только позволяют обучающимся слышать акустические элементы речи, но так же и наблюдать за визуальными элементами. Указанное весьма упрощает само восприятие информации, способствует намного лучшему запоминанию и пониманию обучающимися учебного материала. Кроме того, использование аудиовизуальных материалов помогает погрузиться в языковую среду, что способствует более успешному развитию у обучающихся навыков речевого общения, помогает устранить языковой барьер [Шкрабо, 2013, с. 544].

Обучение иностранному языку обладает определенной спецификой, поскольку предполагает первоочередное развитие у обучающихся речевых умений и формирование у них речевых навыков, при этом для обучающихся система языковых знаков является важной не только лишь как представляющая объекты действительности, но и сама по себе. Аудиовизуальная наглядность, по мнению Магомедова Ш. Д., может выполнять "функцию источника информации о языковых знаках и референтной им действительности" [Магомедов, 2014, с. 20]. Аудиовизуальные средства объединяют все положительные свойства вербальных и визуальных средств обучения и в силу своей универсальности реализуют их с наибольшим эффектом, тем самым являясь эффективным источником повышения качества обучения благодаря выразительности, яркости и информационной насыщенности зрительно-слуховых образов.

При просмотре телепередач, кинофильмов и различных обучающих видеозаписей преподаватель руководствуется тем, что в создании звуко-зрительного образа участвуют изображение, написанное и звучащее слово, различные шумы, музыка, цвет. По мнению Денисовой Т.Л., синтез всего вышеуказанного выразительного ряда делает аудиовизуальные материалы очень действенным средством обучения иностранному языку. При этом в процессе работы успешно реализуется дидактический принцип наглядности [Денисова, 2015, с. 105].

В свою очередь Писаренко В.И. и Краснощекова Г.А. считают, что аудиовизуальные технологии не только лишь обеспечивают эффективное восприятие обучающимися информации, но и одновременно позволяют экономить учебное время. Это обусловлено следующими факторами:

- ◆ видеотехника и компьютеры – это средства обучения, входящие в круг интересов молодежи, даже если они не связаны с будущей профессией студента. Благодаря тому, что использование техники для студентов на сегодняшний день не представляет совершенно никакой сложности, а наоборот, является занятием привычным, создается необходимый для успешного проведения занятия психологический комфорт;

- ◆ расширение объема учебной информации благодаря аудиовизуальным технологиям, то есть происходит количественное и качественное расширение того информационного пространства, в котором находится современный обучающийся;

- ◆ аудиовизуальные технологии дают возможность в процессе обучения иностранному языку погрузиться в мир его современной культуры;

- ◆ при грамотном педагогическом и дидактическом сопровождении, аудиовизуальные технологии расширяют круг возможностей студентов в организации их самостоятельной работы;

◆ аудиовизуальные технологии в процессе обучения иностранным языкам обеспечивают использование одновременно двух или трех модальностей в обучении, что расширяет круг восприятия среди обучающихся, помогает обучающимся развивать навыки восприятия и совершенствовать познавательную деятельность личности, что приводит к дальнейшему ее совершенствованию и развитию [Писаренко, Краснощекова, 2016, с. 31].

Современный процесс обучения иностранным языкам обладает коммуникативной направленностью, по этой причине аудиовизуальные технологии являются уникальным средством для обучения иноязычному говорению и общению. В числе задач обучения следует называть демонстрацию реального процесса коммуникации на иностранном языке, а также возможность образовательной среды приблизиться к действительным условиям функционирования изучаемого языка и культуры

[Гордеева, Зейнутдинова, 2017, с. 106]. Аудиовизуальные средства позволяют проводить процесс обучения иноязычному общению, учитывая разные социолингвистические факторы, представленные при помощи визуальной информации и во многом определяющей весь характер речевых высказываний коммуникантов, а именно: их характера взаимоотношений, социального статуса, пространственно-временных условий общения и пр. [Короткая, 2015, с. 361].

Таким образом, использование аудиовизуальных технологий в процессе обучения иностранным языкам облегчает восприятие обучающимися информации и экономит время усвоения информации, аудиовизуальные средства, являющиеся разновидностью аудиовизуальных технологий, погружают обучающихся в языковое пространство, увеличивая эффективность всего процесса обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова Ю.З. Аутентичные интернет-ресурсы в профессиональном обучении студентов-ихтиологов // В сборнике: ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ XXI ВЕКА Сборник статей Международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 3–6.
2. Богданова Ю.З. Внеаудиторное чтение в профессионально-ориентированном обучении иностранному языку // Инновационное развитие. – 2017. – № 6 (11). – С. 77–78.
3. Гордеева Н.Г., Зейнутдинова Э.Ш. Особенности использования аудиовизуальных средств обучения в процессе профессиональной подготовки будущих учителей иностранных языков // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2017. – № 1 (93). – С. 106–111.
4. Денисова Т.Л. О применении аудиовизуальных средств в процессе обучения иностранному языку и нравственного воспитания студентов // Инновационная экономика и общество. – 2015. – № 4 (10). – С. 104–109.
5. Ещанова Р.М. Эффективность в использовании аудиовизуальных средств при обучении английскому языку // Экономика и социум. – 2017. – №1(32). – С. 1–5.
6. Магомедов Ш.Д. Использование интернета в процессе обучения иностранным языкам // Системные технологии. – 2014. – № 3 (12). – С. 18–22.
7. Короткая М.В. Использование информационных технологий в обучении ИТ-студентов английскому языку / М.В. Короткая // Инновационные технологии в науке и образовании : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. – Чебоксары: ЦНС "Интерактив плюс". – 2015. – № 4 (4). – С. 360–362.
8. Писаренко В.И. Видео в обучении иностранным языкам // Успехи современной науки и образования. – 2016. – Т. 1. – № 12. – С. 172–180.
9. Писаренко В. И., Краснощекова Г. А. Теоретические основы разработки и реализации аудиовизуальных технологий в обучении иностранным языкам // Информатика, вычислительная техника и инженерное образование. – 2016. – № 3 (27). – С. 27–44.
10. Скудалова Ю.И. Аудиовизуальные средства обучения иностранным языкам в вузе // Актуальные проблемы социальной коммуникации материалы четвертой Всероссийской научно-практической конференции. Факультет коммуникативных технологий Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева, – 2013. – С. 324–326.
11. Цыбенко Э.О. Самостоятельная работа как одна из ведущих видов деятельности студентов при изучении иностранного языка в техническом вузе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 6 (62). – С. 201–204.
12. Шкрабо О. Н. Аудиовизуальный метод в обучении иностранному языку в высшей школе // Молодой ученый, – 2013. – №12. – С. 543–545.

© Ю.З. Богданова, (bogdanowa2907@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЕНСАТОРНЫХ МЕХАНИЗМОВ КОРРЕКЦИИ РЕЧИ В РАБОТЕ С ДЕТЬМИ С ТЯЖЁЛЫМИ РЕЧЕВЫМИ НАРУШЕНИЯМИ

USE OF COMPENSATORY MECHANISMS OF SPEECH CORRECTION FOR CHILD TRAINING IN CASE OF SEVERE SPEECH DISORDER

N. Yegorova

Annotation

The paper presents the analysis of compensatory mechanisms of children speech correction. Author gives her methods and techniques, contributing to formation of impaired function, on the assumption of defect nature and analysis of preserved links of functional speech system. The author supposes that systemic use of given techniques of speech correction allows to intensify processes of teaching children with severe speech disorder.

Keywords: compensation, rearrangement, kinesthetic and kinetic senses, acoustic gnosis, underdevelopment of speech, correction of speech defect.

Егорова Наталия Владимировна
Аспирант,
Уральский государственный
педагогический университет

Аннотация

В статье представлен анализ компенсаторных механизмов коррекции речи у детей. Приводятся авторские методы и приёмы, способствующие формированию нарушенной функции, исходя из природы дефекта и анализа сохранных звеньев функциональной речевой системы. Автор полагает, что системное использование приведённых приёмов коррекции речи позволяет интенсифицировать процессы обучения детей с тяжёлыми речевыми нарушениями.

Ключевые слова:

Компенсация, перестройка, кинестетические и кинетические ощущения, слуховой гнозис, речевое недоразвитие, коррекция речевого дефекта.

Идея перестройки функциональных систем, выдвинутая известными физиологами и нейропсихологами (П.К. Анохин, А.Р. Лурия, Л.С. Цветкова) является методологической базой коррекции тяжёлого недоразвития речи у детей.

Возможность максимально эффективного преодоления речевых расстройств с использованием компенсаторных возможностей детского мозга при условиях осуществления комплексного лечения и коррекционно-развивающей работы отмечали многие учёные (Е.Н. Винарская, М.М. Кольцова, Е.М. Мастюкова, Е.А. Стребелева, Э.Г. Симерницкая, Л.С. Цветкова и др.).

Какие сохранные анализаторы могут быть использованы для коррекции речи у детей? Ведущую роль в преодолении речевого недоразвития играет развитие двигательного анализатора (И.М. Сеченов, И.П. Павлов). Великий русский физиолог И.П. Павлов рассматривал кинестетические раздражения, возникающие при раздражении речевых органов, и систему следов от этих раздражений в качестве базального компонента второй сигнальной системы. Задача формирования кинестетической чувствительности с опорой на сохранные анализато-

ры, которые способны помочь осуществить внутрисистемную или межсистемную перестройку в речедвигательном анализаторе, является приоритетной в коррекции речевого дефекта.

Говоря о развитии собственных кинестетических ощущений неговорящего ребёнка, помимо традиционных приёмов артикуляционной гимнастики с опорой на зрительный анализатор, мы используем и опосредованные приёмы, которые Л.С. Цветкова называет переводом пострадавшей функции на более низкий и менее произвольный уровень, с целью дальнейшего восстановления более высоких уровней функции [11].

Ребёнок, который не использовал свой артикуляционный аппарат по назначению до 4-х – 5-ти лет, должен пройти все онтогенетические ступени формирования собственных кинестетических ощущений через формирование артикуляции гласных звуков и согласных звуков раннего онтогенеза (В.И. Бельтюков, Н.А. Гвоздев). Организация различных игр со звукоподражаниями (кукло-терапия, драматизация, организация экспериментов и т.д.) с использованием карточек с написанными буквами, короткими словами (звукоподражаниями, междоме-

тиями) и визуализация артикуляций звуков с помощью помогает не только преодолеть страх речи неговорящему ребёнку и мотивировать его на речевое общение, но и начать формировать его кинестетические ощущения с опорой на зрительный анализатор. Тренируя речевые кинестезии на онтогенетически более простых звуках, ребёнок тренирует свой артикуляционный аппарат к усвоению более сложных артикулем [10]. Недостаточная полнота и дифференцированность кинестетических образов компенсируется зрительными, двигательными и слуховыми опорами.

Первичное или вторичное нарушение слухового гнозиса при грубом недоразвитии или отсутствии речи диктует необходимость поиска эффективных приёмов формирования слуховых афферентаций на основе функционирования сохранных анализаторов.

Многие авторы обращают внимание на высокую роль компенсаторных возможностей зрительного анализатора для развития слухового гнозиса (Е.Н. Винарская, В.И. Бельтюков, Н.И. Жинкин). Можно выделить два аспекта участия зрительного анализатора в компенсации недоразвития слухового гнозиса – это непосредственное "считывание" артикуляций произносимых звуков с губ говорящего человека или опосредованное восприятие звуков через их графические образы (буквы) или двигательные модели звуков.

Учитывая высокую компенсаторную роль зрительного анализатора, мы применяем как отдельно взятые буквы, так и написанные слоги, короткие слова (звукоподражания, междометия, предлоги и союзы). На начальном этапе работы они используются как фон по принципу глобального чтения. Особенно важны и необходимы буквенные опоры при дифференциации конфликтных пар слогов при формировании фонологических противопоставления оппозиционных звуков. С целью объединения восприятия ребёнком графического образа звука (слога) и особенностей его артикулирования, логопед предъявляет карточку с буквой (слогом) рядом со своими губами. Этот приём позволяет сосредоточить внимание ребёнка на оральном образе произносимого звука (слога), приучает ребёнка считывать артикуляцию с губ взрослого, объединяя слуховые, зрительные и вторично образованные кинестетические образы звука.

При тяжёлых случаях нарушения речи узнавание и ситуативное реагирование на карточки с буквами, словами может опережать сам процесс говорения: ребёнок ещё не может сказать "Ту!", а самостоятельно выбирает нужную карточку и несёт её к ящику с железной дорогой, требуя от взрослого достать игру.

Зрительный приём букв Н.И. Жинкин рассматривает как первый момент запуска связей речедвигательного

анализатора, а слуховое восприятие речи как контроль и приём накопленных в речедвигательном анализаторе слов [5].

Таким образом, использование нами карточек с буквами и словами с одновременным чётким и громким проговариванием логопедом данных слов создаёт условие для восстановления кинестетических ощущений посредством акустической и зрительной стимуляции. В свою очередь, последовательное выстраивание во времени артикулем с опорой на графический образ слова и их правильное артикулирование с опорой на буквенное изображение звуков способствует адекватному восприятию слова на слух.

Говоря о непосредственном зрительном восприятии артикуляции звуков, В.И. Бельтюков отмечает, что согласные звуки воспринимаются с помощью зрения значительно хуже, чем гласные [1]. Поэтому в помощь ребёнку мы не только чётко артикулируем звуки, но и используем ручные модели как гласных, так и согласных звуков.

Например, звук [а] – резкое открытие сжатого кулака, [о] – кольцо из указательного и большого пальца перед губами, [э] – выброшенная вперёд открытая ладонь, [у] – вытянутая "ниточка" от сложенных в трубочку губ, [и] – растянутые большой и указательный пальцы, [ы] – положенный указательный палец на нижнюю челюсть; [х] – движение "дутья" на руки, [к] – касание горла; [н] – касание указательным пальцем носа; [м] – движение горизонтального соединения указательного и большого пальца около губ и т.д. Обозначение звонкости – резко выброшенная ладонь, обозначение глухости – знак "тсс!". Обозначение мягкости – ласковое поглаживающее движение ладонью, обозначение твёрдости – сжатый кулак.

Таким образом, с помощью зрительно-двигательных-оральных моделей звуков мы позволяем ребёнку осуществить правильный выбор нужной артикулемы. Постепенно, осваивая динамические стереотипы артикуляций звуков, ребёнок сам отказывается от использования ручных моделей, в случаях тяжёлого нарушения операций выбора нужной артикулемы, поиска артикуляционных движений дети нуждаются в использовании ручных моделей длительное время.

Развитие двигательного анализатора у неговорящих детей, имеет и ещё один важный аспект. По мнению многих авторов, предметная отнесённость слова и программа высказывания начинает формироваться ещё на этапе использования для невербального общения жестов и звукоподражаний (Л.С. Выготский, Н.И. Жинкин, В.А. Ковшиков, М.М. Кольцова, Г. Кларк и Е. Кларк, А.Р. Лурия).

Г. Кларк и Е. Кларк полагают, что жесты и речевые акты аналогичны по функции [6]. Многие исследователи (В.А. Ковшиков, М.М. Кольцова, Г. Кларк и Е. Кларк, А.Р. Лурия) отмечают, что самые первые слова у детей составляют единое целое с жестами, которыми они сопровождают. Поэтому, как на подготовительном этапе преодоления ОНР I, II уровня, так и при дальнейшем продолжении обучения мы поощряем ребёнка в использовании жестов, и даже даём их образцы. Пока ребёнок не в состоянии говорить, мы даём ему дополнительное "орудие" для коммуникации и выражения своих мыслей – жест. По мере совершенствования речи ребёнок сам постепенно отказывается от их использования.

Как верно отмечают Г. Кларк и Е. Кларк, дети на стадии говорения с использованием жестов используют, в основном, два типа речевых актов: утверждения и просьбы [6]. Поэтому мы в процессе формирования фразы, диалога используем жесты "дай!", "на!", жест отрицания, указательный жест. Указывая во время проговаривания фразы на субъект, объект действия, мы формируем субъектно-объектные отношения в речи ребёнка.

При отработке предложно-падежных конструкций, нами также используются ручные модели предлогов. Ручные модели предлогов не только зрительно выделяют их из потока речи, но и наглядно изображают формируемые с их помощью пространственные взаимоотношения. Например, предлог "на" мы изображаем соединёнными ладошками, расположенными в горизонтальной плоскости; предлог "в" – сжатый кулак; предлог "около" – одна ладошка ориентирована вертикально, а другая рука сжата в кулак рядом с первой; предлог "над" кулак располагается над горизонтально расположенной ладонью, а предлог "под" – сжатый кулак под горизонтально ориентированной ладонью. Этапу отработки предложно-падежных конструкций с помощью ручных моделей предшествует этап "моторного" проигрывания с реальными предметами пространственных взаимоотношений, обозначаемых предлогами.

Дети с тяжёлыми нарушениями речи испытывают трудности в восприятии и запоминании фразы или серии слов (Е.М. Мастюкова, А.Р. Лурия). А.Р. Лурия выдвигает предположение, что это явление объясняется "лёгкой тормозностью слухо-речевых следов под влиянием как побочных воздействий, так и последующих частей воспринимаемого речевого сообщения" [8, с. 294]. "Изображение" каждого слова фразы с помощью отдельных жестов и имитации действий, называемых в предложении (приём "Живые слова"), позволяют задействовать сохранные зрительные и двигательные афферентации для запоминания и воспроизведения фразы или серии слов.

Жесты не только активизируют ребёнка, но и выполняют ещё одну важную функцию: они выделяют каждое

слово как единицу речи. Это назначение жеста подмечает Н.И. Жинкин: жест помогает членению речи и усиливает интонационные модуляции [5]. Автор полагает, что в процессе речи кинестезии поступают не только от органов речи, но и от множества других мышц, не выполняющих собственно речевых движений. Вот почему мы с самого начала работы подключаем жесты для обозначения ритма, слияния звуков в слоги, слогов в слове и, как было сказано выше, произносим согласованно с движениями целые фразы.

Ритм, по мнению многих авторов, имеет моторную (мышечную) природу (Н.А. Бергер, Э. Жак-Далькроз, К.В. Тарасова, Б.М. Теплов). Э. Жак-Далькроз раскрывая физическую природу ритма, писал: "Без телесных ощущений ритма, без ритма пластического не может быть воспринят ритм музыкальный" [4, с. 248].

Опираясь на этот подход к формированию ритма в музыке, мы осуществляем формирование ритма в речи на основе движения, а именно развитие кинетических ощущений, лежащих в основе слогового восприятия и воспроизведения. При начальной отработке определённого типа слогоритмической структуры слова ребёнок совместно с логопедом прохлопывает, простукивает или "протопывает" отдельные слоги в слове. При усвоении слогового проговаривания слова, ребёнок учится сливать слоги при произношении, сопровождая слитное произнесение слова плавным движением руки (рук), что способствует преодолению скандированности речи.

Использование кожного анализатора один из обходных путей формирования кинетических ощущений. По мнению Н.И. Жинкина, кожный анализатор может быть очень чувствителен к модификациям прикосновения разной силы, длительности и темпо-ритма [5]. Эти модуляции в полной мере могут быть уподоблены речевой динамикой. Кожный анализатор сходен со слуховым и двигательным в том, что они оба способны принять и синтезировать сигналы, развёртывающиеся во времени и меняющиеся по силовым признакам. Поэтому открывается возможность его использования для формирования кинетических ощущений, а именно, слогоритмической структуры слова.

Идея пальцевого обозначения структуры доли в обучении принадлежит музыкальному методисту Т. Боровик. Использование ритмодактиля на коррекционных занятиях с особыми детьми, по мнению Н.А. Бергер [2], обеспечивает "запуск механизма" и дальнейшего развития природного ритмического чувства, переходящего как в музыкальную, так и в речевую деятельность.

Мы используем модифицированные варианты ритмодактиля для формирования кинетических ощущений при отработке слоговой структуры слова в различных видах

упражнений. Например, "ритмизирование" на тыльной стороне предплечья слогоритмической структуры слова (например, три касания пальцами педагога по коже руки ребёнка при трёхсложном слове). Слоговые дорожки, сделанные из наждачной бумаги или пробкового дерева для зрительной передачи ритмического рисунка слова или серии слов на плоскости – эффективные "тренажёры" по формированию речевого чувства ритма. Ребёнок касается указательным пальцем фигурок, выполненных из раздражающего кожу материала, расположенных в пространстве в определенном ритме, и наговаривает слова в заданном ритме. Данное упражнение использует сохранённые тактильные и зрительные афферентации с целью формирования кинетических ощущений, служащих основой становления слогоритмической структуры слова.

Мы полагаем, что развитие двигательного анализатора с целью компенсации недоразвития речи должно идти как в узком, развитие кинестетических и кинетических ощущений, так и в широком смысле: развитие двигательного анализатора как центра межанализаторных связей и сенсомоторной интеграции.

При обучении детей с тяжёлыми нарушениями речи мы используем ещё одну функцию двигательного анализатора – движение является мощным фактором подкрепления. В любом подкреплении М.М. Кольцова усматривает двигательный компонент, будь то пищевое, игровое или оборонительное подкрепление [7]. Таким образом, использование нами на занятиях двигательных подкреплений в виде "хлопков-аплодисментов", движений "во!" за правильный ответ ребёнка, "дирижирований" ритмом его слов – мотивирует ребёнка на речь, создаёт

положительный эмоциональный настрой на занятие. Высокую эффективность дают упражнения в произнесении отдельных звуков, слогов и слов, согласованных с движениями на основе различных стимульных материалов (счёты, копилочки, горки, развивающие центры).

При работе с детьми с тяжёлыми нарушениями речи меняются привычные способы работы логопеда. Так, при работе с детьми с сохранённым слуховым гнозисом мы, в основном, используем отражённое и самостоятельное наговаривание детьми речевого материала. При первичном недоразвитии слухового гнозиса или его вторичном грубом недоразвитии на первый план выступает использование сопряжённого наговаривания речевого материала, что является принципиальным методическим условием эффективного обучения. При такой организации занятий, мы дополнительно акустически стимулируем образование правильного артикуляционного образа слова. Дети с тяжёлыми нарушениями речи довольно длительное время говорят только вместе с логопедом, а начало отражённого или самостоятельного проговаривания слогов и слов служит показателем положительной динамики речевого коррекции.

Многолетний опыт работы показывает, что использование в обучении детей с тяжёлыми нарушениями речи компенсаторных возможностей сохранённых анализаторов, выстраивание отдельных приёмов обучения в комплексную систему преодоления грубого недоразвития речи, использование внешних стимулов к формированию речевой функции позволяет интенсифицировать процесс обучения и повысить мотивационную заинтересованность и вовлечённость ребёнка в преодоление дефекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бельтюков, В. И. Взаимодействие анализаторов в процессе восприятия и усвоения устной речи (в норме и патологии). М.: Педагогика, 1977. 176 с.
2. Бергер, Н. А. Рождённый движением (о ритме в жизни и искусстве) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 87. URL: https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/87/berger_87_178_189.pdf (дата обращения: 20.06.2015).
3. Винарская Е. Н. Раннее речевое развитие ребёнка и проблемы дефектологии: периодика раннего развития: эмоциональные предпосылки освоения языка: кн. для логопеда. М.: Просвещение, 1987. 160 с.
4. Жак-Далькроз Э. Ритм. М.: Классика-XXI, 2002. 244 с.
5. Жинкин Н. И. Механизмы речи. М.: изд-во АПН РСФСР, 1958. 369 с.
6. Кларк, Г., Кларк Е. Как маленькие дети употребляют свои высказывания // Психолингвистика. М.: Прогресс, 1984.
7. Кольцова М. М. Двигательная активность и развитие функций мозга ребёнка. М.: Педагогика, 1973. 144 с.
8. Лурия А. Р. Язык и сознание. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 416 с.
9. Мاستюкова Е. М. К вопросу о состоянии внутренней речи у школьников с моторной алалией // Недоразвитие и утрата речи. Вопросы теории и практики. М.: МГПИ, 1985. С. 20 – 27.
10. Микляева Ю. В. Логопедический массаж и гимнастика. М.: Айрис-пресс, 2010. 137 с.
11. Цветкова Л. С. Восстановительное обучение при локальных поражениях мозга. М.: Педагогика, 1972. 272 с.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ПРИНЦИПЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ НА ОСНОВЕ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

PRINCIPLES AND PRINCIPLES
OF IMPROVING MILITARY-PROFESSIONAL
TRAINING OF MILITARY TECHNICAL
UNIVERSITY COURSORS ON THE BASIS
OF FORMATION OF INTERCULTURAL
COMMUNICATIVE COMPETENCE

O. Ekskina

Annotation

The article outlines the principles of the system for improving the military professional training of cadets on the basis of the formation of intercultural communicative competence in military technical colleges of the Ministry of Defense of the Russian Federation and discloses their content in relation to the object of research.

Keywords: cadets of military-technical university, intercultural communication, principles of training.

Еськина Оксана Анатольевна

Преподаватель,

*Военная академия Ракетных войск
стратегического назначения
им. Петра Великого, (филиал)
г. Серпухов, МО*

Аннотация

В статье сформулированы принципы системы совершенствования военно-профессиональной подготовки курсантов на основе формирования межкультурной коммуникативной компетенции в военных технических вузах МО РФ и раскрывается их содержание применительно к объекту исследования.

Ключевые слова:

Курсанты военно-технического вуза, межкультурная коммуникация, принципы обучения.

Организация учебного процесса военного технического вуза, направленного на совершенствование военно-профессиональной подготовки курсантов на основе формирования межкультурной коммуникативной компетенции основана на реализации ряда закономерностей.

Основными закономерностями являются:

- ◆ зависимость качества военно-профессиональной подготовки курсантов на основе формирования межкультурной коммуникативной компетенции от: идеологического обеспечения деятельности системы военного образования;
- ◆ материальных и финансовых затрат, выделяемых на развитие военного образования; применения в учебном процессе достижений науки и техники; высоко-технологичного информационного обеспечения; положительной мотивации курсантов учебно-профессиональной деятельности;
- ◆ зависимость эффективности процесса военно-профессиональной подготовки курсантов на основе

формирования межкультурной коммуникативной компетенции от: единства действий всех субъектов и уровня собственной активности объектов подготовки; нормативно-правового обеспечения, определяющего условия его реализации; соответствия содержания подготовки личным потребностям и потребностям учебно-профессиональной деятельности; взаимосвязанности, преемственности, взаимообусловленности и эффективности целей всех видов, форм деятельности субъектов на каждом этапе подготовки.[1, с. 93]

Исходя из закономерностей, выделяются принципы системы совершенствования военно-профессиональной подготовки на основе формирования межкультурной коммуникативной компетенции и раскрывается их содержание применительно к объекту исследования:

- ◆ принцип целостности предполагает построение процесса формирования межкультурной коммуникативной компетенции как системы взаимосвязанных структурных компонентов, объединенных единой целью;
- ◆ принцип систематичности и непрерывности

предполагает системное овладение межкультурной коммуникативной компетенцией на учебных занятиях и в различных видах учебно-профессиональной деятельности, выражает органическое единство, взаимосвязь и взаимообусловленность составляющих элементов процесса формирования межкультурной коммуникативной компетенции;

- ◆ принцип сознательности и активности курсантов предполагает проявление обучающимися познавательной активности и сознательности в овладении межкультурной коммуникативной компетенцией. Реализация этого принципа в обучении означает сознательное отношение курсанта к самому процессу обучения и овладение приемами самостоятельной работы;

- ◆ принцип аксиологизации предполагает формирование ценностных мотиваций и отношения к языку, межкультурной коммуникативной компетенции как интегративному профессионально-личностному ресурсу, влияющему на межкультурное взаимодействие как в учебно-профессиональной, так и в социокультурной сфере;

- ◆ принцип культуросообразности предполагает взаимосвязь процессов формирования культуры личности курсанта и его межкультурной коммуникативной компетенции;

- ◆ принцип индивидуализации предполагает максимальный учет уровня способностей, развития личностного потенциала курсанта, его индивидуальности;

- ◆ принцип наглядности предполагает предъявление языковых и экстра-лингвистических реалий окружающей действительности в соответствии со спецификой восприятия информации современным курсантом и с использованием инновационных технологий.

Закономерности и принципы системы совершенствования военно-профессиональной подготовки курсантов на основе формирования межкультурной коммуникативной компетенции позволили научно обосновать пути развития организации и управления системой совершенствования подготовки обучающихся на основе формирования межкультурной коммуникативной компетенции; правового регулирования процесса совершенствования военно-профессиональной подготовки курсантов на основе формирования межкультурной коммуникативной компетенции; содержания военно-профессиональной подготовки курсантов военного технического вуза и методы ее совершенствования на основе формирования межкультурной коммуникативной компетенции [5, с. 209].

Ни одна модель обучения не обходится без методов, с помощью которых происходит формирование запланированных процессов, явлений или личностных качеств. В данном случае методы избирались в строгом соответствии со спроектированной разновидностью межкультурной среды.

Представленная инновационная модель обучения является серьезным фактором развития межкультурной коммуникативной компетентности будущих офицеров технического профиля. Иммерсионная среда – в которой общение между коммуникантами осуществляется на родном языке для одних, но исключительно на иностранном для других. В основе иммерсии – "эффект погружения", который достигается путем полного погружения в иноязычную культуру и таким образом происходит трансформация курсанта с внешнего наблюдателя в активного участника процесса.

Предложенная система соответствует иерархии принципов, предложенной Е.И. Пассовым [2, с. 199], и включает следующие уровни:

1. общие дидактические: сознательности, активности, межпредметной координации, межкультурного взаимодействия, использования ИКТ;

2. общие методические: коммуникативности, учета родного языка, взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности, обучения в сотрудничестве;

3. частные методические: прагматизации иноязычной коммуникативной деятельности, учета функционально-стилистического регистра, опосредованности межкультурной коммуникации в аудиторных условиях;

4. специальные методические: функциональности речевой коммуникации, военно-профессиональной мотивации, ситуативно-тематической значимости для военно-профессиональной деятельности, моделирования военно-профессиональных коммуникативных стратегий.

При этом первые два уровня обеспечивают преемственность в развитии лингводидактики и обуславливают содержание обучения иностранному языку для специальных целей как средству формирования поликультурной личности.

Принципы третьего уровня представляют собой основные положения лингводидактики [2, с. 199].

Специальные принципы четвертого уровня разработаны автором с целью теоретического обоснования модели военно-профессиональной межкультурной коммуникативной компетентности курсантов военного технического вуза с учетом его профиля подготовки [4, с. 84].

Система принципов обучения иноязычному военно-профессиональному общению определяет содержание военно-профессиональной межкультурной коммуникативной компетентности курсантов военного технического вуза с учетом его профиля подготовки, отбор технологий, приемов и средств обучения в рамках когнитивной модели формирования военно-профессиональной межкультурной коммуникативной компетентности курсантов

военного технического вуза с учетом его профиля подготовки; координацию профильных дисциплин и практического курса английского языка.

Формируя содержание обучения иностранному языку курсантов военного технического вуза с учетом его профиля подготовки, мы придерживаемся методической школы Г.В. Роговой, которая выделяет три основных аспекта содержания обучения: лингвистический, психологический и методологический [3, с. 287].

Такому подходу соответствует содержание военно-профессиональной подготовки курсантов на основе формирования межкультурной коммуникативной компетенции курсантов военного технического вуза с учетом его профиля подготовки, включающее следующие компоненты:

1. знаниевый компонент, который обеспечивает реализацию лингвистической составляющей содержания обучения путем овладения специальной военно-профессиональной лексикой и языковыми структурами, а также общекультурными и культурно-специфическими знаниями;

2. операционно-прагматический компонент, обеспечивающий овладение культурно-специфическими поведенческими стратегиями и коммуникативно-речевыми умениями, что обуславливает реализацию психологического компонента содержания обучения. В то же время сюда включается методологический компонент, когда обучаемые осознанно подходят к процессу обучения и освоюют военно-профессионально-значимых речевых навыков и умений;

3. эмоциональный компонент, включающий преодоление культурных барьеров, умение справляться со стрессовыми ситуациями и "культурным шоком", умение приспособиться к жизни в иноязычной среде, обеспечивает осуществление психологической составляющей;

4. практический компонент представляет собой опыт осуществления межкультурного военно-профессионального общения в реальных условиях коммуникации. Здесь также обеспечивается осуществление методологического компонента содержания обучения, поскольку обучаемые самостоятельно осуществляют планирование речевых действий, производят рефлексию своей деятельности и коммуникативных поступков партнеров по коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еськина О.А. К проблеме использования предметных связей при профессионально-ориентированном подходе к формированию языковой компетенции курсанта военного технического вуза. // Международный научно-исследовательский журнал "Успехи современной науки и образования". Том 2, № 4, 2017.
2. Пассов Е.И., Кибирева Л.В. и др. Концепция коммуникативного иноязычного образования (теория и ее реализация): методическое пособие для русистов. Санкт-Петербург: "Златоуст", 2007.
3. Рогова Г.В., Рабинович Ф.М., Сахарова Т.Е. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М. – "Просвещение", 2011.
4. Поляков О.Г. Английский язык для специальных целей: теория и практика // О.Г. Поляков. – 2-е изд., стереотип. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2003.
5. Новоселов М. Н. Методика формирования иноязычной военно-профессиональной коммуникативной компетенции студентов ВУЗа (бакалавриат и магистратура). Дисс. ... канд. пед. наук. Пермь, 2014.

© О.А. Еськина, (varvsn-serp@mil.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Военная академия Ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого, г. Серпухов

ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИИ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ НА РАННИХ ЭТАПАХ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

THE FORMING OF COMPETENCIES OF CITIZENSHIP IN THE EARLY STAGES OF LEARNING A FOREIGN LANGUAGE FOR SPECIAL PURPOSES

A. Ionova

Annotation

The article discusses the need for revision of emphasis in the objectives and contents of teaching foreign languages due to the current political situation and Russia's role on the world stage. In this regard, evaluates the relevance of the curriculum requirements of state educational standards and the need to make additions in programs and curricula aimed at the development of bachelor students competencies of citizenship, contributing to the development of their sense of civic responsibility and pride for their country and its people, ability and willingness to defend the interests of the state.

Keywords: Competencies of citizenship, foreign language, learning content, international relations.

Ионова Анна Михайловна

К.п.н., доцент

*Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации*

Аннотация

В статье рассматривается необходимость пересмотра акцентов в целях и содержании обучения иностранным языкам, обусловленная актуальной политической ситуацией и ролью России на мировой арене. В этой связи оценивается соответствие содержания учебных программ требованиям государственных образовательных стандартов и отмечается потребность во внесении дополнений как в программы, так и в содержание обучения, направленных на развитие у будущих выпускников бакалавриата компетенции гражданственности, способствующей развитию у них чувства гражданской ответственности, гордости за свою страну и свой народ, умения и готовности отстаивать интересы своего государства.

Ключевые слова:

Компетенция гражданственности, иностранный язык, содержание обучения, международные отношения.

Возросшая в последние годы интенсивность процессов интеграции и интернационализации во всех сферах общественной жизнедеятельности проявляется, в том числе, в значительном увеличении профессиональных и личностных контактов представителей различных стран и культур. Активное участие России в жизни мирового сообщества требует подготовки высококвалифицированных кадров, готовых и способных поддерживать высокий уровень международных контактов, престиж и авторитет нашей страны. При этом одним из важных компонентов качественного профессионального образования является иностранный язык, владение которым становится одним из условий востребованности специалиста на рынке труда.

Быстро меняющаяся ситуация на политической арене, новые вызовы информационной войны, требующие от России активной защиты собственных интересов во всех областях политической и экономической жизни, диктуют необходимость пересмотра акцентов в целях обучения иностранным языкам.

Целью обучения иностранным языкам на современном этапе является "формирование иноязычной коммуникативной компетенции, т.е. способности и реальной го-

товности осуществлять иноязычное общение с носителями языка, а также приобщение обучающихся к культуре страны / стран изучаемого языка, лучшее осознание культуры своей собственной страны, умение представлять ее в процессе общения" [5, с. 43]. ИКК понятие многокомпонентное и, согласно модели, представленной В.В. Сафоновой и уточненной И.Л. Бим [5, с. 44], в ее состав входят языковая, речевая, компенсаторная, учебно-познавательная и социокультурная компетенции. Последняя, в свою очередь, делится на социолингвистическую, предметную / тематическую, общекультурную и страноведческую компетенции.

Однако среди исследователей существует понимание того, что ИКК в профессиональной среде отличается от обычной ИКК. И.Л. Плужник выделяет в связи с этим профессиональную иноязычную межкультурную коммуникативную компетенцию (МКК), поскольку, по ее мнению, помимо собственно культурного фактора во время профессиональной коммуникации специалисту "необходимо учитывать лингвосоциокультурные особенности, свойственные профессиональной субкультуре" [6, с. 14]. Поэтому исследователь выделяет профессиональную иноязычную межкультурную коммуникативную

компетенцию, которая "характеризуется способностью к эффективному коммуникативному взаимодействию в процессе понимания и интерпретации смысла инокультурных ситуативных действий на основе осознания общих и различных признаков культур, способов их языкового и неязыкового выражения в условиях профессионального дискурса" [6, с. 14].

Данный постулат кажется нам особенно важным в свете рассмотрения содержания профессиональной иноязычной МКК международных специалистов, главной задачей которых является установление, поддержание или урегулирование международных отношений. Для успешного осуществления профессионального общения специалисту-международнику необходимо обладание такими компонентами межкультурной компетенции, как осознанность, желание и способность восприятия "другого", способность управления состоянием тревожности и неопределенности, эмпатия [2, с. 235], поскольку это позволит ему успешно устанавливать и сохранять отношения, осуществлять профессиональное сотрудничество с представителями иных культур, общаясь, в случае необходимости, и на родном для себя языке. Исходя из данных рассуждений, мы полагаем возможным сформулировать цель обучения иностранным языкам будущих международных следующим образом: она заключается в формировании и развитии профессиональной межкультурной коммуникативной компетенции, которая представляет собой сформированную в социальном, профессиональном и ситуативном плане способность к межкультурной коммуникации с представителем иной лингвокультуры в сфере дипломатической коммуникации [4, с. 66].

Обратимся к компонентному составу профессиональной МКК специалиста-международника.

Анализ Федерального Образовательного стандарта Высшего профессионального образования, а также Собственных образовательных стандартов МГИМО МИД России и МГУ им. Ломоносова по направлению подготовки 41.03.05 "Международные отношения" (квалификация бакалавр) показал, что выпускники по окончании обучения приобретают различные общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции, позволяющие им впоследствии успешно справляться с выполнением различного рода задач в рамках своей профессиональной деятельности. *В частности, они должны обладать:*

- ◆ способностью к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия;
- ◆ владением политически корректной корпоративной культурой международного общения (формального и неформального), навыками нахождения компромиссов посредством переговоров;
- ◆ способностью понимать гражданские основы будущей профессиональной деятельности;

- ◆ способностью адаптироваться к условиям работы в составе многоэтнических и интернациональных групп, владеть методами делового общения в интернациональной среде, обладать способностью использовать особенности местной деловой культуры зарубежных стран;

- ◆ обладать базовыми навыками общения, уметь устанавливать, поддерживать и развивать межличностные отношения, деловые отношения с представителями государственных, политических, коммерческих, общественных структур, СМИ и т.д.;

- ◆ способностью участвовать в международных переговорах, в том числе на иностранном языке, формулировать убедительные аргументы в поддержку собственной позиции и находить компромиссные решения.

Следует также заметить, что в перечне профессиональных компетенций собственного образовательного стандарта МГИМО МИД России также отмечено, что выпускник бакалавриата должен обладать умением профессионально грамотно анализировать и пояснять позиции Российской Федерации по основным международным проблемам (ПК-32), а также понимать значение и место Российской Федерации в современном мире и обладать глубоким представлением о мотивах российской внешней политики и доступных ей средствах (ПК-42).

Анализ программ обучения студентов бакалавриата по направлению подготовки 41.03.05 "Международные отношения" МГИМО МИД России, НИУ ВШЭ, РУДН показал, что среди профессиональных задач, которые должен решать выпускник с использованием иностранного языка, помимо переводческой деятельности, называются также:

- ◆ установление и поддержание профессиональных контактов на иностранных языках; оказание профессионального содействия в установлении международных контактов, налаживании и развитии международных связей; ведение на иностранных языках бесед, участие в дискуссиях, выступления публично по темам в рамках общественно-политической, профессиональной и социально-культурной сфер общения? (МГИМО);

- ◆ участие в работе по организации международных переговоров, встреч, конференций, семинаров; оказание профессионального содействия в установлении международных контактов, налаживании и развитии международных связей (РУДН);

- ◆ организация и установление контактов на международной арене в интересах органов государственного и муниципального управления, общественных организаций, коммерческих структур; выработка рекомендаций в сфере международных отношений и внешней политики для государственных, общественных и коммерческих организаций (ВШЭ).

В своем выступлении на восьмом совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации, состоявшемся 30 июня 2016 года в Москве, Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что задачи

отечественной дипломатии на современном этапе заключаются в защите национальных интересов страны в условиях глобальной конкуренции. Президент заметил, что ключом к решению самых сложных международных проблем является умение твердо отстаивать интересы своей страны [курсив наш – А.И.], но при этом находить компромиссы. Этому принципу должна оставаться верна отечественная дипломатия, несмотря ни на что. Кроме того, в условиях настоящей информационной атаки, "развязанной некоторыми нашими так называемыми партнерами против нашей страны", встает задача еще более нарастить усилия в борьбе за влияние на общественное настроение, на общественное мнение (URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52298>).

В Стратегии национальной политики, утвержденной Президентом в 2012 г., поставлена задача создания политической, гражданской нации. Речь идет о необходимости формирования представления о принадлежности всех граждан страны государству, обществу, общей культуре и истории, которое должно побуждать людей действовать во имя интересов своей страны.

Таким образом, видится возможным утверждать, что одной из важнейших целей, которые должен преследовать каждый гражданин России в межкультурном общении, является защита и отстаивание интересов своего государства. Особую важность данный постулат приобретает в условиях профессионального общения сотрудников дипломатических ведомств, государственных институтов, а также компаний, представляющих государственные интересы, а также негосударственных фирм, действующих на международном рынке. Среди компетенций и задач, перечисленных выше и зафиксированных в образовательных стандартах, однако, не упоминается необходимость наличия у выпускника готовности и способности решать данную задачу – одну из важнейших задач профессионала-международника.

Сегодня много говорится о том, что иностранцы имеют скорее негативное представление о России. Это часть информационной войны, которая активно ведется в мире, и задача которой состоит, в том числе, в завоевании общественного мнения, в контроле над массовым сознанием, над эмоциями масс. Тот факт, что почти ежедневно мы слышим и читаем, что иностранные СМИ, некоторые политические и общественные деятели распространяют преимущественно негативную (зачастую не соответствующую действительности) информацию о России, ее политике и жизни людей, некорректно и субъективно трактуют события, имевшие место в истории нашего государства, говорит о насущности необходимости ответных действий, которые должны заключаться не только и не столько в опровержении каждого конкретного факта, но и в выстраивании собственной твердой линии поведения и обеспечении адекватного информационного сопровождения на всех уровнях общения в рамках межкультурного диалога.

Нет сомнения в том, что студенты бакалавриата по направлению подготовки Международные отношения в

процессе обучения иностранному языку должны получить по возможности максимальную информацию о стране изучаемого языка, о представителях ее культуры, политике, общественных деятелях, особенностях политической, экономической и общественной жизни. Однако, не менее важно научить будущего специалиста в области международных отношений достойно представлять свою страну, грамотно и последовательно отстаивая ее интересы. Выразаться это должно не только в формировании способности к коммуникации на русском и иностранном языках и других компетенций, перечисленных в Стандартах ВПО.

Анализ существующих Программ обучения, учебников и учебных пособий, по которым ведется обучение немецкому языку бакалавров по направлению подготовки Международные отношения, позволяет сделать вывод, что на сегодняшний день реализация межкультурного подхода в обучении иностранному языку происходит в основном за счет знакомства обучающихся с культурой, историей, традициями страны (стран) изучаемого языка. Лишь изредка студентам предлагается сопоставить упомянутые явления с аналогичными явлениями в родной культуре. Цель же научить студента рассказывать на иностранном языке об истории, культуре, традициях, особенностях жизни в России, а также доносить до собеседника официальную позицию своего государства по различным вопросам не ставится вообще. В этом видится серьезный недостаток, поскольку только через воспитание у обучающихся чувства уважения к своей культуре, к традициям своего народа, можно сформировать у них уважение к себе самим как к представителям этого народа, а через это и стремление действовать в его интересах.

Таким образом, видится необходимым включить в перечень целей обучения бакалавров по направлению подготовки Международные отношения следующую: развитие у выпускников готовности и способности квалифицированно отстаивать интересы своей страны. Иными словами, следует говорить о необходимости включения компетенции гражданственности (согласно классификации И.А. Зимней [2004]) в состав профессиональной МКК специалиста-международника. Данная компетенция подразумевает "знания и соблюдение прав и обязанностей гражданина; свободу и ответственность, уверенность в себе, собственное достоинство, гражданский долг; знание и гордость за символы государства (герб, флаг, гимн)" [3, с.24].

Известно, что цели обучения "выступают в качестве центрального компонента всей системы обучения иностранным языкам, определяющим ее содержание, принципы, а также ... приемы и технологии обучения в каждый конкретный исторический период" [5, с. 46]. Следовательно, видится необходимым пересмотреть акценты не только в целях, но и в содержании обучения немецкому языку студентов бакалавриата.

Оговоримся, что в рамках данной статьи затрагиваются лишь ранние этапы обучения иностранному языку, поскольку уровень языковой подготовки обучающихся на

данных этапах не позволяет им пока анализировать и обсуждать материалы СМИ, вступать в дискуссии профессионального характера и выступать полноценными участниками межкультурного профессионального общения. Однако, несмотря на это, начинать формирование компетенции гражданственности необходимо, на наш взгляд, уже на ранних этапах обучения, поскольку именно здесь закладываются основы формирования профессиональной МКК.

На начальном этапе обучения (уровень А1–А2) формирование профессиональной межкультурной коммуникативной компетенции у студентов бакалавриата традиционно осуществляется в рамках так называемых "общих" тем, работа над которыми формирует и развивает у них умения рассказать о себе, своей семье, друзьях, учебе, организации своего рабочего и свободного времени, праздниках и пр. Акцент на развитие компетенции гражданственности может быть сделан на этом этапе благодаря обсуждению богатства культурных традиций народов, живущих на территории России, в частности, различных традиций празднования Нового года, Рождества, национальных праздников (масленицы, Курбан–Байрама, сабантуя и др.).

Не менее важно научить студентов рассказывать о культурных традициях своего народа. Связано это не только с тем, что прием пищи является неотъемлемой частью повседневной жизни любого человека. Тема "национальная кухня", как правило, является интересной для собеседников – представителей другой культуры, а разговор о блюдах национальной кухни и традициях, связанных с приемами пищи, может стать хорошим поводом для знакомства, завязывания деловых и личных контактов, установления крепких связей с потенциальными партнерами.

Традиционно в программу изучения любого иностранного языка включены темы, связанные с историей и достопримечательностями столиц и других городов стран изучаемого языка. Однако зачастую преподаватели сталкиваются с тем, что студенты оказываются не в состоянии перечислить на иностранном языке достопримечательности Москвы и Санкт–Петербурга (кроме двух–

трех общеизвестных), рассказать об истории возникновения и становления крупнейших городов России, не говоря уже о небольших городах, сыгравших и играющих до сих пор важную роль в развитии российского государства. Большие трудности вызывает у студентов просьба преподавателя иностранного языка посоветовать иностранцу посетить какой–нибудь город России (кроме Москвы и Санкт–Петербурга) и обосновать свой выбор. Еще труднее студентам назвать сувениры, которые они могли бы посоветовать приобрести иностранцу на память о посещении России. Обычно фантазия ограничивается ставшими традиционными и принадлежащими скорее к стереотипам матрешками и магнитами на холодильник. Многие из будущих специалистов–международников оказываются незнакомы с традиционными промыслами народов России, произведениями мастеров Жостово, Хохломы, Гжели, Павловского Посада, резчиков по дереву и камню, изготовителей изделий из льна и пр.

В современных условиях, когда все чаще разными источниками подвергаются сомнению итоги и результаты Второй Мировой войны, видится также необходимым на уроках иностранного языка говорить не только о решающей роли Советского Союза в победе над фашизмом, но также о политических, экономических и культурных результатах этой войны, поскольку они все еще продолжают влиять на взаимоотношения России с некоторыми странами.

В заключении необходимо отметить, что только через развитие у будущих выпускников чувство гражданской ответственности, гордости за свою страну и свой народ, умение и готовность говорить на иностранном языке о культурных, политических фактах жизни и истории своей страны, своей малой родины, через воспитание в обучающихся чувства уважения к себе самим как к представителям своего народа и своего государства можно добиться формирования у них компетентности, необходимой для успешного осуществления деятельности в области международных отношений, цель которой – защита интересов своего государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. Лингв. ун–тов и фак. ин. яз. высш. педаг. учеб. заведений [Текст] / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез, – 3–е изд., стер. – М.: Издательский центр "Академия", 2006. – 336с.
2. Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. [Текст] / Г.В. Елизарова. – СПб.: КАРО, 2005. – 352с.
3. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно–целевая основа компетентностного подхода в образовании / И.А. Зимняя. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 42с.
4. Ионова А.М. Методика обучения профессионально ориентированному устному общению студентов бакалавриата на основе лингвокультурологического подхода : направление подготовки 031900 "Международные отношения", немецкий язык : диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.02 / Ионова Анна Михайловна; [Место защиты: Ин–т содержания и методов обучения Рос. акад. образования]. – Москва, 2012. – 207 с. : ил.
5. Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность / Под ред. А.А. Миролубова. – Обнинск: Титул, 2010. – 464с.
6. Плужник И.Л. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов гуманитарного профиля в процессе профессиональной подготовки: автореф. дисс. ... д. пед. наук, 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования. – Тюмень, 2003. – 29с.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЙ ПОЗИЦИИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ

MODELING OF THE PROFESSIONAL- PERSONAL POSITION OF THE FUTURE SPECIALIST IN THE CONDITIONS OF FORMING THE SYSTEM OF PROFESSIONAL STANDARDS

I. Levitskaya

Annotation

The preparation of the future specialist for the solution of professional and creative tasks conditioned by the social order of society must meet the modern requirements of the labor market. Modeling of the professional and personal position of the future specialist in the conditions of formation of the system of professional standards should reflect the conformity of the qualification, the type of professional activity and the labor functions of the employee. The competency model of the graduate is based on the humanization of vocational education and the humanitarization of higher education educational programs.

Keywords: Vocational guidance, professional standard, professional-personal attitude, humanization, humanitarization.

Левицкая Ирина Александровна

*К.п.н., Кузбасский государственный
технический университет им. Т.Ф. Горбачева
(филиал в г.Междуреченске)*

Аннотация

Подготовка будущего специалиста к решению профессионально-творческих задач обусловлена социальным заказом общества соответствовать современным требованиям рынка труда. Моделирование профессионально-личностной позиции будущего специалиста в условиях формирования системы профессиональных стандартов должно отражать соответствие квалификации, вида профессиональной деятельности и трудовых функций работника. Компетентностная модель выпускника опирается на концепцию гуманизации профессионального образования и гуманитаризацию образовательных программ высшего образования.

Ключевые слова:

Профориентация, профессиональный стандарт, профессионально-личностная позиция, гуманизация, гуманитаризация.

В настоящее время в России осуществляется обновление национальной системы квалификаций работников и формирование системы профессиональных стандартов. Введение общероссийского классификатора специальностей высшей научной квалификации и поэтапная замена профессиональными стандартами квалификационных справочников позволит преодолеть сложившуюся ситуацию острого дефицита квалифицированных работников на рынке труда.

Впервые термин "*профстандарт*" официально включен в Программу социальных реформ в Российской Федерации на период 1996–2000 гг. Именно тогда Федеральные министерства и ведомства включили в свои программы разработку профстандартов. Первый макет профстандарта был разработан Национальным агентством развития квалификаций в 2007 г. Особую заинтересованность в разработке профстандартов проявил Российский союз промышленников и предпринимателей, инициировавший этот процесс в 2006 г.

Необходимость разработки и введения профессиональных стандартов определена Указом Президента РФ № 597 от 7 мая 2012 г. "О мероприятиях по реализации

государственной социальной политики". Профессиональные стандарты позволяют систематизировать требования работодателей к работникам, а также проводить оценку соответствия компетенций сотрудников требованиям конкретного работодателя. Кроме того, введение профстандартов является основой для установления более конкретных требований при выполнении трудовой функции работника с учетом специфики деятельности организации, что позволяет субъектам системы профессионального образования разрабатывать образовательные программы, соответствующие условиям рынка труда [6]. Таким образом, моделирование профессионально-личностной позиции будущего специалиста и подготовка будущего специалиста к решению профессионально-творческих задач, обусловленных социальным заказом общества, представляется важной в контексте как реформирования образования в условиях изменения социокультурной ситуации, так и в инновационных условиях реструктуризации отраслей экономики.

Комплексный план мероприятий по разработке профессиональных стандартов, их независимой профессионально-общественной экспертизе и применению на

2014 – 2016 годы предполагает необходимость замены Единого тарифно–квалификационного справочника работ и профессий рабочих (ЕТКС) и Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих (ЕКС) системой профессиональных стандартов (ч.2 ст.195.1 Трудового кодекса РФ). Необходимость введения профстандартов была обусловлена тем, что характеристики должностей, содержащиеся в Единых квалификационных справочниках, уже не соответствовали современной ситуации на рынке труда. В нем используются более современные конструкции в виде сочетания требований к знаниям, умениям, профессиональным навыкам и опыту работы. Эти особенности профессиональных стандартов делают их основными элементами национальной системы квалификаций, связывающими сферу труда и сферу профессионального образования. С 1 июля 2016 года работодатели обязаны применять профстандарты, если требования к квалификации, которая необходима сотруднику для выполнения определенной трудовой функции, установлены Трудовым кодексом, федеральными законами или иными нормативно–правовыми актами (Федеральный закон от 2.05.2015 г. № 122–ФЗ). Для остальных работников профстандарты носят рекомендательный характер [6].

Анализ состояния практики позволяет утверждать, что в настоящее время рынок труда локально находится в кризисной ситуации, поскольку очень часто компетенции работников требуют длительной адаптации при трудоустройстве, а профессиональное образование недостаточно ориентировано на перспективные и текущие потребности рынка труда, что подтверждает тезис об оторванности специального образования от нужд работодателя. Проведенное социологическое исследование выявило недостаточную активность на рынке труда и профессиональных сообществ и объединений работодателей в поддержке современных систем квалификации работников народного хозяйства. Таким образом, профстандарт как характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности и описание требований к специалисту носит комплексный характер.

Государственная программа в сфере образования (в рамках национального проекта "Образование"), одним из направлений предусматривающая "развитие образования как инструмента социального развития", а также Закон РФ "Об образовании" (Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273–ФЗ) ориентирует общество на решение задач "формирования общей культуры личности". [13]

Государственная политика декларирует приоритет гуманизации образования в современной нестабильной социокультурной ситуации, отсутствии объективного отражения событий новейшей истории, "запаздывания" научного и методического обеспечения гуманитарной сферы образования, особенно актуальное в условиях перехода на новые образовательные стандарты. На Всероссийской

конференции преподавателей гуманитарных и общественных наук (июнь 2016 г.) было отмечено, что в условиях современного противоречивого мира ценность гуманитарного образования только возрастает. Кроме того, без достижений в социальных науках невозможен кардинальный подъем всей российской науки, которые, наряду с развитием естественнонаучных дисциплин, являются фактором решения приоритетных государственных задач [9].

С позиции формирования профессионально–личностной позиции студентов высшей политехнической школы особую значимость приобретает проблема гуманизации и гуманитаризации технического образования, способствующая преодолению техницизма мышления, односторонности и фрагментарности подготовки специалистов, расширению их культурного кругозора, становлению и развитию гражданской позиции и профессионально–творческой деятельности по окончании университета.

В последние годы появилось значительное количество публикаций, авторы которых исследуют различные аспекты проблем гуманизации и гуманитаризации (К.А. Абульханова, А.К. Маркова и др.) [1; 2; 4; 11 и др.]. Благодаря их работам выделены и обоснованы различные уровни структуры проблемы (философско–культурологический, научно–гностический, синергетический и др.).

Одной из первостепенных задач современной педагогики является выявление гуманистического потенциала образования, его отношения к человеку как субъекту познания, общения и творчества. В настоящее время существует большой массив научных работ по вопросам гуманизации образования, в большинстве из них рассматривается в качестве наиболее важного методологического принципа не только функционирования, но и дальнейшего развития образовательных систем. В этой связи необходимость данного процесса как особой "технологии" формирования социокультурной личности, как психолого–педагогического механизма воплощения гуманистических идей в педагогическом процессе высшей школы еще более актуализируется [10].

Проблема гуманизации технического образования актуализировала необходимость глубокого изучения другой, непосредственно связанной с ней проблемы – гуманитаризации образовательного процесса. Гуманистическая цель образования обуславливает новый подход к определению его содержания, которое должно стать средством формирования высокой гуманитарной культуры [Е.Н. Шиянов], и в технологическом отношении это актуализирует вопрос реализации культурологического подхода к формированию содержания образования с точки зрения его гуманитаризации. [14]

Гуманитаризация как культурологическая проблема получила отражение в философских концепциях, культурологических и цивилизационных подходах Н.А. Бердяева, В.И. Вернадского, Л.Н. Гумилева Н.К. Рериха и др., раскрывающих интегративно–гуманитарный подход к изучению всеобщей взаимосвязи в природе и обществе;

в научно-методологических исследованиях Б.В. Раушенбаха, Э. Шредингера, А. Эйнштейна и др., направленных на изучение взаимосвязи наук в системе организации познавательной и научной деятельности. Таким образом, можно утверждать, что проблема гуманитаризации образования – это историческая проблема, всегда привлекавшая внимание исследователей. Конечно, в конкретных исторических условиях она имела определенную направленность, но постепенно приобрела многоаспектный характер.

Очевидно, по этой причине в публикациях последних лет (Б.С. Гершунский, А.К. Маркова, А.И. Ракитов, В.А. Садовничий и др.) особое внимание обращается на то, что XXI в. по сравнению с индустриальной эпохой еще более будет веком научно-технического прогресса и научно-технической революции (НТП и НТР), который распространит свое влияние на все сферы общества. При этом подчеркивается, что последствия НТП и НТР будут иметь не только позитивный, но и негативный характер. К негативным факторам, прежде всего, относится дегуманизация человеческого общения, которая приобретет специфическую форму в результате мощной волны компьютеризации общества [2; 4; 7; 9 и др.] Таким образом, сложившийся к настоящему времени образ жизни современного человека резко повышает ценность гуманитарного знания.

Переход России к рыночным отношениям в сфере экономики и производства потребовал переосмысления государственной политики в области образования. Наши многолетние наблюдения свидетельствуют, что выпускники технических вузов обладают глубиной и широтой знаний, но в практической деятельности не проявляют гибкости, маневренности, вариативности решений, у них слабо развиты видение дальнейшей перспективы и реакция на изменение конкретной ситуации. В условиях адаптации к рыночным отношениям и жесткой конкуренции на рынке труда общество проецирует на профессиональное образование актуальную задачу выпускать специалистов, качество подготовки которых удовлетворяло бы потребителей на рынке труда [12].

Результаты зарубежных и отечественных исследований свидетельствуют о том, что рынок часто не в состоянии предвидеть, в каких именно специалистах он будет нуждаться. В связи с этим считаем важным заключить, что современный специалист наряду с фундаментальной подготовкой должен иметь такой уровень общекультурного развития, который позволял бы ему свободно и эффективно ориентироваться в разнообразной и динамично развивающейся действительности. Конкурентоспособность современного специалиста зависит не только от овладения студентом будущей специальностью, но и от его разносторонней гуманитарной культуры, творческого мышления, воспитанности.

Стало очевидным, что традиционная система технического образования в современных социально-экономических условиях не обеспечивает реализацию соци-

ального заказа в области подготовки профессиональных кадров, не удовлетворяет потребностей личности в получении требуемого образования. Несостоятельность традиционной индустриальной образовательной парадигмы выводит на первый план парадигму гуманистическую, акцентированную на развитие личности, ориентируя образовательный процесс, таким образом, на человека,ощащая индивидуальную активность, творческие потенции, нацеливая на интеграцию гуманитарной и технической составляющих профессиональной подготовки, овладение компетенциями.

Проведенный анализ выявил несколько основных путей гуманизации профессионального образования в аспекте формирования профессионально-личностной позиции студентов. Первый связан с внесением в содержание обучения дополнительного материала, раскрывающего гуманистический, нравственный аспект профессиональной деятельности. Здесь используются такие способы, как анализ ценностных аспектов изучаемого учебного содержания на базе исторического и культурологического материала, формирование широких эстетических взглядов, чувства прекрасного и др.

Второй путь гуманизации обучения – перестройка собственно процессуальной стороны обучения на основе принципов индивидуализации, дифференциации, демократизации образовательных отношений. Этим обусловлены и приемы обучения, выделенные нами с точки зрения реализации данного направления: приемы лично-ориентированного подхода (связь учебного материала с социокультурным опытом и познавательными интересами; создание ситуаций успеха; изменение объема учебной информации, разноуровневые задания и др.); приемы, учитывающие внутриколлективные отношения (оптимальное сочетание различных форм совместной работы (групповой, фронтальной, коллективной), взаимоконтроль действий студентов; стимулирование оказания взаимопомощи в процессе учебной деятельности и т. д.); приемы, основанные на лично-субъектных отношениях (оценочные суждения студентов и преподавателей; консультирование студентов на различных этапах учебной деятельности; экспертная работа преподавателей и др.) [17].

С помощью этих приемов создается гуманитарно-ориентированная среда университета, своеобразный эмоциональный настрой, благоприятная психологическая атмосфера, преодолевается авторитарное противостояние преподавателя и студента как субъекта и объекта образовательного процесса, как обучающего и обучаемого.

Основываясь на данной точке зрения, в теоретической и практической педагогике прорабатывается идея о том, что для обеспечения восхождения человека к общечеловеческим ценностям и идеалам культуры, образование должно стать антропоцентрическим и культуросообразным [Пономарев А.В.]. Из этого следует, что основным методом его проектирования и развития должен стать гу-

манистический подход, который предписывает поворот всех компонентов образования к культуре и человеку, как ее творцу и субъекту, способному к культурному саморазвитию [5].

Как показывает практика, решение актуальных задач формирования гуманистического мышления студентов, особенно технических вузов, осложняется их отношением к гуманитарным наукам как к чему-то второстепенному, факультативному. Считается, что этому в значительной мере способствовали догматизм и оторванность общественных наук от реалий жизни. Одна из серьезных сложностей состоит в том, что образование студентов на протяжении длительного времени осуществлялось в условиях острого дефицита духовной культуры, без которой принципиально невозможно усиление его гуманистического аспекта. Негативное воздействие на формирование гуманистического мышления у студентов оказывают как сама трудовая практика, так и нарастающие проблемы и трудности, связанные с отечественным производством. Возможно, все это и стало причиной так называемого "технократического мышления", являющегося главным препятствием формированию у студентов технических вузов понимания того, что в их будущей профессиональной деятельности важно учитывать человеческий фактор, что гуманное отношение к человеку – обязательное условие обновления и инновационного развития общества [16].

Таким образом, важной задачей высшего образования является формирование личности будущих специалистов с учетом, прежде всего, потребностей современного общества. Решение этой задачи требует совершенно новых установок методического характера – гуманизации как естественных, так и технических наук. По мнению большинства дидактов (В.А.Садовничий, Ю.В.Сенько, И.С.Якиманская и др. [8, 10; 11; 14 и др.]), поставленная проблема разрешима гуманитаризацией учебных планов (факультативов, спецкурсов и т.д.), а также применением новых технологий в педагогике и методике преподавания гуманитарных дисциплин в техническом вузе.

Однако гуманитаризация отнюдь не сводится только лишь к задаче расширения информационного содержания гуманитарных дисциплин по сравнению с профессиональным. Изучение дискуссий, посвященных реформам высшего технического образования, позволяет обозначить первостепенные задачи гуманизации профессиональной подготовки инженеров. Первую задачу, наиболее трудную в плане практического воплощения, можно квалифицировать как социальное конструирование системы образования, отвечающей гуманистическим нормам и идеалам. Вторая задача связана с приобщением личности к богатству гуманитарной культуры в рамках учебного процесса и внеучебных форм студенческой активности. Она направлена на преодоление одномерности личности, задаваемой профессиональной специализацией.

Однако решение этих задач в образовательном процессе высшего технического университета затруднено

недостаточной разработанностью сущности гуманитаризации образования как социально-педагогического феномена и принципов реализации основных исходных целей, обуславливающих концептуальное направление в построении новой технологии образования [3].

Потребность в активизации процесса гуманитарной подготовки в процессе формирования социокультурной компетенции обусловлена не в последнюю очередь низким в целом общекультурным уровнем студентов образовательных учреждений технического профиля. "Обделенность" гуманистическими ценностями проявляется нередко в ослаблении интеллектуально-духовного развития, в распространении технократического снобизма. Все это в конечном итоге отражается на уровне профессиональной культуры будущего специалиста, на его качествах как профессионального работника.

Таким образом, процесс формирования профессионально-личностной позиции будущих инженеров ориентирован на создание оптимальных условий для саморазвития личности, учет социальных и познавательных потребностей студентов. Это предполагает построение образовательного процесса на субъект-субъектной основе, выявление гуманистического потенциала образования. Перенос приоритетов с процессуальной стороны на результат является основой не только для фундаментальной подготовки будущих инженеров в области гуманитарного знания, но и освоение студентами методологии познания и творчества, практической деятельности, социального поведения [8].

Таким образом, специалист технического профиля должен обладать следующими компетенциями:

- ◆ общенаучные компетенции (предметная сторона), содержащие базовые общие знания в области математики и естественных наук, гуманитарных и социально-экономических дисциплин, базовые информационно-компьютерные, коммуникативные и лингвистические навыки;
- ◆ гуманитарно-социальные компетенции (социально-педагогическая сторона): социально-нравственные характеристики (добросовестность, порядочность, исполнительность и др.) и социально-психологические умения и способности (гуманитарное мышление, доброжелательность, толерантность, эмпатия и др.);
- ◆ социокультурные компетенции (культуросообразная сторона): мировоззрение, социальные установки, система ценностей, взглядов, принципов, убеждений);
- ◆ профессиональные компетенции, инвариантные к конкретным профессиональным задачам (профессиональная сторона), характеризующие способность человека выполнять отдельные элементы целостной профессиональной деятельности.

Исходя из реализуемой в настоящее время государственной программы по рекомендации и введению профессиональных стандартов и процедуры внедрения сертификации, специалисты на рынке труда и работодатели

выстраивают стратегию работы с персоналом с учетом перспектив изменения законодательства. Для работодателей профессиональный стандарт будет являться базой для определения соответствия трудовых действий, необходимых знаний и умений, регламентированных стандартом, профессиональной квалификации работников. Это предполагает анализ всех предлагаемых профессиональных стандартов с точки зрения их применения в профессиональной деятельности, коррекцию внутренних управленческих документов, программ дополнительного профессионального образования, построения карьерной стратегии работников, формирование кадрового резерва и т.д. Кроме того, существующая система работы нуждается в коррекции по соответствию данным профессионального стандарта, в частности, номенклатуры должностей в классификаторе и штатном расписании, процедуры аттестации, должностных инструкций и др.

Стратегически анализ профессионального стандарта является основой выработки более конкретизированных требований при выполнении трудовых функции работника с учетом специфики деятельности организации.

Несомненно, положения соответствующих профессиональных стандартов необходимо анализировать при формировании федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования и учитываться при разработке образовательных программ профессионального образования. Таким образом, моделирование профессионально-личностной позиции будущего специалиста призвано решить существующую в настоящее время проблему несоответствия профессиональных навыков и компетенций выпускника учебного заведения, а также притязаний будущих специалистов требованиям работодателя и рынка труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова К. А. Социальное мышление личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Часть 3. Социальные представления и мышление личности. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2002. С. 88–103.
2. Гершунский Б. С. Концепция самореализации личности в системе обоснования ценностей и целей образования // Педагогика. 2003. № 10. С. 3–7.
3. Каган М.С. Формирование личности как синегретический процесс // Обсерватория культуры. 2005. № 2. С. 4–10.
4. Маркова А.К. Психология профессионализма. М., Наука, 1996. 134 с.
5. Пономарев А.В. Разработка концептуальной модели социально-личностных компетенций выпускника технического университета // Материалы IX Международной научно-практической конференции "Формирование профессиональной культуры специалистов XXI века в техническом университете". СПб, 24–26 марта 2009. С. 47–57.
6. Профессиональные стандарты [Электронный ресурс] <http://profstandart.rosmintrud.ru/>
7. Ракитов А.И. Информация, наука, технология в глобальных исторических изменениях. М., ИНИОН РАН, 1998. 104 с.
8. Савельев А.Я., Семушина Л.Г., Кагерманьян В.С. Модель формирования специалиста с высшим образованием на современном этапе // Содержание, формы и методы обучения в высшей школе: Аналитические обзоры по основным направлениям развития высшего образования. Вып. 3. М., НИИВО, 2005. 72 с.
9. Садовничий В.А. Роль кафедр гуманитарных и социально – экономических дисциплин в процессе модернизации высшей школы // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 1. С. 64–85.
10. Сенько Ю.В. Гуманитарные основания образования // Образование в условиях формирования нового типа культуры. III Международные Лихачевские научные чтения 22–23 мая 2003 года. СПб, СПб ГУП, 2003. С. 96–98. С.97
11. Серегина Н.М. Соотношение ценностного и технологического подходов в моделях образования // Культурно-образовательное пространство Татарстана: стратегии и практики. Казань, 2010. С. 62–64.
12. Урбан О.А. Проблемы занятости в Кузбассе: региональные особенности господдержки малого предпринимательства // Труд и социальные отношения. 2010. № 3. С. 48–56.
13. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
14. Шиянов Е.Н., Бабаян А. В., Берладина Е. Л. и др. Развитие, социализация и воспитание личности: гуманистическая парадигма. Монография. Ставрополь: СКСИ, 2007. 487 с.
15. Якиманская И.С. Технология личностно-ориентированного образования. М.: Сентябрь, 2000. 175 с.
16. Levitskaya I., Pastukhova N., Dubrovskaya O. Problems and prospects of sustainable development of mining regions // E3S Web of Conferences. 2017. Т. 15. С. 04008.
17. Ushatikova I.I., Klyuchnikov D.A., Saenko N.R., Levitskaya I.A., Pristupa E.N., Lebedeva N.V. Psychological and economical aspects of the competency approach the paradigm of higher education // International Review of Management and Marketing. 2016. Т. 6. № S1. С. 218–223.

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: НЕЛИНЕЙНОСТЬ И САМООРГАНИЗАЦИЯ

POST-INDUSTRIAL EDUCATION: NONLINEARITY AND SELF-ORGANIZATION

V. Lunev
T. Luneva
I. Drygina
N. Livak

Annotation

The article is devoted to the problems of higher education in post-industrial society. It is shown that higher education in Russia retains the features of the industrial era and is poorly adapted to modern reality. It is substantiated that the emergence and dissemination of knowledge in a post-industrial society is non-linear and self-organizing. To this process, the term of poststructural philosophy – "rhizome" is applicable. The theory of rhizomatic learning and the possibility of applying its ideas for improving higher education are considered. The results of the experiment are presented.

Keywords: post-industrial education, rhizome; poststructuralism; rhizomatic training; pedagogical technologies; self-organization.

Лунев Владимир Викторович

К.с.н., доцент, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Лунева Татьяна Анатольевна

К.т.н., доцент, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика

М.Ф. Решетнева, г. Красноярск

Дрыгина Инна Валерьевна

К.п.н., Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика

М.Ф. Решетнева, г. Красноярск

Ливак Наталия Степановна

К.псих.н., Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика

М.Ф. Решетнева, г. Красноярск

Аннотация

Статья посвящена проблемам высшего образования в постиндустриальном обществе. Показано, что высшее образование в России сохраняет черты индустриальной эпохи и плохо адаптировано под современную реальность. Обосновывается, что возникновение и распространение знаний в постиндустриальном обществе носит нелинейный и самоорганизующийся характер. К этому процессу применим термин философии постструктурализма – "ризома". Рассмотрена теория ризоматического обучения и возможность применения ее идей для совершенствования высшего образования. Приведены результаты эксперимента.

Ключевые слова:

Постиндустриальное образование; ризома; постструктурализм; ризоматическое обучение; педагогические технологии; самоорганизация.

Термин "постиндустриальное образование" в отечественную педагогическую науку ввел А. М. Новиков [5]. В его обосновании он опирается на концепцию постиндустриального общества, развивающуюся в социологии и философии. Наиболее полно данная концепция изложена Э. Тоффлером в работе "Третья волна" [9]. Теория описывает этапы развития (волны) человеческой цивилизации. Первая волна была аграрной. Основными ее социальными институтами были: община, патриархальная семья, феодальное государство. Ей были присущи слабая централизация и стандартизация, высокая степень многообразия и разобщенности.

Вторая волна, охватившая значительную часть XX века, – это индустриальное общество. Ключевые системообразующие принципы второй волны (код общества): стандартизация, специализация, синхронизация, централизация, концентрация, массовость. Они противополо-

жны принципам первой волны. Основные социальные институты второй волны – это централизованное бюрократическое государство и корпорации. Институты второй волны пытались все охватить централизованным контролем, а жизнь такого общества напоминала большую машину с отлаженным механизмом.

Третья волна возникает во второй половине XX века и перетекает в современность. Ее появление обусловили серьезные технологические сдвиги в распространении и обработке информации, увеличении "скорости жизни" и развитии альтернативной энергетики: появление компьютеров, сети интернет, мобильной связи и смартфонов, реактивной авиации и скоростных поездов и др. Ее системный код иной, чем у второй волны – это индивидуализация, дестандартизация, децентрализация, деконцентрация. Третья волна возвращает нас к многообразию мира, которое было присуще первой волне.

Основные социальные институты третьей волны – университеты и научные институты, инновационные компании и социальные сети. Структура нового общества все больше становится сетевой, а не иерархической.

Сравнивая образование второй и третьей волны (индустриального и постиндустриального общества), можно отметить, что учебные заведения второй волны по своей организации копировали большие фабрики, а педагогические технологии напоминали фабричный конвейер. Помимо обучения, они имели и воспитательную задачу – подготовить человека к работе в большой бюрократической компании, где было необходимо строго следовать иерархии, соблюдать жесткую дисциплину и выполнять стандартизированную работу.

Образованность в постиндустриальном обществе имеет другую природу. Теперь это умение работать в проектах, создавать команды, ориентироваться в потоке информации, творчески и системно мыслить, постоянно самообразовываться, принимать решения и брать на себя ответственность. Экономика постиндустриального общества основана на знаниях и обработке информации. Главными ресурсами в ней становятся люди и инновации [10]. Образованию постиндустриальной эпохи приходится отвечать на вопрос: как подготовить людей к новой социальной реальности? Однозначной модели постиндустриального образования еще не сложилось. В университетах разных стран идет поиск образовательных технологий и форм организации, способных подготовить людей к быстронаступающему будущему [4].

Зададимся вопросом, к какой волне относится современное российское высшее образование? Мы согласны с А. М. Новиковым, который с определенностью утверждает, что это все еще образование второй волны [5, с. 37,]. Ему присущи все основные черты индустриального образования: централизация, массовость, бюрократизация, отсутствие выбора, субъект–объектные отношения между преподавателем и обучающимся и др. Переход российского образования к компетентностному подходу в этом смысле мало что меняет [8].

Считаем, что одна из основных причин снижения качества российского образования заключается в том, что его педагогические технологии входят в противоречие с новыми социальными реалиями. Противостоять цивилизационным изменениям нельзя, но можно использовать их закономерности, выстраивая связь между социальными изменениями и педагогическими технологиями. Очевидно, что образование XXI века должно опираться на принципы третьей волны, развивая и дополняя их. Возникает потребность пересмотра образовательных технологий и педагогического процесса в целом.

В связи с этим интерес представляет теория ризоматического обучения. Термин "ризома" (франц. rhizome – корневище, аналогия с грибницей) ввели в научный оборот французские философы–постструктуралисты Жилем Делёз и Феликс Гваттари [3]. Они используют понятие ризомы для описания модели создания и распространения информации и знания в современном обществе. Эти процессы противоположны линейным представлениям, существовавшим в XX веке. Основное свойство "ризомы" – множественность потоков и смыслов, которые взаимодействуют и накладываются друг на друга, формируя семантическое поле новой цивилизации. Классическим примером "ризомы" является наполнение пользователями содержания сети Интернет и отдельных ее частей, например, "Википедии" – интернет-энциклопедии, создаваемой пользователями в режиме реального времени.

Применительно к образованию концепцию ризоматического обучения развивает канадский блоггер и преподаватель Дэвид Кормье. В 2014 году он провел онлайн–курс "#rhizo14" [1, с. 32–33; 2]. Основную педагогическую идею, которую отстаивает Дэвид Кормье, можно сформулировать, так: "сообщество как учебный план". Организация учебного процесса по аналогии с "ризомой" предлагает, что группа обучающихся самостоятельно выбирает цели, содержание обучения, методы работы и способы контроля. Двигаясь в своем, самоорганизующемся темпе, она рождает собственные знания. Для общения группа использует социальные сети, а для систематизации коллективных знаний – документы Google, которые позволяют работать в режиме коллективного доступа. Преподаватель выступает, скорее, организатором обучающего пространства, чем носителем готового знания.

На наш взгляд, идеи постструктуралистов содержат положения, актуальные для современной педагогической теории и практики. На их основе можно разрабатывать педагогические технологии, "вплетенные в ткань современности".

Рассмотрим некоторые положения подробнее.

1. Учебный процесс может использовать закономерности "ризомы". Для этого надо признать, что в образовании и науке мы имеем дело с самоорганизующимися открытыми социальными системами, для которых характерны множественные варианты существования, хаотичное движение разных потоков и самоорганизация [6]. Процесс создания и распространения новых знаний в современном обществе, действительно, носит ризоматический характер. Ему присущи свойства нелинейности и самоорганизации. Современный педагогический процесс должен учитывать эту нелинейность процессов в

познании, сфере коммуникаций и распространении информации.

Основной задачей становится "встроить" эти нелинейные процессы в систему образования, которая предполагает стандарты, компетенции, временные ограничения и организационные формы. Простое противопоставление нелинейности – линейности, а хаосу – порядку, означает попытку "задержаться" в пространстве второй волны и игнорировать существующую реальность. Хорошим решением здесь может быть только диалектическое взаимодействие системности и существующих нелинейных процессов. Согласно синергетике, открытая система может находиться в одном из трех состояний: "хаоса", "порядка" и "динамического равновесия" [7]. В состоянии "хаоса" система неуправляема. Очевидно, что классическая ризома Дэвида Кормье находится в состоянии, близком к хаосу. В такой системе сложно ставить цели, прогнозировать результат и контролировать ее текущее состояние (хотя это и не исключается). В состоянии "порядка" система управляема, но это управление часто обесценивается в ущерб творчеству и самоорганизации. Оптимальным можно считать состояние "динамического равновесия" – когда система балансирует между хаосом и порядком и при этом сохраняет управляемость, имеет цели и контролируемый результат. Поэтому педагогические технологии постиндустриального общества должны создать такие условия, чтобы нелинейные процессы познания совмещались с системной организацией учебного процесса. Выходом, на наш взгляд, может стать идея, связанная с организацией не всего учебного процесса, а учебной группы по принципу "ризомы".

2. Учебная группа может быть организована по принципу "ризомы". Примером такой группы может считаться социальная сеть или тематический форум в интернете. Обмен знаниями внутри такой группы может являться мощным источником коллективного творчества и новой педагогической технологией. Эксперименты Дэвида Кормье показали, что самоорганизующаяся группа имеет большой самообучающийся потенциал. Каждый член такой группы, привнося в нее свой опыт, стимулирует

обучение других ее членов. Возникает нелинейная цепная реакция, повышающая скорость и общее качество усвоения материала.

Наш опыт организации учебной группы по ризомному принципу в Сибирском федеральном университете, выявил ряд особенностей данной педагогической технологии. Отметим основные из них.

Во-первых, организующим фактором учебной группы по принципу "ризомы" является включенность ее членов в социальную сеть. В нашем случае такой сетью выступала реальная группа в социальной сети "ВКонтакте". Ее функционал позволяет обмениваться сообщениями и документами друг с другом.

Во-вторых, учебные материалы лучше представлять двумя формами: общие задания для всей группы и индивидуальные задания для каждого члена группы (например, по вариантам).

В-третьих, требование открытости решений. Каждый обучающийся выкладывает в группу результаты своей работы, как над общим, так и над индивидуальным заданием. На наш взгляд, это очень важный принцип, он стимулирует процессы коллективного творчества и взаимного обучения.

В-четвертых, оценка результатов обучения должна включать, как индивидуальную, так и групповую работу. В нашем случае обучающийся получал оценку за свое индивидуальное задание, а группа оценивала его личный вклад в групповое задание.

Нами было проведено несколько небольших экспериментов. Опишем один из них. Слушатели курса "Методы принятия управленческих решений" были разделены на две группы – контрольную и экспериментальную. Обеим группам было дано задание – решить учебную задачу (каждому свой вариант), которая предполагала творческую и расчетную части. Аналогичные задачи были рассмотрены на лекции. Время, которое отводилось на решение задачи – неделя. Студенты контрольной

Таблица 1.

Таблица. Результаты эксперимента.

Группы	Время решения расчетной части задачи в группе (среднее значение, сут.)	Правильность решения расчетной части задачи в группе (среднее значение, %)	Оригинальность решения творческой части задачи в группе (среднее значение, %)
Контрольная	6	60	40
Экспериментальная	3	95	85

группы решали задачу традиционным способом, то есть каждый студент решал ее самостоятельно. Студенты экспериментальной группы были организованы по принципу "ризомы".

Результаты эксперимента приведены в **табл.1**.

Видно, что группа, организованная по принципу "ризомы", дает лучшие результаты, чем традиционная фор-

ма работы. Существенная разница результатов видна, как в расчетной части задания, так и в творческой, где она выражена сильнее.

Таким образом, идеи ризоматического обучения имеют большой педагогический потенциал. Отечественному образованию еще только предстоит освоить и адаптировать данные педагогические технологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гречушкина Н. В., Жокина Н. А. К вопросу о типологии массовых открытых онлайн курсов // Современные образовательные технологии в мировом учебно-воспитательном пространстве. – 2016. – № 4. – С. 30–34.
2. Cormier D. Rhizomatic Education: Community as Curriculum. – URL: <http://davecormier.com/edblog/2008/06/03/rhizomatic-education-community-as-curriculum/>
3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Книга 2. Тысячи поверхностей. – URL: mirknig.mobi/...2013-02-28...Delez...plato.1333001.pdf
4. Лунев В. В., Лунева Т. А. Принципы проектирования содержания обучения на основе опережающего подхода // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. – 2016. – № 4. – С.52–56.
5. Новиков А М. Постиндустриальное образование. Монография. М.: Эгвес, 2008. – 136 с.
6. Назаретян А. П. Нелинейное будущее и проблема жизненных смыслов // Историческая психология и социология истории. – 2012. – № 5 (2). – С. 148–180.
7. Овшинов А. Н. Социальный порядок и хаос – динамическое равновесие (синергетический подход) // Научно-методический электронный журнал "Концепт". – 2017. – № 4. – С. 137–146. – URL: <http://e-koncept.ru/2017/170092.htm>.
8. Смирнов И. П. Будущее образования – гипотеза ученого // Образование в постиндустриальном обществе: сб. статей междунар. науч. конф., посвященной Александру Михайловичу Новикову – Учёному. Учителю, Человеку! 2 декабря 2013 г. / Институт теории и истории педагогики РАО. – М.: ИИУ МГОУ, 2014. – С. 11–22.
9. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер; пер. с англ. – М.: АСТ, 2004. – 784 с.
10. Шваб К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб; пер. с англ. – "Эксмо", 2016. – 208 с.

© В.В. Лунев, Т.А. Лунева, И.В. Дрыгина, Н.С. Ливак, (vladimir1@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

РАЗРАБОТКА СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ ИТ-СЛУЖБЫ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

THE CREATION OF STRATEGIC DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF IT SERVICES IN HIGHER EDUCATION

*O. Omarov
N. Omarova
E. Ivanova*

Annotation

The article reveals the essence of the IT-strategy of an educational institution, defines its main elements and stages of development. Covers the main concepts related to IT-strategy, role of information technology in the enterprise, and the need for their implementation. Analyzed the development strategy of information system of the DSU, and recommendations for improvement of the IT-infrastructure. The IT-strategy of the University should ensure the systematic development of its information system, dynamically modifying it in accordance with the requirements of companies and educational institutions. The competitiveness of the University depends largely on the effective management and implementation of modern standards in the field of IT-management.

Keywords: IT-strategy, educational institutions, continuous education, modern information and communication technologies in education, IT-infrastructure, strategic goals, modelling business processes.

*Омаров Омар Алиевич
Д.ф.-м.н., профессор
Омарова Наида Омаровна
Д.ф.-м.н., профессор
Иванова Елена Владимировна
Ст. преподаватель
ФГБОУ ВО "Дагестанский
государственный университет",
Республика Дагестан,
Махачкала, Россия*

Аннотация

В статье раскрывается сущность ИТ-стратегии образовательного учреждения, определены ее основные элементы и этапы разработки. Раскрыты основные понятия, связанные с ИТ-стратегией, определены роли информационных технологий на предприятии, и необходимость их внедрения. Проанализирована разработка стратегии развития информационной системы в ФГБОУ ВО ДГУ, и выработаны рекомендации для усовершенствования ИТ-инфраструктуры. ИТ-стратегия вуза должна обеспечивать планомерное развитие его информационной системы, динамично изменяя ее в соответствии с требованиями общества и высшего учебного заведения. Конкурентоспособность вуза во многом зависит от эффективного управления и внедрения современных стандартов в области управления ИТ.

Ключевые слова:

ИТ-стратегия образовательного учреждения, непрерывное образование, современные информационно-коммуникационные технологии в образовании, ИТ-инфраструктура, стратегические цели, моделирование бизнес-процессов.

Информационное общество предъявляет новые требования и стандарты системе образования. Информация должна быть доступной для каждого обучающегося во всех ее формах, объемах и методах предоставления. Высшие учебные заведения, стремящиеся соответствовать этим требованиям, должны внедрять ИТ в учебный процесс, систему управления, развивать свою информационную систему и стремиться к рациональному использованию ИТ-ресурсов.

Наибольшего эффекта от ИС организации можно добиться, разработав и практически реализовав стратегическое планирование развития ИТ-системы. ИТ-стратегия вуза должна обеспечивать планомерное развитие его информационной системы, динамично изменяя ее в соответствии с требованиями общества и высшего учебного заведения. Конкурентоспособность вуза во многом

зависит от эффективного управления и внедрения современных стандартов в области управления ИТ.

Эффективное стратегическое планирование предусматривает четко сформулированные цели, видение ограниченного набора способов их достижения и понимание того какие ресурсы организации необходимы для его реализации. ИТ-стратегия вуза – это часть его корпоративной стратегии, одна из функциональных стратегий. ИТ-стратегия, или стратегический план развития информационных технологий – это сценарий, по которому предполагается развивать информационно-коммуникационную систему вуза.

В большинстве российских компаний ИТ-стратегия отсутствует. В лучшем случае, есть индикативные планы на год вперед, которые не всегда выполняются. По свод-

ным оценкам консультантов, ИТ-стратегия есть у 30% предприятий и еще 50% хотят ее иметь. Не исключение и высшие учебные заведения.

ИТ-стратегия – это концептуальный документ, который не должен содержать излишних технических подробностей. Все технические детали реализации проектов, могут содержаться в приложениях к ИТ-стратегии или в иных документах. ИТ-служба – полноценное бизнес-подразделение учреждения, участвующее, как в повседневной оперативной деятельности, так и в достижении стратегических целей бизнеса.

Первостепенной задачей в процессе разработки ИТ-стратегии является определение роли информационных технологий в развитии бизнеса и организации управления. Роль информационных технологий состоит в эффективном содействии развитию бизнеса в процессе решения управленческих, организационных, и финансово-экономических задач для сохранения конкурентоспособности и обеспечения условий для равноправного партнерства во внутрироссийской и международной кооперации. Это определение носит весьма обобщенный характер. В каждом конкретном случае определение роли ИТ должно быть привязано к специфике организации. Другими словами, в определении роли ИТ должна быть узнаваема сама организация. Понятно, что роль ИТ сильно различается в зависимости от отраслевой принадлежности организации. В финансовом секторе и отрасли телекоммуникаций она критична в то время, как, например, в пищевой промышленности она существенно меньше, что явно отражается в соотношении затрат на ИТ.

ИТ-стратегия включает в себя ответы на следующие ключевые вопросы о процессе внедрения и использования информационных технологий:

- ◆ Комплексность автоматизации;
- ◆ Если не предполагается комплексная автоматизация, то определение направлений деятельности, бизнес-процессов или подразделений, которые будут автоматизироваться;
- ◆ Порядок автоматизации, сроки отдельных этапов;

- ◆ Выбор используемых продуктов, систем, платформ;
- ◆ Применение заказных разработок;
- ◆ Используемые методики интеграции;
- ◆ Способы реализации проектов (использование услуг сторонних компаний, аутсорсинг, выполнение работ силами собственного подразделения и пр.).

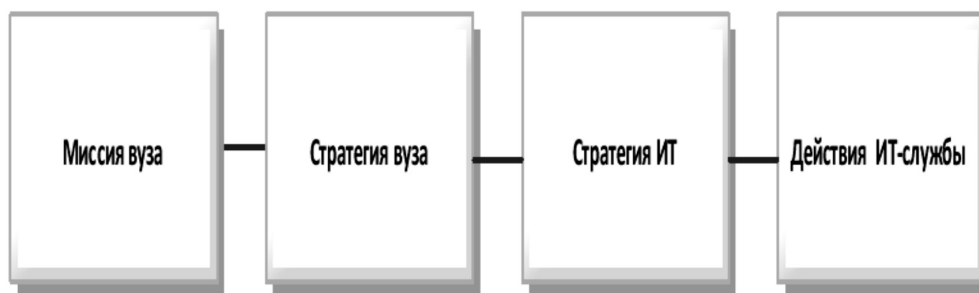
Предметом исследования является ИТ-стратегия Информационно-вычислительного центра образовательного учреждения. Основной целью является выявить соответствие между направлениями деятельности ИВЦ и стратегическими планами. Для более наглядного представления разработаны модели с помощью удобного средства моделирования ARIS Express.

Домик ARIS учреждения является формальным изображением его миссии, указывая на положение вуза в системе высшего образования РФ. Заполняя отдельные функциональные блоки Домика ARIS и применяя Гар-анализ, можно получить развернутый стратегический план перехода вуза от нынешнего к будущему состоянию.

Миссия организации определяет ее стратегию, которая в свою очередь формирует ИТ-стратегию. ИТ-стратегия в свою очередь диктует действия ИТ-службы.

Например, ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет отдает предпочтение инновационному подходу и эффективной реализации нововведений во всех сферах деятельности университета.

Учреждение видит свою миссию в обеспечении высокой конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках образовательных услуг за счет высокого качества и всесторонней подготовки специалистов, а также их личностного, научно-образовательного и практического уровня, соответствующего всем мировым стандартам классического университетского образования. Именно миссия и определяет, то, в каком направлении нужно развиваться университету, какие направления нужно принять к качеству приоритетных [1,2].

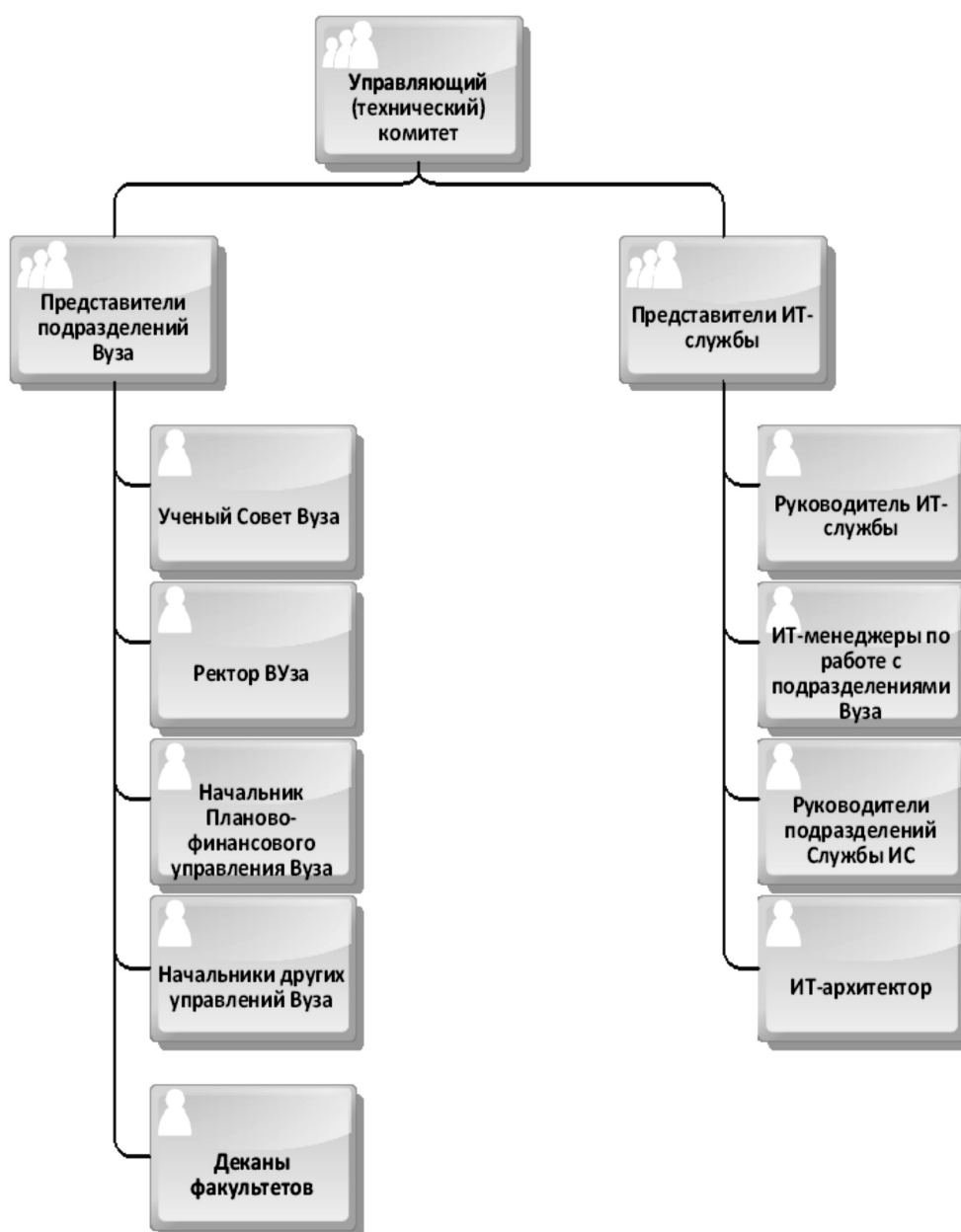

При важности всех аспектов образовательного процесса ключевым фактором, определяющим качество образования, является уровень научных исследований по приоритетным направлениям развития науки, технологии и техники РФ.

ИВЦ как ИТ-служба должна содействовать в достижении стратегических целей. ИВЦ определяет основные направления своей деятельности именно в соответствии со стратегией развития учреждения. Регулярно проводятся конференции, обзоры, презентации перспективных программных средств и информационных техноло-

гий с участием разработчиков и приглашением заинтересованных лиц, является участником ежегодных республиканских выставок информационных технологий и компьютерной техники [3].

Важными целями ИВЦ являются обеспечение максимального использования информационных технологий в процессе обучения с целью повышения его эффективности, доступности и качества, создание и развитие современной системы дистанционного обучения и модернизации всей вычислительной техники Университета.

Model 1. Организационная структура управляющего (технического) комитета ВУЗ-а.

Процесс разработки ИТ-стратегии невозможен без создания детализированного документа "Стратегия Вуза", даже при его наличии существуют риски связанные с неверным определением стратегических направлений Вуза. ИТ-стратегия ограничена наследуемой ИТ-архитектурой. В создании ИТ-стратегии принимают участие, как представители высшего руководства Вуза, так и представители службы ИС [2,4,5].

Управляющий (технический) комитет – структура управления, связанная с принятием решений в области ИТ-стратегии и одновременно метод ее финансовый реализации.

Стратегическими направлениями деятельности ИТ-службы, как структурного подразделения университета, призванного решать вопросы внедрения ИТ в сфере образования, науки, культуры и управления совместно с инновационными структурами университета, определены:

1. Информатизация системы управления в университете;

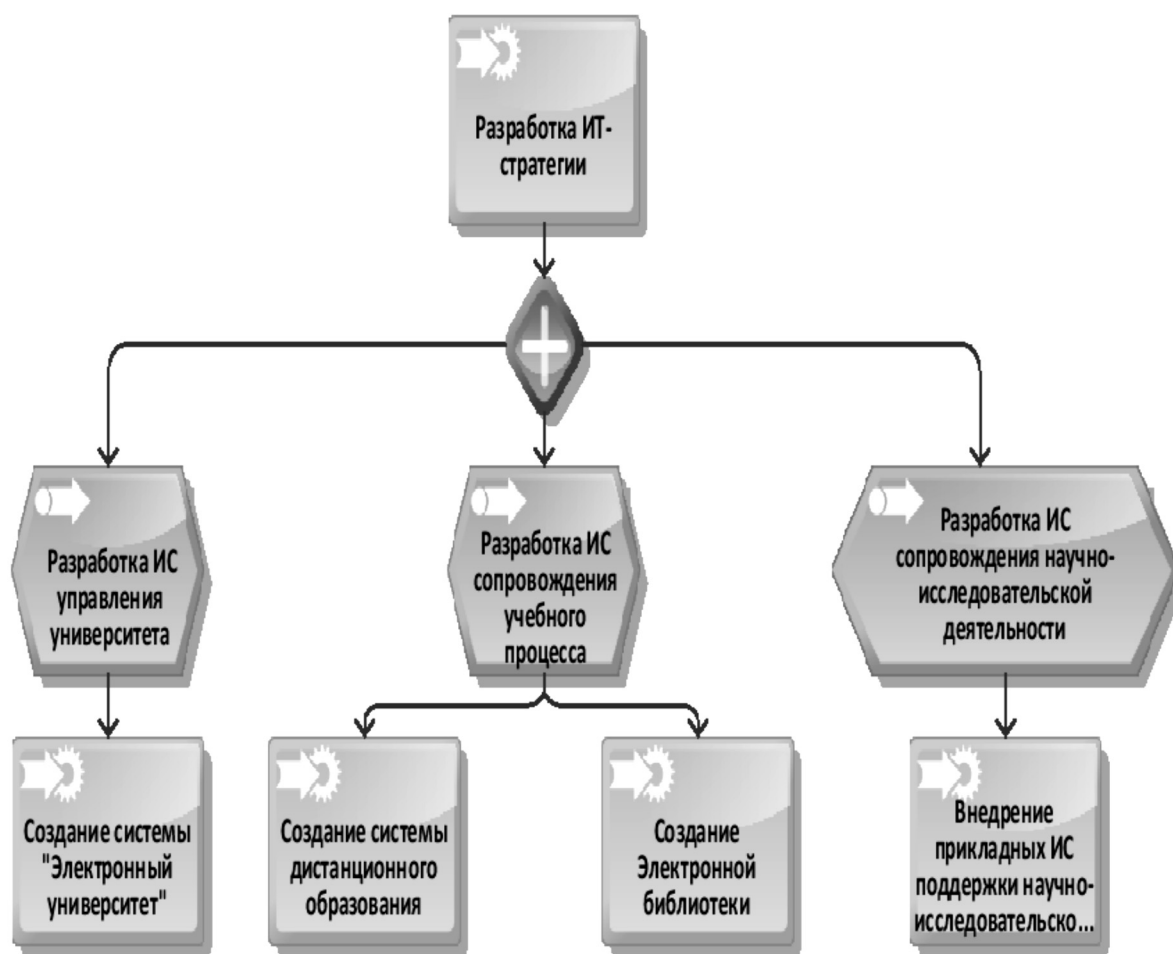
2. Внедрение новых информационных технологий в учебный и научный процесс;

3. Внедрение новых информационных технологий в научно-исследовательскую деятельность ВУЗ-а.

Новые возможности для реализации принципов непрерывного образования, повышения квалификации и переквалификации специалистов, получения второго образования открывает использование интернет-технологий и дистанционного обучения.

В учебных заведениях педагогами разрабатываются специальные методики ДО, создаются специализированные образовательные контенты (базовые интерактивные учебные пособия, учебные видеофильмы, аудиопрограммы, обучающие компьютерные программы и т.п.).

Современные ИК технологии и стремительное развитие сетевых образовательных услуг привели к комплексу инноваций по реорганизации существующих образовательных систем.

Model 2. Основные стратегические направления развития информационной системы ВУЗ-а.

Создание специализированных учебных материалов нового поколения способствует развитию дистанционного образования. Разрабатываются оригинальные методы ДО, опирающиеся на новейшие информационные технологии и средства телекоммуникаций. Учебно-методические комплексы нового поколения характеризуют интерактивность, полицентричность, открытость. Современный преподаватель использует технологии, развивающие навыки командной работы, межличностной коммуникации, принятия решений в различных ситуациях [6,7]. Применение интерактивных мультимедийных обучающих систем повышает динамику и содержательность учебных заданий, процесса их выполнения, а также самоконтроля успешности обучения.

Внедрение в учебный процесс информационно-коммуникационных средств сопровождения Федерального государственного образовательного стандарта ВО и осуществление их интеграции с традиционными средствами способствует повышению эффективности, доступности и качества обучения, путем организации доступа к общим

образовательным ресурсам; обеспечению учащимся условий для получения полноценного образования и адаптации в современном информационном обществе.

На основе интенсивного внедрения инновационных средств дистанционного обучения происходит создание конкурирующего рынка образовательных услуг. Что является важным, так как одной из задач дистанционного образования является обеспечение учебным продуктом высокого качества потребителей образовательной сферы в периферийных, а также в высокогорных регионах. Для этих целей необходимо непрерывно расширять и улучшать качество дистанционного образования. Его формы и содержание должны отвечать главным требованиям: доступности и демократичности обучения, исключая все формы дискриминации в образовательной сфере. При этом должно соблюдаться другое важное требование, предъявляемое системе образования современного общества: непрерывность обучения граждан в течение всей жизни, т.е. "образование через всю жизнь".

ЛИТЕРАТУРА

1. ИТ-стратегия и управление ИТ. Улучшение управление ИТ. Режим доступа – "Электронный ресурс". URL: <http://www.info-strategy.ru/> .
2. Газета.ру . Консалтинг. Режим доступа – "Электронный ресурс". URL: <https://www.gazeta.ru/2002/03/18/razbotkast.shtml>.
3. Организация работ по разработке ИС. Интуит. Национальный открытый университет. "Электронный Ресурс" – Режим доступа. URL: www.intuit.ru/studies/courses/.
4. <https://www.habrahabr.ru/>. Сущность ИТ-стратегии. Режим доступа – "Электронный ресурс".
5. Информационный сайт МФТИ. Режим доступа – "Электронный ресурс". URL: <https://mipt.ru/> ..
6. Ахмедова М.Г., Омаров О.А., Омарова Н.О. Становление идентичности педагога в инновационном образовании // Актуальные проблемы профессионального и высшего образования: коллективная монография. – М.: Изд-во "Экон-Информ", 2016. – С. 142–148. 15 п.л.
7. Омарова Н.О., Исмиханов З.Н., Велиев Э.Б. Инновационные технологии в образовании и науке. ООО "Деловой мир" Махачкала 2016г., 11,5 п.л.

© О.А. Омаров, Н.О. Омарова, Е.В. Иванова, (n.omarova@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ФГБОУ ВО "Дагестанский государственный университет", Махачкала, Россия

ТЕХНОЛОГИЯ ОТБОРА ТЕКСТОВОГО МАТЕРИАЛА ПРИ ОБУЧЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМУ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗ-е

SELECTION OF EDUCATIONAL TEXTS FOR TEACHING ESP IN MEDICAL UNIVERSITY

*O. Potapova
T. Baeva
K. Kubacheva*

Annotation

This article considers methodological issues related to the foreign language teaching in medical schools especially, the choice of language means for effective mastering of professional competencies in the field of medicine. The technology of content area and linguistic material selection, which is based on the communicative principle of ESP teaching, is presented; the connection between of the text content and a specific speech situation, the pragmatic needs and interests of the students are taken into account. The article deals with the determining the criteria for educational text resources selection for reading skills developing and methods of work with them. The study was performed on the basis of text books for medical students and postgraduates written by the authors of the article for teaching English for specific medical purposes and their practical approval in our medical university.

Keywords: educational text selection, selection criteria for text material, language means, the medical text peculiarity, ESP teaching, medical students and postgraduates.

Потапова Ольга Михайловна

К.филол.н., доцент,

Баева Тамара Ахматовна

К.п.н., доцент,

Кубачева Кабиат Ибрагимовна

К.п.н., доцент,

СЗГМУ им. И.И. Мечникова,

г. Санкт-Петербург

Аннотация

В данной статье рассматриваются методические вопросы, связанные с преподаванием иностранного языка в медицинском вузе, а именно, выбор языковых средств для эффективного овладения профессиональными компетенциями в сфере медицинской деятельности. Представлена технология отбора предметного содержания и языкового материала, которая основывается на коммуникативном принципе профессионально-ориентированного обучения; учитывается связь содержания текста с конкретной речевой ситуацией, прагматические потребности и интересы обучающихся. Уделяется внимание определению критериев отбора текстов для обучения изучающему чтению, технологии работы с ними. Исследование было проведено на основе создания учебно-методических пособий по английскому языку для обучения студентов и аспирантов медицинских вузов и в ходе их апробации на занятиях по английскому языку.

Ключевые слова:

Выбор образовательного текста, критерии отбора для текстового материала, языковые средства, особенности медицинского текста, обучение ESP, студенты-медики и аспиранты.

ВВЕДЕНИЕ

Модернизация российского высшего образования ставит перед собой приоритетную задачу повышения качества подготовки специалистов, востребованных на рынке труда, в частности выпускников медицинских вузов. Основная цель профессионального медицинского образования – подготовка высококвалифицированного, конкурентоспособного, компетентного специалиста, способного к эффективной работе на уровне мировых стандартов, готового к профессиональному росту. Выявление ведущей роли коммуникативно-прагматического подхода обосновано целями обучения иностранному языку в современных условиях. В центре внимания – общение на иностранном языке в контексте межкультурной коммуникации, как комплекс речевой деятельности лю-

дей по созданию (автором) и интерпретации (адресатом) разного рода высказываний и дискурсов/текстов. Особую значимость приобретает вопрос о наличии у будущих врачей профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции.

Результаты исследования профессиональных потребностей выпускников медицинских вузов показывают, что основной формой реализации знания иностранного языка является чтение, которое оказывается востребованным в тех случаях, когда не хватает информации для решения конкретной задачи. Таким образом, для успешной адаптации и реализации специалиста в обществе, для формирования его профессиональной коммуникативной компетенции, повышается актуальность овладения чтением, как необходимым умением для получе-

ния информации из различных, в том числе и иноязычных источников. Мы полагаем, что одной из основных проблем рассмотрения текста как компонента содержания обучения иностранному языку является проблема рационального отбора текстового материала [7].

Цель данной статьи – представить технологию отбора текстового материала при обучении иностранным языкам студентов и аспирантов медицинских вузов, определив роль и место аутентичных текстов по медицинской тематике в формировании профессиональной иноязычной компетентности.

Основой для исследования послужила разработка и написание учебно-методических пособий по английскому языку для студентов медицинских вузов "Английский язык в сфере профессионального общения. Медицина", "Medical English" по специальности "Лечебное дело" и "Медико-профилактическое дело" [1,10] и "The first step to academic career" для самостоятельной работы аспирантов медицинских вузов [11].

Актуальность и практическая ценность данной работы заключается в том, что текстовый материал, представленный в наших пособиях, применяется преподавателями вуза для обучения студентов, а также используется аспирантами для дальнейшего развития навыков чтения и понимания литературы по специальности, достижения практического владения английским языком, позволяющего использовать его в различных видах научной деятельности.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Одной из основных проблем рассмотрения текста как компонента содержания обучения иностранному языку является проблема рационального отбора текстового материала. Мы говорим именно о том материале, в котором содержится информация о последних открытиях в области медицины, способах и методах лечения и профилактики заболеваний. Подобные сведения можно обнаружить во многих научно-медицинских изданиях, например: "British Medical Journal", "New England Medical Journal", "The Lancet" на английском языке. Благодаря многим образовательным ресурсам, развитию сети интернет и доступу к аутентичным источникам информации, в частности интернет-сайтам: <http://www.medicinenline.com/>, <http://www.nlm.nih.gov/>, <http://www.medfriendly.com/>, <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/> преподаватель и студент имеют доступ к актуальным текстам научно-учебного подстиля, связанным с проблематикой профессионально-ориентированного обучения медицинскому английскому.

Результаты исследования профессиональных потребностей выпускников медицинских вузов показывают,

что основной формой реализации знания иностранного языка является чтение, которое оказывается востребованным в тех случаях, когда не хватает информации для решения конкретной задачи. Исходя из этого, в процессе преподавания иностранного языка на неязыковых факультетах большое внимание уделяется обучению чтению.

Очевидно, что обучение иностранному языку в неязыковых вузах предполагает овладение разнообразными видами и умениями чтения аутентичных текстов общественно-политических, публицистических и прагматических текстов (информационных буклетов, брошюр/проспектов), научно-популярных и научных текстов, а также блогов и веб-сайтов [6].

Проблема текста в области преподавания иностранных языков до сих пор остается одной из самых обсуждаемых проблем современности. Многие ученые уделили внимание важнейшим параметрам текста, обеспечивающим ему его статус отдельного крупного объекта лингвистической науки, описанию признаков и свойств текста [4,9].

По мнению некоторых исследователей, текст представляется как "совокупность предложений, объединенных в структуру различными типами связи, единством прагматической установки и определенной информации" [8]. Существует определение текста как коммуникативно-ориентированного, концептуально обусловленного продукта "реализации языковой системы в рамках определенной сферы общения, имеющего информативно-смысловую и прагматическую сущность" [2]. В теории обучения иностранному языку текст рассматривается как продукт речевой деятельности, в котором выделяются единство темы и замысла, смысловая законченность, определенная структура, стиливая и жанровая отнесенность. Использование текста в процессе обучения должно содействовать решению методических, практических целей и задач [3].

Общепризнано, что решение задач профессионально-ориентированного обучения невозможно без использования текстового материала, основанного на реалиях, типичных для определенной сферы деятельности.

П. А. Муртазиной определены критерии, по которым проводится отбор текстовой информации на медицинскую тематику: 1) критерий аутентичности, то есть текст должен быть создан носителем языка, не должен подвергаться адаптации, упрощению; 2) критерий информативности, т.е. текст должен содержать новые знания о предмете; 3) критерий релевантности, то есть материал должен соответствовать уровню знаний студента, его кругозору и его запросу; 4) критерий мотивационно-познавательной и воспитательной ценности [5].

При отборе текстового материала необходимо учитывать связь содержания текста с конкретной ситуацией, которая имитируется в процессе профессионально-направленного общения. Например, ситуация "На приеме у кардиолога". Пациент обращается к доктору по поводу боли в сердце. Врач предлагает попробовать новое лекарство, т.к. "старое" не оказывает должного действия. В качестве текстового материала предлагается "Инструкция по медицинскому применению препарата" и статья из медицинского журнала о положительном эффекте данного препарата.

Мы полагаем, что разнообразие текстового материала с точки зрения жанра, стиля, типа текста эффективны в обучении иностранным языкам студентов медицинского профиля. При отборе текстов для учебно-методических пособий важным критерием является информационная насыщенность языкового материала. Выбранные тексты по различным медицинским темам: "A Complicated Delivery", "Physical Fitness and Exercise", "Eating Habits", "Private Health and Public Health", "Health Hazards", "Review of systems" и т.д., содержащие минимум новых грамматических конструкций, но довольно большее количество новой, предположительно незнакомой студенту специальной лексики, медицинской терминологии, сопровождаются комплексом упражнений для развития коммуникативных навыков, двумя текстами для развития компетенций в области вторичной обработки информации – ознакомительное чтение и перевод. Все тексты тематически связаны и содержат информацию, дополняющую сведения, полученные при работе с первым текстом раздела, а упражнения, имеющие творческий характер, требуют определенных умственных усилий для их выполнения.

Задания для самостоятельной работы студентов, предназначенные для закрепления знаний, полученных при работе под руководством и контролем преподавателя, логически связаны, несут преемственный характер, строятся по принципу "от простого к сложному". В конце пособия приводятся тесты для самоконтроля с целью определения студентами степени усвоения материала темы. [1].

И при формировании коммуникативных умений у студентов неязыковых вузов, в обучении иностранному языку, необходимо уделить особое внимание профессиональной значимости, которая заключается в отборе текстов, учитывающих прагматические потребности и интересы обучающихся. Наиболее обобщенной формой отношения человека к профессии является профессиональная направленность, которая определяется как интерес к профессии, так и склонность заниматься ею. В связи с реализацией данного аспекта в содержание обучения можно включить тексты: "Doctor at large. Nature of the doctor's work", "General practitioners in the

UK", "Taking history", "Examining a patient", "Investigations", "Making a diagnosis" и т.д. [10].

При отборе текстового материала для аспирантов нами учитывалось то, что они обладают практическим опытом по специальности и заинтересованы в овладении иностранным языком для профессиональных целей. Данные тексты по узкой специальности были взяты из медицинских журнальных статей с описанием симптоматики, течения заболевания, методики его лечения, техники проведения операции, лабораторных и клинических исследований, характеристики медикаментов и т.д. Специфика медицинских текстов заключается в частом включении структуры публикации фрагментов. Представляющих собой сокращенный с помощью компрессии тип текста, описывающий такие сугубо присущие медицинской практике вещи, как анамнез заболевания, результаты исследований, течение послеоперационного периода, интерпретация рентгеновских снимков и т.п. [11].

Основной целью изучения иностранного языка аспирантами всех специальностей является достижение практического владения этим языком, позволяющего использовать его в различных видах научной деятельности. Практическое владение иностранным языком предполагает, во-первых, умение свободно пользоваться оригинальной литературой по специальности (читать, понимать, письменно и устно переводить с английского языка на русский, пользуясь словарем и без словаря, научно-медицинские тексты любой степени сложности по изучаемой теме) и, во-вторых, овладение навыками устной речи в определенных программных рамках (умение вести беседу и на темы, связанные с научной работой аспиранта, и на бытовую тематику, умение выступить с несложными подготовленными сообщениями по своей научной работе).

ВЫВОДЫ

1. Очевидно, что учебный процесс должен быть профессионально-ориентированным и дифференцированным в зависимости от будущей квалификации специалиста-медика. При организации обучения профессионально-ориентированному иностранному языку в вузе необходимо проводить системную работу над содержательной стороной изучаемого текстового материала, его специальную обработку; повышать общую информированность студентов в той или иной области медицины. Формирование способностей обучаемых сравнивать новую информацию с ранее приобретенными ими знаниями и опытом и использовать полученные сведения в ситуациях профессионального общения является также неотъемлемой частью образовательного процесса.

2. Рассмотрение текста как компонента содержания обучения иностранным языкам позволило практически

решить вопрос о том, какой материал должен быть освоен студентами с целью формирования коммуникативных умений. В частности, нами было подготовлено учебное пособие, которое рассчитано на развитие как пассивных, так и продуктивных навыков владения английским языком.

3. Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить, что апробация данных учебных пособий, вы-

полнение всех типов упражнений, представленных в пособиях, способствует качественному переосмыслению и запоминанию лексического материала студентами и аспирантами медицинских вузов, а также овладению фундаментальными знаниями, профессиональными умениями и навыками для формирования иноязычной коммуникативной компетенции для решения задач профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Английский язык в сфере профессионального общения. Медицина: учебное пособие / В.К. Колобаев, Т.А. Баева, К.И. Кубачева, Е.М. Жаворонкова. – М. – Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 110 с.
2. Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня / Н.С. Болотнова; Томский гос. ун-т. – Томск : ТГУ, 1992. – 308 с.
3. Вокуюева О.Д. Использование текстов разных типов в обучении лексической стороне устной речи на начальном этапе в языковом вузе : дис. ... канд. пед. наук / Вокуюева О.Д. – СПб., 1998. – 203 с.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 138 с.
5. Муртазина П.А. Критерии отбора текстов для обучения изучающему чтению студентов медицинских вузов. /Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: Сборник научных трудов. Вып. 26. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. – С. 119–123.
6. Примерная программа дисциплины Иностранный язык для неязыковых вузов и факультетов; Научно-методический совет по иностранным языкам Минобрнауки России. – М., 2009. – Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования – URL: <http://fgosvo.ru/ppd/128/109/28> (дата обращения: 06.09.2017)
7. Текст как компонент содержания обучения иностранному языку студентов медицинских вузов. /Т.А. Баева, К.И. Кубачева, О.М. Потапова// Евразийский Союз Ученых (Eurasian Union of Scientists) "Актуальные проблемы в современной науке и пути их решения" / Ежемесячный научный журнал. –№1 (22). Часть 3. – М., Изд. (ЕСУ), 2016. – С. 48–51.
8. Тураева З.Я. Лингвистика текста / З.Я. Тураева. – М. : Просвещение, 1986. – 126с.
9. Фоломкина С.К. Текст в обучении иностранным языкам // Иностр. яз. в шк. – 1985. – № 3. – С. 18–22.
10. Medical English: учебно-методическое пособие для студентов I и II курсов медицинских вузов по специальности "Лечебное дело" (специализация – врач общей практики). /Т.А. Баева, Н.В. Богданова, Ю.А. Константинова. – СПб: СПбГМА им. И.И.Мечникова, 2008. – 72 с.
11. The first step to academic career. Учебно-методическое пособие для самостоятельной работы по подготовке к экзамену кандидатского минимума (на материале англ. языка)/ Н.Г. Ольховик, К.И. Кубачева, Т.А. Баева, О.М. Потапова. – СПб.: Издательство ФГБОУ ВО СЗГМУ им. И.И. Мечникова, 2017 – 127с.

© О.М. Потапова, Т.А. Баева, К.И. Кубачева, (afterwards@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

СЗГМУ им. И.И. Мечникова г. Санкт-Петербург

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ КУРСАНТОВ В ВОЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

(Анализ и интерпретация результатов анкеты "Роль управленческой компетентности в личностно-профессиональном развитии курсанта")

PROBLEMS OF FORMING THE ADMINISTRATIVE COMPETENCE OF THE COURSES IN THE MILITARY SCHOOL (analysis and interpretation of the results of the questionnaire "The Role of Administrative competence in the personal and professional development of the Cadet")

R. Prokopenko

Annotation

The formation of the administrative competence of future officers in the process of their professional–personal development is topical, but the diagnostic system necessary for this is not yet used in the training system of cadets. The author of the article developed a special questionnaire, compared the answers of the cadets of the first–fifth courses of military school from different regions of Russia and on their basis revealed common problems for all the formation of administrative competence in the educational process of the military educational organization.

Keywords: administrative competence, complex of diagnostic techniques, questionnaire, cadets, personal and professional development.

Прокопенко Роман Александрович
Аспирант,
Тихоокеанский государственный университет

Аннотация

Формирование управленческой компетентности будущих офицеров в процессе их профессионального–личностного развития является актуальной задачей, но в системе подготовки курсантов еще не используются необходимые для ее решения диагностические средства. Автор статьи разработал специальную анкету, сопоставил ответы курсантов первых–пятых курсов военных образовательных организаций из разных регионов России и на их основе выявил общие для всех проблемы формирования управленческой компетентности в образовательном процессе военной образовательной организации.

Ключевые слова:

Управленческая компетентность, комплекс диагностических методик, анкета, курсанты, личностно–профессиональное развитие.

Офицеры осуществляют управленческую деятельность не только в профессиональной, но и других сферах своей жизнедеятельности, поэтому управление является универсальным функциональным инструментом, позволяющим обеспечить системность, результативность, гибкость, вариативность и строгую ориентированность на достижение поставленных целей. Таким образом, формирование управленческой компетентности в процессе личностно–профессионального развития будущих офицеров является логичным и актуальным.

Проанализировав ФГОС ВО, учебные планы, программы и учебно–методические комплексы по дисциплинам "Управление персоналом", "Теория управления" и др., мы пришли к выводу, что в системе подготовки курсантов еще не используются средства диагностики и оценки

уровня сформированности управленческой компетентности будущих офицеров, не изучаются факторы и проблемы ее формирования в образовательном процессе военной образовательной организации.

Знакомство с философской и психолого–педагогической литературой [2, 4, 7] позволило нам выделить и обосновать основные компоненты управленческой компетентности: когнитивный, деятельностный, ценностный, эмоционально–волевой, рефлексивный. Они в свою очередь предопределили выбор уже апробированных методик (тест "Вы сами" [3], кейс "Сотрудники и конкуренты" [6] и тест Кэттелла [1]) и разработку новых диагностических инструментов, включенных затем в модель реализации педагогических условий формирования управленческой компетентности курсантов в процессе изучения со-

циально-гуманитарных дисциплин. Поэтому наш диагностический комплекс состоит из четырех разных по форме, но логически связанных друг с другом методик, предварительно адаптированных к условиям военных образовательных организаций высшего образования.

Комплекс открывается анкетой "Роль управленческой компетентности в личностно-профессиональном развитии курсантов", которую мы разработали специально для предварительного изучения представлений курсантов о сфере управления и факторах формирования управленческой компетентности в образовательном процессе военной образовательной организации.

В анкетировании приняли участие курсанты четырёх военных образовательных организаций высшего образования – Дальневосточного, Уральского, Центрального, Северо-Западного округов РФ. Система подготовки военных кадров в Российской Федерации основана на единых ФГОС ВО и квалификационных требованиях, что позволило нам расширить географию своего исследования и сопоставить ответы курсантов из разных регионов России.

В процессе разработки модели реализации педагогических условий были проанализированы дисциплины социально-гуманитарного блока, причастные к формированию управленческой компетентности курсантов, и сопоставлены с годами их изучения в военной образовательной организации высшего образования (табл. 1).

Выбор первых, третьих и пятых курсов военных образовательных организаций высшего образования для первоначальной диагностики позволил охватить весь процесс обучения, выделить в нем активные фазы, приходящиеся на периоды непосредственного изучения кур-

сантами дисциплин, имеющих отношение к формированию управленческой компетентности.

Мы предложили курсантам ответить на девять вопросов, разделенных на три блока, соответствующих этапам предварительного этапа исследования:

- ◆ выяснить, как курсанты владеют понятиями "управление" и "управленческая компетентность" (вопросы 1, 2);
- ◆ узнать, что курсанты думают о важности компетенций и условиях их формирования в военной образовательной организации, в том числе в процессе изучения дисциплин социально-гуманитарного цикла (вопросы 3 – 6, 8, 9);
- ◆ диагностировать способности курсантов к рефлексии и оценке собственных возможностей в сфере управления (вопрос 7).

Первый блок анкеты включал в себя два вопроса о понятиях "компетенция" и "управленческая компетентность". Варианты ответов на них под буквой "а" (первый вопрос) и "а" и "в" (второй вопрос) содержали определения, которые специально не соответствовали современным научным представлениям о компетентностях и компетентностном подходе в образовании. Выбор курсантами этих ответов мы расценивали как невладение понятиями. Варианты ответов "в" и "г" в первом вопросе и "г" – во втором мы расценивали как частичное владение понятиями, т.к. в них были указаны отдельные важные признаки, отличающие компетентностный подход от знаниецентричного и репродуктивного. Соответственно, варианты "б" в двух вопросах первого блока содержали полные научные определения компетенции и управленческой компетентности, а курсантов, выбравших данные ответы, мы отнесли к группе владеющих этими понятиями.

Таблица 1.

Перечень дисциплин, изучаемых на кафедре ГСЭД в военных образовательных организациях по курсам [5].

№ п/п	Наименование дисциплины	1 курс		2 курс		3 курс		4 курс		5 курс	
		Семестр									
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
1	Теория управления	+	+	+							
2	Управление персоналом					+	+				
3	Психология и педагогика профессиональной деятельности					+					
4	Специальная психологическая подготовка									+	

Примечание. Таблица разработана автором.

ВОПРОС 1.

Какому из четырех определений понятия "компетенция" Вы отдаете предпочтение:

а) компетенция – способность человека применять полученные знания, умения, навыки в стандартных ситуациях жизни и деятельности;

б) компетенция – способность человека применять знания, умения, опыт творческой деятельности, системы ценностей и отношений для решения задач в стандартных и нестандартных ситуациях жизни и деятельности;

в) компетенция – способность человека действовать в нестандартных ситуациях для решения задач, возникающих в жизни и деятельности;

г) компетенция – знания, умения, навыки для решения стоящих перед ним задач в стандартных и нестандартных ситуациях жизни и деятельности.

Проанализировав первые результаты анкетирования курсантов разных военных образовательных организаций, мы не обнаружили серьезной региональной разницы в показателях интересовавших нас курсов. В целом понятием "компетенция" владеют от 40 до 60% всех первокурсников, от 36 до 56% третьекурсников и от 40 до 72% курсантов пятых курсов. Однако, если в трех военных образовательных организациях к старшим курсам количество курсантов, выбиравших правильный ответ, возросло, то в военной образовательной организации Уральского округа наблюдалась отрицательная динамика. Это обстоятельство делает преждевременным вывод о прямой зависимости между программой обучения и качеством подготовки курсантов.

Разница между частично владеющими понятием "компетенция" по регионам, наоборот, была существенной: от 36 до 48% курсантов на первых курсах, от 20 до 60% – на третьих, от 16 до 56% – на пятых. Причем сокращение этой группы в последний год обучения, как правило, происходило в пользу владеющих понятием.

При этом курсантов, не владеющих понятием "компетенция", во всех институтах и на всех курсах было всегда немного: от 0 до 24%, – и без четкой зависимости от года обучения.

Что касается "управленческой компетентности", то оказалось, что владеют этим понятием 36 – 52% курсантов первых, 36 – 60% – третьих и 60 – 68% – пятых курсов. Диапазон позитивных значений сопоставим с результатами первого вопроса анкеты. Положительная динамика в овладении данным понятием характерна для курсантов всех военных образовательных организаций. Но в отличие от результатов по первому вопросу также многочисленны на всех курсах группы невладеющих понятием "управленческая компетентность": 38 – 52% курсантов первых, 36 – 52% – третьих и 20 – 36% – пятых

курсов. К концу обучения эти негативные показатели снижаются во всех военных институтах примерно в 1,4 раза. Количество частично владеющих понятием "управленческая компетентность" оказалось незначительным и колебалось на разных курсах от 0 до 16%.

ВОПРОС 2.

Какое определение наиболее точно описывает сущность понятия "управленческая компетентность":

а) управленческая компетентность – способность и готовность применять систему управленческих знаний и умений в процессе профессиональной управленческой деятельности;

б) управленческая компетентность – интегративное свойство личности, выражающееся в совокупности компетенций в управленческой сфере, коммуникативных способностей, поведения, позволяющее эффективно планировать и осуществлять управленческую деятельность, а также анализировать ее результаты;

в) управленческая компетентность – способность применять систему управленческих знаний и умений в процессе профессиональной управленческой деятельности;

г) управленческая компетентность – интегративное свойство личности, выражающееся в совокупности компетенций в управленческой сфере, позволяющее эффективно планировать и осуществлять управленческую деятельность.

Мы сделали вывод, что курсанты первых – третьих курсов владеют понятиями "компетенция" и "управленческая компетентность" примерно одинаково. Заметный рост наблюдается к концу пятого курса, что можно объяснить тем, что в результате освоения образовательной программы и войсковых стажировок выпускники накапливают определенный объем общекультурных и профессиональных знаний и умений, необходимых как для осуществления эффективной управленческой деятельности, так и для выражения ее сущности в соответствующих понятиях.

Но что сами курсанты думают о важности компетенций и условиях их формирования в военной образовательной организации? В том числе в процессе изучения дисциплин социально-гуманитарного цикла? Ответы на эти вопросы мы искали во втором блоке анкеты.

Абсолютное большинство курсантов (97%) считают, что управленческая компетентность необходима для их будущей профессиональной деятельности (вопрос 8).

ВОПРОС 8.

Как вы считаете, необходимы ли Вам управленческие компетенции для Вашей будущей профессиональной деятельности?

а) да; б) нет; в) затрудняюсь ответить.

Но такого единодушия у курсантов уже не было в отношении основных сфер деятельности, в которых, по их мнению, формируется управленческая компетентность (Рисунок 1). Все перечисленные в вопросе 3 виды образовательной деятельности 32 – 52% курсантов первых, 28 – 56% – третьих и 16 – 48% – пятых курсов оценивают как значимые. Среди остальных вариантов ответа на первом месте оказался процесс прохождения стажировки и практики (36 – 52% курсантов первых, 24 – 60% – третьих и 36 – 64% – пятых курсов), что мы объясняем все возрастающим участием курсантов в квазипрофессиональной деятельности и ее повышающейся результативностью.

ВОПРОС 3.

В какой из сфер деятельности курсантов, на Ваш взгляд, прежде всего, формируется управленческая компетентность:

- а) в процессе прохождения стажировки и практики;
- б) в служебной деятельности (несение внутренней и караульной службы);
- в) в учебной деятельности;
- г) во внеучебной деятельности;
- д) во всех вышеперечисленных.

Но особый интерес для нас представлял крайне редкий выбор учебной деятельности как значимой сферы формирования управленческой компетентности курсантами всех курсов (от 0 до 16%). По нашему мнению, это свидетельствует о том, что потенциал учебных дисциплин в формировании управленческой компетентности в образовательном процессе военных образовательных ор-

ганизаций высшего образования не реализуется, а курсантами не осознается в должной мере.

Следующий вопрос анкеты предлагал курсантам оценить роль различных предметных блоков содержания образования в формировании управленческой компетентности. От трети до половины курсантов первых – пятых курсов выбрали вариант "все перечисленное". Интересующий нас блок социально-гуманитарных дисциплин в разных военных образовательных организациях оценивают как значимый 8 – 28% курсантов первых, 12 – 36% – третьих и 8 – 36% – пятых курсов. Мы отметили, что влияние социально-гуманитарных дисциплин к третьему – пятому курсам постепенно повышается, в то время как влияние других падает (исключение составляет блок оперативно-тактических дисциплин). Но все равно эти оценки ниже, чем у блока оперативно-тактических дисциплин (20 – 40%, 4 – 32% и 20 – 44% курсантов по годам обучения, соответственно). Данный парадокс мы объясняем активным участием курсантов в квазипрофессиональной деятельности по дисциплине "Оперативно-тактическая подготовка", которой нет в дисциплинах социально-гуманитарного блока, и предпочтением практик и стажировок как сфер деятельности и факторов формирования управленческой компетентности в период обучения в военной образовательной организации (рис.1).

ВОПРОС 4.

Что, на Ваш взгляд, в содержании высшего образования является основным источником формирования управленческой компетентности:

- а) блок инженерно-технических дисциплин;
- б) блок социально-гуманитарных дисциплин;

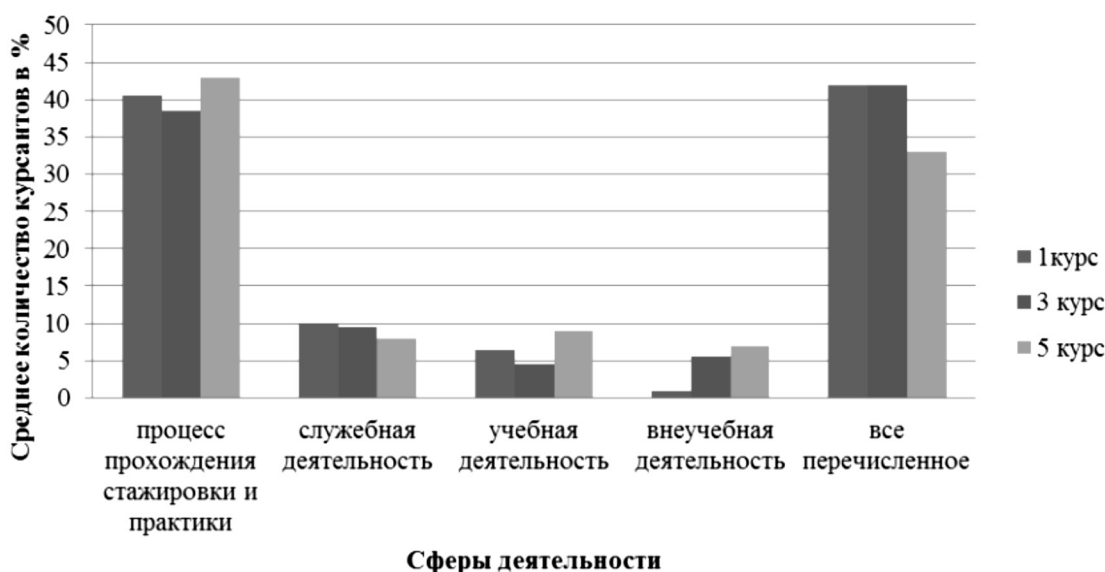

Рисунок 1. Представления курсантов об основных сферах деятельности, в которых формируется управленческая компетентность.

(Рисунок разработан автором.)

- в) блок оперативно–тактических дисциплин;
- г) блок юридических дисциплин;
- д) все вышеперечисленное.

В ответах о показателях сформированности управленческой компетентности курсанты на первое место ставят личностные способности (от 52 до 96% курсантов всех курсов и регионов) и ожидаемо невысоко оценивают формальные показатели (положительный отзыв по результатам прохождения практики или стажировки, поощрения, внесенные в служебную карточку, высокие оценки по результатам экзаменационной сессии).

ВОПРОС 9.

В чем, на Ваш взгляд, выражается сформированная управленческая компетентность курсанта:

- а) в положительном отзыве по результатам прохождения практики или стажировки;
- б) в готовности и способности принимать оптимальные управленческие решения;
- в) в поощрениях, внесенных в служебную карточку;
- г) в высоких оценках по результатам экзаменационной сессии;
- д) свой вариант ответа.

До 16% курсантов первых, 20% – третьих и 4 – 12% – пятых курсов предлагали свои варианты ответа на вопрос "В чем, на Ваш взгляд, выражается сформированная управленческая компетентность курсанта?", – но в большинстве свободных ответов тоже упоминались отзывы и оценки окружающих, личная готовность принимать оптимальные управленческие решения.

Далее в вопросе 5 курсантам был представлен перечень компетенций, составленный на основе ФГОС ВО по специальности "Правовое обеспечение национальной безопасности" [5]. Из этого перечня обучающиеся должны были выбрать три варианта ответа (рис. 2), которые затем обыгрывались в вопросах 6 и 7.

ВОПРОС 5.

Какими способностями, на Ваш взгляд, должен обладать курсант военной образовательной организации?

(выберите 3 варианта ответа):

а)	способность ориентироваться в политических, социальных и экономических процессах;
б)	способность принимать оптимальные управленческие решения;
в)	способность соблюдать в профессиональной деятельности требования нормативных правовых актов в области защиты государственной тайны и информационной безопасности, обеспечивать соблюдение режима секретности;
г)	способность организовать работу малого коллектива исполнителей, планировать и организовывать служебную деятельность исполнителей, осуществлять контроль и учет ее результатов;
д)	способность выявлять, пресекать, раскрывать и расследовать преступления и иные правонарушения;
е)	способность работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, культурные, конфессиональные и иные различия, предупреждать и конструктивно разрешать конфликтные ситуации в процессе профессиональной деятельности;
ж)	способность к деловому общению, профессиональной коммуникации на одном из иностранных языков.

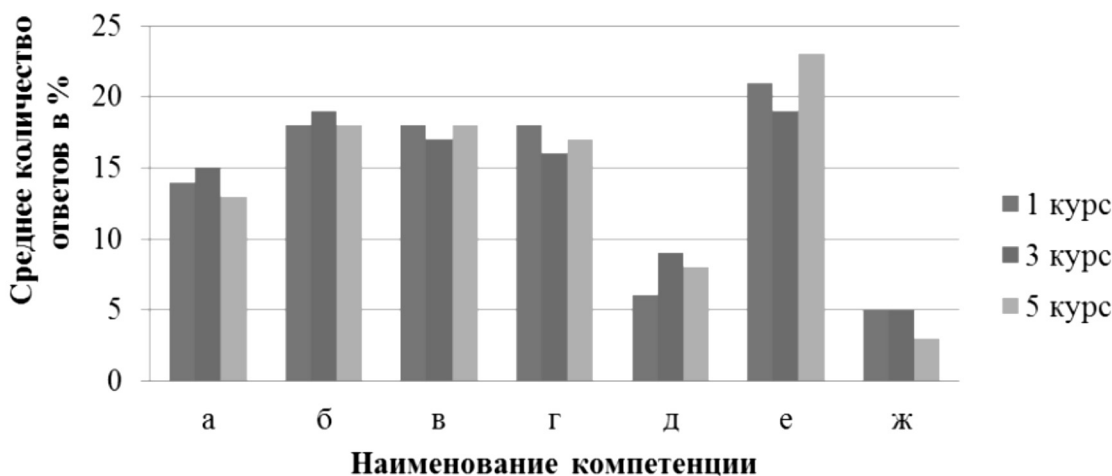

Рисунок 2. Компетенции, выбранные курсантами как значимые для будущего офицера.

(Рисунок разработан автором.)

Анализируя средние значения данных по курсам всех образовательных организаций, мы сделали вывод, что курсанты не считают управленческую компетентность приоритетной, хотя относят ее к необходимым в профессиональной деятельности офицера: только 13% всех анкетированных выбрали все три соответствующих ей варианта ("б", "г", "е"); 49% курсантов – по две и 32% – одну из трех компетенций. Но в целом лишь 6% курсантов не выбрали ни одной из трех заданных компетенций.

Затем мы предложили курсантам проранжировать выбранные ими компетенции по степени значимости для будущей профессиональной деятельности. Поскольку компетенции под буквами "а", "в", "д", "ж" напрямую не относились к управленческой компетентности, мы не анализировали соответствующие им ответы курсантов. Чаще других курсанты на первое по значимости место ставят способность принимать оптимальные управленческие решения (вариант "б"): от 4 до 28% курсантов первых, 12 – 36% – третьих и 16 – 40% – пятых курсов. Немного ниже курсанты оценивают способность работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, культурные, конфессиональные и иные различия, предупреждать и конструктивно разрешать конфликтные ситуации в процессе профессиональной деятельности (вариант "е"): 12 – 32% курсантов первых, 12 – 32% – третьих и 12 – 28% – пятых курсов. Реже первых двух – способность организовать работу малого коллектива, планировать и организовывать служебную деятельность исполнителей, осуществлять контроль и учет ее результатов (вариант "г"): 4 – 28% – курсантов первых, 8 – 12% – третьих и 4 – 24% – пятых курсов.

Эти данные также свидетельствовали о том, что на первых курсах незначительно преобладает склонность курсантов к работе в коллективе (вариант "е"), а на пятых – к принятию оптимальных управленческих решений (вариант "б").

На протяжении всего периода обучения наблюдается положительная динамика в выборе варианта "б" и небольшая отрицательная динамика – вариантов "е", "г". Это, по нашему мнению, свидетельствует о "дрейфе" ценностных предпочтений курсантов, связанных с межличностными отношениями, конфликтными ситуациями и личностно-профессиональными качествами. С другой стороны, под влиянием образовательного процесса и условий обучения в военной образовательной организации происходит смещение установок от роли исполнителя к роли руководителя в ситуациях, где офицеру требуется поставить задачу и принять управленческие решения.

В рамках третьего блока анкеты (вопрос 7) курсантам было предложено самим оценить свой уровень владения выбранными в предыдущем вопросе компетенциями. Для этого они могли воспользоваться одним из четырех ва-

риантов ответа: "не могу оценить, так как не использую", "владею недостаточно", "владею на достаточном уровне", "владею на высоком уровне". В контексте нашей темы снова обрабатывались только те ответы, которые напрямую относились к управленческой компетентности (т.е. варианты "б", "г", "е").

Проанализировав ответы курсантов по годам обучения, мы выявили характерную особенность: до половины курсантов всех образовательных организаций считают, что владеют не менее чем одной компетенцией на высоком уровне (курсанты первых курсов – 49 ответов, третьих и пятых курсов – по 44 ответа). Чаще всего это относилось к компетенции под буквой "е" (23, 18, 24 ответов по курсам, соответственно).

Вместе с тем, количество курсантов, считающих, что они владеют одной из этих компетенций на достаточном уровне, увеличивается от первого к пятому курсу (88, 95 и 107 ответов, соответственно), а количество курсантов, считающих, что недостаточно, наоборот, сокращается (59, 51 и 20 ответов, соответственно). Количество ответов, в которых курсанты признаются, что не могут оценить свои способности, уменьшается к пятому курсу (13, 13, 5 ответов, соответственно). Таким образом, самооценка способностей к управленческой деятельности у курсантов постоянно повышается.

Важнее всего нам было понять, какими компетенциями большинство обучающихся владеет недостаточно или не может оценить их самостоятельно. Выяснилось, что на первых курсах это компетенция под буквой "б" – 44% ответов (32 из 72), а на третьих и пятых курсах все три варианта прозвучали в, примерно, от 30 до 38% ответов.*

* Учитывались только компетенции, относящиеся к управленческой компетентности.

Таким образом, анкета позволила нам получить разностороннее представление об отношении курсантов к управленческой компетентности, факторам ее формирования и значению в личностно-профессиональном развитии будущего офицера. Ряд выводов о проблемах формирования управленческой компетентности в военной образовательной организации, сделанных на основе высказываний курсантов, нуждается в проверке и уточнении с помощью других, объективированных, методик, которые также вошли в наш диагностический комплекс.

Но и по результатам анкетирования можно сделать определенные выводы:

♦ в результате освоения образовательной программы и войсковых стажировок курсанты к пятому курсу накапливают определенный объем знаний и умений, необходимых для осуществления эффективной управленческой деятельности, признают управленческую компетентность необходимой, но вместе с тем не считают ее

приоритетной в своем личностно–профессиональном развитии;

◆ крайне редкий выбор учебной деятельности как значимой сферы формирования управленческой компетентности курсантами всех курсов свидетельствует о том, что ее потенциал в образовательном процессе военных образовательных организаций высшего образования не реализуется, а курсантами не осознается в должной мере;

◆ влияние социально–гуманитарных дисциплин к третьему – пятому курсам на формирование управленческой компетентности постепенно повышается, но вместе с тем они не признаются равноценными оперативным–тактическим дисциплинам, преимущество которых, по мнению курсантов, является активное участие будущих офицеров в квазипрофессиональной деятельности;

◆ на первых курсах незначительно преобладает склонность курсантов к работе в коллективе, а на пятых – к принятию оптимальных управленческих решений; под влиянием образовательного процесса происходит смещение установок от роли исполнителя к роли руководи-

ля в ситуациях, где требуется поставить задачу и принять управленческие решения;

◆ самооценка способностей курсантов к управленческой деятельности на протяжении всех лет обучения повышается, но все же проблемными для многих из них остаются компетенции, напрямую относящиеся к управленческой компетентности и связанные с содержанием социально–гуманитарных дисциплин.

По результатам анкетирования мы скорректировали теоретико–практические основы модели реализации комплекса педагогических условий формирования управленческой компетентности курсантов в процессе изучения социально–гуманитарных дисциплин и включили в содержание спецкурса дополнительные материалы по формированию способностей принимать оптимальные управленческие решения, организовывать работу малого коллектива, планировать и осуществлять контроль результатов деятельности, работать в коллективе, предупреждать и конструктивно разрешать конфликтные ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батаршев, А.В. Многофакторный личностный опросник Р. Кэттелла: Практическое руководство. – Таллинн: Центр информационных и социальных технологий "Регалис", 2000. – 88 с.
2. Ведерникова, Л.В. Управленческая компетентность студентов педвузов: теория и практика формирования [Текст]: моногр. / Л.В. Ведерникова, В.М. Кашлач, И.А. Коробейникова. – Ишим: Ид–во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2010. – 120 с. ISBN978–91307–133–0
3. Вудкок, М., Фрэнсис, Д. Раскрепощенный менеджер. Для руководителя–практика: Пер. с англ. – М.: "Дело", 1991. – 320 с. ISBN 5–89500–001–4
4. Евтихов, О. В. Психология управления персоналом: теория и практика. – СПб.: Речь, 2010. – 319 с.
5. Приказ Министерства образования и науки РФ от 19 декабря 2016 г. N 1614 "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности (уровень специалитета)". [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/71585156/paragraph/21:1> (дата обращения: 15.01.2017).
6. Тематическое приложение к журналу "Директор по персоналу" / "Кейсы для оценки персонала по компетенциям". – 2011. – № 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hr-goda.ru/frontend/web/files/DPP_prilojenie_11–2011.pdf
7. Философско–методологические проблемы управленческой деятельности военных кадров: Учебное пособие. / под общ. ред. Петрий П.В. – М.: ВУ, 2006. – 244 с.

© Р.А. Прокопенко, (2009dv@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ПОСТУПАЙ
В **ТОГУ!**
ВСТУПАЙ
В БУДУЩЕЕ!

8–800–250–80–10
<http://pnu.edu.ru/>

МЕТАПРЕДМЕТНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ИНДИКАТОР ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ УЧЕНИКА

INTERDISCIPLINARY COMPETENCE AS AN INDICATOR OF CREATIVE ABILITIES

*A. Romanchuk
A. Rostovtsev
T. Myshekop*

Annotation

The paper discusses methods of diagnostics of creative abilities of pupils in the context of the competence approach. The structure of creative abilities, procedures for the assessment of development of creative abilities. As the main indicator of the level of development of creative abilities and creative thinking are encouraged, the level of interdisciplinary competence. The suggested proportionality of universal educational actions in the competence approach. Considered one approach to determining the level of competence in the projection on the levels of assimilation of educational information. The analysis of the specific definition of creativity and creative thinking within the interdisciplinary competence. The results of experimental work on the basis of comprehensive schools of the cities and villages, using the proposed method of development of creative abilities in the format of the proposed taxonomy of learning outcomes. Based on their analysis conclusions about the effectiveness of the proposed methodology.

Keywords: competence, competence, universal educational actions, meta-subject learning outcomes, creativity.

Романчук Алексей Александрович

Учитель, МБОУ "Старобачатская средняя общеобразовательная школа", Кемеровская область, Беловский район, п. Старобачаты

Ростовцев Альберт Николаевич

К.т.н., профессор, Новокузнецкий институт филиал кемеровского государственного университета, г. Новокузнецк

Мышекoп Татьяна Вадимовна

Учитель, МБОУ "Средняя общеобразовательная школа № 41", г. Новокузнецк

Аннотация

В работе рассмотрены методы диагностирования творческих способностей учеников в контексте компетентностного подхода. Проанализирована структура творческих способностей, рассмотрены методики оценки развития творческих способностей. В качестве основного индикатора уровня развития творческих способностей и креативного мышления предлагается уровень метапредметной компетентности. Предложена соразмерность универсальных учебных действий в компетентностном подходе. Рассмотрен один из подходов к определению уровня компетентности в проекции на уровни усвоения учебной информации. Приведен анализ специфики определения творческих способностей и креативного мышления в рамках метапредметной компетентности. Представлены результаты экспериментальной работы на базе общеобразовательных школ города и села, с использованием предлагаемой методики развития творческих способностей в формате предлагаемой таксономии результатов обучения. На основании их анализа сделаны выводы о эффективности предлагаемой методики.

Ключевые слова:

Компетенция, компетентность, универсальные учебные действия, метапредметные результаты обучения, ФГОС, творчество, креативность.

Творческие способности, как один из наиболее значимых результатов образования, являются предметом изучения современной педагогики и психологии. Одним из немаловажных аспектов данной проблемы является диагностика уровня творческих способностей на различных этапах их развития.

Проблема определения творческих способностей и креативности находит свое отражение в работах Р. Стронберга, М.Воллаха, Е. Торенса, Дж. Гильфорда, П.С. Гуревича, М.А. Холодной, С. Медника, В.Н. Козленко, В.Н. Дружининой, Н.Н. Подъякова и др.[3],[6],[7]. Ю.В. Величко

определяет соотношение этих двух понятий выраженное в представлении креативности как творческой способности проявляющейся в различных видах деятельности человека [3].

Селиванова Е. А. для диагностики выделяет проявления шести основных видов творческих способностей: учебные характеристики, особенности деятельности, чувство юмора, мотивацию, абстрактное мышление, чувственность[7]. Анализ проявлений свойственных приведенным видам творческих способностей показывает их идентичность показателям составляющим некоторые

учебные компетенции[9], характеризующиеся универсальностью и метапредметностью.

В данной работе мы предлагаем в качестве основного индикатора творческих способностей использовать метапредметную компетентность, определив ее дефиницию согласно А.В. Хуторскому, как совокупность компетенций, которыми обладает ученик, и его личных качеств подкрепленные опытом деятельности в заданной области. А в качестве заданной области представим некоторую надпредметную совокупность интеллектуальной деятельности ученика, описывающую его способности[9].

Основным методическим компонентом структуры диагностики творческих способностей учеников предлагается синтез методов программируемого обучения (в качестве корректирующего инструмента с использованием дистанционного формата педагогического взаимодействия) и проектного обучения (как элемент индикации уровня развития творческих способностей). Важным преимуществом компетентностного подхода в оценке образовательного процесса является аналитическая составляющая охватывающая сам образовательный процесс с самого его начала (на стадии проектирования педагогического взаимодействия), в ходе его реализации (промежуточный анализ и корректировка), и его итогов в виде полученных результатов обучения (универсальные учебные действия, компетенции, знания, умения, навыки, качества).

Целью статьи является синтез психолого-педагогических методов оценки результатов обучения с использованием компетентностного подхода в качестве индикатора уровня творческих способностей учеников.

Анализ основных определяющих факторов отражающих уровень компетенций и творческих способностей, ведущих психологов и педагогов позволяет говорить о некой идентичности в аспектах отражения их основных элементов.

Хуторской А.В. разделяет компетентность и компетенции [9] на элементы целостной структуры результатов обучения. В его трактовке компетенция – это некоторое отчужденное, наперед заданное требование (норма) к образовательной подготовке ученика, а компетентность – уже состоявшееся его личностное качество (совокупность качеств) и минимальный опыт по отношению к деятельности в заданной сфере. Компетентность всегда лично окрашена качествами конкретного ученика – от смысловых и мировоззренческих (зачем мне необходима данная компетенция), до рефлексивно-оценочных (насколько успешно я применяю данную компетенцию в жизни).

С введением в действие федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС ООО), ученики, помимо освоения межпредметных понятий, должны быть способны применять универсальные учебные действия (УУД) (регулятивные, познавательные, коммуникативные).

Таким образом, в современной педагогической науке в качестве результата педагогического взаимодействия могут выступать как уровень сформированности учебных компетенций, так и развитие УУД. Данные термины пришли в педагогику сравнительно недавно. Компетенции являются скорее запросом потребителей сферы образования, и своей природой обязаны менеджменту, в отечественной педагогической науке стали актуальными после длительного процесса адаптации. Концепция УУД для основного образования была разработана ведущими отечественными психологами, УУД включены в ФГОС ООО как часть требований к результатам обучения.

В аспектах таксономии результатов обучения эти понятия сопоставимы. Если компетентность является результатом образовательной деятельности вбирающая в себя знания, умения, навыки и применение некоторой образовательной области, то УУД из самого определения являются действием, пусть даже относящимся к интеллектуальной деятельности, и характеризуют прежде всего набор качеств ученика определяющих его способность учиться. В самом упрощенном виде УУД трактуются как умение учиться. Таким образом, УУД в свете компетентностного подхода к обучению можно отнести к составляющим элементам учебных компетенций, отражающим личные качества и способности учеников.

Если рассматривать творческие способности и креативное мышление учеников как некоторые результаты обучения, развиваемые в процессе образовательной деятельности, то мы можем сформулировать требования к компетентности, которая заведомо будет иметь надпредметный характер, то есть метапредметную компетентность ученика.

Для определения требований к метапредметной компетентности ученика следует выделить основные факторы, отражающие творческие способности и креативность.

По Р. Стронбергу проявления творческих способностей определяется шестью основными факторами[1]: интеллектом (как способностью), знанием, стилем мышления, индивидуальными чертами, мотивацией, внешней средой. Наиболее важной является интеллектуальная способность и ее составляющие: синтетическая способность, аналитическая способность, практические способности.

Стимулирование развития интеллектуальных способностей учеников фактически является основным элементом формирования метапредметной компетентности.

Таксономия метапредметной компетентности

Из отечественной дидактики в сфере педагогических технологий для таксономии уровня усвоения учебного материала можно выделить классификацию предложенную В.П. Беспалько[2]. По его классификации усвоение учебной информации делится на четыре уровня: ученический (узнавание), алгоритмический (решение типовых задач), эвристический (выбор действия), творческий (поиск действия). То есть последние два уровня фактически переходят границы знаний умений и навыков и могут быть охарактеризованы как некие учебные компетенции.

В педагогике с введением компетентностного подхода все чаще находит применение широко применяемая в теории и практике стратегического управления и коучинге модель уровней компетентности отраженная в работах Родикова А.С.[5], Осокиной О.М., Ростовцева А.Н. [4]. Согласно этой модели компетентность делится на четыре уровня: неосознанная некомпетентность, осознанная некомпетентность, осознанная компетентность и неосознанная компетентность.

Неосознанная некомпетентность – может быть диагностирована со стороны, поскольку человек на данном уровне компетентности не осознает того, что он выполняет неправильные действия и у него отсутствуют необходимые знания в данной области для качественного выполнения работ. В некотором приближении к таксономии усвоения учебной информации по Беспалько В.П. можно принять соответствие первому уровню – ученическому (узнавание).

Осознанная некомпетентность – человек осознает нехватку необходимых знаний, умений и навыков, для полноценного выполнения действий. Понимание необходимости повышения уровня владения компетентностью. По таксономии Беспалько В.П. может быть рассмотрен как алгоритмический уровень (решение типовых задач).

Осознанная компетентность – человек располагает необходимыми знаниями, умениями и навыками правильных действий. Для достижения следующего уровня компетентности необходим опыт и развитие личных качеств. По таксономии Беспалько В.П. соответствует третьему уровню усвоения учебной информации – эвристическому (поиск действия).

Неосознанная компетентность – человек неосознанно правильно выполняет действия (на автоматизме) в различных нестандартных ситуациях. По таксономии

Беспалько В.П. – четвертый уровень усвоения учебной информации – творческому (поиск действия).

Диагностирование метапредметной компетентности

В данной работе приведен анализ синтеза в образовательном процессе двух методов обучения: проектный и программируемый.

Элементы программируемого метода применялись в консультативном формате с использованием средств дистанционного обучения (учебный сайт, социальные сети) и учебного материала (специально разработанные рабочие тетради, учебные задачи). Основной задачей элементов программного метода было выстраивание заданной траектории творческой деятельности учеников в процессе работы над творческим проектом.

Проектный метод включает в себя все элементы и имеет межпредметный характер. Детальному анализу по качеству сформированности метапредметной компетентности подвергается не только конечный продукт, полученный в результате проектной деятельности, но и сам процесс. В особенности уделяется особое внимание таким видам интеллектуальной деятельности как – синтетическая способность, аналитическая способность, практические способности, то есть интеллектуальные способности являющиеся отражением уровня творческих способностей учеников.

Экспериментальная работа проводилась в структуре предметной области "Технология" на базе общеобразовательных школ города (МБОУ СОШ №24 г. Белово, МБОУ СОШ №41 г. Новокузнецк), и села (Старобачатская СОШ). Результаты эксперимента приведены в табл. 1.

Анализ результатов экспериментальной работы:

- ◆ неосознанная некомпетентность у экспериментальных групп практически не наблюдалась, в МБОУ СОШ №41 находится в пределах 5% (в среднем 2%), против 18–20% (в среднем 19%) у контрольных групп. Позитивная динамика в среднем 17%;
- ◆ осознанная некомпетентность у экспериментальных групп наблюдалась в пределах 16–24% (в среднем 21%), против 33–53% (в среднем 45%) у контрольных групп. Позитивная динамика в среднем 26%;
- ◆ осознанная компетентность у экспериментальных групп наблюдалась в пределах 47–53% (в среднем 51%), против 27–39% (в среднем 34%) у контрольных групп. Позитивная динамика в среднем 17%;
- ◆ неосознанная компетентность у экспериментальных групп наблюдалась в пределах 24–29% (в среднем 26%), против 6% (в среднем 2%) у контрольных групп. Позитивная динамика в среднем 24%;

Таблица 1.

Результаты эксперимента по формированию метапредметной компетентности.

Уровень метапредметной компетентности	МБОУ СОШ № 24		МБОУ СОШ № 41		ССОШ	
	Экспериментальная группа	Контрольная группа	Экспериментальная группа	Контрольная группа	Экспериментальная группа	Контрольная группа
1	2	3	4	5	6	7
Неосознанная некомпетентность	-	3(20%)	1(5%)	3(16%)	-	4(20%)
Осознанная некомпетентность	4(24%)	8(53%)	3(16%)	7(39%)	5(24%)	9(45%)
Осознанная компетентность	8(47%)	4(27%)	10(53%)	7(39%)	11(52%)	7(35%)
Неосознанная компетентность	5(29%)	-	5(26%)	1(6%)	5(24%)	-
<i>Всего</i>	17	15	19	18	21	20

Таким образом, наблюдается существенное повышение творческих способностей у учеников экспериментальных групп, что свидетельствует о положительном влиянии предлагаемой методики формирования метапредметной компетентности.

Положительная динамика в результате экспериментальной работы обусловлена применением широкого спектра технологий дистанционного образования в структуре внеурочной деятельности учеников, главным образом при выполнении домашнего задания.

Важной особенностью предлагаемой таксономии является возможность диагностирования творческих способностей и креативного мышления в хронометрическом отражении, поскольку одним из основных факторов характеризующих компетентность является опыт деятельности.

Предлагаемая методика может широко применяться как в структуре основного общего образования, так и в дополнительном образовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sternberg, R. J. (2003). *Wisdom, intelligence, and creativity synthesized*. New York: Cambridge University Press
2. Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии // М.: Педагогика, 1989.–192с.
3. Величко, Ю. В. О соотношении понятий "креативность", "творческие способности", "творческое воображение", "творческое мышление" в исследованиях отечественных и зарубежных психологов [Текст] / Ю. В. Величко// Известия Самарского научного центра РАН. – 2014. – № 2–3. – С.629–631
4. Осокина, О.М. Оценка уровня сформированности IT–компетенций учащихся школы менеджмента и маркетинга по ступеням научения [Текст] / О.М.Осокина, А.Н.Ростовцев //Социальная политика и социология, № 10, 2009. – С.208–215
5. Родиков А.С. Понятие об осознанной и неосознанной компетентности руководителя в европейских образовательных моделях Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена,2010 с.
6. Скрипко, З. А. Формирование универсальных учебных действий учащихся в процессе преподавания физики / З.А. Скрипко, Н.Д. Артёмова, В.Г. Тютюрев // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – № 5. – С. 184–187.
7. Селиванова Е.А. Психолого–педагогическая диагностика творческих способностей личности // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2011. № 1 (6). С. 54–58.
8. Турчен Д.Н. Концепция формирования универсальных учебных действий в современном российском образовании / Интернет–журнал "Науковедение", Вып. 1, 2014
9. Хуторской А.В., Хуторская Л.Н. Компетентность как дидактическое понятие: содержание, структура и модели конструирования // Проектирование и организация самостоятельной работы студентов в контексте компетентного подхода: Межвузовский сб. науч. тр. / Под ред. А.А.Орлова. – Тула: Изд–во Тул. гос. пед. ун–та им. Л.Н. Толстого, 2008. – Вып. 1. – С.117–137.

ПОДХОДЫ К КОНСТРУИРОВАНИЮ КОМПЕТЕНТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ЗАДАНИЙ, ДИАГНОСТИРУЮЩИХ ЛИЧНОСТНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Стащенко Сергей Ильич

Преподаватель,

Педагогический институт

*Тихоокеанского государственного
университета, г. Хабаровск*

APPROACHES TO THE CONSTRUCTION COMPETENCY-ORIENTED TASKS FOR DIAGNOSIS OF PERSONAL RESULTS OF EDUCATION

S. Stashenko

Annotation

The author of the article considers the competence approach as one of the possible answers to the needs of the individual, society and the state in modern education. Arguing about the reasons for his insufficiently effective implementation in schools and higher educational institutions, he pays special attention to competency-oriented tasks. Critical-creative analysis of ways to design competency-oriented tasks based on the classical taxonomy of educational goals led to the conclusion that their diagnostic capabilities are limited. The definition of the basic concept of the topic in connection with the main purpose of education in the information society and the comprehension of understanding as the highest spiritual side of activity lead to the development of personality-oriented approaches to the design and use of competency-oriented tasks for diagnosis of personal results of education.

Keywords: competence approach, competency-oriented task, diagnosis of personal results of education, understanding.

Аннотация

Автор статьи рассматривает компетентный подход как один из возможных ответов на потребности личности, общества и государства в современном образовании. Рассуждая о причинах его недостаточно эффективной реализации в школах и высших учебных заведениях, особое внимание он уделяет компетентно-ориентированным заданиям (далее – КОЗ). Критически-творческий анализ способов проектирования КОЗ на основе классической таксономии образовательных целей подвел к выводу об ограниченности их диагностических возможностей. Определение базового понятия темы (КОЗ) в связи с основной целью образования в информационном обществе и осмысление понимания как высшей духовной стороны деятельности, считает автор статьи, ведут к разработке лично-ориентированных подходов к проектированию и использованию КОЗ, диагностирующих личностные результаты образования.

Ключевые слова:

Компетентный подход, компетентно-ориентированное задание, диагностика личностных результатов образования, понимание.

В начале XXI века образование, в том числе и в России, вышло на стратегические позиции, которые позволяют осуществить переход от консервирующего, обслуживающего, догоняющего социально-экономическую сферу состояния, – через освоение синхронного (идущего в ногу со временем) образования, – к образованию, опережающему социально-экономическое развитие, предвосхищающему неведомые доселе вызовы и угрозы, прокладывающему дорогу в будущее, становясь важнейшим ресурсом культурного развития человека и общества (А.Г. Асмолов, Е.Е. Вяземский, В.И. Загвязинский, И.М. Ильинский, В.В. Краевский, Ю.В. Сенюко, Е.А. Ямбург и др.).

Компетентный подход является одним из возможных ответов на потребности личности, общества и государства в современном образовании, если относиться к компетенциям как к совокупности взаимосвязанных качеств личности, системы знаний, умений и ценностных отношений, необходимых для создания ценностно-смыс-

ловых, поведенческих, мотивационных, эмоционально-волевых, когнитивных результатов жизнедеятельности субъектов в повседневной жизни и нестандартных ситуациях (Н.Ф. Ефремова, И.А. Зимняя, М.М. Поташник, А.В. Хуторской и др.).

Поэтому в ФГОС всех уровней образования (общее, среднее профессиональное, высшее) формулируются требования к результатам освоения основной образовательной программы, которые косвенно: в виде комплексов личностных, метапредметных и предметных результатов общего образования, – или прямо: общекультурные, общепрофессиональные и профессионально-специализированные компетенции, – ориентированы на компетентный подход к образованию.

К причинам, осложняющим реализацию компетентного подхода в системе высшего профессионального образования, исследователи (А.Г. Бермус, Н.В. Жадько, К.А. Логун и др.) относят, в числе других причин, опре-

деление компетенций через психологические внутриличностные категории "способность" и "готовность", которые вследствие этого измеряются с помощью психологических методов (тестирование, анкетирование, включенное наблюдение и т.д.) и слабо коррелируют с образовательным процессом, подменяются в нем методами проверки и оценки предметных результатов обучения школьников и студентов (О.Ю. Стрелова и др.).

В педагогической теории и практике для преодоления этого противоречия уже разрабатывается вопрос о диагностике сформированности ключевых компетентностей (компетенций) обучающихся (Г.М. Белова, С.С. Жигулин, Ю.М. Жуков, О.П. Миханова, Т.Е. Наливайко, Ю.Г. Татур, Н.Е. Щуркова и др.). Педагогическая диагностика решает особые задачи, которые не свойственны традиционной проверке и контролю знаний: получение конкретных, персонализированных данных о результатах обучения, возможностях и способностях обучающихся, о процессе продвижения каждого по сравнению с самим собой; определение причин, путей и способов профилактики и коррекции трудностей в обучении, воспитании и развитии; стимулирование активности и духовных новообразований личности. В силу важности этих задач диагностика расценивается как неотъемлемая часть современного образовательного и воспитательного процессов в образовательных организациях общего и высшего профессионального образования, направленная на выявление, развитие и реализацию личностных ресурсов школьников и студентов.

В этой логике контрольно-измерительные материалы постепенно превращаются в фонды оценочных средств и расширяются за счет специальных заданий, названных компетентностно-ориентированными заданиями (далее – КОЗ). В зависимости от того, на формирование каких компетенций: профессиональных или общекультурных, – направлены эти задания, исследователи акцентируют свое внимание на специфических или универсальных признаках КОЗ.

Согласно первому подходу, основной целью КОЗ является организация познавательной, исследовательской, проектной, квазипрофессиональной деятельности обучающегося [6, с. 21]. Среди специфических признаков КОЗ, сопутствующих вышеуказанной цели, ученые отмечают выстраивание заданий поэтапно по аналогии с технологией профессиональной деятельности [5]; опору на приемы анализа производственных ситуаций и проблем с учетом уровня готовности обучающегося решать реальные задачи профессиональной деятельности на конкретном этапе процесса обучения [9]; формулировку условий прохождения всех этапов задания; соотнесение конечного результата выполнения задания с показателями профессиональной деятельности [5] и т.п. Другими словами, в рамках этого направления, КОЗ – это "отраженная в со-

знании студента" определенная проблемная ситуация, сопряженная с профессиональной деятельностью и компетенцией выпускника [4].

Второй подход опирается на универсальные признаки КОЗ. Любой КОЗ моделирует практическую жизненную ситуацию, а процесс их выполнения носит деятельностный характер. Это один из важнейших признаков, отличающих КОЗ от других типов познавательных и проверочных заданий. КОЗ выстраиваются в "строго определенной последовательности действий", ведущих к материальному или интеллектуальному результату [10, с. 132]. Комплексный характер деятельности при выполнении КОЗ включает работу с информацией (поиск, обмен, структурирование, применение и т.д.), с применением вербальных и невербальных способов коммуникации, а также работу по подготовке к демонстрации своих результатов деятельности и их защите. Вследствие этого выдвигаются особые требования к оценке выполненного задания и методике ее осуществления (Н.Ф. Ефремова, И.Б. Шмигрилова и др.). Благодаря этому КОЗ направлены на формирование способности и готовности обучающихся к самостоятельной познавательной деятельности, развитию и раскрытию творческих способностей, успешной самореализации. Это, безусловно, важно, но, на наш взгляд, недостаточно для использования КОЗ в качестве педагогических инструментов становления и диагностики личностных результатов образования.

Придерживаясь второго подхода, мы предложили определение КОЗ, в основе которого лежит особая миссия данного типа заданий: компетентностно-ориентированное задание – это задание, способствующее организации самостоятельной деятельности обучающихся, направленной на саморазвитие и овладение широким набором общекультурных компетенций, актуальных для жизни в постоянно изменяющемся мире.

Позволяют ли уже существующие в педагогической практике подходы к конструированию КОЗ обеспечить достижение личностно-ориентированной цели образования? Как показывает наш анализ опубликованных в учебно-методических изданиях примеров компетентностно-ориентированных заданий и алгоритмов их проектирования (Н.Ф. Ефремова, П.Ф. Кубрушко, Д.А. Махотин, М.В. Шингарева и др.), все разработчики КОЗ ссылаются на зарубежный опыт оценки результатов обучения с использованием таксономии Б. Блума. *Как известно, она включает шесть разноуровневых категорий образовательных целей и моделей их интерпретации* [12]:

1. Знание: запоминание и воспроизведение изученного материала – от конкретных фактов до целостной теории.
2. Понимание: показателем понимания может быть преобразование материала из одной формы выражения – в другую, интерпретация материала, предположение о дальнейшем ходе явлений, событий.

3. Применение: умение использовать изученный материал в конкретных условиях и новых ситуациях.

4. Анализ: умение разбить материал на составляющие так, чтобы ясно выступала структура.

5. Синтез: умение комбинировать элементы, чтобы получить целое, обладающее новизной.

6. Оценка (эта категория обозначает умение оценивать значение того или иного материала).

Согласно таксономии Блума, в КОЗ включают, на первый взгляд, задания всех уровней, но при детальном анализе различных образцов выясняется, что в них отсутствует самый важный с точки зрения достижения личностных результатов вид заданий – задания на понимание, причем в том смысле, который вкладывают в него современные философы. Поэтому уже на стадии своего проектирования КОЗ оказываются редуцированными до предметных и метапредметных результатов общего образования и до профессиональных компетенций – в высшем (табл. 1).

Напомним, что в русле общекультурного подхода КОЗ требуют отношения к себе как к заданиям, способным диагностировать личностные новообразования обучающихся, выявлять проблемы в их личностном развитии, стимулировать постановку новых задач, расширять "горизонты познания", стремиться к "неисчерпаемым за-

даниям культуры". Именно эти свойства делают КОЗ адекватными вызовам постоянно изменяющегося мира и призывам к образованию в течение всей жизни.

В этом контексте акт понимания – это гораздо сложнее, чем "преобразование материала из одной формы выражения – в другую, интерпретация материала, предположение о дальнейшем ходе явлений, событий" [12] (курсив – С.С.). Большинство современных ученых связывают процесс понимания с осмыслением, т.е. выявлением того, что имеет для человека какой-либо смысл, проясняет цели его деятельности, место в мире и взаимосвязь с другими явлениями и событиями (А.П. Алексеев, Б.М. Бим-Бад, В.А. Ельчанинов, Ю.В. Сенько, М.Н. Фроловская, и др.). Понимание – это процесс, в котором раскрываются "бесконечные смысловые глубины бытия" [3], выявляются такие свойства предметов и явлений действительности, которые познаются человеком в его "чувственном опыте" [11], прослеживаются и осмысливаются его "внутренний мир" [7], "уникальность" и, принесенный им "свой смысл", это – "духовная сторона любой человеческой деятельности" [10, с. 7] (курсив – С.С.). Таким образом, понимание апеллирует к личностным ценностям и качествам обучающихся и поэтому коррелирует с личностными результатами образования.

Для придания КОЗ диагностической функции мы предлагаем четырехкомпонентную модель образова-

Таблица 1.

Типичные виды заданий, входящие в КОЗ на основе таксономии Б. Блума (шестикомпонентная система образовательных целей)

№ п/п	Виды заданий	Компоненты системы образовательных целей (нумерация в соответствии с вышеуказанной таксономией Б. Блума)
1	Изложите иначе (своими словами) предлагаемую в тексте идею	Знание - понимание (1 - 2)
2	Заполните таблицу	
3	Объясните причины (последствия) совершаемых действий	
4	Определите последовательность действий в процессе изготовления, выполнения...	Применение (3)
5	Проанализируйте структуру какого-либо объекта, процесса	Анализ (4)
6	Сравните предложенные подходы, точки зрения и пр.	
7	Выявите принципы, лежащие в организации данной деятельности, процесса	
8	Предложите иной (оригинальный) вариант решения проблемы	Синтез (5)
9	Составьте на основе описания технологическую карту	
10	Предложите новую (свою) классификацию объектов, процессов	
11	Оцените значимость полученных результатов	Оценка (6)
12	Определите критерии для оценки результатов деятельности	

тельных целей, в которой однородные виды познавательной деятельности: анализ, синтез и оценка, – отнесены к уровню "владение", а ее вершиной становится

понимание. Тогда существенно меняются задачи и характер работы обучающегося с источником информации и, как следствие, ее результаты (табл. 2).

Таблица 2.

Виды заданий в КОЗ
с использованием четырехкомпонентной системы образовательных целей.

Компоненты системы образовательных целей (в скобках – компоненты таксономии Б. Блума)	Виды заданий для развития и диагностики показателей компетенций (составлены на основе книги К. Робинсона "Образование против таланта")	Результаты в общем / высшем образовании
Знание (1)	Почему автор считает образование, наряду с религией, политикой и финансами, темой, "задевающей людей за живое"?	Предметные / профессиональные
Умение (3)	Используя текст источника и название всей книги, своими словами сформулируйте проблему, которую поднимает автор.	Предметные-метапредметные / профессиональные
Владение (4, 5, 6)	Что автор понимает под образованием? Сформулируйте свой ответ на основе текста первоисточника.	Метапредметные / профессиональные
Понимание (2)	Автор считает, что "у каждого есть твердое мнение по вопросам обучения (образования)". А какие мысли автора этого текста вам показались интересными?	Личностные / личностные
	В своей книге автор приводит два мнения о талантах людей. Как вы думаете, зачем автор книги это делает? К какому эффекту он стремится?	Личностные / личностные

ЛИТЕРАТУРА

1. А.Г. Асмолов. Образование как расширение возможностей развития личности: от диагностики отбора – к диагностике развития // Асмолов А.Г. Оптика Просвещения: социокультурные перспективы. – М., 2015. – С. 241–252.
2. Вяземский Е.Е., Евладова Е.Б. Приоритеты развития образования в контексте информационных вызовов XXI века: к осмыслению проблемы // Современное дополнительное профессиональное педагогическое образование. 2017. № 3. С. 55 – 68.
3. Ельчанинов В.А. О диалектике понимания и объяснения // Известия АГУ. Сер. Химия. География. Биология. Педагогика и философия. 2006. № 3 (51). С. 115–117.
4. Жукова Н.М. Механизм проектирования компетентно–ориентированных задач по учебным дисциплинам и условия его реализации в вузах / Жукова Н.М., Кубрушко П.Ф., Шингарева М.В. // Образование и наука. 2015. № 1. С. 68–79.
5. Клюева Г.А. Компетентно–ориентированные задания: вопросы проектирования // Среднее профессиональное образование. 2012. № 2. С. 29–32.
6. Компетентно–ориентированные задания в системе высшего образования / Шехонин А.А., Тарлыков В.А., Клещева И.В., Багаутдинова А.Ш., Будько М.Б., Будько М.Ю., Вознесенская А.О., Забодалова Л.А., Надточий Л.А., Орлова О.Ю. – СПб.: НИУ ИТМО, 2014. – 98 с.
7. Краткий философский словарь / под ред. А.П. Алексеева. – М.: "Проспект", 1997. – С. 361–362.
8. Махотин Д.А. Компетентно–ориентированные задания как средство оценки общих и профессиональных компетенций обучающихся // Среднее профессиональное образование. 2014. № 5. С. 18–20.
9. Организация оценивания компетенций студентов, приступающих к освоению основных образовательных программ вузов / Ефремова Н.Ф. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2010. – С. 132.
10. Педагогика понимания / Сенько Ю.В., Фроловская М.Н. – М.: Дрофа, 2007. – С. 7.
11. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б.М. Бим–Бад. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – С. 206–207.
12. Цветков Ю.Б. Особенности проектирования учебных целей дисциплин инженерных образовательных программ // Наука и образование. МГТУ им. Н.Э. Баумана. Электрон. журнал. 2015. № 03. С. 331–344. DOI: 10.7463/0315.0761285

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ КЛУБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРОСТКОВ В ИСТОРИИ ПЕДАГОГИКИ

Торшина Анна Вячеславовна
Аспирант,
Оренбургский государственный
педагогический университет

THE GENETIC APPROACH TO THE STUDY THE CLUBS ACTIVITIES OF THE ADOLESCENTS IN THE HISTORY OF PEDAGOGY

A. Torshina

Annotation

The article highlights the stages of development of club activities adolescents of the study period. Each stage is characterized based on the analysis of the archival materials (State archive of the Orenburg region, the city of Orenburg, Orsk; The documentation center of modern history of the Orenburg region). The concept of "methodology" is presented. It emphasizes that scientific activity is fundamentally not feasible without defining the nature of the researchers activity and the choice of the activities are due to the correct methodological approach to the studied phenomenon. The functions which are used as components of periodization are dedicated. The genetic approach is considered in the study of the club activities in 1931–1958 years in Orenburg region.

Keywords: club activity for adolescents, approach, stage, Orenburg region.

Аннотация

В статье выделены стадии развития клубной деятельности подростков исследуемого периода. Охарактеризована каждая стадия на основании анализа архивных материалов (Государственный архив Оренбургской области, город Оренбург, Орск; Центр документации новейшей истории Оренбургской области). Представлено понятие "методология". Подчеркивается, что научная деятельность принципиально не осуществима без определения характера деятельности исследователя и выбор деятельности обусловлен правильностью его методологического подхода к исследуемому явлению. Выделены функции, которые используются в качестве компонентов построения периодизации. Рассмотрен генетический подход при изучении клубной деятельности в 1931–1958 гг. в Оренбуржье.

Ключевые слова:

Клубная деятельность подростков, подход, стадия.

Результативность педагогического исследования достигается, чаще всего, при обеспечении в нем преемственности прошлого и настоящего, раскрытии ретроспективы изучаемого исторического явления. В последние годы история педагогики рассматривается с точки зрения культурно-образовательного пространства, без изучения которого, в хронологической последовательности, невозможно эффективное решение актуальных проблем развития педагогической науки и российского образования.

Исследователи, рассматривая методологию историко-педагогического познания, установили, что рефлексия прошлого, настоящего и будущего образования и педагогики позволяет более глубоко понять перспективы развития человечества в целом.

В российской историко-педагогической науке конца XX – начала XXI столетия существенно переосмыслены подходы к познанию сущности, содержания и тенденций отечественного историко-педагогического процесса. Во

многом это произошло благодаря развитию методологии историко-педагогического познания, ориентированного на творческое использование позитивного опыта историко-педагогических исследований прошлого.

Методология – это "учение о структуре, логической организации, средствах и методах деятельности" [14, с. 164]. При этом следует считаться с тем, что научная деятельность принципиально не осуществима без определения характера деятельности исследователя. Этот вывод следует уже из того положения, что "в генетическом плане познание оказывается вторичным по отношению к деятельности, оно возникает как момент, включенный в деятельность и, так сказать, обслуживающий ее" [18, с. 249]. В связи с этим положением можно утверждать, что "проблематика методологии – это в значительной мере именно соотношение знания и деятельности, рассматриваемое в специфических аспектах" [18, с. 10]. Лишь "осознавая те или иные предпосылки собственной деятельности", исследователь "обретает определенную свободу по отношению к ним" [18, с. 28].

Обращение к публикациям по проблемам методологии педагогического исследования [4,7,10,11,12] позволяет сделать вывод, что выбор деятельности исследователя обусловлен правильностью его методологического подхода к исследуемому явлению. В научной литературе нет однозначного определения методологического подхода, хотя большинство исследователей определяют его либо как точку зрения на объект изучения, либо как общую стратегию исследования. Так А.А. Арламов рассматривает подход как "компонент системного познания" [1]. Развёрнутая трактовка методологического подхода дана Е. В. Титовой, выделившей в историографии три смысла подхода как методологической категории: "основание для рассмотрения, описания, проектирования, конструирования чего-либо (принцип); совокупность способов и приемов осуществления деятельности (метод); признак осуществления деятельности (качество)" [15].

В исследовании клубной деятельности подростков в Оренбургской области с 1931 по 1958 год в качестве основного избран генетический подход, который предполагает выявление происхождения изучаемого явления, установление его основных характеристик и признаков. Данный подход исходит из представления о преемственности развития научного педагогического знания, постепенной его эволюции на основе расширения, уточнения и коррекции, возникающих в историческом процессе представлений об изучаемом педагогическом явлении.

В рассматриваемом периоде для Оренбуржья можно

выделить три стадии развития клубного движения подростков: довоенный (1931–1940 годы), военный (1941–1945 годы), послевоенный (1946–1958 годы). Такое выделение стадий обусловлено тем, что содержание клубной деятельности существенно зависело от тех социально-экономических и политических преобразований, которые осуществлялись тогда в СССР. Из приведенной ниже таблицы видно, что приоритет в деятельности клубов отдавался общественно-политическому направлению клубной деятельности. Динамично развивались сельскохозяйственные и общеобразовательные направления клубной деятельности.

Полученные для изучаемого периода данные вполне допустимо сопоставлять с современными данными о работе клубов. При этом реализуется первый аспект генетического подхода, когда удается установить происхождение ряда традиций и норм клубной работы в период 1931–1958 годов и их функционирование в современной образовательной системе. Второй аспект связан уже с собственно клубной деятельностью подростков. Анализ ее структуры, содержания, целей и средств, материально-техническое оснащение, мотивы и перспективы, степень самостоятельности и субъектности – все это возможно при сопоставлении избранного исторического периода и современности.

Следует обосновать и избранный для исследования период. В работах по истории педагогики наиболее часто используется понятие "периодизация", но до сих пор учеными дискутируются его сущность и содержание, основания определения границ "периодов". "Период" в общем

Таблица 1.

Выписка из годового отчёта учреждений клубного типа
(мероприятия проводились на русском языке) [28].

Мероприятие / год	Довоенный период (до 1940)	Военный 1941-1945	Послевоенный
	Количество мероприятий, в них человек		
Общественно-политической и текущей политики	10, 700 человек	-	11, 675 человек
Военно-технические	5, 100 человек	6, 100 человек	5, 87 человек
Сельскохозяйственные	7, 600 человек		8, 575 человек
Общеобразовательные	10, 900 человек		12, 870 человек
Спектакли и вечера художественной самодеятельности	8, 700 человек		5, 390 человек
Утренники и вечера	4, 400 человек		1, 90 человек
Антирелигиозные	1, 100 человек		1, 87 человек
Кружки	4 кружка		3 кружка

виде – это промежуток времени, в течение которого "происходит явление (начинается, развивается и заканчивается)" [9, с. 16]. Анализ научной литературы по проблеме показал, что зачастую как идентичные понятию "период" употребляются термины "цикл", "этап", "ступень", "стадия", "фаза", "отрезок". На наш взгляд, данные синонимы следует использовать в качестве характеристик процесса, а не статичного явления.

Придерживаясь утверждения И. Ю. Юрочкиной, полагаем, что периодизацию можно определить, как "деление процессов развития на основные, качественно отличающиеся в содержательном или организационном смысле периоды. И главное, процесс периодизации не произволен, а предполагает выбор критерия деления, выявления отличительных особенностей периодов, соответствие этих особенностей избранному критерию" [19, с. 154].

В исследовании реализуется определение периодизации, данное В. Г. Храпченковым: "сущностное определение основного содержания этапов становления и развития историко-педагогических процессов, характерных для данного народа, страны, региона или человечества в целом" [17, с. 35]. Это определение понятия периодизации дает нам возможность охарактеризовать региональный компонент, заложенный в основу исследования. В качестве следующих компонентов построения периодизации исследователями используются функции историко-педагогического исследования. Вслед за О. В. Толокновой мы выделили "социально-аксиологическую, организационную, распределительную, прогностическую функции. Основная из них – это сохранение хронологической и аксиологической преемственности между историко-педагогической действительностью и ее описанием" [16, с. 20].

Наряду с перечисленными, значимыми в контексте клубной деятельности подростков, являются воспитательная (формирование системы ценностно-эмоционального отношения личности к миру) и развивающая (развитие общих и специальных особенностей личности, а также психических процессов) функции. Мы выявили, что в клубной деятельности подростков востребованы принципы персонификации (изучение педагогом индивидуальных особенностей, привлечение к активной деятельности, опора на собственную активность) и индивидуализации (учет в процессе занятий по интересам свойств личности – мировоззрение, сфера желаний, статус в коллективе).

Методологический интерес представляют выделенные в разных науках подходы к явлению периодизации. Для нас важным является мнение И.Ю. Юрочкиной о том, что "в философском подходе к периодизации обращает на себя внимание попытка сведения деления исторического процесса на части к другой, более изученной процедуре – поиску и выделению ведущих противоречий исследуемого процесса" [19, с. 154]. Для нас в выявлении этапов развития клубной деятельности в Оренбургской

области актуальность приобретает историческая обусловленность изучения педагогических явлений. Основные принципы изучения педагогического явления: диалектичность подходов и установок, аналитический анализ, глобальность проблем образования, историзм, научная объективность.

Признаки, которые необходимо учитывать при рассмотрении нескольких стадий развития какого-либо явления были определены А. И. Кравченко. *По мнению автора, признаки следующие:*

а) преемственность во времени, означающая, что следующая фаза продолжает развиваться с момента, на котором остановилась предыдущая;

б) восходящая линейная или циклическая направленность процесса развития;

в) сохранение поколенческой преемственности носителей традиций и норм" [6, с. 18].

Все признаки присутствуют на этапе развития клубной деятельности в Оренбургской области. Оренбургская область привлекает к себе внимание не одного поколения отечественных ученых, деятелей культуры и образования. Объясняется это, во-первых, возрастом роли, которую играет этот регион в социально-экономическом и культурном развитии страны; во-вторых, богатым опытом педагогических традиций, в том числе клубной деятельностью в дополнительном образовании подростков. Являясь малоизученным в контексте клубной деятельности подростков, избранный период позволяет выявить актуальные проблемы изучаемого педагогического явления. В исследовании избран период становления и развития дополнительного образования детей в Оренбуржье (1931–1958 годы). Исследователями отмечается, что "развитие дополнительного образования, в частности, клубной деятельности в данный период раскрыта слабо" [3, с. 18].

Большое значение в развитии клубной деятельности в Оренбургской области (1931–1958годы) как базы для целенаправленного влияния на организацию свободного времени детей и подростков сыграли ранее принятые постановления ЦК РКП (б) "О пионерском движении" (1925), ЦК ВКП (б) "О состоянии и ближайших задачах пионердвижения" (1928), в которых особое внимание уделялось подбору и подготовке кадров. Обязательным становилось требование наличия общественного мнения о качестве клубной работы. Уже в 1928 году при Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской создается внешкольное отделение для подготовки кадров внешкольных работников. В 1929году, снова под председательством Н.К. Крупской, в системе Наркомпроса организуется совет по внешкольной работе. Это был период оформления системы дополнительного образования: появляются новые типы учреждений (пионерские лагеря, станции, Дома пионеров).

На основании архивных документов мы выделили три стадии развития клубной деятельности:

1) Первая стадия (1931 – 1940 годы) характеризуется недостаточным количеством клубных объединений, нехваткой квалифицированных педагогических кадров и слабым финансированием, что подтверждает докладная записка "О состоянии внешкольной работы в Оренбургской области" 1935 года: "нет объединений по изучению сельскохозяйственных машин, групп юных натуралистов. Клубные объединения организационно не оформлены. Не созданы условия для работы с детьми. Нет планов работы, не хватает литературы. Требуют обязательной подготовки педагогические кадры" [20]. "В городе Оренбург открываются клубное объединение кукольного театра при образцовой школе № 24, шахматно-шашечный клуб; строятся парашютные вышки в аэроклубах Оренбурга и Орска. В Погроминском зерносовхозе Тоцкого района начинает свою работу объединение моделистов. Заканчивается строительство клуба на 150 человек на усадьбе Саракташской МТС. В колхозе "Пробуждение" Зиянчуринского района открылся пионерский клуб" [7, с. 70].

Стенограмма областного совещания комсоргов школ и секретарей комитетов комсомола неполных средних и средних школ, 15 декабря 1936 подтверждает, что открываются клубные объединения: физкультурное, хорошее, авиамодельное, драматическое" [21]. На данной стадии развития клубной деятельности "дети занимаются озеленением и благоустройством улиц, исследовательской и шефской работой" [22]. Подростки активно включались в работу за ликвидацию неграмотности среди населения и особенно среди детей, боролись за отличную учебу, активно участвовали в развитии клубного движения. Дети стремились жить интересами страны. Так, если в СССР ставилась задача овладения техникой, то эта задача воспринималась подростками как личностно значимая. Поэтому в клубной деятельности подростков начиналась работа по техническому творчеству. Летом проводилась культурная работа среди сельских тружеников.

В предвоенные годы тяжелая международная обстановка накладывала отпечаток на деятельность клубных объединений детей. И они не только по мере сил и возможностей помогали взрослым в труде, но и стремились подготовить себя к защите Отечества: "учились стрелять, тушить пожары, оказывать первую медицинскую помощь" [13, с. 23]. Таким образом, целью деятельности клубных объединений на данном этапе стало привлечение детей общедоступностью занятий на основе добровольного объединения по интересам.

2) На второй стадии, в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 годы), количество клубных объединений уменьшилось наполовину по сравнению с предвоенным периодом. Основным содержанием работы клубов стало разъяснение характера и цели войны. В клубах пропагандируются героические подвиги советских людей в

тылу и на фронте. Тема патриотизма становится ведущей.

Основными направлениями деятельности клубных объединений были следующие: агитационная работа; оборонно-массовая работа; справочная работа. В исследовании С. М. Муромцевой описан слет юных тимуровцев, который прошел 5 ноября 1941 года в г. Чкалов и собрал 150 пионеров. На нем было принято обращение к пионерам и школьникам области с призывом "к отличной учебе, оказанию помощи старшим (сбор металлического лома, забота о семьях красноармейцев, изучение топографии, связи, разведки)" [8, с. 104]. На данном этапе клубные объединения детей оказывают помощь фронту, о чем свидетельствует приказ № 1538 Народного Комиссара Просвещения РСФСР от 7 мая 1943 года "Об участии учителей, пионеров и школьников в сборе дикорастущих, полевых, лекарственных и технических растений для нужд фронта и народного хозяйства". Например, "в целях более широкого привлечения детей к сбору дикорастущих хозяйственно ценных растений, а также лучшей и продуктивной организации их работы в 1943 году приказываю:

1. "Обеспечить совместно с комиссиями обкомов и крайкомов ВЛКСМ широкое привлечение школьников и учителей к сбору основных видов дикорастущих хозяйственно ценных растений" [23]. В следующем документе "Письме учащимся, пионеркам и пионерам 1942 года" разъясняется роль деятельности детей – воспитанников клубных объединений в помощи фронту (сбор лекарственных трав для фронтовиков). [24]. Большую помощь подростки оказывали госпиталям. Они дежурили в палатах, читали газеты, журналы, книги раненым, писали их родным и близким письма, выполняли другие поручения, связанные с уходом за ранеными, устраивали для них концерты. Несмотря на трудности, дети усиленно собирали деньги на строительство танков и самолетов. В Бугуруслане и Чкаловском сельском районе на танковую колонну было собрано более 35 тыс. рублей. Кроме этого, дети занимались тем, что собирали, ремонтировали и передавали нуждающимся одежду и обувь; оказывали всевозможную помощь семьям фронтовиков и инвалидам войны, заготавливали дрова для школ и детских учреждений, в госпиталях ухаживали за ранеными [13, с. 75].

3) Третья стадия (1946–1958 годы) – расцвет клубной деятельности подростков в Оренбуржье. Усиливается практическая роль клубов в организации деятельности учащихся по месту жительства, в индивидуализации работы с неблагополучными семьями, помощь в стране в восстановлении хозяйства. Большое значение в развитии клубной деятельности как базы для целенаправленного влияния на организацию свободного времени детей и подростков сыграли Постановление Президиума ЦК ВЦИК "О работе детских обществ 1948 год" [25]. Архивные документы подтверждают, что "центром работы с детьми становятся пионерская организация, дома и

дворцы пионеров, детские технические станции. К клубам прикрепляются специалисты – изобретатели. Обеспечивается квалифицированная консультация руководителям клубных объединений, в которые привлекаются дети из неблагополучных семей. Для исследовательской деятельности детям предоставляются экспериментальные мастерские и лаборатории предприятий" [26].

Исследованию этого этапа посвящена работа В. С. Болодурина "Образование в Оренбуржье XVIII–XX век". Автор указывает, что "наблюдаются как положительные моменты (расширение и улучшение материальной базы, повышение квалификации педагогических кадров), так и отрицательные (отсутствие инициативы приведения содержания образования к уровню развития науки и требований практики, отставание в использовании новых информационных технологий)" [2, с. 344].

Несмотря на то, что формы и методы работы с детьми в клубах определялись задачами государства, работа клубов становилась предметом внимания органов народного образования. Количество клубов продолжало расти. Появлялись городские клубы юных автомобилистов, работали детские сектора при профсоюзных клубах [27]. "В марте 1947 года возобновляется работа Чкаловского аэроклуба, который до начала Великой Отечественной войны подготовил тысячи пилотов и парашютистов. Воспитанники клуба были отмечены правительственными наградами. В феврале 1952 года тысячи пионеров, в том числе воспитанников клубных объединений города Чкалова приняли участие в лыжных соревнованиях. 2 августа 1953 года в Зауральной роще города Чкалова состоялась областные соревнования морских клубов" [8, с. 201].

В традиции, как в элементе социального и культурного наследия, "закреплен накопленный опыт прошлых поколений, сохраняющийся в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени: об-

щественная установка, нормы поведения, ценности, идеи, обычаи, обряды". Как отмечает С. П. Иваненков, в переломные моменты истории "традиции и традиционные ценности обретают особый смысл, так как становятся, прежде всего, опорой в поисках путей дальнейшего развития общества, государства и человека" [5, с. 160]. Особый интерес представляют традиции клубной деятельности в исторический период с 1931 по 1958 гг.

В деятельности современных клубных объединений прослеживаются некоторые традиции 1931–1958 гг.: общедоступность занятий, удовлетворение разнообразных интересов детей, повышение профессионального уровня педагогических кадров для привлечения детей в объединения (стадия 1931–1940 годы); необходимость функционирования клубных объединений с целью патриотического воспитания молодого поколения (стадия Великой Отечественной войны 1941–1945 годы); усиление работы с неблагополучными семьями и детьми "группы риска" (послевоенная стадия 1946–1958 годы).

Этот вывод подтверждается при анализе нормативных документов: "Концепция развития дополнительного образования", "Программа развития воспитательной компоненты в общеобразовательных учреждениях", федеральной целевой программе "Развитие дополнительного образования детей в Российской Федерации до 2020 года", Государственная программа "Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы". В них прямо ставятся задачи, которые традиционно решались клубными объединениями в 1931–1958 годах. Изучение опыта региональной системы клубной деятельности детей в дополнительном образовании в Оренбургской области приобретает особое значение, так как позволяет критически осмыслить и заимствовать все наиболее передовое для дальнейшего развития клубной деятельности и совершенствования системы дополнительного образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арламов, А.А. Целостность методологических подходов в педагогическом исследовании: подход как компонент системного познания [Текст] А. А. Арламов // Известия Волгоградского пед. ун-та. – 2009. – № 6, 2009. – с. 23–28.
2. Болодурин, В.С. Образование в Оренбуржье XVIII–XX век [Текст] / В.С. Болодурин. – Оренбург: ОГПУ, 2008. – 464 с.
3. Болодурин, В.С. История становления и развития образования в Оренбуржье [Текст] В.С. Болодурин // Вестник Оренбургского гос. ун-та. – 2012. – №5. – С. 32–38.
4. Загвязинский, В.И., Атаханов, Р. Методология и методы психолого-педагогического исследования: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений [Текст] / В. И. Загвязинский, Р. Атаханов. – М., 2001. – 208 с.
5. Иваненков, С.П., Кусжанова, А. Ж. Проблемы социализации современной молодежи / С.П. Иваненков, А. Ж. Кусжанова. – Оренбург: Димур, 1999. – С. 160–161.
6. Кравченко, А.И. Три капитализма в России [Текст] А.И. Кравченко // Социологические исследования. – 1999. – № 6. – С. 16–23.
7. Краевский, В.В. Методология педагогического исследования [Текст] / В.В. Краевский. – Самара, 1994. – 165 с.
8. Муромцева, С.М. Хроника Оренбургской области 1934–1990. [Текст]: в 2 т. Т.1 / С.М. Муромцева. – Оренбург: Печатный дом "Димур", 2009. – 308 с.
9. Назаров, Н.В. Вопросы периодизации в деятельности исследователя истории педагогики (методологический аспект) [Текст] / Н. В. Назаров. – Орск: Изд-во Орск. пед. ин-та, 1995. – 85 с.
10. Новиков, А.М. Как работать над диссертацией (пособие в помощь начинающему педагогу-исследователю) [Текст] / А. М. Новиков. – М., 1994. – 146 с.
11. Новиков, А.М. Методология образования [Текст] / А. М. Новиков. – М., 2002. – 320 с.

12. Саранцев, Г.И. Цель, объект и предмет педагогического исследования [Текст] Г.И. Саранцев // Педагогика.–2002.– № 7.– С.13 – 18.
13. Сафонова, З. Г. Детские организации Оренбуржья в XX веке– Оренбург: "ОГПУ", 2005.–156 с.
14. Спиркин, А.Г., Юдин, Э.Г. Методология [Текст] Спиркин, А.Г., Юдин, Э.Г. // БСЭ, 3-е изд., т. 16, с.164.
15. Титова Е.В. Педагогическая методология: анализ отечественных научных подходов. – Письма в Emissia.Offline: электронный научно-педагогический журнал. Апрель 2001
16. Толокнова, О.В. Развитие всеобщего обязательного в Западной Сибири [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / О. В. Толокнова. – Новосибирск, 2001. – 219 с.
17. Храпченков, В.Г. Научно-педагогические основы всеобщего обязательного среднего образования в Казахстане [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / В. Г. Храпченков. – Алматы, 1997. – 342 с.
18. Юдин Б.Г. Методологический анализ как направление изучения науки [Текст]/Юдин, Б.Г.– М., 1986.– 260 с.
19. Юрочкина, И.Ю. Периодизация истории дополнительного образования детей в Западной Сибири (конец XIX – начало XXI века) [Текст] И. Ю. Юрочкина // Вестник Томского гос. пед. ун-та. – 2013. – №13 (141). – С. 154–160.
20. Докладная записка "О состоянии внешкольной работы в Оренбургской области 1935 год" // ЦДНМО. Ф.1697. Оп.1. Д. 67.
21. Стенограмма областного совещания комсоров школ и секретарей комитетов комсомола неполных средних и средних школ, 15 декабря 1936 // ЦДНМО Ф.1697. Оп.1 Д. 166.
22. Письмо Н. К. Крупской пионерам и школьникам "О сознательной дисциплине" // ЦДНМО. Ф.1697. Оп.1. Д. 68.
23. Приказ № 1538 Народного Комиссара Просвещения РСФСР от 7 мая 1943 года "Об участии учителей, пионеров и школьников в сборе дикорастущих, полевых, лекарственных и технических растений для нужд фронта и народного хозяйства"// ЦДНМО. Ф.1697. Оп.1. Д. 699.
24. Письмо начальникам пионерских лагерей, всем учащимся, пионеркам и пионерам // ЦДНМО. Ф.1697. Оп.1. Д. 699.
25. Постановление Президиума ЦК ВЦИК "О работе детских обществ 1948 год" // ГАОО филиал в городе Орске Ф. р-1. Оп.1. Д. 245.
26. Постановление Президиума ЦК ВЦИК "О работе всесоюзного общества изобретателей с юными техниками и изобретателями// ЦДНМО. Ф.1697. Оп.1. Д. 165
27. Отчет о работе клубных объединений 1958 год // ГАОО филиал в городе Орске Ф. р-1. Оп.1. Д.70.
28. Выписка из годового отчёта учреждений клубного типа (мероприятия проводились на русском языке) // ГАОО филиал город Оренбург Ф. 1893 Оп.2. Д.3.

© А.В. Торшина, (anna-torshina@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

АУДИРОВАНИЕ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ПОДГОТОВКИ КИТАЙСКИХ РУССКОГОВОРЯЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ*

* Статья написана при поддержке государственного гранта: Государственная стратегия по созданию единого пространства обучения русскому языку на северной границе России и Китая (FGB150490), WY2015012-A.

LISTENING COMPREHENSION AT THE INITIAL STAGE OF TRAINING CHINESE RUSSIAN SPEAKING SPECIALISTS

Huang Dongjing

Annotation

Implementation of 'One Belt And One Road' strategy results in demand for Russian-speaking specialists. Efficient training in the Russian language provides broad prospects for young people. The article considers and highlights the skills and abilities that are necessary to develop in the process of listening comprehension training. Listening comprehension as a teaching technique, besides its main communicative purpose, backs up a number of auxiliary educational activities.

Keywords: listening comprehension, skills and abilities, the form of language communication, phonemic hearing.

Хуан Дунцзин

Д.филол.н., профессор,

Институт русского языка

Хэйлунцзянского университета

Аннотация

Реализация стратегий "Один пояс – один путь" приводит к востребованности в Китае русскоговорящих специалистов. Успешное обучение русскому языку обеспечивает широкие перспективы для молодых людей. В данной статье рассматриваются и выделяются те навыки и умения, которые необходимо формировать в процессе обучения аудированию. Выступая в учебном процессе в качестве средства обучения, аудирование, помимо своей основной, собственно коммуникативной роли, выполняет множество вспомогательных педагогических ролей.

Ключевые слова:

Аудирование, навыки и умения, языковая форма сообщения, фонематический слух.

Основная задача инициативы "Один пояс – один путь" – создание новых механизмов экономического развития, поиски новой модели взаимодействия между вовлечёнными в проект странами. Одним из важнейших, связующих элементов проекта является укрепление связей между народами, расширение и углубление регионального сотрудничества. В связи с этим перед педагогами стоит важнейшая задача – подготовка высококвалифицированных кадров, владеющих русским языком. Как отмечает М.Н. Крылова, "образование – одна из сфер, международные контакты в которых способствуют нахождению общего вектора развития стран и формированию международного согласия" [4, с. 1]. Реализация стратегий "Экономического пояса Шелкового пути" также приводит к востребованности русскоговорящих специалистов. Успешное обучение русскому языку обеспечивает широкие перспективы для молодых людей. Вопросы изучения русского языка как иностранного в обстановке нового Шелкового пути рассматриваются современными исследователями [5; 7; 8; 9].

Гарантией успешного обучения выступают учебные пособия нового поколения [2; 3; 6]. Творческий коллектив преподавателей института русского языка Хэйлунцзян-

ского университета на протяжении нескольких лет ведет работу по составлению и апробации учебных пособий по аудированию.

В данной статье рассматриваются и выделяются те навыки и умения, которые необходимо формировать в процессе обучения аудированию. Выступая в учебном процессе в качестве средства обучения, аудирование помимо своей основной, собственно коммуникативной роли, выполняет множество вспомогательных педагогических ролей. Оно стимулирует речевую деятельность студентов, обеспечивает управление процессом обучения, используется для знакомства студентов с новым языковым, речевым, страноведческим материалом, выступает как средство формирования навыков и умений во всех видах речевой деятельности, помогает поддерживать достигнутый уровень владения речью, повышает эффективность обратной связи и самоконтроля.

Аудирование занимает значимое место в языковой подготовке. Оно является одной из самых актуальных тем в современной методике обучения русскому языку, так как без аудирования невозможно речевое общение. Недооценка аудирования может крайне отрицательно ска-

заться на языковой подготовке студентов. Это сложный вид речевой деятельности, включающий в себя речевые действия, операции, умения и навыки, формирование которых требует длительной тренировки, практики. Термин "аудирование" был введен в литературу американским психологом Брауном. В методической литературе учебное аудирование трактуется как "вид аудирования, являющийся средством обучения восприятию иноязычной речи на слух" [1, с. 333].

Аудирование предполагает:

- ◆ понимание речи на слух;
- ◆ восприятие звучащей речи, предполагающий слушание, понимание, интерпретацию воспринимаемой на слух информации;
- ◆ восприятие языковой формы высказывания и понимания его смыслового содержания.

Аудирование служит мощным средством обучения русскому языку. Оно дает возможность овладеть звуковой стороной языка, его фонемным составом, интонацией, ритмом, мелодикой, ударением. Оно формирует умение превосходить смысловое содержание высказывания и таким образом воспитывает культуру слушания не только на иностранном, но и на родном языке. В соответствии с принципом устной основы обучения аудирование выполняет еще одну важную учебную функцию: новый языковой материал и новые грамматические структуры вначале вводятся в аудирование, а потом уже в говорение. В то же время аудирование облегчает овладение говорением, чтением и письмом. И действительно, если обучающийся понимает звучащую речь, ему легче понять и графическую речь, то есть перекодировать то, что видит, в то, как это должно звучать.

Как правило, аудирование в процессе изучения иностранных языков вызывает наибольшие трудности, так как это единственный вид речевой деятельности, при которой от лица, её выполняющего, почти ничего не зависит. Кроме того, на понимание звучащей речи на слух оказывает влияние присутствие или отсутствие говорящего. Легче понимать речь преподавателя, так как можно не только слышать, что он говорит, но и видеть, как он говорит: артикуляцию, мимику, жесты. Значительно труднее понимать речь в звукозаписи, когда не виден говорящий.

Рассмотрим основные трудности понимания речи на слух. Уже с первых занятий аудирования следует развивать умение понимать русскую речь носителей языка в звукозаписи. С какими же трудностями сталкиваются студенты на занятиях по аудированию? Среди них можно назвать следующие:

1. Языковая форма сообщения.
2. Одноразовость предъявления информации.
3. Темп речи.

4. Отсутствие навыков восприятия речи на иностранном языке.

5. Объем текста.

Безусловно, данный перечень не претендует на полноту. Как показывает практика, это основные трудности, которые испытывают большинство студентов. Знание основных трудностей, их учет при подготовке к занятиям дают возможность преодолеть их и добиться желаемой цели. В рамках статьи проанализируем названные трудности, попробуем определить направления работы на занятии по аудированию.

Трудности, связанные с языковой формой сообщения, возникают в связи с наличием в аудиотекстах незнакомого языкового материала. Проблема состоит не в том, что такой материал есть в текстах (он присутствует обязательно), а в определении количества незнакомой лексики и грамматических конструкций в аудируемом сообщении. Поэтому первые занятия зачастую "шокируют" студентов. Большинство методистов считают, что незнакомого материала не должно быть в аудиотекстах. Однако мы допускаем наличие незнакомой лексического материала, при котором не нарушается понимание общего смысла сообщения. При этом незнакомые слова не должны быть ключевыми, то есть не должны нести основную информацию. Они должны равномерно располагаться по тексту. На элементарном уровне объем незнакомой лексики в предъявляемом на слух сообщении не должен превышать 1 %.

С условиями предъявления сообщения на слух связана и проблема количества прослушиваний при аудировании. Понимание речи при однократном прослушивании – фундаментальная трудность аудирования. Характерными качествами аудирования, отличающими его от других видов речевой деятельности, являются быстротечность и неповторимость слуховой рецепции. Без учета этого не могут быть сформированы умения и навыки восприятия и понимания на слух естественной речи. Именно поэтому мы настаиваем на необходимости однократного предъявления звучащего сообщения в целях "приучения" студента к естественным условиям общения. Однако на начальном этапе обучения аудированию допустимо повторное прослушивание информации, так как однократность предъявления материала часто становится непреодолимой трудностью, вследствие несформированности у студентов основных механизмов и умений восприятия речи. Повторное прослушивание, как утверждают исследователи, увеличивает понимание информации на 16,5 %.

Каким должен быть темп предъявления информации? Следует отметить, что на аудирование влияет не вообще темп, а расхождение темпа предъявления информации с собственным темпом речи студентов. Стоит сразу огово-

ряться, что темп речи не постоянная величина, он характеризуется большой изменчивостью и вариативностью. Л.В. Щерба говорил: "Темп зависит от того, что говорим, с кем говорим и о чем говорим" [10, с. 54], то есть от важности информации, лица, предъявляющего ее, цели и, конечно, условий. Часто темп даже в пределах одного не-большого сообщения не остается постоянной величиной. Знакомый материал звучит быстрее нового, когда говорящий хочет обратить внимание на неизвестные слушающему данные, он замедляет темп речи. При подаче важной информации речь тоже замедляется, а при передаче второстепенной убыстряется. Эти скоростные изменения в речи в пределах одного сообщения следует учитывать при обучении аудированию уже на начальном этапе.

Мы считаем, что важно научить слушать и понимать русскую речь в нормальном темпе. Надо иметь в виду данные о темпе русской речи: медленный (120 слогов в минуту), средний (270–280 слогов в минуту), быстрый (до 310 слогов в минуту). При этом произношение фраз, слов должно быть естественным, а не искусственным. На начальном этапе речь преподавателя должна быть непринужденной, среднего темпа. Исследователи утверждают, что на начальном этапе скорость предъявления звучащего сообщения должна быть 120–140 слов в минуту, на базовом – 170–200 слов в минуту, так как эти темповые показатели характерны для естественного медленного говорения по-русски.

На начальном этапе обучения аудированию следует учитывать объем текста. Чтобы не произошло информативной перегрузки, объем сообщения должен соответствовать психическим возможностям студентов. На начальном этапе еще велик языковой барьер, поэтому отказ от приема информации наступает уже приблизительно через 2 минуты, даже при относительной простоте сообщения. В начале обучения время звучания текста не должно превышать 1,5–2 минуты, в дальнейшем оно постепенно будет увеличиваться до 3–5 минут.

Анализ трудностей лег в основу учебного пособия по аудиовизуальному курсу "Шаг за шагом" (в трёх частях).

Каждая часть соответствует уровню общего владения обучающимся русским языком как иностранным: первая часть – начальный уровень; вторая и третья – базовый. Каждая часть включает пособие для обучающихся, ключи, пособие для педагога, а также аудио- и видеозаписи, демонстрирующие речевое поведение носителей русского языка в различных условиях и ситуациях общения. При абсолютном доминировании заданий по аудированию в комплекс органично включено большое количество заданий, направленных на развитие умений в говорении.

Каждая часть комплекса включает 9 тем. Темы по содержанию и языковому оформлению соотносятся с основным курсом. По частям темы распределяются следующим образом (табл. 1).

В основе построения учебного комплекса лежит концентрический принцип, при котором один и тот же учебный материал представлен несколько раз, но при этом повторное изучение предполагает усложнение и расширение содержания, углубление и конкретизацию отдельных его элементов. Например, 1 концентр – "Учиться всегда пригодится", 2 концентр – "Изучаем русский язык", 3 концентр – "Мой университет"; 1 концентр – "Города и страны", 2 концентр – "Ориентация в городе", 3 концентр – "Поездка за границу". Как правило, введение темы на 2-ом концентре опирается на уже известный материал и дополняет его новым. При третьем обращении к теме лексический материал активно закрепляется и максимально расширяется.

В каждой теме речевой материал сначала представлен в виде отдельных слов, фраз с различными типами интонации, затем в виде диалогов (диалогическая речь), и наконец в виде текстов (монологическая речь). Речевой материал в теме распределен по частям "Слушаем! Слышим!", "Слушаем и поём!" (песенный материал) и "Слушаем! Смотрим! Говорим!" (видеосюжеты: фрагменты из мультфильмов и фильмов). Музыкальные и видеофрагменты превращают учебную деятельность в удовольствие, активизируют работу произвольной памяти. Представление заданий в системе, которая повторяется в

Таблица 1.

Темы аудиовизуального курса "Шаг за шагом".

1 часть	2 часть	3 часть
<ol style="list-style-type: none"> 1. Знакомство. 2. Моя семья. 3. У природы нет плохой погоды. 4. Здоровье. 5. читать всегда пригодится. 6. В магазине. 7. Приятного аппетита. 8. Праздники. 9. Города и страны. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Ориентация в городе. 2. Поговорим об этикете. 3. Изучаем русский язык. 4. О здоровье. В аптеке. 5. В библиотеке. 6. Все профессии важны! 7. Идём в гости. 8. Поздравления. 9. Спорт 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Поездка за границу. 2. Любовь и брак. 3. Экология. 4. Интернет. 5. Я поведу тебя в музей! 6. театры и кино. 7. Мой университет 8. Слушаем новости! 9. Слушаем новости!

каждой теме, служит связующей вертикалью всего учебного процесса. Рассмотрим особенности первой части комплекса "Шаг за шагом".

На начальном этапе ставится задача – сформировать у студентов восемь умений, которые составляют исходный уровень владения аудированием:

- ◆ членить текст на смысловые части;
- ◆ устанавливать логические связи между элементами текста;
- ◆ отделять главное от второстепенного и удерживать главное в памяти;
- ◆ определять тему сообщения;
- ◆ выделять главную мысль;
- ◆ принимать сообщение до конца без пропусков;
- ◆ воспринимать речь в естественном темпе;
- ◆ принимать и удерживать в памяти сообщение, предъявленное один раз.

На начальном этапе изучения русского языка для формирования аудитивных навыков в пособии предлагается система упражнений, способствующих развитию фонематического и интонационного слуха, способности к имитации, расширению объема оперативной памяти и развитию догадки.

Особое внимание уделяется фонематическому слуху, "настройке" его на русскую речь. Овладевая иностранным языком, человек учится слышать его. Многие исследователи считают, что акцент объясняется не тем, что человек по-другому артикулирует, а тем, что он иначе слышит. Все признаки, присущие языку, родному для русского человека, для иностранного слушателя новы и неизвестны и требуют не развития, а формирования, базирующегося на особенностях русской фонематической системы. Первоначальным навыком, которое необходимо сформировать у иностранных обучающихся, является умение вслушиваться в звуковой состав русского слова. Это умение формируется при выполнении заданий на различение отдельных звуков в слове, дифференцирование сходных звуков, играющих смысловозначительную роль, соотнесение услышанных звуков с определенной фонемой. Как показала практика, именно эти задания вызывали у студентов наибольшие трудности на занятиях.

Помимо фонематического в речевом слухе выделяют интонационный, для его развития в пособии предлагаются упражнения, в ходе которых студентам надо наблюдать над смысловозначительной функцией интонации. Как показал опыт, на начальном этапе наибольшую сложность для студентов представляло различение интонации повествовательного и вопросительного предложений.

Немаловажное значение для формирования аудитивных умений имеет и хорошее состояние оперативной па-

мяти, так как механизм оперативной памяти способствует удержанию воспринимаемой информации. Но объем оперативной памяти ограничен. На родном языке от 5 ± 2 до 7 ± 2 лексем. По мере формирования речевых навыков и умений в аудировании он доходит до 10–11 слов.

С целью расширения объема оперативной памяти на учебных занятиях предлагаются упражнения:

- ◆ прослушайте ряд слов, словосочетаний и повторите их;
- ◆ прослушайте предложения и повторите их;
- ◆ прослушайте предложения дважды и установите, какое предложение при повторном предъявлении было добавлено или опущено;
- ◆ прослушайте аудиотекст дважды и определите, какая информация была добавлена или опущена при повторном предъявлении.

Данные задания, как правило, не вызывают затруднений у студентов. При их выполнении "включается" соревновательный момент: – Кто больше? Кто лучше? Кто точнее?

В ходе апробации первой части комплекса "Шаг за шагом" студентам после изучения каждой темы предлагалась анкета с вопросами: "Какие задания вам показались наиболее трудными / легкими / интересными?", "Почему?", "Какими заданиями стоит дополнить тему?".

Задания на различение отдельных звуков в слове, дифференцирование сходных звуков, играющих смысловозначительную роль, соотнесение услышанных звуков с определенной фонемой: "Прослушайте слова, поставьте знак +, если слова одинаковые, и знак –, если слова разные" абсолютно все студенты называли трудными. Вторым по трудности названо задание на развитие интонационного слуха: "Прослушайте предложения и поставьте в конце вопросительный знак, восклицательный знак или точку".

А вот темп речи только на первых занятиях вызывал у студентов трудности. Они очень быстро привыкли и к темпу, и к однократности предъявления текста. На "провокационные" предложения прослушать текст еще раз студенты, как правило, отвечали отказом. Сложной для студентов оказалось восприятие аудиозаписи детских голосов.

Наиболее интересными, а значит и легкими, студенты называли задания из второго и третьего разделов темы: "Слушаем и поем!", "Слушаем, смотрим, говорим". Работая с видеосюжетом "Ресторан роботов", студенты давали такую оценку: "Трудно, но интересно!" Все студенты отметили в качестве самого интересного задания озвучивание видео.

Благодаря критическим замечаниям студентов, содержание занятий было дополнено заданием: "Прослушайте вопросы, напишите на них ответы". Кроме того, была скорректирована лексическая предтекстовая работа, так как студенты, объясняя трудности работы с текстами и диалогами, отмечали наличие в них незнакомых слов.

Всем известно, что нельзя создать один учебник раз и навсегда. Чтобы освоить язык, на нём необходимо го-

ворить. При этом учебник является путеводной звездой, которая ориентирует и преподавателя, и студента в океане нового языка. Создавая учебный комплекс, мы руководствовались тем, что учебник служит средством особого назначения. Он является не только основным средством обучения, но и средством, с помощью которого образовательное учреждение выполняет свои политические задачи – осуществить образовательную работу в соответствии с содержанием и целями, выраженными в языковой политике государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 448 с.
2. Акишина А.А., Коган О.Е. Учимся учить. Для преподавателя русского языка как иностранного. М.: Русский язык. Курсы, 2012. 256 с.
3. Гончар И.А. Послушайте!: учебное пособие по аудированию для иностранных учащихся, изучающих русский язык. Вып. 1. СПб.: Златоуст. 2014. 112 с.
4. Крылова М.Н. Особенности таджикского языка и их влияние на обучение студентов-таджиков русскому языку // Психология, социология и педагогика. 2016. № 3 (54). С. 24–30.
5. Топоркова Е.П. Оценка роли русского языка в КНР в свете современного развития российско-китайских отношений // Региональные проблемы. 2015. Т. 18. № 2. С. 77–81.
6. Учебно-тренировочные тесты по русскому языку как иностранному. Вып. 4. Аудирование. Говорение: учебное пособие / под общ. ред. А.И. Захаровой, М.Э. Парецкой. СПб.: Златоуст, 2012. 168 с.
7. Хун Ч., Дубкова О.В. Продвижение русского языка в вузах северо-западного Китая как одно из приоритетных направлений развития экономического пояса Великого шёлкового пути // Актуальные вопросы региональных и международных исследований: Сб. научн. тр. Новосибирск: Новосиб. гос. техн. ун-т, 2016. С. 150–159.
8. Чжао Дунфан, Кирилова И.В. Изучение русского языка в обстановке нового Шелкового пути // Педагогическое образование в России. 2016. № 12. С. 162–164.
9. Шао И. Размышления о планах подготовки специалистов русского языка по практическому направлению в г. Маньчжурии на фоне нового Шёлкового пути // Региональное измерение российско-китайского сотрудничества и взаимодействия в контексте Экономического пояса Шёлкового пути: Сб. ст. XIV Междунар. науч.-практ. конф.; Отв. ред. Н.Ю. Гусевская. Чита: Забайк. гос. ун-т, 2016. С. 258–263.
10. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе: Общие вопросы методики / Под ред. И.В. Рахманова. М.: Высшая школа, 1974. 112 с.

© Х. Дунцзин, (huang_dongjing@hotmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF AN EDUCATION SYSTEM IN RUSSIAN FEDERATION

*Yu. Shepeleva
D. Rakhinskiy
A. Baksheev
M. Yatsenko*

Annotation

The article highlights the complex problems that characterize the modern educational system in Russia. The questions of continuity of the vertical national education. The authors prove that such transformation is largely due to the changing socio-cultural paradigms. In the work are analyzed the leading factors of the crisis state of the Russian education. Examines the role of economic factors in the reform of the educational systems of the country. Attention is paid to the problem of update the staff of the secondary education of the Russian Federation. The importance of the role of the teacher in the development of world Outlook installations of pupils. Special attention focuses on the role of information in updating the education of the country. Highlights positive and negative implications of globalization tendencies in Patriotic education. Emphasizes the need to optimize the process of borrowing foreign experience in conducting educational reforms. The authors note a rising trend in use of e-learning constitute a large part of modern educational space.

Keywords: education, computerization, e-learning, lecturer, information technology.

Шепелева Юлия Сергеевна

Ст. преподаватель, ФГАОУ ВО "Сибирский федеральный университет", г. Красноярск

Рахинский Дмитрий Владимирович

К.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО "Красноярский государственный аграрный университет", г. Красноярск

Бакшеев Андрей Иванович

К.и.н., ФГБОУ ВО "Красноярский государственный медицинский университет им. профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого", г. Красноярск

Яценко Михаил Петрович

Д.ф.н., профессор, ФГАОУ ВО "Сибирский федеральный университет", г. Красноярск

Аннотация

В статье освещается комплекс проблем, которые характеризуют систему современного образования в России. Рассматриваются вопросы преемственности по вертикали отечественного образования. Авторы доказывают, что такие преобразования во многом обусловлены сменой социокультурной парадигмы. В работе детально анализируются ведущие факторы кризисного состояния российского образования. Исследуется роль экономического фактора в реформировании образовательных систем страны. Уделяется внимание проблеме обновления кадрового состава среднего образования Российской Федерации. Отмечается важность роли преподавателя в выработке мировоззренческих установок учащихся. Особое внимание акцентируется на роли информатизации в обновлении образования страны. Освещаются положительные и отрицательные последствия глобализационных тенденций в отечественном образовании. Подчеркивается необходимость оптимизации процесса заимствования зарубежного опыта при проведении образовательных реформ. Авторы отмечают тенденции роста использования электронного обучения, составляющие значительную часть современного образовательного пространства.

Ключевые слова:

Образование, информатизация, электронное обучение, преподаватель, информационные технологии.

Актуальность статьи обусловлена следующими ведущими факторами. Во-первых, вследствие того, что образование неразрывно связано с эволюцией человеческого общества, смена социокультурной парадигмы в 90-е годы XX века привела к мировоззренческому кризису, последствия которого российское общество ощущает сегодня в геометрической прогрессии. Во-вторых, в настоящее время образование является одним из самых неустойчивых социальных ин-

ституттов, поскольку нестабильная социально-экономическая ситуация в стране вынуждает образовательную систему постоянно подстраиваться под быстро меняющиеся запросы общества и государства. В-третьих, современное отечественное образование не может эффективно выполнять свою функцию из-за отсутствия четкой аксиологической шкалы, которая является основой для выработки мировоззренческих установок учащихся.

Рисунок 1. Уровень грамотности в России (конец XIX в.).

Кроме того, ситуация усугубляется имманентным противоречием, присущим любой образовательной системе: будучи одним из самых консервативных социальных институтов, образование при этом выступает базисом для формирования будущих поколений.

Выработка перспективных направлений развития отечественного образования предполагает максимальный учет исторического опыта, который в многонациональной России имеет противоречивый характер. Так, например, в XIX веке (1897 год) уровень образованного населения был отмечен как достаточно низкий – 21,2%, а в Енисейской губернии (современная территория Красноярского края) составлял всего порядка 14,7 % [1]. Сравнительный анализ уровня образованного населения в Сибири с другими регионами России.

Данный результат наглядно свидетельствует о том, что образованием были охвачены далеко не все представители различных социальных слоев. Ведущей причиной столь неблагоприятной картины являлась экономическая отсталость Российской империи, обуславливающая низкий культурный уровень народных масс.

Анализируя современные реалии XXI века, можно вы-

делить такие актуальные для российского общества проблемы, как кризис в экономике, дефицит финансовых средств, нестабильная социально-экономическая ситуация в стране. Все это максимально отражается как на системе образования в целом, так и на самом учебном процессе, в частности. Можно выделить комплекс проблем современного российского образования.

ПРОБЛЕМА 1.

В современном отечественном образовании отсутствует преемственность по вертикали, т.е. существует серьезный разрыв между различными этапами образования (между средним и высшим и т.д.) (Рис. 2).

ПРОБЛЕМА 2.

Для современного образования в России довольно характерно также отсутствие взаимосвязи по горизонтали (между различными учебными предметами). Ситуация усложняется многопредметностью, которая проявляется уже на уровне начальной школы, что часто заметно хаотизирует процесс обучения.

ПРОБЛЕМА 3.

На протяжении последних лет снижается количество выпускников средней школы, которые могут пройти еди-

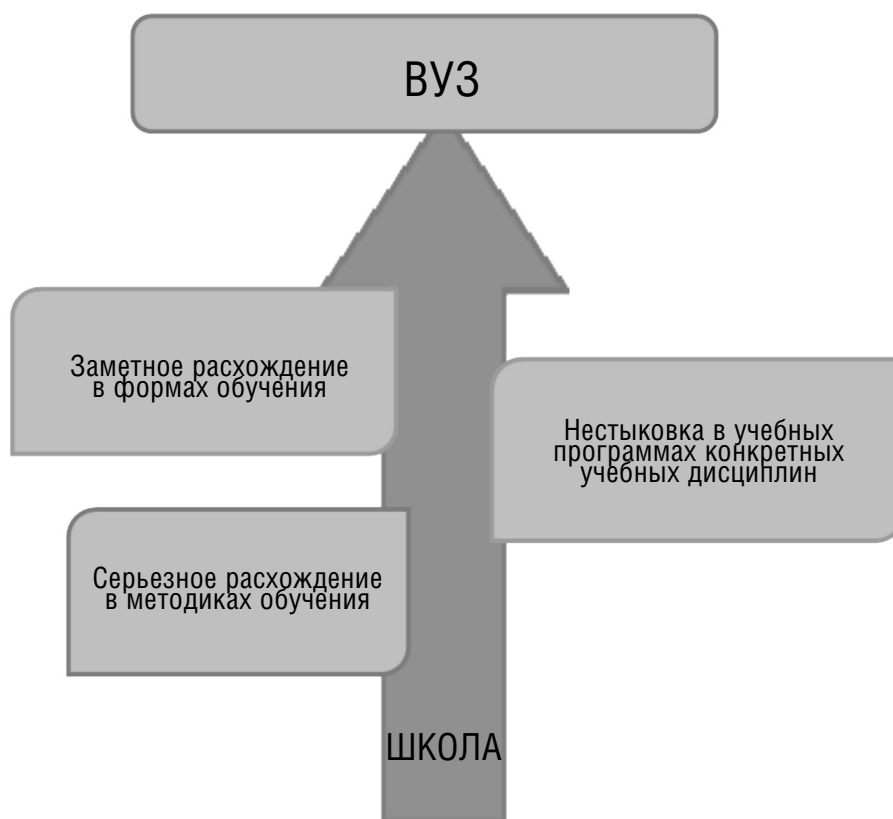

Рисунок 2. Проблема преемственности по вертикали в современном отечественном образовании.

ный государственный экзамен (далее ЕГЭ) без дополнительной подготовки и репетиторов. Это говорит о том, что будущим абитуриентам недостаточно подготовки в рамках школьной программы, чтобы успешно сдать экзамен. В свою очередь те, кто не проходят сдачу ЕГЭ, фактически лишены возможности поступить в высшие учебные заведения и, тем самым вынужденно, а в отдельных случаях сами того не желая, пополняют ряды рабочих профессий. То есть ЕГЭ по сути выступает экзаменом, который дает "путевку в жизнь". При этом данный экзамен определяет уровень знаний учащегося по определенному предмету, не учитывая его индивидуальные особенности, творческого потенциала и т.д.

ПРОБЛЕМА 4.

На сегодняшний день многие образовательные учреждения не способны мобилизовать свои внутренние резервы, чтобы максимально использовать имеющийся потенциал. Например, увеличение выпуска учебников, зачастую довольно низкого качества, для вариативных программ происходит в условиях, когда многие школы не обеспечены учебниками базисного уровня. Особое внимание следует уделять содержанию учебников по истории, обществознанию и литературе, ведь именно эти дисциплины призваны отвечать за нравственно-эстетичес-

кое и гражданско-патриотическое воспитание учащихся. Данный аспект становится особо актуальным в условиях, когда важнейшим приоритетом государства в сфере образования становится восстановление единства систем обучения и воспитания, что являлось одним из самых важных достижений советского образования. Определение нравственных ориентиров нового поколения, формирующих прочную духовную опору и подлинные жизненные ценности, представляет собой особую ценность для любого общества, а тем более, для современного кризисного отечественного социума [2]. Справедливости ради, необходимо отметить, что определенные шаги для решения указанной проблемы уже предпринимаются. Достойно всяческого одобрения особое внимание к преподаванию "Истории России", демонстрируемое в последнее время со стороны Президента и правительства Российской Федерации. Следствием этого стало смещение приоритета с зарубежной истории в сторону отечественной, что произошло, в частности, в соответствующем увеличении количества часов в учебных программах.

ПРОБЛЕМА 5.

Остается острой проблема кадрового обеспечения образовательных учреждений, что вызвано двумя основными причинами: а) наблюдается устойчивое старение

педагогов образовательных учреждений всех типов и видов; б) выпускники педагогических учреждений неохотно идут работать в учебные заведения, поскольку отсутствует серьезная мотивация у молодых специалистов; в) ухудшение ситуации с подготовкой и переподготовкой кадров для учреждений образования, расположенных в сельской местности, а также в районах с неблагоприятными климатическими экологическими и т.д. условиями.

Кроме указанных проблем, можно и нужно срочно решать весь комплекс вопросов, связанных с ростом числа детей, оставшихся без попечения родителей, что возродило такое отвратительное явление, как беспризорность. Также, возрастает число детей с различными заболеваниями и другими ограниченными возможностями здоровья. Имеющееся в наличии количество учреждений образования для вышеуказанного контингента недостаточно для обеспечения потребности в их содержании и обучении.

Безусловно, это только часть перечисленных проблем современной системы образования, ведь перед государством в этой сфере стоит главная задача – это возможность обеспечения доступности любого вида образования, которое будет соответствовать требованиям инновационного развития страны. Кроме того, следование по пути инновационного развития, означает неизбежный переход к опережающему образованию, подразумевающему необходимость подготовки уже сегодня специалистов, которые потребуются в скором будущем.

Тем не менее, стоит подчеркнуть, что определенные шаги в сторону развития образовательной системы предпринимаются в настоящее время, о чем свидетельствует введение ФГОС. Однако следует обратить внимание на то, как эти стандарты будут реализовываться на практике, ведь в процессе введения ФГОС особенно актуализируются вопросы, связанные с методическим сопровождением практической составляющей образовательного процесса.

Необходимо также отметить очевидный прогресс в электронном обучении, что представляется чрезвычайно важным в современном мире, где участники образовательного процесса представляют собой новое поколение, для которых использование информации посредством новейших информационных технологий является обыденной и повседневной практикой. Более того, информация, полученная с помощью компьютерных технологий для них зачастую понятнее и доступнее, чем традиционные методы обучения: лекции, семинары, практические занятия, классические уроки в общеобразовательных школах и т.д. Расширение возможностей персональных компьютеров и доступность интернет ресурсов приводят к появлению новой электронной технологии обучения – E-Learning [3], которая является одним из основных

трендов современного отечественного и зарубежного образования. Такая популярность E-Learning во многом объясняется тем, что данная технология объединяет в себе принципы открытого образования, органично дополняя другие формы обучения, и предлагает как уникальные, так и продукты массового спроса для российского рынка образовательных услуг.

Влияние различных факторов на развитие систем образования в различных странах проявляется по-разному, прежде всего вследствие национальной специфики (рис. 3).

Выделим общие тенденции развития систем образования в конце XX – начале XXI века в ведущих странах мира.

1. Рост заинтересованности общества в более высоком уровне образования населения, что связано с повышением роли образования в жизни общества.
2. Превращение науки и образования в реальную производительную силу.
3. Формирование целостной гибкой системы непрерывного образования, сочетающей традиционное и альтернативное, государственное и частное образование.
4. Увеличение финансирования системы образования за счет средств государственного бюджета, с одной стороны, привлечение средств на нужды образования из различных источников – с другой.
5. Поиск компромисса между жесткой централизацией образования и автономией в сфере управления.
6. Демократизация и гуманизация организации и управления образованием.

В настоящее время одной из самых востребованных технологий, используемых в образовательном процессе, как в высших учебных заведениях, так и в учреждениях, оказывающих дополнительные образовательные услуги, независимо от специфики подготовки и применяемых форм обучения, является электронное обучение. Такая популярность подобных информационных технологий в учебном процессе свидетельствует о выработке образовательного алгоритма, который включает в себя систематическую, планомерную и самостоятельную работу учащегося под руководством профессорско-преподавательского состава. Электронное обучение становится особо актуальным в условиях активного внедрения новых федеральных государственных образовательных стандартов, которые ориентированы на сокращение объема аудиторной работы, увеличение и расширение форм самостоятельной работы студентов.

К юридическому сопровождению электронного обучения следует отнести законы и локальные акты, регламентирующие использование дистанционных образовательных технологий, а также электронного обучения: Феде-

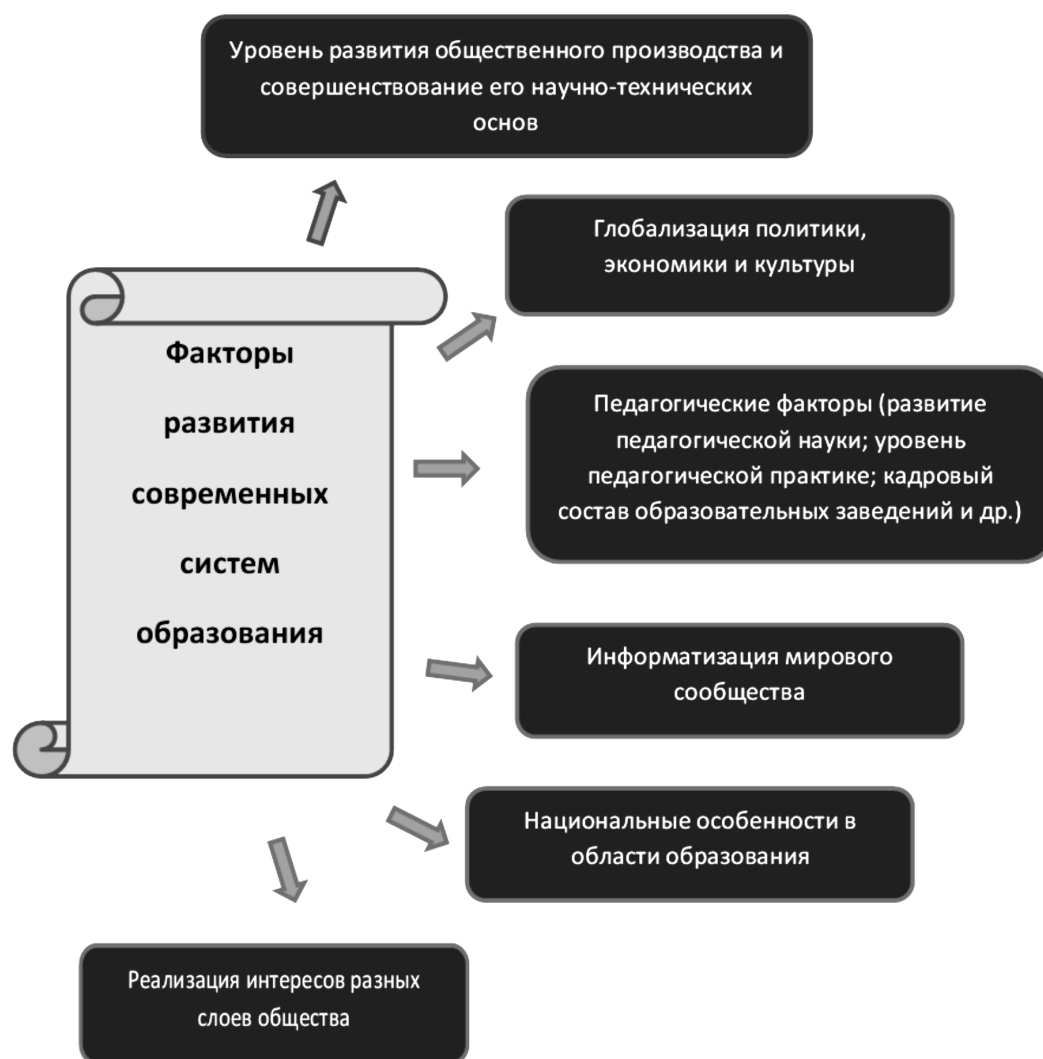

Рисунок 3. Факторы развития современных систем образования.

ральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016) "Об образовании в Российской Федерации", положение Сибирского федерального университета "Электронные образовательные ресурсы" от 17.06.2013 и др. В положении "Электронные образовательные ресурсы" представлено определение понятия "электронный образовательный ресурс": "совокупность учебных и учебно-методических материалов, представленная в виде определенной информационно-технологической конструкции, которая удобна для изучения и реального использования в педагогическом процессе" [4].

Определение понятия электронного обучения дается также в Федеральном законе "Об образовании в Российской Федерации" [5]. Под электронным обучением понимается особый образ организованной деятельности образовательной деятельности, основанная на применении информации, которая содержится в базах данных и ис-

пользовании этой информации при реализации образовательных программ, обеспечивающих ее обработку посредством информационных технологий, различных технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей.

Данные виды информационного обеспечения передают по линиям связи указанную информацию, обеспечивая тем самым взаимодействие обучающихся и педагогических работников. В этом плане принципиальная роль отводится дистанционному обучению, базирующемуся на образовательных технологиях, которые используются в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей. В таких условиях можно достичь высокой эффективности в образовательном процессе, несмотря на то, что взаимодействие обучающихся и педагогических работников происходит опосредованно (на расстоянии).

В начале XXI века, дистанционные технологии обучения получили достаточно мощное распространение и развитие, что произошло благодаря серьезному прорыву в коммуникационной сфере и увеличению скорости доступа в глобальную сеть Интернет.

Интернет в качестве глобальной сети становится мощной базой для организации электронного обучения во всем мире, вытесняя дистанционные курсы, базирующиеся на физических носителях информации.

В образовательных учреждениях Российской Федерации на различных уровнях уже применяется электронное обучение, которое постепенно занимает свою собственную нишу.

Специалисты, изучающие эффективность E-Learning, выделяют основные причины активного использования этого вида обучения:

1. обоснованная необходимость удержания студента в конкретном образовательном пространстве (экономическая причина);
2. стремление к регулярному обновлению программного обеспечения, повышающему качество обучения (качественная причина);
3. желание повысить эффективность работы университета (причина эффективности).

Кроме того, следует отметить, что ЭО улучшает качество образования, способствуя индивидуализации обучения, а также высвобождению времени обучения за счет сокращения лекционных и практических занятий, что, безусловно, является актуальным и значимым для подготовки будущих специалистов.

Можно согласиться с мнением Власовой Е.З., "что еще одним немаловажным аргументом в пользу активного использования ЭО является работа современных преподавателей в условиях введения федеральных государственных образовательных стандартов нового поколения и связанного с этим сокращения объемов аудиторной работы, увеличения и расширения форм самостоятельной работы студентов, для организации которой электронное обучение открывает принципиально новые возможности" [6].

Не менее значимым представляется также тот факт, что использование информационных технологий в образовательном процессе, как правило, приветствуется всеми обучающимися.

Практика свидетельствует, что при внедрении системы ЭО у обучаемых вырабатываются такие навыки, как:

- ◆ умение оперативно осваивать новейшие электронные технологии с использованием персонального компьютера, мобильного телефона и т.д.
- ◆ формирование и повышение информационной культуры у всех участников образовательного процесса.

Рассмотрим организацию электронного обучения на конкретном примере (ИППС СФУ). В Институте педагогики, психологии и социологии СФУ активно используются средства модульной объектно-ориентированной динамической среды Moodle, на основе которой разрабатываются электронные курсы по различным дисциплинам и для различных направлений подготовки [7]. Система электронного обучения (e-sfu) в ИППС СФУ используется на всех уровнях образования (бакалавриат, магистратура, аспирантура) для всех направлений подготовки и форм обучения (очная и заочная). Абитуриенты ИППС СФУ уже на стадии представления документов в приемную комиссию получают полную информацию об образовательных программах и дисциплинах, для реализации которых полностью или частично используется технология электронного обучения. Необходимо отметить, что информация об абитуриентах, успешно прошедших вступительные испытания, поступает в систему электронного обучения СФУ, в которой каждый студент имеет персональный логин и пароль. [1].

Таким образом, отечественное образование станет современным, созвучным своему времени при условии, что процесс его реформирования будет базироваться на понятной, целесообразной, грамотной законодательной основе. Крайне важно, чтобы государство не только прогнозировало механизм определенных действий и вырабатывало политику в сфере образования, но также учитывало бы субъективные факторы (территориальные, социальные, национальные), утверждая таким образом личностно-ориентированный и индивидуальный подходы в отечественном образовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мешалкин П.Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов – предпринимателей (вторая половина XIX – начало XX вв.) Красноярск: Кн. изд-во, 1995. С. 23.
2. Котенев, В.А. Государственная политика в области образования в России на современном этапе / В.А. Котенев, А.В. Кузьмин // Ученые записки Тамбовского отделения РСОМУ. – 2015. – № 5. – С. 4.
3. Сартакова, Е.М. Преимущества и ограничения технологии elearning [Электронный ресурс] / Е.М. Сартакова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. – 2012. – № 26. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/preimuschestva-i-ogranicheniya-tehnologii-elearning>.

4. Положение об электронных образовательных ресурсах СФУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://about.sfukras.ru/docs/8733/pdf/890349>.
5. Федеральный закон Российской Федерации "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012. № 273-ФЗ (в ред. от 02.03.2016) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система "Консультант Плюс". – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.
6. Власова, Е.З. Электронное обучение в современном вузе: проблемы, перспективы и опыт использования [Электронный ресурс] / Е.З. Власова // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2014. – № 1. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/elektronnoe-obuchenie-v-sovremennom-vuze-problemy-perspektivy-i-opyt-ispolzovaniya>.
7. Смолянинова, О.Г. Электронный портфолио как средство поддержки интерактивного взаимодействия в информационно-образовательной среде / О.Г. Смолянинова, О.А. Иманова // Информатика и образование. – 2014. – № 1 (250). – С. 12–17.
8. Безызвестных, Е.А. Электронное обучение в подготовке бакалавров педагогических направлений: опыт и перспективы / Е.А. Безызвестных, О.А. Иманова, О.Г. Смолянинова // Информатика и образование. – 2015. – № 2. – С. 14–22.
9. Рахинский, Д.В. Особенности информационного потенциала современной глобализации / Д.В. Рахинский // Из-во "Зебра". – Ульяновск. – 2015. – 206 с.
10. Рахинский, Д.В. Информатизация системы народного образования (социально-философский анализ) / Д.В. Рахинский // Дисс. на соискание уч. степ. канд. филос. н. – Красноярск. – 2003 г. – 127 с.

© Ю.С. Шепелева, Д.В. Рахинский, А.И. Бакшеев, М.П. Яценко, (lady-bomg@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики».

**МИН
ГЕО
СИБИРЬ**

23-24 мая 2018
КРАСНОЯРСК • МДВЦ «СИБИРЬ»

РЕКЛАМА

XI МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГОРНО-ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Форум, Конференции, Семинары, Круглые столы,
Мастер-классы, Выставка МИНГЕО ЭКСПО 2018,
Инвестиционная ярмарка горных проектов

Приглашаем принять участие в работе Форума МИНГЕО СИБИРЬ 2018

В ПРОГРАММЕ ФОРУМА 2018

- Мировой горно-геологический бизнес
- Инновации в горном деле
- Разработка месторождений, Промышленная безопасность
- Люди и сообщество
- Геология, поиски и разведка, ресурсы и запасы, новые технологии и инновационные решения
- Экономика ГКМ, Биржи и Инвестиционные предложения
- Экология
- Автоматизация и Машиностроение в ГКМ
- Лаборатории и Оборудование
- Золото и Драгоценные металлы
- Уран и Редкие земли
- Алмазы и Драгоценные камни
- Уголь и Металлы
- Геотуризм и Геопамятники СИБИРИ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ И МЕТОДОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГИМНАСТИКИ НА УРОКАХ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

THE USE OF MEANS AND METHODS OF ARTISTIC GYMNASTICS IN PHYSICAL EDUCATION LESSONS IN THE JUNIOR SCHOOL AGE

E. Shilina

Annotation

The main problems of modern teaching of physical culture for children of primary school age are analyzed in the article. The essence and significance of rhythmic gymnastics in the physical education of younger schoolchildren is revealed. The potential of the means and methods of rhythmic gymnastics within the framework of physical education lessons in primary school age is estimated. The main components of the successful and effective use of the elements of rhythmic gymnastics within the framework of the general educational process are considered.

Keywords: physical education, physical training, gymnastics, rhythmic gymnastics, junior school age, junior schoolchildren.

Шилина Евгения Валерьевна
Аспирант, Государственный
социально-гуманитарный
институт г. Коломна

Аннотация

В статье анализируются основные проблемы современного преподавания физической культуры для детей младшего школьного возраста. Раскрывается сущность и значение художественной гимнастики в физическом воспитании младших школьников. Оценивается потенциал средств и методов художественной гимнастик в рамках уроков физической культуры в младшем школьном возрасте. Рассматриваются основные составляющие успешного и эффективного использования элементов художественной гимнастики в рамках общеобразовательного процесса.

Ключевые слова:

Физическое воспитание, физическая культура, гимнастика, художественная гимнастика, младший школьный возраст, младшие школьники.

Младший школьный возраст является важным периодом в жизни ребенка. Именно в возрасте от 6 до 11 лет происходит совершенствование фундаментальных функций организма, формируются все жизненно-необходимые двигательные умения, навыки и физические качества, закладывается основа физического и психического здоровья человека. Большая роль в этом принадлежит не только родителям ребенка, но и учебному заведению, которое должно обеспечивать надлежащие условия для гармоничного развития личности.

Всем известно, что в обеспечении нормального функционирования организма и хорошего здоровья основополагающая роль принадлежит движениям человека, как таковым. Кроме того, за счет движения формируется не только физическая культура человека, но и развивается интеллект, самостоятельность, инициативность, происходит укрепление воли и выработка характера. Двигательная активность ребенка в этом возрасте позволяет развивать жизненно важные функции всего организма, стимулирует развитие диапазона адаптационных возможностей, стимулирует не только физическую, но и ум-

ственную работоспособность. Главная роль в этом принадлежит физкультурным занятиям.

Физическая культура, как учебная дисциплина, во все времена занимала и занимает фундаментальное место. Главной ее задачей является формирование гармонично развитой личности, которая будет способна занимать активную позицию и проявлять себя с разных сторон во всех формах жизнедеятельности.

В результате анализа методик и программ, использующихся в общеобразовательных учебных заведениях по дисциплине физическая культура для учащихся младших классов было выяснено, что они основаны на традиционном подходе к обучению и преподаванию [1, 3]. Современная практика показывает, что такие уроки физической культуры не способны удовлетворить тем качественным параметрам учебного процесса, задаваемым федеральным государственным стандартом нового поколения. Кроме того, уровень мотивации детей младшего школьного возраста на занятиях по физической культуре, с использованием традиционных форм обучения весьма

слабый. Так, можно говорить об объективной потребности в совершенствовании содержания учебной программы по дисциплине "Физическая культура". В связи с этим мы хотим рассмотреть потенциал физического воспитания с использованием средств и методов художественной гимнастики в развитии детей младшего школьного возраста.

В первую очередь хотелось бы обозначить собственное видение и сущность физического воспитания. Прежде всего, под ним следует понимать педагогический процесс, в рамках которого посредством физических упражнений поддерживаются и развиваются морфологические, функциональные, психологические и другие свойства личности, формируются связанные с ними знания, способы и мотивы деятельности.

Современная школьная программа по физическому воспитанию для детей младшего школьного возраста направлена на всестороннее гармоничное развитие детей, формирование навыков и умений самостоятельного осуществления физических упражнений, физически культурной личности. Ее главной особенностью является то, что она предполагает использование подвижных игр, способствующих развитию таких физических качеств и способностей детей, как:

- ◆ координационные способности (точность воспроизведения и дифференцирование пространственных, временных и силовых параметров движений, равновесия, ритм, быстрота и точность реагирования на сигналы, согласование движений, ориентирование в пространстве);
- ◆ кондиционные способности (скоростные, скоростно-силовые, выносливость);

Все это достигается за счет физических упражнений, утренней гимнастики, разнообразных форм внеклассной спортивно-массовой работы.

Сам по себе процесс воспитания физической культуры в младшем школьном возрасте имеет свою специфику, которая обусловлена в первую очередь анатомо-физиологическими и психологическими особенностями ребенка. Физические качества развиваются посредством использования подходящих физических упражнений и подбора соответствующей методики занятия. При этом методика воспитания физических качеств в младшем школьном возрасте должна удовлетворять ряду требований. А именно, обеспечивать всестороннюю направленность воздействия, предполагаемые нагрузки должны соответствовать функциональным возможностям ребенка, а воздействующие факторы должны соответствовать специфике конкретных этапов возрастного развития.

Как показал анализ научно-методической литературы, одним из необходимых средств, обеспечивающих

разностороннее и гармоничное физическое развитие, воспитание детей младшего школьного возраста, являются упражнения гимнастики. Вообще первое предложение о применении средств и методов художественной гимнастики в физическом воспитании детей школьного возраста прозвучало в 1975 году в рамках разработки усовершенствованной программы по воспитанию физической культуры [1]. Однако, к сожалению, данная идея не получила нужной поддержки и последующего развития.

Гимнастика, как разновидность спорта, обладает образовательно-развивающей направленностью и включается в группу базовых упражнений, которые способствуют разностороннему, гармоничному развитию и совершенствованию двигательных функций учащихся. Ее содержание составляют упражнения прикладного и общеразвивающего характера, предполагающие использование разнообразных предметов, а также выполнение упражнений на специальных гимнастических снарядах. Освоенные в младшем школьном возрасте гимнастические упражнения в последствии способствуют развитию двигательных функций, обогащают практический двигательный опыт детей и позволяют освоить им новые двигательные действия, необходимые прежде всего для повседневной жизни [4].

Вообще средства и методы художественной гимнастики используются на уроках физической культуры с младшими школьниками для достижения двух основных целей [1]:

1. Развитие ловкости, быстроты и гибкости, как основополагающих двигательных качеств человека, фундамент которых закладывается именно в этот возрастной период;
2. Отбор из общей массы школьников одаренных детей, которые имеют необходимые данные для целенаправленного занятия художественной гимнастикой в детско-юношеских спортивных школах.

Особо эффективными являются гимнастические упражнения с использованием дополнительных предметов, в качестве которых могут быть – мяч, булава, лента, скакалка или обруч. Упражнения, предполагающие использование разных предметов, выступают в качестве средства овладения специальной координацией движений. Они способствуют совершенствованию функций двигательного, тактильного и зрительного анализаторов, а также пространственного представления. Особой эффективностью наделены упражнения, предполагающие развитие и совершенствование таких двигательных свойств, как гибкость и ловкость.

Основными требованиями к использованию гимнастических упражнений в рамках учебного занятия по фи-

зической культуре с младшими школьниками являются – простота и доступность (возможность выполнения гимнастических элементов среднестатистическими детьми, имеющими разный уровень физической подготовки), разноплановость упражнений, а также свободный доступ ко всему необходимому спортивному инвентарю.

Так, в результате использования средств и элементов художественной гимнастики на уроках физической культуры с младшими школьниками, дети достигают гораздо более высокого уровня развития двигательных качеств, чем школьники, не занимающиеся спортом. Кроме того, помимо общего укрепления физического здоровья детей, занятия физической культуры, насыщенные элементами гимнастики, способствуют достижению ряда воспита-

тельных целей, среди которых – воспитание сосредоточенности, организованности, силы воли, необходимой для преодоления трудностей, аккуратности, эстетики движений, коллективизма и так далее. Все это позволяет сказать о том, что внедрение средств и методов художественной гимнастики в образовательный процесс по воспитанию физической культуры способствует достижению не только воспитательных и оздоровительных целей, но и образовательных [2].

Таким образом, использование средств и методов художественной гимнастики на уроках физической культуры в младшем школьном возрасте оказывает положительное влияние на физическое развитие детей младшего школьного возраста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Н.О. Процесс обучения элементам художественной гимнастики (технике бросков и ловли мяча) на уроках физической культуры в средней школе как один из средств развития ловкости и гибкости у младших школьников // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. – 2011. – № 4. – С. 3–6.
2. Кечеджиева Л. Обучение детей художественной гимнастике. – М.: Физическая культура и спорт, 1985. – 93 с.
3. Чепурина О.Е., Загорко И.П., Журавель А.В., Будагьянц Г.Н. Использование средств и методов художественной гимнастики на уроках "Основы здоровья и физической культуры" в младших классах средней школы // Физическое воспитание студентов творческих специальностей. – 2002. – № 4. – С. 86–97.
4. Шауро С.Н. развитие физических качеств у детей 6–7-ми летнего возраста с преимущественным использованием средств гимнастики: дис. ... канд. пед. наук. Специальность: 13.00.04. – Москва, 2009. – 156 с.

© Е.В. Шилина, (Evgeni-shilinaa@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

СОЗДАНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО ТУРИСТСКОГО ПРОДУКТА СПОРТИВНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ИМЕЮЩИХ ОТКЛОНЕНИЯ В СОСТОЯНИИ ЗДОРОВЬЯ В РАМКАХ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

CREATION OF THE COMPETITIVE TOURIST PRODUCT OF SPORTS ORIENTATION FOR THE STUDENTS HAVING DEVIATIONS IN THE STATE OF HEALTH WITHIN IMPORT SUBSTITUTION

*O. Shimansky
E. Kolganova
I. Zhurina
T. Golushko
E. Andropova
I. Kutyin*

Annotation

In article questions of improvement of the students having deviations in the state of health in the conditions of recreation camp are considered because students upon termination of academic year go on long summer vacation and miss two months of occupations improving physical culture that strongly affects loss of the results acquired for academic year, to weakening of a muscular tone and decline in quality of life during the summer period because of a hypodynamic way of life of modern youth.

Keywords: sports camp, student's youth, limited opportunities, special medical group, import substitution, resort area, tourist product.

Шиманский Оскар Викторович

Преподаватель

Колганова Елизавета Юрьевна

К.п.н., доцент

Журина Ирина Ильинична

Ст. преподаватель

Голушко Татьяна Викторовна

К.псх.н., доцент,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)

Андропова Елена Михайловна

Ст. преподаватель,

ФГБОУ ВО "Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма" (ГЦОЛИФК)

Кутыин Илья Викторович

К.п.н., доцент, Институт туризма

и гостеприимства, г.Москва,

(филиал) ФГБОУ ВО Российского

государственного университета

туризма и сервиса, Москва, РФ

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы оздоровления студентов имеющих отклонения в состоянии здоровья в условиях оздоровительного лагеря вследствие того, что студенты по окончании учебного года уходят на длинные летние каникулы и пропускают два месяца занятий оздоровительной физической культурой, что сильно сказывается на потере результатов наработанных за учебный год, ослаблению мышечного тонуса и снижения качества жизни в летний период из-за гиподинамического образа жизни современной молодежи.

Ключевые слова:

Спортивно-оздоровительный лагерь, студенческая молодежь, ограниченные возможности, специальная медицинская группа, импортозамещение, курортная зона, туристский продукт.

ВВЕДЕНИЕ

Непрерывность в оздоровительной физической культуре, является главным условием в процессе работы со студентами имеющими отклонения в состоянии здоровья так, как только за счет непрерывности проведения оздоровительных мероприятий достигаются уменьшение не-

гативных последствий патологий и связанных с ними затрат на длительное материальное обеспечение, постепенное излечение и возвращение студентов в основную группу здоровья [6, с. 22–24].

Важнейшей составной частью здорового образа жизни молодого поколения и основным фактором сохране-

ния и укрепления здоровья студентов является длительные и непрерывные занятия оздоровительной физической культурой. А актуальность создания спортивно-оздоровительного лагеря на базе университета в популярной курортной зоне Российской Федерации детерминирована увеличением количества студенческой молодежи отнесенной к специальной медицинской группе (далее – СМГ) и прежде всего снижением требований к проведению занятий по оздоровительной физической культуре в течении всего учебного года [9, с. 25–38].

В каждом крупном федеральном университете должен быть организован летний лагерь с рекреационными и физическими задачами. Для этого наиболее подойдут оздоровительные лагеря и спортивные базы на юге России.

Российские курорты, такие как Крым и Краснодарский край располагают всем необходимым для организации летнего спортивно-оздоровительного лагеря. Такие курортные зоны как Геленджик, Ялта, Сочи, Алушта, Евпатория, Керчь, Адлер и др. вполне могут заменить российских студентам аналогичные зарубежные курорты Турции (Анталья, Кемер, Белек), Кипра (Протарас, Пафос, Айа-Напа) и Греции (о. Крит, о. Родос, Халкидики) [2, с. 92–106].

Все студенческие лагеря расположенные в южном регионе Российской Федерации (Крым и Краснодарский край наиболее популярны в данном сегменте) изначально являются оздоровительными благодаря естественным природным факторам региона: морскому климату, чистому воздуху, солнечным процедурам, купанию в море. Летние детские лагеря на море могут быть расположены на побережье Сочи, Анапы, Геленджика, Адлера и их курортных пригородов, а также в Туапсинском районе, где стоимость студенческого отдыха в 2017 году будет минимальной. Как правило, студенческий спортивно-оздоровительный лагерь расположенный на Черном море имеет обширную дендропарковую территорию, предлагает простые, но очень уютные и чистые спальные домики для молодежи, развитую игровую базу, работу с педагогами, собственный пляж, питание и при всем этом предлагает невысокую стоимость проживания в сутки, доступную разным социальным слоям населения. В среднем цена пребывания одного студента в лагере в сутки составляет 900–1100 рублей. Такие лагеря должны в полной мере расширять свой функционал лечебной и диагностической базой, приобретая статус студенческого спортивно-оздоровительного санатория. В таких санаториях должно предлагаться лечение по многим медицинским профилям и работать специалисты разных профилей (диагносты, остеопаты, кардиологи, методисты ЛФК, и др.), ведь у студентов занимающихся в специальной медицинской группе в большей части диагностируются патологии сердечно-сосудистой, эндокринной и дыхательной систем,

опорно-двигательного аппарата. Студенческие лагеря для молодежи, относящейся к специальной медицинской группе должны не только специализироваться на спортивной и оздоровительной направленности, но и включать творческую и патриотическую составляющую для общего и гармонического развития студенческой молодежи. Такой лагерь может быть организован в период летних каникул студентов ежегодно – с начала июля по конец августа [3, с. 42–50].

МЕТОДОЛОГИЯ

Статистика медицинских осмотров студентов вузов России свидетельствует о наличии многочисленных заболеваний у обучающихся нарушений в сочетании с крайне низким уровнем физической подготовленности. Наиболее распространенными среди студенческой молодежи в последнее время являются заболевания сердечно-сосудистой системы, опорно-двигательного аппарата, нарушения органов зрения, болезни пищеварительной системы, почек и мочевыводящих путей, дыхательной системы и эндокринной системы [7, с. 64].

На основании представления итогов профилактических медицинских осмотров студентов 1-х курсов в двух крупных университетах Москвы (ФГАОВ ВО "Российский университет дружбы народов, далее – РУДН и "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации", далее – РАНХиГС) можно определить направления создания спортивно-оздоровительного лагеря по типу заболеваний в процесс физкультурного образования в высшей школе. Итоги профилактических медицинских осмотров наглядно показывают увеличение количества студентов, имеющих отклонения в состоянии здоровья (рис. 1 и 2) [5; 10].

Данные результаты еще раз подтверждают необходимость создания в популярной курортной зоне Российской Федерации спортивно-оздоровительного лагеря. как дополнительно средства в укреплении здоровья студентом и устранения негативных последствий патологий и заболеваний. Создание данного лагеря также может способствовать улучшению качества образовательного процесса. Ведь, в качестве поощрения за хорошую учебу студенты могут получить возможность за 50% компенсации стоимости (или вовсе бесплатно) отдыха провести с пользой время в лагере на море и укрепить здоровье. Особенность данной поездки заключается в том, что преподавателями по физической культуре и инструкторами-методистами по ЛФК для студентов СМГ должна быть разработана специальная программа укрепления здоровья с использованием кинезиотерапии, оздоровительного плавания, терренкура и подвижных игр.

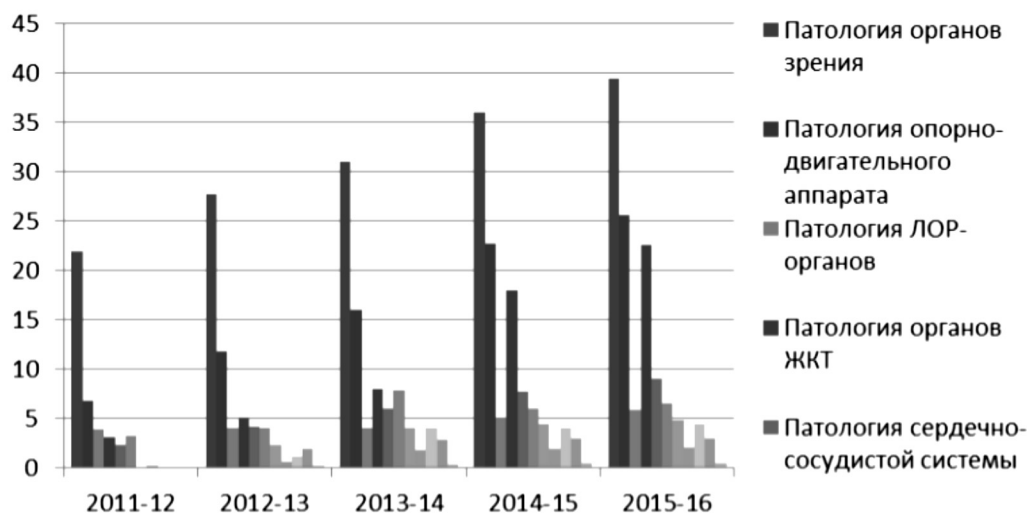

Рисунок 1. Распределение заболеваний выявленных при профилактических осмотрах студентов 1 курса РУДН (% от общего числа студентов СМГ).

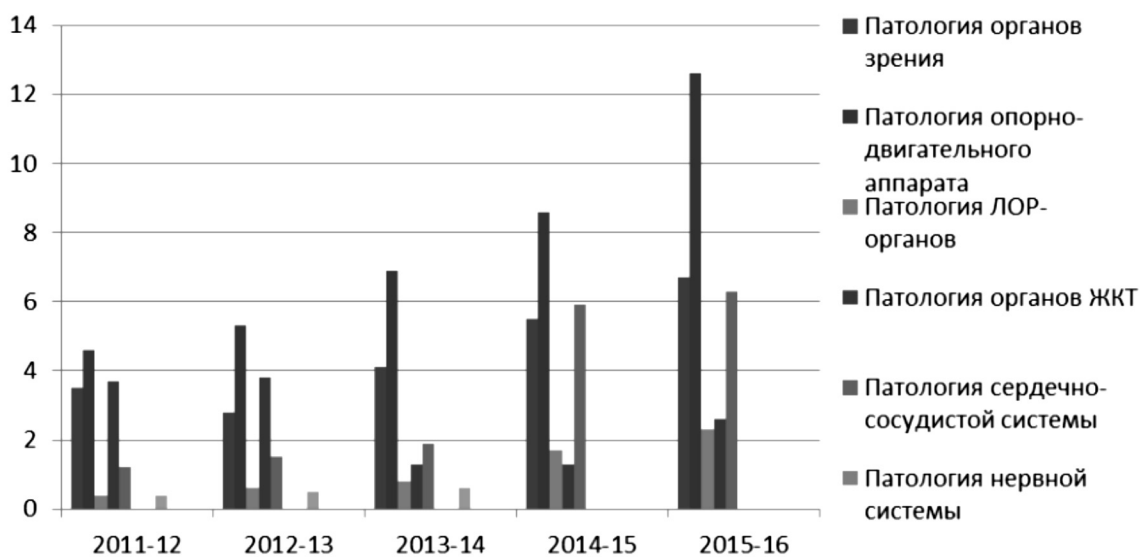

Рисунок 1. Распределение заболеваний выявленных при профилактических осмотрах студентов 1 курса РАНХиГС (% от общего числа студентов СМГ).

В течении 21 дня нахождения в таком лагере, студенты должны заниматься по специальной программе, с регулярными занятиями общей физической подготовкой, с учетом индивидуальных особенностей физического развития и противопоказаний.

С окончанием учебного года и успешной сдачей экзаменов у студентов есть возможность снять утомление и повысить свою работоспособность в спортивно-оздоровительном лагере. Пребывание в спортивно-оздорови-

тельном лагере кардинально улучшает деятельность не только психо-эмоциональной сферы, но и вегетативных органов (сердечно-сосудистой, дыхательной, нервной и других систем), а также опорно-двигательного аппарата [11, с. 371–373].

Улучшение функционирования психоэмоциональной сферы происходит за счёт:

- ♦ положительных реакций по поводу удачной сессии;

- ◆ отсутствия необходимости сдачи экзаменов;
- ◆ отсутствия учебных занятий (смена обстановки);
- ◆ новых межличностных контактов;
- ◆ новых форм в распорядке дня, что обусловлено эвристической функцией физкультурной деятельности;
- ◆ эмоциональные игры.

Улучшение функционального состояния жизнеобеспечивающих систем объясняется тем, что 90–95% времени в спортивно-оздоровительном лагере студент находится на свежем воздухе, а его двигательная активность возрастает в десятки раз по сравнению с учебным годом [1].

В спортивно-оздоровительном лагере студенты с утра и до вечера ежедневно, сами того не ощущая, пребывают в постоянном движении. Ведь это – утренняя гимнастика, закаливающие процедуры, целый день – бадминтон, настольный теннис и футбол; турпоходы (пешие, конные, водные, вело); военно-спортивные игры; малые олимпиады; первенства отрядов, лагеря и межлагерные; плавание; катание на роликах; работа на тренажерах и т.д. [4, с. 22–26].

Для полноценного спортивно-оздоровительного отдыха студентов лагерь должен обладать следующей инфраструктурой:

1. Расположение:

- ◆ благоустроенные корпуса с новой современной мебелью, санитарными блоками и необходимой техникой в холлах (ТВ, DVD, спутниковое ТВ, компьютер);
- ◆ столовая минимум на 150 мест, оснащенная современным технологическим оборудованием, мебелью, шведской линией;
- ◆ собственный песчаный пляж протяженностью 250 м, оборудованный теньвыми навесами, душевыми, шезлонгами, спасательной вышкой, игровым инвентарем;
- ◆ мини аквапарк
- ◆ надувные водные аттракционы;
- ◆ бассейн;
- ◆ волейбольная и баскетбольная площадки;
- ◆ футбольное поле;
- ◆ оборудованный туристический городок;
- ◆ атлетический городок (силовые тренажеры);
- ◆ столы для настольного тенниса;
- ◆ костровые и отрядные площадки и беседки в зеленой зоне;
- ◆ открытая эстрада со сценой;
- ◆ медиа-центр;
- ◆ дворец творчества;
- ◆ веревочный городок;
- ◆ различные виды постоянно-действующих клубов, творческих мастерских, секций;
- ◆ библиотека;

- ◆ отрядные места в холлах;
- ◆ прачечная;
- ◆ медицинское отделение;
- ◆ сейф для хранения денег и ценных вещей у администратора;
- ◆ благоустроенная территория с покрытием WiFi;

Вся территория детского лагеря, в том числе и на море, должна быть ограждена, обеспечена круглосуточная охрана силами профессионалов службы безопасности. Занятия в морском, туристическом, спортивных клубах, купание, водные занятия должны осуществляться под тщательным наблюдением медперсонала лагеря, спасателей и инструкторов.

2. Проживание:

В четырехэтажных корпусах, в комнатах по 4–8 человек, с удобствами как на этаже, так и в комнатах. Комнаты должны быть оборудованы новыми 2-х ярусными кроватями, удобными шкафами, в которых можно комфортно разместить одежду, косметику, купальные принадлежности. Вода: холодная, горячая постоянно.

3. Питание:

В лагере 5-разовое (завтрак, обед, полдник, ужин, второй ужин) по сбалансированному меню с элементами шведского стола.

4. Пляж:

Собственный песчано-галечный пляж, расположенный в 50–70 метрах от территории лагеря. Территория пляжа должна быть оборудована теньвыми навесами, на воде по возможности могут находиться надувные водные аттракционы. Постоянно должна работать спасательная служба.

5. Медицинское обслуживание:

Все студенты должны пребывать под неусыпным медицинским контролем, осуществляемым опытным медицинским персоналом. Медицинская помощь должна оказываться круглосуточно. Каждый отдыхающий, который находится в лагере должен быть застрахован (стандартная страховка и страховка от несчастных случаев). В лагере обязаны быть созданы прекрасные условия как для оказания срочной медицинской помощи, так и для лечения тех, кто заболел в течение смены. Медработники должны осуществлять постоянный контроль за санитарным состоянием территории и жилых помещений, работой пищеблока, контролируя водные процедуры, спортивные соревнования, все занятия. [8, с. 106–108].

Стоимость путевки для студентов без учета скин-дока должна соответствовать минимальным ценам (включая трансфер ж/д вокзал курорта – комплекс – ж/д вокзал курорта):

- ◆ на 7 дней – 15 000 рублей;

- ◆ на 14 дней – 24 000 рублей;
- ◆ на 21 день – 33 000 рублей;

В стоимость путевки должно входить:

- ◆ проживание 4–6–местное;
- ◆ питание трехразовое;
- ◆ пользование всей инфраструктурой лагеря;
- ◆ трансфер – ж/д вокзал курорта – комплекс – ж/д вокзал курорта;
- ◆ морская прогулка;
- ◆ услуги руководителя на группу от 20 человек.

Преподаватели по физической культуре и тренеры, работающие со своими группами (из расчета на 15 студентов 1 вожатый), должны приниматься в такой лагерь бесплатно (за счет средств бюджета образовательной организации).

РЕЗЮМЕ

Главное в спортивно-оздоровительном лагере – восстановление и укрепление здоровья, общение со сверстниками, встречи с новыми друзьями и улучшение психо-эмоционального состояния и социального статуса студенческой молодежи. В каждой смене должны проводиться зажигательные конкурсы и развлекательные программы, традиционные праздники и новомодные квесты и флеш-мобы, спортивные чемпионаты и первенства, спортивно-оздоровительные мероприятия в море, бассейне и на свежем воздухе, а по вечерам – тематические дискотеки и шоу-программы.

Для любителей познавательного отдыха за дополнительную плату должны предлагаться экскурсии по историческим и живописным местам курорта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаскалова Н.П., Теория и практика формирования здорового образа жизни учащихся и студентов в системе "школа – вуз": автореф. дис. д-ра пед. наук /Н.П. Абаскалова. – Барнаул, 2000. – 40 с.
2. Андропова Е.М., Романенков А.И., Гржебина Л.М., Подкорытова Е.А., Кутын И.В., Анализ проблем и перспектив развития лечебно-оздоровительного туризма в Крыму / Научный журнал "Сервис в России и за рубежом" – 2016.– №3 (64).– С. 92–106.
3. Андропова Е.М., Романенков А.И., Кутын И.В., Проблемы и перспективы развития молодежного спортивно-оздоровительного туризма в Крыму / Научный журнал "Сервис в России и за рубежом" – 2016.– Т. 10, №8 (69).– С. 42–50.
4. Бальсевич В.К., Физическая подготовка в системе воспитания культуры ЗОЖ человека (методологический, экологический и организационный аспекты) /В.К. Бальсевич // Теория и практика физической культуры. 1990. –№1. – С. 22–26.
5. Бароненко В.А., Здоровье и физическая культура студента /В.А. Бароненко, Л.А. Рапопорт. М.: Альфа-М, 2006. – 352 с.
6. Буранова, Г.П., Организация жизни детей в летнем лагере текст. /Г.П. Буранова. – М.: Воспитание школьников. 1996. – № 2–3. – С. 22–24.
7. Кутын И.В., Ткаченко С.А., Оздоровительная физическая культура как средство формирования базовых элементов учебной деятельности детей младшего школьного возраста / Научно-методический журнал "Физическая Культура: воспитание, образование, тренировка" – 2011.– №3.– С. 64.
8. Кольхалин, В.В., Ларионова, Н.И., Оздоровительно-спортивная работа с детьми в летний период // Актуальные проблемы физической культуры: Матер, регион, науч.-практ. конф. Ростов-на-Дону, 1995. – С. 106–108.
9. Спирина, Л.В., Дети, здравствуйте всегда! Комплексная система оздоровительной работы в детском лагере: Сборник методических рекомендаций текст. /Л.В. Спирина. Туапсе: ВДЦ "Орленок", 2002. – В 3-х частях. – С. 25–38.
10. Янчик Е. М., Программно-методическое обеспечение оздоровительных занятий в специальных медицинских группах школьниц 11–14 лет: автореф. дис. . канд. пед. наук /Е.М. Янчик. – Тюмень, 2002. – 22 с.
11. Wyle W.E., Cost-benefit analysis of a school health education program one method. / W. E. Wyle // J. Sch. Hlth. – 1983. – Vol. 53. – № 6. – P. 371–373.

© О.В. Шиманский, Е.Ю. Колганова, И.И. Журина, Т.В. Голушко, Е.М. Андропова, И.В. Кутын, (ilya-kutin@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

РЕКЛАМА

СОВРЕМЕННЫЙ МУЗЕЙ СПОРТА – WWW.SMSPORT.RU
 ПРЕДСТАВЛЯЕТ ВЫСТАВКУ
ГОРДОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОГО СПОРТА
 К 20-летию учредителя музея – Объединения «Диалог-Конверсия»

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГА-МУЗЫКАНТА

PROBLEMS OF FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF THE TEACHER-MUSICIAN

S. Shmukler

Annotation

The new paradigm of the educational process directed on formation and development of creative, socially focused, rapidly developing person, able to navigate in the information space and adapt to the changing conditions of life. Professionally competent musician and teacher today must skillfully combine already existing art music tradition with innovative outlook determined to get rid of the related gaps and weakness, harmoniously applying your life experience.

Keywords: Paradigm, competence, motivation, teacher, universalism, creativity.

Шмуклер Семен Мордхович

*Заслуженный работник культуры РФ,
доцент, Тюменский государственный
институт культуры*

Аннотация

Новая парадигма образовательного процесса направлена на становления и развитие творческой, социально нацеленной, активно развивающейся личности, умеющей ориентироваться в информационном пространстве и адаптироваться к изменяющимся условиям жизнедеятельности. Профессионально компетентный музыкант-педагог сегодня должен умело сочетать уже сложившиеся в музыкальном искусстве традиции с новаторским воззрением, решительно избавляться от сопутствующих пробелов и недостатков, гармонично применяя свой жизненный опыт.

Ключевые слова:

Парадигма, компетентность, мотивации, педагог, универсализм, креативность.

*Кто постигает новое, лелея старое,
тот может быть учителем...*

Конфуций

Компетентностное направление – основа Болонского процесса, который, по мнению А.Л. Андреева, из относительно локальной педагогической теории, постепенно превращается в общественно значимое явление, претендующее на роль концептуальной основы политики, проводимой в сфере образования, как государством, так и влиятельными международными организациями и наднациональными объединениями, включая, в частности, Европейский союз [19]. Автор считает, что это было вызвано необходимостью получения нового более качественного образовательного продукта не только в системе российского образования, но и в образовании стран ЕС. Поэтому Россия, подписав в сентябре 2003 года Болонскую Декларацию, приняла на себя ряд обязательств по модернизации всей системы образовательного процесса и интеграции в европейское пространство российского образования, в том числе и по компетентностному формату отражения результатов профессионального образования.

Следовательно, новая парадигма образовательного процесса была направлена на становления и развитие творческой, социально нацеленной, активно развивающейся личности, умеющей ориентироваться в информа-

ционном пространстве и адаптироваться к изменяющимся условиям жизнедеятельности. А одной из главных задач такого образования стала задача по внедрению в систему образовательного процесса компетентностного подхода, то есть в первую очередь ориентацию на адресное развитие основополагающих компетенций, сформированных на готовности и умении учащихся использовать полученные комплексные знания и методику применения в реальной жизни. Изучая и исследуя данное направление, ученые и практики пришли к выводу, что в настоящее время компетентностный подход считается важным инструментом модернизации образования, обусловленный интерпелляцией современного общества.

За четверть века Россия претерпела существенные изменения, как в идейном и социальном преобразовании, так и культурно-художественном направлении, повлекшие за собой серьезные перемены в образовательном и культурно-эстетическом развитии учащихся. Доминирующая ранее форма оценки музыкального образования – был "выход" из детских музыкальных школ и школ искусств, после которого лишь около 10% выпускников пытались поступить в музыкальные колледжи. При этом большая часть из них через 2–3 года не могли уже сыг-

рать произведение из собственной программы итогового экзамена. И только единицы в состоянии аккомпанировать друзьям в часы отдыха, в том числе и мелодии популярной музыки. Хотя в значительной части это индивидуальные успехи, но никак не следствие целенаправленной деятельности с педагогом.

Недостаточное, а порой и малоэффективное претворение в жизнь лично ориентированных и деятельностных подходов при обучении будущих музыкантов – педагогов, отсутствие способности студентов – выпускников реализовать на практике полученные теоретические знания и умения, дефицит и нехватка связующих звеньев между фундаментальными дисциплинами и выбранной профессиональной деятельностью приводит зачастую к тому, что молодые специалисты приступают к выполнению профессиональных обязанностей недостаточно подготовленными.

Следовательно, в сложившемся процессе начального музыкального образования ключевая компетенция умение и привычка отрабатывать с исполнителем два – три музыкальных произведения, в жизни оказалась невосребованной, притом, что другими компетенциями выпускники музыкальных школ не обладают.

Именно поэтому в первую очередь и изменилась целевая установка основного "потребителя" музыкально-образовательных услуг. Из сферы профессионального интереса направленность мотивации обучения значительного количества юных музыкантов сместилась в сферу общего жизнеутверждающего развития и досуга. А поэтапная реализация сформировавшихся тенденций гуманизации и демократизации российского музыкального образования стала способствовать обучению музыкальному искусству детей и подростков всех возрастов, не зависимо от уровня музыкальных способностей.

Таким образом, важнейшим условием и перспективным направлением в модернизации музыкально-педагогического обучения и разностороннего развития детей может и должен стать компетентностный подход, при котором "компетентность" воспринимается, как осуществившееся личностное качество способности человека индивидуально преодолевать проблемы жизнедеятельности применительно к новым условиям, не редко в условиях неопределенности.

Сегодня в структуре профессиональной компетентности педагога – музыканта, по мнению автора, требуются не просто некоторые уточнения и дополнения в музыкальном образовании – нужна многоуровневая трансформация "на язык компетенций". По заявлению Т.Г. Петровой: "Учитывая многообразие форм получения музыкального образования всех уровней в России сегодня

(ДМШ, ДШИ, кружки, студии, училища, колледжи, специальные музыкальные школы – лицеи, хоровые училища, консерватории, академии, вузы культуры и искусства, педагогические вузы, негосударственные учебные заведения – как аккредитованные, так и не аккредитованные), представляется абсолютно необходимым решение задачи разработки единых критериев оценки уровней и качества в сфере музыкального образования. Безусловно, возглавить этот процесс могут и должны ведущие российские музыкальные вузы. Целостная, сквозная, написанная "на языке компетенций" многоуровневая программа музыкального образования – необходимое условие возникновения единого образовательного пространства в России, являющегося необходимой предпосылкой вхождения России в общеевропейскую систему" [16].

Более того профессионально компетентный музыкант – педагог сегодня должен умело сочетать уже сложившиеся в музыкальном искусстве традиции с новаторским воззрением, решительно избавляться от сопутствующих пробелов и недостатков, гармонично применяя свой жизненный опыт. Именно в этом отражается специфичность профессиональной "компетентности во времени", в соответствии с теорией самоактуализации А. Маслоу [18].

Компетентностный подход отличается от подхода, основывающегося на знаниях, умениях и навыках не столько изучением их в комплексе, сколько получением в процессе самой учебы возможности дальнейшего самосовершенствования и индивидуального выбора прогрессивного пути развития. При этом претворение в жизнь компетентностного подхода проходит как бы внутри образовательно-культурной среды, и ее признание напрямую зависит от тех составляющих, которые были включены в конкретную образовательно-культурную ситуацию.

Система музыкального образования в нынешнем, трансформирующемся мире должна создавать и развивать профессиональный универсализм применительно к сфере и способам деятельности, таланта и умения реализовать полученные знания и приобретенные навыки в изменяющихся условиях. Перед педагогами – музыкантами стоят задачи профессионального подхода к подготовке учеников к реальным условиям жизненных перемен, формирование у них не стандартных оценочных взглядов, мобильности, динамизма. На смену устоявшимся категориям педагогического целеполагания – знаниям, умениям и навыкам учащихся, должны придти индивидуальность и самостоятельность, осознанная ответственность за выбор своего жизненного пути, стремление к саморазвитию, креативность.

Профессиональную компетенцию педагога – музыканта автор объединяет в следующие виды творческой

деятельности. Во-первых, импровизация и самосовершенствование (педагогическое, музыкально-исполнительское). Во-вторых, практика художественно-интерпретационного исследования музыкальных наработок и их эмоционально-образного вокального воспроизведения. В-третьих, школа концертмейстерского творения и изобретательного музицирования. В-четвертых, отбор новаторских форм и научных методов музыкально-педагогической деятельности. В-пятых, развернутая система музыкально-воспитательного процесса с основным акцентом на психологию педагогики и формирование музыкально-нравственной и эстетической культуры обучающихся.

При этом следует обратить внимание, что с теоретическим развитием музыкального образования, значительная часть традиционных проблем в музыкальной педагогической науке начала получать несколько иное значение. Одной из главных можно с уверенностью назвать проблему совершенствования профессиональной принадлежности завтрашних педагогов – музыкантов. А с учетом нового социального заказа, адресованного ко всей концепции музыкального образования, который проявляется через требования к обучению педагогов, имеющих склонности и способность к саморазвитию, свободному и грамотному подходу к инновационным направлениям в музыкальном образовании подрастающего поколения, то становится понятным, что музыкальное образование должно содействовать расширению, как теоретических знаний, так и развитию "профессиональной компетентности" будущих молодых специалистов.

При всем при этом сегодня не следует ограничивать компетентность музыканта только его уровнем обладания узкоспециальной квалификацией – мастерством исполнения музыкального произведения, виртуозностью владения инструментом, оригинальностью пения или уникальной дирижерской техникой. Необходимо создавать предпосылки для достижения соответствующего уровня педагогической направленности самого процесса обучения музыканта, с учетом недостаточной разработанности этого направления в условиях, связанных с нынешней социокультурной ситуацией. Поэтому современные требования, как к самому процессу, так и к результату обучения в музыкальном учреждении связаны с необходимостью дальнейшего исследования педагогической компетентности музыканта на принципах междисциплинарной интеграции, предопределяющей способность учащихся к индивидуальной педагогической деятельности во многих областях музыкального искусства.

В заключение следует отметить, что современное российское общество остро нуждается в бакалаврах с высоким уровнем профессиональных компетенций,

стремящихся к овладению новыми знаниями и принятию неординарных решений, имеющих высокую степень педагогической культуры и музыкально-исполнительского мастерства. Более того изучение специальных научных психолого-педагогических исследований в разрезе проблемы формирования профессиональной компетентности педагога-музыканта позволило автору прийти к выводам о недостаточно глубокой проработке темы, при том, что на практике она давно нуждается в разрешении. Во-первых, сегодня наблюдается противоречие между потребностью общества на педагога, владеющего профессионально-педагогической компетентностью и умеющего в атмосфере личностно-развивающего процесса образования стать субъектом профессионально-педагогической компетентности, и не до конца проработанной и исследованной педагогической наукой проблемой.

Во-вторых, это противоречие, вызванное необходимостью совершенствования сложившейся системы обучения будущего педагога-музыканта, умеющего постигать культуру практической и творческой деятельности на индивидуальном уровне и реальными возможностями всего учебно-воспитательного процесса способного обеспечить профессионально-исследовательские и познавательные потребности субъекта.

В-третьих, отсутствие единства связано с необходимостью выстраивания целостной системы профессионально-педагогической компетентности завтрашнего педагога музыки как основной цели всего образовательного процесса в учебном заведении и недостаточной концентрированностью системы педагогического образования на ее воспитание.

В-четвертых, возникающий парадокс использования в учебе технологий деятельностно-развивающего обучения, способствующих формированию профессионально-педагогической компетентности будущего педагога-музыканта в ходе предметной подготовки, в основе которой заложен интегративный подход в педагогическом вузе и отсутствием в обучающих практиках должной направленности на подготовку завтрашнего учителя музыки к решению этой проблемы.

Следовательно, наблюдаются противоречия между оценочными требованиями к уровню подготовленности специалистов в нынешней ситуации и уровнем профессионально-педагогической компетентности выпускников педагогических вузов. Преодоление обозначенных противоречий может быть связано с выявлением причин его порождающих. Но это тема уже другого исследования.

Таким образом, сложившаяся система профессионально-педагогических и методических знаний, навыков и умений составляет фундамент профессионально-

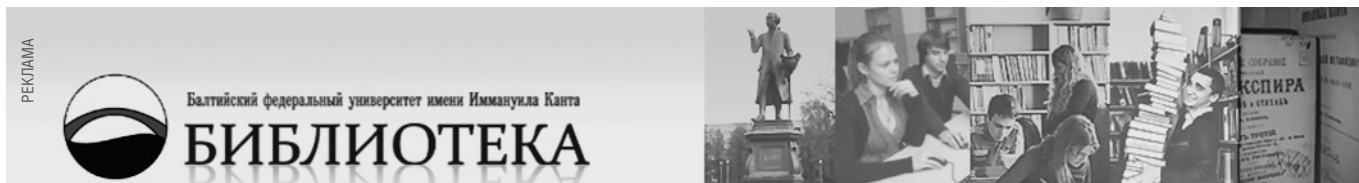
педагогической деятельности педагога–музыканта, его педагогическую и нравственную направленность (в сочетании с психолого–педагогическими и общекультурными знаниями, педагогическими и музыкальными спо–

собностями, ценностными и творческими ориентациями и высокими профессионально значимыми качествами), все это составляющие профессионально–педагогической компетенции педагога–музыканта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273–ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" [Электронный ресурс] / Режим доступа// <http://base.garant.ru/70291362/>
2. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2011 – 2015 годы (утв. распоряжением Правительства РФ от 7 февраля 2011 г. № 163–р). [Электронный ресурс] / Режим доступа// <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55070647/>
3. Петровская, Л.А. Компетентность в общении / Л.А. Петровская. – М.: МГУ, 2004. – 216 с.
4. Симен–Сиверска, О.В. Формирование педагогической компетентности специалиста социальной работы в ВУЗе / О.В. Симен–Сиверска. – Ставрополь, 2002. – 190с.
5. Слагаемые профессиональной компетентности преподавателя вуза: Коллективная монография / Д. З. Ахметова [и др.]. – Казань : Изд–во "Таглитат" ИЭУ и П, 2001. – 112 с.
6. Ушакова О.С., Смирнова О.А. Развитие профессиональной коммуникативной компетентности на разных ступенях непрерывного педагогического образования // Кадровые ресурсы инновационного развития образовательной системы: Материалы I Всероссийского пед. конгресса. М., 2007. Ч. 2. 816 с.
7. Аракелова, А.О. Отечественное образование в области музыкального искусства: исторический опыт, проблемы и пути развития: Дисс. д–ра искусствоведения:– Магнитогорск, 2012. – 249 с.
8. Левина, И.Р. Формирование профессионально–педагогической компетентности будущего учителя музыки. Автореф. дисс. канд. пед. Наук. Уфа. 2004.
9. Отяковская Э. Г. Формирование полихудожественной компетентности педагога–музыканта в процессе профессионального образования. Автореф. дисс. канд. пед. наук. Краснодар: Гос. ун–т культуры и искусств, 2010. – 25 с.
10. Родермель, Т.А. Феномен компетентности в современном образовании: социокультурный аспект. Автореф. дисс. канд. пед. наук. Томск, 2011. – 25 с.
11. Зеленкова, Е.В. Специфика формирования исследовательской компетентности музыканта–исполнителя / Е. В. Зеленкова // "Вестник ЧГИКУ". – 2013. – № 7. – С. 7 – 10
12. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования // Интернет–журнал "Эйдос". – 2006.
13. Иванов А.И., Куликова С.А. Компетентностный подход в среднем и высшем педагогическом образовании // Среднее профессиональное образование. 2008. № 5. С. 47–50.
14. Калинина, Ю.А. Проблемы реализации компетентностного подхода в профессиональном музыкальном образовании. [Электронный ресурс] / Режим доступа// <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/331/image/331–174.pdf>
15. Лебедев, О.Е. Компетентностный подход в образовании //Школьные технологии. – 2004. – №5. – с. 3–12.
16. Петрова, Т.Г. Музыкальные колледжи России в контексте Болонского процесса: Доклад на сессии Хельсинского Европейского форума "Пятое пространство". [Электронный ресурс] / Режим доступа// <http://www.gnesin.ru/news/2006helsinki/>
17. Хуторской, А.В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты. Доклад на отделении философии образования и теории педагогики РАО, 23 апреля 2002. Центр "Эйдос"
18. Теория самоактуализации Маслоу <https://psyera.ru/3207/teoriya-samoaktualizacii-maslou>
19. Андреев А.Л. Компетентностная парадигма в образовании: опыт философско–методологического анализа педагогика // Педагогика. – 2005. – № 4.

© С.М. Шмуклер, (donskoy1351@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ

Арустамян Диана Владимировна
Ст. преподаватель,
Институт Иностранных Языков
Российского Университета
Дружбы Народов

SPEECH ETIQUETTE

D. Arustamyan

Annotation

The article reveals the essence of the concept of "speech etiquette". Noted the importance of speech etiquette for becoming linguistically competent linguistic identity and substantiates the importance of language etiquette as an integral part of the culture of speech and the need for ethics in communication each speaker. We consider the views of individual scientists on the established in the Russian speech of the formulas of speech etiquette, to be followed by speaking in different situations of polite contact with interlocutors. Induced examples of the most common formulas of speech etiquette for use in the practice of daily communion.

Keywords: Speech etiquette, communication, linguistically competent language personality, speech culture, speech development.

Аннотация

В статье раскрыта сущность понятия "речевой этикет". Отмечено важное значения речевого этикета для становления лингвистически компетентной языковой личности, обоснована значимость языкового этикета как составной части культуры речи и необходимость соблюдения этических норм в общении каждым говорящим. Рассмотрены взгляды отдельных ученых на устоявшиеся в русской речи формулы речевого этикета, которыми должен руководствоваться говорящий в самых разных ситуациях вежливого контакта с собеседниками. Наведено примеры наиболее употребительных формул речевого этикета для использования в практике ежедневного общения.

Ключевые слова:

Речевой этикет, общения, лингвистически компетентная языковая личность, культура речи, речевое развитие.

Постановка научной проблемы и ее значение

К самому драгоценному достижению каждого народа принадлежит речь. Поэтому и называем это достояние – родной язык.

Речь – крупнейший духовный клад, в котором народ выявляет себя творцом, передает потомкам свой опыт и мудрость, победы и славу, культуру и традиции [3, 5].

Слово является одним из самых мощных коммуникативных орудий человека. В любой сфере практической деятельности люди должны уметь пользоваться словом целенаправленно и умело, осуществляя, безусловно, позитивное влияние на слушателя.

Живая жизнь свойственна и слову – такому вещанию, которое не только опирается на изученные языковых норм, но и постоянно развивается, обогащается за счет вариантов, норм, которые можно освоить лишь при наличии чувства языка: такого уровня коммуникации, при котором все, что услышанное или прочитанное, оценивается по законам не только практической деятельности (коммуникативной эффективности), но и речевой этики акта общения [1, 3].

Анализ основных исследований и публикаций

С этикой речи прежде всего связано умение правильно говорить и писать, подбирать языково-выразительные средства согласно целям и обстоятельствам общения. Культура речи предусматривает прежде всего такие нормы: лексические, грамматические, стилистические, орфоэпические, орфографические. Кроме этого, культура речи – это еще и общепринятый речевой этикет: типичные формулы приветствия, прощание, пожелания, приглашения, прочее. Речевой этикет считается центральным участком всей культурно-поведенческой сферы человека, он охватывает средства вежливости, направленные на выражение уважения к собеседнику. Речевой этикет является составной частью культуры взаимоотношений, общей культуры каждого человека в частности и общества в целом. Поскольку вопросы культуры речи никогда не теряют своей актуальности, то становится понятной заинтересованность ученых этими вопросами. Глубокое знание норм литературного языка, умелое пользование ими в повседневной речевой практике помогает достичь собеседнику вершины речевого мастерства.

Большое значение в становлении лингвистически компетентной языковой личности имеет речевой этикет.

Поэтому немало исследователей слова (А.К. Байбурин, А.Л. Топорков, Н. Бабиц, Т. Донченко, М. Аксенова, А. Голосовская, И. Меркина и др.) посвящают многочисленные труды вопросам языковой культуры.

Цель статьи – на основе проработанной литературы по проблемам речевого этикета как составной части культуры речи, а также на основе собственных наблюдений за процессом общения подчеркнуть необходимость овладения культурой речи в целом и речевым этикетом в частности.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования

Речевой этикет – это специфические правила речевого поведения, которые реализуются в системе устойчивых формул и выражений, рекомендуемых для использования в различных ситуациях вежливого контакта с собеседником, в частности во время приветствия, знакомства, обращение к собеседнику, выражение благодарности, прощание и тому подобное.

Каждая ситуация обслуживается в русском языке группой высказываний, которые нередко образуют синонимические ряды: добрый день, здравствуйте; пожалуйста, прошу; до свидания, до встречи, прощайте и тому подобное [4].

Известный лингвист Т.В. Цивьян отмечает, что формы приветствия и прощания "давно закрепились в русском языке, и их не стоит модернизировать без надобности. В русском литературном языке упрочились такие формы: Доброго утра! Добрый день! (Здравствуй!) Добрый вечер! Доброй ночи! Спокойной ночи!" [9].

Важными и необходимыми для каждого человека есть также формы извинения. "Поскольку вина бывает разной по своей величине и по последствиям, то говорящий должен выбирать из немалой парадигмы стандартных фраз русского речевого этикета такую формулу, которая была бы соизмерима вине и в то же время давала возможность достичь желаемого результата: Извини (те) (мне); Прости (те) (мне); Извини (те)!; Прости (те), если можешь (ете)!;..." [9]. Пользуясь формулами извинения, нужно помнить, что глаголы извинений требуют винительного падежа зависимых слов.

Несмотря на шаблонность этикетных фраз и отчасти ритуальный характер их употребления, речевой этикет имеет большое значение для жизнедеятельности общества и функционирования языка. Здесь наиболее заметно и на очно отображаться состояние речевой культуры, духовные ценности, нравственные ориентации обще-

ства, характер взаимоотношений между людьми. Это та сфера языка и культуры, к которой имеют отношение члены общества, принадлежащих в самым разнообразным категориям [8, 5].

Так, в русском языке наиболее употребительными выражениями благодарности является слово "спасибо" и "благодарю", которые могут иметь при себе слова, усиливающие выражения благодарности: искренне, сердечно "Спасибо Вам большое" и др.

Определяющими этнопсихологическими особенностями русского этикета являются прежде всего доброта, сердечность, простота, искренность и нежность.

На языковом уровне это проявляется в том, что:

1. стержневым словом многих высказываний русского речевого этикета являются слова с корнем добр-, здоров-: добрый день, добрый вечер, доброго здоровья и др.;
2. имеется большое количество слов-обращений с ласкательными суффиксами: голубушка, милый, мамочка, папочка, сестричка и др.;
3. существует немало высказываний, которые своей первоначальной семантикой выражают доброжелательность: будьте счастливы, Боже помоги, дай Бог счастья и др.;
4. отсутствуют инвективы (неприличные, грубые ругательства) [2].

Однако, за несколько десятилетий произошли определенные изменения в языковом сознании и морали нашего народа в этом плане. Бездумно переняв брутальные языковые изыски, привнесенные чужой "культурой", россияне, уже не задумываясь, оскверняют язык инвективами.

Таким образом, речевой этикет – это культурное лицо нации. Относительно речевого этикета россияне, то он, собрал в себе древние обычаи, традиции, стал универсальной моделью языковой деятельности, что проявляется в системе устойчивых выражений, своеобразных формул. Знания этой системы, хорошее владение ею показывает духовную зрелость нации и, наоборот, – пренебрежение норм и правил речевого этикета – признак ее глубоких коррозионных процессов, что, к сожалению, и наблюдаем в последние годы в нашем обществе. Речевой этикет – умелое и уместное использование устоявшихся формул приветствия, прощание, пожелание и др., которые играют важную роль в становлении лингвистически компетентной языковой личности. Частью культуры речевого этикета является его эмоциональность, хорошее владение интонационным богатством во время разговора. Даже лучшие этикетные фразы, такие как благодарю, спасибо, пожалуйста, произнесенные равно-

душным тоном, не принесут удовольствие тому, кому они адресованы. Если же этикетные формулы, которыми пользуется собеседник, наполненные положительными эмоциями, выражают понимание и соучастие, они находят отклик в человеческих сердцах.

Уровень соблюдения речевого этикета, культуры общения, влияет на поведение собеседников в большей степени, чем предметное содержание разговора. Этика общения заключается не только в нормативном применении формул речевого этикета в стандартных этикетных ситуациях. Она имеет значительно более широкий круг, охватывает коммуникативное поведение человека в целом. Ведь и за пределами этикетных ситуаций вербальное (и невербальное) общение может иметь приметы, которые показывают вежливость, тактичность говорящего в отношении коммуникативного партнера (партнеров, аудитории), а может, наоборот, создавать о собеседнике впечатление как о человеке невоспитанном, не тактичном, грубом. С другой стороны, формальное содержание правил речевого этикета не всегда вызывает доверие [8, 6].

Специалисты в сфере речевого этикета прошлых веков и наши современники обращали внимание также на явления личного характера, нежелательные для общения. Так, в процессе речевого общения со стороны некоторых его участников наблюдается "неуклюжесть духа", то есть отсутствие внимания к собеседнику и сосредоточенности на тематике разговора, а также контроля над эмоциональным состоянием. Это может приводить к ошибкам на слове, забывчивости, путаницы в словах и выражениях.

В процессе общения правила речевого этикета распространяются на логику изложения мыслей субъектов, участвующих в них. Последовательное и доказательное рассуждение – необходимое требование каких-либо бесед. Определяющее значение в таких рассуждениях принадлежит таким общепринятым приемам формальной логики: независимо от того, о чем идет речь: – нельзя что-либо одновременно утверждать и отрицать; – нельзя принимать некоторые аргументы, не принимая вместе с тем все то, что выходит из них. В работе российского специалиста по вопросам культурного общения и этикета Курбатова, представлена широкая панорама формально-логических приемов, которые в большей или меньшей степени используются как правила речевого этикета. Прежде всего, это требования к аргументам. Среди прочих следует отметить такие: аргументы должны быть истинными выражениями; истинность аргументов должна быть установлена независимо от положения, которое они подтверждают; в совокупности доводы должны быть такими, чтобы из них сделать основной вывод [7]. Чувствительным моментом переговоров, как и других видов ре-

чевой коммуникации в общении, является спор. Искусство ведения спора называют эристикой.

Именно она должна учить умению убеждать других в истинности высказываемых взглядов и соответственно склонять людей к тому поведению, которое представляется нужным и целесообразным. Несмотря на мнение теоретиков и практиков в сфере коммуникативной культуры о том, что во время обмена мнениями споров следует избегать, однако есть целый ряд советов, которые имеет в своем распоряжении речевой этикет насчет искусства спорить. В переговорах спор должен иметь дружеский характер, а, следовательно, поведение ее участников и их словесные выражения должны исключать агрессию и инвективы и строиться согласно специально разработанных правил. Наиболее распространенными являются следующие: тема спора должна быть конкретно определена и не должна изменяться или подменяться; участники полемики должны быть компетентными в вопросах, о которых спорят. Кроме того, В. Курбатов, помимо прочих, дает такие советы, для того чтобы занять выигрешную позицию в споре: "не доказывать очевидного", "избегать возражений", "отрицая врагу, не проявлять особого усердия" и т. др. [7]. В процессе обмена мнениями во время переговоров такого рода приемы квалифицируются с точки зрения речевого этикета как уместны, приемлемы. До хороших манер в ходе общения с помощью языка следует отнести и умение быстро признавать свои ошибки, и "метод Сократа", который связан с тем, что не следует начинать обсуждение проблем с напоминаний о разногласиях. В соответствии с речевым этикетом, есть приемы, которых следует избегать во время общения. К ним, в частности, относятся софизмы. В отличие от произвольной логической ошибки, софизм – это преднамеренное, но тщательно скрываемое нарушение требований логики, с одной стороны, и правил речевого этикета – с другой, поскольку софизм, будучи очевидным, отвлекает, сбивает с мысли и дезорганизовывает участников разговора.

Таким образом, назначение речевого этикета в общении заключается в реализации устойчивых словесных формул, соответствующих представлениям о должном поведении.

Выводы и перспективы дальнейших исследований

На основе научных исследований проблем культуры речи в целом и языкового этикета как компонента культуры общественных взаимоотношений в частности, на основе собственных наблюдений за процессом общения, приходим к выводу, что хорошее знание норм литературного языка, владение общепринятыми формулами речевого этикета играет важную роль в становлении лингвистически компетентной языковой личности.

Проблема, на которой мы сосредоточили внимание в этой статье, требует дальнейшего изучения, особое вни-

мание должно уделяться работе над совершенствованием речевой культуры молодого поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабич Н.Д. Основы культуры речи. – Москва: Мир, 2014. – С.22.
2. Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Л.: Наука, 2010. С. 12–13.
3. Ганич Д.И., Олейник И.С. Словарь лингвистических терминов. – К.: Высшая школа, 2013. – 360 с.
4. Донченко Т. Речевое развитие как научно-методическая проблема // Слово. – 2015. – № 5. – С. 2–5.
5. Этикет / ред. группа: М. Аксенова, А. Голосовская, И. Меркина. М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель. 2011. С. 9.
6. Кочан И. М. Лингвистический анализ текста: Учеб. пособ. – К.: Знання, 2015. – 423 с.
7. Курбатов В.И. Искусство управлять общением / В.И. Курбатов. – Ростов н/Д.: Феникс, 2011. – 352 с.
8. Локк Дж. Соч. В 3 т. Т. 3 / Дж. Локк // Мысли о воспитании. – М.: Мысль, 2008. – 668 с.
9. Цивьян Т.В. К некоторым вопросам построения языка этикета // Труды по знаковым системам (Ученые записки Тартуского государственного университета). Т. 2. Тарту: ТГУ, 2011. – 321 с.

© Д.В. Арустамян, (arusdiana@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

XXIX Международный конгресс по обогащению полезных ископаемых IMPC-EXPO2018.

Основные темы

- Технологическая минералогия.
- Измельчение и классификация.
- Физические методы обогащения – гравитационное обогащение, магнитная и электрическая сепарация.
- Химия поверхности. Фундаментальные основы флотации. Флотационные реагенты. Технология флотации.
- Переработка тонкодисперсных продуктов и шламов.
- Гидрометаллургия и технологии бактериального выщелачивания.
- Экологические проблемы и утилизация минеральных отходов.
- Моделирование технологических процессов.
- Окомкование, агломерация и спекание.
- Обезвоживание.
- Средства инструментального контроля и передовые модели интеллектуального управления.

Москва 15 – 21 сентября 2018. Центр Международной Торговли

МОСКОВСКИЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ТЮРКОЛОГ АКБЕР БАБАЕВ - ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТУРЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

MUSCOVITE AZERBAIJANIAN
TURKOLOGIST AKBER BABAYEV -
RESEARCHER OF TURKISH
LITERATURE

A. Bagirov

Annotation

This article specifically addresses the widespread literary activity known to the speaker, Azerbaijani Muscovite-researcher brotherly Turkish literature. A connoisseur of Turkish literature, a shining interpreter, candidate of philological sciences Akber Babayev in the Soviet period is considered to be one of the most authoritative scientists in the study of classical and new Turkish poetry. He paid special attention to the study of life and rich artistic heritage of the great Turkish poet Nazim Hikmet in the Soviet period was one of the researchers, highly appreciated his creative work.

Keywords: Turkish literature, new poetry, free verse, the Soviet period, Turkish poets, national literature, literary connection.

Багиров Абузар

*Доктор философии по филологии,
доцент Университета
МГИМО МИД РФ*

Аннотация

В данной статье конкретно рассматривается широкая литературоведческая деятельность известного тюрколога, москвича азербайджанца – исследователя братской турецкой литературы. Знаток турецкой литературы, блестящий переводчик, кандидат филологических наук Акбер Бабаев в советский период считался одним из авторитетных учёных в области исследования классической и новой турецкой поэзии. Он особое внимание уделял изучению жизненного пути и богатого творческого наследия великого турецкого поэта Назыма Хикмета и в советский период был одним из исследователей, по достоинству высоко оценивший его творчество.

Ключевые слова:

Турецкая литература, новая поэзия, свободный стих, советский период, турецкие поэты, национальная литература, литературные связи.

В советский период тюркология, в целом, как отдельная дисциплина была очень высокоразвитой научной отраслью. Образовывались сильные тюркологические научные школы мирового уровня в Москве и Баку. Широко изучались сравнительная грамматика, этногенез, тесные взаимосвязи и взаимодействия, историческое развитие на современном этапе тюркских языков, этимология общетюркского лексического фонда, впрочем, довольно глубоко и успешно исследовался весь языковедческий спектр тюркологии. Культурологические и литературоведческие аспекты тюркологии также подверглись всестороннему анализу, изучению, исследованию советскими учёными; оживлённо спорили о возникновении тюркского этноса, его дальнейшем развитии. Немало противоречивых научных работ было посвящено взаимосвязям и взаимообогащениям тюркско-славянских этносов. Указывалось, что прародиной обоих этносов была Великая Степь (Дешти-Кыпчак) и эти народы связаны друг с другом многовековыми узами. Надо добавить, что ещё много предстоит сравнительно молодой дисциплине тюркославистике основательно изучать этногенез тюркского и славянского этносов, окончательно выявить научную доказательную базу родства этих близких по духу народов. Такая архиважная, актуальная задача, лишь, может быть успешно выполнена, если продолжатся в будущем объективные

исследования всех ведущих мировых тюркославистов. Не надо забывать, что полное взаимопонимание, взаимодействие тюркских и славянских народов вполне в сила изменить геополитическую картину мира...

Надо отметить с гордостью, что азербайджанские учёные-тюркологи занимали прочные авангардные позиции среди многочисленных авторитетных советских тюркологов. Тем не менее, существовал подход к не очень одобрительному позволению азербайджанским учёным основательно заниматься именно турецкой тематикой литературоведения. Занятия литературоведческими исследованиями турецкой литературы охотно одобрялись учёными всех национальностей, кроме азербайджанцев. В московских научных кругах это негласное правило соблюдалось с особенным старанием. Ясно, что такое нездоровое, ревностное отношение было обусловлено с неверным идеологическим клише времени. Советские идеологи думали, что турецкий и азербайджанский народ – фактически единый народ. И, позволяя, им изучать друг друга близко, якобы, могло привести к нежелательным выводам в умах советских азербайджанцев. По этому поводу, высказанное в постсоветское время, общенациональным лидером, Великим Гейдаром Алиевым мудрое изречение "Одна нация – два государства" наглядно показало, что, надо отдать должное их подозри-

тельности, оказывается, опасения "зубров" советской идеологии, были небезосновательными.

Талантливый тюрколог, известный московский азербайджанский учёный, блестящий знаток, неутомимый переводчик, объективный исследователь, добрый пропагандист турецкой литературы Акбер Бабаев, с молодости проживая в Москве, вынужден был всю жизнь изучать, исследовать, переводить, пропагандировать турецкую литературу, постоянно преодолевая все советские идеологические преграды и барьеры.

Известный тюрколог, кандидат филологических наук (1951), переводчик, член Союза Писателей СССР (1963) Акбер Бабаев – Акбер Агарза оглы Бабаев родился 10 июля 1924 года в одном из древних культурных центров Азербайджана, в городе Гяндже, в семье учителя. В 1945 году успешно закончив учёбу в Азербайджанском государственном университете, получил диплом востоковеда-тюрколога. В 1946 году Акбер поступил в аспирантуру Института Востоковедения АН СССР, а через год нависла неожиданная угроза отчисления из института, из-за тюремного заключения отца по обвинению "за пантюркизм" сроком на 25 лет. Помогло молодому аспиранту имя известного турецкого поэта-патриота Назыма Хикмета (15.01.1902–03.06.1963), заточённого тогдашним турецким режимом в застенках Бурсы за свои убеждения, на долгие годы. В те годы за освобождение всемирно известного поэта всюду развернулась нешуточная кампания во всём мире. К этой борьбе присоединились такие известные деятели мировой культуры как: Пабло Неруда (1904–1973); Пабло Пикассо (1881–1973); Поль Робсон (1898–1976); Жан Поль Сартр (1905–1980); Луи Арагон (1897–1982) и др. А в СССР, это событие превратилось во всенародную борьбу, и после освобождения из заточения Назым Хикмет переезжает в Москву...

Роль спасательного круга в судьбе молодого исследователя Акбера Бабаева сыграла тема кандидатской диссертации "Назым Хикмет – борец за мир", утверждённой на учёном совете годом раньше ареста отца (Агарзы Бабаева освободили и полностью реабилитировали только в 1953 году после смерти Сталина). За талантливого соискателя заступились маститые учёные-востоковеды – директор института, академик АН СССР Василий Васильевич Струве (02.02.1889–15.09.1965); исследователь и истинный друг азербайджанской литературы, член-корреспондент АН СССР Евгений Эдуардович Бертельс (25.12.1890–07.10.1957) и, в конце концов, ему дали возможность продолжать начатую научную работу. И Акбер Бабаев в 1951 году, защитив диссертацию, никогда не забывая своих добрых учителей-заступников, до конца своих дней (12.09.1979) работал в своём прославленном исследовательском институте научным сотрудником.

Во время третьего – последнего приезда, а точнее, переезда на постоянное жительство в 1951 году, легендарного турецкого поэта Назыма Хикмета в Москву Акбер Бабаев с первых дней ближе познакомился с ним и вскоре они стали, в буквальном смысле слова, неразлучными друзьями навсегда. Он был не только неизменным другом, единомышленником, но и переводчиком, соратником, организатором всей литературной и общественной деятельности Назыма Хикмета в столице и во всём Советском Союзе. В советский период в стране Акбер Бабаев поистине считался самым обстоятельным, самым глубоким учёным-тюркологом в области исследования творчества гениального турецкого поэта Назыма Хикмета и по сей день остаётся таковым, ни кем непревзойдённым. Он первым выпустил биографическую книгу о нём в Москве на русском языке под названием "Назым Хикмет" [1] и объёмную, содержательную, всеохватывающую фундаментальную монографию о жизни и творческом наследии великого поэта [2]. Акбер Бабаев переводил на русский язык немалые избранные образцы из творчества Назыма Хикмета, был неизменным редактором и рецензентом его произведений, переведённых другими переводчиками на русский язык, ибо поэт безгранично доверял знанию, таланту и художественному вкусу своего друга. А верный друг Бабаев (близкие свидетельствуют, что Назым Хикмет, при хорошем настроении, своего друга часто называл только по фамилии) также был ярым инициатором издания восьмитомного собрания сочинений Назыма Хикмета на турецком языке в Болгарии. Акбер Бабаев, проведя кропотливую работу, подготовил точно выверенный научно-филологический текст, составил во всех восьми томах все произведения в хронологической последовательности, снабдил все издания обширными научными пояснениями и комментариями. Не зря в научном обиходе до сих пор это издание заслуженно называется "Бабаевским". Благо, в 1960-х годах в Болгарии существовало целое издательство, выпускавшее книги болгарских писателей турецкого происхождения в оригинале.

Кстати, о близкой дружбе великого Назыма Хикмета и известного тюрколога Акбера Бабаева не раз писал известный азербайджанский писатель, профессор Чингиз Гусейнов (р.1929): "Акбер Бабаев, мой замечательный земляк, учёный-тюрколог почти каждый день со времени приезда Назыма Хикмета в Москву общался с ним, но, увы, сколько я ни советовал ему вести день за днём дневник встреч и бесед, откладывал это дело, надеясь, что будет ещё время запечатлеть услышанное, что память не подведёт. Однако подвела судьба – ранняя смерть. Перефразируя Маяковского, я бы сказал так: говорю о Назыме Хикмете – вижу Акбера Бабаева, говорю об Акбере Бабаеве – вижу Назыма Хикмета. Из неocenимых заслуг Акбера Бабаева – и это стало большим праздником для Назыма Хикмета – издание в оттепельные годы, после развенчания личности Сталина, собрания сочинений Назыма Хикмета на языке оригинала в восьми томах в Болгарии" [3].

О творческом взаимодействии, дружеском отношении Акбера Бабаева и Назыма Хикмета писал и выдающийся Народный писатель Азербайджана Анар (р. 1938) [4].

Живя в Москве, Назым Хикмет вскоре стал разочаровываться политической, социальной обстановкой в Советском Союзе, он не понимал и не мог воспринять насаждённый в стране культ личности и его чудовищные проявления. Поэт всегда искренне верил в справедливые идеалы социалистического строя, но воочию увиденное, привело его к окончательному недоумению.

После смерти И. В. Сталина всё равно, в стране не произошли радикальные, коренные перемены, только менялись портреты вождей. Все эти душевные смятения психологически давили на поэта, и он остро нуждался в близком, доверительном, по духу родном человеке для тесного и сокровенного общения, именно таковым оказался для него Акбер Бабаев, связавший свою творческую судьбу с изучением его жизни и художественного наследия. В дружеских кругах об их неразлучной дружбе всегда с особой теплотой любила вспоминать покойная вдова Назыма Хикмета Вера Владимировна Тулякова-Хикмет (1932–2001). Она рассказывала, что, не смотря на разность характеров, они дня не могли прожить, не поведавшись друг с другом, и меня удивляло, что они никогда не надоедали друг другу, всегда находили интересные темы для общения. В своей книге воспоминания о поэте-муже В. В. Тулякова-Хикмет точно характеризовала их дружбу: "Удивительные отношения сложились у вас с Акбером Бабаевым – уютные, дружеские. Вы дня не могли прожить, не поведавшись. Взыскательность, интеллигентность, я бы сказала, изысканность вашего диалога подчёркивалась обращением друг к другу на Вы. Дружба людей с такими полярными характерами на первый взгляд могла показаться необъяснимой. Но чем чаще мне приходилось наблюдать вас рядом, тем понятнее

становилась эта умная мужская привязанность. Ты, вспыльчивый, экспансивный человек-динамит, работающий, как завод, – и спокойный, неторопливый Акбер, способный разрядить грозную обстановку мягким юмором, вы были необходимы друг другу" [5;15].

О дружбе Назыма Хикмета и Акбера Бабаева были, видимо, хорошо осведомлены и советские, и турецкие спецслужбы, ибо Акберу Бабаеву – авторитетнейшему тюркологу страны никогда, ни разу не разрешали выезд из Советского Союза и въезд в Турцию. Он всегда через друзей и знакомых, посещающих Турцию счастливчиков, искренние приветия передавал Стамбулу – любимому городу своего любимого друга Назыма Хикмета и всегда с грустью просил: "Прошу, когда будете в Стамбуле, хорошенько осмотрите его и моими глазами..."

Акбер Бабаев также выпустил ряд фундаментальных научных изданий по проблемам турецкой литературы: объёмная монография "Очерки современной турецкой литературы" [6]; научный обзор "Турецкая литература (краткий очерк)" в соавторстве с известным российским тюркологом Лейлой Османовой Алькаевой (1914–1986) [7]; посмертное издание – избранные литературные эссе и переводы "Заново рождается поэт после смерти: сонеты и поэмы" [8].

Надо отметить с особой удовлетворённостью, что большинство научных работ московского азербайджанского литературоведа тюрколога Акбера Бабаева до сих пор не потеряли свою научную новизну, актуальность и востребованность. В его творческом наследии о жизни и творчестве великого турецкого поэта Назыма Хикмета, а также в обзорах, проблемных статьях о турецкой литературе XX века основные научные тезисы, обобщения и выводы созвучны со временем, вполне соответствуют сегодняшнему уровню развития современной российской, турецкой и азербайджанской тюркологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. А.А. Бабаев. Назым Хикмет. Москва, 1957, "Художественная литература". 166 с.
2. А.А. Бабаев. Назым Хикмет. Жизнь и творчества. Москва, 1975, "Наука". 378 с.
3. Ч.Г. Гусейнов. Лета к воспоминаниям клонят. Журнал "Дружба народов", № 4, 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhiba/2002/4/gus.html>
4. Анар. Как Керем. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://azeribooks.narod.ru/proza/anar/kak_kerem.html
5. Вера Тулякова-Хикмет. Последний разговор с Назымом. Москва, 2009, "Время", стр. 15. 398 с.
6. А.А. Бабаев. Очерки современной турецкой литературы. Москва, 1959, "Восточная литература". 240 с.
7. А.А. Бабаев, Л.О. Алькаева. Турецкая литература. Москва, 1967, "Наука". 189 с.
8. А.А. Бабаев. Заново рождается поэт после смерти: сонеты и поэмы. Баку, 1981, "Гянджлик". 202 с.

БИЗНЕС-ПРЕЗЕНТАЦИЯ КАК ЖАНР ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ

Ван Дань
Аспирант,

Государственный институт
русского языка им. А.С. Пушкина

BUSINESS PRESENTATION AS A GENRE OF BUSINESS COMMUNICATION

Wang Dan

Annotation

The article deals with issues related to the study of the general specifics of the text of a business presentation in business communication in the context of genre analysis. The relevance of the topic is determined by a number of factors, including: increased interest in business communicative competence, the need to study the pragmalinguistic parameters of a business presentation as a genre of business communication, as well as the inadequate elaboration of a number of issues related to the specifics of a business presentation. The article considers a number of rules that allow to effectively organize a presentation (in particular: the rules of rationality, understanding, communication, reliability, not the use of mentoring tone, acceptance). Ethical norms and principles of presentation are given (namely: accuracy, honesty, correctness and tact, ability to listen, concreteness). Based on the analysis, the author affirms that the business presentation in the context of genre analysis has a pronounced specificity, because it is "directly or indirectly calling for action by the genre", most often to purchase products or services.

Keywords: business communication, business presentation, genre, presentation text, communicative function, norms and principles.

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с исследованием общей специфики текста бизнес-презентации в деловом общении в контексте жанроведческого анализа. Актуальность темы обуславливается целым рядом факторов, в т.ч.: повышенным интересом к деловой коммуникативной компетенции, необходимостью изучения прагматических параметров бизнес-презентации как жанра делового общения, а также недостаточной проработанностью ряда вопросов, касающихся специфики бизнес-презентации. В статье рассматривается ряд правил, позволяющих эффективно организовать презентацию (в частности: правила рациональности, понимания, общения, достоверности, не использования менторского тона, принятия). Приводятся этические нормы и принципы презентации (а именно: точность, честность, корректность и такт, умение выслушивать, конкретность). На основе проведенного анализа, автором утверждается, что бизнес-презентация в контексте жанроведческого анализа обладает ярко выраженной спецификой, поскольку является "прямо или косвенно призывающим к действию жанром", чаще всего к приобретению продукции или услуги.

Ключевые слова:

Деловое общение, бизнес-презентация, жанр, текст презентации, коммуникативная функция, нормы и принципы.

На сегодняшний день все большую актуальность приобретают вопросы, связанные с исследованием общей специфики текста бизнес-презентации в деловом общении в контексте жанроведческого анализа. Обуславливается это целым рядом факторов: прежде всего, тем, что деловое общение людей, занятых на различных производствах, в торговых и финансовых сферах и во многих других областях, играет важнейшую роль для их деятельности. Однако, как показывает практика, далеко не все бизнесмены владеют культурой и соответствующими навыками делового общения, хотя должны владеть в собственных же интересах. Зачастую это оборачивается для их деятельности неблагоприятными контрактами, всевозможными просчетами, снижением производительности, ухудшением качества выпускаемой продукции и т.д. [12, с. 5–21]. Как отмечает А. В. Морозов, успех в предпринимательской деятельности приблизительно на 15% зависит от профессиональных знаний и навыков предпринимателя и около

85% – от его умения общаться [18, с. 56–88]. Объяснение низкой деловой коммуникативной компетенции лежит в недавнем прошлом, когда в этом не было особой нужды, а, соответственно, не было основательных причин для освоения таких умений.

Сегодня, когда социальная ситуация резко поменялась, многие предприниматели просто нуждаются в соответствующей адаптации. Ее очевидность недвусмысленно подтверждается тем, что буквально за последние несколько лет вышло в свет множество книжных изданий, учебных пособий, всевозможных рекомендаций по деловому общению. Следует также отметить, что в содержании любого общения особую роль играет этика, на базе которой формируются определенные представления о человеческой природе, а также о самом себе [17, с. 10–39]. В области делового общения говорить о роли этики труднее всего, поскольку природа данных взаимоотношений основывается на утилитарном интересе. От-

сутствие такого интереса может привести к определенным трудностям в сфере бизнеса. Что, естественно, ставит данную проблему в ряд наиболее актуальных.

Одним из важнейших элементов делового общения является бизнес-презентация, позволяющая создать благоприятный образ той или иной продукции (товару). Презентация широко используется в практике делового общения и на сегодняшний день служит эффективным средством достижения бизнес-целей [20, с. 13–28]. Однако целый ряд вопросов, связанных с изучением прагматических параметров бизнес-презентации как жанра делового общения, нуждается в более тщательном анализе. Таким образом, проблематика данной работы также имеет актуальный характер: исследование специфики текста бизнес-презентации в деловом общении в контексте жанроведческого анализа достаточно актуально и представляет языковедческий интерес.

Характеризуя степень научной разработанности, следует отметить, что данная тема уже многократно исследовалась различными авторами в различных изданиях: учебных пособиях, монографиях, периодических публикациях, а также в сети Интернет. В частности, общие вопросы делового общения рассматривались в работах Т. В. Анисимовой [1], В. И. Аннушкина [2], Н. Д. Арутюновой [3], Т. Н. Астафуровой [5], О. А. Баевой [7], Л. А. Введенской и Л. Г. Павловой [10], Е. Н. Зарецкой [13], И. Н. Кузнецова [15], В. Ф. Стародубцева [22] и др. Исследованию специфики бизнес-презентации как жанра делового общения посвящены работы М. Л. Асмоловой [4], М. Аткинсона [6], Д. Вайссмана [8], С. В. Василенко [9], Е. А. Гординой [11], И. Котлера [14], Д. Лазарева [16], Нгуен Тхи Занг [19], С. Б. Ребрика [21] и др. Однако при анализе научных источников по данной тематике отмечается недостаточное количество полных исследований, относительно специфики текста бизнес-презентации в деловом общении в контексте жанроведческого анализа.

Итак, бизнес-презентация представляет собой официальное, торжественное представление вновь созданной фирмы, проекта, продукта перед СМИ, общественностью или потенциальными покупателями. В случае презентации бизнес-плана целевая аудитория включает в себя инвесторов или сотрудников фирмы. Благоприятное впечатление и более глубокое воздействие оказывает презентация, которая проходит в хорошем темпе, в выразительной, энергичной и полной энтузиазма манере [21, с. 30–47]. Основная цель презентации – убедить в том, что презентуемая продукция самая необходимая и наиболее качественная, или, что проект реально успешен и стоит внимания инвесторов или сотрудников. Иными словами, презентация представляет собой опре-

деленный вид деятельности, направленный на разрешение тех или иных вопросов в рамках межличностного взаимодействия. Презентация – это часть нашей повседневной жизни, основное средство, которое позволяет представить другим людям то, что для нас ценно и важно [8, с. 20–47].

На сегодняшний день трудно себе представить компанию, которая не использовала бы данное средство. Кроме основной своей функции – представления продукции, компании, проекта – бизнес-презентация выполняет и коммуникативную функцию [16, с. 95–118], т.е. она способствует обмену позициями, точками зрения и информацией. В связи с этим мы можем говорить о единой информационно-коммуникативной функции. Несмотря на характер и тип делового общения данная функция в обязательном порядке в той или иной степени присутствует в любой презентации. Успешная презентация – это не только взаимовыгодное предложение, но и совместная деятельность, в которой нужно считаться с интересами других людей, с их видением проблемы, в целом с их отношением к продукции, компании, проекту. Иными словами, успешность презентации зависит от того, насколько верно сформировано представление о других людях.

Таким образом, презентация – это определенная взаимосвязь между людьми, предназначенная для формирования у аудитории определенных представлений. Так, для более эффективной организации презентации, американские специалисты предлагают придерживаться следующих правил [6, с. 160–187]:

1. Правило рациональности (во время презентации нужно вести себя сдержанно; эмоции, которые не удается контролировать, отрицательно влияют на деловое общение);
2. Правило понимания (невнимание к презентации ограничивает возможности формирования взаимоприемлемых решений);
3. Правило общения (если аудитория не проявляет большой заинтересованности, все же необходимо постараться привлечь ее внимание; все это даст возможность не потерять связь с ней);
4. Правило достоверности (любая ложная информация ослабляет силу аргументации, а также отрицательно сказывается на репутации);
5. Правило не использования менторского тона (в ходе презентации недопустимо поучать аудиторию; единственный допустимый метод – убеждение);
6. Правило принятия (в ходе презентации необходимо стараться "принимать" аудиторию и быть открытым для нее).

С точки зрения жанрового своеобразия бизнес-презентация представляет собой лингвориторический жанр

делового общения и является комплексным речевым жанром, который представляет собой систему простых речевых жанров, целостность которых определяется композиционной оформленностью [19, с. 161–190]. Жанр бизнес-презентации основывается на взаимосвязанных и взаимообусловленных элементах, которые и реализуют функцию речевого воздействия. При этом текст бизнес-презентации обладает риторической природой, что, в свою очередь, предопределяет возможности его моделирования с применением инструментария, базирующегося на особенностях данного речевого жанра. В презентации используются как рациональные, так и эмоциональные аргументы, которые определяют специфику воздействия на аудиторию [16, с. 71–98]. Выступающий, как правило, обращается только к положительным эмоциям, поэтому отрицательные коннотации в тексте рассматриваемого жанра практически не встречаются. Жанр бизнес-презентации, как отмечает Нгуен Тхи Занг, обладает широким спектром языковых возможностей, среди которых можно выделить: языковую игру, положительно-окрашенную эмоционально-оценочную лексику, насыщенность текста аллюзиями, метафорами, эпитетами, частое использование местоимений 2-го лица, динамичность текста за счет употребления глаголов и отглагольных форм [19, с. 161–190].

Результат презентации во многом определяется умением формулировать текст самой бизнес-презентации, а также соблюдением сторонами целого ряда этических норм и принципов, а именно: точности, честности, корректности и такта, умения выслушивать (внимание к чужой позиции), конкретности [14, с. 35–60]. Так, например, точность – это одна из важнейших этических норм, характеризующих деловое общение (представление продукции, компании, проекта должно быть точным и ясным, иначе презентация не вызовет у аудитории должного эффекта). Честность подразумевает не только верность всем принятым обязательствам, но и искренность в общении с аудиторией, прямые деловые ответы на вопросы. Корректность и такт не исключают напористости и активности в проведении презентации, естественно, при соблюдении определенной корректности (необходимо избегать факторов, мешающих ходу презентации, в частности: раздражения, выпадов в сторону аудитории,

некорректных высказываний и т.д.). Умение выслушивать положительно сказывается на ходе и результатах презентации (нужно всегда "слышать" свою аудиторию, ни в коем случае не перебивать говорящего). Конкретность – это важнейшая составляющая любой презентации (необходимо формулировать текст презентации таким образом, чтобы он содержал только конкретику (не был отвлеченным), включал в себя факты, расчеты, статистику, схемы, документы, прогнозы и т.д.).

Кроме того, на результаты презентации влияет довольно много факторов, к ним можно причислить: восприятие, эмоции, разные точки зрения среди "слушателей" и т.д. Поэтому весьма важно перед проведением презентации постараться выяснить образ мысли, точки зрения, и в целом позиции аудитории, что, бесспорно, будет способствовать успешному проведению презентации [4, с. 119–130]. Также необходимо обратить внимание выступающему на свои эмоции, перед презентацией постараться освободиться от чувства неуверенности, страха перед возможными спорами. Презентация пройдет в положительном ключе, если выступающий будет говорить доброжелательным и вежливым тоном. Следует отметить, что большинство речей на бизнес-презентациях, как правило, обращены к эмоциональной стороне аудитории и призваны возбуждать конкретные чувства [19, с. 161–190]. В ходе презентационной речи аудитория получает некий эмоциональный заряд, выступающий стремится сформировать позитивное чувство по поводу новой продукции, проекта, компании, способных изменить жизнь в лучшую сторону.

Таким образом, бизнес-презентация в контексте жанроведческого анализа обладает ярко выраженной спецификой, поскольку является "прямо или косвенно призывающим к действию жанром", чаще всего к приобретению продукции или услуги. Риторическая специфика презентации дает возможность рассматривать ее как пограничное для делового дискурса явление, которое находится на пересечении с рекламным дискурсом. Подтверждением того, что бизнес-презентация является жанром делового общения можно считать его диалогичность (имплицитную и эксплицитную) и ситуативность, которые и определяют адекватное понимание речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Т. В. Типология жанров деловой речи (риторический аспект) // Автореф. диссер. ... докт. филолог. наук. – Краснодар, 2000. – 46 с.
2. Аннушкин В. И. Риторика и дипломатия: образ оратора в диплом. речи // Теория и практика преподав. русск. словесности. – М., 1996. – Выпуск 3. – С. 143–152.
3. Арутюнова Н. Д. Жанры общения. Текст // Человеческ. фактор в языке. Коммуник., модальность, дейксис. – М., 1992. – С. 53–57.
4. Асмолова М. Л. Искусство презентаций и ведения переговоров // Учебн. – М.: ИНФРА, 2010. – 246 с.
5. Астафурова Т. Н. Лингвистические аспекты межкультурных деловых коммуникаций. – Волгоград: Издат. ВолГУ, 1997. – 107 с.

6. Атkinson М. Выступать легко. Все, что вам нужно знать о речах и презентациях / Перев. с англ. – М.: "Альп. Пабл.", 2010. – 292 с.
7. Баева О. А. Ораторское искусство и деловое общение. – Минск: "Новое знание", 2001. – 327 с.
8. Вайссман Д. Мастерство презентаций. – М., 2004. – 287 с.
9. Василенко С. В. Эффектная и эффективная бизнес-презентация // Практич. пособ. – М.: "Дашков и Ко", 2009. – 135 с.
10. Введенская Л. А., Павлова Л. Г. Деловая риторика // Учебн. пособ. для ВУЗов. – Ростов н/Д: "Март", 2001. – 511 с.
11. Гордина Е.А. Эффективное проведение презентаций // Учебн. пособ. – Новосибирск: НГУЭУ, 2005. – 74 с.
12. Деревецкий А. Переговоры особого назначения. – СПб.: "Питер", 2006. – 31с.
13. Зарецкая Е. Н. Деловое общение // Учебн. в 2-х т. – М.: "Дело", 2008. – 705 с.
14. Котлер И. Успешная презентация. – М.: "ОЛМА", 2003. – 65 с.
15. Кузнецов И. Н. Деловое общение (3-е изд.) // Учебн. пособ. – М.: "Дашков и Ко", 2009. – 527 с.
16. Лазарев Д. Продающая презентация. – М.: "Альп. Пабл.", 2010. – 165 с.
17. Мальханова И. А. Деловое общение (4-е изд.) // Учебн. пособ. – М., 2001. – 220 с.
18. Морозов А. В. Деловая психология // Курс лекций. – СПб., 2000. – 576 с.
19. Нгуен Тхи Занг. Бизнес-презентация как жанр делового общения // Диссер. ... кандидат. филолог. наук. – М., 2012. – 297 с.
20. Прохорова И. С. Бизнес-презентация инновационных проектов // Консп. лекций для студ. специальн. "Управления инновац.". – ГУУ, 2010. – 92 с.
21. Ребрик С. Б. Презентация: 10 уроков. – М.: "Эксмо", 2004. – 198 с.
22. Стародубцев В. Ф. Деловое взаимодействие: путь к успеху (пробл. межкультур. коммуник. в сфере бизнеса и предпринимат.). – М.: "Экономик", 2007. – 302 с.

© Ван Дань, (innawang1991@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Международная выставка IMPC-EXPO2018 добыча и переработка минерального сырья.

Эффективные технологии – ключ к успешному обогащению
полезных ископаемых

Тематические направления выставки:

- Предприятия горнодобывающей и металлургической промышленности.
- Предприятия нефтяной и газовой отрасли и золотодобывающие компании.
- Производители и поставщики машин и оборудования для горной промышленности, шахт, горно-обогатительных комбинатов.
- Технологии, оборудование и приборы для обработки и обогащения полезных ископаемых.
- Геология и геофизика: оборудование, научные исследования, информационные системы.
- Научно-производственные центры, исследовательские и проектные институты.
- Экология. Охрана окружающей среды, экологический мониторинг полезных ископаемых.

Организаторы:

Спонсоры:

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЖЕРТВЕННОГО РИТУАЛА В ДИСКУРСЕ ЧЕЛОВЕКА МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

ANTHROPOLOGICAL DIMENSION OF SACRIFICIAL RITUAL IN DISCOURSE OF MAN OF MYTHOPOETIC EPOCH

M. Voronkina

Annotation

The point of issue of the paper is the discourse corresponded to the ritual of the Mythopoetic Epoch. The topicality of the research question conditioned by the importance of the study of the mythological mindset that does not lose edge nowadays. The work aims a full-scale reconstruction of the discourse represented in the texts of the ritual and mythological tradition. The research approach is in the special study of such texts in terms of communicative strategies in the pragmatic aspect.

Keywords: discourse, pragmatics, ritual, communication, sacrifice, the Mythopoetic Epoch.

Воронкина Маргарита Алексеевна

К.ф.н., доцент,

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону

Аннотация

Предметом рассмотрения статьи является дискурс, соотносимый с ритуалом мифопоэтической эпохи. Актуальность определяется важностью исследования мифопоэтического сознания, не утратившего значения и в наши дни. Целью работы является комплексная реконструкция дискурса, представленного в текстах ритуально-мифологических традиций. Подход к исследованию состоит в рассмотрении этих текстов с точки зрения коммуникативных стратегий в прагматическом аспекте.

Ключевые слова:

Дискурс, прагматика, ритуал, коммуникация, жертвоприношение, мифопоэтическая эпоха.

Мифопоэтическая эпоха – период расцвета культурной традиции, характеризующейся мифом как доминирующим типом познания действительности и ритуалом как основным источником этого познания. Начало эпохи хронологически близко появлению первых цивилизаций Древнего Востока. Нашедшее воплощение в ритуальном дискурсе мифологическое сознание связано с наиболее древним типом восприятия реальности и не только утратило своего значения в наши дни, но и заслуживает особого внимания ввиду нацеленности на него современных манипулятивных техник.

Источником наших знаний о предмете являются письменные памятники эпохи и отражённая в них речевая практика ритуала, позволяющая воссоздать не только мифопоэтическую картину мира, но и представления человека о своём месте в мире, о характере взаимоотношений с положенной во вне реальностью.

Представляется, что предметом внимания при обращении к ритуальному дискурсу должна быть не только отражённая в нём система представлений о действительности, но и сам характер ритуальной речевой деятельности, приписываемые ей традицией возможности,

её прагматика. Реконструкция таковых и составляет цель исследования.

Значительная роль в исследуемой практике отводилась человеком мифопоэтической эпохи слову как инструменту магического воздействия на действительность. Обращают на себя внимание заклинательные интенции вербальной деятельности ритуала. При этом адресатами такого рода воздействия нередко становятся, даже неодушевлённые, с точки зрения современного человека, объекты. В интеракции с ними заметны, однако, те же приёмы, что и в коммуникации с людьми [см. З, с. 361–376]. В ритуальных текстах распространено обращение к заклиняемому объектам во втором лице нередко в форме вокатива: о дерево, о яма, о топор и пр. Широко используются фатические элементы, назначение которых видят не только в попытке поддержать диалог, но и оказать влияние на адресата. Большинство заклинаний представлены в желательном или повелительном наклонении, что также свидетельствует об интенциях говорящего. Вообще, заклинательную, или магическую, функцию речи нередко рассматривают как разновидность призывно-побудительной [см., например, 10]. Разумеется, объектом заклинания становятся не только вещи, но и люди и даже боги и внешние природные силы.

Моделирование действительности при помощи слов – это особая магическая практика, что эксплицируется в соотносимых с исследуемым дискурсом текстах, например, в гимнах Ригведы.

Сравните гимн "Против соперников":

*Я пришёл как победитель
Со способностью всё творить*

(X, 166.4) [Цит. по 7].

Эта вербальная деятельность предполагает неконвенциональную трактовку языкового знака, представлению о слове как о части предмета. Магическая функция ритуальной речи свидетельствует о переживании уникальности объекта заклинания. Имя такового мыслится как уникальное, *poten prorgium*, а не как маркирующее принадлежность к классу предметов. Номинация предметов в ритуале задействует воссоздание их чувственного образа, что приравнивается их творению – основному сюжету действия, составляющему его прагматику. На это указывают и типичные для многих ритуально-мифологических традиций представления об акте творения с помощью слова и некоего ментально-аффективного усилия. Сравните сотворение мира при помощи слова в древнеегипетской мифологии Птахом, в древнеиндийской – Праджапати, в исламе – Аллахом посредством животворящего слова Кун 'будь', в евангелии от Иоанна – богом посредством слова Бог и мн. др.

Было бы, однако, сильным упрощением сводить ритуальный дискурс к заклинательному воздействию на объекты действительности. Как отмечалось, основной прагматикой ритуала являлась реактуализация космогонического акта, чего требовала ежегодно приходящая в упадок вселенная. При этом человек сознавал себя субъектом миротворения и поддержания вселенского универсума в гармонии.

При описании ритуала справедливо обращают внимание на его эвристическую направленность. Действительно, в ритуале формируется, верифицируется и обновляется картина мира. При этом основное внимание уделялось наиболее общим вопросам бытия. Интересом пользовались "наиболее глубокие и сакральные смыслы, имеющие отношение к высшим ценностям мира, прежде всего к его происхождению, составу и порядку его частей, к их связи с человеком" [5, с. 15].

Познание в ритуале чувственно насыщено, интуитивно и образно. Объекты действительности не только наделяются смыслами, но прежде всего переживаются [см. 2, с. 42–43]. При этом мир осваивается, а впоследствии и обозначается в ощущениях собственного "я". Пользуясь выражением В.Н. Топорова, "человеческие" структуры и схемы часто экстраполируются на среду, которая описывается на языке антропоцентрических понятий" [8, с. 161].

Признание изоморфизма объектов вещного мира познающему субъекту оказывается инвариантом ритуальной когниции во многих культурах, что находит отражение в целом классе текстов, посвящённых отождествлению частей тела человека с внешними объектами действительности: глаз – солнце, дыхание – ветер, волосы – растения, кровь – вода и пр. Действие того же принципа заметно и в повсеместно распространённой антропоморфизации объектов неживой природы в поэтическом дискурсе (ср. Уж небо осенью дышало... А.С. Пушкин), в соматических, или телесных, метафорах и таких привычных нам обозначениях, как, подножие горы, устье реки, лоно земли, горный хребет, и пр.

Результаты ритуальной когниции используются в ритуальной космогонии. Знание соответствий между частями тела и внешними (космическими) объектами – необходимое условие достижения основной цели ритуала – преодоления нарастающей энтропии. Здесь на первый план выходит упорядочение элементов мироздания для достижения контроля.

Центральное событие ритуала, его, пользуясь выражением В.Н. Топорова, "скрытый нерв" составляет исполненный глубокого символического смысла жертвенный акт. Жертвоприношение реактуализирует космогонию посредством упорядочения элементов универсума и символизирует преодоление хаоса. Успех магического действия достигается не только благодаря знанию соответствий между компонентами создаваемого универсума и частями изоморфной ему жертвы, но и установлением порядка этих элементов, ибо этот порядок воссоздаёт "грамматику" мира.

В ряде своих работ В.Н. Топоров проявляет интерес к фигуре некоего "грамматика", который в поздних ритуальных традициях нередко входил в число жрецов. Примечательно сходство между действиями "грамматика" и совершающего жертвоприношение жреца: "Оба они расчлениют, разъединят первоначальное единство, идентифицируют разъединённые его части, то есть опеределают их природу через установление системы отождествлений (в частности, с элементами макро- и микрокосмоса)..." [9, с. 21].

Ещё одно совпадение – общность задач: победа над хаосом на словесном и вещном уровнях. Устанавливая порядок элементов "грамматик" создаёт "...образ мира в слове явленный", подобно жрецу, который в ритуале строит (в частности с помощью слов) сам этот мир. И тот и другой контролируют этот мир, делая всё, чтобы, преодолев энтропические тенденции, сохранить смысл мира (и языка как образа мира), развить и усилить его" [9, с. 21].

Таким образом, космогония предполагает не только приведение разрозненных частей мироздания в поря-

док, но и произнесение соответствующих "упорядочивающих" их формул над жертвой, разумеется, с заклинательной интенцией. Сравните: "Твоя спина – небо, твоё местопребывание – земля, твоё дыхание – воздушное пространство, твой источник рождения – море, твой глаз – солнце, твоё ухо – луна, твои сочленения – месяцы и половины месяцев и т.д." (Тайттирия самхита V, 7, 25). Таким образом, объектом заклинания становится жертва как эквивалент вселенной.

Коммуникативная ситуация, прагматика речевого действия, как известно, диктует и форму вербального воплощения и даже паралингвистическое сопровождение, адекватные речевым интенциям, в данном случае воздействия на объект заклинаний. Неудивительно, что стиль ритуальных текстов суггестивен, они апеллируют не столько к сознанию, сколько к эмоциям, переживаниям [см. 4, с. 106–109]. Для них характерны частые повторы, для полной реализации замысла магического превращения широко используется полисемия, скрытые, подразумеваемые значения, аллюзии, "игра слов". Так, в Веде слово brahman (брахман) может использоваться в значениях: 'благочестие', 'благочестивая жизнь', 'брахма, мировая душа, божественная субстанция', 'священное знание, Веда'. Gharma одновременно

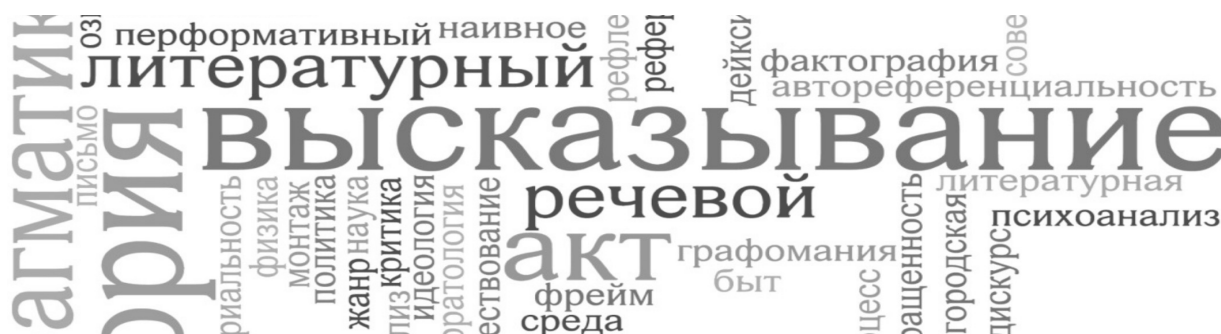
обозначает и 'солнечный зной', и 'котелок на огне', и 'горячее молоко' для Ашвинов. Payas – 'коровье молоко', 'дождь', 'сок сомы'. Примечательно, что наибольшее количество значений имеют слова, "кодирующие ключевые понятия модели мира" [6, с. 33].

Итак, ритуал – уникальное явление, представлявшее место встречи ограниченного человеческими мерками онтологического бытийного измерения с безграничным феноменологическим измерением высших смыслов и ценностей. В нём происходило становление и развитие человека как части мироздания. Человек мифологической эпохи полагал себя субъектом космогонии, магически переносящим собственный микрокосм на вселенский универсум. Прагматикой действия полагалось установление порядка, приведение мира к гармонии. Применительно к целям ритуальной практики особый смысл приобретают слова Мартина Бубера: "Космос существует для человека лишь тогда, когда вселенная становится для него домом, со священным очагом, у которого он совершает жертвоприношения" [1, с. 61–62].

Сделанные наблюдения позволяют охарактеризовать мифопоэтический дискурс как особый вид дискурса, адекватный характеру и целями ритуальной практики эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бубер М. Я и Ты. / пер. с нем. Н. Файнгольда. М., Высшая школа, 1993. – 177 с.
2. Воронкина М.А. Когнитивные особенности отождествления в ритуале мифопоэтической эпохи // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. №4. С. 39–44. DOI: 10.20916/1812–3228–2017–4–39–44.
3. Воронкина М.А. Коммуникативное взаимодействие в архаическом ритуале жертвоприношения (на языковом материале "Яджурведы") // Ритуал в языке и коммуникации. 2013. М.: Издательство РГГУ. С. 361–376.
4. Воронкина М.А. Речевые и коммуникативные аспекты ритуальной практики (на материале ведийских текстов). Ростов–на–Дону: Издательский центр ДГТУ, 2013. – 145 с.
5. Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. О ведийской загадке типа brahmodya // Паремнологические исследования. Сб. статей. М.: Наука. Гл. ред. вост. литературы, 1984. С. 14–46.
6. Елизаренкова Т.Я. Язык и стиль ведийских риши. М.: Наука: Восточная литература, 1993. – 315 с.
7. Ригведа. [В 3 т.] / Пер. Т.Я. Елизаренковой. (Серия "Литературные памятники"). М.: Наука, 1989–1999.
8. Топоров В.Н. Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 2. С.161–166.
9. Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: Наука, 1988. С. 7–60.
10. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против": Сборник статей. М., 1975. С. 193–230.

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОМ АРХЕТИПЕ В.С. ВЫСОЦКОГО

THE ISSUE OF GENRE AND THE ARCHETYPE OF V.S. VYSOTSKY

E. Gileva

Annotation

The study is devoted to search of genre archetype in the poetic works of Vladimir Vysotsky. Special attention is paid to the author's concepts of ballads and romances, the semantic relationship of genre dominant in the works of the poet is set by image of the lyric hero.

Keywords: genre, genre archetype, the ballad, the romance, the poetry of V. S. Vysotsky.

Гилева Екатерина Валерьевна

*К.филол.н., доцент, Новосибирский
государственный технический университет,
Сибирский государственный университет
телекоммуникаций и информатики*

Аннотация

Исследование посвящено поиску жанрового архетипа в поэтическом творчестве В.С. Высоцкого. Особенное внимание уделяется рассмотрению авторских концепций баллады и романса, устанавливается семантическая связь жанровой доминанты в произведениях поэта с образом лирического героя.

Ключевые слова:

Жанр, жанровый архетип, баллада, романс, поэзия В.С. Высоцкого.

Жанровая организация поэзии Высоцкого исследуется давно. Так еще в 1994 г. была защищена диссертация Н.М. Рудник [13], полностью посвященная специфике преломления балладного жанра в поэзии Высоцкого. Есть статьи, посвященные традициям ямщицкой и блатной песен, басни, притчи и др. жанров в творчестве поэта. Мы сосредоточим своё внимание на балладах и романсах Высоцкого.

I

Формально к жанру баллады можно отнести большую часть творческого наследия поэта с учетом разных жанровых разновидностей (криминальная баллада, бытовая баллада и т.д.). Как пишет Н.М. Рудник: "Баллада – некая константа художественного мира поэта", соответствующая "синкретической природе дарования Высоцкого" [13, с.18]. По словам Л.А. Левиной, "имея в виду самые общие признаки литературной баллады: сюжетность, повествовательность в сочетании с обязательным драматическим элементом (хотя бы в простейшей форме минимально выраженного диалога), балладами можно считать такое количество произведений, что границы применения термина расширяются почти до утраты им смысла" [7, с.23]. Данную ситуацию иллюстрирует, например, статья И. Сухих "На разрыв аорты (1960 – 1980. Песни-баллады В. Высоцкого)" [14], где исследователь говорит о "блатных, дворовых песнях" как о балладах, о "бытовых балладах", о "балладной романтике" и т. д.

Нас же в данной статье будут интересовать те произведения Высоцкого, которым поэт сам дал жанровое оп-

ределение "баллада". Отсутствие такового у других произведений поэта, формально относящихся к жанру баллады, свидетельствует о том, что в авторском сознании они или не были осознаны как баллады, или же их жанровая сущность была поэту не столь важна. Если мы откажемся от данного принципа, то неизбежно будем вынуждены подтвердить ситуацию, констатированную в упомянутой выше статье Л.А. Левиной.

Наиболее близка и важна для нас недавняя обстоятельная статья С.В. Уваровой [16], также посвященная "Балладам" Высоцкого. Автор последовательно анализирует каждую из них, пытаясь обнаружить признаки баллады и сформулировать представление о "балладе Высоцкого". Отмечая, что аудиторией Высоцкий воспринимается преимущественно как "балладный" поэт, С.В. Уварова находит причину этого в том, что ""балладность" Высоцкого – это присущий ему этический императив по отношению к слушателю" [16, с.110]. Не повторяя множества важных тезисов С.В. Уваровой, попытаемся дополнить исследовательскую традицию собственными размышлениями.

Итак, в интересующую нас группу произведений входят тринадцать текстов: "Баллада о цветах, деревьях и миллионерах" (1968), "Баллада о брошенном корабле" (1971), "Баллада о бане" (1971), "Баллада о гипсе" (1972), "Баллада о короткой шее" (1973), "Баллада о маленьком человеке" (1973), "Баллада о Кокильоне" (1973), "Баллада о манекенах" (1973), "Баллада об ору-

жии" (1973), "Баллада об уходе в рай" (1973), "Баллада о детстве" (1975), "Баллада о любви" (1975), "Баллада о борьбе" (1975).

Названия произведений в статье приводятся по изданию [2]. Мы вынуждены признать, что названия могут не соответствовать авторской задумке. В автокомментариях "балладами" назывались некоторые песни, жанровое определение которых не было отражено ни в рукописях, ни в изданиях. С.В. Уварова пишет: "По словам Высоцкого, песня "Бег иноходца" мыслилась им как часть "песенной поэмы... из многих... баллад про лошадей"... замысел остался невоплощённым и ... наименование "баллада" не закрепилось" [16, с.100]. По предположению А.В. Скобелева, подобная проблема существует не только в связи с "Балладами" Высоцкого, но и при разговоре о его "Романсах".

Даже поверхностного взгляда на эти произведения достаточно, чтобы обнаружить, что жанр баллады у Высоцкого получает довольно разнородное наполнение как в плане формы, так и в плане содержания.

При этом уместно обратиться к высказыванию Ю.Н. Тынянова: "Мы все еще сохраняем отношение к жанрам как к готовым вещам. Поэт встает с места, открывает какой-то шкаф и достает тот жанр, который ему нужен. Каждый поэт может открыть этот шкаф. И мало ли этих жанров, начиная с оды и кончая поэмой. Должно обязательно хватить на всех" [15]. При размышлении о жанре очевидно, что, во-первых, соотношение произведения с жанром – сложный процесс, причем в новейшей поэзии авторское жанровое определение может быть в немалой степени условным, а во-вторых, развитие художественной литературы неизбежно связано с изменением жанровых границ, следствием чего является постоянная трансформация жанрового канона, если таковой признать существующим. Тот же Ю.Н. Тынянов утверждал: жанр "не задают, а осознают как направление слова" [15].

Итак, обратившись к анализу "Баллад" Высоцкого, мы попытаемся выяснить суть, которую поэт сам вкладывал в жанр баллады.

Основной массив "Баллад" Высоцкого в плане содержания четко распадается на две группы. Назовем их условно "баллады утверждения" и "баллады отрицания". К первой группе будут относиться "Баллада о брошенном корабле" (1971), "Баллада об уходе в рай" (1973), "Баллада о любви" (1975), "Баллада о борьбе" (1975). Эти произведения представляют собой лирические монологи, субъект повествования в них близок к автору. Заголовочные комплексы и круг мотивов высвечивают концентрированно поданные концептуальные в художественном мире Высоцкого аксиологически значимые образы: лю-

бовь, военная романтика детских игр (образ героя-воина), уход в рай, брошенный корабль (мотив предательства). Каждое из произведений этой группы содержит серьезное этическое утверждение. "Баллады утверждения" в художественном мире Высоцкого повествуют о рождении должного мира (гармоничного социума) и должного человека (инициация воина).

Группа "баллад отрицания" состоит из в различной степени иронически окрашенных монологических произведений: "Баллада о бане" (1971), "Баллада о гипсе" (1972), "Баллада о короткой шее" (1973), "Баллада о маленьком человеке" (1973), "Баллада о Кокильоне" (1973), "Баллада о манекенах" (1973), "Баллада об оружии" (1973), "Баллада о детстве" (1975). Данный комплекс стихотворений представляет собой сюжетную репрезентацию целого ряда оценочных мотивов, декларированных поэтом в произведении "Я не люблю" (1969): "Я не люблю, когда стреляют в спину, // Я также против выстрелов в упор" – "Баллада об оружии"; "Я не люблю уверенности сытой" – "Баллада о манекенах"; "Досадно мне, что слово "честь" забыто // И что в чести наветы за глаза" – "Баллада о короткой шее" и т.д.

Нам видится два основных историко-литературных истока избрания жанра баллады для данной цели в художественном мире поэта; эти истоки объединяют в творчестве Высоцкого две балладных традиции – французскую и немецкую ("сращение" двух традиций у Высоцкого отмечал еще в 1995 г. Ю.В. Шатин [18, с.7]). Об этих традициях писал Н. С. Гумилев: "История литературы знает два типа баллад – французской и немецкой. Французская баллада – это лирическое стихотворение с определенным чередованием многократно повторяющихся рифм. Баллада германская – небольшая эпическая поэма, написанная в несколько приподнятом и в то же время наивном тоне, с сюжетом, заимствованным из истории, хотя последнее не обязательно" [4, с.247]. Данный тезис – традиционное начало размышлений о жанре баллады вообще.

Мифогенный потенциал содержат обе жанровые традиции. "Сюжет [немецкой – Е.К.] баллады нередко пугающе страшен и открывает читателю тайны мироздания" [12]. Французская же традиция восходит к средневековой куртуазной лирике, к рыцарской литературе, что в свете абсолютизации любви в художественном мире Высоцкого [5] приобретает особую значимость.

Традиция средневековых трубадуров и миннезингеров дает предпосылки для предположения общей сути двух видов баллад Высоцкого – "баллад утверждения" и "баллад отрицания". Иронически окрашенные "баллады отрицания" подразумевают шутовскую модель поведения субъекта повествования. Б.К. Отто в своей монографии по истории шутовства неоднократно упоминает о много-

численных имевших место в истории и сохранившихся в культурной памяти сближениях образов и функций шутов с образами и функциями трубадуров [10, с. 38, 41–42, 341 и мн. др.].

Русская поэтическая традиция, ориентированная на форму французской баллады (В. Брюсов, М. Кузмин, Н. Гумилев И. Тихонов, Б. Пастернак; позднее – А. Вознесенский), практически нивелировала присущую жанру песенность. Возрождение музыкального начала жанра баллады принадлежит в числе прочих Высоцкому (а также чуть ранее – А. Галичу, а позднее – А. Башлачеву, Б. Гребенщикову и др.).

Если говорить о формальном каноне французской баллады, то в русской литературе задолго до появления Высоцкого обнаружился явные тенденции к их несоблюдению. Прежде всего здесь стоит упомянуть первую главу поэмы "Про это" В.В. Маяковского, "Балладу Редингской тюрьмы", где слово "баллада" приобретает значение не столько жанрового определения, сколько служит тематическим маркером: "Немолод очень лад баллад, // но если слова болят // и слова говорят про то, что болят, / молодеет и лад баллад". В некотором смысле этот фрагмент в контексте поэтики Высоцкого является и определением жанра баллады: "если <...> слова говорят про то, что болят". У Маяковского же проявляется и стремление к сакрализации жанра в пределах своей творческой палитры, к приданию балладе особого статуса. "Баллады" Высоцкого в концентрированном виде содержат практически все ценностные мотивы поэта и задают основные направления его эстетического поиска.

Особое место среди "Баллад" занимает самая ранняя – "Баллада о цветах, деревьях и миллионерах" (1968), актуализирующая традицию низовой литературы, что вполне согласуется с доминирующей поэтикой раннего периода творчества Высоцкого.

II

В истории русской литературы существует две основных романских традиции, окончательно сформировавшихся во второй половине XIX века – "камерный романс", восходящий к усвоенной при Петре I западноевропейской традиции галантных любовных песен [19, с.4]; и развивавшийся в рамках низовой культуры городской романс, восходящий к фольклоризуемой литературной песне XIX в., истоки которой в свою очередь обнаруживаются в светских псалмах XVI – XVII в. (светские кантахи) и российской песне XVIII в. (сельской песне к. XVIII – н. XIX в.) [9].

Что касается творческого наследия Высоцкого, то жанровое определение "романс" в заголовочном комплексе поэт дал лишь четырем своим произведениям: "Городской романс" (1968), "Романс" ("Было так – я лю-

бил и страдал...", 1968), "Романс" ("Она была чиста как снег зимой...", 1970), "Романс миссис Ребус" (1973).

Три последних принадлежат традиции "камерного романса" и являются в разной степени удачными попытками воспроизведения этого жанра. В качестве устойчивых черт романса у Высоцкого прочитываются тема несчастной любви, осознаваемая поэтом архаичность жанра (отсюда – "ея письмо"), его возвышенность ("королева грез моих", "от предчувствия кончины", "освобождаясь от дурмана", "идолам обмана") и акцентированная сентиментальность ("я оставляю позади, // Под этим серым неприглядным небом, // Дурман фиалок, наготу гвоздик // И слезы вперемешку с талым снегом") или гипертрофия любовного переживания ("к следам ее губами мог припасть я", "я струны рву, освобождаясь от дурмана") при сохранении неторопливой лирической интонации ("...значительная часть любовных песен (наиболее искусных) сопровождалась пометами "на голос миновета" или "голос отменно нежной"" [19, с.5]). На основе исследования лингвостилистических особенностей русского романса В.К. Харченко и Е.Ю. Хорошко предлагают следующее жанровое определение, целиком подходящее к трем "Романсам" Высоцкого: "Романс – небольшое музыкально-поэтическое произведение, обычно посвященное воспоминанию о встрече, любви, переживанию разлуки с любимым, произведение, становящееся эмоциональным знаком сильных и благородных чувств, а в языковом отношении характеризующееся обилием вопросительных и отрицательных конструкций, романсных императивов, обращений, слов, называющих и выражающих эмоции" [17, с.7].

Интересен в жанровом отношении "Романс" ("Она была чиста как снег зимой...", 1970), наименее удачная среди романсов Высоцкого попытка создания образца классического романса, представляющий своеобразную контаминацию "камерного" и городского романсов. Текст этого произведения стилистически очень ритмичен, скомпонован из нарочито современных и архаичных фрагментов. Можно предположить его пародийный характер и нечеткое авторское восприятие границ разных видов романса, тем более, что обе указанные разновидности равно принадлежат сфере массовой культуры [17, с.3].

В "Городском романсе" (1968) Высоцкого также прослеживается влияние "камерного" романса. Прежде всего, из числа других произведений поэта с уголовной тематикой данный романс выделяется характерным для "камерного" романса трехстопным размером и идеализацией образа возлюбленной, которая наблюдается в начале.

Поэзии Высоцкого близок жанр именно городского романса. Не смотря на то, что мы находим его в заголо-

вочном комплексе лишь одного произведения – "Городской романс" (1968), встречается он в творческом наследии поэта намного чаще.

III

Мы уже отмечали, что среди других "Баллад" Высоцкого "Баллада о цветах деревьев и миллионерах" (1968) занимает особое место. Сюжет ее типичен для русского городского романса, а ритмическая организация повторяет знаменитую песню "Маруся отравилась"; объединение лирического и иронического начал и указание на социальную среду героини отсылает к "Парижу" ("Не смотрите вы так сквозь прищур своих глаз..."); а образ "Розы гимназистки" – вероятно, поклон известному "Шарабану" с его героиней – "гимназисткой седьмого класса". От произведений, отнесенных поэтом к жанру романса, данное произведение отличается отсутствием возвышенной интонации, которая, по всей вероятности, была для Высоцкого определяющей характеристикой жанра романса. Баллада же осознается поэтом как форма, предназначенная для заполнения основополагающими этическими установками. В этом смысле показательным является год появления первой "Баллады" – 1968, отмечающий начало "зрелого" периода в творчестве Высоцкого (программная "Охота на волков" создана в том же году). Так "Баллада о цветах, деревьях и миллионерах" подводит итог раннему периоду творчества, в концентрированном виде выражая стратегическую линию развития поэтики Высоцкого до 1968 г.

Кроме того, важно отметить, что тенденция к слиянию традиций французской и немецкой баллады, а также разработка жанра баллады с обращением к криминальной песенной традиции обнаруживается еще в творчестве Б. Брехта, чья поэтика сыграла немалую роль в формировании художественных установок Высоцкого. Также, если граница жанров баллады и "камерного" романса очевидна, то, вспоминая тот же обладающий явной сюжетностью и драматическими элементами "Городской романс" (1964) Высоцкого, нельзя не задуматься о тождестве здесь жанров баллады и городского (жестокое) романса. С. Ю. Неклюдов в одной из своих статей рассуждает о балладах и городском романсе как о едином массиве произведений [9].

IV

Говоря о творчестве Высоцкого в целом, нам кажется целесообразным, придерживаясь предложения С. Гардзонио вслед за Л.И. Левиным выделять "гибридный жанр "русского шансона", где сочетаются разные жанры русской песенной традиции, от стилизованной блатной лирики, до новой аранжировки традиционных каторжных песен и советской дворовой песни, до эстрадного переделывания авторской песни или имитации французского и заокеанского шансона" [3]. При этом жанр русского шансона понимается не как эстрадный, а как литератур-

ный, подобно тому как в Древней Руси гипержанром являлась летопись, объединяя внутри себя более мелкие жанровые образования.

В то время, когда Высоцкий жил и творил, жанра русского шансона как такового еще не существовало, он сложился преимущественно в последние двадцать пять лет, поэтому отнесение к нему творчества Высоцкого в немалой степени условно.

Жанр русского шансона для поэзии Высоцкого наиболее гармоничен, и для того, чтобы говорить о ней в целом и Высоцком как явлении русской культуры и литературы, без этого "гибридного", комплексного гипержанра, объединяющего единую картину мира и системой ценностей множество жанров более мелких, не обойтись. Эта шансонная "гибридность" причастна и полистилевой, эклектичной, многотемной и многожанровой песенной поэзии Высоцкого. Этим Высоцкий выделяется и из числа своих современников, что позволяет говорить о нем как об одном из основателей современного русского шансона. Образ затравленного, страдающего героя, актуальный на протяжении всего творческого пути поэта, – станет важнейшим для жанра русского шансона, в котором "себя озвучивают архаичные и атактистические представления <...> Отсюда такие семиотические константы шансона как мелодическая безыскусность (три аккорда) и смысловая элементарность" [1].

Творчество Высоцкого с точки зрения последующего жанрообразования шансона содержит ту архетипическую образность, которая упростится и станет формульной в современном эстрадном жанре.

Песни волков-воинов-разбойников – один из древнейших собственно литературных жанров, представляющий эпический этап развития литератур вообще, – имеются в культурах целого ряда индоевропейских народов. В частности у В.Ю. Михайлина читаем: "А если вспомнить, что скальдическая поэзия была в первую очередь рассчитана никак не на "хозяев" – бондов и что формировалась она в сугубо дружинной среде, станет ясно, что "те, кто их слышал в исполнении скальдов", те, кто "понимали их и испытывали удовольствие", суть члены маргинализованных воинских дружин, любители "звериного стиля" и ненавистники всего "хозяйского". Именно этим пафосом проникнуты тексты "Старшей Эдды". Именно он угадывается за многими и многими эпизодами "Круга Земного" и других аутентичных текстов" [8, с.36].

Говоря о жанре в контексте мифопоэтики, уместно будет привести следующий тезис: "Каждый из жанров имеет мифологический архетип, лежащий в его основании и сохраняющийся в подтексте лирической структуры" [6, с.5]. Ведя свою родословную от архаического эпоса, современные песни волков-воинов-разбойни-

ков, как правило, сюжетны [1], эпическое начало в них доминирует над лирическим. Эти произведения подобны сказке, понятой как десакрализованный миф; Л. П. Быков, акцентируя их мужскую сущность, называет их "дамским романом наоборот" [1]. Сюжет их зачастую представляет инициацию героя, его путь через страдания и трудности. У Высоцкого в произведении о рождении ч е л о в е к а (в высоком смысле этого слова) читаем: "Если, путь прорубая отцовским мечом, // Ты соленые слезы на ус намотал..." ("Баллада о борьбе" (1975)). Мелодраматизм ситуации придает редуцированный мотив пребывания героя в тюрьме. "Человек здесь ублажает себя своей тоской, ласкает собственной болью, наслаждается саморазрушением (мотивы, которые <...> в немалой степени способствовали популярности и Есенина, и Высоцкого)" [1].

Сам образ героя-волка также представляет собой миф – личностный миф. Первое, что работает на создание образа человека-мифа в русском шансоне – звучание его произведения: "подчеркнуто мужское", "педалирование согласных в сочетании с хрипотцой, низким тембром и дает почувствовать витальный потенциал особи" [1]. Голос и манера исполнения Высоцкого, стали моделирующими для всех последующих исполнителей русского шансона.

Феномен Высоцкого синкретичен. Если рядовые произведения шансонного жанра содержат лишь рудименты мифа и исполняются профессионалами коммерциализированной эстрадной песни, то поэт-певец-актер Высоцкий – это еще и медиум коллективной тяги к свободе "советского народа", подобный шаману, и человек-легенда, мифологический герой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быков, Л.П. Шансон как шанс и сон / Л.П. Быков [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.ozon.ru/context/detail/id/200860/>
2. Высоцкий В.С. Сочинения в 2-х томах. – Екатеринбург: "У-Фактория", 1998.
3. Гардзонио, С. Тюремная лирика и шансон. Несколько замечаний к теме / С. Гардзонио // *Academic Electronic Journal in Slavic Studies / University of Toronto* [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.utoronto.ca/tsq/14/garzonio14.shtml>
4. Гумилев, Н.С. Письма о русской поэзии / Н.С. Гумилев – М.: "Современник", 1990. – 383 с.
5. Климакова, Е.В. Сакральный центр в поэзии В.С. Высоцкого: философский аспект / Е.В. Климакова // *Социальная онтология России: сборник научных статей по докладом III Всероссийских Копыловских чтений*, 2 – 3 марта 2009. – Новосибирск: НГТУ, 2009. – С. 142 – 162. – Деп. в ИНИОН РАН 08.07.09. № 60765.
6. Козубовская, Г.П. Русская литература: миф и мифопоэтика / Г.П. Козубовская. – Барнаул: БГПУ, 2006. – 324 с.
7. Левина, Л.А. "Страшно, аж жуть!" Страшная баллада у А. Галича и В. Высоцкого / Л.А. Левина // *Галич. Проблемы поэтики и текстологии*. – М.: ГКЦМ, 2001. – С. 23 – 31.
8. Михайлин, В.Ю. Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции / В.Ю. Михайлин. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 540 с.
9. Неклюдов, С.Ю. Русский горожанин поэт о далеких странах: "филозотический" слой городской баллады / С.Ю. Неклюдов // *Геополитика и русские диаспоры в Балтийском регионе*. Ч. 1. Гуманитарные аспекты проблемы: русские глазами русских. – Калининград: РГУ им. И. Канта, 2008. – С. 158 – 171.
10. Отто, Б.К. Дураки: Те, кого слушают короли / Б.К. Отто / by the University of Chicago. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 494 с.
11. Песни XX столетия. Антология русской баллады / Сост. Г.И. Юрьев. – Челябинск: "Урал Л. Т. Д.". – 2001. – 400 с.
12. Пронин, В.А. Причуда баллады / В.А. Пронин // Пронин В.А. Теория литературных жанров [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Pronin/08.php
13. Рудник, Н.М. Проблема трагического в поэзии В.С. Высоцкого: дисс. ... канд. филол. наук. 10.01.01 – русская литература / МГУ им. М.В. Ломоносова / Н.М. Рудник. – М., 1994. – 178 с. [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://vv.mediaplanet.ru/static/upload/Rudnik_Diss_1994.pdf
14. Сухих, И. На разрыв аорты (1960 – 1980. Песни-баллады В. Высоцкого) / И. Сухих // *Звезда*. – № 10. – 2003. – С. 225 – 233.
15. Тынянов, Ю.Н. Промежуток / Ю.Н. Тынянов // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977 [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/cultur/Tynianov_poetica.htm
16. Уварова, С.В. Жанр баллады в творчестве В.С. Высоцкого / С.В. Уварова // *Владимир Высоцкий: исследования и материалы 2011 – 2012 гг.* – Воронеж: ЭХО, 2012. – С. 98 – 111.
17. Харченко, В.К. Язык и жанр русского романа / В.К. Харченко, Е.Ю. Хорошко. – М.: Изд-во Литературного института им. А.М.Горького, 2005. – 168 с.
18. Шатин, Ю.В. Поэтическая система В. Высоцкого / Ю.В. Шатин // *Высоцкий: время, наследие, судьба*. – Киев, 1995. – № 24, 25. – 17 с. [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://vv.mediaplanet.ru/links>
19. Яницкая, С.С. Романс в русской поэзии XVIII в. (становление и специфика жанра): автореферат дисс. ... канд. филол. наук. 10.01.01. – русская литература / С.С. Яницкая / *Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена*. – СПб., 1995. [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/romans-v-russkoj-poezii-xviii-veka>

ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИКЕ: ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ ТОЛЕРАНТНЫЙ (на материале словарей русского языка)

LOANS IN MODERN RUSSIAN LEXICAL SYNONYMY: AN ADJECTIVE TOLERANT (on material of dictionaries of russian)

Yu. Guryanova-Grechko

Annotation

In article the results of a research of specifics of semantics of the borrowed adjective tolerant and its derivatives on the basis of their lexicographic representation in dictionaries are summed up (from bilingual dictionaries of the beginning of the 20th century to the newest explanatory and synonymic dictionaries of Russian of the 21st century); the place of these words in the synonymic system of Russian as bases of its semantic and stylistic system is defined. I am outlined ways of a further research.

Keywords: synonymy, semantics, language system, the system relations in lexicon, semantic development, loan, an active lexicon, a passive lexicon, dictionaries.

*Гурьянова-Гречко Юлия Александровна
Аспирант, Институт филологии
и журналистики Нижегородского
государственного университета
им. Н.И. Лобачевского*

Аннотация

В статье подводятся итоги исследования специфики семантики заимствованного прилагательного толерантный и его производных на основе их лексикографического представления в словарях (от двуязычных словарей начала XX века до новейших толковых и синонимических словарей русского языка XXI века); определяется место этих слов в синонимической системе русского языка как основы его семантической и стилистической системы. Намечаются пути дальнейшего исследования.

Ключевые слова:

Синонимика, семантика, языковая система, системные отношения в лексике, семантическое освоение, заимствование, активный словарный запас, пассивный словарный запас, словари.

Глубокие преобразования в обществе на рубеже XX–XXI веков (технический прогресс; общественно–политические, государственные, экономические, идеологические, культурные и др. процессы, вызванные разрушением СССР и образованием РФ) непосредственно отразились в языке, прежде всего в его словарном составе, и в частности, в лексической синонимике, организующей лексику системно.

Многие ранее заимствованные слова, члены синонимических рядов, не обладающие внутренней формой в силу своего иноязычного происхождения, в постсоветский период оказались семантически подвижными и наиболее подходящими для выражения нового смыслового содержания, актуального на рубеже веков; на наших глазах они становятся устойчивыми знаками новых общественно значимых понятий. Такие слова получают семантическое развитие в различных современных дискурсах, что неизбежно влечёт за собой изменения в исходных синонимических рядах языка–реципиента.

Одним из таких слов является предмет нашего исследования – прилагательное толерантный, "вершина"

словообразовательного гнезда "толерантный, толерантно, толерантность, толерировать" в русском языке. Толерантный представляет собой полукальку с латинского и пришло в русский язык посредством французского языка [11, с. 566]. Все слова обозначенного выше словообразовательного гнезда будут рассмотрены в ходе нашего исследования в фокусе влияния на синонимическую систему русского языка.

Одной из методологических предпосылок лингвистического исследования синонимии языковеды называют "временную рядоположенность синонимических единиц", то есть "включение в синонимический ряд единиц одного временного порядка" [5, с. 15], что не исключает необходимости изучения синонимов в диахроническом плане, "в плане становления, убывания синонимичности тех или других единиц языка в определённую эпоху его развития" [там же]. Выявление и описание таких изменений представляется актуальным, поскольку не только характеризует современное состояние лексической синонимии русского языка как основы его семантической и стилистической системы, но и позволяет приблизиться к пониманию самой сути глубинного движения семантики языка.

Проблема преобразования русской синонимической системы под влиянием заимствований неразрывно связана с проблемой семантического освоения неологизмов. Отсюда особая методика нашего исследования, заключающаяся в сквозном изучении, сравнении и анализе специфики семантики заимствований и их производных от первой фиксации в словарях до анализа семантико-стилистических особенностей их употребления в реальных речевых условиях различных дискурсов рубежа XX–XXI веков. Такая методика позволяет отследить формирование синонимических отношений в лексической системе русского языка и проанализировать их характер.

В научной литературе начала XXI века анализу концепта "толерантность" были посвящены несколько исследований, проведённых в рамках специального концептуального анализа, предполагающего собственными методами и приёмами [12] [20]. Однако собственно лингвистического анализа семантико-стилистических особенностей употребления в русском языке слов гнезда с исходным толерантный проведено не было. В русле исследования синонимии русского языка и влияния на неё заимствованных элементов эти слова также ранее не изучались в лингвистической науке.

В данной статье мы подведём некоторые итоги и рассмотрим особенности семантики слов гнезда с "вершиной" толерантный на материале проведённого нами сравнения и анализа их лексикографического описания в различных словарях русского языка; определим их место в современной русской синонимике.

В первую очередь нами были проанализированы словари современного русского языка авторитетных лексикографов, начиная с дореволюционного издания двуязычного французско-русского словаря Н.П. Макарова, до известных толковых и синонимических словарей русского языка, изданных в советский период. При этом сравнение данных словарей было построено с учётом целей и задач их составителей и в хронологической последовательности отражения словарями языковых изменений [9, с. 1042]; [10, с. 1017]; [14, с. 663]; [11, с. 566]; [21, с. 726]; [19, с. 538–539]; [15, с. 340]; [16, с. 358–359]; [17, с. 533]; [1, с. 537].

В словарных статьях указанных изданий были использованы преимущественно синонимические дефиниции членов гнезда с исходным толерантный ("терпимый, снисходительный"; "терпимо, снисходительно"; "терпимость, снисходительность"); это даёт основания говорить в целом о недостаточной семантической разработке значений этих слов в русской лексикографии, что, по всей видимости, связано с фактом их нахождения в пассивном словарном запасе и неактуальностью в со-

ветский период (о чём свидетельствует как помета "устаревшее" в толковом Академическом "Словаре современного русского литературного языка" в семнадцати томах (далее, – БАС) [19, с. 538–539], так и отсутствие фиксации этих слов в словнике первого и второго изданий "Словаря русского языка под ред. А.П. Евгеньевой (далее, – МАС), вышедших с 1957 по 1961 [15] и с 1981 по 1984 годы соответственно) [16].

Однако сделанные выводы не опровергают значимости исследования словарей. Вдумчивое сравнение материалов каждого из них имеет большое научное значение, поскольку открывает те или иные семантические нюансы слов, даёт учёному возможность прикоснуться к сущности сложного движения семантики языка и делает исследователя как бы соавтором знаменитых лексикографов прошлого и современности в их труде.

Так, наиболее узкое значение слова толерантный – "веротерпимый" – зафиксировано в самых ранних словарях, дореволюционном французско-русском словаре Н.П. Макарова [9, с. 1042] и в "Малом толковом словаре русского языка" П.Е. Стояна [14, с. 663]. В большинстве рассмотренных словарей, включая наиболее полный БАС, толерантный имеет синонимическое толкование и рассматривается как полный синоним русских прилагательных терпимый и снисходительный. Исключением является "Толковый словарь русского языка" под ред. Д.Н. Ушакова, в котором семантико-стилистическим отличиям синонимов уделено большее внимание: толерантный имеет помету книжное и описывается как синоним многозначного прилагательного терпимый, употреблённого в третьем значении (т.е. "способный, умеющий терпеть что-либо чужое, мириться с чужим мнением, характером и т.п.") [21, с. 726]. Также важно отметить, что если в более ранних словарях в синонимической дефиниции рассматриваемого слова первую позицию занимало прилагательное терпимый (или вовсе было приведено в качестве единственного синонима), то в БАСе на первом месте находится прилагательное снисходительный [19, с. 538–539]. Так толерантный встраивается в синонимический ряд с этой доминантой ("снисходительный, терпимый, мягкий, нетребовательный, невзыскательный; либеральный (разг.); толерантный (книжн.)" [1, с. 537].

Подводя итоги анализа двуязычных словарей начала XX века [9, с. 1042] [10, с. 1017] и вышеназванных толковых словарей советского периода, скажем, что слово толерантный вошло в языковую систему русского языка в середине XIX века как заимствованное из французского; оно было семантически освоено системой русского языка: получило словообразовательное и семантическое развитие, став исходным в словообразовательном гнезде (толерантный, толерантно, толерантность,

толерировать) и встроившись вместе со своими производными в лексическую синонимику современного русского языка в качестве периферийных членов (выполняющих стилистическую функцию отнесённости к книжному стилю) параллельных рядов соотносительных синонимов с доминантами снисходительный, снисходительный, снисходительность.

Проведённое сравнение материалов словарей позволило наиболее полно представить специфику семантики интересующих нас слов и уловить наметившиеся тенденции в её развитии. Так, сравнение дефиниций выявило определённую семантическую эволюцию прилагательного толерантный и существительного толерантность, – от узкого значения ("толерантный – веротерпимый"; "толерантность – веротерпимость") [14, с. 663] [9, с. 1042] [11, с. 566] к более широкому ("толерантный – снисходительный, терпимый, способный, умеющий терпеть что-либо чужое, мириться с чужим мнением, характером" [21, с. 726]; "толерантность – терпимость к чужим мнениям и верованиям") [19, с. 538–539].

Однако к советскому периоду толерантный и все слова того же корня постепенно перешли в пассивный словарный запас русского языка, на время скрывая сложившийся (и зафиксированный лексикографически) в них семантический и словообразовательный потенциал.

Вновь в активный словарный запас русского языка толерантный и слова одного с ним корня возвращаются на рубеже XX–XXI веков. Нужно сказать о необыкновенной частотности слов этого гнезда в российских СМИ постсоветского периода. Слова частотны в речи первых лиц государства, а само понятие толерантности становится предметом множества дискуссий философско-политической направленности.

В связи с довольно продолжительным периодом "новой жизни" прилагательного толерантный и его производных в различных современных дискурсах, исследовательский интерес представляет лексикографическое представление этих слов в словарях русского языка рубежа XX–XXI веков.

Подведём итоги проведённого нами анализа лексикографического материала постсоветского периода [13]; [4, с. 1327]; [6, электрон.ресурс]; [7, с. электрон.ресурс]; [8, с. 343]; [1, с. 537]; [3]; [18, с. 6]. Во-первых, фиксирование слова толерантный и слов одного с ним корня в словарях означает их переход на рубеже XX–XXI веков из пассивного словарного запаса в активный на основании частотности употребления в современной речи в различных дискурсах. Во-вторых, рассматриваемое слово закрепляется в языке в новых значениях, в

которых оно зафиксировано в новейших толковых словарях (в некоторых словарях XXI века толерантный рассматривается как сложное многозначное слово, когда прямым называется значение медицинского термина) [4, с. 1327], [6 и 7, – электрон.ресурсы] что говорит об усложнении его семантической структуры. В-третьих, сравнение толкований слова толерантный в словарях, отражающих лексический состав русского языка рубежа XX–XXI веков, показывает эволюцию его общеупотребительного значения от характеристики кого-либо ("способный, умеющий терпеть что-либо чужое, мириться с чужим мнением характером и т.п.") [4, с. 1327], [6 и 7, – электрон.ресурсы] до характеристики отношения кого-либо к кому-чему-либо ("снисходительно относящийся к кому-чему-либо") [8, с. 343].

По сравнению с лексикографической традицией советских словарей, которые толковали слово толерантный преимущественно синонимически, словари XXI века всегда приводят описательно-синонимическую дефиницию, что, по нашему мнению, связано с большим набором семантических компонентов в значении анализируемого прилагательного и расширением его семантики на рубеже XX–XXI веков.

В системе современной русской лексической синонимии на рубеже XX–XXI веков слова толерантный, толерантность, толерантно по-прежнему занимают периферийное место в параллельных рядах соотносительных синонимов с доминантами снисходительный, снисходительность, снисходительно; однако выстраивание членов ряда по степени их синонимичности в некоторых из проанализированных словарей, на наш взгляд, нуждается в подтверждении иллюстрациями (в частности, синонимический ряд в словаре Л.Г. Бабенко: ""СНИСХОДИТЕЛЬНОСТЬ, либерализм, либеральность, мягкость, невзыскательность, нетребовательность, снисхождение, терпимость, книжн. толерантность") [18, с. 6]. Это намекает задачи для дальнейшего лингвистического анализа, связанного с исследованием реализации полученных на материале словарей языковых фактов в реальных речевых условиях современного дискурса.

Если говорить о закономерностях в частотности фиксирования членов словообразовательного гнезда с "вершиной" толерантный (толерантно, толерантность, толерировать) в советских словарях и в словарях постсоветского периода, то можно отметить, что в отличие от советских словарей (в которых первое место по частотности фиксирования принадлежало исходному прилагательному), в словарях XXI века первое место прилагательное делит с отвлечённым существительным толерантность, что неслучайно и связано с тем, что на рубеже XX–XXI веков в русскую лингвокультуру был перенесён одноименный концепт [12] [20].

Кроме того, по словарям удалось зафиксировать историю "возвращения" прилагательного толерантный из пассивного запаса сначала в узко специальную меди-

цинскую лексику, а потом и в общий язык, но уже более широким семантически. Это важно для понимания сути глубинного движения семантики языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка/ Под ред. Л.А. Чешко/Издательство "Советская энциклопедия". – М., 1969. – 603 с.
2. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. – М.: Издательство "Русский язык", 2001 – 11 издание, переработанное и дополненное. – 568 с.
3. Апресян Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка/Российская академия наук Институт Русского языка им. В.В. Виноградова". – М., 2003, – второе издание, исправленное и дополненное. – 1488 с.
4. Большой толковый словарь русского языка/ Под ред. С.А Кузнецова. Спб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
5. Гречко В.А. Лексическая синонимика современного русского литературного языка/ Под общей редакцией доктора филол.наук М.И. Черемисиной. Издательство Саратовского университета, 1987. – 152 с.
6. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. Электронный ресурс: slovar.cc/rus/efremova-slovo/1182531.html / 2012
7. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь русского языка. Электронный ресурс: www.вокабула.рф/ словари/толковый словарь Ефремовой/ 2009.
8. Крысин Л.П. Современный словарь иностранных слов. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2014. – (Настольные словари русского языка). – 416 с.
9. Макаров Н.П. Полный французско-русский словарь. СПб.: Наследники Н.П.Макарова, 1904. – 1150 с. – Издание одиннадцатое
10. Мюллер В.К. Англо-русский словарь. М., 1960. – 1324 с.
11. Петров Ф.Н. (гл. ред.). Словарь иностранных слов. М.: Гос. Институт "Советская Энциклопедия" ОГИЗ РСФСР, 1937. – 723 с.
12. Растатуева Светлана Геннадиевна. Репрезентация концепта "Толерантность" в русском языке : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Растатуева Светлана Геннадиевна; [Место защиты: Елец. гос. ун-т им. И.А. Бунина]. – Тула, 2008. – 173 с.: ил. РГБ ОД, 61 09-10/382
13. Склярская Г.Н. (ред.) Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. СПб., 1998. – 700 с.
14. Стоян П.Е. Малый толковый словарь русского языка. – Спб., 1913. – 746 с.
15. Словарь русского языка: В 4-х т. / Евгеньева А.П. (ред). – М., Т.IV, 1961. – 340 с.
16. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, Т.IV, – М.: "Русский язык", 1984. – 345 с.
17. Словарь синонимов в двух томах. Под ред. А.П. Евгеньевой Т.II. – Т.II/ Л., 1975.
18. Словарь синонимов русского языка/Под общей редакцией проф. Л.Г. Бабенко М.: Астрель, АСТ, 2011. – 688 с. – (Biblio).
19. Словарь современного русского литературного языка / Под ред. А.М.Бабкина, Е.Э. Биржакова, акад. В.В. Виноградова. – Т.15. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1963. – 1286 с.
20. Сумина Екатерина Сергеевна. Толерантность : от феномена к лингвокультурному концепту : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20. – Екатеринбург, 2007. – 277 с.: ил. РГБ ОД, 61 07-10/1144
21. Толковый словарь русского языка/ Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – Т.IV – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940.

© Ю.А. Гурьянова-Гречко, (grechko1988@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ПОНЯТИЙНАЯ СВЯЗЬ КАТЕГОРИИ ИНТЕНСИВНОСТИ С КАТЕГОРИЯМИ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ И ЭКСПРЕССИВНОСТИ

THE CONCEPTUAL CONNECTION OF THE CATEGORY OF INTENSIFICATION WITH THE CATEGORIES OF EMOTIVENESS AND IMPRESSIVENESS

S. Desyatskaya

Annotation

The relation of intensification to emotive and impressive force of speech is considered. The two functions of intensification are distinguished. The first is gradational realization of emotive and impressive force of speech, the second is non-gradational realization of the same. Emotiveness is the expression of the first person feelings ("I"), impressiveness is the influence of the force of speech on the second person feelings ("You"). The category of intensification is manifested in the composition of dicteme, the elementary topical and stylistically prepared unit of text formed by sentences.

Keywords: Intensification, emotiveness, impressiveness, dicteme, stylistic device, literary text, author's style.

Десятская Светлана Вадимовна
Аспирант,
Московский педагогический
государственный университет

Аннотация

В статье раскрывается соотносительность интенсивности с эмоциональностью и экспрессивностью. Интенсивность имеет две основных функции. Во-первых, это градуированность проявления эмоционального и экспрессивного выражения, во-вторых, это демонстрация неградуированного высокого качества проявления эмоциональности и экспрессивности. Эмоциональность – самовыражение "я", экспрессивность – направленность впечатляющего действия на "ты, вы". Категория интенсивности реализуется в диктеме – минимальной тематической и стилистически оформленной единице членения текста, формируемой предложениями.

Ключевые слова:

Интенсивность, эмоциональность, экспрессивность, диктема, средство выразительности, художественная литература, авторский стиль.

Вопрос о присвоении интенсивности статуса категории относится к актуальным проблемам языкознания XXI века. До настоящего времени продолжают споры о целесообразности выделения интенсивности в особую категорию, поскольку аспект интенсивности существует лишь в слиянии с аспектами эмоциональности и экспрессивности. Трудность разграничения этих смежных свойств текста требует обратиться к определению каждой из указанных категорий.

Эмоциональность – выражение чувств говорящего. Проявление эмоциональной реакции относится к первому лицу, это психологическое состояние "я", и маркирует часть диктемы, содержание которой отражает выражение личности своих психологических состояний, чувств и отношений, соответствуя самовыражению говорящего и отражая его внутреннее состояние. Реализация категории эмоциональности в диктеме происходит на основе информации, которая отображает эмоциональное состояние "я" реципиента, выраженное в чувствах взволнованности и спокойствия, комфорта и дискомфорта, радости и негодования и так далее.

Экспрессивность – свойство диктемы, которое передает смысл с увеличенной интенсивностью и результа-

том является эмоциональное или логическое усиление, связанное с намерением убедить адресата посредством целенаправленного воздействия на него, то есть путём повышения силы высказывания. Как следствие, экспрессивность призвана пробудить реакцию реципиента на какой-либо предмет, явление, действие. Экспрессивность относится ко второму лицу, то есть выражает психологическое состояние "ты, вы" и маркирует апелляцию к чувству читателя, достигаемую с помощью множества различных языковых средств и способов. Использование в художественном произведении экспрессивных моделей обусловлено воздействием на эмоциональную сторону читателя, то есть пробуждением его эстетического чувства.

Эмоциональность и экспрессивность – области проявления чувств, находящиеся под воздействием субъективного фактора восприятия информации. Так, для одного читателя художественного текста те или иные его диктёмно организованные части (см. ниже) могут составлять центры выразительности, то есть экспрессивно заряженные, выходящие за грани обычного, а для другого читателя восприниматься в виде нормы, то есть лежащими в стороне от экспрессии. Иными словами, содержание диктемы вызывает разные реакции реципиента: либо ак-

тивно воздействует на восприятие и пробуждает реакцию, либо оставляет равнодушным. Это значит, что аспект экспрессивности (воздействие текста) принципиально отличается от прочих аспектов текста, и исток дифференциации заключается в том, что экспрессивность не задается готовыми элементами, строго фиксированными в языке. Экспрессивность создается в речеворении посредством выбора выразительных средств в каждом отдельном случае.

Главные значения категории интенсивности можно обозначить как, соответственно: первое – неградационная интенсивность, второе – градационная интенсивность. Неградационная интенсивность указывает на высокую степень реализации категории вне градации меры. Она выражает стабильность крайнего квантора, на котором располагаются номинации предельного значения. В оппозиции к неградационной интенсивности выступает градационная, при которой номинации присваивается бо́льшая или меньшая степень силы (интенсивности) выражения. Градационная интенсивность полностью сохраняет и репрезентирует свойства градуальности, то есть свойства нарастания, убывания и количественную неопределённость.

Художественная литература – образное осмысление внешнего и внутреннего (по отношению к автору) мира путем создания произведений, эстетически воздействующих на читателя. Инструментом создания художественного текста является язык в авторской обработке. Этот текст, пронизанный приемами выразительности, обращен к внутреннему миру читателя, пробуждая его эстетическое чувство.

Художественный текст отражает субъективную картину мира, созданную автором в определенных рамках художественного пространства и времени. Этот текст характеризуется взаимодействием планов рассказчика и планов героев произведения. В результате взаимодействия содержания планов формируется восприятие произведения читателем, отражаемое, с одной стороны, в его умственной оценочной деятельности, а, с другой стороны, в проявлении его эмоциональных реакций. В художественном произведении эмоциональные и экспрессивные компоненты, как правило, сопутствуют друг другу, однако присутствие одного компонента, в принципе, не обязательно влечет за собой присутствие другого.

Распределение эмоциональности и экспрессивности в общении между говорящим и слушающим встречается с определенными сложностями. Эмоциональная речь говорящего экспрессивно перебрасывается на слушающего, порождая его эмоциональное восприятие. Однако эмоциональное восприятие может быть эстетически заряжено и незаряжено. Это значит, что эмоциональность и экспрессивность, будучи разными аспектами оценочных

чувств личности, находятся в перекрестных, а, следовательно, автономных отношениях: эмоциональность может быть экспрессивной и неэкспрессивной, а экспрессивность, соответственно, эмоциональной и неэмоциональной. По большей части в экспрессивной речи обе характеристики реализуются совместно: экспрессивная речь обычно является эмоциональной, хотя возможно и обратное. Последнее остроумно отражено в русской поговорке: "Молчание – золото!", соответствующей заявлению римского мудреца: "Когда молчат – кричат!".

Апелляция к чувству – универсальная составляющая любого художественного творчества, в том числе литературного. В художественном произведении эмоциональные и экспрессивные компоненты, как правило, сопутствуют друг другу, однако присутствие одного компонента, в принципе, не обязательно влечет за собой присутствие другого. Художественный текст отражает субъективную картину мира, созданную автором в определенных рамках художественного пространства и времени. Этот текст характеризуется взаимодействием планов рассказчика и планов героев произведения. В результате взаимодействия содержания планов формируется восприятие произведения читателем, отражаемое, с одной стороны, в его умственной оценочной деятельности, а, с другой стороны, в проявлении его эмоциональных реакций.

Интенсивность как мера силы эмоциональности и экспрессивности реализуется в диктете (от латинского глагола dico – dictum... – "говорю"). Диктета – элементарная единица членения текста, формируемая предложениями, которая была открыта в рамках изучения иерархии сегментных уровней языка М.Я. Блохом. Диктета может быть выражена как союзом предложений, так и одним единственным предложением. В диктете художественного текста можно выделить целый ряд информационных рубрик, представляющих в обобщенном виде фактуальную, интеллективную, эмотивную и экспрессивную информацию, каждая из которых особым образом связана с содержательно-целевым типом диктеты. [1, с.58]

Рассмотрим примеры, иллюстрирующие диктетную проекцию категорий интенсивности, эмоциональности и экспрессивности отдельных компонентов текста.

ПРИМЕР 1:

This is not some abstract idea in your head. [11:p.72].

Имя прилагательное выражает неградационную интенсивность вне градации значения, относится к номинациям, которые экспрессивно влияют на читателя, описывая внутреннее состояние индивида.

ПРИМЕР 2:

...everything seemed shrouded with the dust of dead insects and mice. [11:p.16]

Герой диктемы говорит о трагизме жизни маленькой девочки. Номинация *the dust of dead insects* оказывает живое экспрессивное воздействие на читателя, образно отражая умаление места пребывания героев произведения действенным портретом окружающей обстановки. Имя прилагательное *dead*, выражая неградационную интенсивность, наделяет синтаксическую конструкцию особой выразительностью – созданным эффектом неизбежности.

ПРИМЕР 3:

...Jackson emerged half an hour later feeling as shorn as a newborn lamb. [7: p.69].

Особенностью художественного стиля, отраженного в данной диктеме, является опора на языковую ситуацию, непосредственную обстановку речи. Приведенный пример иллюстрирует неградационную интенсивность, выраженную именем прилагательным в сравнительном синтаксическом обороте *as+adj.+as*.

ПРИМЕР 4:

Bristow tried for another scathing laugh, but the sound was artificial and hollow. [10: p.210].

В реплике используются признаки, отражающие эмоционально емкие компоненты, которые являются фокусом информации данной диктемы. Такие единицы предложения, если их разбить на отдельные номинации – *scathing, artificial, hollow* передают читателю–зрителю напряженность ситуации. Неградационная интенсивность, выраженная в диктеме, маркируется семантическим значением номинацией вне градации.

ПРИМЕР 5:

Was he the one who was younger than your father? [8:p.12]

Автор использует имя прилагательное в сравнительной степени, определяющее выражение градационной интенсивности. Диктема, в синтаксической структуре которой содержится сравнительный оборот, оказывает воздействие на эстетическое чувство читателя, возбуждая в нем эмоциональное восприятие текста.

Таким образом, интенсивность, эмоциональность и экспрессивность являются тремя разными, но тесно связанными между собой категориями. Если эмоциональность и экспрессивность обособлены друг от друга, то интенсивность, наоборот, вводится в их реализацию, опережая степень выразительности. Эмоциональность как аспект высказывания соответствует самовыражению говорящего, замыкается в "я", в первом лице речевой ситуации. Экспрессивность как аспект высказывания соответствует апелляции к слушающему, отображает отношение "я" к "ты/вы", предполагает реакцию второго лица речевой ситуации. Интенсивность, с одной стороны, неградационное выражение значения, а, с другой стороны, градационное. Первое значение категории отражает предельность выразительности. Второе значение категории отражает степень градации выразительности.

С особой чёткостью природа интенсивности выступает в художественно–литературном тексте, воздействуя на выражение категорий эмоциональности и экспрессивности. Эмоционально–экспрессивное впечатление остается у реципиента от произведений, в которых слово автора является не только средством изображения, но и средством усиленного влияния на восприятие. Именно поэтому обращение к художественной литературе позволяет чётко указать и раскрыть интенсивность как выражение силы эмоциональности и экспрессивности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка. Вопросы языкознания – № 4, 2000. 56–67 с.
2. Блох М.Я., Великая Е.В.. Просодия в стилизации текста. – М.: "Прометей" МПГУ, 2011. – с.120
3. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 462 с.
4. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: "Искусство", 1977. 314 с.
5. Плеханова Т. Ф. Дискурс–анализ текста. Минск: ТетраСистемс, 2011. 368 с.
6. Скребнев Ю.М. Очерк стилистики. Горький, 1975. 237 с.
7. Atkinson K. Started early, took my dog. Copyright © Kate Atkinson 2010 p.163
8. Barnes J. Sense of an ending. Vintage, 2011 p.61
9. Crystal D., Davy D. Investigating English Style. London: Longman, 1969. 268 p.
10. Galbraith R. The cuckoos calling. Little, Brown Books, 2013 p.222
11. Kwok J. Girl in translation. Gardners Books, 2011 p.119
12. Thornbury S. Beyond the sentence. Oxford: Macmillan Publishers Ltd, 2005. 274 p.

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ТЕКСТА

KEY PRINCIPLES OF ENGLISH FICTION TEXTS' ADAPTATION

A. Zaitseva

Annotation

The aim of this article is to consider theoretic characteristics of adaptation of English literary text and define its role and main functions in the educational process. Especial attention is paid to principles and methods of adaption of literary text. Moreover, this article reviews the idea the adaption process includes both linguistic and extralinguistic principles, which aim to present the information of the original text with easy language means.

Keywords: adaption, exercises, omission, pedagogics, simplification, educational process, literary text.

Зайцева Анна Александровна
Российский Университет
Дружбы Народов

Аннотация

Целью данной статьи стало рассмотрение теоретических особенностей адаптации художественного английского текста, а также определение важности художественного текста в рамках учебного процесса и выявление его основных функций. Особое внимание в данном случае уделяется принципам и приемам адаптации художественного текста. Кроме того, рассматриваются положения о том, что процесс адаптации представляет собой совокупность лингвистических и экстралингвистических принципов, основная цель которых максимально донести информацию, заложенную в оригинальном тексте, более простыми средствами языка.

Ключевые слова:

Адаптация, комплекс упражнений, опущение, педагогика, упрощение, учебный процесс, художественный текст.

Использование текстов на иностранном языке в рамках учебного процесса в настоящее время представляется необходимым для обеспечения максимально углубленного понимания особенностей изучаемого языка. Многие исследователи сходятся во мнении, что наиболее подходящим для данной роли можно назвать художественный текст, предлагающий широкий выбор тем и не обладающий узкой специализированностью. Однако, в связи с тем, что используемые в данных текстах лексические единицы и грамматические конструкции могут быть излишне сложны для восприятия обучающимися, представляется необходимым произвести их адаптацию для задействования при обучении.

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей адаптации художественного английского текста. Рассматривая вопрос функционирования художественного текста в рамках учебного процесса следует, прежде всего, определить понятие текста и выявить его функциональные особенности. Гальперин И.Р. понимал текст как "произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью... состоящее из названий ... и ряда особых единиц (сверхфразовых единств)...". По мнению ряда лингвистов, изучение текста возможно лишь учитывая все его уровни функционирования – невозможно изучение какого-либо одного уровня текста и опущение остальных.

Рассматривая подходы к изучению текста, следует отметить, что существует несколько точек зрения по данному вопросу. Так, в трудах Виноградова В.В. текст предстает в виде замкнутой системы, в центре которой стоит образ автора (В. В. Виноградов, 1980: 132). Согласно иному, семиотическому подходу, текст понимается как элемент коммуникации.

Основу работы над текстом представляет понимание взаимодействия его составных единиц. В. Л. Пропп выделяет следующие типы подобных взаимодействий: синтагматический, парадигматический и иерархический, на которых базируется множество концепций исследования текстов.

Роль слова как составного элемента текста рассматривается с различных точек зрения. С одной стороны, слово представляет собой элемент, относящийся к языку и к речи. С другой, оно является текстонимом, стоящим за каждым текстом. Анализ составных элементов текста позволяет выделить два уровня текста: содержательно-языковой и содержательно-смысловый.

В рамках содержательно-языкового уровня текст рассматривается как совокупность таких основных функций, как номинативная и коммуникативная. При понимании текста как продукта речевой деятельности,

главенствующая роль отдается номинации, при понимании текста как единицы общения – коммуникации. В первом случае план выражения текста носит динамический характер, а план содержания не претерпевает никаких изменений. Во втором – план содержания может изменяться бесконечно множество раз при едином плане выражения. В данном случае, объединяющим фактором может стать прагматика, которая, согласно Лотману Ю.М., помогает преодолеть "необусловленность связи плана выражения и плана содержания" (Ю. М. Лотман, 1970: 72).

Таким образом, текст представляет собой сложную структуру, функционирующую сразу на нескольких уровнях. При этом взаимодействие данных уровней носит субъективный характер, что и обуславливает необходимость жанрового разделения текстов.

Рассматривая специфические особенности художественного текста, следует отметить, что языковые средства, используемые в нем, отличаются особым многообразием. Данный тип текста не накладывает никаких ограничений на их использование. Именно поэтому художественный текст активно используется для адаптации.

Еще одно отличительное свойство художественного текста выделил М. М. Бахтин. В своих трудах он говорит о диалогичном характере подобных текстов, то есть о множественности его интерпретаций, многоаспектности его содержания. Исследователь делает вывод о том, что художественный текст остается актуальным в течение продолжительного времени, а также вызывает реакцию у читателей, которая, в свою очередь, влияет на составление и выражение собственного мнения (М. М. Бахтин, 1979: 290).

Вместе с тем, следует учитывать, что не каждый художественный текст может служить адаптирован к использованию в рамках учебного процесса. Наиболее подходящими можно считать художественные произведения бытовой направленности, содержащие понятные обучающемуся реалии и построенные линейно. Данные факторы придадут тексту точность и простоту, необходимую для процесса адаптации.

А.А. Вейзе утверждает, что основным приемом адаптации текста можно считать трансформацию, и выделяет следующие действия, затрагивающие его семантику: анализ, синтез, сравнение, абстракция, обобщение, конкретизация (А. А. Вейзе, 1985: 51–52). Кроме того, исследователь указывает на ряд возможных операций при изменении текста, а именно: цитирование, дополнение, удаление материала, перестановку определенных отрезков, сжатое изложение детального описания, замена определенного содержания иным, несущим схожий смысл.

Брыгина А.В. указывает на то, что неотъемлемым элементом трансформации является понимание текста, которое во многом основывается на принципе компрессии. Иной процесс представляет собой взаимодействие таких понятий, как адаптация и понимание. Целью адаптации является упрощение исходного, вероятно, сложного для понимания текста, до уровня, на котором он может быть включен в учебный процесс, в рамках которого обучающиеся самостоятельно производят ряд трансформаций (А. В. Брыгина, 2004: 29).

Таким образом, можно говорить о ряде отличий между компрессией и адаптацией. Н.С. Валгина утверждает, что в основе компрессии лежит процесс сжатия исходного текста, уменьшение его объема при полном сохранении содержащейся в нем информации. В процессе компрессии смысл частично имплицитруется. Адаптация, по мнению исследователя, подразумевает разнообразные трансформации (частичное исключение информации или, наоборот, внесение дополнений) для облегчения восприятия текста.

А.Н. Васильева трактует адаптацию как определенное изменение, подразумевающее уменьшение и увеличение текстового объема и производимого человеком, предстающим в роли "проводника" между автором и читателем, для которого понимание оригинального произведения представляет трудность (А. Н. Васильева, 1983: 62).

Лингвист отмечает, что адаптация, в отличие от компрессии, не предлагает просто краткое изложение основной мысли текста, но нацелена на выборочное преподнесение той информации из оригинального текста, которая является наиболее актуальной для обучающихся в данный момент. А. Н. Васильева делает вывод о том, что адаптированный вариант коммуникативно более целесообразен, нежели оригинальный текст.

По мнению Н. И. Жинкина, адаптация соотносится с самой природой языка, а ее основным принципом является замена (Н. И. Жинкин, 1982:45). Г. В. Степанов говорит о том, что каждый элемент текста можно рассматривать с точки зрения его замены или не-замены. Так, в случае, если слово обладает функционально слабо нагружено, возникает необходимость его замены. Исследователь утверждает, что различение слабых элементов и сильных возможно при проведении трансформаций.

Сильный элемент текста, напротив, порождает ситуацию не-замены, изменяясь, интегрируясь в новый адаптированный текст. Основными свойствами подобных элементов является их большая независимость и одновременно связность с остальным текстом.

Так, в основе адаптации текста лежит замена. А.В. Брыгина отмечает, что замена может быть определена

как речемыслительный процесс адаптации, включающий в себя два основных подхода: дополнение и исключение. Совокупность указанных противоположных подходов и образует адаптацию (А. В. Брыгина, 2004: 29).

Кроме того, А.В. Брыгина выделяет ряд экстралингвистических принципов, влияющих на процесс адаптации: исключение, цитация, перестановка.

Соотношение первых двух принципов порождают различные виды адаптированных текстов, а именно:

- ◆ текст–монтаж (цитация представлена шире, нежели исключение, текстовая структура частично сохранена);
- ◆ текст–фрагмент (исключение представлено, структура оригинального текста значительно изменена);
- ◆ текст–вариант (цитация представлена шире, структура текста сохранена) (А. В. Брыгина, 2004: 30).

Таким образом, процесс адаптации включает в себя как лингвистические приемы и принципы, такие как замена, добавление, опущение и др., так и нелингвистические принципы, как исключение, перестановка, цитация.

В целях практического выявления особенностей адаптированного текста и его отличий от оригинального произведения был проведена экспериментальная адаптация романа Дж. Роулинг "Harry Potter and Philosopher's Stone", а также ее сравнение с неадаптированным текстом. Полученные результаты позволили сделать ряд выводов.

В процессе адаптации затрагиваются и видоизменяются как лексический, так и грамматический уровни языка. Среди основных приемов при работе с лексическими единицами является замена или опущение в связи с наличием ряда слов, выходящих за рамки лексического минимума выбранного нами уровня владения языком. В подобных случаях возможно как опущение одного элемента, как части предложения. Среди основных элементов, подвергшихся замене или опущению, можно отметить фразовые глаголы, трудные для восприятия союзы, лексику чувственного восприятия и многое другое. Следует также отметить случаи, в которых слово попадает в позицию не–замены в связи со схожестью его внешней формы со словом в русском языке, имеющим аналогичное значение.

ПРИМЕРЫ:

1. Оригинальный текст:	Адаптированный вариант:
<i>Harry had a thin face, knobbly knees, black hair and bright-green eyes (Rowling J.K., 2010:20).</i>	<i>Harry's face was thin with bright-green eyes on it, and his hair was black.</i>

2. Оригинальный текст:	Адаптированный вариант:
<i>Harry put the plates of egg and bacon on the table, which was difficult as there wasn't much room (Rowling J.K., 2010:21).</i>	<i>Harry put the breakfast on the table, which was difficult because it was not big enough.</i>

Рассматривая грамматические преобразования, возможно также выделить основные принципы и приемы, среди которых упрощение структуры сложного предложения, опущение сложных грамматических структур. В рамках грамматической адаптации процесс упрощения, прежде всего, подразумевает членение предложений на более простые и короткие для облегчения их понимания. Так, конструкции с рядом придаточных предложений преобразовывались в простые предложения, передающие четкую последовательность текста.

ПРИМЕРЫ:

3. Оригинальный текст:	Адаптированный вариант:
<i>He was careful to walk a little way apart from the Dursleys so that Dudley and Piers, who were starting to get bored with the animals by lunch-time, wouldn't fall back on their favourite hobby of hitting him (Rowling J.K., 2010:24).</i>	<i>He walked a little bit away from the Dursleys carefully. Dudley and Piers got bored with the animals and Harry feared they wanted to hit him just to have fun.</i>

4. Оригинальный текст:	Адаптированный вариант:
<i>He turned right around in his seat and yelled at Harry, his face like a gigantic beetroot with a moustache. (Rowling J.K., 2010:24).</i>	<i>turned right around in his seat. His face was red and angry. He shouted at Harry.</i>

Что касается приема грамматического опущения, из текста исключались структуры, значительно затрудняющие понимание отрывка обучающимися, среди которых конструкции с причастными, деепричастными оборотами, использование модальных глаголов с глаголами в прошедшем времени и многое другое.

ПРИМЕРЫ:

5. Оригинальный текст:	Адаптированный вариант:
<i>Ten years ago, there had been lots of pictures of what looked like a large pink beach ball wearing different-coloured bobble hats - but Dudley Dursley was no longer a baby, and now the photographs showed a large, blond boy riding his first bicycle, on a roundabout at the fair, playing a computer game with his father, being hugged and kissed by his mother (Rowling J.K., 2010:19).</i>	<i>Ten years ago, there had been a great number of photographs of big Dudley Dursley in funny hats- but he grew up, and now the they showed a large, blond boy who rode his first bicycle at the festival, played a computer game with his father, got hugs and kisses from his mother.</i>

6. Оригинальный текст:	Адаптированный вариант:
<i>'He always sp-spoils everything!' He shot Harry a nasty grin through the gap in his mother's arms (Rowling J.K., 2010:22).</i>	<i>'He always r-ruins everything!' He smiled to Harry sarcastically behind his mother's back.</i>

Таким образом, адаптация художественного иностранного текста подразумевает комплексное видоизменение его структуры и наполняющих его элементов, приспособление текста к учебному процессу.

Вместе с тем, успешное использование адаптированной версии в рамках учебного процесса не может быть ограничено исключительно прочтением текста. Для обеспечения полноценной работы с ним и усвоения нового материала необходимо дополнить адаптированный текст комплексом заданий. Подобные упражнения должны подразумевать работу на разнообразных уровнях: лексическом, грамматическом, фонетическом, разговорном.

Разработанный комплекс позволяет говорить о том, что закрепление навыков может быть произведено с помощью как одноязычных, так и двуязычных упражнений, заданий как открытого, так и закрытого типа. Подобные упражнения задействуют работу с синонимией, антонимией, категоризацией, переводом, перефразированием, самостоятельным порождением текста и т.д.

ПРИМЕР 1: (лексические упражнения)

К слову из первой колонки подберите его перевод из второй колонки:

1. Cooker	Худой
2. Mantelpiece	Лоб
3. Owl	Кричать
4. To shout	Плита
5. Racing bike	Сова
6. Skinny	Каминная полка
7. Forehead	Гоночный велосипед

ПРИМЕР 2:

1. Подберите антоним к слову "skinny" из предложенных вариантов: blond, shiny, large, first, fat, thin.

2. Подберите синоним к слову "angry": awful, thin, huge, small, mad, piggy, large.

ПРИМЕР 3:

Вставьте пропущенные слова в предложения.
Front door, shocked, awake, eat a lemon, roof, awful, doorbell, ruin

1. She heard that ... rang and understood her son returned from school.
2. The teacher was so... because he had broken the window that she could not say a word.
3. There was such a noise in the street that I was ... all night.

4. Last night I saw a spider on my bed, it was ...!
5. He has such an unhappy face like he...
6. You cannot walk on the ..., it is dangerous!
7. Someone left a letter for me at the...

ПРИМЕР 4: (грамматические упражнения)

Вставьте пропущенные предлоги:

1. Their photographs ... the bookshelf actually explained how much time had passed.
2. Blond boy rode his first bicycle ... the festival, played a computer game with his father, got hugs and kisses... his mother.
3. He turned ... the back.
4. The table was full...son's gifts.
5. '36 gifts,' he cried, looking ... his parents.

ПРИМЕР 5:

Заполните пропуски, используя Past Simple и Past Perfect:

1. Aunt Petunia ... (to look) at Harry angrily like he ... (to plan) this.
2. Dudley ... (to begin) to cry loudly. Last time ... (to cry) long ago.
3. Once, Aunt Petunia ...(to get) tired of the fact after a haircut Harry ...(to look) like he ...(to have) it at all.
4. Next morning, however, his hair...(to look) like Aunt Petunia...(never cut) it.
5. Luckily, Aunt Petunia ...(to think) it ...(to become) smaller after the wash, and ... (not to shout) at Harry.

ПРИМЕР 6:

Преобразуйте предложения таким образом, чтобы вместо пассивного был использован активный залог:

1. When he was dressed he returned to them.
2. Dudley was shocked but Harry's heart started beating faster.
3. He was given a month in his room for that thing.
4. Harry was left behind with their neighbor all the time.
5. His car was crashed with a huge stone in the middle of the night.
6. Animals in the zoo were so annoyed with shouts and screams of the visitors they fell asleep at once in the evenings.
7. He just wanted he wasn't always taught how to live his life.
8. The reptile house is visited by hundreds of people every day.
9. He was tired of the fact he was asked questions all the time.
10. He was locked in the cupboard because he had come late at night.

ПРИМЕР 7: (разговорный практикум)

Закончите предложение, исходя из информации, содержащейся в тексте:

1. Harry Potter did not live with his parents, because...
2. The Dursleys believed something strange happened around Harry. For example, ...

3. Aunt Petunia wanted "everything perfect on Duddley's birthday". By that she meant...
4. Harry wasn't always beaten by Duddley, because..
5. The Dursleys wanted to leave Harry with Mrs. Figg as usual, but...

ПРИМЕР 8:

Охарактеризуйте отношения между следующими персонажами, используя лексику из текста:

Harry and Duddley
 Harry and Aunt Petunia
 Aunt Petunia and Duddley
 Uncle Vernon and Duddley
 Harry and Uncle Vernon

ПРИМЕР 9:

Перескажите текст, опираясь на ключевые слова:

In front of the door, cupboard, birthday presents, to enjoy beating, lightning, car crash, to understand danger, to start beating faster, have to feel sorry, to start screaming, to warn, toy size, school buildings.

Таким образом, процесс адаптации художественного текста представляет собой многоаспектное, сложное явление. По мнению исследователей, именно данный тип текста наиболее подходит для адаптации к учебному процессу в связи с его общей направленностью, широким диапазоном использованных языковых средств.

Адаптация данного вида текстов включает в себя ряд лингвистических и экстралингвистических принципов и приемов. Основным методом произведения адаптации можно назвать трансформацию, которая подразумевает понимание оригинального текста, извлечение необходимой и актуальной мысли и передачу ее понятными средствами языка.

Главным действием при осуществлении трансформации исходного текста является замена, подразумевающая как исключение семантически слабых элементов и преобразование сильных, так и дополнение текста необходимыми элементами.

Сравнительно-сопоставительный анализ оригинального текста и его адаптированного варианта позволяет говорить о том, что процесс адаптации включает в себя трансформации сразу на нескольких уровнях языка. Основными приемами изменения исходного текста стали опущение сложных для понимания элементов или их замена на более простые.

Закрепление знаний, полученных при работе с адаптированным текстом, обеспечивается за счет дополняющего его комплекса упражнений, в котором необходимыми элементами являются задания на тренировку различных навыков: грамматического, лексического, фонетического, разговорного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. С. 281–307.
2. Брыгина А.В. Лингвистические принципы адаптации художественного текста. – М.: Логос, 2004.
3. Валгина КС. Теория текста, – М.: Логос, 2003. – 280 с.
4. Васильева А.Н. Художественная речь. Курс лекций по стилистике для филологов. – М.: Русский язык, 1983. – 256 с.
5. Вейзе А.А. Чтение, реферирование и аннотирование иностранного текста. – М.: Высшая школа, 1985. – 127 с.
6. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. – 360с.
7. Гальперин И.Р. О понятии – "текст" // Лингвистика текста. Материалы научной конференции. Часть 1, – М.: МГПИИЯ им. М.Тореза, 1974. С.67–72.
8. Жинкин Н.Н. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. –159 с.
9. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970.–383 с.
10. Степанов Г.В. Язык. Литература. Поэтика. – М.: Наука, 1988. – 382 с.
11. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Академический проект, 2001. – 989 с.

© А.А. Зайцева, (anna25_03_1995@bk.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ВЗГЛЯД ЛИНГВИСТА

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE TRASLATOR'S ACTIVITY IN CRIMINAL PROCESS: THE CONSIDERATION OF A LINGUIST

A. Kinderknekht

Annotation

In the article some problems of interpreters' and translators' participation in criminal proceeding are highlighted from the perspective of a linguist. The author refers to modern legal research to identify the translation activity's aspects in a separate area of law. In the review the main problems of the translator's participation and special training are summarized. Studying the law specialists' observations the author identifies the translation specificity in criminal proceeding paying attention to the versatility of the interpreter's and translator's work.

Keywords: translator, criminal proceeding, criminal process, knowledge of the language, translation competence.

Киндеркнехт Анна Сергеевна

К.филол.н., доцент,

*Пермский национальный исследовательский
политехнический университет*

Аннотация

В статье с позиции лингвиста освещаются вопросы участия переводчика в уголовном судопроизводстве. Для выявления проблемных оснований переводческой деятельности в отдельной сфере права автор обращается к современным юридическим исследованиям. В приведенном обзоре обобщаются основные проблемы, касающиеся привлечения переводчика к работе в уголовном процессе и специальной подготовки переводчика. Изучая наблюдения специалистов права, автор обнаруживает специфику переводческой деятельности в уголовном процессе, обращая внимание на многопрофильность работы переводчика.

Ключевые слова:

Переводчик, уголовное судопроизводство, уголовный процесс, знание языка, переводческая компетенция.

Переводческая деятельность востребована везде, где необходимо установление взаимопонимания между носителями разных языков и культур. В юридической сфере обращение к переводу тем более актуально в связи с правовой глобализацией, национальной идентификацией в юридической сфере и активизацией миграционных процессов в современной России. Одна из самых важных правовых областей, в которую вовлекаются переводчики, – это судебный перевод при следственных действиях и в судебных заседаниях. Отмечается, что в России растет число правонарушений, совершаемых с участием лиц, не владеющих или недостаточно хорошо владеющих русским языком [5], растет показатель доли преступлений иностранных граждан и лиц без гражданства [11], слабая социальная защищенность мигрантов "сказывается на высокой вероятности стать жертвами преступных посягательств" [16, с. 244]. Сложившиеся обстоятельства делают актуальным привлечение переводчиков для участия в следственных и судебных действиях.

Относительно роли переводчика в уголовном судопроизводстве Г.В. Абшилава пишет следующее: "Без переводчика невозможно осуществлять следственные и судебные действия, а также защиту прав и свобод чело-

века и гражданина в случаях, когда кто-либо из участников процесса не владеет или недостаточно владеет русским языком или государственными языками республик, входящих в Российскую Федерацию" [1, с. 3]. По замечанию Е.П. Головинской, проблемы языка уголовного судопроизводства, участия переводчика в уголовном процессе занимают видное место в работах многих ученых-процессуалистов [7, с. 4].

В работах ученых-лингвистов специфика языка права и вопросы перевода юридических текстов и различных форм устных сообщений, циркулирующих в правовой коммуникации, также занимают значительное место. Средоточием исследований на стыке языка и права является Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов, координирующая научную, экспертную и просветительскую деятельность в области юридической лингвистики [20]. По замечанию Н.Д. Голева в 1997 г., отечественная юрислингвистика находится в "зародышевом" состоянии" [6, с. 9]. Применительно к настоящему времени можно уже говорить о серьезном объединении усилий лингвистов и юристов, появлении исследователей с дуальной компетенцией в сфере лингвистики и юриспруденции. Вместе с тем следует признать, что переводческие аспекты юридического дискурса все еще остаются

недостаточно полно освещенными, вопросы обучения юридическому переводу нередко являются спорными в профессиональном обучении переводчиков, переводческая деятельность в некоторых правовых областях не является прозрачной для обучающихся по программам перевода и переводоведения.

Настоящая статья посвящена проблемным аспектам участия переводчика в уголовном судопроизводстве. При чтении теоретических исследований ученых-юристов обнаруживаются спорные моменты и противоречия, связанные с вовлечением переводчика в уголовный процесс. Описания процессуально-правовой стороны переводческой деятельности весьма полезны для осмысления специфики работы по переводу в отдельном сегменте ее применения. Рассмотрим основные виды проблем и конфликтов в переводе, по-своему расставляя акценты в их трактовке.

Привлечение переводчика в процесс

Одной из основных проблем участия переводчика в суде и следственных действиях является вызов переводчика для проведения необходимых действий в ходе дознания и следствия, привлечение переводчика в процесс, вовлечение его в производство по уголовному делу. Здесь можно выделить несколько проблемных аспектов:

1. Обоснование необходимости привлечения переводчика и предварительное планирование участия переводчика в следственных действиях.

Г.В. Абшилава пишет, что еще до вынесения постановления о назначении переводчика и до его вызова необходимо установить, какой именно участник процесса не владеет языком уголовного судопроизводства, обосновать необходимость привлечения к участию в уголовном деле переводчика, определить, каким языком должен свободно владеть переводчик, а также заранее спланировать, сколько раз, и в каких следственных действиях потребуются помощь данного переводчика [1].

Установление лиц, не владеющих языком уголовного судопроизводства, отсылает нас к необходимости определения языка судопроизводства в Российской Федерации. Ссылаясь на нормы Федерального конституционного закона, О.Ю. Кузнецов выделяет качественный признак языка судопроизводства: "им может быть исключительно государственный язык или Российской Федерации, или республики в ее составе", поэтому местные языки, диалекты и наречия этнического меньшинства, не наделенные статусом государственного языка, "не могут быть языками судопроизводства, а также делопроизводства в судах и иных правоохранительных органах" [13, с. 46–48]. По замечанию того же автора, лингвистическая самоидентификация участника уголовного процесса и его национально-языковая самобытность должны учи-

тываться "как неперемное условие законности совершаемых в отношении него любых процессуальных действий" [12, с. 75], причем "единственно достаточным и законным конституционным основанием вынесения постановления о привлечении лица к участию в уголовном судопроизводстве в качестве переводчика" является субъективное желание участника производства по делу участвовать в процессе, а не лингвистическая некомпетентность или недостаточное владение языком судопроизводства [12, с. 79]. Вместе с тем, рассматривая субъективное желание участника процесса как объективное обстоятельство и отмечая, что фактически только прямой отказ от переводчика является основанием исключения его из судопроизводства, О.Ю. Кузнецов указывает на неоднозначное значение отказа субъекта процессуальных правоотношений, не владеющего языком судопроизводства, от услуг переводчика в практике Верховного суда РФ: в случае сомнения "в степени владения любым участником процесса языком, на котором он осуществляется" переводчик обязан быть назначенным вопреки желанию человека, которому будет осуществляться лингвистическая помощь, так как "в соответствии со ст. 18 Конституции РФ права человека являются непосредственно действующими, и они обязаны соблюдаться в любом случае и даже тогда, когда сам субъект правоотношений не желает этого" [12, с. 86–87].

Юридические аспекты привлечения переводчика в уголовное судопроизводство включают также возможность предварительного планирования участия переводчика в следственных действиях. Проблема здесь заключается в отсутствии "каких-либо развернутых правил, регламентирующих порядок участия переводчика в процедурах отправления правосудия" [12, с. 236]. По мнению О.Ю. Кузнецова, необходим учет определенных правил, апробированных международной практикой уголовного судопроизводства, согласно которым, переводчик, к примеру, должен был бы иметь возможность предварительного изучения материалов уголовного дела для знакомства со специальной терминологией, возможность предварительного обсуждения технических деталей его участия в процессе [12, с. 236].

2. Поиск переводчика для участия в уголовном судопроизводстве.

И.А. Шевелев пишет, что для вызова переводчика дознавателю, следователю или суду необходимо предварительно знать о личности будущего участника: "пол, возраст, национальность, образование, его поведение в обществе, судимость, опыт участия в качестве переводчика при рассмотрении других уголовных дел, личные качества, в том числе добросовестное отношение к выполняемой работе" [24, с. 102–103]. Где бы ни были получены эти данные, по месту работы или по месту жительства, вызов переводчика осложняется тем, что не существует единой организованной базы судебных переводчиков в

РФ. "На практике секретарь или помощник ищут ближайшую фирму, предоставляющую услуги переводов, и вызывают переводчика" [9]. Однако фирмы не имеют возможности обеспечить суд переводчиками со всех возможных языков, которые могут быть необходимы для осуществления коммуникации в судопроизводстве. А.В. Винников, к примеру, отмечает, что в случае с различными диалектами цыганского языка, языками Дагестана, вайнахскими и прочими языками народов России и стран СНГ к работам по переводу в уголовном судопроизводстве привлекаются простые носители этих языков (однаково хорошо владеющие собственным и русским языками), поскольку дипломированных переводчиков с этих языков нет [2]. По заверению О.Ю. Кузнецова, "уголовно-процессуальный закон не определяет, откуда именно должны братья кадры переводчиков" [12, с. 89].

Проблемой является отказ самих лиц от участия в качестве переводчика в процессуальных действиях, чему, по мнению И.А. Шевелева, способствуют следующие факторы: 1) нежелание связываться с правоохранительными органами, боязнь частых вызовов, особенно в нерабочее время; 2) боязнь мести обвиняемого (подозреваемого) и его близких; 3) чрезмерная загруженность на работе и нежелание руководителя отпустить своего сотрудника-переводчика; 4) отсутствие существенного денежного вознаграждения; 5) отдаленность места проживания лица от места проведения следственных действий [24]. В данном случае, как отмечает И.А. Шевелев, необходим официальный вызов лица в правоохранительные органы или суд для привлечения его в качестве переводчика, однако, по мнению О.Ю. Кузнецова, административное принуждение к участию в процессе до получения согласия на участие в разбирательстве по делу и принятия на себя обязательств, соответствующих процессуальному статусу переводчика, не может считаться приемлемым и скорее интерпретируется как "неправомерное влияние стороны обвинения на ход и содержание судопроизводства" [12, с. 91].

3. Определение инициатора вызова переводчика в правоохранительные органы или суд.

О.Ю. Кузнецов отмечает, что в соответствии с ч. 2 ст. 59 УПК РФ юридическим основанием для допуска лица к участию в уголовном процессе является постановление дознавателя, следователя, прокурора и судьи или определение суда. "Уголовно-процессуальный закон, – указывает этот же автор, – предусматривает возможность привлечения к участию в деле переводчика по инициативе как со стороны обвинения, так и со стороны защиты" [12, с. 74]. Отдельную проблему, связанную с привлечением в процесс переводчика, видит А.В. Винников, ссылаясь на коллизию УПК РФ и некодифицированного закона № 94-ФЗ российского законодательства, которая приводит к тому, что в некоторых департаментах привлечение переводчиков и экспертов к уголовному процессу

осуществляется только лицом, в производстве которого находится уголовное дело, а в других департаментах существует возможность конкурсного производства, когда, например, объявляются "тендеры по размещению заказов на переводческие услуги следственным органам и судам" [4].

Отметим, что юридические коллизии не входят в зону компетентности переводчика как специалиста, владеющего как минимум двумя языками и способствующего установлению отношений между участниками уголовного процесса, но значительно проливают свет на условия работы лица, которое могут вызвать в суд для участия в уголовном судопроизводстве. Весьма информативным в этом плане является определение переводческих организаций, ООО и ИП как источников переводческих кадров и возможных "судебно-переводческих организаций", на авторитет и ответственность которых следователям и судьям приходится полагаться. Как пишет А.В. Винников, вопрос здесь касается тайны следствия и судопроизводства, недопустимости разглашения конфиденциальной информации и уголовной ответственности за заведомо ложный перевод [5].

Компетентность переводчика

Здесь также можно выделить ряд проблемных аспектов.

1. Определение объема лингвистических способностей.

По словам Е.П. Головинской, переводчик в уголовном процессе – это "совершеннолетнее лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных законом, свободно владеющее языками, знание которых необходимо для перевода" [7, с. 9]. Свободное владение языками – весьма непрозрачное определение компетенций переводчика. Какими языками – вот камни преткновения в определении лингвистических способностей лица, помогающего участнику уголовного судопроизводства, не владеющему или недостаточно владеющему языком, на котором ведется производство по делу.

Думается что размытость формулировки связана с тем, что вопросам участия переводчика в суде посвящены, главным образом, работы юристов, хотя и наблюдаются попытки рассмотрения особенностей лингвистической компетентности переводчика с юридических позиций. Так, А.А. Ларин признает неточным законодательное положение (ст. 59 УПК), в соответствии с которым переводчик должен свободно владеть языком, знание которого необходимо для перевода, и уточняет, что переводчик должен владеть как минимум двумя языками: языком, на котором ведется судопроизводство и языком, которым владеет лицо, пользующееся услугами переводчика [15]. Только в этом случае, согласно А.А. Ларину, можно гово-

речь о том, что лицо, привлекаемое в качестве переводчика, обладает свойствами компетенции [15].

В.Ю. Стельмах также определяет компетентность переводчика в сфере уголовно-процессуальной деятельности как "свободное владение минимум двумя языками: уголовного судопроизводства и тем, которым в достаточной степени владеет участник процесса" [21]. Здесь тоже речь идет о языке судопроизводства и о языке, ради которого, собственно, переводчик привлекается и назначается.

Как видим, для участия в уголовном процессе переводчик должен в равной степени владеть двумя языками, что является очевидным для перевода с иностранных языков и что немаловажно при привлечении переводчиков, переводящих с языка / на язык какого-либо народа многонациональной России или одной из стран СНГ. Что касается степени свободного владения языками, В.Ю. Стельмах конкретизирует понятие свободного владения как свободное понимание разговорной речи на обоих языках, умение без помощи изъясняться на данных языках, умение изложить на обоих языках фактические обстоятельства, связанные с производством по делу, умение разъяснить применяемые при производстве специальные термины в понятной и доступной форме [21].

2. Подтверждение знания языков.

Оценка уровня профессиональной подготовки переводчика – довольно трудная противоречивая задача для правоохранительных органов и судей. Подтверждение квалификации дипломами и гарантии переводческих фирм отчасти снимают эту проблему, однако остается еще много нерешенных вопросов. В частности, проблема связана с тем, что бремя оценки уровня профессиональной подготовки переводчика нередко ложится на работников правоохранительных органов: уголовно-процессуальное законодательство "обязывает следователя удостовериться в компетентности переводчика, однако не раскрывает вопрос о том, как это необходимо сделать" [14, с. 143].

Дополнительную проблему представляет образование переводчиков. Как было сказано выше, для большего числа языков РФ трудно найти дипломированных переводчиков. По наблюдению Е.Ю. Чибисовой, "существующая судебная практика позволяет использовать в арбитражных, гражданских и уголовных судебных процессах в качестве переводчиков не только лиц, обладающих специальным образованием, но и иных граждан, при условии "обеспечения адекватности и точности перевода" [23, с. 156]. Отметим здесь, что оценка адекватности также требует определенных человеческих ресурсов. Вместе с тем, как отмечает Е.Ю. Чибисова, "существуют прецеденты, когда в суде при переводе на восточные языки выступают продавцы и дворники – мигранты" [23, с. 156].

3. Определение компетентности в сфере уголовно-процессуальной деятельности.

Профессиональная компетентность переводчика в уголовном процессе не ограничивается знанием языков, но включает также "специальную компетентность" (из определения переводчика в уголовном процессе в работе Г.Я. Имамудиновой [8]), предметные знания, так называемый язык права. Согласно А.А. Ларину и Л.Б. Обиждиной, "качественный перевод в рамках следственных действий или рассмотрения дела в суде невозможен без знания хотя бы основ законодательства Российской Федерации" [14, с. 144]. Как отмечает А.А. Ларин, процессуальное законодательство и судебная практика не выработали критерии оценки уровня профессиональной подготовки переводчиков, и пока отсутствует законодательный порядок аттестации судебных переводчиков [15]. Вместе с тем, уже определён состав квалификационного экзамена на получение статуса судебного переводчика в "Проекте Положения о судебном переводчике" [19]. Согласно этому проекту, экзамен предусматривает проверку знания основ законодательства РФ и субъекта РФ, предполагает перевод текста с юридическим содержанием, а также включает тест на знание терминологии отдельных тематических направлений судебного перевода [19].

Как видим, от переводчика требуется знание основ законодательства и осведомленность в тематических направлениях судебного перевода. Предполагается специальная подготовка переводчиков, участвующих в уголовном судопроизводстве. Однако, как отмечает, А.В. Винников, "иногда раздающиеся требования о необходимости создания для судов какого-то особого института переводчиков особо высокой специальной квалификации не имеют под собой оснований" в связи с тем, что "подсудимый не может понять переводчика, который значительно превосходит его по уровню культуры, что нарушает конституционное право граждан иметь равный доступ к правосудию" [3]. По утверждению А.В. Винникова, в отношении судебного перевода "речь идет не о совершенстве, а о разумной достаточности", подозреваемый или подсудимый просто должен понимать, что происходит на заседании и в чем его обвиняют, при этом переводчику достаточно поверхностных юридических сведений [3].

Многопрофильность
работы переводчика в суде

Казалось бы, перевод в уголовном процессе – довольно узкая специализация, однако на практике оказывается, что переводчик сталкивается с различными видами деятельности в рамках судебного перевода и должен быть весьма разносторонне подготовлен и адаптироваться к различным ситуациям в уголовном судопроизводстве.

1. Устная и письменная формы перевода.

Перевод в уголовном процессе предполагает устную и письменную формы, поэтому переводчик в уголовном судопроизводстве должен быть готов осуществить как устный, так и письменный перевод. Я.М. Ишмухаметов конкретизирует ситуации применения устного перевода, отмечая, что устный перевод используется при проведении процессуальных и следственных действий, при общении переводчика с лицом, которое не владеет языком судопроизводства, при рассмотрении уголовного дела в суде первой и второй инстанций [10]. Письменный перевод, по словам этого же автора, осуществляется в случае, когда необходимо перевести письменный документ на язык судопроизводства, либо с языка судопроизводства для вручения копий данного документа лицу, не владеющему языком судопроизводства, либо перевести документ, полученный от указанного лица, на язык судопроизводства для приобщения перевода к материалам уголовного дела [10].

А.А. Ларин и Л.Б. Обидина также обращают внимание на то, что свободное владение языками не гарантирует способность переводчика качественно и полно осуществлять перевод, так как, по утверждению авторов, "перевод может осуществляться в различных формах (письменный? перевод письменного текста, устный? последовательный? перевод, устный? синхронный? перевод, устный? перевод письменного текста или "перевод с листа", письменный? перевод аудиозаписи)", каждая из которых "имеет свои особенности и требует времени и усилий? на освоение" [14, с. 144].

Как отмечается на сайте бюро переводов LingvoPlus, только "незнакомому с предметом человеку кажется, что существует минимальная разница между устным и письменным переводами", между тем эта разница проявляется в самом процессе перевода, в трудностях, с которыми сталкивается переводчик, в применяемых "профессиональных приемах и навыках и, наконец, просто в требуемых талантах" [18]. Здесь можно было бы говорить о конфликте компетенций, когда профилизация переводческой деятельности уступает место универсальности подготовки переводчика.

2. Многожанровость материала перевода.

Наряду с нивелированием специализаций в устном и письменном переводе, проблемным аспектом в работе переводчика, участвующего в уголовном процессе, можно считать многожанровость материала перевода. По закону судебный переводчик обязан переводить "все произносимое в ходе разбирательства": "показания, ходатайства, тексты прений, указания председателя, последнее слово", перевод документации [22]. Очевидно, что здесь нет предпочтения какому-то одному жанру, переводчик должен специализироваться в разных жанрах и

быть готовым переводить устные сообщения, заявления и необходимую письменную документацию, требуемые в процессе судопроизводства для осуществления языковой медиации участников уголовного процесса. Как пишет В.Ю. Стельмах, "переводчик наделен правом переводить все материалы уголовного дела, без каких-либо исключений", в уголовном деле могут быть назначены несколько переводчиков с одного языка, но в случае, например, если они назначены последовательно друг за другом в виду невозможности участия переводчика, назначенного ранее [21], а не в связи с тем, что для каждого этапа и ситуации подбирают и вызывают отдельного специалиста.

3. Переводческая мобильность.

Как проблемный аспект переводческой деятельности в уголовном судопроизводстве выступает переводческая мобильность, которая включает в себя трудовую мобильность как готовность перестраиваться и приспосабливаться к изменяющимся условиям, профессиональную мобильность как способность переключаться с одного вида деятельности на другой, территориальную мобильность как способность к территориальному перемещению и готовность переводить в различных подразделениях, отправляющих уголовное судопроизводство, например, "перевод в тюрьмах, миграционных отделах, полицейских участках" [22]. Наконец, немаловажным является психологическая мобильность как готовность работать с людьми разных социальных областей и различного психологического, психического и эмоционального склада.

Формирование переводческой мобильности осуществляется в ходе опыта работы в уголовном судопроизводстве и в результате применения специальной методики подготовки судебного переводчика, которая, по мнению И.А. Муратовой, включает следующие аспекты: "формирование специфических умений и навыков судебного перевода на базе общей профессиональной переводческой компетенции; овладение юридическими знаниями общего характера в области судебных систем стран рабочих языков переводчика; формирование социокультурной компетенции, позволяющей понимать различия в правовой культуре и правосознании и учитывать в своей работе связанные с ними особенности национального поведения; воспитание необходимых судебного переводчику морально-этических качеств" [17].

Итак, участие переводчика в правовой коммуникации, в частности в уголовном судопроизводстве, имеет ряд юридических оснований. Современные исследователи-юристы выделяют проблемные аспекты включения переводчика в правовую деятельность и рассматривают конфликтные моменты взаимодействия специалистов языка и специалистов права. Спорные вопросы и противоречия

включения переводчика в уголовный процесс и определения его профессиональной и специальной компетенции, обнаруживаемые на практике, проливают свет на специфику его работы в следственных и судебных действиях и показывают, в каких направлениях следует ра-

ботать лингвистам и преподавателям языка для построения оптимальной методики обучения юридическому переводу в отдельной сфере его использования и для оптимизации участия переводчика в уголовно-процессуальных действиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абшилава Г.В. Процессуально-правовые и гуманитарные проблемы участия переводчика в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 28 с.
2. Винников А.В. О привлечении переводчиков в судебный процесс // Судья. – 2012. – № 6. – С. 50–54.
3. Винников А.В. Перевод в судебном уголовном процессе: методические рекомендации [Электронный ресурс]. – URL: <http://otkrmir.ru/uslugi-perevoda/sudebnyu-perevod/statii-po-sudebnomu-perevodu/perevod-v-sudebnom-ugolovnom-processe/> (дата обращения: 16.09.2017).
4. Винников А.В. Практические аспекты перевода в уголовном процессе и официальный перевод документов [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw1/vinnikov_lawtranslation.html (дата обращения: 06.10.2017).
5. Винников А.В. Практические аспекты привлечения переводчика в уголовном процессе [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ugpr.ru/article/108-prakticheskie-aspekty-privlecheniya-perevodchika-v-ugolovnom-protsesse> (дата обращения: 21.09.2017).
6. Голев Н.Д. Постановка проблем на стыке языка и права // Юрислингвистика: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 4–11.
7. Головинская Е.П. Процессуально-правовые основы деятельности переводчика по обеспечению принципа языка уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2006. – 23 с.
8. Имамудинова Г.Я. Актуальные вопросы участия переводчика в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2011. – 23 с.
9. Иностранец в суде РФ: правильный поиск переводчика [Электронный ресурс]. – URL: <http://sudpomoshnik.ru/inostranec-v-sude-ri-pravilnyj-poisk-perevodchika.html> (дата обращения: 4.10.2017).
10. Ишмухаметов Я.М. Язык судопроизводства как принцип российского уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. – Ижевск, 2006. – 204 с. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.dslib.net/kriminal-process/jazyk-sudoproizvodstva-kak-princip-rossijskogo-ugolovnogo-sudoproizvodstva.html> (дата обращения: 21.09.2017).
11. Копылова О.П., Курсаев А.В. Принцип языка в российском уголовном судопроизводстве: учебное пособие. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2007. – 76 с.
12. Кузнецов О.Ю. Переводчик в российском уголовном судопроизводстве. – М.: Изд-во МПИ ФСБ России, 2006. – 256 с.
13. Кузнецов О.Ю. Понятие "язык судопроизводства" в системе российского процессуального законодательства // Современное право. – М.: Новый индекс", 2005. – № 4. – С. 46–52.
14. Ларин А.А., Обидина Л.Б. Участие переводчика в суде и на досудебных стадиях процесса: проблемы и пути их решения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2016. – № 3. – С. 143–147.
15. Ларин А.А. О некоторых аспектах правовой регламентации деятельности переводчика // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода: сб. статей. – Нижний Новгород: ООО "АЛЬБА", 2010. – С. 40–46.
16. Мищенко А.Ю. Понятие переводчика и его роль в уголовном судопроизводстве // Пробелы в российском законодательстве. – М.: Издательский дом "Юр-ВАК", 2013. – С. 244–246.
17. Муратова И.А. Содержание и формат сертификационного экзамена судебных переводчиков как методическая проблема: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 2006. – 24 с. [Электронный ресурс]. – <http://disus.ru/r-pedagogika/245556-1-soderzhanie-format-sertifikacionnogo-ekzamena-sudebni-perevodchikov-kak-metodicheskaya-problema.php> (дата обращения: 30.10.2017).
18. Перевод устный и письменный: особенности и различия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lingvo-plus.ru/estniy-i-pismenny-perevof> (дата обращения: 16.09.2017).
19. Проект Положения о судебном переводчике [Электронный ресурс]. – URL: http://translation-school.ru/index.php/ru/archive/2015/sworntranslator#_Toc437967288 (дата обращения: 18.09.2017).
20. Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов [Электронный ресурс]. – URL: <http://siberia-expert.com> (дата обращения: 21.09.2017).
21. Стельмах В.Ю. Некоторые вопросы участия переводчика при производстве предварительного следствия по уголовным делам [Электронный ресурс]. – URL: http://translation-school.ru/index.php/ru/archive/2015/sworntranslator#_Toc437967288 (дата обращения: 18.09.2017).
22. Судебный перевод [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.martinperevod.ru/juridicheskij-perevod/sudebnyj/> (дата обращения: 16.09.2017).
23. Чибисова Е.Ю. Правовое регулирование деятельности переводчика // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2009. – № 7–2 (26). – С. 153–157.
24. Шевелев И.А. Язык судопроизводства и участие переводчика в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2008. – 189 с.

ВЕРБАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА УЛЫБКА В РУССКОЙ И КАЛМЫЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

VERBAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF THE SMILE IN RUSSIAN AND PEACEFUL CULTURES

I. Mitriev

Annotation

In the Russian Federation, due to its polyethnicity, intercultural communication is linguistic reality, therefore the study of the features of the mental world of the contacting people in both linguistic and non-linguistic manifestations is an urgent necessity. In this article on the material of artistic prose of Russian and Kalmyk linguocultures, the smile is analyzed as a phenomenon of kinesthetic-emotional nature.

Keywords: linguoculture, smile, communicative behavior, facial expressions, representativeness.

Митриев Игорь Менкеевич
ФГБОУ ВО Калмыцкий государственный
университет им. Б.Б. Городовикова

Аннотация

В Российской Федерации в силу ее полиэтничности межкультурная коммуникация является лингвистической реальностью. В связи с этим изучение особенностей ментального мира контактирующих народов как в языковом, так и неязыковом его проявлениях является насущной необходимостью. В данной статье на материале художественной прозы русской и калмыцкой литературы анализируется улыбка как феномен кинестетико-эмоциональной природы.

Ключевые слова:

Лингвокультура, улыбка, коммуникативное поведение, мимика, репрезентативность.

Улыбка, как элемент мимики, выполняет важные функции в коммуникативном поведении. Улыбка как средство общения человека имеет собственные критерии и оценки. В настоящей статье рассматривается использование улыбки в лингвокультуре русского и калмыцкого этносов. При этом учитывается, что характерной чертой калмыков является сдержанность в проявлении чувств. Материалом для наблюдений послужили произведения классиков русской и калмыцкой литературы.

Репрезентация жеста *улыбка* в прозе русских писателей определяется семантикой слова *улыбка* и его дериватами: *улыбчиво, улыбаться, улынуться* и т.д. В прозе калмыцких авторов улыбка выражается с помощью дериватов лексем *инэмскглэн* и *мишхлзлһн*.

При анализе значений калмыцкой улыбки и ее дефиниций, представленных в словарях, определяются следующие значения: *инэдн, инэх, инэлх, инэлдэн, ииэлцхэх* - смех, *маасхлзлһн/ маасхлэх* - ухмылка/ухмыляться, *мишхлзлһн, мишэлһн, марзһр, мишхлэх* - виды улыбок, *инэмсг, инэмтхэ, инэдтэ* - вид людей или объекта, *марзах* - осклабиться [27]. Особое внимание следует уделить тому факту, что вышеперечисленные лексемы не имеют прямого значения улыбки, но содержат компонент *смеха, ухмылки, хохота*.

Анализ показал, что улыбка в творчестве русских и калмыцких писателей выражает позитивные и отрица-

тельные эмоции. В художественных текстах М.А. Булгакова, И.А. Бунина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, С.А. Есенина и В.В. Набокова нами выделено 1280 контекстов употребления слов с корневой морфемой *-улыб-*.

Анализ материала позволил выделить следующие разновидности улыбки:

1. Улыбка, выражающая негативное значение и отношение.
2. Улыбка, выражающая позитивное значение и отношение.
3. Улыбка, выражающая нейтральное значение и отношение.

Рассмотрим разновидности улыбок последовательно.

1. **Улыбка, выражающая негативное значение и отношение:** странная улыбка, подобострастная улыбка, лисья улыбка, язвительная улыбка, обольстительная улыбка, стыдливая улыбка, насмешливая улыбка, фальшивая улыбка, хитрая улыбка, горькая улыбка, мученическая улыбка, тревожно-ласковая улыбка, актерская улыбка, искусственная улыбка, заискивающая улыбка, оскальная улыбка, оскорбительная улыбка, улыбка ужаса, сконфуженная улыбка, неприятная улыбка, шафранная улыбка, подхалимская улыбка, саркастическая улыбка, тупая улыбка, глупая улыбка, улыбка от страха, унылая улыбка, хмурая улыбка, сумрачная улыбка, дремотная улыбка, безумная улыбка;

2. Улыбка, выражающая позитивное значение и отношение: снисходительная улыбка, ласковая улыбка, счастливая улыбка, детская улыбка, вежливая улыбка, сладкая улыбка, дружелюбная улыбка, мягкая улыбка, благосклонная улыбка, лучезарная улыбка, сытая улыбка, приветливая улыбка, умиленная улыбка, ясная улыбка, Господня улыбка, удивительная улыбка, мусульманская улыбка, жемчужная улыбка.

3. Улыбка, выражающая нейтральное значение и отношение: кривая (искривившаяся) улыбка, молящая улыбка, болезненная улыбка, игривая улыбка, легкая улыбка, растерянная улыбка, застенчивая улыбка, тонкая улыбка, скромная улыбка, любезная улыбка, снисходительная улыбка, загадочная улыбка, примерзшая к лицу улыбка, конфузливая улыбка, робкая улыбка, смущенная улыбка, тихая улыбка, прощальная улыбка, улыбка удивления, заигрывающая улыбка, самодовольная улыбка, слабая улыбка, улыбка вечности, непостижная улыбка, короткая улыбка, таинственная улыбка, молчаливая улыбка, сдержанная улыбка, улыбка нищего, немая улыбка, умная улыбка.

Анализ показывает, что наибольшее количество примеров характерно для улыбки, выражающей нейтральное и отрицательное значения и отношения. Ниже подробно проанализируем репрезентацию в художественном тексте улыбки, передающей положительное и отрицательное значения как средств выражения полярных чувств.

В ходе изучения художественных контекстов наблюдаем, что в творчестве русских писателей наиболее часто репрезентируются такие разновидности улыбки, как насмешливая и саркастическая. Приведем следующие примеры: *"Бока закладает, не предохнуть, - сообщила баба и почему-то насмешливо улыbnулась"* [13, с.135]; *"Иногда он не выдерживал, как бы шутя, целовал ее в щеку, и она закрывала глаза, томно и насмешливо улыбалась"* [14, с.87]; *"Ну, я бы на вашем месте не закаивался. Бог знает, что может случиться, - заметил Обноскин, насмешливо улыбаясь"* [19, с.77]; *"Никто не спросит, никого не будет. А если, на случай, - чего боже сохрани! - кто и придет, да если что тебя спросит или что-нибудь скажет, то немедленно отвечай саркастической улыбкой. Знаешь, что такое саркастическая улыбка?"* [20, с.665].

Употребление тревожно-сладкой разновидности улыбки в контекстах мотивировано лексемой *"тревожно"* ("с присутствием тревоги" [8]) и *"сладкая"* ("приятный, нежный, доставляющий удовольствие"). Проиллюстрируем сказанное следующим примером: *"Писатель? - спросил я, изучая Василия Петровича, который, улыбаясь тревожно-ласковой улыбкой, пил коньяк"* [9, с.46].

В проанализированных контекстах выделяются примеры, репрезентирующие такую разновидность, как

странная улыбка: *"И, поднявшись со скамьи, старичок снял шляпу и, странно улыбаясь, потряс ею в воздухе"* [14, с.124]; *"Он стоял как бы в задумчивости, и странная, приниженная, полубессмысленная улыбка бродила на губах его"* [21, с.361]. Семантика такой улыбки раскрывается как *"вызывающая непонимание, не то, что привычно"*.

Улыбка может выражать самые разные отрицательные эмоциональные состояния, например, грусть: *"Лебедев смутился, хотел что-то сказать, но только заикнулся: ничего не выговорилось. Князь подождал и грустно улыbnулся"* [22, с.287]; *"Филипп молчал и с грустной улыбкой нахлобучивал шапку"* [24, с.9]; *"Да, я все еще расту, - ответила она, грустно улыбаясь"* [14, с.197]. При обозначении эмоции грусти используется следующая модель: существительное "улыбка" + качественное прилагательное со значением "грусть, печаль", глагол "улыбаться/улыbnуться" + наречие образа действия со значением грусти, печали.

Эта же модель используется для обозначения иронической улыбки: *"Кузьма, в старой чуйке и старом картузе, в сбитых сапогах, шагал на вокзал, за Пушкирную Слободу, и, качая головой, морщась от сигарки в зубах, заложив руки назад, под чуйку, иронически улыбался..."* [15, с.204]; *"Князь сидел молча и с какой-то торжествующе иронической улыбкой смотрел на Алешу"* [22, с.249].

Среди собранного материала выделяется группа примеров, иллюстрирующих такие разновидности улыбок, как актерская: *"Перед собою я видел улыбающиеся актерские лица, по большей части меняющиеся"* [9, с.65]; искусственная *"Смеялся в кабинете. Улыбка его неприятна и как бы искусственна"* [10, с.71]; фальшивая *"Немчик даже побледнел, но всё еще улыбался своею фальшивой улыбкой, поглядывая на других: как другие отзовутся?"* [22, с.787].

Улыбка может выражать хитрость, характеризуя персонаж как неискреннего человека: *"Так это вы, достолюбезный Сергей Леонтьевич! - сказал, хитро улыбаясь, Ильчин"* [9, с.11]; *"Сразу запомнилась мне эта его детски-лукавая, как будто даже с хитрецей улыбка"* [25, с.772]; *"И к бобрам с улыбкой хитрой Обратился По-Пок-Кивис: "О друзья мои! Покойно, Хорошо у вас в вигвамах!"* [14, с.598].

Улыбка может характеризовать главного героя или персонаж, передавать их разные психологические черты, например, стеснительность, неуверенность в себе или смущение: *"Бутафор уселся на стул и стал вместе со всеми писать в воздухе и плевать на пальцы. По-моему, он делал это не хуже других, но при этом как-то сконфуженно улыбался и был красен"* [9, с.214].

Улыбка может передавать положительный настрой персонажа, его доброе отношение к излагаемому событию или собеседнику: *"Облигация-с, - ласково улыbnувшись,*

молвил кассир" [11, с.463], "Лицо спокойно, ясно, на губах ласковая улыбка - ко всему народу..." [16, с.334].

Как известно, улыбка является важным невербальным средством установления и поддержания контакта, она часто сопровождает общение, создавая атмосферу комфорта, сигнализируя о теплых отношениях коммуникантов. Приведем следующие иллюстрации: "В Филину дверь входила очень хорошенькая дама в великолепно шитом пальто и с черно-бурой лисой на плечах. Филя приветливо улыбался даме и кричал: - Бонжур, Мисси!" [9, с.119]; "Затем человек, приветливо улыбнувшись партеру, перевернулся кверху ногами и поехал, вертя педали руками, причем казалось, что он разобьет себе вдребезги лицо" [12, с.80]. Не случайно, улыбка во многих культурах является неотъемлемым компонентом речевого этикета.

Улыбки, выражающие веселье, реализуются через лексему веселый и ее дериваты: "Представьте, какой гротеск, - сказал я, улыбаясь весело, - у меня сейчас часы украли на улице. Все промолчали" [11, с.210]; "В избу вошел с веселой улыбкой Костя" [24, с.19].

Как известно, улыбка передает не только эмоции персонажей, но и особенности их характеров. К примеру, широкая улыбка свидетельствует о добром, открытом характере: "Что значит... дайте? - широко улыбнулся транспосекцик, - да берите сколько хотите!" [11, с.453].

Ранее, анализируя репрезентацию понятия "улыбка" в калмыцком языке, мы пришли к выводу, что улыбка калмыков искренна и обычно адресуется только к близким людям [26, с. 56-61].

Анализ художественного материала позволяет установить, что большинство примеров иллюстрируется обычным видом улыбки (без указания размера, длины и т. д.). Такой вид обозначается дериватом базовой лексики инэ: "Би теднэ хэлэц харвад, эвдкурэс куукдин маннаднь хаслнгин суудр тухсла, зэвуринь хувацад гейурнэв, чирэднь байрин толь герлтхлэ, тедниг дахад инэмсглэнэ" "Я взгляд их ловлю, и если девочки от боли наморщат свой лоб, вместе с ними страдаю, а если луч радости заиграет на лицах, улыбаюсь с ними вместе" [2]; "Харти Бадиевич тедн талан жеелн нудэр хэлэж инэмсклэж, барун харан картузиннь нур дор авад: - Коммуна партин, Ленинэ керг-уул куцэхд, уйн пионермуд, кезэд чигн белн болцхатн!" "Харти Бадиевич посмотрел на них тепло, улыбнулся и, взяв правой рукой по козырек, сказал: - Юные пионеры, к борьбе за дело Ленина, за дело Коммунистической партии, будьте готовы!" [29];

В собранном материале выделяется следующая разновидность улыбки - "во все зубы" (шикр цаһан шудэрн цэс инэнэд - "Улыбнулась своими сахарно-белыми зубами"); "гилхэд Катя, шикр цаһан шудэрн цэс инэнэд орксн, тер инэнд

болн куукнэ шагшг сурмсга мэнт хар нуднэ хурц хэлэц Хигерин зуркиг дэжж эдгш угаһар шавтав" - 'сказала Катя и так ослепительно улыбнулась своими сахарно-белыми зубами, что эта улыбка и этот взгляд из-под прикрытых густыми ресницами черных глаз ранили Хигера прямо в сердце и навсегда' [7].

Ряд контекстов позволяет выделить улыбку-ухмылку (мусхлэсн инэнд): "Багшин мусхлэсн инэнд бичкн чирэхэрнь дуурч, хойр энг уга нудинь уутрулв" "Ухмылка учителя растекалась по его маленькому лицу, сузив его бесцветные глаза" [31]; "Гилхэд Кичг мусхлэж хамр доран инэв" "Ухмыльнулся Кичик, засмеявшись себе под нос" [4, с. 115-169]. Кроме того, выделяется такой вид, как детская улыбка (бичкн куукдинэнэр инэмсглсн): "Кевун зузан урлан "ду-ду" гижэх мет шовалһад, бичкн куукдинэнэр инэмсглсн кевтнэ" "Мальчик надул толстые губы, как бы говоря "ду-ду" и лежал, улыбаясь по-детски" [5, с.47-118].

В текстах калмыцкой прозы встречается такая разновидность улыбки, как наигранная (мана нудд инэмсклэнэ - 'лишь глаза наши улыбаются'): "Зугл мана нудд инэмсклэнэ, нань юмн дав-деерэн уга" 'Лишь наши глаза улыбаются, больше ничего' [23]; "Тиим тэлэдэн инэмссн цагтнь чигн энунэ чирэ һашута болн халта болж медгддг билэ" "Поэтому, даже в момент улыбки его лицо казалось скорбным или строгим" [17, с.63-68].

Улыбка используется авторами художественных текстов для обозначения внутренней и внешней красоты человека: "Чирэ, нуднь болхла, инэмсклэд, нам хажуһар һарх куунэ бийнь еердм дунгэнэр евэрирж" "Глаза (ее) заулыбались и лицо, так преобразилось, что даже прохожий не устоит и подойдет" [28, с. 246-256]; "Инэмсглсн Лидан йиринэ сээхн чирэ улм сээхрэд, куукд куунэ нег тиим угэр келж болшго янзар ончрсн болж, Санһад медгдв" "Улыбающееся лицо Лиды стало еще краше, что Санга не сразу подобрал нужные слова" [18, с.139:154].

Улыбка может украшать человека, а также передавать сердечную расположенность человека, доброту души: "Уудн секгдэд, Церн Санл хойр инэмсклсн байрта орж ирв" "Дверь отворилась и вошли улыбающиеся, радостные Санал с Цереном" [31].

В текстах художественной прозы нередко встречается характеристика улыбки с точки зрения ее протяженности во времени. Так, в произведениях говорится о вечной (оньдин инэмсглэд йовдг - вечно улыбающееся) и длительной улыбка (мел инэмсглэд - всегда улыбаясь): "Оньдин инэмсглэд йовдг чирэнь курл мэнгэнэ энг һарад, тоста маннань гилр-гилр гигэд бээнэ" "Вечно улыбающееся его лицо за-бронзовело, на лбу блестел пот" [5, с.47-118]; "Утулн, негчн хурнясн уга шар чирэ, хар чи мет гилвксн хойр нуднь оньдинд тиньгр инэмсклсн йовдг билэ" "Вытянутое, без единой

морщинки светлое лицо, блестящие как две черные сливы глаза всегда светились улыбкой' [1].

Степень протяженности улыбки (*чирэнь байрин инэдэр дуурэд* – лицо переполнялось смехом радости) так же характеризует приподнятое настроение персонажа, радостное состояние его души: *"Эн саамла Анжа Саглариг гун тоолверта бээхиг медчкэд, куукнур еердэд, урдк кевтэн чирэнь байрин инэдэр дуурэд, ик-ик шудэн узулж, маасхзад келв: - Саглар, хахуль хайж чаддвчи?"* 'В этот момент Анджа заметил, что Саглар находится в глубокой задумчивости, подошел к девушке, лицо его, как и прежде, переполнялось радостью [смехом], и он сказал, улыбаясь и обнажив крупные зубы: – Саглар, ты умеешь удочку закидывать?' [5, с.47–118].

Анализ языкового материала позволяет заключить, что калмыки расценивают улыбку как украшение лица (*чирэ инэдэр кеерэд*) человека: *"Залухин чирэ инэдэр кеерэд, адһмтаһар кевунэнһ һарас шуурч авад, хажукшан, байнур еердхж зогсав"* 'Лицо мужчины украсила улыбка, он с поспешностью взял мальчика за руку и, подведя ближе к богачу, оставил в сторонке' [6].

Улыбка в текстах художественной прозы предстает как процесс, в котором выделяются начало, продолжение, завершение, возобновление, прекращение. Улыбка может останавливаться (*инэдня зогсв*), освещать лицо (*инэдэр герлтэд*): *"Нулъмс һарсн куук узсн цегчнрин чирэ ондарад, инэдня зогсв"* 'Увидев заплаканную девочку солдат переменился в лице, улыбка сошла с его лица' [30]; *"Райполицин начальникин догшин цоохр чирэ генткн жеелдэд, тер инэмсклж полицайд һаран егв"* 'Свиристое рябое лицо начальника райполиции внезапно смягчилось, и, улыбнувшись, он подал полицаяу руку' [3].

Улыбка может указывать на качества личности человека, например, свидетельствовать о честности, правдивости, обмане, лести и т. д. Она бывает обманчивой (неправдивой): *худл инэдрн: "Туунэ утулл чирэ, эн худл инэдрнэс улм зута бээдл һарад, нудндк хойр шилнь, цаадк нудинь куцц узулл уга, гилв-далв гив"* 'Его вытянутое лицо от этой неестественной улыбки приняло еще более дурацкий вид, за бликами пенсне не было видно глаз' [3].

Как известно, улыбка не отделима от человеческой индивидуальности, будучи частью индивидуального облика человека. Основываясь на анализе собранного материала, можно говорить о наличии у человека особой манеры улыбаться (*инэсн инэдэрн*). Эта особенность характеристики человека не редко используется авторами калмыцких художественных произведений для создания неповторимого облика литературного персонажа: *"һазр деер сонһн эмтн бээнэ: енг-зусэрн, инэсн инэдэрн, йовсн йовдларн кууг, сорнц кевтэ, бийурн кетлэд бээдг"* 'На земле много интересных людей: своим видом, улыбкой, походкой они, как магнит, притягивают к себе' [4].

Таким образом, можно заключить, что феномен улыбки в лингвокультуре калмыков и русских осмысливается как знак искренности, расположения по отношению к собеседнику. Анализ художественной прозы калмыцких и русских писателей свидетельствует о том, что и калмыки, и русские используют разные виды улыбок для передачи своего отношения к объекту или субъекту речи, своего настроения на общение. Улыбка является важным средством индивидуальной характеристики человека, а в текстах художественной прозы – литературного персонажа. Кроме того, улыбка как часть речевого этикета, свидетельствует об уровне культуры коммуникантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадмаев А. Б. Зултурган – трава степная. Роман. Дополнительное издание. На калмыцком языке. Элиста, 1982. 478 с.
2. Байдыев С. А. Посвящение: стихи и поэма. Элиста, 1963. 72 с.
3. Балакаев А. Г. В седой степи. Роман. Книга первая. На калмыцком языке. Элиста, 1984. 398 с.
4. Балакаев А. Г. Дикие собаки: Роман. Элиста. 2008, 336 с.
5. Балакаев А. Г. Собрание сочинений в 3–х томах. Том II. Элиста, 1988, 395 с.
6. Балакаев А. Г. Буурл теегт/Седая степь. М., 1968. 397 с.
7. Балакаев А. Г. Залу зерг: роман (негдгч дегтр). Элиста, 1984, 283 с.
8. Большой академический словарь русского языка: В 30 т. / Под ред. К.С. Горбачевича. – СПб. 2004
9. Булгаков М.А. Избранные произведения в 2– т. Записки покойника: повести, рассказы. Минск, 1990. 544 с.
10. Булгаков М.А. Роковые яйца. Собачье сердце. М., 2009. 345 с.
11. Булгаков М.А. Собрание сочинений: в 5 т. М., 1989. 750 с.
12. Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 4: Князь тьмы: ранние редакции и варианты романа "Мастер и Маргарита". СПб., 2002, 794 с.
13. Булгаков М.А. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1: Записки юного врача; Белая гвардия; Рассказы; Записки на манжетках: Полные собрания сочинений М., 1989. 623 с.
14. Бунин И.А. Темные аллеи: рассказы, М., 2011. 384 с.
15. Бунин И.А. Сочинения в 3т. Стихотворения. Повести и рассказы 1900–1914. Из рассказов "Тень птицы". М., 1982, 772 с.
16. Бунин И.А. Роман и рассказы. Жизнь Арсеньева. М. 1982 г., 336 с.

17. Гайдар А. Халун чолун: Келвр, Элиста, 1989. с. 63–68.
18. Джимбиев А. М. Такая разная судьба: рассказы. Элиста, 1990, 206 с.
19. Достоевский Ф.М. Дядюшкин сон. Село Степанчиково и его обитатели. Скверный анекдот. Зимние заметки о летних впечатлениях. Л., 1982. 443 с.
20. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 02. Повести и рассказы 1848–1852 гг. Л. 706 с.
21. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. Роман в шести частях с эпилогом. Л., 1970. 567 с.
22. Достоевский Ф.М. Идиот. Л., 1987. 639 с.
23. Дорджиев Б. Б. Хозяин. Рассказы и повесть. На калмыцком языке. Элиста, 1981. 284 с.
24. Есенин С.А. Полное собрание сочинений в семи томах. Том 5. М., 2005. 330 с.
25. Есенин С.А. Полное собрание сочинений в семи томах. Том 6. Письма. М., 2005. 805 с.
26. Митриев И. М., Есенова Т. С. Радость и улыбка как знаки эмоциональной сферы калмыков // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Выпуск №4, Элиста, 2013, с. 56–61.
27. Муниев Б. Д. Калмыцко–русский словарь. М., 1977. 754 с.
28. Тачиев А. Э. Ясное утро. Повесть и рассказы на калмыцком языке. Элиста, 1980. 287 с.
29. Тачиев А. Э. Звезда комиссара: Повесть, очерки, рассказы. На калмыцком языке. Элиста, 1988. 151 с.
30. Хонинов М. В. Ты помнишь, земля смоленская. Роман. На калмыцком языке. Элиста, 1974. 273 с.
31. Шуграева В. К. Турун хонх: Туук. Элиста, 1979. 160 с.

© И.М. Митриев, (igormitriev@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ФГБОУ ВО Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

АКСИОГЕННОСТЬ ДИСКУРСА СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ (на материале англоязычных рекламных плакатов)

AXIOGENEITY OF PUBLIC INTEREST
ADVERTISING DISCOURSE
(on the material of social issue
ad posters, produced in english)

*I. Palashevskaya
M. Zubkova*

Annotation

The article considers social issue advertising posters as a type of regulatory texts that promote the system of cultural value emphases with the help of diverse means of intellectual or emotional impact. It draws attention to some methods of transformation the society axiological model, including various manipulations with the lexical meanings, euphemisation, substitution of concepts, etc. The analysis bases on the advertising posters, produced in English and selected by random search from the Internet.

Keywords: public service advertising, public interest advertising, poster, linguo-cultural concept, cultural values, mass communication.

*Палашевская Ирина Владимировна
Д.филол.н., профессор,
ФГАОУ ВО "Волгоградский
государственный университет"
Зубкова Маргарита Сергеевна
Преподаватель ФГБОУ ВО
"Волгоградский государственный
аграрный университет"*

Аннотация

В статье рассматривается рекламный социальный плакат как тип текста регулятивного характера, актуализирующий принятую в социуме систему ценностей с помощью многообразных средств интеллектуального или эмоционального воздействия. Описываются используемые в искусстве плакатной социальной рекламы способы изменения аксиологической модели общества, включая различного рода манипуляции со значениями языковых единиц, эвфемизацию, подмену концептов.

Ключевые слова:

Социальная реклама, плакат, лингвокультурный концепт, ценности культуры, массовая коммуникация

Представляя собой жанровую форму рекламного обращения, социальный плакат характеризуется комбинацией вербальных и иллюстративно-визуальных (иконических) элементов, тяготеющей к лаконичности художественного решения, аксиологической мотивированностью и социально-прагматической направленностью. Основное назначение данного жанра – привлечение внимания общественности к социально значимым проблемам и актуализация ценностно значимых моделей поведения в качестве их решения. Плакат, с данных позиций, – визуальный призыв, предполагающий сочетание художественных и социальных задач. Его адресатом выступают множественные социальные группы, которым присущи многообразные различия: социально-экономические, демографические, культурные, гендерные, возрастные и т.д. Объединяющим вектором это неомогенного целого в рекламной коммуникации выступают ценности культуры. Ценностный компонент является ключевым для рассматриваемого типа текстов, обусловленный их регулятивной функцией.

Ценности и базирующиеся на них культурные образцы, имплицитно или эксплицитно воспроизводимые плакатными листами, могут носить как универсальный, так и

этноспецифический характер. Так, в качестве ценностных доминант в англо-американской культуре выступают концепты *success* и *fair play*, вокруг которых группируются ценности самовыражения (*self-expression*), личной свободы и автономии (*individual freedom and autonomy*), культурного разнообразия (*cultural diversity*), толерантности (*tolerance*), равенства возможностей (*equality of opportunity*) и конкуренции (*competition*) [12]. Культурные ценности успеха и равенства возможностей получают проявление в конкурентной экономической системе, независимом правосудии, построенном по модели противных сторон, практиках академического воспитания в духе достижений и индивидуализма, символах статуса и т.п.

С данных позиций выделяются рекламные социальные плакаты, выступающие актом борьбы за идентичности, власть и равный доступ к материальным и духовным благам. К плакатам такого рода относятся, тексты, посвященные борьбе с бедностью, репрезентируемой как отсутствие доступа к элементарным условиям жизни и недопущение слоев населения к участию в жизни общества. Примером могут служить плакаты предновогодней рекламной кампании *Dignity* (2010), проводимой благотворительной организацией *Salvation Army* (Армия Спа-

сения) [17]. Размещенные на автобусных остановках внутри лайтбоксов, они изображали людей, которые не могут дотянуться тянутся до жизненно необходимых вещей (полотенца, бутылки с водой, хлеба и т.п.) в силу своего бедственного положения и буквально в силу преграды в виде рамы лайтбокса. Слоган кампании: *With your donation a sense of dignity is within reach* – С вашим пожертвованием их чувство достоинства достижимо. Ценности успеха, равенства возможностей, социальной гармонии и толерантности поддерживают плакаты, затрагивающие вопросы расовой дискриминации, направленные на преодоление социокультурных стереотипов как средств проведения социальных, экономических, политических, правовых границ между своей и чужой этно-группами. Примером подобных рекламных акций может служить размещенная на сайтах представительства Агентства ООН по делам беженцев (UNHCR) в англоязычных странах галерея портретов бывших беженцев, достигших особого статуса в обществе (Альберт Эйнштейн, Мадлен Олбрайт, Виктор Гюго, Ханна Арендт и др.). Это также реклама, направленная на решение проблем социальной стигматизации и маргинализации лиц с ограниченными возможностями и их интеграции в социум: *For some, It's Mt. Everest. Help build more handicap facilities* (ADA, 2007) – Для кого-то это [лестница подземного перехода] Эверест. Помогите построить больше объектов, приспособленных для людей с ограниченными возможностями [15]. Следует заметить, что риторика современных англоязычных плакатов данной направленности переносит акцент с благотворительного подхода, т.е. позиционирования таких людей как жертв социально навязываемых ограничений, на их восприятие как субъектов, наделенных равными с остальными возможностями присутствовать в публичном пространстве и проявлять социальную активность: *We are all equal. We need inclusive schools.* – Мы все равны. Школы должны быть открыты для каждого (Fundacion Par, 2010). В этой сфере особое значение приобретают понятия "участие в жизни общества" и "предоставление возможностей". "Доступность" постулируется как необходимое условие создания "безбарьерного" и открытого общества. Базовый императив данных плакатов – *Общество должно быть открыто для каждого*. Ключом к созданию инклюзивного общества выступает противостояние негативному или предубежденному отношению к различным социальным группам и равенство возможностей для достижения успеха.

Важной особенностью культурных ценностей является их относительная устойчивость. Ценности – наиболее трудноизменяемые компоненты ориентации поведения [11; 13]. Отсюда одна и та же реклама может вызвать противоположную реакцию у различных аудиторий. Так на плакатах производителя одежды United Colors of Benetton [18] изображены целующимися политические и религиозные лидеры-оппоненты (папа римский Бенедикт XVI и египетский имам Ахмед ат-Тайиб, Барак Оба-

ма и Уго Чавес, Ким Чен Ир и президент Южной Кореи, Ангела Меркель и Николя Саркози, Махмуд Аббас и Бен-Ньямин Нетаньяху). В Ватикане данную кампанию, рекламирующую толерантность, расценили как демонстрацию неуважения, затрагивающую религиозные чувства.

Рекламный социальный плакат способен не только выступать в качестве мощного инструмента поддержания ценностей, но также выполнять аксиологически креативную функцию. В научных трудах активно обсуждаются механизмы пошагового изменения массовых представлений в процессах глобального политического управления. Примером может служить технология трансформации традиционного уклада общества, названная "Окна Овертона" (Джозеф Овертон – американский политолог, вице-президент Макинского центра публичной политики (MacKinac Center for Public Politics)) и описанная в романе Гленна Бека (Glenn Beck) "The Overton Window" (2010). Технология, включающая пять стадий трансформации социально неприемлемого в социально одобренное (неприемлемое → радикальное → приемлемое → рациональное → популярное → актуальная политика), объединяет в себе различные тактические приемы манипуляции массовым сознанием, исследованные в трудах таких ученых, как П. Бурдьё [2], Е.С. Кара-Мурза [6], В.И. Карасик [7], А. Шютц [10], А.В. Олянич [8] и др. Данные приемы включают, в частности, использование авторитета науки для актуализации ранее табуированных тем, эвфемизацию негативных явлений и их последующее включение в качестве информационного высказывания в тексты массовой культуры. Терминологическая манипуляция направлена на камуфлирование негативных явлений, в незнаваемом виде не вызывающих отторжения. Например, использование *substance* 'вещество' вместо *drug* 'наркотик', *passionate expression* 'несдержанность' вместо *violence* 'насилие', *sex work / care* вместо *prostitution* 'проституция', *sexual preference* 'сексуальное предпочтение' вместо *sexual orientation* 'сексуальная ориентация', *gender reassignment* 'смена гендера' вместо *sex change* 'смена пола' (*gender realignment surgery - sex change operation*). Посредством маскирующих терминов происходит формирование терпимого отношения к традиционно неприемлемым действиям. Как заметил П. Бурдьё, "любая теория – о чем говорит само слово – есть программа восприятия. <...> Можно видеть, насколько социальная реальность такой практики, как алкоголизм (впрочем, то же касается абортов, наркомании или эвтаназии) меняется в зависимости от того, воспринимают и осмысливают её как наследственный порок, моральное падение, культурную традицию или компенсаторное поведение" [2].

Среди лингвистически релевантных тактик, направленных на формирование представлений, не соответствующих этническим константам, выделяются различного рода манипуляции со значениями языковых единиц. Одним из действенных путей передачи чужого культур-

ного кода является перевод ассоциативных признаков из информационного потенциала в ядро значения, активация в речи ассоциативных признаков лексического значения языковых единиц, которые не входят в его содержательный минимум [4]. Так, примером попытки подмены концептов, наполнение формы чуждым ей содержанием, может служить использование лексемы *Winterval* (сокращенно от *Winter festival* 'зимний праздник') вместо *Christmas* 'Рождество', и последующее навязывание ассоциаций 'зимнего праздника' с Санта Клаусом и покупкой новогодних подарков. Британская христианская ассоциация Churches Advertising Network (CAN), выражая протест против коммерциализации Рождества, в 2003 году выпустила рождественские плакаты, на которых изображен Иисус в костюме Санта-Клауса. Слоган рекламы: *Go on, ask him for something this Christmas* – Давайте, попросите у него что-нибудь к Рождеству [16]. По мнению представителей CAN, цель постеров – подчеркнуть материализм современного отношения к Рождеству. Примечательно, что в Германии были выпущены наклейки "Зона, свободная от Санта-Клауса", а на улицах раздавали брошюры, напоминающие, что традиционный даритель подарков – это Christkind, младенец Христос, а не американец Санта.

Примером ценностных трансформаций может служить реконструкция концепта *family*: исключение традиционных терминов родства (*father, mother, son, daughter*), замена в правовых документах терминов *mother, father* на *parent №1, parent №2* (родитель №1, родитель №2), юридическое определение брака как союза, заключаемого между двумя людьми, независимо от их пола, сексуальной ориентации или гендерной идентичности. С данных позиций интерес вызывают англоязычные плакаты, направленные на расширение представлений о семье, рекламирующие различные, уже закрепленные на уровне законов, составы семьи. Таковы, например, постеры со слоганом *Different families, same love*, созданные для ирландских начальных школ в качестве информационной поддержки создания инклюзивных классов [14]. Данные плакаты навязываются в качестве инструментов реализации профилактических и образовательных стратегий решения проблем психологического террора и травли детей из неполных семей и нетрадиционных образова-

В 2010 агентством Leiate Propaganda был выпущен плакат "Family" (Семья) со слоганом: *It's possible continue this history. Adoption is also gay rights* – У этой истории может быть продолжение [14]. Геи тоже имеют права на усыновление детей. На плакате изображены генеалогические связи, прерываемые на браке однополых пары, так как прокреативная функция в данном браке невозможна. Плакат демонстрирует, что с точки зрения долгосрочной перспективы такое общество не имеет будущего. Вместе с тем, данный плакат опирается на игнориро-

вание биологического компонента нормы, уравнивая семью с нетрадиционным образованием и представляя последнее как закономерную и неизбежную тенденцию в процессе развития и гуманизации общества. В основе плакатов данной тематики, как правило, лежит манипулятивный прием нормализации одного явления за счет наделяния его свойствами другого (в данном случае, семьи), обладающего ценностной значимостью и поддерживаемого правовыми практиками общественного признания (легализация браков, разрешение усыновлять детей и др.).

Процессы "карнавализации", переворачивания традиционных ценностей [1] сопровождаются эстетизацией неприемлемого. В научных трудах процесс эстетизации социальной реальности трактуется как "способ развития властных отношений в обществе постмодерна, дополняющий, а иногда и заменяющий властные отношения эпохи классического и позднего модерна, организованные по принципу надзора; в процессе эстетизации социальной реальности власть надзора замещается властью соблазна" [9, с. 10].

Как отмечает П. Бурдьё, "само собой разумеющаяся социальная проблема – это социальный продукт, созданный в процессе и благодаря коллективной деятельности по конструированию социальной реальности; для решения которой собираются митинги и комитеты, ассоциации и лиги, партийные совещания и движения, демонстрации и ходатайства, прошения и обсуждения, публика и голоса, проекты, программы и резолюции. И все для того, чтобы превратить частную, отдельную, единичную проблему в социальную проблему, общественный вопрос, который может быть интересен и адресован широкой публике..." [2]. Популяризация проблемы преследует своей целью формирование социально одобренного знания. Рекламный плакат выступает одной из форм социального диалога в публичном пространстве, которое он использует для привлечения внимания общественности к тем или иным вопросам, выражая позиции социальных групп. Сама возможность широкого тиражирования и повсеместного размещения плакатной продукции, ее доступность определяют ту ставку, которую различные организации и властные структуры делают на этот вид искусства. П. Бурдьё говорит об особом типе власти – символической власти или власти "миротворения", способной поддерживать или трансформировать основы происходящих в социальном мире процессов, сохранять или изменять существующие социальные классификации (по национальным, региональным, возрастным, социально-профессиональным, гендерным и т.п. признакам). При этом "в социальном мире постоянно происходят столкновения различных ветвей символической власти, каждая из которых стремится реализовать собственное представление о легитимной структуре общества, то есть конструировать его согласно своим интересам" [3].

Социальный рекламный плакат, с данной точки зрения, – инструмент позиционирования "символической власти", массового продвижения групповых убеждений, целей и действий.

Направленный на поддержание старых или форми-

рование новых массовых стереотипов и представлений, сохранение или трансформацию традиционных ценностей, он позволяет в широких пределах осуществлять политическое управление и достигать необходимых целей в "мягком формате".

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса // М. Бахтин. Собрание сочинений в 7-ми томах. Т. 4 (2). – М.: "Языки славянских культур", 2010. – 432 с.
2. Бурдые П. Описывать и предписывать. Заметка об условиях возможности и границах политической действенности / Перевод с фр.: А. Бикбов // "Логос", № 4 –5(39), 2003. Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. URL: 21.07.2007. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/1288>
3. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть / Перевод с фр.: В.И. Иванов. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/883>
4. Буряковская В.А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков): дисс. ... доктора филол. наук: 10.02.19. – Волгоград, 2015. – 326 с.
5. Володенков, С.В., Федорченко, С.Н. Окно Овертона – манипулятивная матрица политического менеджмента // Observer, 2015. – № 4 (303). – С. 83–93.
6. Кара–Мурза Е.С. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2005. – 832 с.
7. Карасик, В.И. Языковая кристаллизация смысла. – Волгоград: Парадигма, 2010. – 421 с.
8. Олянич А.В. Драматургия масс–медиального дискурса как управление созданием новостей // Коммуникативные технологии в образовании, бизнесе, политике и праве: тезисы докладов междунар. науч.–прак. конф. – НОУ ВИБ; ИЯ РАН. – Волгоград: ПринТерра–Дизайн, 2005. С. 113–116.
9. Шатунова, Т.М. Социальный смысл онтологии эстетического: автореф. ... дисс. док. философ. наук. – Казань, 2008. – 47 с.
10. Шютц, А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Научн. ред. перевода Г.С. Батыгин. – М.: Институт Фонда "Общественное мнение", 2003. – 336 с.
11. Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work–Related Values – Newbury Park, Calif. Sage Publications, 1980. – 328 p.
12. Inglehart R., Baker W. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review, 2000. – P. 19–51.
13. Schwartz S.H. Value orientations: Measurement, antecedents and consequences across nations // R. Jowell, C. Roberts, R. Fitzgerald, & G. Eva (Eds.), Measuring attitudes cross–nationally – lessons from the European Social Survey. – London: Sage, 2006. – P. 169–203.
14. Ads & commercials by media. URL: <https://www.coloribus.com/adsarchive>
15. American Disability Association (ADA). URL: <http://www.adanet.org>
16. Churches Advertising Network, CAN. URL: <http://churchads.net/>
17. Salvation Army. URL: <http://www.salvationarmy.org/>; <http://www.salvationarmyusa.org/>
18. Unhate Foundation. URL: <http://www.adanet.org/http://unhate.benetton.com/unhate–concrete–projects/>

© И.В. Палашевская, М.С. Зубкова, (irina_777@volsu.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОЧЕРКА АФАНАСИЯ УВАРОВСКОГО "ВОСПОМИНАНИЯ"

Семенова Валентина Григорьевна
К.филол.н., доцент,
Северо-Восточный федеральный
университет, Якутск

ARTISTIC FEATURES OF AN ESSAY "MEMOIRS" BY AFANASY UVAROVSKY

V. Semenova

Annotation

The article is devoted to a comprehensive study of the first monument of Yakut literature – an essay "Memoirs" by Afanasy Uvarovsky. Particular attention is paid to the first half of the essay, where the author managed to convey a complex inner world of a man, his perception of the surrounding reality. It was revealed that the protagonist of the work bears the traditional Orthodox ideal of the defender. It is noted that emotional lyrical digressions and various methods of artistic depiction of natural phenomena in the work contribute to portrayal of the inner world and psychological state of the character. Another characteristic feature of the work of Uvarovsky is a full coverage of various aspects of life of the Yakut society, serious attention to the unique culture of the people. The article supposes that Uvarovsky was familiar with works of representatives of the "natural school" and authors of the "physiological essay" which contributed to the creation of his own essay, truthful, sincere and passionate to the destiny of his people.

Keywords: Yakut literature, first monument, essay, "natural school", memoir genre, "superfluous man", lyrical digressions, landscape sketches, democracy, ethnography, A. Uvarovsky, O. Bettlingk.

Аннотация

Статья посвящена комплексному исследованию первого памятника якутской литературы – художественного очерка Афанасия Уваровского "Воспоминания". Особое внимание уделяется первой половине очерка, где автору удалось передать сложный внутренний мир человека, его восприятие окружающей действительности. Выявлено, что главный герой произведения несет в себе традиционный православный идеал заступника. Автором статьи отмечено, что воссозданию внутреннего мира, психологического состояния и раскрытию образа героя в произведении способствуют эмоциональные авторские отступления, различные приемы художественного изображения природных явлений. Характерной чертой произведения Уваровского является также полное освещение самых разных сторон жизни якутского общества, серьезное внимание к самобытной культуре народа. Обосновывается мысль о том, что созданию правдивого, искреннего, проникнутого горячей любовью к народу очерка содействовало, очевидно, знакомство Уваровского с творчеством представителей "натуральной школы" – авторов "физиологического очерка".

Ключевые слова:

Якутская литература, первый памятник, художественный очерк, "натуральная школа", мемуарный жанр, "лишний человек", лирические отступления, пейзажные зарисовки, демократизм, этнографизм, А. Уваровский, О. Бетлингк.

Первым памятником якутской письменности и художественной литературы является очерк "Воспоминания" (1848), написанный А.Я.Уваровским по просьбе выдающегося ученого-тюрколога О.Н.Бетлингка.

Первое исследование "Воспоминаний" как художественного произведения принадлежит одному из первых якутских литературных литературоведов и критиков Н.М.Заболоцкому. В статье "Первый литературный памятник на якутском языке" (1947) критик дал высокую оценку сочинению А.Уваровского, считая его произведением особого рода, где художественное творение сопряжено с научно-этнографическим сочинением [5, с.258]. Обстоятельный научно-теоретический анализ произведения был проделан писателем Н.А.Габышевым, издавшим книгу "Афанасий Уваровский и его "Воспоминания" [2]. На основе всестороннего изучения творчества А.Уваровского он пришел к следующему выводу: "В истории якутской литературы "Воспоминания" Уваровского занимают особое

и исключительное положение: это первый памятник якутского языка и якутской художественной литературы... Ценно оно еще и тем, что в нем впервые на якутском языке автору удалось передать движение души человека, его внутренний мир, переживания" [2, с.59]. Языковым, стилистическим и художественным достоинствам сочинения посвятил несколько статей языковед П.А.Слепцов [7, с.186–207] [9, с.33–44], отметивший: "А.Я.Уваровский навсегда вписал свое имя в историю якутского народа и Якутского края своими "Воспоминаниями" – первым оригинальным мемуарно-автобиографическим и этнографическим сочинением на якутском языке, исключительно ценным и уникальным по содержанию" [8, с.3].

Таким образом, по словам исследователей, "Воспоминания" можно рассматривать и "как памятник письменности, и как литературное произведение, и как источник этнографических, фольклорных, исторических и географических сведений. И это тоже делает произведение Уваровского уникальным в своем роде" [4, 25].

Созданию правдивого, искреннего, проникнутого горчай любовью к народу очерка содействовало, очевидно, знакомство Уваровского с творчеством представителей "натуральной школы" – авторов "физиологического очерка". Многими исследователями жанр "Воспоминаний" Афанасия Уваровского определяется как художественный очерк. Соглашаясь с тем, что наиболее характерной чертой очерка выступает фактографичность и документальность, литературоведы считают, что жанр очерка следует отнести в первую очередь к жанрам литературы и соответственно анализировать его именно как литературное произведение. Будучи разновидностью художественно-публицистических жанровых форм, в очерке как и в художественном произведении во главу угла ставится сам человек, его внутренний мир, восприятие окружающей действительности.

Исследователь жанровых особенностей современного башкирского очерка Ф.Б.Юнусова выделяет следующие отличительные признаки очерка как жанра: 1) документальность, которая, однако не исключает использования художественного вымысла и творческого воображения в соответствии с теми целями и задачами, которые ставит перед собой автор; б) существенная роль в структуре произведения авторской идеи, авторского видения объекта художественного исследования; в) соединение научно-познавательного, рационально-логического и художественного, эмоционально-образного начала в отображении явлений действительности. Исследователь считает, что данные черты очерка дают основание считать его синтетическим жанром, соединяющим в себе художественность и документальность, острую злободневность и строгость научного исследования [12, 16].

Как известно, наибольший расцвет жанр очерка в русской литературе достиг в первой половине XIX в. По всеобщему признанию, наиболее значимым произведением, оказавшим существенное влияние на всю последующую российскую публицистику, стало появление произведения А.Н.Радищева "Путешествия из Петербурга в Москву" (1890). Его принципы построения очерка, строгое следование фактам, документальность, яркая художественная образность стали образцами для последующего поколения российских публицистов: А. Грибоедова, М. Лермонтова, Н. Некрасова, А. Герцена и других.

Формирование очерка как оперативного жанра, призванного расширить тематический диапазон литературы, открыть новые пласты национальной жизни, совпало по времени с борьбой критика В.Г.Белинского за новое, критическое направление реализма в русской литературе, за "натуральную школу". Деятельность писателей "натуральной школы" означала новый этап в демократизации русской литературы, расширении ее тематики, обращении пристального внимания на жизнь, быт, психологию "маленького человека", задавленных нуждой, униженных бесправием низов крепостного общества. Как отмечает П.А.Мезенцев, изображая действительность, писатели "натуральной школы" стремились раскрыть ее внутренние противоречия и показать антигуманистичес-

кий характер существующих общественных отношений [6, с.295–296].

По мысли В.Г.Белинского, задачей беллетристики было воссоздание в форме очерков, путевых заметок, рассказов российской действительности во всем ее социально-экономическом, этническом и географическом разнообразии. В своей программной статье "Физиология Петербурга" В.Г.Белинский писал: "При... качественной бедности и числительном богатстве у нас совсем нет беллетристических произведений, которые бы в форме путешествий, поездок, очерков, рассказов, описаний знакомили с различными частями беспредельной и разнообразной России, которая заключает в себе столько климатов, столько народов и племен, столько вер и обычаев, в которой коренное русское народонаселение представляется такую огромную массу, с таким множеством самых противоположных и разнообразных пластов и слоев, пестреющих бесчисленными оттенками..." [1, с.121].

Требования великого критика изобразить "толпу", "людей низших сословий" как главного объекта литературы, расширить социально-этнический и географический диапазон литературы нашли живой отклик в творчестве Афанасия Уваровского, по воле судьбы оказавшегося в то время в литературной столице страны. По мнению исследователя Н.А.Габышева, "Воспоминания" Уваровского совпали с одним из главных заказов того времени на создание автобиографий, мемуаров и стали произведением, всецело вписывающимся в литературный процесс 1840-х гг. Исследователь первым в якутском литературоведении определил, что очерк был написан в духе "натуральной школы", т.е. стал правдивым рассказом о своем времени [3, с.20]. Литературовед И.С.Емельянов также отметил, что во время написания "Воспоминаний" в русской литературе был чрезвычайно развит именно мемуарный жанр, жанр путевого очерка, очерка нравов: "Примечательно, что издание книги Уваровского по времени совпадает с выпуском знаменитого сборника "Физиология Петербурга", в котором на первом месте реализм, верность жизненному факту, непосредственные впечатления самого автора" [4, с.27].

Произведение А.Уваровского трудно отнести к какому-нибудь конкретному виду очерка, скорее он синтетичен и в нем присутствуют черты всех разновидностей жанра. Во-первых, само название "Воспоминания" позволяет отнести его к мемуарному жанру, где автор, чей образ совмещен с лирическим героем, повествует о своей жизни, окружающей его действительности, людях, встреченных им на жизненном пути. Раскрывается внутренний мир и драматизм сложной внутренней борьбы лирического героя, пытающегося найти свое место в жизни. Очерк Уваровского отличается и глубоко личным, субъективным авторским взглядом, где немало мест отведено лирическим отступлениям. Во-вторых, в жанре путевого очерка подаются развернутые описания поездок и путешествий героя в труднодоступные и отдаленные места округа. Автор, повествуя о происходивших во время

путешествия событиях, дает представление об образе жизни, отношении к миру северных народов, а также географические различия районов Якутии. Страницы о путешествиях героя отличаются занимательностью, подробностями описаний. В–третьих, вторую половину "Воспоминаний", безусловно, можно отнести к научно–этнографическому очерку, где на широком фактографическом материале, с использованием статистических и географических данных даются сведения о жизни, обычаях и быте якутов первой трети XIX в.

В художественном плане наиболее ценную часть представляет первая половина очерка, где автору удалось передать сложный внутренний мир человека, его восприятие окружающей действительности. В произведении мемуарного жанра Уваровский создал свой собственный портрет, выразил наиболее дорогие уму и сердцу мысли.

В качестве эпиграфа Уваровским были выбраны две якутские пословицы "Счастье и несчастье идут вместе с человеком" и "Зерно становится мукой, если оно мелется", которые и выразили основную идею произведения, повествующего о человеке и превратностях его судьбы.

Лирический герой с рождения воспитывался в атмосфере любви. В ярком образе матери писатель сумел показать ее высокую нравственность и добродетель. Глубоким психологизмом отличается лирическое отступление, посвященное к матери. В ней с наибольшей силой обнаруживается любовь к родному человеку и проявляются личные чувства автора. "Похоронив двенадцать детей, рожденных ею, – пишет автор, – и своего любимого мужа, моя мать жила воодушевленная только мной. ...Добрая мама! Мы не виделись под этим солнцем ни одного дня без нужды, ты не жила счастливой жизнью: твоим счастьем были единственно твои добрые дела. За эти твои деяния ты будешь счастлива в светлом царстве верхнего мира" [11, с.82]. Высокую оценку дал этим строкам первый исследователь творчества Уваровского Н.М.Заболоцкий: "Описание Уваровским смерти матери и проникновенные слова, посвященные ей, по глубине чувств и лиричности являются самыми яркими страницами его произведения. Эти строки есть одно из лучших творений якутской литературы" [5, с.257].

Писатель по условиям своего воспитания был близок к народу и органически впитал народную культуру. В Кильдямцах он жил среди якутов, с малых лет перенял их образ жизни: играл в подвижные игры, исполнял олонхо, участвовал в национальных празднествах, укрощал коней, охотился. Якуты его горячо любили и везде принимали за своего. Их бесконечное уважение и преклонение сыграли впоследствии роковую роль в судьбе чиновника. Мать перед своей смертью просила сына уехать за пределы родины, считая, что особое положение сына у народа вызовет сильную зависть и недовольство среди сослуживцев. При возвращении на родину, как и предсказывала мать, Уваровский на долгие годы попал под опалу местных властей, в одно время находился под следствием в тюрьме.

Можно полагать, что сложные жизненные обстоятельства повлияли на характер и психологию автора. В "Воспоминаниях" Уваровский признается: "Я чужой для всех людей, везде я временный гость". Н.А.Габышев отмечает: "Уваровский чувствовал себя "лишним", "никому не нужным", жаловался на свою одинокую скитальческую жизнь. Пессимистические нотки, нотки одиночества, безвременья отнюдь не случайны в его творчестве. Уваровский не имел близких друзей, семьи, не знал радостей любви" [3, с.19]. Исследователь И.С.Емельянов подтверждает: "А.Я.Уваровский создает образ, который можно сравнивать с распространенным героем русской литературы того времени – это так называемый "лишний человек". Можно смело утверждать, что автор "Воспоминаний" несет в себе некоторые черты данного типа. Он чувствует свое одиночество в окружающем мире" [4, 29].

Настроение героя чувствуется в лирическом отступлении, наполненном искреннего и глубокого чувства: "Зачем ты, мое сердце, так любишь широкий простор? Зачем ты тоже волнуешься от веяний высшего божества? Разве для того только, чтобы мучит меня? Судьба! Ты тоже в ответе: родив меня в стране вечной мерзлоты, зачем ты не дала мне бесстрастное, холодное сердце? Тогда бы я жил в окружении родной природы и по обычаю сородичей довольствовался малым и был бы счастлив.

Такова моя жизнь в подсолнечном свете. Вы не найдете в ней ни славных дел, ни новой родины, ни новых людей. Не было всего этого в моей судьбе" [11, с.110].

Недовольство автора своей жизнью могло вызвать и то обстоятельство, что как думающий человек и борец за справедливость Уваровский не мог быть доволен своим положением в обществе, и удовлетворен существующими порядками в Якутии. С одной стороны, будучи представителем царской администрации, он вынужден был часто исполнять тягостные для местного населения поручения как обложение бродячих звенков ясаком, борьба с незаконной торговлей. С другой стороны, он видел своими глазами неблагоприятные обстоятельства, в которых живет местное население. Социальные противоречия в обществе, равнодушие властей к судьбам простых людей нашли свое отражение в очерке. Реальную оценку действительности мы можем почувствовать в его осторожных высказываниях: "Из–за неумелого управления тойонов жизнь якутов с каждым годом становилась все трудней" [11, с.21].

Главный герой произведения представляется читателям человеком честным, благородным, культурным, обладающим незаурядными способностями, истинным патриотом своей малой родины. Он несет в себе традиционный православный идеал заступника: везде выступает защитником слабых и обездоленных, стремится быть полезным им.

Демократизм писателя раскрывается в его стремлении к изображению людей из народа. Во время своих путешествий в отдаленные районы округа, наблюдая за бытом, жизнью населения, не понаслышке знал их проблемы и чаяния. Живое созерцание быта и образа жизни и

простого народа, и власть имущих, обширные знакомства и общение с представителями различных сословий давали ему реальные знания о действительности. Незаурядную природную наблюдательность и особенное внимание он проявляет в отношении представителей народа: русских казаков, якутских и эвенских проводников.

Большой достоверностью отличаются его описания трудовых будней проводников. Его герои – обыкновенные люди, в своем деле исключительно трудолюбивые, добросовестно относящиеся к своим обязанностям, знающие все хитрости и тонкости и выработавшие в этом деле свою мудрость. Они хорошо знают и добросовестно выполняют свое нелегкое дело. Безымянные герои произведения умеют спать в трескучие морозы под открытым небом, по скользкому гладкому льду и сложным горным тропинкам уверенно ведут навьюченных лошадей, могут отыскать потерявшихся оленей в бескрайних просторах тундры, подвергая свою жизнь смертельному риску, плывут за помощью по бурной реке. Автор убедительно раскрывает их выносливость, выдержку, сноровку и навыки.

Воссозданию внутреннего мира, психологического состояния и раскрытию образа героя в произведении способствуют эмоциональные авторские отступления, оживляющие спокойное, неторопливое повествование в очерке. Характерно, что лирические монологи героя связаны с острыми, драматическими эпизодами его жизни. Читатель, чувствуя душевный настрой автора, его взволнованное отношение к тем или иным событиям, сопереживает вместе с ним.

Талант Уваровского как писателя проявился в его замечательных пейзажных зарисовках. Картины природы в очерке отличаются разнообразием изобразительных средств, основанных на богатых традициях устного на-

родного творчества. Автор весьма колоритно передает красоту природы посредством эмоционально окрашенных слов, метких сравнений. Поэтической взволнованностью отличаются и описания гор Джугджура: "Бесчисленные широкие реки, берущие начало по обеим сторонам Джугджура и стекающие вниз, кажутся тонкими блестящими серебряными нитями. Когда в дождливый день облака, свисая, налетают подобно туману, они блуждают по высокому Джугджуру и рвутся одно за другого. Эти рвущиеся друг из друга облака лежат на вершине горы и колышутся как пролитая на землю мучная каша" [11, с.89].

Таким образом, в "Воспоминаниях" впервые в якутской литературе были применены автором приемы художественного изображения природных явлений как пейзажные описания, использование образных сравнений, передача человеческих чувств и переживаний в сплетении с явлениями природы.

Характерной чертой произведения Уваровского является также полное освещение самых разных сторон жизни якутского общества, серьезное внимание к самобытной культуре народа. Автором предпринимаются попытки охватить многие стороны жизнедеятельности населения, как географические, климатические и природные условия, общественное устройство, социальные отношения, традиционный быт, обычаи.

Наследие зачинателя якутской литературы, уникальное по своему содержанию, достоверности передачи реалий действительности и этнографических разысканий, до сих пор не потеряло своей научной ценности. Афанасию Уваровскому впервые на якутском языке удалось передать движение души человека, тем самым он первым показал образность и богатство якутского языка и доказал широкие возможности использования его для создания художественных произведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В.Г. Физиология Петербурга (вступит. статья). – Собр. соч. В 9 т. Т.7. М.: Худож. лит., 1981. 799 с.
2. Габышев Н.А. Афанасий Уваровский и его "Воспоминания": пособие для учителя. Якутск: Бичик, 1995. 64 с.
3. Габышев Н.А. А.Я.Уваровский и его "Воспоминания" / Тобуроков Н.Н., Васильев Ю.И. О жизни и деятельности Афанасия Уваровского: статья. Якутск: Бичик, 2011. 80 с.
4. Емельянов И.С. "Воспоминания" А.Я.Уваровского как первый письменный литературный памятник (22–33 с.) / Афанасий Уваровский: гуманист и просветитель: Сб. науч. ст. – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2000. 128 с.
5. Заболоцкий Н.М. Первый памятник якутской литературы (253–261 с.) / Заболоцкая Н.М. Очерки. Статьи. Заметки (Из истории якутской литературы) (на якут. яз.). Якутск: Бичик, 2009. 392 с.
6. Мезенцев П.А. Белинский и русская литература. М., Просвещение, 1965. 344 с.
7. Слепцов П.А. Заметки о языке "Воспоминаний" А.Я.Уваровского // О.Н.Бетлингк и его труд "О языке якутов". – Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1973. 237 с.
8. Слепцов П.А. Проблемы и задачи изучения наследия, жизни и деятельности А.Я.Уваровского / Афанасий Уваровский: гуманист и просветитель: Сборник научных статей. Ред. П.А.Слепцов и др. – Якутск, 2000. 128 с.
9. Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Истоки, становление норм. Новосибирск: Наука, 1986. 260 с.
10. Уваровская. Ахтылар (Воспоминания) / Составитель и автор Предисловия Н.М.Заболоцкий. – Якутск: Госиздат, 1947. 66 с.
11. Уваровская А.Я. Ахтылар. Составители Васильев Ю.И., Жожикова Л.В. Перевод с немецкого на русский Рассадин В.И. – Якутск: Бичик, 2003. 208 с.
12. Юнусова Ф.Б. Жанровые особенности современного башкирского очерка (1980–1990–е годы). Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.ф.н. Уфа, 2009. 22 с.

ПАРАДИГМА ЛИЧНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

THE PARADIGM OF THE PERSONAL FORMS OF THE VERB IN RUSSIAN COLLOQUIAL SPEECH

E. Sidorova

Annotation

The features of functioning of verbs in Russian colloquial speech are considered in the article. The verbs are compared in their basic normative and in colloquial meanings, features of lexical semantics and the paradigm of personal forms of colloquial variants are analyzed, impersonal verbs in colloquial speech are considered.

Keywords: Russian colloquial speech, verb, paradigm of personal forms, impersonal form, lexical meaning.

Сидорова Елена Юрьевна
К.филол.н., ст. преподаватель,
Российский государственный
педагогический университет
им. А.И. Герцена

Аннотация

В статье рассматриваются особенности функционирования глаголов в русской разговорной речи. Проводится сопоставление глаголов в их основных нормативных и производных разговорных значениях, анализируются особенности лексической семантики и парадигмы личных форм разговорных вариантов, рассматриваются безличные глаголы в разговорной речи.

Ключевые слова:

Русская разговорная речь, глагол, парадигма личных форм, безличная форма, лексическое значение.

Одной из особенностей современной русской разговорной речи является ее функционирование не только в устной, но и в письменной форме. С развитием технологий появляются новые средства и способы коммуникации (смс-общение, чаты, мессенджеры, форумы и т.д.). Речевое общение Интернет-пользователей, безусловно, имеет свои собственные специфические черты, но вместе с тем отражает и общие тенденции, характерные для русской разговорной речи. В данном исследовании разговорную речь рассматриваем в ее широком понимании: не ограничивая разговорность исключительно литературными средствами и включая в нее ненормативные единицы (элементы просторечия, жаргонизмы).

Эмоциональность и экспрессивность, живой отклик на современную жизнь общества, поиск нового, более яркого и выразительного приводит к постоянным изменениям в разговорной речи. Языковые процессы, происходящие в разговорной речи, обнаруживаются во всех аспектах языковой системы. В лексике и словообразовании это создание новых слов, изменения в лексической семантике. Лексические преобразования, как правило, сопровождаются преобразованиями и в грамматике, которая, как известно, тесно взаимодействует с лексикой, что проявляется в том, как разговорные лексемы употребляются в речи, в парадигме их морфологических форм, наборе грамматических значений. Особый

интерес представляют особенности функционирования категории лица в разговорной речи и взаимообусловленность лексической семантики глагола и парадигматической организации личных глагольных форм.

Рассмотрим глаголы разговорной речи, образованные в результате семантической деривации слова, и то, как с изменением лексического значения меняются грамматические свойства глаголов, в том числе парадигма личных форм глагола.

Большинство производных разговорных значений образованы на основе метафорического переноса, имеющего направление из окружающего мира на человека. В лексической семантике данных коллоквиальных глаголов отражается антропоцентричность, характерная для русской языковой картины мира.

Таковы, например, глаголы, образованные путем семантического переноса из сферы действия механизмов в сферу чувств и эмоций человека: *заводиться / завестись* – 'занервничать, потерять контроль над собой, начать спорить, горячиться; прийти в возбужденное состояние' [6, с. 195]; *отключаться / отключиться* – 'утратить связь с внешним миром':

Я завожусь из-за всякой ерунды [36] (примеры здесь и далее взяты из русскоязычного Интернета с сохранени-

ем орфографии источника); *А от чего ты заводишься?* [9]; *Во время тренировки я отключаюсь и болельщиков не слышу* [32]; *Для меня Spa Botanica на острове Сентоса - самое большое удовольствие. Ты уезжаешь из города и полностью отключаешься* [10].

Источником метафорического значения могут служить различные процессы физической реальности. Например, одно из разговорных значений глагола *ломаться* – 'упрямиться, не соглашаться на что-л., не имея на то основательных причин': [Незнакомка, жен] *Пошли! Чё ты ломаешься?* (Оксана Бычкова, Нана Гринштейн. ПитерFM, к/ф 2006).

В приведенных примерах субъект при глаголе, как правило, одушевленный, а сами глаголы, обозначающие чувства и поведение человека, употребляются в формах 1 и 2 лица, в то время как при глаголе в исходном значении (*заводиться* – 'начинать действовать, будучи заведенным' *мотор не заводится; отключаться* – 'выключаться из сети, стать отключённым' *Телефон отключился; ломаться* – 'распадаться на куски' *лед ломается*) субъект неодушевленный, и в парадигме личных форм отсутствуют 1 и 2 лица.

Коллоквиальные изменения лексического значения глагола сопровождаются сдвигом в парадигме личных форм глагола.

Изменение грамматической парадигмы лица разговорного глагола происходит иногда под влиянием постепенного изменения его лексической семантики. А это характерный и естественный процесс для многих коллоквиальных слов: их лексическое значение подвержено изменениям. В частности, значения многих коллоквиальных глаголов характеризуются развитием диффузности. С приобретением диффузности, размытости значения глагол начинает выступать в более разнообразных контекстах, синтаксических ролях и это, соответственно, может отражаться на парадигме его личных форм.

Так, например, глагол *вываливать/вываливать* имеет два коллоквиальных значения: "Разг.-сниж. 1. В большом количестве выйти откуда-л., большой толпой появиться, пойти. *Из школы неожиданно вывалила шумная стая школьников. Вся толпа вывалила на середину улицы, движение транспорта застопорилось.* = ВАЛИТЬ². 2. что кому. Резко, прямо высказать, сообщить что-л. неожиданное, часто неллицеприятное. *Взял да и вывалил ей все, что думал про ее отца и про все их делишки. Ну, давай, вываливай, что у тебя там на работе стряслось?"* [6, с. 94].

Лексическая семантика глагола в первом значении влияет на набор его морфологических форм: употребляются формы множ. числа или ед. числа 3 лица в сочетании с лексемами типа *толпа, народ* и т.п.

Однако, как показывает речевой материал современного Рунета, можно встретить контексты, в которых речь идет не о большом количестве людей, а об одном человеке (при этом компонент значения "выйти откуда-либо" может распространяться также на виртуальное пространство (выйти из чата/форума и т.п.):

Ладно я вываливаю отсюда мне работать надо [35].

Семантика глагола расширяется, и одновременно с этим расширяется парадигма глагольных форм: появляется форма 1-го л. ед. числа.

Наблюдаются некоторые изменения во втором значении глагола *вывалить/вываливать*, как показывают живые примеры его употребления. Так, можно *вывалить информацию, поток эмоций, проблемы, вывалить все в кучу, вывалить, что думаешь* и т.п.

Не просто вываливаю какой-то поток эмоций, а аргументирую [20]; *Вываливаю все последние события одной кучей* [11]; *вываливаешь информацию о себе, будь готова к разным рассуждениям* [28]; *То есть напрямую, что думаем, то и вываливаем?* [22]; *А вы своих любимых и близких щадите... или все что думаете на них вываливаете?* [13].

Кроме того, в Интернете глагол *вываливать/вывалить* часто употребляется в значении "опубликовать что-л. на сайте" (синоним: *выложить*): *вывалить фото, отзыв*. Семантические компоненты "что-то неожиданное", "резко сказать" становятся необязательными в структуре содержания слова.

На состав парадигмы личных форм может влиять и наличие пейоративного значения. Коллоквиализмы, в семантике которых содержатся элементы грубой, вульгарной окраски и негативной оценки, характеризуются отсутствием формы 1 лица: говорящий, как правило, не использует окрашенные подобным образом единицы по отношению к себе как субъекту речевого действия. Таковы, например, глаголы только несов. вида *знать* ('врать'), *заглохнуть* ('замолчать'), *завянуть* ('замолчать') и др.

Проанализированный материал показывает, что парадигма личных форм глагола непосредственно определяется его лексической семантикой, и происходящие в ней изменения отражаются на составе употребляемых форм глагола. Парадигма употребляемых личных форм глагола в его разговорном лексико-семантическом варианте часто оказывается неполной.

Зачастую парадигма личных форм глагола в его исходном варианте и парадигма личных форм коллоквиального варианта резко отличаются, как в рассмотренных примерах: форма 3 лица глагола в исходном вари-

анте употребляется при сообщении о действии механизма или каком-либо физическом процессе объективной реальности, а формы 1 и 2 лица коллоквиального варианта употребляются при сообщении о действиях (поведении, чувствах и т.д.) человека. Следовательно, использование в речи одной из форм глагола служит дополнительным указанием на ее лексическое значение.

Б. Ю. Норман, анализируя неполные морфологические парадигмы, отмечает, что в некоторых случаях полнота или неполнота парадигмы слова выступает "в качестве своего рода диагностирующего признака, разграничивающего отдельные значения слова" [2, с. 33].

Сдвиг парадигмы личных форм можно считать одним из признаков разговорных глаголов с производным значением.

Рассмотрим в качестве примера глагол *прокатить/прокатывать*. Исходное нормативное значение: "катя, заставить продвинуться" [5, с. 634]. В данном значении глагол обладает полной морфологической парадигмой. В разговорной речи в значении "удастся, получится" глагол употребляется только в форме 3 лица, как правило, с частицей *не*, которую, вероятно, также можно отнести к диагностирующим признакам, разграничивающим отдельные значения слова. Примеры: "*Когда вырасту...-больше не прокатит*" [34]; *Жалко, что на работе записка от родителей не прокатывает* [23]; *Вот почему не прокатывает общение с девушками* [29]; *боюсь, что в дальнейшем такая линия защиты не прокатит* [19].

Изменения в парадигме личных форм глагола, происходящие вслед за преобразованиями лексической семантики, являются важным признаком коллоквиализмов.

Особого внимания заслуживает изучение глаголов разговорной речи в безличной форме, нормативные варианты которых обладают парадигмой личных форм.

В безличной форме употребляются прежде всего глаголы, которые в переносном коллоквиальном значении выражают психическое или физиологическое состояние человека.

Примеры таких глаголов многочисленны: *рубит* (*Рубит спать*, "о состоянии сна, забытья"), *вырубил* ("о состоянии сна, забытья"), *распирает* ("о состоянии переполненности чувством" [6, с. 529]), *зашкаливает* ("приобретать чрезмерную степень, выходить за пределы привычного, безопасного, нормального" [6, с. 231]), *зациклило* (зациклится: "сосредоточить, подчинить, навязчиво сконцентрировать кого-л. на чем-л., ком-л. в ущерб другому" [6, с. 230]), *заело* (*заесть*: "задеть, взволновать, затронуть чье-л. самолюбие" [6, с. 207]), *закли-*

нило ("о возникновении трудности; о невозможности переключить внимание на другой предмет" [6, с. 210]), *прет* (*переть*: "получать удовольствие, испытывать сильные эмоции", с какого пуэра прет и как его заваривать? [33]), *срастется* ("получится", *Так думаешь, с докторшей срастется*), *стукнуло* (стукнуть: "быстро наступить, исполниться (о возрасте)", *Ему стукнуло 45, вставляет* (обозначение первой фазы наркотической эйфории, синонимы: *накрыло, накурило, поднакурило*), *выкидывает* (*Меня выкинуло из чата; Меня то и дело выкидывает из чата*) и др.

Как известно, категория лица играет особую роль в русском языковом сознании. По замечанию Е. С. Яковлевой, "исходным пунктом безличной модели, субъектом предложения, является лицо, человек. Ср.: "Ему сегодня работается"; "Маше не сидится на месте" при невозможности: "Трактору работается"; "Птице не сидится на ветке"" [7]. Многие безличные предложения разговорных глаголов также ориентированы на человека (*Ее зациклило на этом; вставило; прет; заколбасило* и др.), описывая его эмоциональное состояние, поведение и пр. Антропоцентричность, характерная для безличных предложений данной модели (когда субъектом предложения является лицо), особенно актуальна в разговорной речи.

Однако в разговорной речи встречаются безличные предложения с особой семантикой, не характерной для нормативных моделей предложений, что связано с особенностями коллоквиальных глаголов. Таковы, например, безличные предложения, описывающие межличностные отношения: *У нас с ним не сложилось* (ср. кодифицированный вариант: *У нас с ним не сложились отношения*). Наблюдается типичное для разговорной речи явление: включение актантов в семантическую структуру глагола. Отсутствие выражения объекта-конкретизатора "что не сложилось" делает семантику предложения несколько неопределенной. Аналогичные качества отличают и событийные значения глаголов *влетит, прокатит* (данный глагол может употребляться и при наличии субъекта, и в безличной модели). Например: *До последнего не хотела заполнять эти бланки, но сын попросил срочно сделать, иначе ему влетит* [8]; *понимая, что за подобный поступок ему влетит от родителей, он попросил своего 10-летнего друга сделать ему "модельную стрижку"* [25]; *хочу вернуть смартфон в магазин, прокатит?* [21]; *Пацан к успеху шел, не прокатило* [26]; *Автосервис. Клиент смотрит счёт. Спрашивает у мастера: - что это за пункт "Прокатило" - 10?000 руб.?! Мастер: - не прокатило. Вычёркиваем* [37].

Недосказанность (диффузность, неопределенность) – одно из характерных качеств разговорной речи, и это проявляется в лексической семантике отдельных слов, особенно глагольных предикатов. И эту же тенденцию можно наблюдать в синтаксисе разговорной речи, в том числе на примере безличных конструкций и глагольных

преобразований в них. Например: [при наклеивании обоев] *Главное, чтобы не морщило!* (сериал "Каменская", 2 сезон 1 серия). А также: *не кусало, не щипало, не мялось, не линяло, не торчало* и т.п.

Особенностью разговорной речи является то, что глагол зачастую может выступать и в безличной форме, и в личной. Например, глагол *кошмарить* (из воровского жаргона) может употребляться как в личной форме (и конструкции), так и в безличной.

Например,

◆ личные употребления: *Ворона "кошмарит" kota :)) Смешные животные.* [31]; *Жесткий отжиг (байкер кошмарит ДПС)* [27]; *Андрей Сидорчик: Как бизнес кошмарит людей* [18]; *Николай Зятьков: Кто кошмарит журналистов?* [17]; *Налоговая служба не кошмарит бизнес!* [24]; *Прокуратура кошмарит милицию и КГГА за неразгон Майдана* [12];

◆ безличные употребления: *Меня кошмарит после сигарет... Как мне успокоиться?* [14].

Глагол кошмарить в жаргоне наркоманов используется в конструкциях, передающих состояние субъекта (*кого кошмарит*), со значением 'состояние "бэдтрипа"' (*бэдтрип* – "негативное развитие событий при приеме наркотиков, зачастую психоделических или галлюциногенных (неудачный трип) – термин, заимствованный из англоязычного сленга, от англ. *Badtrip* – плохое путешествие" [16]). В разговорной речи лексическая семантика глагола расширяется, в конструкциях, передающих состояние субъекта, глагол обозначает негативное состояние, в личных употреблениях глагол обозначает негативное влияние, воздействие.

Глагол *бомбить* в безличной конструкции (*кого/у кого бомбит*) выражает гнев, сильное недовольство чем-либо: *У меня бомбит! Как побеждать террористов?* [30]. *Бомбить* в личных конструкциях может выражать различные значения с общей семантикой 'совершать энергичное действие, направленное на какой-л. объект' [6, с. 54], например: *Жена по ночам бомбит холодильник, не может остановиться* [15].

Безличные предложения русского языка по-прежнему остаются не изученными в полной мере и по многим вопросам вызывают исследовательские споры, в том числе, в аспекте изучения национального менталитета. По словам В. Ю. Копрова, "в этой особенности грамматики русского языка видят и фатализм, и иррациональность, и алогичность, и страх перед непознанным, и даже агностицизм русского народа" [1, с. 79].

В особом внимании лингвистов нуждаются безличные предложения разговорной речи. В разговорной речи они распространены особенно широко, а кроме того, по данным нашего материала, наблюдается тенденция активного вовлечения множества новых глагольных слов в безличное употребление. Так, в современном молодежном жаргоне встречаются глаголы: (*мне; меня*) *улыбнуло* (видимо, по аналогии с формой *порадовало, радует*), (*мне*) *доставляет* (вероятно, сокращение "*доставляет удовольствие*"), (*меня*) *бомбит, бомбануло, (меня) упарывает* и др.

Безличные предложения, описывающие чувства и эмоции человека, актуальны в разговорной речи и особенно в молодежном жаргоне, для многих из них характерна яркая эмоциональность, они становятся "модными" в устной речи и/или в Интернете. Они отражают антропоцентричность разговорной речи.

Итак, в целом категория глагольного лица оказывается значимой для разговорной речи. Семантические процессы в сфере глагольной лексики могут сопровождаться изменениями в парадигме личных форм. Для многих глаголов с производным разговорным значением характерен сдвиг парадигмы личных форм, что может быть связано с особенностями метафорического переноса (с неживого → на человека), с расширением лексической семантикой или наличием пейоративности. Особо пристального внимания заслуживают разговорные безличные глаголы. В разговорной, в сниженной жаргонизированной речи частотны безличные глаголы, характеризующие физическое и духовное состояние человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Копров В. Ю. Личность и безличность в лингвокультурологии и в грамматике разноструктурных языков // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1, 2005, Тамбов. – С. 79 – 85.
2. Норман Б. Ю. Словоформа vs парадигма (на материале русского языка) // Университетский научный журнал № 4 (2013). СПб. – С. 30–40.
3. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: Лексика / Под ред. О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1983. – 253 с.
4. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Под ред. Е. А. Земской. М.: Наука, 1983. – 238 с.
5. Современный толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2006.
6. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб.: Норинт, 2004.
7. Яковлева Е.С. К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом, 1996, №1–2–3. – С. 47–56.
8. <http://chel.kp.ru/daily/26290.3/3167166/> (дата обращения: 6.07.2017).

9. <http://forum4all.ru/index.php?topic=24012.0> (дата обращения: 6.07.2017).
10. <http://iknow.travel/address/w89yi5y> (дата обращения: 6.07.2017).
11. <http://lemur-hudeet.livejournal.com/14451.html> (дата обращения: 6.07.2017).
12. <http://minprom.ua/news/160153.html> (дата обращения: 21.08.2017).
13. <http://otvet.mail.ru/question/40899923> (дата обращения: 6.07.2017).
14. <http://otvet.mail.ru/question/76124658> (дата обращения: 21.08.2017).
15. <http://otvet.mail.ru/question/7627001> (дата обращения: 21.08.2017).
16. <http://slanger.ru> (дата обращения: 21.08.2017).
17. <http://www.aif.ru/society/21619> (дата обращения: 6.07.2017).
18. <http://www.aif.ru/society/39729> (дата обращения: 6.07.2017).
19. <http://www.autofed.ru/forum/viewtopic.php?id=3273> (дата обращения: 6.07.2017).
20. [http://www.box-club.ru/posts/21584?title=Наши+в+Америке+\(+В.+Сидоренко+и+С.+Дзинзирук\)](http://www.box-club.ru/posts/21584?title=Наши+в+Америке+(+В.+Сидоренко+и+С.+Дзинзирук)) (дата обращения: 6.07.2017).
21. <http://www.forum.mista.ru/topic.php?id=681782> (дата обращения: 6.07.2017).
22. <http://www.inpearls.ru/comments/410453> (дата обращения: 6.07.2017).
23. <http://www.kp.ru/daily/26254.4/3133505> (дата обращения: 6.07.2017).
24. <http://www.vedom.ru/news/2014/06/16/14159-nalogova> (дата обращения: 21.08.2017).
25. <http://www.vmir.su/75825-shodil-v-parikmaherskiyu-4-foto.html> (дата обращения: 6.07.2017).
26. <http://www.yaplakal.com/forum28/topic937650.html> (дата обращения: 6.07.2017).
27. <http://www.youtube.com/watch?v=0HUU7RPuq7M> (дата обращения: 6.07.2017).
28. <http://yarportal.ru/topic433874s18555.html> (дата обращения: 6.07.2017).
29. <http://yvision.kz/post/252161> (дата обращения: 6.07.2017).
30. <https://eu.battle.net/forums/ru/sc2/topic/17615091897> (дата обращения: 21.08.2017).
31. <https://m.ok.ru/video/34085079660> (дата обращения: 6.07.2017).
32. <https://m.sports.ru/football/37709573.html> (дата обращения: 6.07.2017).
33. <https://otvet.mail.ru/question/70406223> (дата обращения: 6.07.2017).
34. <https://storia.me/ru/08d0ad1aa5450000/sasha-nizhenko-s-story-3q3zcg/kogda-vyrastu-bolshe-ne-prokatit-2gwcka> (дата обращения: 6.07.2017).
35. <https://www.b17.ru/forum/topic.php?id=50980&p=21> (дата обращения: 6.07.2017).
36. <https://www.galya.ru/clubs/show.php?id=590464> (дата обращения: 6.07.2017).
37. <https://www.inpearls.ru/124203> (дата обращения: 6.07.2017).

© Е.Ю. Сидорова, (blueberry_nights@list.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСЕМЫ "ХЛЕБ" В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ РУССКОГО НАРОДА (на материале толковых словарей)

CONCEPTUAL ANALYSIS
OF THE LEXEME "BREAD"
IN THE LANGUAGE PICTURE
OF THE RUSSIANS (on the material
of explanatory dictionaries)

Wu Meng

Annotation

The article is devoted to the actual problem of the interrelation between language and thinking on the basis of the concept "language picture of the world" in the framework of the cognitive linguistics. The purpose of the article is to reflect the evolution of the content of the concept, presented in explanatory dictionaries of different periods. The zone of interpretation and the zone of illustration of the lexeme "Bread" are compared and all the changes reflected in the dictionary articles for more than 200 years are analyzed. It is proved that the explanatory dictionaries can reflect the core and periphery of the content of concept and his evolutionary process in the Russian national picture of the world.

Keywords: language consciousness, language picture of the world, concept, bread, evolution, Dictionary.

У Мэн

Аспирант,

Тамбовский государственный
университет им. Г.Р. Державина

Аннотация

Статья посвящена актуальной проблеме взаимосвязи языка и мышления на основе понятия "языковой картины мира" в рамках когнитивной лингвистики. Цель статьи состоит в отражении эволюции содержания концепта, представленного в толковых словарях разных периодов. Сравниваются зона толкования и зона иллюстрации лексемы "Хлеб" и проанализированы все изменения, отраженные в словарных статьях за более чем 200 лет. Доказывается то, что в толковых словарях отражены ядро и периферии содержания концепта и его эволюционный процесс в русской национальной картине мира.

Ключевые слова:

Языковое сознание, языковая картина мира, концепт, хлеб, эволюция, толковый словарь.

Понятие "концепт" является одним из ключевых понятий в современных лингвистике. Н. Н. Болдырев с точки зрения когнитивной лингвистики рассматривает концепты как результаты концептуализации в познавательных процессах. Он определяет концепт как "единицу концептуального содержания, выделяемую человеком в процессе познания с целью последующей их передачи в языковой форме или дальнейшего накопления, что предполагает их определенное конфигурирование (или формат), а также структурную организацию в процессе хранения" [1, с.24].

Концепты, связанные между собой, образуют концептосферу языка. По мнению З. Д. Поповы и И. А. Стернина, "когнитивная картина мира – это совокупность концептосферы и стереотипов сознания, которые задаются культурой" [10, с.37]. А языковая картина мира, с их точки зрения, лишь частично отражает концептосферу и является частью когнитивной картины мира. С точки зрения когнитивной лингвистики, человек познает новый предмет или явление действительности (единицы реального мира), в его сознании, прежде всего, происходит

концептуализация, в результате чего формируется определенный концепт (единица концептуальной картины мира), который затем подвергается категоризации [15, с.75]. Поэтому под языковой картиной мира мы понимаем "определенную интерпретацию мира и интерпретацию знаний о мире в когнитивной системе человека" [2, с.38], и соответственно, основной единицей языковой картины мира является концепт, репрезентированный языковыми средствами, т.е. концепт входит в языковую картину мира в виде слова, словосочетания, предложения, фразеологических единиц и др.

Русская народная мудрость говорит: "Хлеб – всему голова". Концепт ХЛЕБ как важнейший предметный концепт в сознании русского народа обладает безусловно значимой ценностью для когнитивно-лингвистического исследования о русской языковой картине мира. Для анализа этого концепта ученые используют разные методы, например, Н. А. Решке проводила ассоциативный эксперимент о концепте ХЛЕБ с русскими, английскими и американскими студентами, А. Р. Шхумишхова проанализировала концепт ХЛЕБ на разных лингвистичес-

ких уровнях: морфологическом, стилистическом, фразеологическом и прагматическом, Л. С. Зинковская рассмотрела экстралингвистические факторы в исследовании концепта ХЛЕБ на материале идеографического словаря говоров Среднего Прииртышья и т.д.

В нашем исследовании, с одной стороны, также анализируются результаты статического осмысления этого концепта в языке, но, с другой стороны, эти результаты сравниваются в плане их отражения в словарях, созданных в разное время, на протяжении 200 лет. Концепт репрезентируется в разных языковых средствах выражения, среди которых лексема (слово) получает статус имени концепта и передает содержание концепта наиболее полно и адекватно. Именно это позволяет обратиться к толковым словарям, языковой материал которых может рассматриваться в качестве лексикографического репрезентанта концепта, получившего словесное обозначение.

Материалом нашего исследования послужили словарные статьи в следующих приоритетных толковых словарях: "Словарь Академии Российской" (1789–1794) (САР–1789), "Толковый словарь живого великорусского языка" В.И. Даля (1863–1866), "Толковый словарь русского языка" под ред. Д.Н. Ушакова (1935–1940), "Словарь русского языка" С.И. Ожегова (1949), "Словарь русского языка" (МАС) под ред. А. П. Евгеньевой (1957–1960), "Большой толковый словарь русского языка" (БТС–2000) под ред. С. А. Кузнецова (1998–2000), "Большой универсальный словарь русского языка" (БУС–2015) под ред. В. В. Морковкина (2015).

Лексема "Хлеб" в Словаре Академии Российской имеет следующее толкование:

1. Пицца приготовленная посредством печения из растворенной на воде, заквашенной и замешенной муки ржаной, пшеничной или другой какой...
2. В виде имени собирательного означает всякую пищу, пропитание, содержание пищей...
3. Также называются зерна хлебные содержащиеся в колосьях какого-нибудь на корню стоящего растения, или выбитые из колосьев...
4. Берется вообще за съестное в зернах или муке состоящее. [12].

В зоне толкования лексемы "Хлеб" в последующих толковых словарях русского языка наблюдаются изменения, которые показывают, что содержание концепта Хлеб было немножко расширено за этот период.

Основным значением лексемы "Хлеб" в толковых словарях является значение "Пищевой продукт, выпекаемый из муки" (только одним исключением служит словарь Даля, в котором первое значение – это "колосовые растения").

В "Этимологическом словаре русского языка" М. Фасмера: «Хлеб... др. – русск. хлѣбъ, ст. – слав. хлѣбъ ѣстоу (Остром., Euch. Sin., Сунр.)" [14]. В "Словаре русской ментальности": "Осл. (жертвенный хлебы); др. рус. 'пропитание, продовольствие' (996), 'хлеб печеный' (1057), 'пицца' (XI в.), 'хлеб зерновой' (1123), 'просвира' (1199), 'хлеб на корню' (1403), 'кушанье, угощение' (1437)" [6, с.453].

Таблица 1.

Толкование значения "Пищевой продукт, выпекаемый из муки" в разных толковых словарях.

Словари	Толкование значения "Пищевой продукт, выпекаемый из муки"
САР-1789	"Пицца приготовленная посредством печения из растворенной на воде, заквашенной и замешенной муки ржаной, пшеничной или другой какой..."
Словарь Даля	Мучное печенье из кислого теста, печеный хлеб, готовый на пищу"; "Хлеб, черный, ржаной, а пшеничный: белый, калач, пирог, булка и пр."
Словарь Ушакова	"Пищевой продукт, выпекаемый из муки, растворенной в воде"; "Такой продукт в виде изделия какой-н. определенной формы"
Словарь Ожегова	"Пищевой продукт, выпекаемый из муки"; "Такой продукт в виде крупного выпеченного изделия"
МАС	"Пищевой продукт, выпекаемый из муки, растворенной в воде. // Такой продукт в виде изделия какой-н. определенной формы. // Тесто, приготавливаемое для выпечки"
БТС-2000	"Пищевой продукт, выпекаемый из муки, растворенной в воде. // Такой продукт в виде изделия какой-н. определенной формы"
БУС-2015	"Пищевой продукт, который выпекается из муки, а также такой продукт в виде выпеченных из муки изделий. // Тесто для выпечки таких изделий"

Основное значение "Пищевой продукт, выпекаемый из муки" совпадает с внутренней формой данной лексемы. В общем центральное значение "Пищевой продукт, выпекаемый из муки" расширяется со временем: см. табл.1.

Из этой таблицы мы видим, что из первоначального значения "Пицца приготовленная посредством печения из муки" разделились два отдельных значения (словарь Даля, словарь Ушакова и словарь Ожегова), которые потом объединяются в одном значении как компоненты (МАС и БТС-2000). Другими словами, слово "Хлеб" те-

перь не только является общим названием данного пищевого продукта, выпекаемого из муки, но и обозначает конкретный такой продукт. Кроме этого, появился новый компонент (в МАС и БУС-2015) или новое значение (в БТС-2000) "Тесто для выпечки таких изделий", т.е. это значение расширяется.

Из значения "Зерна хлебные содержащиеся в колосьях какого-нибудь на корню стоящего растения, или выбитые из колосьев" также выделились два отдельных значения, которые иногда объединяются в одном значении (МАС):

Таблица 2.

Толкование значения
"Зерна хлебные содержащиеся в колосьях какого-нибудь на корню стоящего растения, или выбитые из колосьев"
в разных толковых словарях.

Словари	Толкование значения "Зерна хлебные содержащиеся в колосьях какого-нибудь на корню стоящего растения, или выбитые из колосьев"
САР-1789	"Зерна хлебные содержащиеся в колосьях какого-нибудь на корню стоящего растения, или выбитые из колосьев"
Словарь Даля	"Колосовые растения с мучнистыми зернами..."; "Растение это в снопах, копнах, кладях, снятое уже с поля, или чистое зерно его, вымолоченное"
Словарь Ушакова	"Зерно, из которого готовится этот продукт"; "Растение, из зерен которого готовится мука и крупа, злак"
Словарь Ожегова	"Плоды, семена злаков, размалываемые в муку"; "Такие злаки"
МАС	"Зерно, из которого готовится мука, идущая на выпечку такого продукта. // Зерновые (рожь, пшеница и т. п.) на корню"
БТС-2000	"Зерно, из которого готовится мука, идущая на выпечку такого продукта"; "Зерновые (рожь, пшеница и т. п.) на корню"
БУС-2015	Зерно, из которого делают муку для выпечки такого продукта"; "Растущие в поле злаковые растения, из зерен которых делают муку и крупу, а также поле с такими растениями"

В большинстве толковых словарей значения "зерно" и "зерновые на корню" рассматриваются как два отдельных значения. При этом, значение "зерновые на корню" проявляло динамический потенциал в этот период: с толкования "Колосовые растения с мучнистыми зернами" в словаре Даля до толкования "Растущие в поле злаковые растения, из зерен которых делают муку и крупу, а также поле с такими растениями" в БУС-2015 сфера употребления слова "хлеб" была расширена.

Кроме этого, по порядку расположения значение "зерно" в толковых словарях всегда находится перед значением "зерновые на корню". Это позволяет предполагать, что значение "зерно" более близко к ядру содержания концепта ХЛЕБ, чем значение "зерновые на корню".

Значение "Пицца, пропитание" расширяется, но изменения в этот период оказываются не значительными: см. табл.3.

Следует отметить, что в словаре Ожегова нет значения "пицца", но в позднейшем словаре Ожегова под редакцией Н. Ю. Шведовой это значение было добавлено в словарную статью "Хлеб".

Значение "пицца, пропитание" расширилось в словаре Ушакова компонентом "содержание, иждивение", но в МАС и БТС-2000 этот компонент был удален. В БТС-2000 это значение расширилось другим новым компонентом "Об основном пищевом продукте (какой-л. страны, местности)", но в БУС-2015 этот компонент был

Таблица 3.

Толкование значения "Пища, пропитание" в толковых словарях.

Словари	Толкование значения "Пища, пропитание"
САР-1789	<i>"В виде имени собирательного означает всякую пищу, пропитание, содержание пищей"</i>
Словарь Даля	<i>"Всякая пища человека, харчи, продовольствие"</i>
Словарь Ушакова	<i>"Пропитание, пища; содержание, иждивение"</i>
Словарь Ожегова	-
МАС	<i>"Пища, пропитание"</i>
БТС-2000	<i>"Пища, пропитание // Об основном пищевом продукте (какой-л. страны, местности)"</i>
БУС-2015	<i>"То, что едят, чем питаются"</i>

удален, при этом толкование этого значения становится более абстрактным. Таким образом, значение "пища, пропитание" претерпевает в этот период небольшие изменения, причем как в плане расширения значения, так и в плане его сужения.

Значение "средства к существованию" также расширено более абстрактным толкованием: "Берется вообще за съестное в зернах или муке состоящее" (САР-1789) => "Все вообще насущные, житейские потребности" (словарь Даля) → "Средства к существованию" (словарь Ушакова, МАС и БТС-2000) → "Средства к существованию, а тжж. средства к существованию, зарабатываемые собственным трудом" (БУС-2015).

Значение "О самом важном, необходимом для существования кого-л., чего-л." появилось только один раз в БТС-2000 и не присутствует в других толковых словарях русского языка, т.е. это значение входило в рамки содержания концепта ХЛЕБ только на короткое время и оказывается на периферийном месте в концепте.

В словаре Даля появилось значение "Хлебы, у кожев. квасы, броженный затор для выделки шкур", которое отсутствует в остальных толковых словарях. Это позволяет нам предлагать, что это значение вошло в содержание концепта ХЛЕБ лишь в определенное время, а затем вышло за рамки данного концепта.

В зоне иллюстрации мы нашли многие фразеологические обороты, пословицы и поговорки в словарной статье "Хлеб". При этом следует отметить, что кроме вышеуказанных значений в зоне иллюстрации появляются

многие фразеологические обороты с центральным словом "Хлеб-соль". Хлеб и соль – это уникальная русская культурная традиция, поэтому в данной таблице мы рассматриваем "Хлеб-соль" или "Хлеб да соль" как особое отдельное значение.

Мы видим, что фразеологические обороты, связанные со значением "Пищевой продукт, выпекаемый из муки", присутствуют во всех толковых словарях. А итоговое количество фразеологических оборотов, иллюстрирующее каждое значение, представлено нами в табл. 4.:

По количеству фразеологических оборотов первое место занимает значение "Пищевой продукт, выпекаемый из муки" (например, "Лучше хлеб с водой, чем пирог с бедой"). Это, безусловно, свидетельствует о центральном положении значения "Пищевой продукт, выпекаемый из муки" в содержании концепта ХЛЕБ. Остальные значения по убыванию оказываются так: "Пища, пропитание", "Средства к существованию", "Хлеб-соль", "Зерновые на корню", "Зерно". Такой порядок в определенной степени отражает их положение в содержании концепта ХЛЕБ, т.е. его ядра и периферии.

А такие значения, как "тесто, приготавливаемое для выпечки" и "О самом важном, необходимом для существования кого-л., чего-л.", не отражаются в никаких фразеологических оборотах. Это значит, что данные значения вошли в содержание концепта ХЛЕБ позже, чем вышеуказанные в таблице значения, т.е. эти новые значения находятся на самой периферии содержания данного концепта.

Таблица 4.

Общее количество фразеологических оборотов, связанных с каждым значением лексемы "Хлеб", в вышеуказанных толковых словарях.

Значения лексемы "Хлеб"	Количество фразеологических оборот
"Пищевой продукт, выпекаемый из муки"	88 (в том числе 66 пословиц и поговорок)
"Пища, пропитание"	53 (в том числе 32 пословицы и поговорки)
"Средства к существованию"	21 (в том числе 6 пословиц и поговорок)
"Зерно"	7 (в том числе 5 пословиц и поговорок)
"Зерновые на корню"	8 (все являются пословицами и поговорками)
"Хлеб-соль"	14 (в том числе 2 пословицы и поговорки)

Анализ всех фразеологических оборот о хлебе в толковых словарях показывает:

1. Хлеб – это всякая пища, которая необходима для жизни человека. Он важнее денег, например, "О хлебе не жить, да и без хлеба не быть", "Хлеб в пути не тягость", "Не держи денег в узлу, держи хлеб в углу", "Хлеб да живот, и без денег живет" и др.

2. Хлеб как пищевой продукт, выпекаемый из муки, является незаменимой едой для русского народа, часто появляется вместе с водой, солью, например, "Без хлеба не обед", "Рыба вода, ягода трава, а хлеб всему голова", "Хлеб батюшка, водица матушка", "Покуда есть хлеб да вода, все не беда", "Без соли не вкусно, а без хлеба не сытно", "Без хлеба смерть, без соли смех" и др.

3. Хлеб тесно связан с Богом, например, "Хлеб - Божий дар", "Бог на стене, хлеб на столе", "Дай Бог покой да хлеб святой!" др.

4. Хлеб успокоит человека или животных, например, "Вино веселит, а хлеб спит", "И пес перед хлебом смиряется", "На хлеб не станет, а на вино станет" и др.

5. Хлеб иногда связан с сытостью, а иногда связан с голодом, с бедой: "Человек сыт одним хлебом, да не одним ремеслом", "Хлебом сыты, хлебом (т. е. вином) и пьяны", "Голодной куме хлеб на уме", "Эту беду можно с хлебом съесть", "Хлеб да вода, крестьянская (бурлацкая, казацкая, солдатская, музжская) еда".

6. Хлеб и соль не только значит обед, пища, но и угощение, гостеприимство: "Без соли не вкусно, а без хлеба не сытно", "Без хлеба, без соли никто не обедает", "Хлеб-соль ешь, а правду режь", "Хлеб-соль взаимное дело", "От хлеба-соли не отказываются" и др.

Итак, мы приходим к выводу, что концепт ХЛЕБ за двести лет претерпел незначительные изменения в содер­жательном плане, прежде всего в плане расширения концептуальных признаков.

Внутренняя форма лексемы "Хлеб" в основном сохранилась до настоящего момента. Расширение значений слова "Хлеб", которое происходит и в ядре, и на периферии содержания данного концепта, находит свое отражение в толковых словарях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н. Н. О метаязыке когнитивной лингвистики: концепт как единица знания //Когнитивные исследования языка. Вып. IX. М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. С. 23–32.
 2. Болдырев Н. Н. Концептуально–тематические области языковой картины мира и их интерпретирующая функция // Когнитивные исследования языка. Вып. XVII. М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. С. 33–39.
 3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. 6–е изд., стереотип. М.: Дрофа; Рус. яз. Медиа, 2011. Т. 4: Р– ?. 683 с.
 4. Евгеньева А. П. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4–е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т.4: С–Я. 797 с.
 5. Зинковская Л. С. Представление концепта "Хлеб" в идеографическом словаре говоров Среднего Прииртышья // Слово: фольклорно–диалектологический альманах. 2007. №5.
 6. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности. В 2 т. С.–Петербург; Златоуст, 2014. Т. 2: П–Я. 592 с.

7. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. /Под ред. С. А. Кузнецова. 2-е изд. СПб., 2000. 1536 с.
8. Морковкин В. В. Большой универсальный словарь русского языка / под ред. В. В. Морковкин, Богачёва Г. Ф., Луцкая Н. М. М.: АСТ-Пресс Книга, Словари XXI века, 2015. 1456 с.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 22-е изд. М.: Русский язык, 1990, 917 с.
10. Попова З. Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
11. Решке Н. А. Концепт "Хлеб/bread" в языковом сознании представителей русской, английской и американской лингвокультурных общностей // Общество: философия, история, культура. 2012. №2 С.91–94.
12. Словарь Академии Российской: в 6 т. СПб.: Императорская Академия Наук, 1789–1794. Т. 6: Т-Я. 1064 с.
13. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 4: С-Я. М., 1940. 1502 с.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: Пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986–1987.
15. Шарандин А. Л. Динамическая природа концептуализации и категоризации как основа речевой деятельности человека // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1. С. 75–81.
16. Шхумишхова А. Р. Семантический и концептуальный аспекты исследования лексемы "Хлеб" // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009. №3 С.229–233.

© У Мэн, (njuwmt@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

The poster features a background image of a large industrial mining wheel. In the top left corner, there is a logo consisting of a stylized gear with a central circle, followed by the text "Mining World Russia". The main title "Mining World" is prominently displayed in a large, bold, black font. Below the title, the text describes the event: "22-я Международная выставка машин и оборудования для добычи, обогащения и транспортировки полезных ископаемых". The dates and location are listed as "17–19 апреля 2018" and "Москва, Крокус Экспо". At the bottom left, there is a call to action: "Подробнее о выставке" followed by the website "miningworld.ru". In the bottom right corner, there is a small logo for "ufi Approved Event".

НАЗВАНИЯ СТАНЦИЙ МЕТРО В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

Федорова Ирина Александровна
К.филол.н., доцент,
Удмуртский государственный
университет, Ижевск

NAMES OF SUBWAY STATIONS IN THE ONOMASTIC SPACE OF CITY

I. Fedorova

Annotation

The article examines the process of geographical objects' naming, which apart from linguistic, also includes ethnographic, historical, sociological and literary components. The totality of these components helps the linguist to distinguish the specificity of the named objects and the traditions associated with their naming. The research is based on the position that any names contain cultural and historical information and reflect the peculiarities of the people's mentality. The article presents a comparative analysis of subway station's names in Moscow, Paris and London. The choice of these cities is conditioned by the opinion that people who belong to different cultures, territories, the onomastic space has a largely different content. The author determines common regularities of naming as well as the peculiarities of Russian, French and English mentality under the lens of the subway stations.

Keywords: nomination, onomastic space, national cultural identity, subway stations, French, Russian and English languages.

Аннотация

В данной статье рассматривается процесс номинации географических объектов, который кроме лингвистического, включает также этнографический, исторический, социологический и литературоведческий компоненты. Совокупность этих компонентов помогает лингвисту выделять специфику именованных объектов и традиции, связанные с их именованнием. Исследование базируется на положении, что любые названия несут культурно-историческую информацию и отражают особенности менталитета народа. В статье представлен сравнительно-сопоставительный анализ названий станций метрополитена Москвы, Парижа и Лондона. Выбор данных городов обусловлен мнением о том, что у людей, которые принадлежат к разным культурам, территориям, ономастическое пространство имеет в значительной степени различное "заполнение". Автор выявляет общие закономерности наименования, а также особенности русской, французской и английской ментальности сквозь призму названий станций метро.

Ключевые слова:

Номинация, ономастическое пространство, национально-культурная специфика, станции метрополитена, французский, русский и английский языки.

Проблема номинации, изучение ее механизмов представляет особый интерес для современных учёных-лингвистов. Стремительно меняющиеся социально-исторические условия, развитие науки и техники, возникновение новых реалий, уход старых и появление давно ушедших лексем – всё это приводит к значительному изменению лексического состава языка.

Сфера номинации является наиболее чувствительной к подобным изменениям, что делает настоящее исследование актуальным.

Теорию номинации разрабатывали многие отечественные и зарубежные ученые:

О. С. Ахматова, Н.Д. Арутюнова, Л.А. Булаховский, А.В. Введенская, В.В. Виноградов, Л.В. Щерба, Б.А. Ларин, Д.Н. Ушаков, А.Ф. Лосев, А.И. Смирницкий, С.К. Ожегов, Б.А. Серебренников, Ю.С. Сорокин, Д.Н. Шмелев, Н.М. Шанский, П.В. Чесноков, В.Н. Телия, А.Д. Шмелев, Ч. Моррис, Б. Квадри, Г. Фреге, С. Ульманн, Дж. Лайонз, А. Росерик, С. Фокс, П. Круз и др.

Рассмотрим понятие номинации. Номинация [от лат. *nominatio* – (на)именование] – 1) образование языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, т. е. служащих для называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений. Этим термином обозначают и результат процесса номинации – значимую языковую единицу; 2) совокупность проблем, охватывающих изучение динамического аспекта актов наименования в форме предложения и образующих его частей, рассматриваемых в теории референции; 3) суммарное обозначение лингвистических проблем, связанных с именованнием, а также со словообразованием, полисемией, фразеологией.

Предметом теории номинации является изучение и описание общих закономерностей образования единиц языка, его взаимодействия с мышлением и действительностью, роли человеческого фактора в выборе признаков, лежащих в основе номинации, исследование языко-

вой техники номинации – её актов, средств и способов, построение типологии номинации, описание её коммуникативно-функциональных механизмов [1, с. 336].

Используя, однако, довольно ограниченную систему способов выражения смысла и в целом единую технику номинации, разные языковые коллективы создают, тем не менее, оригинальные системы наименований, в упорядочивающем виде представляющие многообразие окружающего мира и являющиеся тем самым его оригинальными языковыми картинками. В основе этой особенности лежат, во-первых, различия условий – территориальные, климатические, экономические, социальные и т. д. – существования того или иного языкового коллектива, порождающие наличие в языках так называемой безэквивалентной лексики, обозначающей присутствие только жизни конкретного языкового коллектива реалии. Во-вторых, определенное влияние на создание своеобразной языковой картины мира оказывает различная частота использования в языках тех или иных способов наименования.

Главной причиной специфичности языковых картин мира является нетривиальность номинативной деятельности человека, универсальной в своих процессуальных аспектах и диалектически противоречивой при выборе свойств и признаков, которые могут быть положены в основу наименования. Об этом свидетельствуют многочисленные расхождения даже в звукоподражательной лексике, в которой, казалось бы, единая техника номинации (имитация) и единый набор свойств (звуковые проявления), избираемые как основание для наименования, должны были бы обеспечить идентичный в разных языках результат, но такого совпадения, однако, не происходит. Еще более яркие несовпадения наблюдаются там, где выбор свойств и признаков именуемого объекта, на которые опираются говорящие в процессе номинации, а также способа наименования и используемых номинативных средств, свободен и достаточно произволен. Наибольшие же несовпадения (это, однако, не исключает и соответствий) наблюдаются при выборе в процессе создания наименования случайных, периферических признаков и связей, т.е. в сфере метафорических переносов [2, с. 11].

По мере познания окружающего мира человек даёт названия его отдельным частям, при этом он систематизирует и группирует (давая имена нарицательные) и индивидуализирует (давая имена собственные). Везде, где требуется выделение для идентификации или индивидуализации, человек употребляет собственные имена как наиболее удобный способ определения объекта. В связи с тем, что изучение имён собственных в разрыве с именуемыми с их помощью объектами невозможно, возникает термин "ономастическое пространство". По мнению

А. В. Суперанской, ономастическое пространство – это совокупность имён собственных, употребляющихся в языке данного народа для именованья реальных, гипотетических и фантастических объектов. Оно определяется моделью мира, существующей в представлении этого народа в настоящее время, но в ней также сохраняются и элементы прежних эпох [3, с. 9].

Другие ученые, в частности, В. Н. Топоров использовал термин "топонимическое пространство", которое, по его словам, отражает модель мира, существующую в представлении того или иного народа. В такой модели мира, как в слоёном пироге, сохраняются элементы разных эпох, настоящего и прошлого [4, с. 35].

Принимая во внимание тот факт, что топонимы своеобразны у каждого народа, в каждой культуре, на каждой территории, мы провели исследование на выявление общих и специфических тенденций в способах номинации на материале названий станций метрополитена в столицах России, Франции и Великобритании. Насколько известно автору, их изучение и классификация не являлись предметом самостоятельного рассмотрения.

Ежедневно в мире услугами метро пользуется 155 миллионов человек. Это своеобразный подземный мир, но маловероятно, что обитатели этого мира обращают своё внимание на его содержимое, для них это лишь средство передвижения. "Воспринимая столичную подземку только как самый быстрый вид транспорта, мы даже не задумываемся о его интереснейшей истории, о происхождении названий его станций" [5, с. 18].

В процессе работы мы проанализировали 852 названия (199 станций Московского метрополитена; 383 станции Metro de Paris; 270 станций London Underground) и выявили три основных способа наименования станций метро, характерных для трех городов:

1. Название даётся по географическому объекту (улицы, площади, деревни и пр.) расположенному поблизости.
2. Станции, названные в честь политических, литературных, военных или научных деятелей.
3. Название даётся в честь исторических событий.

Языковой материал позволил выявить, что способы номинации станций метро в Париже, Москве и Лондоне одинаковы, несмотря на их столь различные истории, географические положения и культуры в целом. Большинство станций в трех городах названы по географическим объектам (Москва – 88,5%, Париж – 54%, Лондон – 96,3%). Причина такого процентного соотношения, мы полагаем, состоит в том, что очень важно обеспечить удобство и простоту восприятия системы метрополите-

на, то есть сориентировать жителей и гостей города в пространстве столь крупных столиц.

Московский метрополитен является преимущественно подземным городским общественным транспортом, первая линия открылась 15 мая 1935 года. Из 199 станций, 176 (88,5%) названы в честь географических объектов. Например, московская станция "Театральная" названа в честь площади, где находятся Большой и Малый театры, а также Российский академический молодежный театр. Многие станции метро, в особенности окраинные станции, получили своё название от местных, прилегающих к Москве. "Кунцевская станция" метро сохранила название подмосковного села Кунцево, известного еще с 1454 г. Лиственные леса, Москва-река делали Кунцево любимым местом пребывания москвичей. По одной из версий, название "Кунцево" произошло от слова "куница", поскольку в местных лесах водились эти животные. Однако большинство историков и филологов больше склоняются к другой версии, согласно которой "Кунцево" произошло от слов "кунеть" – "хорошенько" или "кунка" – "милая". Есть еще одна, самая распространенная версия, по которой в основе "Кунцево" лежит прозвище или фамилия Кунец, одного из владельцев этого села. Известно, что название сёл по принципу принадлежности было очень активным в то время. Кроме того, "кунцом" в XVI в. иногда называли крестьян [6, эл. ресурс]. Стоит отметить, что все новые станции в Московском метрополитене носят название географического объекта, находящегося поблизости, и это неудивительно, так как эти станции находятся на окраинах и играют важную транспортную роль для жителей отдалённых районов столицы.

Парижский метрополитен (фр. Metro de Paris, сокращение от первоначального названия "столичная железная дорога" фр. chemin de fer metropolitain; слова "метрополитен" и "метро" получили всемирное распространение именно благодаря парижскому метро) – система скоростного подземного общественного транспорта Парижа. Сеть метро охватывает весь Париж и его ближайшие пригороды. В 1900 году в Париже должна была состояться Всемирная выставка, и в этом же году местом проведения Летних Олимпийских игр также была назначена столица Франции. Нужен был скоростной транспорт для соединения Елисейских Полей (где проходила Всемирная выставка) и Венсенского леса (с его Летними Олимпийскими играми). Интересно, что изначально был представлен проект с наземными линиями метрополитена, поскольку многие французы ассоциировали подземелье с загробным миром, но в итоге руководство города устремило свой взор в будущее и, предугадав нынешние городские пробки, к счастью, отдало проект Фюльженсу Бьенвену, который предложил проект подземного метро [7, эл. ресурс].

Из 383 станций Парижского метрополитена 206 (54%) названы по географическим объектам: улицам, площадям, кварталам, коммунам и пригородам. "Gare de Lyon", "Porte de Champerret", "Mairie de Montrouge" и др. Двойные названия, например, "Reuilly–Diderot", часто происходят от их расположения на пересечении двух улиц.

Лондонский метрополитен (London Underground) является одним из крупнейших в мире, его сеть состоит из 11 линий общей протяжённостью 402 км, из которых 45% проходит под землёй. Это еще и старейшее метро в мире. Его первая линия "Метрополитен рейлвей" открылась в 1863 году. В составе Лондонского метрополитена 270 станций, четырнадцать из которых находятся за пределами Большого Лондона [8, эл. ресурс]. Почти все станции 260 (96,3%) названы по географическому принципу. Многие станции из этой категории имеют в названиях такие слова, как: Lane ("Rayners Lane"), Road ("Preston Road"), Street ("Baker Street"), Hill ("Notting Hill"), Park ("Northwick Park"), Town ("Kentish Town"), Square ("Euston Square"), Cross ("Charing Cross").

Вторым распространенным способом наименования является номинация в честь известного деятеля. Так, из 9 (4,5%) станций Московского метрополитена, названных по фамилии известных людей (Маяковская, Бауманская, Багратионовская, Бабушкинская, Полежаевская, Достоевская, Чкаловская, Добрынинская и Бульвар Рокоссовского), шесть названы в честь военных деятелей, которые внесли огромный вклад в защиту нашей Родины.

Парижане в значительной степени благодарны известным людям, мы выявили 124 (32%) станции, которые названы в честь политических ("Charles de Gaulle" – президент Франции в 1940–1944 и 1959–1969 гг.; "Franklin D. Roosevelt" – знаменитый президент США; и др.), литературных ("Denis Diderot", "Voltaire", "Alexandre Dumas" и др.), военных ("Colonel Fabien" – полковник Фабьен, активный участник французского движения Сопротивления, коммунист; Joseph Simon "Gallieni" – французский военачальник, участник колониальных войн, военный комендант и организатор обороны Парижа в сентябре 1914 г., министр обороны в 1915–1916 гг., маршал Франции) и научных ("Jacques Bonsergent" – инженер, а также участник партизанского движения в Париже в годы Второй мировой войны; "Pierre et Marie Curie" – учёные-физики, первые исследователи радиоактивности, члены Французской Академии наук, лауреаты Нобелевской премии по физике за 1903 год) и других известных личностей.

В отличие от московского и парижского только 1 (0,4%) станция в лондонском метро названа в честь известной личности – королевы Виктории ("Victoria").

Третий способ номинации отражен в 5 (2,5%) станциях метро Москвы, которые напоминают об исторических событиях в стране. Например, "Алма-Атинская" – Панфиловская дивизия была сформирована в городе Алма-Ата (ныне Казахстан), а также "Партизанская", "Пионерская", "Академическая", "Севастопольская". В Лондоне также как и в Москве имеется всего 5 (1,8 %) станций, относящихся к данному способу, среди них – это "Olympia" – бывшая станция "Kensington", переименованная после Летних Олимпийских игр в Лондоне 2012 году, "Waterloo" – в честь битвы при Ватерлоо. Одноимённая станция имеется и в Парижском метрополитене, где еще 30 (8%) станций носят названия в честь исторических событий: знаменательных битв (битва под Ваграмом – "Wagram"; Сталинградская битва – "Stalingrad"; Крымская война 1855–1856 годов, которая завершилась Парижским договором от 1856 года – "Crimee" и др.).

История страны несомненно отражается на географических названиях и в названиях станций метро в том числе. Строительство Московского метрополитена началось в Советском союзе и в настоящее время существует тенденция к изменению советских названий. Так, например станции Измайловский парк культуры и отдыха им. Сталина, Улица Коминтерна (Коминтерн), Сталинская были переименованы в Измайловская, Семёновская и Калининская соответственно.

В Парижском метрополитене станции обретают новое название значительно реже, а если и переименовываются, то, например, в связи с такими событиями: после того, как Германия объявила войну Франции в 1914 году, было решено переименовать станцию "Berlin" в "Liege", а "Allemagne" в "Jaures", по-видимому французы не хотят помнить о печальных страницах своей истории.

Англичане же, как истинные консерваторы, переименовывающие станции, оставляют и их старое название. Например, станция под названием "Warren Street" сейчас называется "Euston Road", то есть на картах и в самом метро прописаны оба названия.

Интересно отметить также различия, прослеживаемые в наименовании станций, которые вошли в группу "Разное". Приведем примеры. В Московском метрополитене есть две станции – "Пражская" и "Римская", которые были построены по международным договорам с Прагой и Римом, в этих городах аналогично названы станции в честь Москвы. В Париже больше станций с подобным типом номинации – "Argentine", "Rome", "Strasbourg". Причём наименование этих станций не связано с какими-либо обоюдными договорами, французы решили отдать дань уважения другим народам, не смотря на стереотип об их горделивости.

По названиям станций метро можно судить о месте спорта в стране. Отметим также то, что спорт для России (особенно был для СССР) является важным аспектом в жизни, чем, например, для Франции. 4 станции (Планерная, Беговая, Спортивная, Динамо) против одной в Париже (Olympiades). Что касается Лондонского метрополитена, то мы сразу видим, что для англичан является пунктом номер один – футбол! В Англии футбол называют "красивой игрой". Для них футбол – это своего рода религия, которая влияет на социальную жизнь многих людей (особенно мужчин). Футбольные матчи – единственная возможность для англичан выразить свои чувства и эмоции, не боясь строгих социальных ограничений [8, эл. ресурс]. Целых три станции из девяти носят названия английских футбольных клубов – Arsenal, Liverpool, Cockfosters. Но не только футбол важен для англичан, так как существуют чисто английские игры, такие как крикет, которые мало кто принимает всерьез за пределами Великобритании. Станция метро "Oval" как раз носит название, связанное с этой игрой – "Oval" – одна из спонсирующих крикет компаний. Также в Лондонском метро имеется станция, названная в честь Олимпиады-2012 – "Olympia", что вновь подчёркивает важность спорта в английской культуре.

Различия на уровне номинации прослеживаются на продукции, производимой в данной стране. Например, французские названия связаны с продуктами питания "Cour Saint-Emilion" (сорт вина), "Maraichers" (растительная продукция), в то время как русские – с техникой: "Электрозаводская", "Автозавод", "Авиамоторная" станции. Что неудивительно, так как Франция славится винами и сырами в первую очередь, а Россия в большей степени техникой.

Далее рассмотрим наличие названий связанных с религией. В эпоху строительства московского метрополитена отношение к церкви не поощрялось советской властью, поэтому неудивительно, что в метро Москвы нет ни одной станции, название которой связано с религиозной темой. Французы, в свою очередь, всегда заявляли о важности религии в их жизни. В Парижском метро, например, 12 станций названы в честь близлежащих церквей ("Notre-Dame-de-Lorette", "Basilique de Saint-Denis", "Eglise de Pantine" и т. д.), а также существует множество названий станций с приставкой Saint – Святой (напр. "Saint-Philippe de Roule"). В Лондонском метрополитене мы нашли всего лишь одну станцию, название которой связано с религиозной темой – "Marylebon", что бесспорно имеет в написании французское влияние.

Последнее замечание, сделанное в ходе исследования, является не более чем интересным фактом и, на наш взгляд, не связано с какими-либо культурными особенностями русских, французов, англичан. В Москов-

ском и Лондонском метро не наблюдается подобных названий, связанных с географией или древней историей, как в Париже: "Babylone", "Pyrenees", "Jourdain", "Danube".

Таким образом, в ходе анализа языкового материала мы выявили три основных способа номинации станций крупнейших метрополитенов мира. Первый способ по географическому объекту занял первое место в количе-

ственном подсчете, благодаря своей простоте ориентирования на земле и под землей. Французские названия представлены более разнообразной тематикой, чем русские и английские. Исследование также позволило увидеть в названиях элементы национальных особенностей русских, французов и англичан. Изучение наименований станций метрополитена, на наш взгляд, может быть продолжено на новом материале с использованием других методологических подходов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь // Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990. – 688 с.
2. Харитончик, З.А. Лексикология английского языка: Учеб. пособие. – Мн.: Выш. шк., 1992. – 229 с.
3. Суперанская, А.В. Общая теория и методика ономастических исследований. – М.: ЛКИ, 2007. – 256 с.
4. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Образ. Символ. – Издательство: Прогресс, Культура, 1995. – 624 с.
5. Журнал "Вояж", декабрь 2000–январь 2001.
6. Происхождение названий некоторых станций метро, 2007. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://nrm.ru/blogs/horror1017/proishozhdenie_nazvaniy_nekotoryh_stancij_metro
7. Метрополитен Парижа. Интересные факты. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://alterparis.com/interesnye-fakty-o-parizhskom-metro>
8. London Underground: 150 fascinating Tube facts. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.telegraph.co.uk/travel/destinations/europe/uk/london/9789966/London-Underground-150-fascinating-Tube-facts.html>

© И.А. Федорова, (souirefr@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

РОЛЬ СТЕРЕОТИПОВ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕНИИ

Чеканова Светлана Анатольевна
К.филол.н., доцент,
МГИМО МИД России

THE ROLE OF STEREOTYPES IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

S. Chekanova

Annotation

The article deals with the problem of stereotype influence on cross-cultural communication. There is information on the origin of the term "social stereotype" and its several definitions. Most definitions characterize a stereotype as a schematic, standardized, constant, customary, conventional, nationally dependant phenomenon and the last feature is especially important for cross-cultural communication.

The author gives the classification of stereotypes which divides them into behaviour stereotypes and stereotype perceptions about an object or a situation.

The article mentions the main trends and sources shaping stereotypes.

The author focuses on stereotypes which at first sight seem to be analogous in different cultures but, in fact, they differ in nuances playing a decisive role in cross-cultural communication. There are examples of such stereotypes in the article. However, to make cross-cultural communication effective, it is impossible to rely only on stereotypes which are just one of the factors that should be taken into account.

Keywords: stereotype, cross-cultural communication, autostereotype, heterostereotype, perception, behaviour model, ethnocultural stereotype, ethnos.

Аннотация

В данной статье отражена проблема влияния стереотипов на процесс межкультурной коммуникации. Дается информация о происхождении термина "социальный стереотип" и приводится несколько его определений. Основными характеристиками, составляющими большинство определений стереотипа, являются схематический, стандартизированный, фиксированный, привычный, устоявшийся, национально-детерминированный, что особенно важно для межкультурного общения.

Автор приводит классификацию стереотипов, в соответствии с которой они подразделяются на стереотипы поведения и стереотипы-представления о предмете или ситуации.

В статье упоминаются основные тенденции и источники, благодаря которым возникают стереотипы.

Автор делает акцент на стереотипах в разных культурах, кажущихся на первый взгляд аналогичными, но при этом различающихся нюансами, играющими решающую роль в межкультурной коммуникации. Приводятся примеры таких стереотипов.

Однако для успешного осуществления межкультурной коммуникации нельзя полагаться только на стереотипы, являющиеся лишь одним из факторов, которые нужно учитывать.

Ключевые слова:

Стереотип, межкультурная коммуникация, автостереотип, гетеростереотип, представление, модель поведения, этнокультурный стереотип, этнос.

Система социальных стереотипов носителей той или иной культуры отражает особенности национального характера. Поэтому стереотипы представляют особый интерес для исследования.

Термин "социальный стереотип", введенный в 1922 г. американским журналистом У. Липпманом – создателем теории стереотипизации, обозначает упрощенное, схематизированное, зачастую искаженное, характерное для сферы обыденного сознания представление о каком-либо социальном объекте. Социальный стереотип фиксирует в себе некоторые, иногда несущественные черты объекта, обладающие относительной устойчивостью. "Стереотипизация служит одной из важнейших характеристик восприятия межгруппового и межличностного и отражает схематизированность, аффективную окрашенность, свойственную этой форме социальной перцепции" [11, с. 207].

Существует множество определений стереотипа. Наиболее общим определением стереотипа является следующее: "Стереотип – это схематический, стандартизированный образ или представление о социальном явлении или объекте, обычно эмоционально окрашенное и обладающее устойчивостью. Выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта" [3, с. 447].

В большинстве работ стереотип рассматривается в контексте социального взаимодействия, как некая "модель" действия, поведения. Эта модель связана с определенным национально детерминированным выбором той или иной тактики и стратегии поведения в какой-нибудь ситуации. А данный выбор обуславливается определенным набором потребностей и мотивов. При таком подходе стереотипы рассматриваются как "знаки, кото-

рые являются вербальной фиксацией определенным образом опредмеченных потребностей данной социальной группы, этноса, национально-культурного ареала", как "фиксированное отражение некоторой деятельности, продукты которой выступают в роли предметов, удовлетворяющих определенным потребностям" [2, с. 177]. В.А. Рыжков интерпретирует стереотип как "коммуникативную единицу данного этноса, способную посредством актуальной презентации социально санкционированных потребностей оказывать побуждающее типизированное воздействие на сознание личности – социализируемого индивида, формируя в нем соответствующие мотивации" [8, с. 16]. Такого рода феномены Ю.Е. Прохоров называет "стереотипами речевого общения" или, точнее, их можно назвать стереотипами речевого поведения. Ю.Е. Прохоров определяет их как "социокультурную маркированную единицу ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, реализуемую в речевом общении в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения" [6, с. 21]. При таком понимании стереотипа он выступает как "модель", "образец", "канон".

В.В. Красных рассматривает стереотип как "фиксированную ментальную "картинку", являющуюся результатом отражения в сознании личности "типичного" фрагмента реального мира" [2, с. 178]. Стереотипы как феномен можно подразделить на два вида: стереотипы поведения и стереотипы-представления о предмете или ситуации и, соответственно, их можно обозначить как стереотипы-образы и стереотипы-ситуации. Стереотип представляет собой некий фрагмент мира, существующий в сознании. Это устойчивое, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете или ситуации [2]. Иначе говоря, "стереотип – это способ хранения огромного количества информации об окружающем мире, помогающей нам в нем ориентироваться" [12, с. 27].

Возникновению стереотипов способствуют две тенденции человеческого сознания: 1) конкретизация – ассоциирование абстрактных понятий с какими-то конкретными образами; 2) упрощение – выделение нескольких признаков в качестве ведущих для обозначения нескольких явлений. Они формируются как в процессе неорганизованной передачи информации (слухи, анекдоты, разговоры), так и в процессе непосредственного межнационального общения, строящегося на предубеждениях, уходящих корнями в историю, передаются художественной литературой и фольклором [10].

При изучении роли стереотипов в межкультурной коммуникации необходимо помнить о том, что стереотипы всегда национальны. Правда, иногда можно найти аналоги в разных культурах. Но таким случаям нужно уделять особое внимание, поскольку совпадая в целом,

эти стереотипы могут различаться деталями, имеющими большое значение для успешного общения.

Различия в стереотипах, бытующих в разных культурах, касаются многих аспектов. Например, темы бесед: о чем можно, а о чем нельзя говорить с представителями других культур, отношение ко времени, поведение представителей разных культур в общественных местах и т.д.

Также по-разному проявляются и стереотипы-представления. Например. Корейцы говорят: "Жена должна быть как лиса, а муж – как медведь", имея в виду, что жена должна быть умной, гибкой в общении и хитрой, а медведь сильным. На первый взгляд ассоциации, связанные с этими животными у корейцев, схожи с ассоциациями у русских. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что русская лиса – это в первую очередь эталон хитрости, и это качество воспринимается русскими скорее как отрицательное. Медведь для русских в первую очередь неуклюж, а потом уже все остальное.

То же самое происходит с национальными (этнокультурными) стереотипами, которые подразделяются на автостереотипы – представление о своем народе и о своей культуре и гетеростереотипы, схематично обобщающие взгляды на другие народы и культуры.

Например, француз для немцев – эталон жадности, для итальянцев – спеси и снобизма, для русских – галантности. Немец для русских – пример пунктуальности, итальянец – эмоциональности и вокального мастерства, англичанин – чопорности и сдержанности.

Стереотип как феномен рассматривается с разных точек зрения. Неоднозначно и отношение к стереотипам. Например, О.А. Леонтович считает, что "стереотипы – упрощенные ментальные репрезентации различных категорий людей, преувеличивающие моменты сходства между ними и игнорирующие различия. Стереотипизация предполагает статичный взгляд на общество и человека, неумение воспринимать уникальность человеческой личности, стремление свести всех людей к ограниченному числу типов со стандартным набором характеристик" [4, с. 236]. Определение О.А. Леонтович дано в контексте проблем межкультурной коммуникации. О.А. Леонтович считает, что "различные виды стереотипов, существующие на уровне языка, способны создавать помехи в межкультурном общении" [4, с. 240].

Но это не совсем справедливо по отношению к стереотипу, стереотипизацию нельзя рассматривать как однозначно отрицательное явление. С.Г. Тер-Минасова утверждает, что, несмотря на схематизм и обобщенность, стереотипные представления содержат первоначальные знания о других народах и других культурах и

тем самым подготавливают почву для общения с ними, ослабляя культурный шок [9]. А.В. Павловская также отмечает положительную роль стереотипов: "Стереотипы позволяют человеку составить представление о мире в целом, выйти за рамки своего узкого социального, географического и политического мира" [5, с. 17]. Е.И. Рогов определяет стереотип как "устойчивый и в то же время упрощенный образ какого-либо явления в условиях нехватки информации. Именно стереотипы позволяют человеку существенно сократить время реагирования на изменяющуюся реальность, ускорить процесс познания" [7, с. 193].

Нельзя отрицать положительную роль стереотипов в межкультурном общении. Попадая в незнакомую этническую среду, человек может испытать культурный шок. При всей своей схематичности и обобщенности стереотипные представления о других народах и других культурах подготавливают к столкновению с чужой культурой, ослабляют удар, уменьшают культурный шок.

Кроме того, стереотипы позволяют получить базовые фоновые знания о стереотипных представлениях и поведении в разных культурах, что очень важно для успешного осуществления процесса коммуникации без конфликтов, недопонимания и неловких ситуаций.

Нельзя переоценить важность национально-детерминированных представлений о предмете или ситуации, а также особенности поведения представителей разных культур в деловой среде. Это имеет отношение и к деловому этикету, и к продвижению товаров на международном рынке. Многие специалисты в области маркетинга

подчеркивают необходимость изучения мнения потребителей о продуктах, произведенных в других странах. Эти мнения часто формируются на основе стереотипных представлений об этих странах. Например, Германия ассоциируется с надежностью и высоким качеством, Япония – с передовыми технологиями в электронике, Франция – с хорошим вином. Поэтому понимание того, как потенциальные потребители воспринимают страну и культуру производителя продвигаемого продукта, является эффективным средством в маркетинге.

Однако в межкультурном общении нельзя полагаться только на стереотипы. Они должны рассматриваться лишь как фактор, дающий первичное представление о том или ином народе. В процессе общения это представление может существенно измениться. "Непроизвольная фиксация на уже имеющемся стереотипе серьезно затрудняет наблюдение за реальными действиями партнеров, и в этом случае стереотип действует как коммуникационный фильтр, как бы отсеивая те моменты действий, которые не соответствуют стереотипу. Таким образом, стереотипы ведут к некоторому искажению реальности и включению в процесс общения своеобразного "автопилота", который предполагает жесткую схему восприятия и существенно затрудняет или даже совсем исключает обратную связь с партнерами по коммуникации. Следствием этого, как правило, является то, что действительное поведение партнеров, как и их намерения, остаются незамеченными или неправильно понятыми, это оказывает влияние на ход общения и может стать источником конфликтов. Поэтому проблема построения адекватного поведения с учетом существующих стереотипов всегда актуальна" [1, сс. 327–328].

ЛИТЕРАТУРА

1. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 352 с.
2. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.:ИТДГК "Гнозис", 2002. 284 с.
3. Краткий политический словарь. М., Политиздат, 1987. 509 с.
4. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: Монография. Москва: Гнозис, 2005. 352 с.
5. Павловская А.В. Россия и Америка. Проблемы общения культур. М., 1998. С. 17.
6. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996. С.21.
7. Рогов Е.И. Общая психология. Курс лекций. Ростов: Изд-во "Владос-Пресс", 2006. С.193.
8. Рыжков В.А. Регулятивная функция стереотипов/Знаковые проблемы письменной коммуникации. Межвуз. сб. науч. трудов. Куйбышев, 1985. С. 15–21.
9. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: СЛОВО/SLOVO, 2000. 624 с.
10. Федченко А.В. Этнокультурная специфика формирования языкового сознания русских и американцев в школьном возрасте. Дис. канд. филол. наук. М., 2005. С. 21.
11. Харченко Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. 336 с.
12. Чеканова С.А. Стереотипные представления о профессиях у русских и англичан: монография. М.: МГИМО-Университет, 2012. 216 с.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РУССКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ИНТЕРЯЗЫКЕ КИТАЙСКИХ УЧАЩИХСЯ

ABOUT THE USE OF RUSSIAN VERBAL FORMS IN CHINESE LEARNERS' INTERLANGUAGE

Zheng Qianmin
V. Shaklein

Annotation

The article is devoted to actual problems of the use of Russian verbal forms in Chinese learners' interlanguage, which is regarded as a constantly developing, consistent internal language system in the process of acquiring second language. Interlanguage is analyzed as one of language systems, where exist and function their own rules. The term "interlanague", and the phenomenon "fossilization" are deeply concerned. The main features of interlanguage are investigated by examples of the use of Russian verbal forms in it, and the major goals of this research are proposed – to interpret how Russian verbal forms of Chinese learners develop over time from an initial state to a final state. The main stages of the development of Russian verbal forms, which testify the dynamism of interlanguage, the reasons for the appearance and functioning of incorrect Russian verbal forms that Chinese learners form are analyzed. The characteristic features of Russian verbal forms in Chinese learners' interlanguage are identified and described.

Keywords: verbal forms, interlanguage, internal language system, infinitive, verbal aspects, characteristic features.

Чжэн Цяньминь

Аспирант,

Российский университет
дружбы народов, Москва, Россия

Шаклеин Виктор Михайлович

Д.филол.н., профессор,

Российский университет
дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена актуальным проблемам использования русских глагольных форм в интерязыке китайских учащихся, который рассматривается как постоянно развивающаяся, последовательная внутренняя языковая система в процессе овладения ими вторым языком. Интерязык анализируется как одна из языковых систем, где существуют и функционируют свои правила. В статье подробно рассматриваются термин "интерязык", феномен "фоссилизация". Исследуются основные особенности интерязыка китайских учащихся на примере использования ими русских глагольных форм. Указывается цель исследования – объяснить как русских глагольных форм в интерязыке китайских учащихся развивается во времени – от исходного состояния к конечному бытованию. Обосновываются основные этапы развития русских глагольных форм, свидетельствующие о динамичности интерязыка китайских учащихся, устанавливаются причины появления и функционирования неверно используемых ими русских глагольных форм. Выделяются и описываются характерные особенности русских глагольных форм в интерязыке китайских учащихся.

Ключевые слова:

Глагольные формы, интерязык, внутренняя языковая система, инфинитив, вид глаголов, характерные особенности.

ВВЕДЕНИЕ

Концептуализация термина "интерязык" связана с понятием языковой системы, которую учащиеся используют перед началом овладения ими заданным и усваиваемым лингвистическим знанием изучаемого языка. С ростом политических, экономических и культурных обменов между Китаем и Россией всё больше китайских студентов изучают русский язык как в Китае, так и в России. Процесс изучения иностранного языка влияет на строение интерязыка учащихся, то есть "большинство из изучающих второй (иностранной) язык изучает его под влиянием родного языка" [Шаклеин, Чжэн Цяньминь, 2017, с. 171]. Анализ интерязыка китайских учащихся является одной из центральных проблем исследований, связанных с функционированием русского языка.

Как известно, язык индивида является регулярной системой, используемой в общении между людьми. В процессе изучения иностранного языка формируется новая языковая система и, по мнению ряда исследователей, новая (вторичная) языковая личность.

Сам термин "интерязык" (interlanguage) был впервые предложен и использован американским лингвистом Л. Селингером, считавшим, что "интерязык означает языковую систему, которая занимает статус посредника между родным и изучаемым языками" [Шаклеин, Чжэн Цяньминь, 2017, с. 171]. Также С. В. Пилипчук обозначает интерязык как "переходную от родного языка к иностранному лингвистическая система, возникающая в процессе обучения, которая привлекла внимание зарубежных и отечественных учёных" [Пилипчук, 2005., с. 3].

Понятие "интерязык"

Интерязык рассматривается как постоянно развивающаяся, последовательная внутренняя языковая система в процессе овладения учащимися вторым языком в определенный момент, либо после какого-то определенного периода обучения языку, но не как система возникающих языковых ошибок. Несмотря на то, что интерязык является гипотетической языковой системой изучающих второй язык, он по-прежнему представляет собой логическую систему, имеющую свои особенности и признаки.

Л. Селинкер утверждает, что "существуют четыре основные особенности интерязыка: (1) проницаемость; (2) динамичность; (3) систематичность; (4) не одновременность" [Selinker, 1972, с. 215]. С другой стороны, в работах последних лет исследователи отмечают, что одна из основных характеристик интерязыка заключается в том, что он окаменеваает, то есть перестает развиваться в какой-то момент без полной идентичности с изучаемым языком. Более того, ряд исследователей считает, что взрослые, изучающие иностранный язык, никогда не достигают абсолютного совершенства в овладении изучаемым языком. Л. Селинкер называет этот феномен – "фоссилизацией (fossilization)" [Selinker, 1972, с. 217].

Две основных цели исследования овладения вторым языком заключаются в том, что необходимо: "(1) определить грамматические знания второго языка учащихся, то есть выявить компетентность в строении интерязыка; (2) подробно рассмотреть как интерязык развивается со временем, от исходного к конечному, обычно окаменелому состоянию (фоссилизации)" [Lakshmanan, Selinker, 2001, с. 393].

По мнению М.Н. Цылина, "некоторые исследователи, такие как Адджеман, предполагают, что интерязык следует анализировать как языковую систему, в которой существуют свои правила, закономерности. Они также отмечают, что если бы учащимся удалось разработать правила этой языковой системы, им было бы проще справиться с ошибками в изучаемом языке. И, наоборот, Андерсен считает, что невозможно писать правила системы интерязыка, поскольку интерязык учащихся постоянно изменяется" [Цылина, 2015, с. 117]. На наш взгляд, и те, и другие авторы согласны с концепцией, согласно которой интерязык является языковой системой, где правила могут быть описаны и обобщены.

Каждый учащийся, независимо от психологического типа, будь то интроверт или экстраверт, представляет индивидуальную языковую личность, у которой есть свой собственный и уникальный интерязык, но этот интерязык не является сочетанием беспорядочных явлений языка в целом. Действительно, на любом этапе обучения иностранному языку интерязык представляется достаточной

отличающейся системой. Несмотря на его изменчивость, исследователи выделяют основные правила использования интерязыка иностранными учащимися с помощью теста или анализа текстового корпуса. Они используют в конкретном случае те или иные правила функционирования языка, исходя из системы правил языка в целом так же, как носители языка основывают свои правила, исходя из интернализированных знаний, которые характерны для системы родного языка. Нередко встречается, что учащиеся могут вести себя "грамматически" неправильно, так как формально следуют правилам интерязыка.

Следовательно, внимание исследователей должно быть сосредоточено на языковой структуре учащихся, которая может объяснить специфические свойства их интерязыка, так же как и их собственную логику. Другими словами, концептуализация термина "интерязык" началась с идеи анализа грамматических ошибок, затем фокус данного термина переместился на саму языковую систему, которую учащиеся строят перед тем, как начинают овладевать целевым лингвистическим знанием изучаемого языка.

1. Первый этап использования русских глагольных форм в интерязыке китайских учащихся

В русском языке есть несколько частей речи, одна из которых считается самой трудной для китайских студентов в процессе их обучения русскому языку – это глагол. Одна из причин здесь заключается, вероятно, в том, что русские глаголы спрягаются, а у китайских глаголов только одна форма, окончание которой никогда не меняется. Р.Е. Баранов определяет "глагол" как "часть речи, выражающую действие предмета во времени" [Баранов, 2015, с. 99]. Л.В. Озолина отмечает, что "части речи – это лексико-грамматические разряды слов, которые отличаются друг от друга не только рядом грамматических черт (изменяемостью и неизменяемостью, способом изменения, парадигматикой?), синтаксически – способами связи с другими словами и синтаксической функцией?, но и лексически" [Озолина, 2016, с. 211]. Использование русских глагольных форм китайскими учащимися, обычно проходит поэтапно: от неправильных до правильных или фоссилизации, то есть учащиеся постоянно неверно используют глагольные формы русского языка.

На начальном этапе у китайских учащихся словарный запас минимальный. Поэтому когда китайские учащиеся хотят описать то или иное движение, но ещё не овладели значением данного глагола, они часто используют имена существительные, чтобы объяснить такой же смысл, или не употребляют глаголы в предложениях. Например, если на русском языке: "Я сегодня с Вами работаю", то на интерязыке китайских учащихся может быть: "Я сегодня с Вами". Так как здесь отсутствует глагол, то в предложе-

нии на интерязыке китайских учащихся непонятно что они будут вместе делать.

Если китайские учащиеся не знают значение глагола "вставать", то вместо этого незнакомого глагола они могут сказать "кого нет на кровати". Это можно представить следующей табл.1:

Таблица 1.

На английском языке	He <i>gets up</i> at 7 o'clock every day.
На русском языке	Он <i>встаёт</i> в 7 часов каждый день.
На интерязыке китайских учащихся	Его уже <i>нет на кровати</i> в 7 часов каждый день

В таблице смысл предложения на русском языке "Он встаёт в 7 часов каждый день", и на интерязыке китайских учащихся "Его уже нет на кровати в 7 часов каждый день" похожи друг на друга. Но в последнем предложении нет движения, так как отсутствует глагол. Тем не менее это предложение на интерязыке китайских учащихся грамматически правильно.

Такое явление – уклонение от незнакомых правил изучаемого языка может считаться одной из стратегий изучения иностранного языка. На следующем этапе учащиеся сами осознают неподходящее использование имен существительных вместо глаголов. Тогда они пробуют найти какой-то глагол, который может выразить их смысл.

Таблица 2.

На английском языке	На русском языке	На интерязыке китайских учащихся	На китайском языке
I <i>get up</i> at 7 o'clock every day.	Я <i>встаю</i> в 7 часов каждый день.	Я <i>вставать</i> в 7 часов каждый день.	我每天 7点起床。
You <i>get up</i> at 7 o'clock every day.	Ты / Вы <i>встаёшь / встаёте</i> в 7 часов каждый день.	Ты / Вы <i>вставать</i> в 7 часов каждый день.	你 / 你们每天 7点起床。
He / She <i>gets up</i> at 7 o'clock every day.	Он / Она <i>встаёт</i> в 7 часов каждый день.	Он / Она <i>вставать</i> в 7 часов каждый день.	他 / 她每天 7点起床。
We <i>get up</i> at 7 o'clock every day.	Мы <i>встаём</i> в 7 часов каждый день.	Мы <i>вставать</i> в 7 часов каждый день.	我们每天 7点起床。
They <i>get up</i> at 7 o'clock every day.	Они <i>встают</i> в 7 часов каждый день.	Они <i>вставать</i> в 7 часов каждый день.	他们每天 7点起床。

2. Второй этап использования русских глагольных форм в интерязыке китайских учащихся

На втором этапе изучения русского языка почти все китайские учащиеся используют инфинитивы глаголов вместо соответствующих глагольных форм. Это связано также с тем, что в китайском языке не существует спряжения глаголов. Другими словами, у китайских учащихся нет таких языковых навыков и умений как, например, изменение глаголов. Для них *глаголы = инфинитивы* глаголов.

В табл.2. показывается использование инфинитива глагола "вставать" на данном этапе в интерязыке китайских учащихся:

В таблице форма глагола "вставать" (“起床”) на китайском языке не меняется. На английском языке меняется только в третьем лице. В то же время на русском языке форма глагола меняется в зависимости от лица и числа подлежащего. В китайском языке в предложениях настоящего времени формы глаголов не меняются в зависимости от лица подлежащего, то есть в китайском языке нет понятия спряжения глаголов. Поэтому мало кто из китайских студентов, начинающих изучать русский язык, обладает умением спряжения русских глаголов. Особенно когда они говорят на русском языке, то практически не успевают использовать правильные формы глаголов.

Интерязык китайских учащихся в устной и письменной речи формируется и развивается одновременно.

В целом интерязык в письменной речи развивается быстрее, чем интерязык в устной речи. Поэтому на начальном этапе изучения русского языка китайские учащиеся изъясняются с помощью интерязыка, глагольные формы которого не меняются. Из этого следует, что в данный период они всегда используют инфинитивы глаголов вместо необходимых глагольных форм. При этом в письменной форме студенты допускают меньше ошибок, так как во время написания теста на русском языке у китайских учащихся есть время, чтобы подумать и использовать правила и закономерности русского языка.

3. Третий этап использования русских глагольных форм в интерязыке китайских учащихся

На третьем этапе в сознании китайских учащихся уже есть понимание спряжения глаголов. Но им ещё трудно спрягать глаголы 2-ого спряжения как, например, говорить/любить/готовить т.д.. На данном этапе они только начинают пробовать спрягать глаголы 1-ого спряжения, такие как слушать/помогать/изучать т.д., но, всё равно, часто используют несоответствующие личные спряжения глаголов вместо правильных глагольных форм в их интерязыке.

Так, в следующей таблице спряжения глаголов в интерязыке китайских учащихся и лицо подлежащего данного предложения не соответствуют друг другу.

На английском языке	He gets up at 7 o'clock every day.
На русском языке	Он встаёт в 7 часов каждый день.
На интерязыке китайских учащихся	Он встаёшь/встают в 7 часов каждый день.

Спряжение глаголов является одной из самых трудных частей для китайских учащихся в процессе изучения ими русского языка, так как глаголы в китайском языке не меняются с изменением лица подлежащего. В процессе изучения английского языка китайские учащиеся производят такие же предложения как "I goes to school", "Victor sing well". Такое явление (неправильные личные спряжения глаголов) считается не грамматическими ошибками, а интерязыком учащихся иностранному языку.

4. Четвертый этап использования русских глагольных форм в интерязыке китайских учащихся

Р.Е. Баранов определяет вид как "признак глагола, выражающий некоторые особенности протекания описываемого им действия, например, наличие указания на предел действия, начало или окончание действия, ограниченность его во времени, прерывистость и другие особенности" [Баранов, с. 99].

На данном этапе китайские учащиеся знают, что у большинства русских глаголов есть два вида – совершенный вид, несовершенный вид. Вопрос заключается в том, что они часто смешивают, когда нужно использовать совершенный вид, а когда несовершенный. Так, например, из следующей таблицы видно, что китайские учащиеся для описания повторяемого движения используют совершенный вид глагола.

На английском языке	He gets up at 7 o'clock every day.
На русском языке	Он встаёт в 7 часов каждый день.
На интерязыке китайских учащихся	Он вставал в 7 часов каждый день.

"Интерязык – это своего рода мост между родным и изучаемым языком, через который обязательно проходят иностранные учащиеся" [Шаклеин, Чжэн Цяньминь, 2017, с. 171]. Это можно представить следующим образом (см. рис. 1.).

В табл. 3. показывается динамичность интерязыка китайских учащихся в процессе изучения ими русского языка. Вероятно, "динамичность связана с тем, что интерязык является системой прогрессивной, а не статичной. Эта система продолжает развиваться с углублением изучения языка.

В данном процессе существующая система развивается, когда учащиеся усваивают новые знания" [Чжэн Цяньминь, Шаклеин, 2017, с. 271].

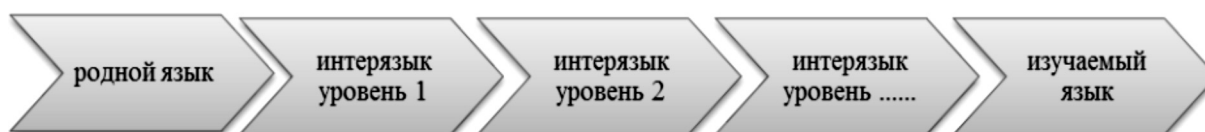

Рисунок 1.

Таблица 3.

Интерязык китайских учащихся– 1 уровень	Интерязык китайских учащихся– 2 уровень	Интерязык китайских учащихся– 3 уровень	Интерязык китайских учащихся– 4 уровень	Интерязык китайских учащихся– 5 уровень
Отсутствие глаголов / имена существительные вместо глаголов	Инфинитив глаголов вместо соответствующих глагольных форм	Несоответствующие личные спряжения глаголов	Неверное использование совершенного вида и несовершенного вида глаголов	Правильные глагольные формы изучаемого языка/фоссилизация
Его уже нет на кровати в 7 часов каждый день.	Он вставать в 7 часов каждый день.	Он встаёшь/встают в 7 часов каждый день.	Он вставал в 7 часов каждый день.	Он встаёт в 7 часов каждый день.

В последней таблице представлено описание развития основных русских глагольных форм в интерязыке китайских учащихся. Тем не менее в интерязыке этих учащихся используются в той или иной мере одновременно 1–4 уровни, особенно это касается глагольных форм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По мнению авторов, интерязык является гипотетической языковой системой учащихся в процессе овладения ими вторым языком, которая представляет собой логическую систему, имеющую свои особенности и признаки. Поэтому внимание исследователей должно быть сосредоточено на языковой структуре учащихся, которая мо-

жет обосновать и объяснить не только специфические свойства их интерязыка, но и их собственную логику.

Проведённый анализ процедуры изучения русских глаголов китайским учащимся позволил авторам настоящего исследования предположить, что овладение русскими глагольными формами проходит через ряд этапов, которые свидетельствуют о динамичности интерязыка: отсутствие глаголов / имена существительные (вместо глаголов); инфинитив глаголов (вместо соответствующих глагольных форм); несоответствующие личные спряжения глаголов (вместо правильных глагольных форм); неверное использование совершенного и несовершенного вида глаголов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаклеин В.М., Чжэн Цяньминь, Интерязык: в поисках уточнения термина. – Екатеринбург: Международный научно-исследовательский журнал № 5 (59) Часть 1, 2017. – С. 170–175. Doi: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.59.011>
2. Selinker L. Interlanguage, IRAL. International Review of Applied Linguistics in Language Teaching, 10 (1–4), 1972. – P. 209–232. Doi: <https://doi.org/10.1515/iral.1972.10.1-4.209>
3. Пилипчук С.В., Психологические аспекты преподавания иностранному языку на основе "интерязыка" в начальной школе: автореф. дис. ... канд. псих. наук: 19.00.07: защищена 16.05.06 / Пилипчук Светлана Васильевна. Моск. гос. открытый пед. ун-т им. М.А. Шолохова. – Хабаровск, 2005. – 22 с.
4. Lakshmanan U., Selinker L., Analysing interlanguage: how do we know what learners know? – Lodon: Second Language Research Journal № 17 (4), 2001. – С. 393–420. Doi: 10.1177/026765830101700406
5. Цылина М.Н., Interlanguage transcends second language acquisition. Профессиональное образование: материалы девятой международной научно-практической конференции. – Нижний город: Нижегородский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации", 2015. – С. 116–129.
6. Баранов Р.Е., Пособие по русскому языку с основами языкознания. – Москва: МПГУ, 2015. – 149 с.
7. Озолина Л.В., Соотносительность форм глагола в русском и орокском языках (причастие, деепричастие, особые формы глагола). – Новосибирск: Сибирский филологический журнал № 2, 2016. – С. 211–221. Doi: 10.17223/18137083/55/22
8. Чжэн Цяньминь, Шаклеин В.М., К вопросу исследования интерязыка. – Горно-Алтайск: Международный научный журнал "Мир науки, культуры, образования" № 4 (65), 2017. – С. 269–272.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХРОНИКАЛЬНОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

ARTISTIC AND PICTORIAL FEATURES OF THE CHRONICLE OF MODERN RUSSIAN AND NORTH CAUCASIAN LITERATURE

Z. Chukueva

Annotation

This article describes the means of expressiveness and deepening of authenticity in modern event-chronicle prose, the stylistic bordering of speech acts is also applied. The syllable of the event-chronicle text is often colloquial, the writer recreates some kind of "conversational", sometimes even "street", perhaps ragged, emotionally-driven speech; and with an orientation to the previous, sometimes latent, subconscious speech pointing at the contextual communication. Due to this, reliability is achieved by means of the maximum accurate translation of speech (syntactic and lexical) signs of dialogues and monologues of characters. At the same time, the personification of voices is smoothed, and this informs the stylistic similarity, the unity of this choral text. Thus, the documentary nature is embodied in the literary method, called polyphonic construction.

Keywords: event-chronicle prose, documentary, poets and writers of the twentieth century, historical epic, leaders of the revolution.

Чукуева Зарема Нажмудиновна

К.филол.н, доцент,

Чеченский государственный
педагогический университет

Аннотация

В настоящей статье описываются средства выразительности и углубления подлинности в современной событийно-хроникальной прозе, также применяется стилистическое окаймление речевых актов. Слог событийно-хроникального текста нередко разговорный, писателем воссоздается некоторого рода "беседная", иногда даже "уличная", возможно оборванная, эмоционально-запруженная реплика; причем с ориентацией на предыдущую, порой скрытую, подсознательную указывающую на затекстуальную коммуникацию. Благодаря этому достоверность завоевывается посредством предельно меткой трансляции речевых (синтаксических и лексических) признаков диалогов и монологов действующих лиц. Одновременно персонификация голосов сглаживается, а это сообщает стилистическую схожесть, единство данному хоровому тексту. Таким образом, документальность воплощается и литературным методом, называемом полифоническое построение.

Ключевые слова:

Событийно-хроникальная проза, документальность, поэты и писатели XX века, историческая эпика, вожди революции.

Литература с ориентацией на документальную основанность уже во второй половине прошлого века активно и усиленно развивала свою постсоветскую деятельность. Она выступила орудием разгрома устоявшихся ложных социально-исторических преданий, стандартов и идеализированных сказаний, к примеру, о вождях революции, о Сталине, Троцком, Бухарине, о старых революционерах и о "врагах народа".

На избавляющуюся от соцреализма литературу масштабно наступало полотно настоящей хроники, либо углубленное освещение бытийно проторенной колеи. Данное действо исполняла череда талантливых отечественных авторов первой половины XX века, частная жизненная доля которых вгонялась в пределах преследований, террора, присутствия на грани смерти, а злободневная и созидательная точка зрения их весьма нередко оборачивалась собственной гибелью – физической и творческой: это О. Мандельштам, Б. Пастернак, А. Ахматова, М. Цветаева, С. Есенин, И. Бабель, А. Солженицын, В. Шаламов и другие.

В ходе последующего разгрома соцреалистических легенд А. Платонов безапелляционно отличался от В. Гроссмана, В. Гроссман – от Б. Ямпольского, В. Дудинцев – от Ю. Трифонова, С. Липкин – от Б. Пастернака, С. Булгаков – от Е. Замятина, А. Солженицын – от В. Шаламова, Н. Берберова – от А. Ахматовой, Вл. Набоков – от Г. Газданова. Дабы подыскать механизмы к "виртуальной яви", необходимо было изначально начать повествовать элементарно, излагая хотя бы бытийные эпизоды. Выдумка обязана была снова, как это не однажды уже случилось в прозе, загрузиться силой факта для того, чтобы возратить потерянное читательское уважение.

В произведениях конца прошлого века, посвященных войне, нередко применяется такой метод трансляции документального материала, как включение соответствующих прямых данных (сводки, архивные документы, приказы, репортажи и т.д.). Данное начало многократно способствует усложнению восприятия авторов в качестве полноценных историков их времени, преимущественно в приближенные к соцреализму годы, то есть во время не-

желательных исторических изысканий или идеологических простраций. Настоящее требование ("писать прямо") соотносится с требованием фиксировать реальность "прямо с голоса".

Данный метод включения документальных свидетельств подлинности изложения в сегодняшней, особенно военной, прозе эффективно применим. Причем нередко его специфическим качеством оказывается "бездоказательная ссылка", поскольку писатели чаще извещают читателя о том, что информация обретаема из некоторой агитки, схвачена по радио, поймана из диалога и т.д.

Более того, они в сопровождении собственных изложений дискутировали. Подобного рода имевшиеся в наличии позиционные разногласия воплощают явное и очевидное изображение созидательной мастерской автора, помогают осознать особенность системы его документального повествования.

Как средство выразительности и углубления подлинности в современной событийно-хроникальной прозе также применяется стилистическое окаймление речевых актов. Слог событийно-хроникального текста нередко разговорный, писателем воссоздается некоторого рода "беседная", иногда даже "уличная", возможно оборванная, эмоционально-запруженная реплика; причем с ориентацией на предыдущую, порой скрытую, подсознательную указывающую на затекстуальную коммуникацию. Благодаря этому достоверность завоевывается посредством предельно меткой трансляции речевых (синтаксических и лексических) признаков диалогов и монологов действующих лиц. Одновременно персонификация голов сглаживается, а это сообщает стилистическую схожесть, единство данному хоровому тексту. Таким образом, документальность воплощается и литературным методом, называемом полифоническое построение.

Через подобных доказательных показаний является собой полноценное и внушительное содержание романа современного отечественного автора М. Алексеева "Мой Сталинград" ("Роман-газета", 1993). Юный боец Красной армии буквально тронулся умом, застав страшный момент разрыва бомбы, дающий миру безжизненные тела его однопольчан. Одновременно писательский опыт не разрешил М. Алексееву в книге "Мой Сталинград" удержать изложение в жестком документально-автобиографическом тоне. Выходит, что автор существует в тексте в двух ипостасях: автора-персонажа и автора-повествователя. Текст выступает на рубеже художественной и нехудожественной словесности. В первом случае здесь имеется художественная огранка слога, вымышленность коммуникативных актов, портретирование персонажей, во втором – присутствует масса истинных деталей испытанного автором на сталинградской территории. Причем детали подобного рода воссоздаются документально верно, отважно и незаурядно постигаемо, поскольку современному читателю известен весь тот тягостный и нажимающий быт, главенствовавший в советском обществе.

Граница 90-х гг. немалым числом сжившихся с советской реальностью людей осознается по психологически-окрашенной схеме, что вызывает даже в документально-окрашенной прозе эмоциональную передачу темы ушедшего бытия, доскональное изображение его подробностей и пр.

Так, применительно к современной документально-окрашенной прозе Л. Петрушевской ("Время ночь", 1992) при всей пунктуальности, с которой писательница воссоздает множество тягостных будничных факторов, изображает она, видимо, не столько личность, сколько как раз данные факторы, то есть не столько его внутренний мир, сколько физический его покров. Либо, к примеру, в еще более современной прозе 2000-х гг. Дм. Шеварова реальный мир отечественного региона непостоянно, но иногда реставрируется в тональности "тоска по идиллии". Документализированность повествования осуществляется через деталь и метафоры, выстроенные на временных подробностях. Здесь у него в малой прозе даже нищета воспринята словно через щель, издали; посредством этого очерчивание вещественных составляющих практически скрупулезно верно; однако при этом чувственная явь (снег, небо, река) прозы Дм. Шеварова выступает фактически вне поры. Отсюда, видимо, подобная приверженность авторов к сбору особенностей таких моментов: так, у Л. Петрушевской – начиная от пустых тарелок, дыр и разнообразных пятен и завершая многочисленными разводами, абортами и брошенными детьми. В связи с этим изображение крайне детализировано, так как собственно это тщательное накопление обломков минувшего передает автору (и читателю) чувство ее действительности. Только гармоничное соединение анализа и синтеза дает полное и глубокое познание действительности, а значит и составляет предпосылку отражения ее во всей полноте, сложности и многогранности. Таким образом, здесь делаются выводы о том, что современная детализированность событийно-хроникальной прозы ориентирует читателя на то, чтобы он ощущал ее словно в фокусе нынешней (либо, возможно, и минувшей) ужасающей реальности, наступающей точно отовсюду.

В пределах выделяемой нами событийности применительно к чеченским писателям рубежа XX – XXI вв. допустимо вести речь о выборе ими сегодняшнего объекта, показывающего своим появлением случающиеся рядом с авторами милитаризированные факты.

Широкая всеохватность и зависимый от нее многослойный уклад проблематики, включающей периоды от сегодняшнего дня до времен Шамиля, от глобальных актов взаимодействия и исторического движения народов на крутых поворотах национальной судьбы до творчества конкретного писателя, предначертала многоголосие повествования, в котором писатель вырастает и как литературовед, и как историк, и как публицист.

Текущей тематике адресована историческая эпика (разных размеров) Н. Музаева, М. Мусаева, Д. Дадаше-

ва, У. Ахмадова, Х. Саракаева и др. Непосредственно же в новейшем тысячелетии имеющие писатели более расположены к жанровому типу рассказа–случая, близкого к документальной прозе. Таковы, например, рассказы "Чечен–гексоген" А. Давлетукаева ("Вайнах", 2004, №7), "Телевизор" Т. Чагаевой ("Вайнах", 2004, №10); С. Мусаева – "Перед рассветом" ("Вайнах", 2005, №9), "Абрикос" ("Вайнах", 2006, №6), "Поездка" ("Вайнах", 2006, №8), М. Хасаевой "Под проливным дождем" ("Вайнах", 2006, №1), И. Айбаева "Заложник" ("Вайнах", 2009, №1) и т.д. Непосредственно любой из вышеназванных писателей на собственный взгляд настраивает проблему выработки социально–этической точки зрения персонажа в действующем мире. Они скованы склонностью зафиксировать драматические отрывки военной или послевоенной реальности. А такая тенденция подтверждает немалый вероятный потенциал чеченского словотворчества.

Подобного рода виртуальное растворение читателя в галерее размышлений и эмоций персонажа завоевывается как раз посредством излияния его эмоциональной и насыщенной речи от первого лица. Как раз аналогичного типа средства изображения энергично применяются и в рассматриваемой прозе чеченского автора А. Айдамирава.

В частности, излагая и цитируя в повести "Калужский пленник" одно из обращений имама Шамиля (1812 г.) к народу, писатель позволяет читателю постичь частности речи, заверившей чеченцев твердо стать и стойко стоять в обороне своих земель.

Непосредственно семантика здесь виделась и понималась как хроникально–справедливая, как историческая истина о явлениях, действиях и персонах 20–х, 30–х, 40–х, 50–х, 60–х гг. XX в., являя собой противоположение так называемой "псевдоистории", неправды, которой были наполнены официальные советские документы–установки.

После разрушения всей имевшейся константы советской идеологии последователи в 90–е гг. с неповторимой, практически карикатурной яркостью определяют направление и динамику более общих движений. "Прошлое" оказалось впереди, а не позади, и к нему надо было стремиться. Достаточно указать на то, что и сами задачи идейного разрушения – что именно разрушается, как разрушается – определяются каждый раз той общественной средой, в которой случается существовать и творцу, и читателю.

Менялась перспектива, рушилось мироздание. В оптимально выработанной, но и до границ заостренных конфигурации вся данная литературная историософия и художественная антропология обретают выработку и последующую переориентацию в историко–патриотической продукции уже 1990–х годов. В случае с отечественной прозой настоящего периода, можно сказать, что наиболее динамичной ее особенностью как раз и явилось избавление от миропониманий.

В такой же степени могучей в литературном течении последних десятилетий выступила и литература русско–зарубежья: произведения В. Набокова, И. Шмелева, Б.К. Зайцева, А. Ремизова, М. Алданова, А. Аверченко, Вл. Ходасевича и многих других русских авторов, вернувшиеся в Отечество. "Возвращенная литература" и литература Метрополии, в конце концов, объединяются в одно русло русской литературы XX века. Однако при размышлениях о возвращающихся на родину писателях исследователи (Н. Иванова, ВЛ, 2000–е гг.) в первую очередь поворачиваются к грандиозной личности А. Солженицына, считая его даже одним из самых пропитанных идеями современных авторов. Не представляя современный срез, именно "возвращенная" проза существенно влияет на читателя, определяя его вкусы и пристрастия. Воспроизводит уже знакомые общественно–политические и духовно–нравственные категории автор не посчитал нужным, и тогда А. Солженицын, продолжая пресеченные прежде усилия искреннего идеологического рассуждения, понемногу погружается в сопредельные литературные площадки, воспламенившись собиранием собственной "Литературной коллекции", статьями и эссе, адресованными скорее поэтике, чем идеологии, то есть художественным качествам того или другого предпочтенного им объекта.

А.Солженицын по–прежнему занят написанием идеологической публицистики, однако его произведение "Россия в обвале" перестало провоцировать незапамятное беспокойство у читателя, оно воспринимается массами безмятежно, порой – "с холодком", поскольку комплект авторских представлений и раздумий предсказываем, практически известен. Показанная подобным образом событийная хроника для читателей предрешена, и прочие ее модификации, по сути, иные воззрения на историю, несбыточны.

Как отмечает современный исследователь И. Сушлина, "Под мощным натиском первоклассных произведений прошлого, впервые широко доступных отечественному читателю, современная литература как будто замирает, пытаясь в новых условиях осознать самое себя" [1; 112].

В принципе положение не изменилось и с воспитательной функцией литературы постсоветских годов, но жизнь придала всему этому содержанию иной характер, поставила литературу перед необходимостью поисков новых художественных решений, форм и средств при обращении к "традиционной" для нее проблематике.

В описываемой фабульной традиции, которую можно систематизировать посредством схемы "смерть – жизненная философия", прослеживается отдельная социально–обусловленная закономерность, характерная для событийно–хроникальной прозы А. Айдамирава. В частности, оставшийся в пределах направленного на ссылку хутора Абдул–Азим ключевой собственной обязанностью в тот момент и на том месте считает организацию захоронений для односельчан.

В иной среднеобъемной эпике А. Айдамирова "Калужский пленник" аналогично в начале центральный персонаж внутренне разговаривает сам с собой, рассматривая мобильность и скоротечность людского существования, а также неминуемость и неизбежность безальтернативного прихода кончины: "Где шагом, а где ползком стремится он вперед, к лучшей, по его мнению, жизни. На самом же деле – к старости и смерти. Упорно не видя маячащей впереди смерти даже тогда, когда она уносит родных и близких, молодых и старых" [2; 199]. Или персонаж иного из анализируемых нами творений А. Айдамирова – лишавшийся сына старик (рассказ "В день смерти сына"), каковой, опасаясь посмотреть в зеркало на себя, усыпанного белизной, с ужасом дожидается посещения кончины.

Невзирая на то, что между названными действующими лицами присутствует колоссальное отличие (пожилая деревенская женщина, старец и грозный имам Кавказа Шамиль), при всем том заключения об относительности всего сущего захватывают их всех троих. И это весьма объяснимо, особенно применительно к горской женщине, так как уже в зачине повести "Один день судьбы" автор продолжает давать представление об уже упоминавшейся в посвящении, одной из самых кровавых акций советской власти на Кавказе – массовом выселении чеченского народа. "Эта горькая участь постигла не только матерей – чеченок и ингушек, – писал Д.Межидов. – такими же терзаниями и муками жили матери всех советских солдат, "с кровавых не пришедших полей". Поистине, как говорит В.Солоухин, "язык человеческих страстей интернационален" [3; 43].

Следовательно, по в силу осуществленного нами ранее анализа событийно-хроникальных творений чеченского писателя А. Айдамирова несомненным делается присутствие в нем такого узлового жанрового качества документалистики, как событийность, пропитанная хронологическими и сегодняшними явлениями.

Так, периодически в произведениях малой, средней и большой прозы автор не забывает напоминать читателю имевшуюся в советском обществе и остающуюся актуальной сегодня предубежденность соседних народов к кавказским представителям. И непосредственно имеющиеся эпизоды кавказофобии и антикавказской предубежденности порицает А. Айдамиров, изображая предприимчивую и инициативную активность чеченского общественика Абдул-Азима. Этот персонаж, в процессе беседы по поводу имевшей место тогда борьбе за власть, растолковывает, что в те годы с одной стороны выступали значимые для нации коммунисты, с иной – оппозиционные ино-партийцы; причем все они, автономно от их взаимоотношений обязательно сливались друг с другом в анти-чеченской позиции.

"Чеченскому писателю приходилось и по сегодняшний день приходится лавировать между необходимостью подлинной объективации истории своего народа, оценки ее бед и несчастий, даже позитивного начала в ее мировоззрении и искусно-иезуитски внедренным в сознание местной интеллигенции, местного читателя в вопросах национального установкой только на позитив. Вместо того, чтобы штурмовать высоты литературного Олимпа, интенсифицировать процесс освоения мирового литературного опыта, он вынужден заниматься доказательством истины в жанре публицистики не столько в мировом масштабе – там и без нас знают что почем – сколько в масштабе российского обывателя" [4; 46].

Таким образом, именно с учетом данного рода требований на протяжении всего рассматриваемого периода событийно-хроникальной прозы, присоединяясь к этой (возможно, несколько вольной, но убедительной) цитате активного сегодня национального исследователя К. Султанова, делаем вывод о несомненном современном наличии мощных и убедительных тенденций документализма как в северокавказской прозе в целом, так и в чеченской, в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сушилина, И.К. Современный литературный процесс в России: Учебн. пособ. [Текст] / И.К.Сушилина. – М.: Изд-во МГУП, 2001. – 130 с.
2. Айдамиров, А.А. Собр. соч. в 6-ти тт. [Текст] / А.А.Айдамиров. – Т. 4. – Грозный: Книжное издательство, 2005. – 25 п.л.
3. Межидов, Д.Д., Алироев, И.Ю. Чеченцы: обычаи, традиции, нравы [Текст] / Д.Д.Межидов. – Грозный: Книга, 1992. – 287 с.
4. Султанов, К. Преемственность и обновление [Текст] / К.Султанов. – М.: Знание, 1985. – 64 с.
5. Султанов, К. Идеализация, развенчание и сопричастность: образ Шамиля как репрезентация национального самосознания в литературах Северного Кавказа [Текст] / К.Султанов// НЛО. – 2004. – № 70. – С. 246–272.
6. Шаззо, К.Г. На пути к новому качеству [Текст] / К.Г.Шаззо// Шаззо К. XX век: Эпоха и человек. – Майкоп: ОАО "Полиграфиздат "Адыгея", 2006. – 806 с. – С. 485–533.
7. Филиппов, В.В. Проблемы документализма в художественной литературе [Текст] / В.В.Филиппов // Русская литература. – 1978. – № 1. – С. 198–204.
8. Саболчи, М. Споры вокруг документальной литературы [Текст] / М.Саболчи // Иностранная литература. – 1965. – № 4. – С. 211–214.
9. Палиевский, П.В. Роль документа в организации художественного целого [Текст] / П.В.Палиевский // Проблемы художественной формы социалистического реализма. – Т. 1. – М.: Советская Россия, 1971. – С. 421.
10. Оляндер, Л.К. Документалистика о Великой Отечественной войне [Текст] / Л.К.Оляндер. – Львов: Свит, 1990. – 143 с.

ЭКСПЛИКАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Ян Лиюнь

Шанхайский университет
иностранных языков, Шанхай

EXPLICATION IN LITERARY TRANSLATION

Yang Liyun

Annotation

Explication is an important strategy in translation, especially in literary translation. This article is devoted to researching the strategy explication and revealing reasons for the use of this strategy. Equivalence is an important sign, which makes the translation different from other language activities, explication has a close connection with pragmatic equivalence. In the end, with comparison of literary works and their translations we will summarize specific methods of explication in literary translations.

Keywords: explication; cultural and linguistic asymmetries; pragmatic equivalence; specific methods of explication.

Аннотация

Экспликация является важным способом в переводе, особенно в художественном переводе. В данной диссертации исследуется стратегия экспликации и раскрывается причина использования экспликации в переводе. Эквивалентность является важным признаком, который отличает перевод от других языковых деятельностей, экспликация имеет тесную связь с прагматической эквивалентностью. В конце концов с помощью литературных произведений и их переводов обобщаются конкретные способы экспликации в художественном переводе.

Ключевые слова:

Экспликация; культурные и языковые асимметрии; прагматическая эквивалентность; конкретные способы экспликации.

ОБЗОР О СТРАТЕГИИ ЭКСПЛИКАЦИИ

В переводе переводчик является самым важным человеком, из-за расхождения культуры и языковых норм двух языков, переводчику иногда придётся адаптировать текст оригинала, чтобы текст перевода доступен для читателей переводящего языка (ПЯ). Исследование показывает, что экспликация представляет собой эффективный прием перевода, чтобы решать вопросы в художественном переводе.

В западной литературе под термином "explication" (экспликация) подразумевается операция по преобразованию текста перевода, обусловленная лингвистическими ограничениями языковых систем и культурным познанием. С 1958 года до сих пор экспликация как стратегия перевода получает дальнейшее развитие в переводе. Французские ученые Ж. П. Вине и Ж. Дарбельне в "Сопоставительная стилистика французского и английского языков" в 1958 году впервые выдвинули понятие экспликации, по их определению в данной книге, экспликация обозначает в тексте перевода добавление имплицитной информации, содержащейся в контексте или ситуации [1, с.81]. Но в основной перечень способов перевода авторы ее не включают.

В русской теории перевода часто встречаются термины, как объяснительный перевод, описательный перевод,

трансформация, прием добавления лексики и другие, эти термины имеют тесную связь с экспликацией. А.Д. Швейцер в своей книге "Перевод и лингвистика" определяет трансформацию "тенденция естественных к открытому, явному словесному выражению семантических компонентов" [6, с.275]. В.Н.Комиссаров тоже проводит подробное исследование экспликации. Он так определил экспликацию (или описательный перевод) в книге "Теория перевода (лингвистические аспекты)" "Это лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица исходного языка (ИЯ) заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение, т.е. дающим более или менее полное объяснение или определение этого значения на ПЯ. С помощью экспликации можно передать значение любого безэквивалентного слова в оригинале" [3, с.185].

Уже в 60-тых годах двадцатого века западные ученые отметили, что текст перевода в общем более длинный, чем текст оригинала. Китайские ученые давно уже осознают, что текст перевода более доступный для читателей, чем оригинал. Например, читатели, которые смогут одновременно понять работы оригинала Горького и работы китайского перевода, имеют такое впечатление: что текст перевода более длинный и доступный, чем текст оригинала. Китайский ученый Кэ Фэй проводит исследование корпуса английского перевода (китайский оригинал) и китайского перевода (английский оригинал), и обнаружи-

вает, что по сравнению с оригиналом, текст перевода выявляет особенность экспликации, тем самым показывает, что использование стратегии экспликации необходимо при переводе. По мнению Кэ Фэя экспликация как стратегия перевода обозначает не только трансформацию видов языковой когезии, но и добавление эксплицитной информации в текст перевода, которая помогает пониманию читателей ПЯ, и делает перевод более ясным и доступным [7, с.304]. Китайские исследователи уже давно осознают экспликацию в переводе, но они начали исследование после того, как западные ученые уже получили некоторые результаты. Можно сказать, что китайские ученые усовершенствуют теорию экспликации перевода.

В данной работе определение об экспликации в основном опирается на мнение Кэ Фэя, и одновременно с учетом мнения других ученых. Можно определить экспликацию:

1. В процессе перевода переводчики употребляет экспликацию сознательно и несознательно;
2. Экспликация имеет тесную связь с языковой и культурной спецификой двух разных языков;
3. Экспликация обозначает и добавление имплицитной информации, не выраженной в оригинале, и изменение необходимых элементов, которые помогают читателю понять текст перевода, чтобы текст перевода более доступен для читателей ПЯ.
4. Кроме семантической экспликации, надо учитывать когезию предложения, т.е. экспликацию средства когезии.
5. Цель экспликации заключается в том, чтобы облегчить и гарантировать понимание читателей ПЯ, которые не владеют исходным языком.

Причина использования экспликации
в художественном переводе

Литературные произведения являются набором культуры, языковой особенности, социального фона и других аспектов, таким образом, проблема в художественном переводе часто затрагивает проблему передачи языкового и культурного своеобразия в оригинале.

Межъязыковая и межкультурная асимметрия двух стран.

Культура представляет собой общественное явление, которое отличает людей разной национальности. Дать определение культуры – это трудный процесс, так как не существует универсальное определение. Например, толковый словарь Д.Н. Ушаков дает такое определение: Культура – совокупность человеческих достижений в подчинении природы, в технике, образовании, общественном строе [5, с.475]. Но толковый словарь Т.Ф. Еф-

ремова предлагает другое определение: Культура – совокупность достижений человечества в области общественно-интеллектуальных и производственных отношений. Совокупность таких достижений в определенную эпоху [2, с.560]. В процессе изучения языка лингвисты заметили, что язык – это не независимая система от окружающей действительности. Язык – одна из самобытных семиологических систем, являющаяся основным и важнейшим средством общения членов данного человеческого коллектива, для которых эта система оказывается также средством развития мышления, передачи от поколения к поколению культурно-исторических традиций и т.п. [4, с.11].

Язык является зеркалом культуры, в нем отражаются не только реальные условия жизни народа, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира [4, с.11].

Всем нам известно, что у каждой нации свой национальный язык и уникальная культура. В силу географических условий, философии и религии, обычая и этикета между русской и китайской культурой существует большая разница. И так культурные различия между Китаем и Россией безусловно проявляются в слове языка, то есть между двумя языками существуют безэквивалентное и неполноэквивалентное слова. Например, сорока в русской культуре часто связывается с говорливой женщиной, но в китайской культуре сорока обычно обозначает хорошую новость, поэтому в данной ситуации переводчику нужно эксплицировать культурные реалии в переводе.

Кроме отдельного слова с национальной спецификой, в переводе переводчик часто встречается с другим языковым выражением. В китайском языке, также в русском языке присутствует множество идиоматических выражений, в литературных произведениях писатели часто используют идиомы, чтобы сделать содержание литературных произведений более интересное, в идиоме включаются богатая культурная информация, культурная специфика и культурный фон. Так как идиома имеет сильную культурную специфику, поэтому при переводе идиомы переводчику нужно эксплицировать настоящее значение идиомы, а то читатели ПЯ скорее не понимают идиомы в тексте перевода.

Итак главной проблемой перевода является асимметрия двух языков – отсутствие однозначное межъязыковое соответствие. И в данной ситуации переводчику нужно адаптировать или эксплицировать текст оригинал, чтобы текст перевода более доступный для читателей ПЯ.

Коммуникативная импликатура
в художественном произведении

В своей статье "Логика и речевое общение" Г.П. Грайс впервые выдвинул термин "импликатура", он раздел конвенциональную импликатуру и коммуникативную импликатуру. В данной диссертации в основном исследуется коммуникативная импликатура. В своей работе "Logic and conversation" (Логика и речевое общение) Грайс впервые сформировал Принцип Кооперации, который состоит из четырех постулатов.

Максима количества:

1. Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется (для выполнения текущих целей диалога).

2. Твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется.

Максима качества:

1. Не говори того, что ты считаешь ложным.

2. Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований.

Максима отношения:

1. Не отклоняйся от темы.

Максима способа, это касается не того, что говорится (как остальные категории), а того, как это говорится, и включает несколько частных максим:

1. Избегай непонятных выражений.

2. Избегай неоднозначности.

3. Будь краток (избегай ненужного многословия).

4. Будь организован.

Несмотря на какую-то причину импликатура реально существует в речевом общении, опираясь на конвенциональные значения слова, принцип кооперации, ситуации общения, слушатель сможет понять настоящее значение говорящего.

Для говорящего и слушающего с одинаковым родным языком и культурой легко понять импликатуру, но в переводе из-за языкового и культурного препятствия существование имплицитной информации в текстах оригинала вызывает проблему ее адекватной передачи в переводе. В данной ситуации переводчику нужно передать не сказанное говорящего, а самое главное, подразумеваемое, переводчику в переводе придется добавить дополнительную информацию, которые отсутствуют в оригинале.

Вышесказанные только являются представительными факторами. Рассмотрев детально феномен экспликации в теории и на практике, мы пришли к заключению, что экспликация является общим явлением в переводе. Причины, побудившие переводчика к использованию экс-

пликации в переводе, могут быть культурными и лингвистическими. В художественных произведениях переводчику нужно учитывать, какие элементы можно сохранить, а какие нужно эксплицировать с учетом межъязыковой и межкультурной асимметрии, но никто не сомневается в том, что чем сложнее текст, тем больше переводчик будет эксплицировать текст.

Экспликация в художественном переводе
и прагматическая эквивалентность

В отличие от всех других видов языковой деятельности, для перевода самое главное – эквивалентность, эквивалентность обычно рассматривается как основной признак и условие существования перевода. Эквивалентность перевода связана с семантическим, синтаксическим, функциональным, коммуникативным, прагматическими факторами.

Любое высказывание обладает способностью не только передать информацию, но и оказать какое-то прагматическое воздействие, поэтому прагматический потенциал является важной частью высказывания. Большой вклад в развитие современного переводоведения внесли исследования прагматики, ориентированные на получателя перевода.

Многие ученые проводят исследование прагматической эквивалентности. Прагматика перевода определяется В.Н. Комиссаровом как "влияние на ход и результат переводческого процесса необходимости воспроизвести прагматический потенциал оригинала и стремление обеспечить желаемое воздействие на рецептора перевода"[3, с.383].

Известный американский лингвист Юджин Альберт Найда написали много статей и книг, связанных с переводом. Когда Ю.Найда занимался переводом Библии, он высоко оценил коммуникативный эффект перевода, т.е. прагматическое воздействие на читателей ПЯ. И одновременно Ю. Найда ввел концепцию "динамическая эквивалентность". По Ю. Найде "динамическая эквивалентность" определяется как "качество перевода, при котором смысловое содержание оригинала передается на языке-рецепторе таким образом, что реакция рецептора перевода в основном подобна реакции исходных рецепторов"[6, с.88]. Зато существует несколько определений о прагматической эквивалентности, но хорошие переводчики стараются так, чтобы читатели читали текст перевода, забывая о том, что перед ним перевод.

По некоторым ученым экспликация не вносит ничего нового в текст перевода, и иногда затуманивает суть и логику, и экспликация делает то, что должно оставаться скрытым, более ясным в тексте перевода, а это признак плохого перевода. Действительно, экспликация часто за-

трагивает замену, добавление слов, и другие способы трансформации, но иногда читатель ПЯ все же нуждается в помощи переводчика, поэтому экспликация неизбежна. Действительно, экспликация нарушает эквивалентность языковой формы, но если целью перевода является повышение уровня знаний читателей, углубленное понимание чужой лингвокультуры, то экспликация в переводе допустима, и в данном случае экспликация достигает цели коммуникации.

Конкретные методы экспликации в художественном переводе

Перевод как межкультурное взаимодействие предполагает не только передачу словами другого языка того, что было выражено на языке оригинала, но и преодоление межъязыковой и межкультурной асимметрии с помощью разных стратегий. В данной части будем рассматривать конкретные способы экспликации.

Дословный перевод с комментариями

Дословный перевод с комментариями является одним из популярных методов в переводе. Комментарий является важной частью переводного текста, с одной стороны, комментарий позволяет читателю узнать новые слова, с другой стороны, комментарий обеспечивает двуязычную коммуникацию в максимальной степени ясности. При передаче слова с национальными реалиями переводчик может использовать дословный перевод с комментариями, в маленьких комментариях переводчик может пояснить культурную реалию оригинала, чтобы читатели ПЯ смогли понять текст перевода.

Например:

Еще Анна не успела напиться кофе, как доложили про графиню Лидию Ивановну. Графиня Лидия Ивановна была высокая полная женщина с нездорово-желтым цветом лица и прекрасными задумчивыми черными глазами.

- Ну что, мой друг, снесли оливковую ветвь? - спросила графиня Лидия Ивановна, только что вошла в комнату.

- Да, все это кончилось, но все это и было не так важно, как мы думали, - отвечала Анна. - Вообще моя belle soeur слишком решительна. (Толстой, Анна Каренина)

安娜还没喝完咖啡，仆人就进来通报说，
李迪雅伯爵夫人到。李迪雅伯爵夫人又高又胖，
脸色憔悴枯黄，但生有一双美丽的若有所思的黑眼镜。

“嘿，我的朋友，您拿到橄榄枝了吗？”

(注：橄榄枝代表和平，

这里指给奥勃朗斯基夫妇调解成功一事)

李迪雅一走进房间就问。“是的，事情全部结束了，

但这一切也并不像我们原先想的那么严重，
”安娜回到。“总之，我嫂子也太死心眼了。”
(草婴，译)

Здесь графиня Лидия Ивановна не прямо спросила, Анна решила ли семейную проблему у брата, а спросила "Снесли оливковую ветвь". В западной культуре оливковая ветвь обозначает мир, поэтому даже графиня Лидия Ивановна не прямо спросила, но Анна уже знала ее скрытое намерение и дала ей правильный ответ. По мере культурного обмена между Китаем и западными странами некоторые китайские читатели узнают о значении оливковой ветви, но большинство читателей Китая в то время не знают значение данной культурной реалии, поэтому в китайском переводе переводчик добавляет комментарий и объясняет настоящую мысль графини Лидии Ивановны.

КОНКРЕТИЗАЦИЯ

Конкретизация – прием перевода, при котором слово с более широким значением заменяется словом с более узким значением. Конкретизация используется в тех случаях, когда замена слова его эквивалентом в ПЯ невозможна. Иногда значение оригинала очень отвлеченное, и читатели ПЯ скорее не известны, поэтому конкретизация помогает уточнять конкретное значение говорящего.

崔久峰慢慢地你就明白了。有那么一天，
你我都得作亡国奴！我干过革命，
我的话不是随便乱说的！

王利发那么，您就不想想注意，
卖卖力气，别叫大学做亡国奴？

崔久峰我年轻的时候，以天下为己任，
的确那么想过！现在，我可看透了，
中国非亡不可！

利发那也得死马当活马医呀！
(老舍，茶馆)

Например:

Уй. Постепенно поймешь. Настанет день, когда все мы станем рабами оккупантов! Я делал революцию и знаю, что говорю.

Ван. И вы ничего не предпримете, чтобы воспрепятствовать этому?

Цуй. В молодости я считал своим делом служить Поднебесной. Честное слово. А теперь понял: Китай обречен на гибель.

Ван. Но управлять страной все равно надо.

(Переводчик, Рождественская - Молчанова Е)

“死马当活马医” является китайским идиомом, по прямому он обозначает: зато лошадь уже мертвая, но надо лечить ее как живую лошадь. Потом данное выражение обозначает такое значение: уже не в состоянии вытащить из плохой ситуации, но люди все равно стараются превратить плохую в хорошую ситуацию. В данной ситуации Китай находится под давлением милитаристов и европейских держав, но Ван – один простой человек, он надеется на то, что революционеры как Цуй не потеряют уверенность. Здесь переводчик конкретизирует данное выражение, и переводит “死马当活马医” на “управлять страной все равно надо”, так как “死马” здесь обозначает Китай, и переводчик эксплицирует скрытое значение у Вана, и русские читатели смогут понять настоящее значение у Вана.

ДОБАВЛЕНИЕ СЛОВ

Прием лексических добавлений – прием перевода, который характеризуется использованием в тексте перевода единиц, которые отсутствуют или опущены в тексте исходного языка. По определению разных ученых об экспликации можно увидеть, что экспликация ориентируется на читателей ПЯ, цель экспликации заключается в достижении ясности, все приемы экспликации связаны, в первую очередь, с восстановлением имплицитного содержания на уровне контекста произведения, очень важным приемом перевода является добавление новых языковых элементов. Многие элементы смысла, остающиеся в оригинале невыраженными, подразумеваемыми, должны быть выражены в переводе с помощью дополнительных лексических единиц. У рецептора перевода нет подобных знаний семантических особенностей текстов оригинала, и для него подразумеваемый смысл должен быть раскрыт переводчиком. Таким образом, в художественном переводе добавление является одним из эффективных способов достичь прагматической эквивалентности.

Например:

她松了脚，熄了火，摘下手套，
抽打着方向盘，很不友好地看着他，
说：“妈的，幸亏肚子里没孩子！”
他怔了怔，讨好地说：“要是孩子就颠出来了！”
他马上感到这个女人无聊而浅薄，
根本不值得自己费神思。
于是他问：“你怀孕了吗？”
“我有毛病，盐碱地。”（莫言，酒国）

Женщина расслабленно вытянула ноги, заглушила двигатель, стянула перчатки, стукнула порулю и недружелюбно глянула на него:

- Мать его, хорошо, что ребенка в пузе нету! Вздрогнув, он проговорил, чтобы расположить ее:

- Будь там ребенок, его бы уже вытрясло!

.....

Стало ясно, что человек она никчемный и недалекий и вообще не стоит душевных затрат.

- А ты что, ребенка ждешь?

- Солончак я, вот беда. (переводчик, И. А. Егоров)

Это разговор между Дин Гоуэром и незнакомой женщиной, они про детей разговаривают.

Из контекста можно увидеть, что незнакомая женщина не беременная, она не дает прямой ответ на вопрос Дин Гоуэра “你怀孕了吗?”, а отвечает, что она – солончак. По определению сельского хозяйства солончак – тип почвы, характеризующийся наличием в верхних горизонтах легкорастворимых солей в количествах, препятствующих развитию большинства растений. В китайских литературных произведениях или в повседневных разговорах солончак иногда значит женщину, у которой нет способности рожать. В данном случае она намекает на то, что у нее болезнь, у нее нет детей. В русской версии переводчик не только пользуется буквальным переводом, еще он добавляет предложение “Вот и беда”, и русские читатели с помощью контекста и способность мышления и смогут выводить, что у данной женщины есть болезнь, поэтому у нее нет ребенка.

ЗАМЕНА

Лексическая замена – способ перевода слова, который используется тождественной ему номинативной единицы для передачи значения безэквивалентной единицы. Говорящий иногда использует фразеологизмы, идиомы с национальными особенностями, чтобы выразить разные эмоции, в данном случае переводчику можно использовать прием замены и заменять культурные реалии, чтобы облегчить трудность читателей ПЯ.

Например:

王利发我也那样！
我觉得请安比鞠躬更过瘾！
吴祥子哈哈哈哈哈！松二爷，
你们的铁杆庄稼不行了，
我们的灰色大褂反倒成了铁杆庄稼，
哈哈哈哈哈！（看见常四爷）
这不是常四爷吗？（老舍，茶馆）

Ван Лифа. И мне тоже. И потом, прежние поклоны куда красивее.

У Сянцзы (хочет). Я вижу, Сун Эрбе, ты не у дел, а наши серые халаты сослужили нам добрую службу.

(Увидев Чан Сье.) Уж не Чан Сье ли это?

(Переводчик, Рождественская-Молчанова Е)

В данном фрагменте У сказал, что

“你们的铁杆庄稼不行了，
我们的灰色大褂反倒成了铁杆庄稼”，

данное предложение обозначает, что Сун Эрье уже не имеет хорошую работу, а теперь он имеет хорошую работу. Здесь появляется национальная реалия –

“铁杆庄稼”。

В династии Цин были такие люди, которые принадлежали к разным знаменам, им не нужно работать, и можно в срок получить хорошую зарплату на всю жизнь, поэтому данная зарплата называется

“铁杆庄稼”。

В китайской культуре “铁杆庄稼” обозначает легкую работу с хорошей зарплатой на всю жизнь. Таким образом, У здесь намекает на то, что у него сейчас хорошая

легкая работа. Здесь переводчик использует стратегию замены, чтобы облегчить способность понимания читателей ПЯ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

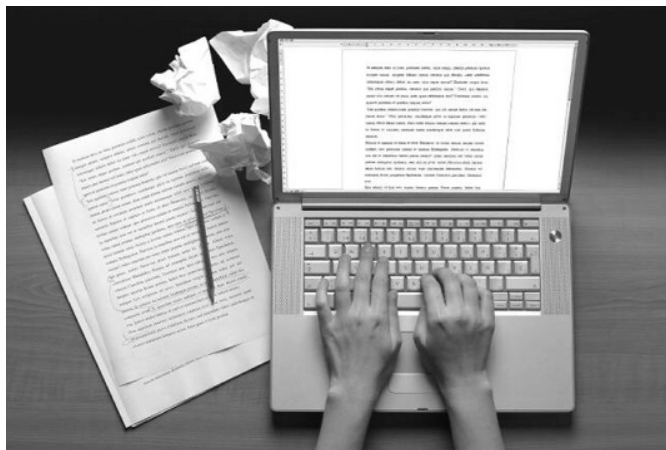
Экспликация с одной стороны, нарушает принцип семантической эквивалентности, но с другой стороны, экспликация гарантирует читаемость текста перевода и восприятие читателей ПЯ. В переводе переводчику можно использовать добавление слов, замену культурных реалий, комментариев и другие способы реализации экспликации, чтобы оказать одинаковый эффект читателю ПЯ. Но нам надо понимать, что в переводе нет абсолютной эквивалентности, потери неизбежны. В практике перевода мы часто используем разные методы перевода вместе, чтобы достичь наилучшей близости к эквивалентности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Klauy, Kinga. 2004. Explication [C]?M. Baker. Routledge Encyclopedia of Translation Studies. Shanghai: SFLEP. C.81.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. 1233 с.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. 253с.
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово / Slovo, 2000. 164с.
5. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. – М.: Альта-Принт, 2005. 1216с.
6. Швейцер А.Д. Теория перевода. – М.: Наука, 1988. 215с. 柯飞, 翻译中的显和隐[J]. 《外语教学与研究》, 2005年第4期. (Кэ фэй. Экспликация и импликация в переводе//Обучение и исследование иностранных языков. 2005, №4. С.304.

© Ян Лиюнь, { 957033309@qq.com }, Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Aleksandrov E. – Graduate student, Russian State Social University, Moscow

e-mail : evgenii.aleksand@mail.ru

Anchukov A. – St. Petersburg state art and industrial academy of A.L. Shtiglits

e-mail : Anchukov1@gmail.com

Anchukov S. – Russian state pedagogical university of A.I. Herzen, St. Petersburg

e-mail : Anchukov261@yandex.ru

Andropova E. – Senior teacher of department of a technique of complex forms of physical culture "The Russian state university of physical culture, sport, youth and tourism"

e-mail : ilya-kutin@yandex.ru

Arustamyan D. – Senior lecturer, Institute of Foreign Language of the RUDN University

e-mail : arusdiana@mail.ru

Baeva T. – North-Western State Medical University named after I.I.Mechnikov, Saint-Petersburg

e-mail : tamarabaeva@mail.ru

Bagirov A. – PhD in philology, Associate Professor of MGIMO University

e-mail : abuzar-bam@mail.ru

Baksheev A. – Krasnoyarsk state medical university named after professor V.F. Voyno-Yasenetsky, Krasnoyarsk

e-mail : baksh-ai@yandex.ru

Bogdanova Yu. – Candidate of philological Sciences, docent FSBEI HAU Northern Zauralye

e-mail : bogdanowa2907@mail.ru

Chekanova S. – Moscow State Institute of Foreign Relations, Ministry for Foreign Affairs of Russia

e-mail : s.chek@mail.ru

Chukueva Z. – Candidate of philology, associate Professor, Chechen State Pedagogical University

e-mail : turkdgpu@mail.ru

Desyatskaya S. – Moscow State Pedagogical University

e-mail : svetlanades@yandex.ru

Drygina I. – The Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk

e-mail : innadrygina@mail.ru

Ekskina O. – Teacher of the Military Academy of the Strategic Missile Forces, Peter the Great (a branch in Serpukhov, Moscow Region)

e-mail : varvsn-serp@mail.ru

Fedorova I. – Udmurt State University, Izhevsk

e-mail : sourirefr@gmail.com

Filippova A. – Pacific Higher Naval College named after S.O. Makarov, Vladivostok

e-mail : alina.filippova2013@yandex.ru

Filippova V. – The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk

e-mail : Filippovav@mail.ru

Galeeva M. – Kazan Federal University

e-mail : galeeva_mariyam@mail.ru

Gileva E. – PhD; Novosibirsk State Technical University (NSTU), Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences, SibSUTIS

e-mail : gileva885@mail.ru

Golushko T. – Candidate of psychological sciences, associate professor of physical training and health "Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration" (RANEPA)

e-mail : ilya-kutin@yandex.ru

Gorskaya N. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Smolensk State University

e-mail : gorskaya-n@yandex.ru

Guryanova-Grechko Yu. – Graduate student, Institute of philology and journalism of N.I. Lobachevsky, State University of Nizhni Novgorod

e-mail : grechko1988@mail.ru

Huang Dongjing – Doctor of Philology, professor, Institute of Russian language of Heilongjiang University

e-mail : huang_dongjing@hotmail.com

Huang Tinting – PhD student FEFU, lecturer Heihe University of China

e-mail : htt115@mail.ru

Ionova A. – Cand. Sc (Education), Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation

e-mail : anna.ionova@bk.ru

Ismailov A. – Candidate of historical sciences, professor, The states and rights of the Novosibirsk military Institute of. General of the Army IK Yakovlev, National Guard of the Russian Federation Chair

e-mail : mihail.ismailov@yandex.ru

Ivanova E. – FSBEI HE "Dagestan state University", Russia, Republic of Dagestan, Makhachkala

e-mail : n.omarova@yandex.ru

Khvostova I. – Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

e-mail : iri-khv@mail.ru

Kinderknecht A. – Perm National Research Polytechnic University

e-mail : a_kinderknecht@mail.ru

Kolganova E. – Candidate of pedagogical sciences, associate professor of physical training and health "Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration" (RANEPA)

e-mail : ilya-kutin@yandex.ru

Kondurov A. – Teacher of the Novosibirsk Higher Military command school, Novosibirsk

e-mail : mihail.ismailov@yandex.ru

Koshkina O. – Candidate of historical sciences, Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History named after V.M. Vasilyev

e-mail : koshkina_81@mail.ru

Kryakin E.Kryakin E. – Assistant of the Bauman Moscow State Technical University

e-mail : evgeniyasket@gmail.com

Kubacheva K. – North-Western State Medical University named after I.I.Mechnikov, Saint-Petersburg

e-mail : gabib101155@mail.ru

Kuraev A. – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of Tactics of the Novosibirsk Higher Military command school

e-mail : kam.mak2009@yandex.ru

Kutyin I. – Candidate of pedagogical sciences, associate professor of Institute of tourism and hospitality Institute of tourism and hospitality (Moscow), (branch) Russian the state university of tourism and service, Moscow, Russian Federation

e-mail : ilya-kutin@yandex.ru

Laptev A. – Graduate student of Smolensk State University

e-mail : laptev.ak1990@gmail.com

Lavrova I. – Candidate of historical, FSBMEE HE Academy of civil protection EMERCOM of Russia

e-mail : iralavrova@mail.ru

Levitskaya I. – Kuzbass state technical university of T.F.Gorbachev (Mezhdurechensk branch)

e-mail : levitskaya_ia@mail.ru

Livak N. – The Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk

e-mail : livak_ns@sibsau.ru

Lunev V. – The Siberian Federal University, Krasnoyarsk

e-mail : vladimir11@yandex.ru

Luneva T. – The Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk

e-mail : lunyowat.a.sibgtu@yandex.ru

Luykshin D. – Kazan Federal University

e-mail : Dmitryi.Lukshin@kpfu.ru

Makedonsky A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, State University of Land Use Planning, Russia, Moscow

e-mail : mav210659@yandex.ru

Mitriev I. – Kalmyk State University

e-mail : igormitriev@gmail.com

Muchlaev K. – Graduate student, Russian State Social University, Moscow

e-mail : brabus_mb1@mail.ru

Mukhametdinova A. – Candidate of historical Sciences, Kazan national research technological University, Bugulma

e-mail : Alhamu68@mail.ru

Myshekov T. – Municipal budget educational institution "secondary school № 41", Novokuznetsk, teacher of technology

e-mail : alex81rom@yandex.ru

Nabiev R. – Kazan Federal University.

e-mail : Blaide@rambler.ru

Nagiyev G. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Moscow Scryabin State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology

e-mail : hnagiyev@gmail.com

Nedobezhkin S. – Senior lecturer, Kazan national research technological University, Bugulma

e-mail : Alhamu68@mail.ru

Nikolaev D. – Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

e-mail : dmnikolaeff@mail.ru

Omarov O. – FSBEI HE "Dagestan state University", Russia, Republic of Dagestan, Makhachkala

e-mail : n.omarova@yandex.ru

Omarova N. – FSBEI HE "Dagestan state University", Russia, Republic of Dagestan, Makhachkala

e-mail : n.omarova@yandex.ru

Palashevskaya I. – Doctor of Sciences (Philology), Volgograd State University

e-mail : irina_777@volsu.ru

Potapova O. – North-Western State Medical University named after I.I.Mechnikov, Saint-Petersburg

e-mail : afterwards@mail.ru

Prokopenko R. – Postgraduate student of the Pacific National University

e-mail : 2009dv@mail.ru

Rakhinskiy D. – *Krasnoyarsk state agrarian university, Krasnoyarsk*

e-mail : siridar@yandex.ru

Rogatin V. – *Kazan Federal University.*

e-mail : Blaide@rambler.ru

Romanchuk A. – *Municipal budget educational institution "Starobachatskoe secondary school", the Kemerovo region, Belovsky district, p. Starobachaty, technology teacher*

e-mail : alex81rom@yandex.ru

Rostovtsev A. – *Candidate of technical Sciences, Professor, Novokuznetsk branch Institute of Kemerovo state University, Novokuznetsk*

e-mail : alex81rom@yandex.ru

Semenova V. – *North-Eastern Federal University, Yakutsk*

e-mail : semenova_ykt@mail.ru

Shaklein V. – *PhD in philology, professor, head of department of Russian language and its teaching method, People's Friendship University of Russia, Russia, Moscow*

e-mail : vmshaklein@bk.ru

Shepeleva Yu. – *Siberian federal university, Krasnoyarsk*

e-mail : lady-bomg@yandex.ru

Shilina E. – *Postgraduate student, State socio-humanitarian Institute, Kolomna*

e-mail : Evgeni-shilinaa@yandex.ru

Shimansky O. – *Teacher of department of physical training and health "Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration" (RANEPA)*

e-mail : ilya-kutin@yandex.ru

Shmukler S. – *Honored worker of culture of RF, associate Professor, Tyumen State Institute of Culture*

e-mail : donskey1351@mail.ru

Sidorova E. – *Candidate of Philology, senior teacher, Herzen State Pedagogical University of Russia*

e-mail : blueberry_nights@list.ru

Slobodzyan G. – *St. Petersburg State University*

e-mail : gregoryslonov@gmail.com

Stashenko S. – *Pedagogical Institute of the Pacific National University, Khabarovsk, Russia*

e-mail : sergei.s.85@rambler.ru

Stefanenko O. – *Of the "North-East state University", Magadan*

e-mail : Olga3125674@mail.ru

Steshin A. – *Competitor of SPSTL SB RAS, Senior Lecturer of the Novosibirsk Higher Military command school, Novosibirsk*

e-mail : anton_1976@mail.ru

Suvorov V. – *Archpriest, Master of Science, Candidate of Theology, Competitor of Scientific Degree of Doctor, Church Doctoral Studies Center of Saints Cyril and Methodius, Lecturer, Kolomna seminary, Kolomna, Russia*

e-mail : fr.vadim.suvorov@yandex.ru

Torshina A. – *Post graduate student, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg*

e-mail : anna-torshina@yandex.ru

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Tushkanov D. – *Volgograd State Socio-pedagogical University*

e-mail : tushkanov-dmitrii@rambler.ru

Voronkina M. – *Don State Technical University, Rostov-on-Don*

e-mail : voronkina_m@mail.ru

Wang Dan – *Postgraduate student, Pushkin State Russian Language Institute*

e-mail : innawang1991@gmail.com

Wang Ye – *Russian state pedagogical university of A.I. Herzen, St. Petersburg*

e-mail : bzwsy@mail.ru

Wu Meng – *Tambov State University named after G.R. Derzhavin*

e-mail : njwmm@mail.ru

Yanchenko D. – *Candidate of historical sciences, Associate Professor of the St. Petersburg State University*

e-mail : d.yanchenko@spbu.ru

Yang Liyun – *Shanghai International Studies University, Shanghai*

e-mail : 957033309@qq.com

Yatsenko M. – *Siberian federal university, Krasnoyarsk*

e-mail : mikhailyatzenko@yandex.ru

Yegorova N. – *The Urals State Pedagogical University, Ekaterinburg*

e-mail : nikitus2010@yandex.ru

Zaitseva A. – *Peoples' Friendship University of Russia*

e-mail : anna25_03_1995@bk.ru

Zheng Qianmin – *Postgraduate student, department of Russian language and its teaching method, People's Friendship University of Russia, Russia, Moscow*

e-mail : toujie@mail.ru

Zhurina I. – *Senior teacher of department of physical training and health "Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration" (RANEPA)*

e-mail : ilya-kutin@yandex.ru

Zubkova M. – *Teacher of the first category, Volgograd State Agrarian University*

e-mail : evstif@inbox.ru

Zyabirov R. – *Art. Lecturer of the RII, Kazan*

e-mail : radick.z@yandex.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе "Антиплагиат".

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно–практический журнал "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные – 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф–редактору научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" (e–mail: redaktor@nauteh.ru).